

№ 13 (184) 2014
Выпуск 22

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

**Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук**

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Издатель:
НИУ «БелГУ».

Издательский дом «Белгород».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-21121 от 19 мая 2005 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

О.Н. Полухин,
ректор НИУ «БелГУ», доктор
политических наук, профессор

Зам. главного редактора

И.С. Константинов,
проректор по научной
и инновационной работе НИУ «БелГУ»,
доктор технических наук, профессор

Ответственные секретари:

В.М. Московкин,
профессор кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ», доктор географических
наук, профессор

О.В. Шевченко

зам. начальника УНИД НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ЖУРНАЛА

Главный редактор серии

А. П. Короченский,
декан факультета журналистики
НИУ «БелГУ», доктор филологических
наук, профессор

Заместители главного редактора:

И. А. Нагорный,
профессор кафедры русского языка
и методики преподавания
историко-филологического факультета
НИУ «БелГУ», доктор филологических
наук, профессор

О. Н. Прохорова, директор Института
межкультурной коммуникации и между-
народных отношений НИУ «БелГУ», док-
тор филологических наук, профессор

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика

Психология

Belgorod State University

Scientific bulletin

Philology Journalism Pedagogy

Psychology

Содержание

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Фразеологические логоэпистемы: архетипы и символы.

Н. Ф. Алефиренко 7

Ономасологическая плотность текста (на примере составных наименований).

М. А. Дрога 14

Системная характеристика сложноподчинённого изъяснительного предложения.

Т. Н. Литвинова 20

Система функционально-семантических полей русских глаголов бытия и обладания.

О. В. Сеникова, Ю. А. Климова 27

Концепт «пространство» как объект современного знания в сопоставлении с данными языка фольклора.

Т.С. Соколова 34

Семантика и текстовые функции глаголов несовершенного вида в повести

А. П. Чехова «Скудная история». **Д. Н. Солдатова 40**

Структурные особенности русских фамилий с формантами на -ов / -ев и -ин.

С. В. Фуникова 45

К вопросу о языковых механизмах фразеологизации словосочетаний в русском языке.

Г. М. Шпицына, К. Ю. Коржевицкая 52

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Соматизмы «ventre», «dos», «main», «bras» и «doigt» в составе фразеологических африканизмов.

Ж. Багана 59

Своеобразие лексем-названий блюд баварского диалектного ареала.

Н. А. Калинина 65

Взаимодействие грамматических категорий вида и времени с категориальным значением глаголов fail, miss.

Е. А. Камышанченко 70

Языковые средства выражения политической корректности во французском политическом дискурсе.

Н. В. Кузнецова, Т. П. Карпухина 76

Лингвокультурологический аспект французских фразеологизмов (на материале лексико-фразеологического поля «внутренние органы человека»).

Н.И. Купина, Т.М. Шеховцева 84

Роман Н. Э. Гейнце «По трупам» и английский социально-криминальный роман: типологические сходства и жанровые трансформации.

И. А. Матвеевко 90

Структурная схема субъект – предикат – объект стремления, репрезентирующая фрейм «достижение успеха» (на материале английского языка).

Е. В. Машикова 99

Специфика художественного пространства в сборнике рассказов Рэя Брэдбери «В мгновение ока».

Н. П. Невзорова 106

Семантические особенности фразеологических единиц, вербализующих концепт управления в английском языке.

Т. В. Перуцкая, Ю. А. Дрыгина 114

Особенности репрезентации концепта «одобрение/похвала» в современном английском языке.

С. Н. Погочая 119

Когнитивное моделирование актуального значения фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «путешествие».

О. Н. Прохорова, Е. М. Шевченко 126

Лингвостилистические характеристики англоязычной академической (учебной) блогосферы.

Я. В. Трепак 133

И. Ф. Исаев,
заведующий кафедрой педагогики
НИУ «БелГУ», доктор педагогических
наук, профессор

В. В. Гребнева, заведующая кафедрой
психологии педагогического факультета
НИУ «БелГУ», кандидат психологических
наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

М. Геруля,
доктор гуманитарных наук, заведующий
кафедрой журналистики, профессор
Силезского университета, Катовице
(Польша)

*

К. Жиро,
доктор философии, профессор Барселон-
ского Автономного университета, директор
Департамента средств массовой информации,
коммуникации и культуры (Испания)

В. И. Лозовая,
доктор педагогических наук, профессор
Харьковского национального университе-
та, член-корреспондент Академии педаго-
гических наук (Украина)

У. Перси,
доктор филологии, профессор
Университета Бергамо (Италия)

А. А. Тертычный,
доктор филологических наук, профессор
факультета журналистики Московского
государственного университета

А. В. Фёдоров,
доктор педагогических наук, профессор,
проректор по научной работе Таганрог-
ского государственного педагогического
института, президент Российской
ассоциации медиапедагогики

Консультант

Е. А. Кожмякин,
заведующий кафедрой коммуникатив-
стики, рекламы и связей с общественно-
стью факультета журналистики Белгород-
ского государственного национального
исследовательского университета,
доктор философских наук, профессор

Ответственный секретарь

И. И. Карпенко,
доцент факультета журналистики
Белгородского государственного
национального исследовательского
университета, кандидат
филологических наук

Языковая политика в современном Марокко. **Д. В. Тупейко** 140

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Белгородская молодежная журналистика начала XXI века: тенденции развития, типология, проблематика. **А. М. Аткина** 145

Феномен «Аль-Джазиря» на ближневосточном и глобальном информационных рынках. **В. М. Виниченко** 156

Конструирование информационного пространства в спортивной медиакommunikaции России. **Е. А. Войтик** 167

Кубинское информационное агентство «Prensa Latina»: история, современное состояние, специфика профессиональной деятельности.

А. И. Губина 175

Массмедийный дискурс как объект научного описания.

Т. Г. Добросклонская 181

Репрезентация судебной власти в региональных СМИ: стратегии и социальные эффекты. **Т. В. Дубровская** 188

Университетский портал мнений: особенности функционирования (на примере Северо-Восточного федерального университета).

С. Н. Дьячковский, Н. А. Аргылов 196

Концептуальные парадигмы оппозитивной семантики в газетном дискурсе русского зарубежья. **Т. И. Краснова** 199

Мусульманская периодическая печать Дагестана и «арабская весна».

М. А. Курбанов 207

Игрофикация бренда в секторе B2P. **Е. Б. Курганова** 213

Периодизация творчества, тематико-идеологические и жанровые особенности публицистики П. Н. Ткачева. **В. Ю. Меринов** 218

Программная политика детских телеканалов в России: особенности распределения телевизионного контента в сетке вещания, жанрово-тематический состав, целевая аудитория. **М. С. Мыгаль** 223

Россия и россияне в медийных сообщениях Вацлава Радзивиновича, зарубежного корреспондента общественно-политической газеты «Gazeta Wyborcza» в Москве. **А. Пстыга** 234

Дискурс мобильности в современных коммуникациях. **О. Ф. Русакова** 245

Стратегия приближения к адресату в современном медиатексте.

Л. Н. Синельникова 253

О понятийной основе современной теории журналистики.

А. А. Тертычный 262

ПЕДАГОГИКА

Формирование профессионально направленных ИКТ-компетенций будущего учителя в условиях реализации требований нового ФГОС. **М. М. Абдуразаков, А. Х. Дзамыхов, М. А. Темирджанова** 268

Новый взгляд на механизмы конструирования физкультурно-оздоровительных технологий в образовательном пространстве современного вуза.

В. Л. Кондаков, А. А. Горелов 273

Личностно-развивающий диалог в развитии психологической культуры будущего специалиста. **С. И. Маматова** 283

Историко-цивилизационные и историко-педагогические предпосылки развития духовно-нравственного воспитания в России. **Н. Н. Гатилова, В. М. Меньшиков, А. Б. Хохлова** 288

Социально-педагогическая функция в воспитательной деятельности классного руководителя. **Д. И. Михайлова** 296

Технологическая модель развития профессиональной компетентности учителя-словесника полиэтнической школы в системе повышения квалификации.

Т. Б. Михеева 300

Образование как особая институциональная область культуры стран Западной Европы в конце XX века. **Н. В. Плаксина** 306

Речевое развитие учащихся в различных моделях начального образования.

Е. А. Хованская 313

Типы мышления студентов вуза с разным научным потенциалом

Е. В. Шитикова 321

ПСИХОЛОГИЯ

Социально-психологические особенности имиджа студента вуза.

О. А. Жеребненко 327

Мотивация в структуре субъектности. **В. А. Иванова** 334

Особенности самоактуализации у лиц с развитым и неразвитым образом будущего. **М.А. Каницева 340**

Философско-антропологические предпосылки становления культурно-исторической психологии в раннем периоде творчества Л. С. Выготского. **В. А. Карнаухов, В. В. Карнаухова 345**

Методика исследования личностной идентичности: методология и технология стандартизации. **В. Б. Никишина, Е. А. Петраш 354**

Понятие личности в контексте синергетической парадигмы.

Н. В. Поддубный 362

Когнитивный компонент образа физического Я испытуемых с разными типами привязанности к матери. **В. А. Цуркин, Т. Н. Разуваева 369**

Современная модель российской семьи: особенности социально-психологической адаптации. **В. Н. Чурсина 382**

БИБЛИОГРАФИЯ

Мастер исторической публицистики (Н.И. Бусленко).

А. П. Короченский 389

Масштабная историческая картина создания Волго-Донского канала. Рецензия на книгу Н.И. Бусленко «Волго-Дон: слияние вод».

М. И. Варфоломеева 393

Рецензия на монографию Т. И. Красновой «Другой голос: анализ газетного дискурса русского зарубежья 1917-1920 (22) гг.». **Ю. В. Зобнин 395**

Сведения об авторах **401**

Информация для авторов **406**

Оригинал-макет *И. И. Карпенко,*
Н. А. Гапоненко

e-mail: Korochensky@bsu.edu.ru

Подписано в печать 30.06.2014

Формат 60×84/8

Гарнитура Georgia, Impact.

Усл. п. л. 46,49

Тираж 1000 экз.

Заказ 169

Подписной индекс в каталоге агентства
«Роспечать» – 81470

Оригинал-макет тиражирован
в издательском доме «Белгород»
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

№ 13 (184) 2014
Issue 22

Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking.

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod National Research University»

Publisher:

Belgorod National Research University.

Belgorod National Research University Press.

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-21121 May 19, 2005.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin,

Rector of Belgorod National Research University, Doctor of Political Sciences, Professor

Deputy Editor-in-Chief

I.S. Konstantinov,

Vice-Rector on Scientific and Innovative Work of Belgorod National Research University, Doctor of Technical Sciences, Professor

Assistant Editors

V.M. Moskovkin,

Professor of World Economy Department of Belgorod National Research University, Doctor of Geographical Sciences

O.V. Shevchenko,

Deputy Head of Department of Scientific and Innovative Activity of Belgorod National Research University, Candidate of Historical Sciences

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Chief editor:

A. P. Korochenskiy,

Dean of Faculty of Journalism, Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Deputies of chief editor:

I. A. Nagorniyy,

Faculty of History and Philology, Department of Russian Language and Teaching, Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Belgorod State University
Scientific bulletin

Humanities

Philology Journalism Pedagogy Psychology

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика
Психология

Contents

RUSSIAN PHILOLOGY

Phraseological Logoepistemes: Archetypes and Symbols.

N. F. Alefirenko 7

Onomasiological textual Density (based on the compound Nouns).

M. A. Droga 14

System Description of a complex Sentence with complement Clause.

T. N. Litvinova 20

System of functional and semantic Fields of the Russian Verbs of Life and Possession.

O. V. Senyukova, J. A. Klimova 27

Concept "Space" as Object of modern Knowledge in Mapping with Date of language

Folklore. **T. S. Sokolova 34**

Semantics and textual Functions of imperfective Verbs in the Novel "Skuchnaya Istoriya" by A. P. Chekhov. **D. N. Soldatova 40**

Structural Peculiarity of Russian Surnames on -ov/ -ev and -in.

S. V. Funikova 45

On the language Mechanisms of Phraseologization in Russian Language.

G. M. Shipitsina, K. Y. Korzhevitskaya 52

ROMANIC-GERMAN PHILOLOGY

Somatisms «Ventre», «Dos», «Main», «Bras» and «Doigt» as Part of the phraseological Africanisms. **J. Baghana 59**

Lexical Originality of the Bavarian Cusine. **N. A. Kalinina 65**

Interaction of grammatical Categories of Aspect and Tense with categorical Meaning of the Verbs Fail, Miss. **E. A. Kamyshanchenko 70**

Language means of Expression of political Correctness in the French political Discourse. **N. V. Kuznetsova, T. P. Karpukhina 76**

Aspects of French linguistic cultural Phraseologisms (on the Basis lexicological and phraseological Field "Internal Organs"). **N. I. Kupina, T. M. Shehovceva 84**

N. Geintse's Novel «Over dead Bodies» and English social-criminal Novel: typological Similarities and genre Transformations. **I. A. Matveenko 90**

Structural Pattern Subject – Predicate – Object of Intention, representing the Frame "Achievement of Success". **E. V. Mashkova 99**

Specific Character of artistic Topography in Ray Bradbury's Book of Stories "Qicker than the Eye". **N. P. Nevzorova 106**

Semantic Peculiarities of the Idioms verbalizing Concept "Management" in the English Language. **T. V. Perutskaya, Y. A. Drygina 114**

The Peculiarities of Representation of Concept «Approval/Praise» in modern English. **S. N. Pogozhaya 119**

Cognitive Modeling of phraseological Units` actual Meaning, representing Concept «Travel». **O. N. Prokhorova, E. M. Shevchenko 126**

Linguostylistic peculiarities of academic blogosphere. **Y. V. Trepak 133**

Language Policy in Morocco. **D. V. Tupeyko 140**

O. N. Prohorova,

Director of Institute of Intercultural Communication and International Relations, Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

I. F. Isaev,

Faculty of Psychology, Head of Department of Pedagogics Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

V.V. Grebneva, Head of Department of Psychology, Faculty of Pedagogy, Professor (Belgorod National Research University)

Members of Editorial Board:

M. Gierula,

Doctor of Humanities, , Head of Department of Journalism, professor of Silesian University, Katowice (Poland)

X. Giro,

PhD, professor of Autonomous University of Barcelona, director of Department of Mass Media, Communication and Culture (Spain)

V. I. Lozovaya

Doctor of Pedagogy, professor of Kharkov National University, member of Academy of Pedagogical Science (Ukraine)

H. Persi,

Doctor of Philology, professor of University of Bergamo (Italy)

A. A. Tertychniy,

Doctor of Philosophical Sciences, professor of Faculty of Journalism of Moscow State University

A. V. Fedorov,

Doctor of Pedagogy, professor, vice-rector of Taganrog State Pedagogical Institute, president of Russian Association of Media Pedagogy

Consultant:

E. A. Kozhemyakin,

Faculty of Journalism, Head of Department of Communication Studies, Advertising and Public Relations, Doctor of Philosophical Sciences, professor (Belgorod National Research University)

Responsible secretary:

I. I. Karpenko,

Associate Professor of the Faculty of Journalism (Belgorod National Research University)

JOURNALISM AND PR

Belgorod youth's Journalism in the Beginning of the XXI-th Century: Development, Typology, range of Problems. **A. M. Atkina 145**

Al-Jazeera Phenomenon on Middle Eastern and global information Markets. **V. M. Vinichenko 156**

Constructing the informational Space in the sports Media Communications in Russia. **E. A. Voytik 167**

Cuban news Agency «Prensa Latina»: History, current Status and specifics of professional Activities. **A. I. Gubina 175**

Mass Media Discourse as an Object of the scientific Description. **T. G. Dobrosklonskaya 181**

Representation of Judiciary in regional Media: Strategies and social Effects. **T. V. Dubrovskaya 188**

University Portal of Opinions: Features of Functioning (on the Example of Northeast Federal University). **S. N. Dyachkovsky, N. A. Argylov 196**

Paradigms of opposite Semantics in the newspaper Discourse of russian Foreign. **T. I. Krasnova 199**

The muslim periodical Press and the «Arab Spring». **M. A. Kurbanov 207**

Brand Gamification in B2P Communications. **E. B. Kurganova 213**

Creativity periodization, thematic, ideological and genre features of Tkachev's Publicism. **V. Yu. Merinov 218**

Program Policy of children's Channels in Russia: Features of Distribution of a television Content in a broadcasting Grid, genre and thematic structure, target Audience. **M. S. Mygal 223**

Russia and Russian People in the Reports written by Waclaw Radziwinowicz, a foreign Correspondent of the Newspaper «Gazeta Wyborcza» in Moscow. **A. Pstyga 234**

Discourse of Mobility in contemporary Communications. **O. F. Ruskova 245**

Strategic Approach to the Addressee in the modern Media Text. **L. N. Sinebnikova 253**

About notions Basis in the Theory of Journalism. **A. A. Tertychniy 262**

PEDAGOGICS

Formation of professionally designed It-Competencies of the future Teacher in the Conditions of Realization of the new federal State educational Standard. **M. M. Abdurazakov, A. H. Dzamyhov, M. A. Temirdjanova 268**

A new Look at the Mechanisms of Designing the sports and health improving Technologies in the education Space of modern University. **V. L. Kondakov, A. A. Gorelov 273**

Personality-developing Dialogue in the Development of the psychological Culture of the future Specialists. **S. I. Mamatova 283**

The historical-cultural and historical-pedagogical Prerequisites for the Development of spiritual-moral Education in Russia. **V. M. Men'shikov, N. N. Gatilova, A. B. Khokhlova 288**

Social-pedagogic Functions in the form-masters' Activity. **D. I. Mikhaylova 296**

The technological development Model of professional Competence in the advanced Training of Teachers for multiethnic Schools. **T. B. Mikheyeva 300**

Education as a specific institutional Shpere of Culture in some Western European Countries at the End of the XXth Century. **N. V. Plaksina 306**

Speech development of students in various models of primary education. **E. A. Khovanskaya 313**

Features of cognitive Activity of Students with different Levels of Development of scientific Potential. **E. V. Shitikova 321**

PSYCHOLOGY

Social-psychological Image of University Students. **O. A. Zherebnenko 327**

Motivation in the Structure of Subjectivity. **V. A. Ivanova 333**

Particularities of Self-Actualization of Personalities with cultivated and uncultivated Vision of the Future. **M. A. Kanishcheva 340**

Philosophical and anthropological Background of cultural-historical Psychology in the early Period of Vygotsky's Work. **V. A. Karnauhov, V.V. Karnauhova 345**

Personal Identity study: methodology and technology of Standardization. **V. B. Nikishina, E. A. Petrash 354**

The concept of Personality in the Context of synergetic Paradigm. **N. V. Poddubnyi 362**

Cognitive Component of the Image of the physical I tested with different Types of Attachment to Mother. **V. A. Tsurkin, T. N. Razuvaeva 369**

The modern Model of a Russian Family: features of socio-psychological Adaptation.
V. N. Chursina 382

BIBLIOGRAPHY

Master of historic Publicism (N.I. Bouslenko). **A. P. Korochensky 389**

Grand historic Picture of Creation of Volgo-Don Channel.

M. I. Varfolomeeva 393

Review of the Monograph of T. I. Krasnova «Another Voice: an Analysis of newspaper discourse of Russian Emigres 1917 – 1920 (22) Years». **Y. Zobnin 395**

Information about Authors **401**

Information for Authors **406**

Dummy layout by *I. I. Karpenko*,
N. A. Gaponenko
e-mail: Korochensky@bsu.edu.ru

Passed for printing 30.06.2014
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 46,49
Circulation 1000 copies
Order 169

Subscription reference in Rospechat' agency
catalogue – 81470

Dummy layout is replicated at Belgorod
National Research University Publishing
house "Belgorod"
Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia,
308015

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'42

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЛОГОЭПИСТЕМЫ: АРХЕТИПЫ И СИМВОЛЫ¹

Н. Ф. Алефиренко

Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

e-mail:

alefirenko@bsu.edu.ru

Обосновывается мысль о том, что в основании когнитивной фразеологии лежит лингвофилософский постулат: любые объекты предметы и явления подвергаются косвенно-производной вербализации только через наделение их особым смыслом, что любые реалии, входящие в состав вербализуемой денотативной ситуации, становятся единым обобщенно-образным фреймом благодаря объединению в логоэпистеме дискурсивно актуализируемых смыслов архетипного и символического происхождения.

Ключевые слова: логоэпистема, архетип, стереотипы, концепт, символ, фразама.

Введение

Логоэпистема — основная ментальная единица, служащая в когнитивной фразеологии стимулом лингвокреативного порождения имплицитных процессов косвенно-производного лингвосомиозиса [1, с. 57]. С одной стороны, логоэпистема — это знание, хранимое в слове (*логос* греч. — слово; *эпистема* греч. — знание), а с другой — важный элемент ассоциативно-образного бинама, с и г н а л, благодаря которому в этнокультурной памяти человека активизируются и всплывают на поверхность сознания связанные с ним имплицитные фоновые знания. В этом плане логоэпистема — носитель смысла, репрезентант знания, средство афористического выражения информации, оформленной как свернутый текст типа «*Все смешалось в доме Облонских*», «*Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!*», «*Куликовская битва*», «*Илья Муромец*», «*И ты, Брут!*».

Когнитивно-культурологическая сущность логоэпистемы состоит в вербализации закрепленного в этнокультурной памяти следа отраженной действительности в языковом сознании этноса, причём не любого следа, а такого, который представляет собой результат коллективного постижения значимых для данного сообщества духовных ценностей. Можно сказать, что логоэпистема обладает билатеральной структурой: экспонентной её стороной является идиоматизированное сочетание слов, а содержательной — ценностно-смысловая семантика. И в этом смысле логоэпистему следует считать единицей семиотической системы, з н а к о м, который служит для описания и усвоения информации, хранимой в языке. Как и любой знак, она требует осмысления на уровне своего означающего (языковая ипостась логоэпистемы) и на уровне означаемого (культурообразуемая сторона логоэпистемы).

В сравнении с концептом или лингвокультуремой, логоэпистема — это *языковое отражение* закрепленного общественной *культурной памятью* следа отраженной действительности в общественном *сознании* людей в результате постижения ими духовных ценностей (Костомаров, Бурвикова 1990, 256).

Под логоэпистемой понимаются разноуровневые лингвострановедчески ценные *единицы*, знание (смысл) которых может выражаться разными номинативными и коммуникативными единицами: словом (*Москва!*, *обломовщина*); словосочетанием

¹ Работа выполнена в рамках госзадания НИУ БелГУ на 2014 г. (проект № 241).

(Герой нашего времени. Человек в футляре); паремиологическими и крылатыми выражениями (Москва не сразу строилась. Язык до Киева доведет). Разноуровневость логоэпистем относится к языковой форме как способу представления аккумулированного логоэпистемами знания. Своей идиоматизированной структурой фразеологического, паремического, эптологического и прецедентно-текстового характера логоэпистемы выражают знания, мысли, традиции, обычаи, приметы, представления этноса, особенности его менталитета. Логоэпистема богаче и шире по объему этнокультурной информации, глубже и богаче по степени насыщенности культурно-исторической коннотацией, чем общеупотребительные слова.

Логоэпистемные стимулы фразеомообразования

Логоэпистемы — своего рода сокровищница когнитивно-дискурсивных первосмыслов, порождающих образные устойчивые выражения — фраземы и паремии. Одни первосмыслы проецируют инвариантный остов логоэпистемы — интенционал, из которого формируется фразеологическое значение, а другие — импликационал, состоящий, как правило, из широкого спектра периферийных этнокультурных смыслов. Так, фразема *ахинею* (дичь, вздор, ерунду, галиматью, чушь) нести/понести (пороть) (разг.) употребляется в значении 'говорить вздор, бессмыслицу, непонятно и высокопарно'. Однако, кроме кодифицированного значения, это выражение является носителем и хранителем того знания, которое, собственно, и было сфокусировано в интенционале фразеологической семантике. Сигнальным элементом для его экспликации служит в данной идиоме лексический компонент *ахинея*, хранящий мифологический смысл, связанный с событиями, происходившими в Древней Греции у храма богини Афины (*Athenaeum* — Атенеи). Здесь обычно собирались ученые и поэты, чтобы прочесть свои новые произведения. Поскольку их речи были слишком мудры, заумны и не всем понятны, их называли «афинеийскими мудростями». Позднее слово *Athenaeum* стало произноситься как *ахинея* и употребляться в просторечии в разговорно-обыденном значении — 'чепуха, вздор, бессмыслица'. Со временем народная герменевтика внесла в лексический состав фраземы новые компоненты, с помощью которых истолковывалось¹ значение изрядно изменившегося и поэтому забытого слова *ахинея*. В современном русском языке такого рода герменевтическую функцию выполняют синонимы *дичь, вздор, ерунда, галиматья, чушь*, в семантической структуре которых доминирует изначальный смысловой элемент лексемы *Athenaeum* — сема 'бессмыслица'.

С этой же смысловой доминантой данная логоэпистема хранит двойственную связь с другой интерпретантой слова-сигнала *ахинея*. Согласно второму интерпретирующему вектору, его, во-первых, соотносят по внешнему звуковому облику со словом *China* (названием Китая) и, во-вторых, — благодаря ассоциативно-смысловым связям между словами *ахинея* и *Китай* — с выражением *китайская грамота*, означающим также нечто непонятное, трудно постижимое. Как известно, некоторые люди с узко ограниченным интеллектом обычно считают ерундой и чепухой всё, что оказывается вне их понимания. Ассоциативно-смысловую память о данной эпистеме поддерживает также просторечный глагол *нести*, который обычно сочетается со словами *черт, дьявол, нелегкая* (*принёс, принёсла*) — 'нежелательное появление кого-чего-н.'. Более отдалённые негативано-смысловые коннотации поддерживаются сочетанием глагола *нести* со словами *перегар, лук* — (*несёт* от ког-л. *перегаром, луком* — сильно и неприятно пахнет).

Двойственность интерпретации фразеоморождающих логоэпистем зиждется на онтологическом взаимодействии языкового сознания и бытия человека. «Сознание (переживание) и реальное бытие, — в концепции Гуссерля, — это отнюдь не одинаково устроенные виды бытия, которые мирно жили бы один подле другого, порой «сопрягаясь», порой «сплетаясь» друг с другом. ...Между сознанием и реальностью поистине зияет пропасть смысла» [3, с. 11]. Более того, в основании когнитивной фразеологии лежит аксиома о том, что любая реальность, подвергается косвенно-производной вербализации только через «наделение смыслом», а любые реалии, входящие в состав вербализуемой денотативной ситуации, становятся обобщенно-образным единством благодаря «единству смысла», что предполагает антропоцентрическую составляющую в семантике

¹ Истолкование (объяснение, дающее понимание чего-н. с какой-н. точки зрения) есть основная форма познания [см.: 2, с. 148].

знаков косвенной номинации. Это означает, что алгоритм когнитивно-фразеологического анализа должен содержать культурно-прагматическую интерпретацию логоэпистемы как продукта деятельности сознания, наделяющего культурно-когнитивным смыслом познаваемого объекта.

Уже в первом приближении можно выделить две модели эпистем: а) обобщенная модель когнитивно-философского характера и б) частная модель, структурирующая информацию об отдельных элементах картины мира. В нашем примере первая модель представлена мифологической логоэпистемой, а вторая – дискурсивной ситуацией, связанной с трудно постижимыми объектами. Характер мифологической эпистемы характеризуется тождеством языка и внеязыковой действительности (слов и вещей). Их тождество обуславливает возможность взаимозамены, в результате которого возникают коннотации вербальных символов в форме слов и идиоматических выражений (фразем или паремий).

Природа и сущность культурной коннотации с позиций лингвокогнитивистики тесно связана с проблемой архетипического и символического в знаках косвенно-производной номинации. Это объясняется культурно-антропологической двойственностью мировосприятия, на которое обратили внимание в европейской культурологии Р. Барт, а в отечественной – Г. И. Берестнев. Человек живет в двух содержательных мирах: а) мире языковой и культурной реальности, принадлежащем сфере осознаваемого, и б) мире бессознательных знаний, «глобальных смыслов высокого содержательного напряжения» [4, с. 104]. Для человека конкретны лишь отдельные фрагменты первого мира. Этот «мир относителен: любые конкретные культуры и языки представляют собой формы закрепления вполне определенного человеческого опыта, вследствие чего оказываются ограниченными с точки зрения других культур и языков» [4, с. 58]. Идея трансцендентности содержаний, находящихся за пределами языкового выражения, выдвинутая Л. Витгенштейном в «Логико-философском трактате», близкая теориям бессознательного (З. Фрейд и К. Г. Юнг). В теории когнитивной фразеологии базовым положением является принятие положения о том, что границы между областью языкового мышления и трансцендентной сферой речемышления в процессе фразеомообразования стираются или перемещаются на периферию этноязыкового сознания. В этой связи стоит прислушаться к мнению О.И. Быковой, согласно которой изучение имплицитных эпистем становится возможным главным образом благодаря языковым данным. Более того, первоочередной задачей лингвокогнитивистики и лингвокультурологии является (а) раскрытие трансцендентного содержания, находящегося вне языка и вне языкового мышления и (б) реконструкция глубинных коннотативных смыслов по косвенным данным языка и культуры.

Один и тот же концепт способен заряжать фразеомообразующую логоэпистему разной коннотацией. Так, по данным Л.Р. Сакаевой [5, с. 43], английская фразема *fight like cats and dogs* (рус. *жить как кошка с собакой*) опирается на представление о неуживчивости собаки, её нетерпимости. А в мифах тюркских народов (якутов, тувинцев, шорцев, атайцев, телеутов), а также в проживающих в соседстве с ними манси, хантов, эвенков, нивхов, чукчей и других, содержится представление о небесном происхождении собаки, о ее связи с верховным божеством – демиургом. Существовал, однако, и диаметрально противоположный взгляд на это животное, как на вредоносное, опасное существо. Наиболее яркие формы почитания собаки существовали у народов, нередко объединяемых общим названием палеоазиатских нивхов, ительменов, приморских коряков и чукчей, а в северо-западной Сибири – у обских угров. Обнаруживается противоречивое отношение к собаке даже у одного и того же народа.

Видный польский специалист в области культурно-когнитивной коннотации Е. Бартминьский приходит к однозначному выводу: «Единицей, подлежащей толкованию, является «ментальный предмет» во всем богатстве его характеристик, закрепленных в языковой картине мира. Этот «ментальный предмет» есть проекция, а не отражение, независимо от того, что обычно существует возможность его сравнения (и нахождения свойств) с реально доступным эмпирическому опыту предметом. Чьим отражением, однако, были бы такие «предметы», как Пегас, стригонь или гном?» [6, с. 56]. Когнитивный подход к изучению глубинных смыслов познавательной деятельности человека требует учета интерпретационной перспективы адекватной компетенции пользователя языка. Лишь тогда можно понять глубокую внутреннюю (через коннотацию слова) связь языка с культурой

общества, говорящего на этом языке [6, с. 58]. Коннотация как культурно обусловленное явление когнитивной сферы существует благодаря познавательной активности языка. Этноязыковые механизмы речемыслительной деятельности человека обеспечивают возникновение таких косвенно-производных логоэпистем, которые порождают ассоциативно-смысловые поля и связанные с ними семантические сети, сплетаемые культурно-когнитивными коннотациями метафорических слов и идиоматических выражений. При этом следует помнить, что образная составляющая косвенно-производных логоэпистем существует на уровне коллективного бессознательного и, как правило, не осознаётся носителями соответствующей лингвокультуры, теряется в стереотипных и символических сплетениях интерпретирующего подсознания.

Как показывает анализ фразеологического и паремиологического материала, в народных способах косвенно-номинативной интерпретации действительности, основанной на стереотипах и символах, соединяются онтологические реалии и мифологические модели миропонимания. При этом стереотипизация и символизация служат друг другу и с точки зрения познания, и с точки зрения косвенно-производного лингвогенеза. Стереотипы связывают ассоциативно-смысловыми нитями лексические компоненты фраземы со сферой внеязыкового опыта, выступая формой существования эпистем в этноязыковом сознании. Тем самым обеспечивается возможность воплощения бессознательных форм познания действительности в знаках косвенно-производной номинации. Символическая составляющая логоэпистемы представляет фиксируемые сознанием результаты культурно-коннотативной интерпретации вербализуемой фраземами денотативной ситуации, которые служат репрезентантами другого представления в рамках более широкого ценностно-смыслового поля.

Из представленных выше размышлений вытекает важнейшее для когнитивной фразеологии положение: в косвенно-производного лингвосемиозиса лежит механизм культурно-когнитивной эпидигматики, основанной на ассоциативно-образном речемышлении. Разумеется, в процессе косвенно-производного лингвосемиозиса, опирающегося через вторичное осмысление действительности на ценностно-смысловую интерпретацию знаний, не затрагивая онтологические основы картины мира, происходит субъективное переосмысление знаний сквозь призму этнокультурных стереотипов, сформированных путём обобщения ранее полученного опыта.

Причем при вторичном восприятии человек не столько осмысливает мир, основные свойства и признаки воспринимаемых реалий, сколько подводит вновь познаваемое под уже имеющиеся у него стереотипы (Н. Н. Болдырев). Последние служат формой существования тех логоэпистем, которые, порождая значимые для коммуникативной прагматики коннотации, нуждаются в косвенно-языковой репрезентации.

Ещё более скрытыми для современного языкового сознания оказываются кодируемые в семантике знаков косвенно-производной номинации архетипы как формы репрезентации коллективного бессознательного (К.-Г. Юнг), как врожденные отпечатки духовной жизни сложившейся веками некой усреднённой языковой личности. Но и в этом случае разгадка диффузных по своей природе архетипов, лежащих в основе формирования фразеомобразующих логоэпистем, опирается на анализ символических образов [7, с. 104]. Архетип можно определить как *метаконцепт*, т.е. как инвариантное ядро ментальности народа, видоизменяющееся в соответствии с конкретной исторической ситуацией. Архетипы — это базовые концепты, задающие координаты, в которых человек воспринимает и осмысливает мир. В процессе своей реализации в условиях той или иной культуры архетипы вербализуются. Поэтому в процессе речемыслительной деятельности архетип выступает именованной сущностью. Именованное включает в себя формирование мировоззренческой компоненты логоэпистемы в процессе языковой интерпретации именованного объекта, выделения в нём наиболее важных для человека свойств и признаков, составляющих своеобразие его ментальности. Сам механизм косвенно-производного именованного фразеомобразующей логоэпистемы коррелятивен базовому принципу архетипа, определяющему диалектику единичности и множественности, индивидуального и коллективного. С точки зрения базового принципа фразеоморождающего архетипа (именования эпистемы), в именованных первообразах (архетипах) коллективного бессознательного содержится (в свернутом виде) то важнейшее смысловое содержание, которым один архетип отличается от другого и, соответственно, близкие по смысловому содержанию фраземы.

Архетип, миф, символ в логоэпистемной структуре фразем

Косвенно-производная интерпретация действительности как способ представления элементов бессознательного и подсознательного содержания в когнитивной деятельности человека находит отражение во фраземике в форме этноконнотатированных мифонимов и скриптонимов. Мифонимы¹ репрезентируют совмещение идентифицирующего и предикатного значения, представляют результат совмещения на основе ассоциации двух разнородных объектов.

Такого рода мифонимы являются некими коннотативно-прагматическими сигналами к поиску скрытой за символическим мифонимом культурно значимой информации. Чаще всего он приводит к воскрешению библейской легенды. При этом логоэпистемными актуализаторами полужабытых фразеомобразующих ассоциативно-образных отношений служат: а) олицетворение, б) родовидовые связи, в) дискурсивные смыслы.

1. Во многих библейских фраземах образность создаётся благодаря символической актуализации в лингвокультурном сознании библейского имени собственного, олицетворяющего собой качество, которое обозначается вторым компонентом фраземы. При этом средством актуализации служит определяющее слово. Так, во фраземе *Фома неверующий* библейский оним *Фома* служит олицетворением скепсиса — того качества, которое выражено вторым, атрибутивным, компонентом сформировался концепт — наивное обыденное понятие о постоянно сомневающемся человеке — когнитивное основание обобщенно-целостного значения фраземы ('скептик').

2. В некоторых фраземах образная панорамность создаётся сочетанием олицетворения с родовидовыми связями фразеомобразующих лексических компонентов. Так, значение фраземы *The Apple of Sodom* возникло в процессе сопряжения двух механизмов переосмысления: синекдохи и олицетворения. *Содом* — согласно библейской легенде город, уничтоженный Богом вместе с Гоморрой за грехи жителей. *Яблоко* — символ красоты, молодости, любви, брака, весны, до грехопадения — атрибут рая [см.: 8]. Казалось бы, 'красота' и 'место грехопадения' — несовместимые смыслы. Однако именно такая несовместимость и стала основой смыслообразования фраземы *The Apple of Sodom* — 'красивый, но гнилой плод'. Коннотативный смысл выражения — 'что-л. сулящее удовольствие, наслаждение, но приносящее лишь горькое разочарование'.

Архетипные структуры в сфере фразеологии следует рассматривать как генетически фиксированные древние образы и социально-культурные идеи, которые являются достоянием «коллективного бессознательного» (К. Г. Юнг). Такого рода первичные образы воплощаются в виде фразеомобразующих символов. Вся метафорическая фраземика пронизана архетипами. Чаще всего это первичные образы природы типа *сердце, лес, тень, поле, море, смерть, дурак* и др. Их можно назвать «психологическими символами» фразем и паремий: *кошки на сердце скребут, камень с сердца свалился, сердце не на месте, от чистого сердца, запасть в сердце, сердце обросло мхом, доброе сердце, неукротимое сердце; не видеть леса за деревьями, ёлки-палки лес густой, кто в лес, кто по дрова; спорить из-за тени осла, наводить тень на плетень, держаться в тени; И с сытой лошади тень тоща* и др.

Архетипы мифологического мышления, согласимся с К. Леви-Стросом, хотя и привязаны к предметно-чувственным образам, все же нередко оказываются обобщающими, поскольку мифологическое мышление «также действует посредством аналогии и сопоставлений <...>» [9, с. 129]. Образы, лежащие в основании мифа, содержат представления о коллективном символизме, они являются отражением во фраземике постоянно повторяющегося опыта человечества. Семантическая перекодировка мифа в символ, мифологического образа во фразеологический образ обычно связан с определенными ассоциациями, представлениями этноса о реальных или вымышленных объектах действительности [10, с. 55]. Суть такой перекодировки состоит в приращении смысла фразеоморождающей логоэпистемы, в возникновении у фразем интерпретативной по своей сути этноконнотативной семантики, конденсирующей в себе целые дискурсивные события. Столь

¹ Мифонимия — своеобразный сектор ономастического пространства, созданный по аналогии с его реальной составляющей. В него входят имена людей, животных, растений, народов, географических и космографических объектов, различных предметов и т. д., в действительности никогда не существовавших.

масштабное для креативного речемышления свойств фразем обуславливается категориальным свойством фраземопорождающей логоэпистемы. С одной стороны, она представляет собой «свернутый», редуцированный текст, а с другой, — благодаря своему богатому ассоциативно-образному импликационалу сама способна «разворачиваться» в текст. Получив от фраземопорождающей логоэпистемы стимул, дискурсивное сознание вызывает у автора (при порождении текста) и читателя (при его восприятии) череду ассоциативно-смысловых связей между знаниями, хранящимися в логоэпистеме, и тем коммуникативным событием, которое является предметом нарратива.

Важные для понимания текстопорождающей функции фразем результаты содержатся в исследованиях М. А. Фокиной [11]. Автором были выделены стилеобразующая, жанрообразующая, текстообразующая и концептообразующая функции.

Стилеобразующая функция, по её мнению, носит интегративный характер, поскольку реализуется совокупностью и взаимодействием таких соподчинённых функций, как жанрообразующая, текстообразующая, концептообразующая. Стилеобразующая функция фразем «отражает своеобразие идиостиля писателя, специфику его языковой личности, обладающей характерными способами и приёмами использования образных средств, формирующих картину мира художника слова» [11, с. 26 и др.].

Жанрообразующая функция объединяет хронотопическую, сюжетобразующую и ритмообразующую архитектуру текста. Хронотопическим моделированием фраземы участвуют в создании пространственно-временного ипросмтранства текста, в объёмном изображении художественной картины мира. Сюжетобразующая роль фразем связана с репрезентацией дискурсивного события. При этом фраземы создают запоминающиеся штрихи в художественном портрете персонажей, формируют психологизм художественного нарратива на всех этапах развития сюжета. Ритмообразующая роль фразем реализуется созданием текстовых повторов и рефренов. Фразеологические повторы обеспечивают локальную и глобальную связность текста.

Фраземы, обладающие высоким текстопорождающим потенциалом, определяют коммуникативную перспективу художественного нарратива, создают вертикальный контекст, посредством которого осуществляется смысловое развёртывание повествования. Подобного рода суждения М. А. Фокиной существенно обогатили теорию лингвопоэтики такого рода фраземо-эпистемологической составляющей.

Однако дополнительного исследования, как мне представляется, требует вопрос о выделяемой М. А. Фокиной [11, с. 29] концептообразующая функция фразем, поскольку не фразема порождает концепт, а сами концепты (мы их называем *модусными*) требуют своей косвенной репрезентации. Они же вместе с языковыми символами архетипов создают и концептосферу художественного текста.

Заключение

Языковой символ архетипа имеет двойственную природу. С одной стороны, это образ особой знаковой природы, в своей основе условный; а с другой — знак, мыслимый как образ, в котором видимое, конкретное, событийное выступает лишь неким иероглифом, сигнализирующим о некотором таинственном предмете фразеологической номинации, служащем знаменем иной действительности (Вяч. В. Иванов). Отсюда его лингвокультурологический смысл: улавливание связей между объектами реального и ирреального (воображаемого) мира, рассмотрение их в единстве как воплощение целостности мировоззрения, как стремление «во временном увидеть вечное» [12, с. 249]. Фраземообразующие логоэпистемы по своей сущности ментальные структуры — концепты второго порядка [13, с. 105], порвавшие с первичной референцией. Как раз их мы и называем дискурсивно-модусными концептами. Ср.: *жаворонок* — символ раннего пробуждения, *сова* — символ ночной жизнедеятельности, *жар-птица* — символ недостижимый мечты, *черная роза* — символ печали, *красная роза* — символ любви. Символ представляет концепт, родственной образу (не случайно говорят о символических образах). Дискурсивно-модусный концепт синергетичен. Его синергетика образуется несколькими смысловыми энергопотоками: а) речемыслительным, б) этнокультурным и в) модусным.

Модусный аспект во многом определяет семантику и прагматику образного выражения. Модус выполняет функцию его отнесения к определённому когнитивно-

прагматическому типу. Модус обозначает свойство денотата, присущее ему только в соответствующих дискурсивных состояниях и зависящее от дискурсивного контекста и тех ассоциативно-смысловых связей, в которых находится фразеомобразующая логоэпистема. Иными словами, фразеомобразующая а — это способ существования, вид и характер коммуникативного события. По типу логоэпистемного модуса фраземы того или иного языка группируются в семантические поля. По *modus vivendi* фраземы используются для обозначения образа жизни людей, условий их взаимопонимания и, наоборот; по *modus procedendi* фраземы наделяются обстоятельственным характером, том числе и обозначающих способ достижения цели. *Modus rectus* и *modus obliquus* связаны с о б р а з - н ы м воплощением речемыслительных интенций авторов художественных текстов.

Дискурсивно-модусный **концепт, будучи идееносителем** фразеомобразующей логоэпистемы, обладает яркой этноязыковой маркированностью. Он порождает фраземы с живой внутренней формой, семантика которых мотивируется той ассоциативно-смысловой связью, которая устанавливается между предметными и абстрактными объектами создаваемой художественной картины мира.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. — М.: Флинта: Наука, 2010. — 288 с.
2. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Сост., пер. с нем. и комм. В. В. Бибихина. — М.: Республика, 1993. — 447 с.
3. Гуссерль Эдмунд. Избранные работы / Сост. В. А. Куренной. — М.: ИД «Территория будущего», 2005. — 465 с.
4. Берестнев Г. И. Познание – символ – культура / Г. И. Берестнев // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке. Сб. науч. трудов. — М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. — С. 95 – 106.
5. Сакаева Л. Р. Фразеологизмы с компонентами зоонимами, описывающие человека как объект сопоставительного анализа русского и английского языков / Л.Р. Сакаева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Серия. Общественные и гуманитарные науки. 2008. Вып. 62. — С. 43 – 47.
6. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Бартминьский. Пер. с польского. — М.: Индрик, 2005. — 528 с.
7. Юнг К. Г. Психология Бессознательного / К. Г. Юнг. — М.: Канон, 1994. — 320 с.
8. Бидерманн Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерманн. Общ. ред. и предисл. И. С. Свенцицкой. — М.: Республика, 1996. — 335 с.
9. Леви-Строс К. Первобытное мышление / К. Леви-Строс. — М.: Прогресс, 1994. — 367 с.
10. Phraseology as a language of culture: Its role in the reproduction of cultural mentality / Telia V., Bragina N., Oparina E., Sandomirskaya I // Phraseology : Theory, analysis, a application. — Oxford, 1998. — P. 55 – 75.
11. Фокина, М.А. Фразеология в русской повествовательной прозе XIX – XX вв. / М. А. Фокина. — Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. — 378 с.
12. Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма. В 2 тт. / А. Белый– М. : Искусство, 1994. — 480 с.
13. Кравченко А. В. Знак, значение, знание: Очерк когнитивной философии языка / А. В. Кравченко — Иркутск, 2001. — 261 с.

PHRASEOLOGICAL LOGOEPISTEMES: ARCHETYPES AND SYMBOLS

N. F. Alefirenko

*Belgorod National
Research University*

e-mail:

alefirenko@bsu.edu.ru

The article deals with the justification of idea of the linguistic-philosophical postulate as the base of cognitive phraseology. Any objects, subjects, and phenomena are exposed to indirectly derivative verbalization by the adding of particular meaning. Any actuals of verbalized denotative situation become the united generalized-figurative frame by the integration of discursive actualized meanings of archetypical and symbolized derivation in the logoepisteme.

Key words: logoepisteme, archetype, stereotypes, concept, symbol, phraseme.

УДК 811.161.1'373

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПЛОТНОСТЬ ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ СОСТАВНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ)

М. А. Дрога

Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

e-mail:
droga@bsu.edu.ru

Статья посвящена особенностям функционирования составных существительных в газетных текстах. Мотиваторами составных наименований можно считать слова-стимулы, представленные в контексте употребления. Разные контексты характеризуются разной степенью представленности языковых маркеров. Данное положение обуславливает необходимость ввести понятие ономасиологической плотности текста, которая понимается как степень насыщенности текста словами-стимулами, предопределяющими смысло- и словообразование составных слов. Контексты словоупотребления могут характеризоваться нулевой, низкой положительной и высокой положительной степенью ономасиологической плотности текста.

Ключевые слова: разнословные сложения, ономасиологическая плотность текста, степень плотности, слова-стимулы, репрезентанты.

Введение

Составные наименования или разнословные сложения – явление относительно новое в русской лексике, но недостаточно изученное. Важно отметить, что детальное исследование данной группы слов предполагает работу с контекстами. «Контекст... мог стать стимулом, в условиях которого произошло рождение слова, в силу чего словообразовательный контекст стал первым контекстом употребления слова» [1, с. 64].

Ономасиологический подход к анализу составных наименований выявляет особенности их создания в конкретном речевом акте. Обязательная опора на контекст употребления составного слова дает возможность выделить два составляющих компонента: базовый (соответствующий тематической части высказывания) и актуализирующий, содержащий новую информацию о лице или предмете (соответствующий рематической части):

Вирус-притвора (заголовок): У ребенка температура, кашель, насморк. По всем признакам грипп или простуда. Но на самом деле такие же симптомы и у гораздо более опасной инфекции (АиФ 2012, № 3).

В данном примере номинация *вирус-притвора* соответствует развернутому описанию «инфекция, которая маскируется под простуду». Базовым компонентом в нем является компонент *вирус*, а актуализирующим – компонент *притвора*.

Исследуя составные существительные с функциональной точки зрения, мы пришли к мысли, что довольно часто контексты содержат так называемые слова-стимулы, которые «предсказывают» появление составного наименования (СН) и способствуют правильному пониманию его значения. Кроме того, мы обратили внимание на то, что степень насыщенности контекстов подобного рода словами оказалась различной, что привело нас к необходимости ввести понятие «ономасиологическая плотность текста». Под *ономасиологической плотностью текста* (далее – ОПТ) понимается степень насыщенности текста словами-стимулами, предопределяющими появление СН [2, с. 102].

Основная часть

Анализ различных контекстов, включающих разнословные сложения, позволил сделать вывод, что в отдельных случаях языковые средства-стимулы СН не репрезентированы, поэтому плотность текста условно можно считать *нулевой*. В таких контекстах могут быть представлены лишь отдаленные ассоциаты, опосредованно связанные с составным наименованием. В этом случае читатель понимает значение СН, исходя из фоновых знаний и жизненного опыта. Например:

Цвета-фавориты в этом сезоне: ярко-розовый, золотисто-оливковый, красно-коричневый, шоколадно-песочный, глубокий синий, белый (КП 06.12.2007).

В данном случае сам контекст предопределяет появление составного наименования. Автор рассчитывает на то, что читателю хорошо известно значение слова «фаворит», то есть «лидеры, любимцы» [3, с. 847]. Эта «закадровая» информация обусловила авторское составное наименование *цвета-фавориты*.

Дмитрий Назаров – человек-конвейер. Актер МХТ им. Чехова, ведущий «Кулинарного поединка» на НТВ, востребованный в кино артист, голос многих компьютерных игр... Его трудно застать в Москве и отвлечь от важных занятий (Собеседник 2006, № 28).

Актуализирующий компонент *конвейер* не имеет языковых репрезентантов. Лишь опосредованно читатель может определить значение СН *человек-конвейер*.

Упаковка-обманщица (заголовок): *В нашей традиционной рубрике – продолжение списка продуктов, образцы которых были подвергнуты испытаниям аккредитованной испытательной лаборатории ФГУ «Белгородская межобластная ветеринарная лаборатория» и не соответствовали требованиям ГОСТа.* (Наш Белгород, 14.03.08).

В данном контексте базовый и актуализирующий компоненты (БК и АК) «подготовлены» лишь ассоциатами. БК *упаковка* ассоциативно связан со словами *продукты, лаборатория*, а АК – с глаголом *соответствовать*. Это является свидетельством нулевой степени ОПТ.

Ономасиологическую плотность можно условно считать *положительной* при наличии слов-стимулов, например:

Страны-доноры (заголовок): *Участникам конференции стран-доноров Сирии, которая проходит в среду в Кувейте, удалось собрать 2,4 миллиарда долларов на гуманитарную помощь сирийцам, пострадавшим в результате продолжающегося с марта 2011 года конфликта, сообщает агентство Рейтер со ссылкой на заявление генсека ООН Пан Ги Муна* (РИА-Новости январь, 2014).

Данный текст обладает положительной ономасиологической плотностью, так как в нем актуализирующий компонент *доноры* представлен маркерами *гуманитарная помощь и пострадавшие*.

Глава средней школы №139 Московской области Егор Мироненков работает по контракту. Опыт европейских коллег доказывает, что директор-контрактник – выгодная должность (АиФ 2008, № 11).

Данный контекст отличается положительной степенью ономасиологической плотности. Это обусловлено наличием мотиватора «глава средней школы» для БК *директор* и мотиватора «работает по контракту» для АК *контрактник*.

Район «Молодежный» не перестает удивлять масштабными изменениями городского ландшафта. На фоне красивых маленьких, низкопосаженных домов появились тянущиеся своими верхушками в высоту монстры-новостройки, появившиеся за считанные месяцы (Собеседник 2009, № 13).

Приведенный контекст также отличается положительной степенью ОПТ. Об этом свидетельствуют: мотиватор базового компонента *новостройки* синоним «дома» и мотиватор АК *монстры* антоним «низкопосаженные».

Анализируя различные виды мотиваторов составных слов, мы заключили, что наиболее значимыми среди них оказываются следующие:

- 1) однокоренные с компонентами СН слова;
- 2) слова, относящиеся к той же тематической группе (ТГ), что и компоненты составного слова;
- 3) различного рода ассоциаты;
- 4) слова, находящиеся с компонентами СН в синонимических отношениях;
- 5) слова, находящиеся с компонентами СН в антонимических отношениях.

Данные мотиваторы, на наш взгляд, в той или иной степени предопределяют появление составного слова, предсказывают его необычную структуру и смысловое наполнение.

Анализ фактического материала позволил сделать вывод, что в разных контекстах отмечается разная степень представленности стимулов. Это, в свою очередь, позволяет говорить о разной степени ономасиологической плотности текстов.

Для того чтобы исследовать особенности данного явления, мы отобрали 100 различных контекстов, включающих составные наименования. Обработка материалов позво-

лила заключить, что примерно 1/3 всех контекстов (34 %) составляют контексты с нулевой степенью ономазиологической плотности, то есть те, в которых мотиваторы не репрезентированы, и читатель понимает значение СН, опираясь лишь на отдаленные ассоциаты и свой жизненный опыт.

1. Контексты с низкой степенью ОПТ

58 % контекстов (от общего числа) характеризуется низкой степенью ономазиологической плотности. Условно считаем, что это определяется наличием одного-двух репрезентантов из пяти выделенных нами выше. Например:

Клетки-предшественники: Вероятность того, что онкологическую патологию может спровоцировать введение стволовых клеток, существует. Это клетки-предшественники, которые впоследствии развиваются в самые разные клетки и ткани (Собеседник 2013, № 10).

Приведенный пример можно отнести к контекстам с низкой ономазиологической плотностью, так как в нем назван базовый компонент *клетки*, его ассоциаты *онкологический, стволовые, ткани*. Актуализирующий компонент мотивирован лишь отдаленным ассоциатом *спровоцировать*.

Кот-бумеранг (о коте, который много раз возвращался домой): *Кот, невзирая на наличие на своем пути автомагистралей, ручьев, пастбищ и леса, отправился в свой старый дом. Хозяйка нашла его и вернула. Кот снова убежал, и снова был возвращен. В общей сложности Пилсбери проделывал этот фокус 40 раз, превратившись в настоящий бумеранг (АиФ 28.06.2013).*

Базовый компонент *кот* представлен в контексте словом *кот* и именем собственным *Пилсбери*. Актуализирующий компонент *бумеранг* обусловлен стимулом-синонимом *вернуть, возвращать*; ассоциатами *снова* и *фокус*. Языковая репрезентация двух стимулов позволяет отнести данный пример к контекстам с низкой степенью ОПТ.

Подобного рода контексты составляют 11% от числа газетных текстов с низкой ОПТ.

Для тех, кто считает неподобающим своему статусу собирать Lego, корейский дизайнер Кристофер Даниэль придумал кресло Vuzzle, использующее принцип детского конструктора. Оно состоит из 59 подушек-«камней», делящих полный куб на неправильные ячейки. Если удалить 13 подушек, то внутри кресло станет напоминать зерна граната. Отсоединенные детали можно подложить под ноги или использовать как маленькие пуфики (Собеседник 2003, № 2).

Данный контекст характеризуется низкой степенью ОПТ. В нем назван БК *подушки* и представлены слова, относящиеся к одной ТГ «Предметы мебели и быта»: *кресло, пуфики*.

В контекстах с низкой степенью ОПТ представлены 1 или 2 мотиватора, причем, это могут быть слова одной ТГ, синонимы или ассоциаты;

2. Контексты с высокой степенью ОПТ

Восемь процентов от общего числа исследуемых контекстов составляют контексты с высокой положительной степенью ОПТ. Таких контекстов не много, но они представляют особый интерес, так как в них, как правило, представлены все типы слов-стимулов. Например:

Монастырь-гостиница (заголовок): В монастырях великой католической страны Италии теперь сдают кельи туристам! Монахи не стараются совсем уж отделиться от современного мира, а живут вместе с ним, у них такие же интересы, как и у нас. Времена меняются, что еще сказать (ВФ, сентябрь 2013).

Отличие данного контекста в том, что СН дается в заглавии, а далее толкуется его значение. В контексте представлены однокоренные к компонентам составного наименования слова: *монастырь – монахи*; даны слова одной ТГ «Религия»: *кельи*, ассоциаты АК *туристы, сдавать, жить*.

Поезд-«беглец»: В Канаде товарный состав с нефтяными цистернами, ушедший в самовольное путешествие, стал причиной эвакуации целого города. АиФ.ру вспомнил 3 громких истории о «поездах-беглецах», достойные пера Стивена Кинга. Бывают ситуации, когда поезда внезапно уходят в самовольное путешествие, превращаясь в настоящие бомбы, способные натворить много бед (АиФ, 08.07.2013).

В представленном контексте БК *поезд* входит в состав тематической группы «Транспорт». Также здесь названы маркеры-синонимы *состав*, *цистерны* и ассоциаты *товарный*, *путешествие*. АК «*беглец*» представлен словом-синонимом «уходить», ассоциатом «самовольный». Кроме того, в контексте данное разнословное сложение названо дважды.

Слова-цветы, слова-сорняки: Для детей постарше можно привести такую аналогию: «Мы с тобой выращиваем прекрасный сад. Сад и плоды в нем – это наша жизнь и все приятные вещи, которые ты хочешь в ней получить. Хорошие мысли и добрые слова, словно добрые цветы, которые в дальнейшем принесут чудесные плоды удачи, богатства и процветания. Негативные мысли и грубые слова в нашем саду растут, как сорняки, мешающие прекрасным цветам, и подлежат беспощадному пропалыванию» (КП 2007, № 112).

Для базового компонента слова в контексте представлены метафоры *плоды*, *мысли*. Кроме того, названы ассоциаты *хорошие*, *добрые*, *чудесные*, *богатство*. Учитывая, что в контексте названы и базовый, и актуализирующий компоненты (*слова*, *цветы*, *сорняки*), представлены их ассоциаты-антонимы *грубые*, *негативные*, *мешающие*, *пропалывание*, *беспощадное*, степень ономазиологической плотности текста можно считать высокой.

Робот-«целовальщик» (заголовок): Находящимся в разлуке влюбленным больше не нужно ждать встречи с объектом обожания, чтобы его расцеловать. Сингапурские специалисты создали высокотехнологичного «целовальщика». Kissenger доставит поцелуй адресату, как бы далеко он не находился. В комплект входят два устройства. Одно «принимает» поцелуй с помощью сенсоров, фиксирующих физические параметры. Технологии цифровой связи обеспечивают передачу информации на второе устройство, которое воспроизводит поцелуй с помощью силиконовых губ. Способы выражения симпатии и влюбленности не впервые получают подобную высокотехнологичную реализацию (BF, февраль, 2013).

В данном случае высокая степень ОПТ обусловлена: 1) однокоренными с компонентами СН словами *поцелуй*, *расцеловать*; 2) словами одной ТГ «Устройства»: (*высокие*) *технологии*, *реализация*, *комплект*, *сенсоры*, (*цифровая*) *связь*, *передача информации*, *доставить*; 3) синонимами *объект*, *kissenger*, *устройство*; 4) ассоциатами *влюбленные*, *обожание*, *влюбленность*, (*силиконовые*) *губы*, *симпатия*, *воспроизводить*. Второй компонент разнословного сложения «целовальщик» употребляется в тексте дважды, что повышает уровень ономазиологической плотности контекста.

Фактический материал подтверждает, что в одном мини-тексте с высокой степенью ОПТ употребляются несколько видов слов-стимулов. Как, правило, в их число входят однокоренные слова, ассоциаты и слова, объединенные одной ТГ. Подобных контекстов среди текстов с высоким уровнем ономазиологической плотности – 2,5%. «Семантически родственные слова ускоряют или облегчают распознавание друг друга. Если первое родственное слово активизировано, то одновременно активизируются все концептуально близкие слова, что облегчает процесс распознавания других ассоциативно родственных слов» [4, с. 63].

Ожог-камень (заголовок): о природном феномене в Латвии. Главная загадка по-кайских камней, ради которой сюда едут туристы, – термические аномалии. Некоторые камни даже в холодные дни до того горячи, что согревают ладони. Другие, напротив, даже в жару обладают холодом.

Три девушки из города Талси, – рассказывает Анита, – прислонили ладони к теплему камню – и на глазах кисти рук покрылись морщинами, как у глубоких старух.

Во время другой экскурсии у пятиклассника, приложившего ладонь к теплему камню, левая кисть оказалась заметно больше правой. Анита потом не раз трогала руками валун, вызвавший эту странность, и однажды так обожгла руку, что вскрикнула (АиФ 2009, №40).

В данном случае высокая степень ОПТ создается разными видами слов-стимулов. Базовый компонент *камень* неоднократно назван в контексте. Кроме того, представлен его синоним *валун*. Актуализирующий компонент *ожог* имеет однокоренное слово *обожгла*. В контексте также представлены антонимические пары *холодные* – *горячи*, *жара* – *холод*, ассоциативно связанные с актуализирующим компонентом.

Подобного рода контексты встречаются редко (они составили лишь 1%).

Каналы-двойники: Есть опасность, что на «шестой кнопке» получится еще один «типовой» канал. Ведь сейчас на разных кнопках под схожими названиями одни и те же «звезды» танцуют, катаются на льду, перпевают старые песни, участвуют в похожих, как близнецы, ток-шоу. Может, логичнее было бы сократить количество таких каналов-двойников, многие из которых прямо или косвенно дотируются из того же государственного кармана (АиФ 2009, № 41).

Высокая степень ОПТ обусловлена тем, что в контексте названы базовый и актуализирующий компоненты. Компонент *канал* представлен в контексте неоднократно. Компонент *двойники* представлен синонимами «типовой», «одни и те же», «близнецы», «похожие».

Ассоциативно с компонентами СН связаны слова и словосочетания *схожие (названия), кнопки, ток-шоу, перпевать*.

В нашей картотеке отмечено СН *монета-гигант* в контексте с высокой ОПТ:

Монета-гигант стоит миллионы рублей. Зачем нужна «царь монета»? (заголовок). Самая тяжелая монета России (вес прежней рекордсменки – 3 кг) выпущена к 150-летию Центробанка. Номинал монеты 50 тыс. рублей, но поскольку она изготовлена из золота, ее рыночная стоимость составляет несколько миллионов рублей. Эти монеты выкупит сам же ЦБ, а потом их будут преподносить в дар главам иностранных государств (АиФ 2010, № 17).

Нам представляется, что компонент *монета* можно считать базовым, второй же компонент составного наименования – актуализирующий. Базовый компонент *монета* отмечен в контексте 4 раза. В тематическую группу «Деньги», наряду с указанным словом, можно отнести стимулы (*миллионы) рублей, (несколько миллионов) рублей, золото; ассоциаты Центробанк, ЦБ, номинал, дар*.

Синонимом СН *монета-гигант* является «царь монета». Актуализирующий компонент *гигант* ассоциативно связан с сочетаниями *тяжелая монета, номинал 50 тыс. рублей*. Контекстов с подобным набором слов-стимулов большинство – 5,5 %.

Печень: орган-альтруист (заголовок): Печень участвует в обмене веществ – белков, жиров, витаминов и углеводов, она же – главная преграда на пути вредных и ядовитых веществ. Каждая печеночная клетка оплетена мельчайшими кровеносными сосудами. Кровь, насыщенная как полезными, так и вредными веществами, проходит по этим сосудам. Обмен веществ происходит через стенки печеночных клеток (мембраны). Когда мембраны в целостности и сохранности – печень работает исправно (АиФ 2010, № 6).

Базовый компонент *орган* выступает в качестве родового по отношению к слову *печень*, названному 3 раза в контексте. Кроме того, в тексте дважды представлено однокоренное слово *печеночная* (клетка). Выделим слова тематической группы «Биохимические процессы»: *обмен веществ, белки, жиры, витамины, углеводы, (печеночная) клетка, мембрана, стенки (клеток), сосуды, кровь*.

Метафорическое значение актуализирующего компонента *альтруист* выводится из всего контекста. Альтруистом называют человека, готового бескорыстно действовать на пользу другим, не считаясь со своими личными интересами. В указанном контексте альтруистом названа печень, способствующая обмену веществ.

Автомобиль-хамелеон (заголовок). Появилась краска, меняющая свой цвет под воздействием электрического тока. В ее состав включен парамагнитный оксид железа, и в зависимости от силы поданного тока и еще ряда параметров и условий цвет начинает меняться в широком диапазоне. При этом для исполнения хозяйской воли ему требуется одна секунда. Ученые позаботились, чтобы без надобности ничто не выдавало способности к изменению цвета. Тем более, что его базовый цвет белый, поэтому в регистрационных документах все будет однозначно и без повода для подозрений. После чего можно будет нажать кнопку и рвануть со светофора быстрее всяких правил на желтой машине, из-за поворота выехать на черной, а обогнать полицейского на красной. Пусть потом ищут по городу красный автомобиль (Собеседник 2008, № 10).

Составное наименование *автомобиль-хамелеон* вынесено в заглавие. Контекст позволяет понять его значение. Базовый компонент *автомобиль* указан в контексте. Кроме того, в нем употреблен синоним *машина*. Базовый компонент ассоциативно связан со словами и сочетаниями *краска, цвет, регистрационные документы, кнопка, светофор, правила, поворот, белый, желтая (машина), черная, красный (автомобиль)*.

Актуализирующий компонент *хамелеон* обусловлен развернутым сочетанием *меняющая свой цвет*, словом *цвет*, меняющимися цветами белый – красный (автомобиль), желтая – красная (машина). Все перечисленные языковые явления позволяют относить подобного рода контекст к контекстам с высокой степенью ономаσιологической плотности. Как отмечалось выше, таких контекстов не много.

Анализ фактического материала подтверждает тот факт, что даже небольшой по объему контекст можно отнести к контекстам с высокой степенью ОПТ:

Сын Виктора Ющенко скромно женился на однокласснице. Свекор-президент – гарант семейного счастья (КП 01.08.2009). Здесь названо лицо Виктор Ющенко, читатель знает, что это бывший президент Украины. В контексте представлены слова из одной ТГ: «Родственные отношения»: *сын – свекор*, также указан ассоциат *женился*.

Заключение

Таким образом, в контексте употребления наиболее полно и последовательно раскрывается значение составного наименования, выявляется динамика слово- и смыслообразования разнословного сложения. Условное выделение низкой и высокой степени ономаσιологической плотности текста связано в первую очередь с количеством репрезентированных в контексте мотиваторов. Разные контексты характеризуются разной степенью ОПТ. Среди исследованных нами контекстов выделены контексты с нулевой степенью ОПТ (34 %). Очевидно, это связано с тем, что в «большинстве случаев основой для создания и понимания СН адресатом является ориентация на разного рода пресуппозиции, жизненный опыт, которые автоматически предполагаются при образовании, употреблении и восприятии составного наименования» [5, с. 121].

Зафиксировано 58 % контекстов с низкой ОПТ и 8 % – с высокой ОПТ.

На наш взгляд, довольно высокий % контекстов с нулевой и низкой степенью ОПТ свидетельствует о том, что в СН объединяются слова узуальные, обычные, значение которых хорошо известно рядовым носителям языка. Значение созданных на их базе составных наименований довольно прозрачно, процент мотиваторов не высок. И лишь в тех случаях (8 %), когда в одном слове объединяются понятия далекие, логически несовместимые, но обусловленные какой-нибудь необычной речевой ситуацией, создается необходимость более широкого описания, в которое активно включаются мотиваторы различных видов, подготавливающие и предопределяющие структуру и значение составного наименования.

Список литературы

1. Малеева, М. С. Лексическая и синтаксическая объективация знания в словообразовательном контексте / М. С. Малеева – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983. – 127 с.
2. Дрога М. Составные наименования в русском языке / М. Дрога, Л. Плотникова – LAP LAMBERT Academic Publishing, Deutschland, 2011. – 166 с.
3. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
4. Потапова, Р. К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика / Р. К. Потапова – М.: Радио и связь, 1997. – 528 с.
5. Дрога, М. А. Составные наименования в русском языке (ономаσιологический и функциональный аспекты): дис. ... канд. филол. наук / М. А. Дрога – Белгород, 2010. – 174 с.
6. Сенько, Е. В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект / Е. В. Сенько – СПб.: Наука, 2007. – 354 с.
7. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складчиковой. – М.: Эксмо, 2007. – 1136 с.

ONOMASIOLOGICAL TEXTUAL DENSITY (BASED ON THE COMPOUND NOUNS)

M. A. Droga

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
droga@bsu.edu.ru*

The article is devoted to functioning of compound nouns in newspaper articles. Stimulus-words could be regarded as motivators of compound nouns in the given contexts. Different contexts are characterized by different degrees of occurrence of language markers. This proposition makes it necessary to use a special term “onomasiological textual density” which could be defined as a degree of use of marker words in the texts that determine meaning making and word formation of compound nouns. These contexts are characterized by zero, low positive and high positive degrees of onomasiological textual density.

Keywords: compound nouns, onomasiological textual density, degree of density, stimulus-word, representative words.

УДК 81'367

СИСТЕМНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОЖНОПОДЧИНЁННОГО ИЗЪЯСНИТЕЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Т. Н. Литвинова*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
Litvinova_T@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается системная характеристика сложноподчинённого изъяснительного предложения. Пересматриваются традиционные взгляды на грамматические модификации данного типа предложения. Особое внимание уделяется функциональной специфике придаточной части предложения и коммуникативной значимости рассматриваемого типа предложения.

Ключевые слова: системная характеристика, содержание, форма, функция.

Введение

Способы выражения изъяснительных отношений в сложноподчинённом предложении в течение долгого времени привлекали внимание лингвистов (Е. И. Белая, В. А. Белашапкова, В. А. Богородский, Г. В. Валимова, Г. А. Гаврилова, Г. А. Золотова, В. И. Красных, М. Ю. Максимов, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, М. Е. Проселкова, З. И. Сулейманова, С. В. Усова, Н. И. Формановская, Н. И. Чайковская и др.). Интерес учёных-исследователей к сложноподчинённым изъяснительным предложениям обусловлен тем, «что подобные конструкции включают структурно и семантически неоднородные единицы», вызывающие причину «постоянных дискуссий вокруг данного вопроса» [1, с. 16]. Приобретение и усвоение лингвистических знаний способов выражения изъяснительных отношений в сложноподчинённом предложении объясняется структурной сложностью и семантическим разнообразием этих конструкций. В своей статье мы сделаем попытку рассмотреть системную организацию сложноподчинённого изъяснительного предложения, включающую структурно-семантические характеристики и функциональную специфику названной синтаксической единицы.

В функциональном направлении грамматических исследований на передний план, естественно, выдвигается понятие функции языковой единицы, под которой понимается свойственная ей в языковой системе «способность к выполнению определённого назначения и к соответствующему функционированию в речи; вместе с тем функция – результат функционирования, т. е. реализованное назначение, достигнутая в речи цель» [2, с. 8].

Основная часть

Функциональная грамматика как теоретическое направление в современном языкознании во многом обеспечивает лингвистическую базу обучения русскому языку. Она предполагает описание системы закономерностей и правил функционирования грамматических единиц во взаимодействии с элементами разных языковых уровней, участвующих в выражении смысла высказывания. Согласимся с О. А. Лаптевой в том, что «кратчайший путь к познанию любого объекта, в том числе, и языка, может быть найден лишь при условии системного представления этого объекта» [3, с. 3].

Имея непосредственный выход в конкретную ситуацию речи, в процесс коммуникации, функциональная грамматика обеспечивает переход от языка как семиотической системы к языку как деятельности, а также предполагает описание системной организации предложения, включающее решение трёх основных вопросов: «что?», «как?», «зачем?», указывающих на смысл высказывания, конструктивные, формальные средства выражения данного содержания и функциональное назначение конкретной синтаксической единицы.

В связи с этим нами учитывались следующие критерии:

1) рассмотрение каждой синтаксической единицы со стороны её структурной организации, значения языковых средств и особенностей их использования в речи;

2) выявление особенностей выражения грамматических значений внутри главной и придаточной частей предложения (видо-временные парадигмы; категории рода и числа) и отношений, складывающихся между частями сложноподчинённого изъяснительного предложения (в соответствии с грамматической и лексической семантикой сочетающихся предложений);

3) представление особенностей использования языкового материала в зависимости от сферы употребления. Учёт этих критериев способствует системному научному изучению существенных признаков сложноподчинённого предложения, предполагающему выявление его «внутренней обусловленности и связанности» [4, с. 67]. При этом понятия «значение», «форма» и «функция» имеют свои номинации. «*Значение* – категориальный и индивидуальный смысл слова, предложения и других значимых единиц языка. *Функция* – его конструктивные возможности как части целого в построении речи. *Форма* – служебные средства, главным образом морфологические, предназначенные маркировать эти функции» [5, с. 15].

Для понимания системных особенностей сложноподчинённых предложений (далее – СПП) с изъяснительной придаточной частью обращает внимание точка зрения Ш. Балли, разделившего высказывание на диктум и модус, соответствующие главной и придаточной частям, что обусловило деление предикатов на два класса: предикаты диктума, выражающие объективную информацию, и предикаты модуса, модусной рамки, проявляющие и позицию субъекта речи. Соединение в предложении указания на акт речи (мысли, мнения, знания, оценки, и её субъекта «автора») с диктумным содержанием этого акта порождает полипредикативную конструкцию, в которой можно видеть взаимодействие главной и придаточной частей. «Модусная, главная часть, включающая изъяснительные слова, передаёт первую микроситуацию, которая указывает на ту или иную степень реальности фактической ситуации, соответствующей придаточному предложению, либо даёт им оценку» [6, с. 95].

Принципом деления главной и придаточной частей служит признак наличия/отсутствия в структуре главной части сложноподчинённого изъяснительного предложения «главных членов, подлежащего и сказуемого, и на этом строится основополагающее противопоставление односоставных и двусоставных предложений. Обращает на себя внимание детализация односоставных типов и отсутствие её по отношению к двусоставным» [7, с. 101].

Условием формирования предложений каждого вида является комплексное участие морфологических, синтаксических и семантических средств: разграничение основных конструкций сложноподчинённых изъяснительных предложений «опирается на взаимодействие в каждом типе категориального значения, синтаксических функций, предназначенных этой категорией слов и морфологических средств, оформляющих эти функции» [8, с. 59].

Способы формального выражения образующих двусоставное предложение компонентов – субъекта и предиката – зависят от значения предложения: для предъявления информации к ситуации речи в сложном изъяснительном предложении используются в основном глаголы в форме 1-го лица, которые выражают прямое слово говорящего, в форме 2-го и 3-го лица – чужое слово; для выражения оценки, чувства, настроения используются слова других частей речи. Личный субъект (подлежащее) и его действие (предикат) – одно из основных типовых значений модели предложения.

Главная часть СПП с изъяснительной придаточной частью может представлять собой конструкцию односоставного предложения, выраженную:

1) неопределённо-личными предложениями, состоящими из одиночной глагольной формы: *Говорят*, что он хорошо знает японский язык;

2) безличными предложениями, глаголы которых классифицируют по значению:

а) называющие физиологическое / психологическое состояние живого существа, испытываемое помимо его воли: *Мне нравится*, что вы меня понимаете (структурная схема (имя в дат. п.) – глагол (сов./ несов. вида; наст./ пр. вр.);

б) обозначающие установление реального факта или субъективное представление: *говориться*, *считаться*, *предполагаться* (используются только в несов. виде); *по/казаться*, *оказываться* – *оказаться*. Предложения с указанными глаголами синони-

мичны неопределённо-личным предложениям с глаголами без постфикса – *ся* в форме 3-го лица, мн. ч.: *Считалось / Считали*, что полёты в космос – дело совсем непростое;

в) информирующие литературный источник без указания автора: В статье *говорится о ... (рассказывается, сообщается)*. В составе СПП с изъяснительной придаточной частью употребляются одиночные причастные предикативы. Они образуются от глаголов совершенного вида, составляющих видовую пару с глаголом на – *ся*: *сказать, установить, выяснить, доказать, заметить, объявить, заявить*. Таким образом, прослеживаются следующие видо-временные парадигмы: *говорится, говорилось, будет говориться; сказано, было сказано, будет сказано*. Эти безличные предложения соотносимы с определённо-личными глаголами обоих видов: *говорят, говорили, будут говорить; сказали, скажут* и т. д.;

3) номинативными, включающими в главную часть предложения прилагательные: *рад, счастлив, доволен* и др.; наречия: *хорошо, плохо, отлично, непонятно* и др.; существительные: *не/ правда* и др. «В основной круг употребления номинативного значения слова, круг его связей соответствует связям и отношениям самих предметов, процессов и явлений действительного мира» [9, с. 12].

В структурной организации СПП с изъяснительной придаточной частью важно определить не только и не столько номинацию, обозначение моделей предложений, сколько его «дифференциальные признаки, способствующие выявлению сходства и различия в их структурно-смысловом устройстве...» [7, с. 175].

Уникальность изъяснительных конструкций требует структурно-системного описания и определяет «необходимость комплексного и развёрнутого изучения всего изъяснительного механизма языка как системы способов выражения изъяснительного значения, а также необходимость поиска центра системы изъяснения», нахождение которого связано с выбором лексем, которые выступают как «ядро изъяснительного механизма» [10, с. 3].

Речь идёт об изъясняемых словах в главной части сложноподчинённого изъяснительного предложения, обладающих определёнными *грамматическими* и *семантическими признаками*, отражающими в своём значении отношение к информации как явлению объективной действительности и связанными с процессами говорения.

Системный характер, основанный на выявлении связей, обнаруживается как между отдельными языковыми единицами внутри главной и придаточной частей, так и между частями отдельных сложных единиц.

Внутренние связи сложноподчинённого предложения с изъяснительной придаточной частью формируются семантическим ядром, представленным изъяснительным словом, выраженным:

1) глаголом (*говорить, сообщить, думать, спросить, знать, понимать, чувствовать, хотеть, просить* и т. д.), чьей семантикой является *акциональность*, а функцией – *быть предикатом*. Внутренние отношения регулируются видо-временными грамматическими категориями;

2) существительным (*мысль, вопрос, сообщение* и т. д.), семантикой которых является *предметность*, а функцией – *быть субъектом*. Грамматические категории определены родом и числом имени существительного;

3) краткой формой прилагательного (*рад, доволен, уверен* и т. д.) или наречия (*известно, понятно, нужно, жаль* и т. д.), чьей семантикой является *внутреннее состояние человека*, а функцией – *атрибутивность* (качественное определение действия). Грамматические категории определены родом и числом прилагательного. Как правило, главная часть предложения отличается небольшим количеством лексических единиц, что противоположно объёму придаточной части.

Характерной особенностью СПП с изъяснительной придаточной частью является особое соотношение временных планов в главной и придаточной частях. Абсолютное время, связанное с моментом речи, помечается в главной части. В придаточной части время выступает не как абсолютное, а как относительное: настоящее время в придаточной части указывает на одновременность с действием в главной части; прошедшее время в придаточной части указывает на предшествование действию в главной части; будущее время в придаточной части указывает на временное следование за действием в главной части.

Системная характеристика СПП с изъяснительной придаточной частью позволяет выявить смысловые отношения между частями предложения в составе сложного, которые определяются *грамматической и лексической семантикой* сочетающихся предложений.

Изъяснительные придаточные в *семантическом плане* отличаются тем, что они чаще всего передают содержание речи, мысли, восприятия (именно это определяет их использование для выражения косвенной речи), или обозначают ситуацию, являющуюся объектом эмоциональной реакции или оценки:

а) *Сказал*, что Олимпийские игры в Сочи начались 7 февраля 2014 года. *Принято сообщение о том*, что ожидается шторм. *Подумал*, что ошибся. *Услышал*, как кто-то вошел. б) *Рад слышать*, что в соревнованиях по фигурному катанию команда России вышла на первое место и получила золотую медаль. *Хорошо / правильно*, что вы тоже занимаетесь спортом.

Таким образом, придаточные изъяснительные подчиняются таким контактными словам и словоформам главного предложения, которые лексически связаны с номинацией актов речи, интеллектуальной деятельности, эмоциональных реакций и оценок. Все интенциональные элементы объединяет наличие в структуре лексического значения информационной лексемы, позволяющей им иметь в качестве объектного распространителя придаточные с союзами *что, чтобы, как, будто*, союзной частицей *ли* и союзными словами.

Грамматические признаки сложного изъяснительного предложения проявляются во взаимодействии формальных средств (союзных скреп, сочетаемости модально-временных форм частей, в ряде случаев лексических элементов), составляющих комплекс, именуемый «формальной устроенностью сложного предложения» [10, с. 13].

В зависимости от способа соединения главной и придаточной частей, авторы АГ-80 выделяют два структурных варианта сложноподчинённого предложения с изъяснительной придаточной частью: с *союзной и собственно-вопросительной* связью частей:

1) предложения с союзным подчинением (придаточные выражают различные сообщения и косвенные побуждения). Предложения этой группы строятся по модели [изъясняемое слово + (-) к], (союз). Придаточное в них выражает или сообщение, или косвенное побуждение;

2) предложения с относительным подчинением, или собственно-вопросительной связью частей (с помощью союзных слов) или с союзом-частицей *ли* (*ли...или*), (придаточные выражают не само сообщение, а лишь его тему). Придаточные этой группы строятся по модели [изъясняемое слово + (-) к], (с.с. или с.ч.).

Основным способом выражения изъяснения в сложноподчинённом предложении является придаточная часть, включающая в зависимости от целевого назначения определённый союз или *союзное слово*, которые выражают грамматическую специфику изъяснительных конструкций, состоящую в том, «что в качестве доминирующего союза используется союз *что* и принципиально возможно использование всей совокупности союзных слов – относительных местоимений, включая местоименные наречия» [11, с. 76]. Например: Мы не знали, *что он уезжает (когда / куда / почему / зачем / с кем уезжает)*. Возможность использования любого союзного слова обусловлена тем, что в изъяснительных придаточных они имеют косвенно-вопросительное значение, что констатировалось и А. М. Пешковским.

«Другая грамматическая особенность изъяснительных конструкций связана с использованием *коррелятов*», которые употребляются соотносительно с союзом и союзным словом в главной части сложноподчинённого изъяснительного предложения [11, с. 77].

В сложноподчинённых изъяснительных предложениях во многих случаях употребление коррелята оказывается структурно необязательным, факультативным. Например: Нам рассказали (*о том*), что международный факультет БелГУ работает уже более тридцати лет. Здесь коррелят усиливает, выделяет объективную роль изъясняемого слова и его связь с придаточной частью.

Следующей грамматической особенностью можно назвать формы глагольного времени, как соотношения показателя времени в главной и придаточной частях сложноподчинённого изъяснительного предложения. «Межъязыковое несоответствие имеется в том случае, если в главной части предложения глагол-сказуемое стоит в форме прошедшего времени». При этом «глагольное время определяется не установкой говорящего, а действующего лица высказывания» [12, с. 123; 131].

Подчеркнём, что виды подчинительной синтаксической связи получают не только чисто формальную характеристику, но и системно-функциональную, которую можно осуществить только с учётом назначения каждого компонента сочетания и лексико-грамматической связи между компонентами. Выбор союзной связи в составе СПП с изъяснительной придаточной частью определён внутренним признаком опорного (изъясняемого) слова, а именно, способом репрезентации информации, и её способностью выражать изъяснительные отношения. Так, глаголы *видеть*, *слышать*, *знать* и т.п. сами по себе не могут выражать изъяснительные отношения. Они приобретают способность выражать эти отношения при поддержке союзов *что*, *чтобы* и т. д. Однако «формальный подход к квалификации придаточных предложений не позволяет увидеть различий в семантике и правильно определить их вид» [13, с. 48]. И только совокупность системно-функциональных признаков даст возможность установить, что в предложении придаточная часть дополняет изъясняемое слово главной части предложения, отвечает на вопрос косвенного падежа, присоединяется союзом или союзным словом к главной части предложения и является придаточным изъяснительным, функциональная значимость которого служит для выражения сообщения, волеизъявления, вопроса.

Смысл, который хочет передать говорящий, включает определенные грамматические категории и их сочетание, рассматриваемые не только как формы и структуры, но и как средства выражения определенных мыслей, отношений, коммуникативных намерений. Функциональный тип сложноподчинённого изъяснительного предложения определяется в зависимости от целеустановки главной части. Если она носит повествовательный характер, всё предложение признаётся повествовательным. Например: Мы знаем, что *завтра состоится экскурсия в зоологический музей*. Если главная часть выражает вопрос, сложноподчинённое предложение квалифицируется как вопросительное: Вы не знаете, *где Марта?*

В описании сложноподчинённого предложения с союзными частицами *ли* и *не ... ли* лингвистами рассматриваются положительные и отрицательные варианты. «Придаточная часть изъяснительного предложения со значением вопроса, поиска информации называют ситуацией, решение которой неизвестно, предполагает альтернативность. Предложения с положительной и отрицательной частью отражают разные альтернативные исходы называемой ситуации». Сравним: 1. Я хотел узнать, *получил ли* ты мое письмо (если письмо отправлено, оно должно быть получено); 2. Я хотел узнать, *не затерялось ли* мое письмо (неправильное развитие ситуации с письмом) [14, с. 88].

Придаточная часть изъяснительного предложения со значением вопроса, включающая союзные слова *кто*, *что*, *где*, *какой* и др., вводят в придаточную часть с вопросом о содержании события *диктальный вопрос* – сравним: Я хотел узнать, *поедем ли* мы в июне в Санкт-Петербург – реализуется коммуникативная установка выяснить, соответствует событие действительности или нет; 2. Я хотел узнать, *когда* мы поедем в Петербург – реализуется коммуникативная установка выяснить время события; 3. Я хотел узнать, *зачем* мы поедем в Санкт-Петербург – реализуется коммуникативная установка выяснить цель события.

Опорные изъясняемые слова, требующие изъяснительной придаточной части, передающей вопрос, обозначают:

а) незнание (*не знать*, *не понимать*, *не слышать*, *не видеть*, *не представлять себе*; *непонятно*, *неизвестно*; *трудно сказать* и др.);

б) получение знания, процесс познания (*спросить*, *задать вопрос*, *узнать*, *размышлять*, *думать*, *спорить*, *выяснить* и т. д.).

В том случае, если главная часть содержит побуждение, предложение рассматривается как побудительное: Никогда *не верь тому*, что тебе говорят дурного о животных (А. Куприн).

В разговорной речи возможно функционирование повествовательно-вопросительного предложения. Основная коммуникативная цель придаточных предложений в таких конструкциях – выражение вопроса. При этом главная часть приобретает нетипичный для неё «вспомогательный» характер (восполнение недостатка знаний информации или психологическую необходимость субъекта речи). Главная часть в этом случае носит преимущественно нераспространённый характер и включает опорные слова с се-

мантическим компонентом «незнание»: *Интересно знать*, кто это сделал? Другие же сложноподчинённые предложения с изъяснительной придаточной частью косвенно-вопросительного подтипа целесообразно рассматривать как повествовательные, так они содержат сообщение о вопросе, констатацию факта вопроса и не связаны непосредственно с коммуникативной ситуацией вопроса: *Я не знаю, куда пошёл Василий*.

Использование конкретного союза или союзного слова в сложноподчинённом изъяснительном предложении не только выполняет связующую и содержательную роль, но и способствует выражению определенного смысла предложения. «Неосведомленность говорящего, его стремление узнать что-либо выражается специальными языковыми средствами. Ими являются частицы и местоименные слова, а также особая интонация. Первая признается ярким маркирующим средством вопросительного значения является главным, другое (роль интонации) – дополнительным» [1, с. 37].

Выводы

Представленная нами характеристика сложноподчинённого изъяснительного предложения говорит о том, что изучение рассматриваемой синтаксической единицы осуществляется в единстве существенных признаков: содержания, формы, функции. *Содержательная сторона* СПП с изъяснительной придаточной частью представлена семантическим значением изъясняемых слов в главной его части. *Формальная сторона* предложения включает наличие:

а) союзов и союзных слов как средств связи между частями сложноподчинённого изъяснительного предложения. Выбор союзной и собственно-вопросительной связи между главной и придаточной частями предложения определяется внутренним признаком изъясняемого слова, а именно способом репрезентации информации и её способностью выражать изъяснительные отношения;

б) коррелята в главной части предложения, форма которого «определяется его функцией в главной части»: «достижение большей связанности частей предложения, а также акцентирование содержания» изъяснительного предложения;

в) формы глагольного времени, как соотношения показателя времени в главной и придаточной частях СПП изъяснительного предложения.

Функциональная значимость СПП с изъяснительной придаточной частью заключена в придаточной части предложения и служит для выражения сообщения, волеизъявления или вопроса.

Функционально-системная организация изъяснительных отношений в сложноподчинённом предложении позволяет представить синтаксическое поле каждого отдельно взятого вида сложноподчинённого предложения с изъяснительной придаточной частью следующим образом:

1) центр – основная модель; 2) грамматические модификации; 3) семантико-грамматические модификации (фазисные, модальные); 4) коммуникативные модификации (экспрессивные).

Список литературы

1. Белая, Е. И. Сложноподчинённые предложения с собственно-вопросительной связью частей как компонент текста: дис. ... канд. фил. наук / Е. И. Белая – Липецк, 2001. – 167 с.
2. Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / А. В. Бондарко, М. А. Шелякин, В. С. Храковский; отв. ред. А. В. Бондарко – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 352 с.
3. Лаптева, О. А. Языковая системность при коммуникативном обучении / под ред. О. А. Лаптевой, Н. А. Лобановой, Н. И. Формановской. – М.: Рус. яз., 1988. – С. 3-4.
4. Золотова, Г. А. Об основаниях классификации / Г. А. Золотова // Русский язык за рубежом. – 1989. – № 5. – С. 66 – 73.
5. Золотова, Г. А. О возможностях грамматической науки / Г. А. Золотова // Вопросы языкознания. – 2006. – № 3. – С. 14 – 21.
6. Першикова, М. С. Функционально-семантически анализ конструкций со словом «чтобы» в русском языке / М. С. Першикова // Лингвистические проблемы функционального моделирования РД. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. – С. 93 – 101.
7. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 368 с.

8. Золотова, Г. А. О чём говорит предложение? / Г. А. Золотова // Мир русского слова. – 2005. – № 3 – 4. – С. 58 – 61.
9. Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1953. – № 5. – С. 12 – 26.
10. Чайковская, Н. Н. Способы выражения изъяснительных отношений в современном русском языке: автореф. дис. ... док. филол. наук / Н. Н. Чайковская – Л., 1989. – 30 с.
11. Скобликова, Е. С. Заметки о разных классификациях сложноподчинённых предложений / Е. С. Скобликова // Русский язык в школе. – 2001. – № 6. – С. 75 – 80.
12. Вагнер, В. Н. Синтаксис русского языка как иностранного и его преподавание : учеб. пособие / В. Н. Вагнер – М.: Наука, 2005. – 168 с.
13. Канакина, Г. И. Один из примеров усвоения синтаксической теории / Г. И. Канакина // Русская словесность. – 2005. – № 5. – С. 48 – 50.
14. Величко, А. В. Особенности усвоения лексических и грамматических явлений русского языка, обусловленные сходством и различием русского и национального языкового сознания / А. В. Величко // Мир русского слова. – 2011. – № 2. – С. 85 – 90.

SYSTEM DESCRIPTION OF A COMPLEX SENTENCE WITH COMPLEMENT CLAUSE

T. N. Litvinova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Litvinova_T@bsu.edu.ru*

The article discusses the features of a complex sentence with complement clause. The author revises the traditional views of the grammatical modifications of this type. The special attention is given to the functional specifics of the subordinate parts of the sentence and communicative significance of this type of sentences.

Keywords: system description, content, form, function.

СИСТЕМА ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ БЫТИЯ И ОБЛАДАНИЯ

**О. В. Сеньюкова
Ю. А. Климова**

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
oksana-senyukova@yandex.ru
julia_klimova07@mail.ru*

Данная статья является фрагментом исследования, посвящённого функционально-семантической характеристике русских глаголов бытия и обладания. Языковые средства, выражающие категории бытия и обладания максимально представлены русским глаголом. Глаголы бытия и обладания представляют собой широкий класс лексем, именующих различные фазы, а также процессы и состояния. Функционально-семантический подход предполагает использование различных контекстов для анализа особенностей функционирования данных глаголов.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле, категория бытия, категория обладания, локативность, посессивность, бытийность.

Введение

Глаголы бытия и обладания в течение длительного периода времени являются предметом пристального внимания лингвистов в силу целого ряда особенностей. Данные глаголы являются достаточно частотными, а также широко употребляются в различных сферах общения, обладают богатым набором лексических значений, кроме этого, они многозначны по своим морфологическим характеристикам (В. Г. Адмони, Б. А. Алишева, Кр. Бидем, А. Видаль, С. П. Гамзатова, Н. В. Деева, Т. Е. Зубова, Л. Г. Кораблева, Л. А. Корнеева, А. А. Корсакова, А. М. Кузнецова, З. М. Невская, О. Н. Селиверстова, Ж. А. Сергеева, Л. К. Серова, И. А. Стернин, О. А. Правосуд, В. Д. Федорова, Н. Ю. Шведова, Y. Drinkmann, J. Falk, J. Lyons, A. Meillet, E. Seifert и другие ученые-лингвисты).

Анализ современных лингвистических исследований показал, что в настоящее время существует несколько точек зрения на определение понятия «глаголы бытия» и «глаголы обладания». Так, Л. И. Лухт, Ю. С. Степанов, А. В. Супрун и другие исследователи рассматривают вопросы о границах их семантической структуры, системе значений, валентности и сочетаемости; А. А. Авдеев, А. Л. Ленца и др. определяют их функции в структуре грамматических аналитических конструкций; Н. В. Друзина, В. В. Колесов, С. П. Лопушанская и др. исследуют особенности функционирования данных глаголов в различных стилях речи с позиций теории речевой деятельности и лингвокогнитологии.

Некоторые ученые глаголы бытия и обладания относят к широкозначным ядерным словам (Ю. С. Степанов). Другие называют фундаментальными глаголами состояния (Л. М. Скрелина и др.), полистатусными (В. В. Колесов), полисемантическими глаголами, которые имеют достаточно большие возможности семантического варьирования (О. А. Правосуд) и многообразные, универсальные и вспомогательные грамматические функции (В. И. Абаев, А. Л. Ленца), в том числе, способность функционировать в составе стандартных синтагматических единиц (В. И. Кудинова) и т. д.

Ученые-лингвисты (Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев и др.) отмечают, что реализация семантического значения слова связана с особенностями его функционирования в предложениях/контекстах определенного типа. Анализ функционирования слова (в том числе глагольного) позволяет увидеть изменения, происходящие в качественных характеристиках глаголов бытия и обладания, поскольку именно в речи «семантика слова вступает во взаимодействие с семантической структурой всего высказывания. Семы данного слова могут присутствовать в семантике других компонентов высказывания, а также подсказываться ситуацией» [1, с. 80 – 81].

Названная система понимается А. В. Бондарко как система функционально-семантических полей (ФСП). При этом выделяется два вида ФСП: 1) поля с функциональ-

но-семантическим инвариантом, выраженные языковыми средствами только одного уровня. Это элементарные грамматические и лексические поля; 2) функционально-семантические поля, обладающие морфологическим ядром, которые идентичны функционально-семантическим категориям, таким, как темпоральность, модальность, залоговость, персональность, аспектуальность и др.

Различия между этими полями выражаются в следующем: грамматическое поле относится к одной стороне языка, к грамматической, к одному языковому уровню, а ФСП второго вида охватывает более широкую языковую сферу, куда входят как грамматические категории, так и связанные с ними функционально-семантической общностью элементы, относящиеся к разным уровням.

Морфологические категории рассматриваются в комплексах разноуровневых языковых явлений, на основе взаимодействия которых формируются отдельные участки (поля) семантической системы языка. Общее назначение единиц разных уровней языка (лексика, словообразования, морфологии, синтаксиса) для выражения определенных значений является критерием выделения таких ФСП.

В соответствии с этой теорией поля морфологические категории представлены в комплексах разнородных по форме, но одинаковых или сходных по функции языковых единиц, а также во взаимосвязи и взаимодействии с различными элементами контекста, участвующими в передаче того или иного смыслового отношения (А. В. Бондарко).

Функционально-семантическое поле у глаголов бытия и обладания

Анализ литературы позволяет выделить следующие ФСП глаголов бытия и обладания: 1) ФСП бытийности; 2) ФСП локативности; 3) ФСП качественности; 4) ФСП possessивности.

Авторы «Теории функциональной грамматики» (А. В. Бондарко, М. Д. Воейкова, Е. А. Реферовская и др.) рассматривают бытийность как семантическую категорию, объединяющую различные варианты значений существования, бытия, наличия. Группировка разноуровневых средств того или иного языка, служащих для выражения названных вариантов, представляет собой ФСП бытийности.

Предложения, формально представляющие понятие бытия, принято выделять в особый тип: бытийные предложения или «экзистенциальные предложения». Они отражают пространственно-предметный аспект мира, в них утверждается или отрицается существование. При этом область бытия может варьироваться от пределов мира, вселенной, взятой в отвлечении от ее пространственных и временных границ, до микромира человека или даже его части, рассматриваемой в определенный момент бытия. Она может иметь как материальный, так и идеальный характер, а также восприниматься как некоторая система отношений или как совокупность объектов [2, с. 233].

С синтаксической точки зрения, к экзистенциальным предложениям, неоднократно становившимся объектом изучения исследователей различных языков, традиционно относят предложения с глаголом *быть* и *иметь* в их экзистенциальной функции.

Возможность реализации глаголом *быть* понятия о принадлежности / не принадлежности относит его в русском языке к основным глаголам, исполняющим роль предикатов существования в синтаксических конструкциях, которые образуют один из двух центров поля бытийности [3, с. 54].

Факт существования некоего лица в определенных условиях места и времени сближает ФСП бытийности и локативности и отводит им центральное место в ФСП экзистенции. Различны они по своей коммуникативной цели: во-первых, сообщаемым является субъект бытия, во-вторых, – сам локализатор [2, с. 210].

Локативные отношения определяются как «тип пространственных отношений, который устанавливается между предметом ориентации и ориентиром», где предмет ориентации – «то, чему дается локативная характеристика», а ориентир – «то, относительно чего определяется местоположение предмета ориентации» [4, с.73].

Принцип ФСП предполагает для анализа функционирования данных глаголов использование различных контекстов. Г. В. Колшанский определяет контекст как одну из основных категорий языка, если рассматривать его в коммуникативно-когнитивном ас-

пекте. Структура и смысловая интерпретация слова «практически ... включается в исследование контекстуальных условий» его функционирования [5, с. 63].

Типология контекстов экзистенции и локативности

На основе принципа ФСП можно выделить несколько типов контекстов экзистенции и локативности.

Контексты, передающие ситуацию предбытия:

а) контексты, отражающие ситуацию предбытия. Типовая семантика данной модели состоит в описании приближающегося события/явления: *Август надвигается. Вечер спускается.*

Структурная схема данного типа предложений – S (субъект) – P (предикат). В ряде случаев «предбытие» может быть показано как фаза существования того, что уже есть в реальности, но еще не воспринято со стороны субъекта и представляющееся ему как предстоящее: *Ему грозит опасность*; воспринимаемые субъекты в форме предложного падежа: *Осыпались листья в вашем саду*;

б) контексты со значением «зарождения», которое неотделимо от значения «становления», т. е. при сочетании глагола с определенным субъектом: *У меня созревает мысль*. Сравним с предложениями, передающими собственно ситуацию «становления и осуществления»: *Там поднялся ветер, закачались верхушки деревьев*.

Часто значение «зарождения» передается в предложениях посредством коррелятивных форм глагола НСВ, а в предложениях с глаголом СВ обозначается ситуация собственно возникновения субъекта, ср.: *Восходит чудное светило/ В душе, проснувшейся едва...* (М. Лермонтов).

«Приближение/близость» чего-либо может описываться через формы будущего времени глаголов бытийной семантики, однако в предложениях такого типа передается, как правило, субъективное восприятие приближающегося: *Чую – будет гроза*.

Контексты, передающие ситуацию появления:

а) контексты, представляющие ситуацию появления/начала бытия. Ядром данных предложений являются глаголы семантических подгрупп со значением «собственно появления», «обнаружения и самовыявления», «становления и осуществления»: *Настал декабрь, все кончилось*. Появление может восприниматься как самовыявление субъекта: *Загорались огни, и восходили первые звезды: белые, синие, зеленые*. Под субъектом в данном случае понимается некоторый предмет, событие, «являющиеся исходными в семантической структуре предложения» и представляющие собой «денотат подлежащего» [6, с. 79];

б) контексты, сообщающие о факте появления с дополнительными локативными характеристиками. В предложениях этого типа локативные характеристики могут сочетаться с темпоральными: *Зимой в ленинградской квартире раздался звонок в дверь*. Темпоральные характеристики могут квалифицироваться как объективные (время года, суток и т.п.) – *днем, в три часа, в понедельник, летом*; субъективные (период жизни, возраст) – «*в моем детстве*».

Контексты, передающие ситуацию каузации, начала существования.

Типовая семантика предложений данной модели выражается в том, что некоторый субъект дает начало какому-либо событию, способствует появлению, возникновению чего/чего-либо: *Стало холодно, и я разжег костер; Я включила свет и некоторое время смотрела на свои руки*.

Образные семантические модели представлены следующим образом: а) человек/событие дает начало новому явлению, подобно тому, как производят на свет живое существо: *Зло порождает зло*; б) кто/что-либо дает начало чему-либо, как будто способствует появлению огня: *Должно быть, в чужом, инородном слове чудится людям какая-то таинственность*; в) человек способствует появлению чего-либо в пространстве внутреннего мира другого человека: *За то, что праздник светлый / Влила ты в грудь мою* (С. Есенин).

Контексты, отражающие ситуацию собственно бытия:

а) контексты, отражающие ситуацию собственно бытия. Типовая семантика данных предложений отражает факт наличия/существования в действительности каких-либо

предметов, событий и т.п., а также живых существ (человека, животного): *А есть птица Финист. У Антона (вечером) был брат Виктор;*

б) контексты, близкие к посессивным, построенные по модели «быть/иметься у кого-либо»: *Соседка есть у нас одна.* Подобные предложения могут быть переведены в собственно предложения со значением обладания: *Переведите гостям: у нас все есть – Мы имеем все, что нужно.*

Особое место занимают предложения с глаголом *иметь* – основным глаголом обладания, который в определенной ситуации может встраиваться в предложения бытийной семантики. Так, предложение *Ее кожа была по-детски нежной* может быть трансформировано в равнозначное ему: *Ее кожа имела детскую нежность.* Н. Д. Арутюнова отмечает, что подобная замена возможна для «предложений предметного значения, относящихся к микромиру человека, по преимуществу, предложений статического значения» [7, с. 181], т. е. можно говорить о возможности перевода бытийного предложения, включающего посессивную формулу (*у кого-либо*) в предложения со значением обладания и наоборот: *... решающим моментом при подобной операции является быстрота пальцев оператора, т. е. техника, которой офтальмолог, его родственник действительно обладал лет двадцать назад, но сейчас у него уже руки не те – У него была та быстрота пальцев, которая так необходима при проведении операций.*

По словам С. Д. Кацнельсона, оба эти глагола (*быть, иметь*) «обнаруживают полное сходство, которое касается не только лексико-семантической, но и содержательной валентности». Далее автор пишет: «оба глагола в указанном значении двухместны; они открывают позиции для субъекта владения и объекта» [8, с. 64]. Следовательно, в предложениях с глаголами *иметь, быть* отводится первое позиционное место субъекту владения, а второе объекту, которым данный субъект владеет;

в) существование субъекта, определяемое не только рамками временных границ, но характеризующее локально, в данном случае обязательно обстоятельство места, обстоятельство времени факультативно при некоторых глаголах типа *ждать, ср. с приставочным прождать (до какой-либо поры)*: *Она прождала на улице до вечера;*

г) совмещенная семантическая модель может быть представлена предложениями со значением отождествления субъекта в отношении ко времени его существования: *Тогда был январь;* или человек находится в течение какого-либо времени где-либо, исполняя принудительно определенные обязанности. Предикативным центром здесь выступают глаголы типа *дежурить, сидеть (в тюрьме)*: *Брат год пробыл в тюрьме.*

Контексты с локализатором:

а) локализатор – весь мир. Такие предложения говорят о наличии или отсутствии в мире некоторых индивидуальных объектов или их класса: *Лишь ветер шевелил мои волосы, и в мире стояла тишина.*

Локализатор, являющийся синтаксически обстоятельством места, грамматически выражается существительными типа *мир, свет, вселенная* в форме предложного падежа с пространственными предлогами (*в/во, на*): *Она пройдет, не подозревая, что есть на свете я;*

б) локализатор с пространственным значением. Предложения этого типа утверждают существование/несуществование в некотором реальном фрагменте мира: 1) наличие: *На большом столе лежали стопки журналов, и стояло блюдо яблок;* 2) местонахождение: *В том месте, где стоит наш дом, улица повторяет изгиб реки;*

в) личностный локализатор. Данный локализатор содержится в предложениях, сообщающих о внутреннем мире человека, как одном из фрагментов бытия: *Своим поступком он доказал, что у него есть сердце. У каждого человек, даже самого плохого, есть внутри душа.*

Однако в одном предложении может употребляться сразу несколько локализаторов, при этом каждый последующий сужает представление об области существования, наличия: *Давно на окраине города, на Вокзальной, проживали железнодорожники.* Сужение: город > окраина > улица > Вокзальная. Сужение в данном случае воспринимается как все большая конкретизация пространства, местонахождения субъекта.

Контексты, передающие ситуацию достижения предела бытия.

Типовая семантика предложений данной модели – субъект бытия существует/проживает кто-либо до определенного момента, квалифицирующегося как некий предел, процесс в точке достижения предела мыслится как исчерпанный: *Им надо было стоять и не двигаться, держаться друг за друга... И спокойно дожидаться, пока придут спасатели.*

В предложениях такого типа предел мыслится как еще недостижимый, но вполне осуществимый при условии реализации того, что описывается в придаточном предложении.

Контексты, передающие ситуацию исчезновения, утраты, удаления.

Типовая семантика предложений – субъект перестает существовать самопроизвольно, либо под воздействием со стороны другого субъекта: *Студенческие годы кончались, впереди замаячили экзамены, и мы, полные сил, готовились к сессии. Мы чувствовали, как проходит неповторимая пора детства.*

Посессивность и бытийность русских глаголов

В лингвистической литературе представлены две основные тенденции толкования понятия обладания. Сторонники *первого подхода* придают категории обладания статус элементарной и соотносят ее только с материальным владением каким-либо конкретным видом собственности. Согласно *другой точке зрения*, обладание представляет собой всеобъемлющую категорию, отражающую отношения сопричастности, сопринадлежности двух объектов, как материальных, так и нематериальных.

При этом подчеркивается, что семантическая структуризация категории обладания включает: 1) собственно обладание (основа – отношение отчуждаемой собственности); 2) обладание частями и органами тела; 3) обладание психическими, физическими, эмоциональными свойствами и качествами, т. е. всем тем, что характеризует человека как физическую и психическую личность; 4) обладание семейно-родственными, социальными функциональными и другими отношениями, характеризующими личную сферу человека [9, с. 36].

Исходя из этого, ученые-лингвисты делают вывод о том, что ФСП посессивности является полицентрическим, не образующим единой гомогенной системы форм, что обусловлено различными типами посессивных функций, которым соответствуют определенные типы языковых средств.

Центр предикативной посессивности в русском языке составляют конструкции, в которых эксплицитно представлены все три элемента посессивной ситуации, проекции соответствующего ФСП на высказывание: оба члена реляции – посессор и объект обладания, а также реляционный предикат со значением посессивности.

Следует заметить, что высказывается и мысль о том, что в русском языке посессивность и бытийность связаны между собой, и представляют эту связь как априорную языковую универсалию [10, с. 182]. Семантическая близость обладания к бытию заключается во взаимоотношении между двумя связанными предметами в различных ракурсах. Соответственно различают «иметь»-языки (французский, английский, испанский и др.) и «быть»-языки (русский язык).

«Иметь»-языки противопоставляют мир бытия сфере принадлежности. «Быть»-языки, в частности русский язык, строят высказывания по одному образцу: «принцип бытия, существования применяется в нем и к тому, что есть в мире, и к тому, что есть в человеке, у человека, с человеком и в непосредственном окружении человека» [2, с. 257].

Основными средствами выражения значения обладания в русском языке являются конструкции, которые включают генетив с предлогом *у*, типа «*у меня есть*», интерпретируемый как «*у-локализатор*» (термин Н. Д. Арутюновой). Конструкции типа «*я имею*» ограничены в своем употреблении и относятся к периферии. По мнению С. Д. Кацнельсона, глагол *быть* выражает в таких случаях «не просто существование или наличие объекта, а владение им». В этом значении глагол *быть* становится синонимом глагола *иметь*. Более того, ученый считает, что в содержательном плане эти синонимы обнаруживают полное сходство, которое касается как их лексической семантики, так и содержательной валентности. Оба глагола в указанном значении двухместны и одинаково

используют словопорядок для разграничения позиций субъекта владения и объекта владения.

Ситуация посессивности посредством взаимодействия с ситуацией локативности может транспонироваться в ситуацию бытийности объекта, что достаточно характерно для переводов на русский язык. Сравните: *Peter has his time-table on the wall (англ.) / У Питера на стене висело расписание.* «Бытийность» русского глагола не исключает возможность аналогичной трансформации: *I had the first, the second and the third lesson today (англ.) / Сегодня был и первый, и второй, и третий урок.*

Заключение

Таким образом, в русском языке при интерпретации посессивной ситуации именно представление субъекта-посессора играет ту роль, которая в «иметь»-языках отводится глаголу. Аргументом данного предположения может служить обращение к глаголу *иметь* для «перепоручения выражения посессивных отношений, когда семантико-синтаксические условия препятствуют указанию субъекта-посессора: *У Антона есть свое дело*, но: *Иметь свое дело. Иметь совесть.* Реализация значения собственно обладания или фактического владения требует, чтобы объект обладания был выражен именем конкретно-предметной семантики и отмечен признаками «неодушевленность» и «отторженность». Например: *У Антона есть интересная книга. У Марии был хороший голос. У студентов была экскурсия по университету.* В силу естественной многомерности речевой ситуации реализация посессивной конструкции предполагает координацию с другими содержательными компонентами, что выражается во включении, прежде всего, качественных, количественных и локативных (как пространственных, так и временных) элементов, что можно увидеть на следующих примерах: *У студентов есть **несложное задание в кабинете информатики.***

Нельзя не учитывать и влияние национально-культурного своеобразия речи, в определенной мере проявляющееся в правилах и способах различных видов организации высказывания, обусловленных как системой, так и нормой языка перевода [11, с. 173]. Это своеобразие проявляется и при интерпретации в переводе предикативных посессивных конструкций посредством фразеологических оборотов, в частности, посессивность уступает место бытийности объекта обладания, реализуя, по сути, функцию характеристики самого обладателя: *Я и думать не мог, что у Антона водятся такие деньги.* Реализации посессивной конструкции, соотносимые с объектом – «свойство, качество, психическое состояние», представляют, по сути, эмоционально-психический подтип качественной характеристики [12, с. 80] и могут рассматриваться как репрезентация категории качественности. Например: *У Виктора нет чувства юмора. У Карлоса была прекрасная память.*

Все сказанное выше позволяет сделать вывод, языковые средства, выражающие категории бытия и обладания различны, но в максимальном объеме данные категории представлены русским глаголом. Глаголы бытия и обладания представляют собой широкий класс лексем, именующих различные фазы, а также процессы и состояния. В структуре ФСП глаголы бытия представляются, как микрополе с двумя ядерными глаголами *быть, жить*, а ФСП глаголы состояния – ядерными глаголами *иметь, обладать, принадлежать*.

Анализ структурно-семантического потенциала предложений, в которых выступают предикатами глаголы бытия и обладания показал: глаголы обладают одинаковыми моделиобразующими свойствами (то есть выступают предикатами в предложениях однотиповой семантики и структуры). Переносные (вторичные) значения глаголов дают возможность построению предложений по образной семантической модели. Среди предложений с глаголами бытия и обладания встречаются предложения, построенные по совмещенным семантическим моделям. Все предложения с глаголами бытия, выражая идею существования, могут быть квалифицированы как бытийные предложения, а с глаголами обладания – принадлежности, и классифицированы как предложения обладания. Именно на уровне предложений чаще реализуется взаимосвязь семантической категории бытия и обладания с другими категориями (локативности, посессивности, качественности), поскольку такие предложения допускают взаимозаменяемость глаголов (собственно бытия – собственно обладания).

Список литературы

1. Гак, В. Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова / В. Г. Гак // Вопросы описания лексико-семантической системы языка. Тезисы докладов – Ч. 1. – М.: МГПИ, 1971. – С. 80 – 81.
2. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова – М.: Наука, 1976. – 383 с.
3. Воейкова, М. Д. Бытийные ситуации / М. Д. Воейкова // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996. – С. 53 – 80.
4. Савинова, Е. К. Ономазиологическая категория локативности и ее отражение в производных наименованиях: дис. ... канд. филол. наук / Е. К. Савинова – М., 1989. – 211 с.
5. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский – М.: Наука, 1990. – 108 с.
6. Селиверстова, О. Н. Коммуникативная структура предложения и текст / О. Н. Селиверстова // Русский язык: Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах. Виноградовские чтения XIV – XV. / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1987. – С. 78 – 91.
7. Арутюнова, Н. Д., Русское предложение. Бытийный тип / Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Ширяев – М.: Высш. шк., 1983. – 346 с.
8. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
9. Виноградова, Н. Г. Категория обладания и ее языковая онтология в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук / Н. Г. Виноградова. – Иркутск, 2001. – 143 с.
10. Николаева, Т. М. Об одном подходе к интерпретации поссесивных значений / Т. М. Николаева // Язык: как система и функционирование. – М.: Наука, 1988. – С. 181-190.
11. Рылов, Ю. А. Очерки сопоставительного изучения испанского и русского языков / Ю. А. Рылов, Г. А. Бессарабова – Воронеж: Издат. – полиграф. центр ВПУ, 1997. – 188 с.
12. Акимова, Т. Г., Козинцева, Н. А. Значение качественной характеристики в конструкциях с глагольными предикатами / Т. Г. Акимова, Н. А. Козинцева // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – СПб.: Наука. 1996. – С. 79 – 93.

**SYSTEM OF FUNCTIONAL AND SEMANTIC FIELDS
OF THE RUSSIAN VERBS OF LIFE AND POSSESSION**

**O. V. Senyukova
J. A. Klimova**

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
oksana-senyukova@yandex.ru
julia_klimova07@mail.ru*

This article is a fragment of the research devoted to the functional and semantic characteristic of the Russian verbs of life and possession. The language means expressing categories of life and possession are most presented by the Russian verb. Verbs of life and possession represent a wide class of the lexemes calling various phases, and also processes and the conditions.

Keywords: functional and semantic field, category of life, category of possession.

УДК 811.161.1

КОНЦЕПТ «ПРОСТРАНСТВО» КАК ОБЪЕКТ СОВРЕМЕННОГО ЗНАНИЯ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДАННЫМИ ЯЗЫКА ФОЛЬКЛОРА

Т.С. Соколова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Sokolova@bsu.edu.ru*

В статье исследуется в сопоставительном аспекте коллекторий фольклорных номинаций с семантикой «пространственных» вербальных реакций как сведений ассоциативного эксперимента. Содержание ассоциативных полей позволяет показать, что фольклорный вербальный код является традиционной этнокультурной составляющей в современном осознании априорной категории бытия.

Ключевые слова: фольклорная номинация, вербальная реакция, ассоциативный эксперимент, этнокультурная информация.

Введение

Исторически сложившиеся этнические традиции в адаптации и познании действительности и ценностной ориентации в ней обнаруживаются и особо репрезентируются фольклорным вербальным кодом. В связи с этим изучение философии устно-поэтического слова, т. е. его концептуального содержания в контексте этнической культуры является актуальной проблемой. В современных изысканиях относительно языка фольклора как источника этнокультурной информации высказываются лишь замечания, обусловленные иными исследовательскими задачами. Так, К. Касьянова главными носителями этнического начала в любом народе признает, например, религию и фольклор или [1, с. 74]. В работе «Национальное самосознание русских» З. В. Сикевич отмечает, что «...этностереотипы, прямо или косвенно передаваемые в ходе этнокультурной трансмиссии, наиболее явственно обнаруживаются в языке, и в частности в фольклоре» [2, с. 97]. Приведённые замечания и мн. др. в литературе вопроса, несомненно, ценны, но редко или совсем не подкрепляются эмпирическим материалом из разножанровых фольклорных текстов. Полагаем, что эмпирика – это не «пролог», не «предисловие», но уже сама наука, позволяющая выстроить ход наблюдений с целью выявления закономерностей, которые становятся исследовательскими результатами, определяющими в свою очередь формирование научных убеждений.

Теоретические предпосылки

В данной работе мы руководствуемся концепцией, позволяющей расценивать фольклорный язык как источник антропо- и этнокультурной информации, специфически объективированной в жанровых версиях базовых концептов, которые модулируют «сердцевину» языковой картины фольклорного мира. В рамках рассматриваемой проблемы следует иметь в виду ряд её узловых моментов:

1. Язык фольклора мы определяем как социолингвистическую категорию, исторически меняющуюся во времени. В этом плане поддерживающим основанием предстает высказывание В.Я. Проппа: «генетически фольклор... сближаем **не с литературой, а с языком**, который также никем не выдуман и не имеет ни автора, ни авторов. Он возникает и изменяется совершенно закономерно и независимо от воли людей, везде там, где для этого в историческом развитии народов создались соответствующие условия» [3, с. 138]. Лингвистическую важность приведённого высказывания дополним уточнением, что именно фольклорный текстовый континуум свидетельствует, что в древности слова язык и народ были едиными;

2. При работе над коллекторием эмпирической базы следует держать в поле зрения корреляты понятий фольклорный язык – нефольклорный язык, которые во времени постоянно находятся в динамической координации. Язык фольклора соотносится с нефольклорным языком в разных аспектах. И. А. Оссоветский, известный лексиколог, диалектолог, лингвофольклорист, в своей работе, которую мы признаем программной и в современной лингвофольклористике, подчеркивает: «Прежде всего, это соотношение языка

фольклора с общенародным языком, под которым понимается весь русский язык в целом, как литературный, так и русские народные говоры» [4, с. 68];

3. Мы также принимаем во внимание положение, что русский язык как полевая система включает не только литературный язык, говоры, но и просторечие, жаргоны, идиолекты (речь индивида как языковой личности). В соответствии с этой парадигмой, по утверждению Н. И. Толстого, формируются функциональные пятичленные парадигмы словесности и культуры. Содержание национального самосознания, по замечанию ученого, определяется религиозной, общеплеменной, народной, местной, государственной принадлежностью индивида как субъекта самосознания [5, с. 140]. Приведённое положение для нас существенно в плане наблюдения над ассоциативными реакциями, обусловленными фольклорными номинациями-стимулами. Характер вербального реагирования, считаем, зависит как от объема знаний, кругозора языковой личности, ее социального статуса, профессиональной, возрастной категории и др., так и от особенностей идиолекта, которые определяются степенью языковой компетенции и речевой культуры (или субкультуры) в рамках парадигмы русского языка;

4. При лингвокогнитивном изучении языка фольклора эмпирическая база, по нашему мнению, должна состоять из сопоставляемых комплексов языковых фактов. Прежде всего, это фольклорный номинационный потенциал разножанровых устно-поэтических произведений. Обязательной частью эмпирического материала является субстрат языковых данных из индивидуально-авторских текстов, из разговорной речи, из диалектов. Особый фон образуют ассоциаты-реакции на фольклорные стимулы. Сопоставление языковых комплексов более наглядно иллюстрирует корреспонденцию коррелятов фольклорный язык – нефольклорный язык при выявлении фольклорных концептуальных признаков.

Экспериментальная часть

Цель наших наблюдений заключается в следующем. Мы обращаемся к той «клеточке» в «периодической таблице» взаимодействия языковых единиц, в которой сквозь призму ассоциативных показателей необходимо проследить, как «высвечивается» предзнаменность ключевых фольклорных реалий для репрезентации базовых концептов. Выявление системы концептуальных дескрипторов позволит определить показатель степени сохранности этнокультурных традиций, сквозь «сетку координат» которых каждый этнос строит в коллективном сознании свой образ мира. Языковым материалом для проведения эксперимента явились общежанровые номинации-стимулы, которые в фольклорном текстовом континууме обозначают «ландшафтный» тип пространства. Фольклорные стимулы были предложены 38 респондентам, проживающим в городской и сельской местности. Приведём данные четырёх ассоциативных полей, отражающих часть эксперимента на примере стимулов: **зелёный сад, чисто поле, дремучий лес, сине море**, которые сопровождалась однословными и сверхсловными реакциями (их частота отмечена цифрой). На основе тематического содержания вербальных реакций из современной речи были выявлены типы концептуальных дескрипторов.

Ассоциативное поле № 1. Номинационный стимул **зелёный сад** (36 реакций). Яблоко (и) – 9; урожай – 1; яблоня с плодами – 2; фруктовый сад – 1 – *‘завершённость вегетационного цикла вида дерева’*. Белый – 1; зелень – 1; цветущий – 1; цветы желтые – 1; яблони в цвету – 1 – *‘вегетационный цикл в процессе (признак по цвету)’*. Весна – 3; лето – 1; молодость – 1 – *‘время сезонное, персональное’*. Красиво – 3; красивый и прекрасный – 1; сказочный сад – 1 – *‘положительная оценочность освоенного пространства’*. Природа – 1; парк – 1; дом – 1; калитка – 1 – *‘пространство освоенное (внешнее); жильё; предел-пограничье’*. Покой – 1 – *‘состояние’*.

Ассоциативное поле № 2. Номинационный стимул **чисто поле** (34 реакции). Простор – 8; свобода – 1; широкое – 1 – *‘масштаб (большой), его восприятие’*. Пространство – 1; долина – 1; степь – 1; деревня – 2 – *‘пространство, его открытость, закрытость’*. Ковыль – 1; перекасти-поле – 1; трава – 1; цветы – 1 – *‘флора: невозделываемые культуры’*. Пшеница – 3; рожь – 1 – *‘флора: возделываемые культуры’*. Вспаханное поле – 1; всё убрано – 1; пусто – 1 – *‘состояние освоенного пространства’*. Красота – 1; золото – 1 – *‘положительное оценочное восприятие’*. Осень – 1; зима – 1 – *‘время года’*. Богатые –

1; песня – 1 – ‘человек, его проявление’. Колосистое – 1 – ‘признак вегетационного цикла возделываемой культуры’. Зерноуборочная – 1 – ‘время хозяйственной деятельности’.

Ассоциативное поле № 3. Номинационный стимул **дремучий лес** (38 реакций). Темнота – 5; тьма – 3; темно – 1; тёмный лес – 2; тёмный коридор – 1 – ‘отсутствие света’. Страх – 4; страшно – 4 – ‘эмоциональное состояние’. Чаща – 3; чащоба – 1; дебри – 1; тайга – 1; густота – 1 – ‘заросшее пространство’. Непролазный – 1; опасный – 1; девственный лес – 1 – ‘неосвоенное пространство’. Грибы – 1 – ‘флора’. Сказка – 3 – ‘фольклорный жанр’. Сказочный лес – 1 – ‘условно реальное пространство’. Волк – 1; кот учёный всё ходит по цепи кругом – 1 – ‘животное, его признак, действие’. Избушка на курьих ножках – 1 – ‘строение’.

Ассоциативное поле № 4. Номинационный стимул **сине море** (34 реакции). Отдых – 6; спокойствие – 2; отдых души – 1 – ‘состояние человека’. Волна (ы) – 6 – ‘рельеф водной поверхности’. Простор – 1; бескрайность – 1; бескрайнее – 1; дальнейе расстояние – 1 – ‘большой масштаб’. Глубокое – 2 – ‘параметрический признак’. Лазурь – 1; голубая даль – 1 – ‘цвет водной поверхности’. Парусник – 1; парус – 1 – ‘судно, его атрибут’. Айвазовский – 1; старик со старухой – 1 – ‘человек’. Юг – 1 – ‘сторона света’. Солнце – 1 – ‘источник света’. Горизонт – 1 – ‘видимая граница неба и водной поверхности’. Курорт – 1 – ‘место отдыха’. Океан, чайки – 1 – ‘вид водоёма, его обитатели’. Пушкинская сказка о золотой рыбке – 1 – ‘индивидуально-авторский текст’.

Исследовательский комментарий

Прокомментируем полученные результаты. 1. Выскажем прежде свои суждения относительно номинаций-стимулов с точки зрения их функционального статуса в фольклорном тексте (А. 1) и в плане их значимости как стимулов для проявления ассоциативных реакций носителями современного языка (Б. 1 – 5).

А. 1. В фольклорном тексте данные «ландшафтные» номинации, как и другие вербальные единицы, следует воспринимать в качестве не просто языковых знаков тех или иных категорий бытия. Эффект плотной связанности композиции и сюжета устно-поэтического текста и лаконичность его жанровых объемов, заданных традицией, обуславливают объективацию признаков фольклорных концептов посредством словарной системы, двоякой по своему характеру. С одной стороны, это лексическая система, состоящая из отдельных слов (словарь монолексем). С другой стороны, это система текста, состоящая из текстовых отрезков (словесных комплексов в своих разновидностях), которые по объему больше, чем слово. Но особо подчеркнём, что фольклорное слово наделено отличительным свойством – тяготением к блоковости. В словаре фольклорного текста стремление отдельного слова к блоковости выступает, прежде всего, как свойство номинативное и одновременно репрезентирующее содержание концепта. При этом в плане номинирования природу блоковости можно квалифицировать как сигнал к переходу от малодостаточности лексического способа номинирования к необходимому дополнению текстовыми номинантами, являющимися уже единицами синтаксического способа номинирования. Словесные комплексы как факты внутренних номинационных ресурсов словаря текста также свидетельствуют о поэтапности и динамике «языкового освоения» окружающего мира, а в связи с этим о соответствующих способах маркирования его реалий. Ограниченность во времени лексического способа номинирования в процессе адаптационной деятельности человека на определённом этапе стала дополняться, прежде всего, номинационными возможностями именно атрибутивных сочетаний в своих разновидностях. Считаем, что в пределах фольклорного текстового (синтаксического) способа номинирования наиболее продуктивным предстает атрибутивный способ. В языке фольклора бинарные номинанты типа «прилаг. + сущ.» преобладают по количеству и частотности употребления. Богатейший пласт атрибутивных сочетаний, в число которых входят «пространственные» номинации-стимулы, вербально фиксирует в определённом семантическом объеме степень познания пространства с избирательным выделением ценностно значимых признаков. Каждый из выделенных признаков на стадии поэтического мышления древним человеком воспринимался как символический, метафорический. Эта стадия мышления, полагаем, особенно наглядно запечатлена в содержании фольклорных номинант **зелёный сад, чисто поле, дремучий лес, сине море**, которые в своём тематическом объединении уже

предстают языковыми средствами, маркирующими фольклорный тип пространственной зоны – ландшафтный. В модели фольклорного пространства значимой является точка центра, в пределах которого находится человек и предпринимает действия в освоении внешнего и своего, внутреннего мира. Последовательность бинарных сочетаний в данном тематическом ряду является средством объективации радиальной дискретности пространства от центра по горизонтали в фольклорном образе мира. Пространственная дискретность общезанрово репрезентирована сквозь призму ведущей бинарной оппозиции «свой – чужой», корреляты которой многомерны по смыслу. **Зелёный сад** – это ‘своё пространство – познанное, освоенное, неопасное, закрытое, *terra culta*’. **Чисто поле** – ‘не своё пространство, больше чужое, еще не познанное, осваиваемое, открытое (ещё не *terra culta*)’. **Дремучий лес** – ‘чужое пространство, непознанное, опасное, *terra inculta*’. **Сине море** – ‘пограничье по горизонтали между своим и чужим, познанным и непознанным, опасным и неопасным, освоенным и неосвоенным’ также значимая зона в концептуализации фольклорного пространства.

Б. 1. Что же касается значимости фольклорных номинаций как стимулов, то она обусловлена их высокой частотностью в качестве ключевых единиц в различных жанрах. В связи с этим они известны для широкого круга носителей современного русского языка, что, в свою очередь, объясняет частоту совпадений ассоциатов-реакций у большинства респондентов;

2. Классификационно-систематизационный анализ тематических и лексико-семантических объединений вербальных реакций как фактов репрезентативного опыта в памяти человека позволяет выявить концептуальные дескрипторы – элементы этнического образа мира, отображенного «в сознании носителей данной культуры и проявленного в системе мотивов, оценок и культурных стереотипов» [6, с. 140]. Приведём примеры концептуальных дескрипторов, которые сквозь время «перекликаются» с особенностями древнего мировосприятия. В языке фольклора членение ландшафтного пространства вербально объективировано, прежде всего, с позиции зрительного восприятия интенсивности, насыщенности «свето-цветового спектра». См. компоненты **зелёный, чистый, дремучий, синий**, объединенные на основе «колоративного» семантического регистра. Для сопоставления обратимся к современным ассоциативным реакциям, эксплицитно и имплицитно репрезентирующим также «свето-цветовой» концептуальный «спектр». **Зелёный сад** – белый; зелень; цветущий; цветы жёлтые; яблони в цвету (‘вегетационный цикл в процессе: признак по цвету’). **Чисто поле** – трава; цветы (‘флора: невозделываемые культуры’); золото (‘позитивное оценочное восприятие’). **Дремучий лес** – темнота; тьма; темно; тёмный лес (‘отсутствие света’). **Сине море** – лазурь; голубая даль (‘цвет водной поверхности’);

3. Лингвокогнитивное наблюдение над вербальными реакциями показывает, что возникающие ассоциации отражают органическую связь традиционно устоявшихся коллективных восприятий категорий бытия (что подтверждается количеством совпадений при реагировании) с индивидуальными реакциями, образующими периферию в ассоциативных полях. Сопоставим концептуальные признаки, маркированные бинарной номинацией **зелёный сад** в качестве текстовой единицы, с содержанием концептуальных дескрипторов как смысловых «сгустков», выявляемых сквозь призму современных ассоциаций, вызванных данной реалией в статусе стимула. Общезанровая языковая единица **зелёный сад** – знак освоенного пространства, бывшего когда-то в пределах дремучего леса. В фольклорных сюжетах, в которых активна ключевая номинация **зелёный сад**, повествуется о мирных ситуациях: встречах, знакомствах, обещающих новые повороты в судьбе человека (преимущественно женщины): Тема сватовства открывается фольклорными строками: *Посажу я тебя во зелёный сад, / Во зелёный сад, под яблоню* (1, (1), с. 222). Признаковость символического обозначения невесты по ее месту нахождения оформляется синтаксическим окружением, образованным от сочетания **зелёный сад**. *Ой, да ты, рябина, да ты, рябинушка. / Ой, да ты садова зелена прикудрявая* (о девушке) (1, (1), с. 198). **Зелёный сад со вишеньем. Виноград с орешеньем** (о приданом невесты) (1, (2), с. 221). *Есть у тя молода племница... / У ней как есть в зелёных садах / Дубыца – вязьё повыращенное, / Позволь-ка мне...повырубити...* (2, (33), с. 460). Вегетационной зрелости дерева подобен и человек: см. строчки: *...позволь-ка*

мне...повырубити..., т. е. взять в жёны. Ср. с содержанием поговорки, бытующей в современной речи: «**По себе дерево срубил**», – так заявляет мужчина о своём удачном выборе жены, с которой прожил уже немало лет. В фольклорном тексте ключевая номинация **зелёный сад**, синтаксическое окружение с «фитонимическими» компонентами образуют вербальный комплекс как фольклорный способ маркирования ряда концептуальных признаков: ‘освоенность пространства и осознание его как *terra culta* в мире природы’; ‘значимость фитонимического локуса – дерева, вегетационным циклам которого изоморфны проявления человека: физический, возрастной расцвет, переживаемый положительный эмоционально-оценочный опыт на новом этапе жизненного пути’. Ср. с концептуальными дескрипторами, актуализированными вербальными реакциями на стимул **зелёный сад**: ‘завершённость вегетационного цикла дерева’ – яблоко (и); урожай; яблоня с плодами; фруктовый сад; ‘положительная оценочность освоенного пространства’ – красиво; красивый и прекрасный; сказочный сад; ‘пространство освоенное (внешнее); жильё; предел-пограничье’ – природа; парк; дом; калитка; ‘состояние’ – покой. Сопоставление контекстной реализации концептуальных признаков с содержанием ассоциативного поля показывает, что и в текстовых, и в ассоциативных репрезентациях ландшафтный фрагмент пространства – зелёный сад в коллективном сознании более всего воспринимается через гармонию физических и эмоциональных информативных каналов;

4. Полученные ассоциативные данные позволяют также проследить некоторые изменения в осмыслении предназначенности выделяемого фрагмента пространства. Так, на стимул **сине море** в современных ассоциациях проявляется информация о водном пространстве, не являющимся дальним пограничьем между своим и чужим миром, как это традиционно объективируется в языке фольклора: *Отдала меня матушка замуж далеко, / Коль далеко, далеко, – за сине море. / Провожала меня матушка до сина моря*. В современных ассоциациях **сине (синее) море** является знаком зоны окультуренного пространства. См. концептуальный дескриптор ‘состояние человека’, выявленный из содержания тематически частотных ассоциатов-реакций: отдых – 6, отдых души – 1, спокойствие – 1;

5. Наконец, остановимся на комплексе индивидуальных реакций, которые показывают, что фольклорные тексты присутствуют в традиционной памяти носителей родного языка с ранних лет и в речевом поведении «всплывают» в виде однословных, сверхсловных репрезентаций: **зелёный сад** – сказочный сад; **чисто поле** – богатырь; **дремучий лес** – сказка; сказочный лес; избушка на курьих ножках. В ряду сверхсловных реакций примечательны блоки, ассоциативно связанные с творчеством А. С. Пушкина: **дремучий лес** – кот учёный все ходит по цепи кругом; **сине море** – пушкинская сказка о золотой рыбке. Данные факты свидетельствуют об объеме фоновых знаний языковой личности, а также о том, что человек обитает в мире фольклорных и индивидуально-авторских текстов, жанрово перетекающих один в другой, которые прецедентно воспроизводятся в виде ассоциативных блоков.

Заключение

Наши наблюдения над фрагментом фольклорных реалий «пространственного» типа в ходе ассоциативного эксперимента, полагаем, позволили наглядно проиллюстрировать следующее. При лингвокогнитивном изучении языка фольклора эмпирические ресурсы образуют ряд сопоставляемых комплексов языковых фактов, в числе которых весьма значимы сведения ассоциативного эксперимента. При его проведении с опорой на фольклорные номинации как стимулы важен ряд рабочих положений: учет динамической координации во времени понятий фольклорный язык – нефольклорный язык; обусловленность характера вербального реагирования языковой личности и др., которые весьма обязательны для мотивировки сопоставления содержания ассоциатов-реакций, концептуальных дескрипторов с функционально-семантическим поведением анализируемых номинаций в фольклорном тексте. Факты языка фольклора в сопоставлении с вербальными реакциями из современной речи представляют надежную эмпирическую базу, позволяющую объективно судить о степени и глубине народной памяти и знаний, отражающих нюансы и специфику этнокультурных стереотипов в современном восприятии базовой категории бытия.

Список литературы

1. Касьянова, К. О русском национальном характере / К. Касьянова. – М.: Институт национальной модели экономики, 1994. – 268 с.
2. Сикевич, З. В. Национальное самосознание русских / З. В. Сикевич. – М.: Механик, 1996. – 208 с.
3. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Л.: ЛГУ, 1986. – 364 с.
4. Осовецкий, И. А. О языке русского традиционного фольклора / И.А. Осовецкий // Вопросы языкознания. – М., 1975. – № 5. – С. 66 – 77.
5. Толстой, Н. И. Язык – литература – культура – национальное самосознание / Н.И. Толстой // Вестник Московского университета. – М., 1995. – № 3. – Серия 9. Филология. – С. 140 – 163.
6. Уфимцева, Н. В. Этнический язык в условиях культурной и языковой полифонии / Н. В. Уфимцева // Филология и культура. – Казань, 2012. – № 2 (28). – С. 129 – 132.

**CONCEPT "SPACE" AS OBJECT OF MODERN KNOWLEDGE IN MAPPING
WITH DATE OF LANGUAGE FOLKLORE****T. S. Sokolova*****Belgorod National
Research University******e-mail:
Sokolova@bsu.edu.ru***

The article deals with the comparative aspect of folklore set of nominations with the semantics of the "spatial" verbal responses as information associative experiment. The contents of the associative fields shows that folklore verbal code is traditional ethnocultural component of modern knowledge apriori category of being.

Keywords: folklore nomination, verbal reaction, associative experiment, ethnocultural information.

УДК 81'367.7

СЕМАНТИКА И ТЕКСТОВЫЕ ФУНКЦИИ ГЛАГОЛОВ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА В ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «СКУЧНАЯ ИСТОРИЯ»

Д. Н. Солдатова

*Военный университет,
г. Москва*

*e-mail:
pirichka@gmail.com*

В статье рассматривается семантика глаголов несовершенного вида и взаимодействие их в художественном тексте с рамочными средствами, семантикой, референциальным статусом имени, категорией числа существительного в зависимости от конкретного или неконкретного соотношения высказывания с действительностью.

Ключевые слова: межкатегориальное взаимодействие, несовершенный вид, референция, когнитивный статус имени, значение числа, семантика категории вида.

Поскольку глагольные категории являются текстовыми, то они тесно взаимодействуют со своим окружением. Вид и время — это сопряженные категории, значение видо-временной формы глагола зависит от конкретного/неконкретного характера соотношения высказывания с действительностью, с семантикой и референциальным, когнитивным статусом окружающих имен. Т. В. Булыгина [4, с. 112] предложила различать следующие статусы имен род – класс (абстрактный предмет) – индивид. В каждом высказывании, как указывает Д. Н. Арутюнова, задача референции — выделение и отождествление объектов [1, с. 315-340]. Соответственно, глагольные категории, взаимодействуя с референциальным статусом, выделяют те или иные характеристики высказывания, в целом. Особенно интересно проанализировать это на уровне текста, а именно — художественного текста. Итак, рассмотрим взаимодействие несовершенного вида глагола с именными категориями в повести А. П. Чехова «Скучная история».

В зависимости от контекста одна и та же видовая форма глагола может иметь разные значения. У глаголов несовершенного вида выделяют пять контекстных значений: 1) конкретно-процессное (актуально-длительное), 2) неограниченно-кратное, 3) значение постоянного отношения, 4) общефактическое (обобщенно-фактическое), 5) потенциально-качественное.

А. В. Бондарко пишет, что «можно говорить об определенной иерархии частных значений несовершенного вида, однако эта иерархия не имеет четко выраженного характера, не может быть признана однозначной и абсолютной» [2, с. 26]. Так, чаще всего говорят о двух основных значениях — конкретно-процессном и неограниченно-кратном. Оба значения регулярны и реализуются в глаголах разных лексических классов.

Общефактическое значение производно от несовершенного вида повторяющейся ситуации. Глаголы, не называющие узальных действий, не могут иметь общефактического значения [5, с. 134].

Потенциально-качественное значение и значение постоянного отношения также опираются на повторяемость и обычность названного глаголом действия.

В повести «Скучная история» А. П. Чехова представлены все контекстные значения несовершенного вида. По своей форме повесть представляет собой записки главного героя — профессора медицины Николая Степановича, ученого, достигшего вершин своей науки, довольно пожилого человека, которому, по его собственному диагнозу, осталось жить не больше полугода. Он описывает свою жизнь.

В контекстах, где речь идет о событиях прошлого, глаголы несовершенного вида употреблены в общефактическом значении:

Она уверяла меня, что театр, даже в настоящем его виде, выше аудиторий, выше книг, выше всего на свете.

или:

Путешествовала она около четырех лет, и во все эти четыре года, надо сознаться, я играл по отношению к ней довольно незавидную и странную роль.

В данных контекстах нет лексически выраженного указания на конкретную временную точку, соответственно ситуация мыслится как происходившая когда-то в прошлом, но неизвестно когда, отсюда важен сам факт свершения события, а не его локализация во времени.

В повести много контекстов, в которых глаголы несовершенного вида имеют неограниченно-кратное значение. К ним относятся описания обычных, каждодневных действий, т. н. описание типичных ситуаций, например:

Читаю я по-прежнему не худо; как и прежде, я могу удерживать внимание слушателей в продолжение двух часов.

В данном примере лексическое значение глагола *читать* (в значении проводить лекции) и форма настоящего времени несовершенного вида при взаимодействии с рамочными средствами и создают значение повторяющейся ситуации.

Или другой пример:

День начинается у меня приходом жены. Она входит ко мне в юбке, непричесанная, но уже умытая, пахнущая цветочным одеколоном, и с таким видом, как будто вошла нечаянно, и всякий раз говорит одно и то же:

- Извини, я на минутку... Ты опять не спал?

Затем она тушит лампу, садится около стола и начинает говорить. Я не пророк, но заранее знаю, о чем будет речь. Каждое утро одно и то же. Обыкновенно, после тревожных расспросов о моем здоровье, она вдруг вспоминает о нашем сыне офицере, служащем в Варшаве...

Лексические средства (как и прежде, всякий раз, обыкновенно, ежедневный опыт, каждое утро), создающие рамку, подчеркивают это контекстное значение несовершенного вида. Однако если убрать эти рамочные средства, то ситуация будет прочитываться как происходящая в актуальном времени, поскольку существительные (*жена, юбка, одеколон, лампа* и т. д.) употреблены в конкретно референтном статусе, соответственно отождествляются с одним объектом.

Другой пример функционирования глаголов несовершенного вида в неограниченно-кратном значении — описание определенного типа «посетителя». Так, во второй части описывается встреча с коллегой по факультету, с нерадивым студентом и докторантом, выпрашивающим тему.

Слышится звонок. Это товарищ пришел поговорить о деле. <...> Первым делом мы стараемся показать друг другу, что мы оба необыкновенно вежливы и очень рады видеть друг друга. Я усаживаю его в кресло, а он усаживает меня; при этом мы осторожно поглаживаем друг друга по талиям, касаемся пуговиц, и похоже на то, как будто мы ощупываем друг друга и боимся обжечься. Оба смеемся, хотя не говорим ничего смешного. Усевшись, наклоняемся друг к другу головами и начинаем говорить вполголоса...

Глаголы несовершенного вида в неограниченно-кратном значении описывают ситуацию как типовой пример — все встречи с коллегой проходят одинаково, каждая следующая как предыдущая.

В случае описания разговора со студентом и докторантом сцена не дается в пересказе, однако глаголы несовершенного вида также употреблены в неограниченно-кратном значении, а существительные, обозначающие этих посетителей, имеют родовой референциальный статус, следовательно, единственное число глагола непосредственно не отсылает к объектам реального мира, имеет не прямое значение — единственное «родовое». Оно используется для описания определенного типа студента или докторанта. В результате, несмотря на прямую речь, все фразы — обычные слова таких студентов и таких докторантов, которые главный герой слышит практически каждый день:

1. *Садитесь, – говорю я гостю. – Что скажете?*

2. *Извините, профессор, за беспокойство... – начинает он, заикаясь и не глядя мне в лицо. – Я бы не посмел беспокоить вас, если бы не... Я держал у вас экзамен уже пять раз и... и срезался. Прошу вас, будьте добры, поставьте мне удовлетворительно, потому что...*

И далее в тексте подтверждение того, что это обычные слова таких студентов:

Аргумент, который все лентяи приводят в свою пользу, всегда один и тот же: они прекрасно выдержали по всем предметам и срезались только на моем, и это тем

более удивительно, что по моему предмету они занимались всегда очень усердно и знают его прекрасно; срезались же они благодаря какому-то непонятному недоразумению.

У глаголов несовершенного вида выделяют два основных значения — конкретно-процессное и неограниченно-кратное, т. е. однократное событие и повторяющееся. Однако в большей части контекстов повести эти значения смешиваются, не различаются. Например, сцена утреннего разговора с женой. Как уже было сказано, этот разговор всегда об одном и том же. Как вдруг:

Я слушаю, машинально поддакиваю, и, вероятно, оттого, что не спал ночь, ненужные мысли овладевают мной. Я смотрю на свою жену и удивляюсь, как ребенок. В недоумении я спрашиваю себя: неужели эта старая, очень полная, неуклюжая женщина, с тупым выражением мелочной заботы и страха перед куском хлеба, со взглядом, отуманенным постоянными мыслями о долгах и нужде, умеющая говорить только о расходах и улыбаться только дешевизне — неужели эта женщина была когда-то той самой тоненькой Варей, которую я страстно полюбил за хороший, ясный ум, за чистую душу, красоту и, как Отелло Дездемону, за "состраданье" к моей науке? Неужели это та самая жена моя Варя, которая когда-то родила мне сына?

Герой рефлексирует, удивляется своим мыслям. Глаголы возвращают к настоящему актуальному, выражают однократное восприятие, а рамка, напротив, указывает на повторяемость, многократность. Однако профессор не может удивляться этим мыслям при каждом разговоре с женой.

Другим примером служит сцена разговора с Катей у нее в доме:

Заметив, что я огорчен, и желая сгладить дурное впечатление. Катя говорит:

— Пойдемте. Идите сюда. Вот.

Она ведет меня в маленькую, очень уютную комнатку и говорит, указывая на письменный стол:

— Вот... Я приготовила для вас. Тут вы будете заниматься. Приезжайте каждый день и привозите с собой работу. А там дома вам только мешают. Будете здесь работать? Хотите?

Прямая речь и конкретно-референтный статус существительного, в отличие от сцен разговоров со студентом и докторантом, — имя собственное *Катя*, а также единственное число существительного *стол* употреблено в прямом значении, т. е. соотносится с предметом из реального мира. Микроконтекст подтверждает, что несовершенный вид глаголов имеет конкретно-процессное значение: Катя не может показывать этот стол каждый раз. Однако макроконтекст (описание обычного дня) да и рамка (*По обыкновению, она лежит на турецком диване или на кушетке и читает что-нибудь. Увидев меня, она лениво поднимает голову, садится и протягивает мне руку...*) представляют эту ситуацию как повторяющуюся, соответственно несовершенный вид приобретает неограниченно-кратное значение, а единственное число в результате — переносное значение, единственное «родовое».

Наконец, интересен пример смешения этих двух значений несовершенного вида в следующем эпизоде. С наступлением лета профессор с семьей переезжает на дачу. Ночью его по-прежнему мучает бессонница, но днем вместо работы он читает французские книжки. У него все также бывают посетители: швейцар, прозектор; обеды проходят с участием того же Гнеккера. Каждый день к нему заезжает Катя, чтобы прокатить его на своем шарабане:

Теперь о Кате. Она бывает у меня каждый день перед вечером, и этого, конечно, не могут не заметить ни соседи, ни знакомые. Она приезжает на минутку и увозит меня с собой кататься. У нее своя лошадь и новенький шарабан, купленный этим летом. Вообще живет она на широкую ногу: наняла дорогую дачу-особняк с большим садом и перевезла в нее всю свою городскую обстановку, имеет двух горничных, кучера... Часто я спрашиваю ее:

— Катя, чем ты будешь жить, когда промотаешь отцовские деньги?

— Там увидим, — отвечает она.

Языковые средства (бывает каждый день, вообще живет на широкую ногу, часто спрашиваю) указывают, что глаголы несовершенного вида описывают узкую ситуацию, а не наблюдаемую.

Сначала мы едем по полю, потом по хвойному лесу, который виден из моего окна. Природа по-прежнему кажется мне прекрасною, хотя бес и шепчет мне, что все эти сосны и ели, птицы и белые облака на небе через три или четыре месяца, когда я умру, не заметят моего отсутствия. Кате нравится править лошадью и приятно, что погода хороша и что я сижу рядом с нею. Она в духе и не говорит резкостей.

В этом контексте глаголы несовершенного вида могут описывать как конкретную, наблюдаемую ситуацию, так и узуальную: Николай Степанович может каждый раз, когда выезжает с Катей на прогулку, возвращаться к мысли о том, что природа не заметит его отсутствия. Катя может быть в хорошем расположении духа не только сегодня, но и вообще каждый раз, когда они отправляются кататься на шарабане. Но дальнейший разговор не может происходить каждый день:

– Вы очень хороший человек, Николай Степаныч, — говорит она. — Вы редкий экземпляр, и нет такого актера, который сумел бы сыграть вас. Меня или, например, Михаила Федорыча сыграет даже плохой актер, а вас никто. И я вам завидую, страшно завидую! Ведь что я изображаю из себя? Что?

Она минуту думает и спрашивает меня:

– Николай Степаныч, ведь я отрицательное явление? Да?

– Да, — отвечаю я.

– Гм... Что же мне делать?

Таким образом, глаголы несовершенного вида в большей части контекстов не различают неограниченно-кратное значение и конкретно-процессное. При этом прямое значение единственного числа в результате смешения двух значений несовершенного вида начинает прочитываться в переносном значении, а конкретно референтный статус — как родовой. Многие современники А. П. Чехова (например, А. Н. Плещеев, Томас Манн, И. А. Бунин) отмечали, что ему удалось проникнуть в психологию старости, передать тон старика-ученого. Главный герой, пожилой человек, любое событие воспринимает как обычное, безынтересное, ничем не примечательное. Однократное событие представляется как многократное, актуальное, наблюдаемое — как узуальное, единственное — как множественное, повторяющееся. Более того, Николай Степанович сознательно отделяет себя от своего официального имени, ритуальной жизни, которая ему не интересна:

Есть в России заслуженный профессор Николай Степанович такой-то, тайный советник и кавалер; у него так много русских и иностранных орденов, что когда ему приходится надевать их, то студенты величают его иконостасом. <...> Все это и многое, что еще можно было бы сказать, составляет то, что называется моим именем.

Или следующий пример:

Вообще на моем ученом имени нет ни одного пятна и пожаловаться ему не на что. Оно счастливо. Носящий это имя, то есть я, изображаю из себя человека 62 лет, с лысой головой, с вставными зубами и с неизлечимым tic'ом. Насколько блестяще и красиво мое имя, настолько тускл и безобразен я сам.

Таким образом, Николай Степанович смотрит на себя словно со стороны, как врач на пациента, как на типичный случай. Поэтому свою жизнь он описывает как нечто тягостное, однообразное, монотонное — скучное. Отсюда ясен смысл названия повести — «Скучная история». В толковых словарях у прилагательного «скучный» выделяют, среди прочего, следующее значение: неинтересный, наводящий скуку унылостью, однообразием, монотонностью. Единственное, что не может повториться, — это бесповоротное изменение — «потеря» дочерей Лизы и Кати в V и VI части повести, когда они обе принимают судьбоносное решение: Лиза решается на тайный брак с Гнеккером, а Катя — уехать в Крым. Именно в этих частях не будет смешения неограниченно-кратного и конкретно-процессного значения глаголов несовершенного вида. Например:

Легкий стук в дверь. Кому-то я нужен.

– Кто там? Войдите!

Дверь отворяется, и я, удивленный, делаю шаг назад и спешу запахнуть полы своего халата. Передо мной стоит Катя.

<...>

Она падает на стул и начинает рыдать. Она закинула назад голову, ломает руки, топчет ногами. шляпка ее свалилась с головы и болтается на резинке, прическа растрепалась.

- Помогите мне! Помогите! — умоляет она. — Не могу я дольше!

Она достает из своей дорожной сумочки платок и вместе с ним вытаскивает несколько писем, которые с ее колен падают на пол. Я подбираю их с полу и на одном из них узнаю почерк Михаила Федоровича и нечаянно прочитываю кусочек какого-то слова "страсти...".

Имена в этих микроконтекстах употреблены в конкретно референтном статусе, соответственно отождествление будет с определенным объектом. Все высказывание описывает актуальную ситуацию, которая локализована в определенной точке на временной оси. Отсюда много внимания уделяется различным подробностям в описании.

Итак, художественный текст в силу своей основной стилистической функции высвечивает системные особенности русского языка более ярко. В повести «Скучная история» А. П. Чехова большинство глаголов употреблены в несовершенном виде, они взаимодействуют в тексте с референциальным статусом имени, с числом существительного, с лексическими рамочными средствами, поскольку аспектуальные и темпоральные характеристики действия взаимодействуют с конкретным / неконкретным характером соотношения высказывания с действительностью, соответственно с семантикой и характером референции.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Номинация и текст.// Языковая номинация. Виды наименований. – М., 1977. – с. 315-340.
2. Бондарко А. В. Семантика глагольного вида в русском языке. Frankfurt-a-Main, 1995 (Beitrage zur Slavistik; 24).
3. Братчикова Н.С. Видо-временные формы индикатива, их типология и специфика в финском и русском языках: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд.филол.наук, – М., 1995.
4. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М., 1997.
5. Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений в русском глаголе. М., 1982.
6. Лебедева Л.Б. Пространственные и временные указания в общереферентных высказываниях // Изв. АН СССР. Сер.лит. и яз. – 1984. –Т. 43. –№4. – С.304-314
7. Падучева Е.В. Референциальные аспекты семантики предложения// Изв.АН СССР Сер.лит. и яз. – 1984. – Т.43 – Вып.4 – с. 291-303.
8. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. Изд. 4-е стереотипное – М., 2004.
9. Усова С.В., Зайцева В.С. Денотативный статус высказывания как важнейший фактор определения соотносительности времен в сложных предложениях – см. <http://www.hse.ru/pubs/lib/data/access/ticket/1393084083060581c5b3edf93bd83b1c3a55556e9a/Аспектуально.pdf>
10. Цейтлин С. Н. Категория предикативности в ее отношении к высказыванию и предложению // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л., 1975.
11. Чеховская энциклопедия, Большая энциклопедия, – М., 2009.

SEMANTICS AND TEXTUAL FUNCTIONS OF IMPERFECTIVE VERBS IN THE NOVEL "SKUCHNAYA ISTORIYA" BY A. P. CHEKHOV

D. N. Soldatova

*Military University,
Moskow*

*e-mail:
pirichka@gmail.com*

The article explores semantics of imperfective verbs in link with their interaction in a literary text with modality, semantics, referential status of nouns and noun's number category depending on a concrete/abstract sentential status.

Keywords: interaction of categories, imperfective aspect, reference, noun's cognitive status, semantics of number, semantics of aspect.

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ФАМИЛИЙ С ФОРМАНТАМИ НА – ОВ / – ЕВ И – ИН

С. В. Фуникова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
funikova.s@mail.ru*

Фамилия для русских людей играет большую роль в жизни. Русские фамилии тесно связаны с развитием системы именования у различных слоев общества. В данной статье будут рассматриваться такие понятия, как фамилия, происхождение русских фамилий и структура фамилий.

Ключевые слова: фамилия, структура, прозвищное имя, классификация, отапельятивные образования.

Введение

Современная русская официальная система именования представлена личным именем, отчеством и фамилией, где последний компонент (фамилия – имя семьи, передающаяся по наследству) играет главную роль. При этом возникновение фамилий можно показать лишь в тесной связи с особенностями развития полных официальных систем именования у различных слоев русского общества.

Отечественные и зарубежные исследователи неоднократно обращались к русским фамилиям как к очень интересным словам, которые могут расцениваться и как памятники культурной истории народа, и как свидетельства определенной эпохи, и как памятники языка, способные вбирать в себя и консервировать явления, актуальные для какого-либо исторического момента. Известен также тот факт, что первым устанавливает время появления русских фамилий историк Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского». Работа Е. П. Карновича «Родовые прозвания и титулы России и слияние иноземцев с русскими» (1886) указывает на тесную связь фамилий с сословным делением общества. Интересный очерк о русских фамилиях представляет статья А. Балова «Великорусские фамилии и происхождение их» (1906). Систематизированный антропонимический материал содержат словари М. Я. Морошкина «Славянский именовослов или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке» (1867) и Н. М. Тупикова «Словарь древнерусских личных собственных имен» (1903). Однако следует указать, что всестороннее, строго научное изучение русских фамилий начинается лишь во второй четверти XX века. Одной из первых работ в этот период была статья А. М. Селищева [1] «Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ» (1948). Выводы А. М. Селищева развил В. К. Чичагов [2] в работе «Из истории русских имен, отчеств и фамилий», основанной на обширном материале XIV–XVIII веков (1959). Профессор А. А. Реформатский [3] неоднократно обращался к русским фамилиям как в курсах своих лекций, так и в книге «Введение в языковедение», ставшей своеобразной малой лингвистической энциклопедией. Кроме того, им написаны журнальные статьи о русских именах, фамилиях и псевдонимах.

Различным аспектам исследования русских фамилий посвящены работы О. Н. Трубочева [4], В. А. Никонова [5; 6], Н. А. Баскакова [7], А. В. Суперанской и А. В. Сусловой [8], Б. А. Успенского [9] и других ученых.

Из работ зарубежных авторов нельзя не упомянуть о монографии Б. О. Унбегауна [10] «Русские фамилии», в настоящее время являющейся наиболее полным справочником по вопросам истории становления, морфологической структуры главным образом фамилий жителей Петербурга начала XX века.

Образование и функционирование русских фамилий

Все русские фамилии подчиняются по своей структуре определенным правилам. Каждая из них состоит из корня (иногда их в русских фамилиях два, например, русская фамилия Белоусов), как обязательной составляющей, а также очень часто, приставки, суффикса и окончания. Обычно корень русской фамилии имеет определенное научное

лексическое значение, исходящее из источника фамилии. Например, лексическим значением фамилии Петров будет русское имя Петр, а лексическое значение основы русской фамилии Гончаров будет профессия гончар.

Приставки, суффиксы и окончания в русских фамилиях используются не всегда. Особенно приставки употребляются крайне редко. Например, приставки существуют в таких фамилиях, как Бессонов, Безногов. Суффиксы же содержатся в большинстве русских фамилий. Большая их часть использует три суффикса: «-ов», «-ев», «-ин». Теперь перейдем к тому, в чем отличие этих суффиксов и в каких случаях они используются в фамилиях.

Установлено, что суффикс «-ов» в русской фамилии добавляется к её основе, то есть к имени, прозвищу, если эта основа заканчивается на твердую согласную. Например, Михаил – Михайлов, Мороз – Морозов, Ермак – Ермаков, Фрол – Фролов. Если же основа русской фамилии заканчивается на мягкую согласную, то к ней добавляется суффикс «-ев». Например: Заяц – Заяцев, Лебедь – Лебедев, Григорий – Григорьев, Василий – Васильев, Савелий – Савельев.

Если же корень русской фамилии заканчивается на -а, или -я, при образовании фамилии получили суффикс «-ин». Например: Федя – Федин, Кузьма – Кузмин, Ерёма – Ерёмин, Илья – Ильин, Голова – Головин, Щука – Щукин.

Иногда в русских фамилиях встречаются суффиксы и окончания «-ский» (Островский, Одоевский, Лифляндский, Покровский), «-цкий» (Трубецкой), «-ой» (Благой, Толстой, Удалой), «-их» (Азарных, Вострых, Купавых, Лукиных).

Модели фамилий на -ов/-ев и -ин являются самыми распространенными. Так, первые сто наиболее часто встречающихся фамилий оформлены только этими формантами:

Русские фамилии на -ов/-ев и -ин по происхождению являются краткими притяжательными прилагательными. При помощи форманта -ов фамилии образуются от производящих существительных мужского и среднего рода на твердый согласный или -о: Быков (Бык), Решетов (Решето). Если производящие существительные оканчиваются на мягкий согласный или -е, то фамилия образуется при помощи форманта -ев (как варианта -ов): Гусев (гусь), Васильев (Василий), Морев (море). После согласных ц, ч, ш, ж, щ под ударением традиционно пишется -ёв (Усачёв), в современном написании – -ов (Стрижов), в безударной позиции – -ев (Чухонцев).

Фамилии на -ин образуются от производящих существительных мужского и женского рода, оканчивающихся на -а/-я и от производящих существительных женского рода на мягкий согласный (Шишкин (шишка), Лукин (Лука), Мышин (мышь)). После согласного ц пишется -ын (вариант форманта -ин): Лисицын, Сеницын.

Оканчиваются на -ов или -ин фамилии, образованные от христианских имен на -ил, -ило (-йло) и на -ила (-йла): Гаврилов / Гаврилин, Данилов / Данилин, Кириллов / Кириллин, Михайлов / Михайлин, а также на -л или -ла: Вакулов / Вакулин / разг. Викулов / Викулин от Вукол / Вукола, Федулов / Федулин от Федул / Федула и т. д.

Некоторые фамилии, образованные от полных имен, также имеют две параллельные формы, например: Аникеев / Аникин от Аникей / Аника, Сидоров / Сидорин от Сидор / Сидоря, Симонов / Симонин от Симон / Симоня, Фролов / Флорин от Флор / Флоря, Яковлев / Яковин от Яков / Якова и т. д.

При этом форманты -ов/-ев и -ин образуют фамилии одного типа от аналогичных основ, следовательно, их можно считать эквивалентами, так как выбор того или иного форманта зависит лишь от характера конечного элемента основы. Однако употребление формантов, выражающих так называемую «принадлежность» («чей?»), не было равнозначным. За формантом -ов/ -ев постепенно закрепились только функции образования фамилий. Он стал более специализированным, а следовательно, и более типичным тогда как формант -ин продолжает употребляться в качестве суффикса в притяжательных прилагательных (папин, сашин, машин). Доминирующее положение форманта -ов/-ев также подтверждают примеры избыточной суффиксации. Так, среди фамилий из московского фамильного именника выявлены случаи специфического, выходящего за рамки традиционного морфологического оформления, когда фамилии на -ин имеют ещё и добавочный формант -ов/ -ев: Вагин – Вагинов, Детин – Детинов, Долбин – Долбинов, Дюжин – Дюжинов, Елин – Елинов, Ельчин – Ельчинов, Ильин – Ильинов, Козин – Козинов, Лаин –

Ларинов, Лузгин – Лузгинов, Лукин – Лукинов, Мазин – Мазинов, Мамин – Маминов, Маслин – Маслинов, Машин – Машинев, Мусин – Мусинов, Осин – Осинов, Селин – Селинов, Стерлин – Стерлинов, Суетин – Суетинов, Сулин – Сулинов, Фомин – Фоминов, Юдин – Юдинов и т. д.

Данные примеры позволяют выявить и другую характерную черту русских фамилий на –ов/–ев и –ин – длину не менее чем в три слога.

Таким образом, считая фамилии на –ов/–ев и –ин эквивалентными, мы имеем возможность подойти к анализу данного типа фамилий с учетом их современного морфемного состава, а также словообразовательных связей в русском языке. Исходя из этого положения, фамилии на –ов/–ев и –ин четко делятся на два больших разряда, которые в свою очередь членятся на ряд групп. Такое разграничение продиктовано различным характером основ и морфемоидных отрезков, предшествующих формантам фамилий. Поэтому в первый разряд входят фамилии на –ов/–ев и –ин, образованные от канонических личных имен, во второй – отапеллятивные образования. Подобное разделение, на наш взгляд, позволит более наглядно проиллюстрировать механизм образования фамилий в историческом плане и в дальнейшем – более четко установить отапеллятивные словообразовательные связи при помощи словообразовательного анализа.

Мы уже упоминали о том, что процесс формирования основной массы русских фамилий был тесно связан с социальными обычаями и традициями, то есть проходил в отрыве от церкви. Поэтому в основе русских фамилий, образованных от канонических личных имен, обычно лежит не исконная христианская (церковнославянская) форма, а различные варианты светской или народной формы. Поэтому наиболее легко прослеживается форма и способ образования тех русских фамилий, у которых христианская и народная формы совпадали, например: Александров от Александр, Андреев от Андрей, Аристархов от Аристарх, Викторов от Виктор, Гедеонов от Гедeon, Германов от Герман, Далматов от Далмат, Зиновьев от Зиновий, Карпов от Карп, Киров от Кир, Кириков от Кирик, Константинов от Константин, Лавров от Лавр, Пименов от Пимен, Платонов от Платон, Прохоров от Прохор, Романов от Роман, Савин от Сава, Силин от Сила, Симонов от Симон, Стратонов от Стратон, Тихонов от Тихон, Трофимов от Трофим, Филаретов от Филарет, Фомин от Фома, Фортунатов от Фортунат, Христофоров от Христофор.

Однако часть фамилий имеет уже разное морфологическое оформление, вызванное различиями между христианской (церковнославянской) и народной формами имени: Власов от Влас и Власьев от Власий, Денисов от Денис и Денисьев от Денисий, Епифанов от Епифан и Епифантьев от Епифаний, Ефимов от Ефим и Ефимьев от Ефимий, Игнатов от Игнат и Игнатьев от Игнатий, Макаров от Макар и Макарьев от Макарий, Назаров от Назар и Назарьев от Назарий, Панкратов от Панкрат и Панкратьев от Панкратий, Парфенов от Парфен и Парфентьев от Парфений, Потапов от Потап и Потапьев от Потапий, Прокопов от Прокоп и Прокопьев и Прокопий, Карпов от Карп и Карпеев от Карпей, Зотов от Зот и Зотеев от Зотей, Сав(в)атьев от Саватий и Сав(в)атеев от Саватей и т. д.

Однако большинство отапеллятивных образований прошло путь трансонимизации, когда практически любое существительное (субстантиват) или прилагательное могло быть употреблено в качестве прозвищного имени от прозвища, перешедшего затем через патронимическую стадию в разряд фамильных имен. При этом отсутствие четкой границы между прозвищными именами и прозвищами объясняется тем, что эти образования экспрессивно-эмоциональные. В то же время их экспрессивность, эмоциональность достигается не только при помощи суффиксов субъективной оценки у одной части этого разряда имён, но и их значением, а также звучанием у другой. Это подтверждается и тем, что не все конечные элементы основ данного разряда фамилий являются закономерными суффиксами русского языка (–ог в основе фамилии Батовов). Иные суффиксальные образования, например, –ка в слове копейка, никак не характеризуют их употребление как прозвищных имен и прозвищ (Копейка). Поэтому структура отапеллятивных образований не всегда семантически прозрачна. Часто их этимология неясна. Следовательно, отсутствие семантической четкости у значительной части основ данного разряда фамилий крайне затрудняет их классификацию по строгим морфологическим принципам. В то же время легко поддаются классификации основы фамилий, характеризующиеся семантической однородностью, например, фамилий, образованных от названий профессий. Однако, на наш взгляд,

анализ структуры и классификацию основ русских фамилий по морфологическим принципам следует начать с фамилий, образованных от канонических имен. Они лишены какой-либо семантической нагрузки, осознаваемой носителями языка, и поэтому легче поддаются структурному анализу.

Лексико-семантические особенности русских фамилий

Своеобразную энциклопедию забытых старинных предметов труда и быта, профессий и промыслов, продуктов питания и напитков, одежды, оружия, обычаев и обрядов, средств передвижения, названия животных, растений, болезней, драгоценных камней и металлов и т. д. заключают в себе основы современных русских фамилий.

Часть фамилий отражает деревенские профессии (Кузнецов, Струговщиков, Дояров и т. д.), другая – городские (Воеводин, Депутатов, Богачев и т. д.). Нами были проанализированы более тысячи русских фамилий, которые мы распределили по определённым критериям. Каждое фамильное имя входит в ту или иную группу, следовательно, его семантика уже содержит или ту или иную групповую информацию, которая выделяется по следующим основаниям:

- *возраст фамилий*: Колхозников, Пятилеткин, Орденосцев, Первомайский, Октябрьский, Лампочкин;
- *территориальный признак*: Арзамасцев, Белых, Донцов, Журавский (пос. Журавки на Украине), Заозерский, Кадамский, Косых, Оболонский (Оболонь), Онегин, Печорин;
- *распространенность*: Смирнов, Иванов, Кузнецов, Попов, Соколов, Лебедев, Козлов, Новиков, Морозов, Петров, Волков и т. д. – из самых распространенных русских фамилий;
- *происхождение основ*: Альбов, Кустодиев, Магницкий, Сперанский, Флоринский, Формозов, Чаадаев, Шереметьев – фамилии, имеющие основы иноязычного происхождения, которые противостоят таким фамилиям как Владимиров, Вячеславов, Любавин, Городилин, Рябчиков, Лосев, Березин, Соснин – с основами русского происхождения;
- *стилевая принадлежность основ*: Александрихин, Алексахин, Алексахин, Ванькин, Ванюшкин, Васечкин, Васягин, Васаев, Иванусьев, Иванчиков, Ивахин, Петрунькин, Петрянкин, Петруничев – фамилии, образованные от просторечных, эмоционально окрашенных форм календарных имен, Александров, Ванин, Васин, Иванов, Петров – от нейтральных, а Иоанов, Стефанов, Пантелеймонов – о форм высокого стиля;
- *наличие в основах живой внутренней формы*: Абажуров, Алмазов, Барсов, Безногов, Безумнов, Богатырев, Ведьмин, Великанов, Голохвостов, Долгоносков, Петухов, Печенкин, Рожев, Тараканов, Тыквин, Шубин – фамилии с «говорящими» основами;
- *ассоциация основы с социальным и экономическим положением*: Холопов, Лакеев, Слугин, Крестьянинов, Чиновников, Студентов, Банкиров, Фабрикантов, Депутатов, Безденежных, Голодов, Богачев;
- *ассоциация основы названий профессий, занятий, чинов, воинских званий и т. д.*: Кузнецов, Плотников, Слесарев, Трубников. Бондарев, Пряхин, Торговкин, Бакалейкин, Сенаторов, Владыкин, Игумнов, Есаулов, Полковников;
- *ассоциация основы национальности, проживания на какой-либо территории*: Евреинов, Литвинов, Немцев, Поляков, Черемисов, Чеченцев, Уральцев, Казанцев, Ростовцев, Волжанов, Москвитинов, Устюжанинов;
- *физические, психические, характерологические особенности человека*: Выростов, Голоднов, Краснов, Тараторин, Теплов, Широков, Залыгин («залыга» – лжец), Злобин, Лабзин («лабза» – льстец), Любимов, Любимцев, Негодяев, Неудачин, Некрасов (Некрасивый), Непомнящий, Потехин, Разгильдяев, Страхов, Трутнев;
- *фауна*: Баранов, Лосев, Воронов, Волков, Дятлов, Зайцев, Карпов, Козлов, Медведев, Муравлев, Росомахин, Слонов, Снегирев, Сорокин, Чайкин, Щеглов, Ястребов;
- *флора*: Бобов, Капустин, Каштанов, Ольховский, Репин, Ромашкин, Шишкин, Щавелев;
- *пища*: Мурин («мура» – похлебка), Борщев, Ягодин;
- *абстрактная лексика*: Беглов, Шумов, Благинин, Благой, Бывшев, Волокитин;

- *части тела человека и животного*: Кадыков, Клюев, Носов, Лапин, Пяткин, Хвостов;
- *одежда, обувь, украшения*: Балахонов, Башмачников, Кольцов, Лаптев, Майков, Шубин, Юбкин, Яхонтов;
- *явления природы*: Дымов, Закатов, Зимин, Веснин, Майский, Морозов, Пожарский, Темнов;
- *предметы быта*: Мушкетов, Мячин, Половников, Свечников, Табакеркин, Телегин, Топоров;
- *денежные единицы*: Копейкин, Серебренников, Золотов;
- *музыкальные инструменты*: Дударенко, Скрипкин;
- *наличие в основах числительного*: Второй, Десятов, Четвертаков;
- *наличие двух основ в фамилиях*: Белоярцев, Богославский, Винокуров, Выше-славцев, Голобоких, Добровольский, Долгопольский, Доможиров, Косоверов, Косолюбов, Кровоусков, Кузьмодемьянский, Лошкормоев, Новожилов, Ордодворцев, Ожгибесов, Самокрутов, Самолетов, Семидратов, Тихомиров, Толстобров, Толстогузов, Часоводов, Черноиванов, Чернопанёвкин, Чернопяттов, Черносвитов, Шилохвостов, Ширококов, Шубодеров.

Псевдонимы

Наша статья, касающаяся русских фамилий будет неполной, если не упомянуть ещё одной группы искусственно созданных именовании – псевдонимов. Псевдонимы – вымышленные или измененные имена, отчества, фамилии, заменяющие временно, в каких-то определенных ситуациях, или постоянно подлинными именами, отчества, фамилии [11, с. 630]. В русской традиции псевдоним теснее всего связан с фамилией, хотя это не вполне фамилия и в то же время – не только фамилия.

Нередко случалось, что писатель начинал писать под псевдонимом, потом раскрывал его, но псевдоним сопутствовал его фамилии. Так, М. Е. Салтыков-Щедрин (из древнего дворянского рода Салтыковых) писал под псевдонимом Николай Щедрин. Современным читателям он известен как Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Павел Иванович Мельников писал под псевдонимом Андрей Печерский, теперь мы его именуем П. И. Мельников-Печерский. Максима Горького мы теперь зовем Алексей Максимович Горький, используя его подлинное имя и отчество, но присоединяя их не к его подлинной фамилии Пешков, а к псевдониму Горький.

Как и любой тип именовании, псевдонимы социально и исторически обусловлены. Это явление мировой культуры, но в каждой стране оно развивалось своим особым образом, под влиянием местных факторов. Поэтому появление псевдонимов в России нельзя отрывать от становления псевдонимов в странах Востока или Запада. В периоды обострения политической борьбы общественные деятели, публицисты, борцы скрывали свои подлинными именами для конспирации, для своеобразной обороны, защиты, поскольку обнаружение подлинных авторов выступлений могло навлечь неприятности на их близких, а нередко угрожало их собственной безопасности.

Занимаясь псевдонимами в языковедческом плане, обратим внимание на их форму и содержание. Поскольку в русской традиции основная масса псевдонимов стоит ближе всего к фамилиям и употребляется параллельно с ними или вместо них, естественно, что многие псевдонимы напоминают фамилии и даже с трудом от них отличаются, например Н. Рубцов – псевдоним поэта Н. Ф. Жоголева (по прозвищу его деда Рубец). Здесь полностью повторен естественный путь складывания русских фамилий. Элемент искусственности заключается лишь в переносе на данное лицо фамилии, ему в действительности не принадлежавшей.

Многие люди в поисках псевдонимов обращаются к *анаграммам* – перестановкам букв: из фамилии Люценко получается Елюцкон или Ньюколец и к *палинонимам* – «перевёртышам»: Нави Вольрк – Иван Крылов, Ницефак – К. А. Федин.

Поскольку псевдоним способен сказать многое и об авторе, и о направлении его работы, и о его позициях, поиски основ для псевдонимов занимают не последнее место в их создании. Например, выбирая псевдоним, человек может обратиться к именам своих близких. Иной раз в качестве псевдонима берется личное имя: Данте (Данте Алигьери),

Искандер (А. И. Герцен; Искандер – принятая на Востоке форма имени Александр из арабского Альискандер с последующим опущением компонента Аль как созвучного с употребляющимся в арабском языке артиклем). Есть псевдонимы, близкие по звучанию к истинным фамилиям автора. Так, например, всем известный псевдоним Антона Павловича Чехова – Антоша Чехонте. Псевдоним, указывающий на главную черту характера автора или на особенность его творчества, принято называть *френонимом*. К френонимам относятся и серия псевдонимов, образованных от имен прилагательных: Максим Горький, Панас Мирный (А. Я. Рудченко), Ал. Никчемный (А. И. Черненко), Михайла Одинокый (М.Н. Кочура), Андрей Скорбный (В. В. Смиренский), Сергей Грустный (С. М. Архангельский), Валентин Буревой (В. Овечкин).

Интересную группу составляют негативные псевдонимы: Не-Врач, Не-Критик, Не-Артист. Одна из подписей В.Г. Короленко – Не-Статистик. Известны также псевдонимы Не Гомер, Не Белинский, Не Козьма Прутков, Иван Негейне и т. д. Многие псевдонимы отличаются от подлинных фамилий не только по характеру, но и по количеству использованных в них компонентов. Если реальные фамилии редко выходят за пределы двух слов (князь Голенищев-Кутузов-Смоленский уже большая редкость), то для псевдонима в этом плане лимита нет. В зависимости от фантазии это может быть даже целая фраза. Особенно многообразны журнальные псевдонимы, например, Н. И. Надеждин подписывался Экстудент Некодим Недоумко. Другая его подпись – Критик с Патриарших прудов.

Таким образом, общественная значимость псевдонимов и яркий, злободневный характер многих из них сближают псевдонимы с прозвищами и размежевывают с обычными русскими фамилиями как со словами, стилистически и эмоционально нейтральными. Существенное отличие псевдонимов от прозвищ заключается в том, что прозвища создаются окружающими в качестве своеобразной общественной оценки именуемого. Псевдоним создается самим человеком, нередко как особое средство самовыражения.

Заключение

Проанализировав определенный состав русских фамилий, мы пришли к выводу, что в нем большое количество фамилий на –ов, на втором месте фамилии с суффиксом –ев, по степени распространенности на последнем месте фамилии на –ин.

Так, нами отмечено, что в фамилиях с формантом на –ов могут встречаться варианты фамилий на –ев: например, Денисов /Денисьев, Назаров / Назарьев, Потапов / Потапьев, а также Зотов / Зотеев, Карпов / Карпеев. Также мы выделили фамилии с единственным формантом –ов: Антонов, Власов, Егоров, Корнилов, Меркулов, Митрофанов, Панфилов, Парменов, Протасов, Спиридонов, Софронов, Тарасов, Трефилов и др.

Также мы определили, что некоторые русские фамилии встречаются только в форме на –ев: например, Аркадьев от Аркадий, Артемьев от Артемий, Васильев от Василий, Григорьев от Григорий, Меркурьев от Меркурий. Исследовали фамилии на –ин, образованные от личных имен с окончанием на –а (–ия в церковнославянском), которые также могут быть представлены чередующимися формантами –ов/–ев, например, Акулин и Акулов, Ананьин и Ананьев, Антипин и Антипов, Вавилин и Вавилов, Захарьин и Захаров, Ионин и Ионов, Исаин и Исаев.

Изучив достаточно большой состав русских фамилий, мы убедились в том, что он неоднороден и очень разнообразен – это фамилии со значением профессий и промыслов, продуктов питания и напитков, одежды, оружия, обычаев и обрядов, средств передвижения, названия животных, растений, драгоценных камней и металлов, территории, по факту распространенности, по происхождению основ, по стилевой принадлежности основ, по наличию в основах живой внутренней формы, по ассоциации основы с социальным и экономическим положением, по национальности, проживанием на какой-либо территории, фамилии, обозначающие физические, психические, характерологические особенности человека, пища, абстрактная лексика, части тела человека и животного, явления природы, предметы быта, музыкальные инструменты.

В нашем исследовании мы затрагиваем и псевдонимы – искусственно созданные имена. Псевдонимы не исключают, а, наоборот, предполагают наличие других, настоящих имен и фамилий, которые находятся на положении криптонимов, то есть тайных, скрываемых имен.

Таким образом, с уверенностью можно отметить, что русские фамилии – это ценнейший источник не только по истории развития русского языка и национальной культуры, но и современный лексический материал. При этом важно, что ценность фамильного имени с течением времени, с отдалением эпохи образования русских фамилий будет неуклонно возрастать.

Список литературы

1. Селищев, А. М. Избранные труды / А.М. Селищев – М.: Высш. школа, 1948. – 689 с.
2. Чичагов, В. К. Из истории русских имен, отчеств, фамилий / В.К. Чичагов – М.: Русский язык, 1968. – 241 с.
3. Реформатский, А. А. Фамилии / А.А. Реформатский // Семья и школа. – 1963. – № 2. – С. 42-47.
4. Трубачев, О. Н. Из материалов для этимологического словаря фамилий России (русские фамилии и фамилии, бытующие в России) / О. Н. Трубачев // Этимология 1966. – М.: Наука, 1968. – С. 3-53.
5. Никонов, В. А. Словарь русских фамилий / В. А. Никонов – М.: Наука, 1993. – 234 с.
6. Никонов, В. А. Имя и общество / В. А. Никонов – М.: Русский язык, 1974. – 169 с.
7. Баскаков, Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения / Н. А. Баскаков // Восточно-славянская ономастика. – М.: Наука, 1972. – 325 с.
8. Суперанская, А. В., Сулова, А. В. Современные русские фамилии / А. В. Суперанская, А. В. Сулова – М.: Наука, 1984. – 175 с.
9. Успенский, Б. А. Избранные труды. Язык и культура / Б. А. Успенский – М.: ГНОЗИС, 1994. – 686 с.
10. Унбегаун, Б. О. Русские фамилии / Б. О. Унбегаун – М.: Прогресс, 1989. – 354 с.
11. Ожегов, С. И. и Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
12. Энциклопедия русских фамилий. – М.: Мартин «Москва», 2007. – 846 с.

STRUCTURAL PECULIARITY OF RUSSIAN SURNAMES ON –OV/ –EV AND –IN

S. V. Funikova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
funikova.s@mail.ru*

Russian surnames play a big role in people's cultural life. They are closely connected to the development of the system of the designation at several layers of Russian society. The article touches upon such concepts as surnames, origins of Russian surnames and structural names.

Keywords: structural, surnames, nickname, classification, composition.

УДК 811.161.1'373

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВЫХ МЕХАНИЗМАХ ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Г. М. Шипицына
К. Ю. Коржевицкая

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Shipitsina@bsu.edu.ru
Korzhevitsraya@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются языковые механизмы образования новых фразеологических единиц в современном русском языке. Используется пример словосочетания театр абсурда. Его образование осуществилось под влиянием семантики и прагматики лексических компонентов, а также в результате вторичной деривации первичного значения этого словосочетания.

Ключевые слова: свободное словосочетание, фразеологизация, лексическое значение компонентов, прагматика, коннотации, деривация, внутренняя форма, мотивировочный признак.

Введение

В связи с модернизацией современной российской действительности, изменениями в общественном сознании россиян, русский язык активизировал свои ресурсы для оперативного решения возникающих проблем номинации и оценки реалий сегодняшнего дня. В панораме проблем, связанных с обновлением русского языка XXI в., остаются актуальными проблемы определения состава, источников семантического наполнения, наконец, системы языковых механизмов, обеспечивающих образование формальной и смысловой структуры новых устойчивых словосочетаний, обладающих признаками фразеологизмов, – то есть неофразем.

Основная часть

В данной статье остановимся подробнее на последней из вышеназванных проблем, основу которой составляет определение языковых механизмов образования новых фразеологических оборотов. Лингвистическая интерпретация процессов фразеологизации в определённой мере раскрывает механизмы языкового моделирования мира, в основе которых лежит мотивировочный признак как общественный символ категоризируемого денотативного пространства, усвоенного и прагматически определённого коллективом носителей языка.

В связи с этой проблемой фразеологизации свободных и полусвободных номинативных словосочетаний с уяснением семантических условий и языковых механизмов образования новых фразем считаем актуальной. Попробуем разобраться в ней на материале нового (первая фиксация в ТСЯИ в 1998 г.) устойчивого сочетания *театр абсурда* (обозначим эту неофразему *театр абсурда-2*). Так говорят «о нелепе, бессмысленном действии, факте; о действительности, лишенной здравого смысла и элементарной логики; обычно о советской и постсоветской действительности» (ТСЯИ). Пример словаря: *Сегодня нужно брать откуда-то силы, чтобы не сойти с ума в театре абсурда, каковым предстаёт наша жизнь. (Кстати, ... это название – театр абсурда – стало нарицательным по отношению к нашему бытию)*. Смена, 18.04.90.

С лингвистической точки зрения фразеологическое сочетание *театр абсурда-2* интересно тем, что в данном значении оно образовалось не частотным для фразеологизма способом. Его образование осуществлялось на базе различных мотивационных потоков: с одной стороны, это влияние семантики и прагматики лексических компонентов словосочетания – *театр* и *абсурд*, а с другой стороны, влияние внутренней формы в процессе вторичной, внутрифраземной, деривации в смысловой структуре номинативно-терминологического фразеологизма *театр абсурда-1* в значении «течение в драматургии, возникшее в 1950 – 1960-х гг. XX в. в Западной Европе, представляющее мир, утративший веру в бога, алогичным, а человеческое существование бессмысленным» (ТСХХI). В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова значение фразеологизма *театр абсурда-1* тол-

куется так: «течение в драматургии, изображающее мир как хаос и поступки людей как алогичные, бессмысленные» (Ожегов).

Обратимся к анализу мотивационных потоков деривации, начиная с лексического состава исходного фразеологизма – *театр абсурда-1*.

Слово *театр* многозначное. Им обозначается и род искусства, и учреждение для представлений, и здание для представлений, и совокупность драматических произведений писателя и др., но в нашем случае важно переносное значение этого слова «место, где происходит, развёртывается что-либо» (МАС-2). Слово *театр* в этом, переносном, значении приобрело большие возможности обобщения с включением в свою семантику названий любых мест, где может что-либо происходить. Неслучайно с этим словом образуются и другие фразеологизмы, например, *анатомический театр*, *театр военных действий*. Фактически любые аспекты жизни можно представить в метафорическом образе театра, где разворачиваются те или иные события или что-либо случается. Образ, лежащий в основе этой метафоры, ориентирован на массовое сознание, поскольку рядовому носителю языка вполне доступно понимание как основного лексического значения слова *театр* «искусство представления драматических произведений на сцене; само такое представление» (Ожегов), так и вторичного значения этого слова, основанного на понимании театра как некой территории, где разворачиваются те или иные жизненные события.

Слово *абсурд* (латинское по происхождению) в русском языке имеет значение «нелепость, бессмыслица» (МАС-2), и это значение актуализировалось в современном функционировании слова. Именно это значение слова *абсурд* достаточно легко синтагматически сочетается с переносным метафорическим значением слова *театр*, что также сыграло свою роль при возникновении неологизма *театр абсурда-2*. Однако рассмотрим предысторию этого значения.

В своем исходном состоянии, начиная с античности, слово *абсурд* выступало в различных смыслах, обозначая разнообразные философские понятия: во-первых, им обозначалась эстетическая категория, выражающая отрицательные свойства мира; во-вторых, это слово вбирало в себя понятие логического абсурда как отрицания центрального компонента рациональности — логики (т. е. перверсия или исчезновение смысла), а в-третьих, это было понятием метафизического абсурда, то есть выхода за пределы разума как такового [1, с. 158]. В каждую культурно-историческую эпоху внимание философов акцентировалось на той или иной стороне этой категории. В Средневековье *абсурд* трактуется как категория математическая (появление в математике понятия «абсурдные числа» в значении «отрицательные числа») и логическая. Средневековые схоласты воспользовались приёмом приведения некоторой сущности к нелепости, обозначив его как *reductio ad absurdum* [2, с. 27]. В эпоху стиля барокко в искусстве понятие *абсурд* трактуется как категория эстетическая. Всё, что не вписывалось в эстетические представления о привычной гармонии, объявлялось в это время не просто какофоническим, вздорным, и в о же время абсурдным, но, сверх того, связанным с inferнальным миром в силу искажения божественного образца [3, с. 17].

Необходимо отметить то общее, что было в трактовке философской категории *абсурд* в различных учениях прошлого. Здесь важно то, что понятие *абсурд* обладало в рамках этих эпох демонологическим значением, им выражалась сущность, противопоставляемая божественному канону и идущей от него разумной гармонии. В таком же значении негативного искажения божественного канона или отрицательного подобия абсолютного, идеального, божественного образца абсурдное понималось и в романтическую эпоху. Данный ореол значения и обусловил дальнейшее семантическое развитие слова уже в русском языке: оно сформировалось на базе периферийной части значения, а именно – на базе коннотативно-оценочных сем отрицательной направленности, поскольку несоответствие чего-либо идеальному, божественному образцу – это не просто плохо, это то, чего не должно быть при нормальном положении дел, то есть нелепость и бессмыслица. В составленном из слов *театр* и *абсурд* фразеологизме *театр абсурда-1* как раз и содержится эта исходная семантика, ставшая внутренней формой (по А. А. Потебне) деривационного процесса: *театр абсурда-1* – это театр, ориентирующийся на абсурдизм как концепцию литературы и искусства, в соответствии с которой мир, утративший веру в бога, представляется алогичным, и человеческое существование в нём оказывается бессмысленным, ли-

шенным нормальных ценностей, идеалов и правильного, божественного порядка, поскольку *театр абсурда-1* – это абсурдистское направление в западноевропейской драматургии и театре, возникшее в середине XX века. В абсурдистских пьесах мир представлен как бессмысленное, лишённое логики нагромождение фактов, поступков, слов и судеб [4, с. 131].

Вместе с тем при объединении этих двух слов во фразеологическое сочетание добавились дополнительные смыслы согласно общезыковому закону деривации о правилах сложения смыслов, дающих не сумму смыслов, а новые смыслы [5, с. 24]. Слиянию слов *театр* и *абсурд(а)* в цельный фразеологизм способствовал и процесс метафоризации этого словосочетания, который объединил смыслы соседствующих в синтагме слов, представив тем самым общую метафорическую картину понимания действительности.

В современной речи фразеологизм *театр абсурда-1* в вышеназванном значении продолжает употребляться. Примеры:

*Однако, по условиям фестиваля, продолжительность спектакля не должна превышать одного часа, что исключает возможность постановки драматургии русских классиков. Поэтому руководители театров обращаются больше к рассказам или фрагментам прозы. Приятно, что такие достаточно жёсткие условия не приводят к единообразию. Сегодня мы можем говорить о разных типах молодёжных театров: традиционный реалистический (тяготеющий к психологической драме), условный, народный театр на основе фольклора, игровой праздничный театр, **театр абсурда**. Классика на школьной сцене // «Народное творчество», 2004.*

*А сейчас, заметим, как только КПСС стала маргинальной, всякого рода около – и псевдокоммунистическая деятельность стала популярна среди молодежи. Наконец, третий вариант – играть. Так сказать, осуществлять театрализованное действо. Играть можно почти по любому произведению – раз есть **театр абсурда**, то почему не может быть театра по абсурду? Но играют по фантастике, а не по социализму – может быть, его антураж трудно дается? Или в нем не хватает чего-то другого. Только у фантастики есть фэны. Алла Кузнецова. Фантастика и фэны // «Знание – сила», 2003.*

Могли бы и не просить, поскольку задачи учебные и художественные Левинский решает разом. Спектакль-игрушка идет меньше полутора часов, но производит впечатление законченной сильной вещи, к которой стоит отнестись без скидок и с полной серьезностью. По «Эдипу» можно водить экскурсии жаждущих знаний. Тут можно «потрогать руками» и античную драму, и театр абсурда, и современную клоунаду, и пантомиму, наконец, мейерхольдовскую биомеханику – причем не в приблизительных контурах, а в четко очерченных границах. «Эдипа» можно разбирать, как занимательную шахматную партию. Решать, как красивое математическое уравнение. Изящная, стильная архитектоника. Театральная жизнь, 2003.08.25.

*Приехав в двадцатом году в Россию, он цеплялся за детали, за привычную внимательность прозаика, чтобы не утонуть в ощущении глубокой нереальности происходящего. Ему казалось: он помещен в чей-то фантастический роман (абсолютно чужеродный по ткани и невнятный по тематике) или в колбу алхимика, в промежуток между поисками философского камня балующегося разведением инфузорий, бактерий, неведомых миру мелких существ задолго до Левенгука. Все было иллюзорно, за пределами, ирреально, загадочно, подобно дурному сну, бессмысленно абсолютно. Если бы **театр абсурда** существовал, Хьюберт В. представлял бы себя персонажем огромной сцены, на множество широт и долгот расчерченной, предоставленной причудам абсурдистского спектакля. «В самом деле, – думал Хьюберт В., глядя из окна петроградской гостиницы на прорастающую сорняками и дикой травой улицу, по которой два беспризорника катили тачку с экспропрированным причудливым скарбом мимо третьего; третий беспризорник сидел на тротуаре, тыча пальцем в стоящую перед ним черно-серебряную пишущую машинку, – почему не предположить, что американский чудотворец и сербский факир господин Тесла, как и обещал, нанес удар загадочным оружием своим то ли по ошибке, то ли в порядке эксперимента именно по России? И что даже пресловутый Туруханский метеорит – один из опытов нанесения подобного удара? И*

не сгорел ли вместе с сибирским лесом какой-нибудь жизненно важный орган этой оргоноплетической страны? Наталья Галкина. Вилла Рено // «Нева», 2003.

Однажды даже снималась в кино. У нее была нормальная жизнь, состоящая из замужеств, разводов, дружб, потерь, поездок на Юг. И она писала стихи, сочетая вполне традиционные четверостишия с абсолютно сюрреалистической диалектикой образности, позволившей ей возвыситься свой озноб от простуды до уровня космического беспорядка. В стране, где публика и **театр абсурда** поменялись местами (сто процентный реализм на сцене, тогда как в зале творится черт-те что), – эта разновидность восприятия обладает множественностью отголоска. Никто не позавидует женщине, пишущей стихи в России в этом столетии, потому что есть две гигантские фигуры, являющиеся каждой, взявшей перо в руки, – Марина Цветаева и Анна Ахматова. Ахмадулина открыто признается в почти парализующем для нее очаровании этих двоих и присягает им на верность. В этих исповедях и обетах легко различить ее претензию на конечное равенство. И. А. Бродский. Зачем российские поэты? (1977).

Содержательно-прагматическое поле фразеологизмов гораздо шире и богаче, чем сумма значений его компонентов-слов, это и обеспечило впоследствии рождение его второго значения в основном на базе коннотативного потенциала фраземы *театр абсурда-1* с прагматикой чего-то неправильного, нереалистичного. Прагматические семы негативной оценки фразеологизма *театр абсурда-1* (как направления в драматургии) стимулировали появление семантически обновленного фразеологического сочетания *театр абсурда-2*, хотя структура его осталась неизменной. Так номинативно-терминологическое сочетание слов *театр абсурда-1* с прямым значением (то есть номинирующее театр, представляющий особое направление в драматургии с концепцией абсурдизма, показывающий мир как нелепость, абсурд) в русском языке развивает второе значение, но уже не терминологическое, а общеупотребительное и переносное. Картинно-образная внутренняя форма фразеологического сочетания *театр абсурда-2* представляет номинируемое явление в виде всем понятного образа театра как своеобразной сцены жизни и действительности.

Вновь образовавшееся фразеологическое сочетание *театр абсурда-2* в своей семантике уходит от первоначального узкоспециального понятия. В нем теперь чисто иллюзорно, средствами денотативного уровня поверхностной части смысловой структуры высвечивается понимание общественного представления о жизни, о действительности, о событиях и действиях современного мира, лишенных логики. Новый фразеологизм *театр абсурда-2* носители языка широко используют для эмоциональной оценки событий в самых разных жанрах речи, говоря о нелепом, бессмысленном действии, факте; о действительности, лишенной здравого смысла и элементарной логики. Поскольку в XXI в. в российском обществе всё еще продолжается начатая в конце XX в. переоценка ценностей и идеалов, с позиций нового мышления в новых социально-экономических условиях существования электората, очень многие реалии прошлого представляются абсурдными. Примеры :

В 1981 году я поехал выступить в Киров. Вечером во Дворце Политпросвещения просвещал кировскую элиту насчет **театра абсурда**. Черт меня дернул. «Для примера, – говорю, – вообразите: иду сегодня впервые в жизни по вашему городу, на всех витринах огромными буквами МЯСО МАСЛО МОЛОКО СЫРЫ КОЛБАСЫ, а ведь все знают, что ничего этого нет – одно пшено, но идут вятичи спокойно – кирпичом по издевательским надписям не шарахают; чем не **театр абсурда**? Просьбаюсь ужасно рано от телефонного звонка: «Ваши лекции отменяются, быстренько сдайте номер, внизу машина, у шофера билет на самолет». Выслали из Вятки в полчаса. Александр Минкин. Броня крепка? // «Огонек». № 4, 1991.

А пока они июньскими утрами рассаживались на асфальте у магазина, растелили перед собой старые газеты и раскладывали на них пучки молодой редиски, зеленого лука, укропа и салата со своих приусадебных участков. Около них толпился народ. В магазин не заходил никто. Ну чем не **театр абсурда** – торговое предприятие с дирекцией, штатом продавцов, кассиров и товароведов не могло конкурировать с тремя нищими старухами из разваливающейся изб деревни Тропарево. Моей целью было поспеть в ближайший гастроном к моменту открытия. У его двери уже собиралась при-

личная толпа. Администратор отпирал замок изнутри, и мы, толкая друг друга, мчались в мясной отдел. Евгений Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание (1999-2000).

С начала 1990-х гг. XX в. словосочетание *театр абсурда-2* в вышеуказанном значении значительно расширило сферу своего применения. Данная неофразема частотно функционирует в современной книжно-письменной и устной речи для выражения насыщенной прагматики непринятия реальности жизненных практик, в которых оказались россияне конца XX – начала XXI в. Это могут быть контексты с критикой действий российских чиновников. Примеры:

Вот сейчас развивается сюжет с излишними функциями министерств. Это ведь театр абсурда. Возьмем, например, Минздрав, который сейчас закупает лекарства для государственных нужд на десятки миллионов долларов. В чем проблема? Давайте просто проведем конкурс, выберем частную компанию, которая будет проводить конкурсы на закупку. Модест Колеров, Евгений Гонтмахер. «Государство не должно светиться» // «Отечественные записки», 2003.

Как-то вызывающе выглядит вся эта ситуация. Тем более, на фоне увеличения пенсионного возраста. Если задуматься, то этот мифический проект больше похож на некую «обманку». Создается впечатление, что весь этот театр абсурда призван отвлечь внимание от чего-то более важного. Светлана, а Вы случайно не та знаменитая Светлана Иванова автор книги подбору персонала и мотивации кадров? [greygrey, pick] По поводу обманки совершенно с Вами согласен. По поводу 60 часов тоже абсолютно согласен. (Обсуждение статьи М. Прохорова «О «надомниках» и трудоголиках. Или как они живут совместно в нашем ТК». 2010.

Неофразема театр абсурда-2 оказалась востребованной для выражения самых разных конфликтных ситуаций современной России, она широко используется в СМИ. Например, в материалах о народных протестах, вызванных новыми общественно-экономическими и социальными условиями, всяческими непорядками нового времени:

Хорошо усвоив, что богатство и положение в обществе не спасают от пули, а накопления, хоть в чулке, хоть в банке – от дефолта, многие проникаются стихийным, почти не осознаваемым фатализмом и тем чувством свободы, которое сродни свободе бомжа, которому на самом деле нечего терять. Когда на экспертном сайте находишь рассуждения о том, что «бедность имеет своими следствиями пассивность населения, потерю веры в завтрашний день, усиление социальной напряженности в обществе и, в конечном счете, рост преступности в стране», хочется спросить, как возможно сочетание «пассивности населения» и «усиления социальной напряженности», которая, как известно, есть проявление хотя и негативной, но все же активности. Отдельные выбросы социальной энергии, подобные 25-тысячной акции протеста против повышения тарифов в Воронеже (в апреле прошлого года) или забастовок и голодовок в других регионах, больше похожи на локальные истерики людей, у которых на некоторое время сдали нервы, нежели на сознательные проявления социальной активности. А зачастую дикие, непропорциональные заявляемым требованиям формы протеста, когда, например, требуя починить водопровод, пенсионеры перекрывают железную дорогу, вообще превращают эти акции в театр абсурда. Сегодня угрозу общественному порядку представляют именно неуравновешенные граждане, число которых, по информации медиков, растет. Социальный взрыв напрямую зависит от числа «настоящих буйных», которые, как пел Высоцкий, и становятся вожаками массовых выступлений. Попытки превратить страх в главный тренд предстоящих выборов должны с большой вероятностью потерпеть фиаско, столкнувшись с непрошибаемым политическим нигилизмом, которым заражена значительная часть населения. Наталья Серова. Социальный страх в театре абсурда // «Политком .ру», 2003.08.01.

С той или иной прагматикой неофразема *театр абсурда-2* в современной книжной речи употребляется для обозначения всего того, во что трудно поверить, поскольку это невероятные, нетипичные случаи и ситуации, не поддающиеся пониманию с позиции здравого смысла. совершенно невероятные. Например:

Уже доказано, что эти устройства, как никакие другие, благотворно влияют на микроклимат территории, нормализуя температуру и повышая влажность воздуха. В них используются микрофорсунки, распыляющие воду. Очень интересно их решение:

это могут быть форсунки, установленные в швах между брусчаткой, в результате чего в жаркий летний день над дорожкой вьется прохладное облачко, а могут быть символические кратеры вулканов, с поверхности которых стекает не жаркая лава, а сама прохлада. **Театр абсурда?** Есть в мировой практике и масса других идей, связанных с водой, которые лишь поначалу кажутся абсурдными, а потом оказываются вовсе не лишены смысла. Например, долгое время имела хождение идея использовать воду в качестве теплоизолятора как одного из элементов состава кровель. Действительно, в течение дня вода вбирала бы в себя тепло солнца, а потом прохладной ночью постепенно отдавала бы его обитателям жилища. Александр Сапелин. Лики воды // «Ландшафтный дизайн», 2002.05.15.

С помощью этого фразеологического словосочетания дается оценка состоянию дел. Например:

*Телевидение дает картинку с места событий быстрее и ярче. Интернет дает информацию неизмеримо оперативнее и подает подчеркнuto лаконично, подделовому, в современной стилистике. Соответственно, чтобы сохранить свою нишу, газеты должны выработать иной подход к информации – ее отбору и анализу событий и процессов. Кроме того, не надо забывать, что рухнула система распространения, а ежедневная газета, приходящая на второй день после выпуска, – это **театр абсурда**. Следовательно, необходимо активное, даже агрессивное внедрение газеты в Интернет. Это то, что сейчас происходит с сайтом «Известий». Число посетителей нашего сайта уже сопоставимо с количеством читателей бумажной версии газеты.* Михаил Кожокин, Дмитрий Волков. Византийское прошлое – европейское будущее // «Отечественные записки», (2003).

И еще вполне может быть, что и земной шар был не шаром, а земным кубом, а в шар он эволюционировал в те же X–XII столетия. Все это – не менее «правдоподобно», не менее «вероятно» и не менее «научно обосновано», нежели превращение за 150–200 лет первобытных дикарей в высокоразвитых людей, уже разделенных на нации и сословия, владеющих, как минимум, парой языков, способных вести астрономические расчеты, строить огромные соборы и исповедующих христианство с его сложнейшим мировоззрением и культом. А первобытные родоплеменные объединения, в которых вся «государственная» власть – это самый сильный дикарь с самой большой дубиной, за какие-нибудь хилых полтора столетия превращаются в сложившиеся народы и государства с сословной структурой, государственным аппаратом, единым религиозным культом, городами, соборами и военной организацией, позволяющей из ничего создать гигантскую империю во главе с могучим царем, владеющим миром... И этот царь, конечно же, русский. И этот театр абсурда выдается за науку. Истина существует, и целью науки является ее поиск. Абсурд Абсурда. [Акимов В. В., *nick*] В чём ошибаются критики НХ, так это в главном: Они критикуют реконструкцию Фоменко–Носовского забывая, что это всего лишь гипотеза! НХ – театр абсурда. О темпах цивилизационного развития (2010 – 2011).

Анализируемый нами фразеологизм *театр абсурда-2*, употребляется преимущественно в книжной речи. Он включает в себе прекрасно завуалированную оценку реалий советской и постсоветской действительности. Так, наша жизнь – это театр, но каков будет ход пьесы, идущей «в нашем театре», зависит от нашей деятельности по преобразованию современной действительности. Пока эта действительность соотносится с театром абсурда, потому этот фразеологизм и специализируется на изобразительном выражении отрицательных явлений современного бытия. Это во многом объясняет, почему столь важные в социально–культурном и коммуникативных планах смыслы и прагматика в современном литературном языке выражаются не прямо, и не лексическим способом номинации, а с помощью образных фразеологических сочетаний. Процесс приобретения метафорического значения оценочной прагматики бывшим номинативно–терминологическим фразеологизмом *театр абсурда-1* соответствует заметной тенденции русского языка XXI в. в завуалированном обозначения негативных явлений современной России с помощью эвфемистических словосочетаний, уменьшающих иллокутивную силу сообщений.

Заключение

Итак, мы объясняем вторичную метафорическую фразеологизацию номинативно-терминологического фразеологизма *театр абсурда-2* тем, что его семантика, структура, лингвокультурный и прагматический потенциал оказались удобными для репрезентации ценностных доминант культуры и выражения актуальных смыслов эпохи, и особенно их оценки, с учетом особенностей языкового сознания современных россиян. Закрепление же высказыванием метафорического значения достигается многократным повторением его нового смысла в различных дискурсах современной коммуникации.

Список литературы

1. Розовский, М. Г. Изобретение театра / М. Г. Розовский – М.: АСТ, 2010. – 565 с.
2. Зотов, А. Ф. Западная философия XX века / А. Ф. Зотов, Ю. К. Мельвиль – М.: Проспект, 1998. – 356 с.
3. Буренина, О. Что такое абсурд, или по следам Мартина Эсслина / О. Буренина // Абсурд и вокруг: Сборник статей. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 7 – 12.
4. Эсслин, М. Театр абсурда / М. Эсслин // Пер. с англ. Г. Коваленко. – СПб.: Балтийские сезоны, 2010. – 238 с.
5. Щерба, Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // А. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 24 – 39.

Список словарей

- МАС-2 – Словарь русского языка в 4-х томах / Под ред. А. П. Евгеньевой. – АН СССР. Институт русского языка. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981 – 1984.
- Ожегов – Ожегов С. И. Словарь русского языка: около 60 000 слов и фразеологических выражений / Под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2007.
- ТСХХI – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика: словарь / Под ред. Г. Н. Скляревской. – М.: Эксмо, 2007.
- ТСЯИ – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения: словарь / Под ред. Г. Н. Скляревской. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

ON LANGUAGE MECHANISMS OF PHRASEOLOGIZATION IN RUSSIAN LANGUAGE

G. M. Shipitsina
K. Y. Korzhevitskaya

*Belgorod National
Research University*

e-mail:
Shipitsina@bsu.edu.ru
Korzhevitskaya @bsu.edu.ru

This article discusses the mechanisms of formation of new language phraseological units in the modern Russian language. The example phrase “a theater of absurd” is used. Its creation was realized under the influence of 1) semantics and pragmatics of lexical components and 2) as a result of secondary derivation of primary significance of this phrase.

Keywords: free phrase, frazeologization, lexical meaning of components, pragmatics, connotation, derivation, internal form, motivational sign.

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.432

СОМАТИЗМЫ («VENTRE»), («DOS»), («MAIN»), («BRAS») И («DOIGT») В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ АФРИКАНИЗМОВ

Ж. Багана

Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

e-mail:
baghana@yandex.ru

В данной статье рассматриваются фразеологические африканизмы французского языка Африки, содержащие в себе соматизмы *ventre* – «живот», *dos* – «спина», *main* – «кисть», *bras* – «рука» и *doigt* – «палец», сравнивается их смысловое содержание относительно французского языка Франции. Данный анализ раскрывает национально-культурную специфику территориального варианта французского языка.

Ключевые слова: фразеологизмы, африканизмы, французский язык, соматизмы, национально-культурная специфика, Африка.

Фразеологические африканизмы, в состав которых входят лексемы, обозначающие части тела, являются самыми распространенными в Африке. Семантика таких фразеологизмов очень широка, с их помощью обычно описывают характер человека, его внутренние ощущения, его восприятие внешнего мира. При этом их смысловое содержание в Европе и Африке часто не совпадает.

В данной статье мы уделим внимание фразеологическим африканизмам с соматизмами группы «тело человека», ее наиболее многочисленной подгруппе «туловище» и наименее малочисленной подгруппе «рука».

Лексема *ventre* – «живот», входящая в подгруппу «туловище», в первую очередь, связывается со значениями «пищеварение» и «гурманство».

Значение гурманства можно подтвердить следующими примерами: *c'est quand ton ventre dort que tu dors* (мусси / Буркина-Фасо) – (букв. ты спишь, когда спит твой живот) – «если человек не голоден, он спит крепко»; *lorsqu'un homme est attaqué au ventre, celui-ci dit: mens* (бассар / Руанда) – (букв. когда живот атакует человека, он подсказывает ему: солги) – «голод оправдывает способы»; *celui qui a un gros ventre n'a pas d'amis* (эвондо / Бурунди) – (букв. у того, кто имеет большой живот, нет друзей) – «любой гурман – эгоист»; *le ventre malhonnête prend plus que celui de demain* (дуала / Камерун) – (букв. недобросовестный живот берет больше, чем он же завтра) – «гурман – непредсказуемый человек».

В африканских вариантах соматизм *ventre* употребляется и с положительной коннотацией, которая соответствует его новому осмыслению. Как бы споря с местной языковой традицией, возвысившей это слово, поэт из Верхней Вольты Пацере Титинга говорит в одном из своих стихотворений:

*La raison est dans le coeur,
Elle n'est pas dans le ventre*
[10: 34]

Мысль находится в сердце,
но никак не в животе.

Указанный случай позволяет сделать вывод о том, что наложение старой семантической сетки на новую действительность сопровождается изменениями в области не толь-

ко первичной, но и вторичной номинации, отражающей своеобразные ассоциативные реалии конкретного социально-языкового коллектива. Данный вывод подкрепляется многочисленными примерами африканского варианта французского языка, где целый ряд общезыковых элементов обладает ассоциативно-образным смыслом, которого они (элементы) лишены в центральной разновидности языка.

Выше было отмечено, что значение лексемы *ventre* во Франции и в Африке во многом сходно. Здесь особенно показательны следующие выражения:

faire mal au ventre à quelqu'un – (букв. причинять кому-либо боли в животе) – «вызывать отвращение у кого-либо»;

avoir quelque chose dans le ventre – (букв. иметь кое-что в животе) – «чувствовать, иметь на душе»;

savoir ce qu'il a dans le ventre – (букв. знать, что у него в животе) – «знать, чего он хочет»;

chercher à savoir ce qu'il a dans le ventre – (букв. стремиться узнать, что у него в животе) – «выведывать чьи-либо планы, секреты».

Во французском языке Африки имеются фразеологизмы, в которых живот символизирует хранение тайн, ср.:

avoir mal au ventre à quelqu'un (рег.) – (букв. иметь боль в животе у кого-либо) – «вызывать отвращение у кого-либо»;

avoir les paroles dans le ventre (Бенин, Того) – (букв. иметь слова в животе) – «хранить секреты»;

n'avoir rien dans le ventre (рег.) – (букв. не иметь ничего в животе) – «быть трусом, мало чего стоить».

Наряду с фразеологическими африканизмами со значением «хранения чувств» существуют фразеологические африканизмы, выражающие различные переживания и эмоции:

avoir le ventre serré (Бенин, Кот д'Ивуар, Того) – (букв. иметь сжатый живот) – «пугаться, бояться»;

avoir le ventre froid (Кот д'Ивуар) – (букв. иметь холодный живот) – «быть мирно настроенным»;

avoir le ventre amer (Бенин, Того) – (букв. иметь горький живот) – «быть злым»;

avoir les noeuds au ventre (Бенин, Того) – (букв. иметь узлы в животе) – «быть обеспокоенным».

Беременность женщины также занимает немаловажное место в значении лексемы *ventre*:

faire le ventre, avoir le ventre (рег.) – (букв. делать живот, иметь живот) – «ожидать ребенка»;

dire son ventre (Буркина-Фасо) – (букв. сказать живот) – «объявлять о своей беременности». *A quatre mois de grossesse, la jeune primipare se voit envoyer dans la case sacrée chez les Tengsoba pour dire son ventre* [8] – «На четвертом месяце беременности молодая первородящая женщина появилась в святой хижине Тенгсоба для того, чтобы объявить о своей беременности».

Исследуя различные словари французского языка в Африке, можно обнаружить еще некоторые значения данной лексемы, содержащейся во фразеологических африканизмах. Например, А. Курума в своем словаре дает значение «усилие»: *si on te lave le dos, frotte-toi le ventre* (малинке / Сенегал) – (букв. если тебе моют спину, сам потри живот) – «помоги себе сам, и небеса тебе помогут» [7].

В связи с тем, что живот на Африканском континенте ассоциируется с местом хранения чувств и переживаний, существует также значение «враг»: *Le parole d'un ennemi ne sort pas du ventre* (булу / Камерун) – (букв. слово врага идет не от живота) – «враг в основном лицемер».

Поскольку существует ассоциация лексемы *ventre* с сердцем, то во фразеологических африканизмах обнаруживается значение «благодарность»: *Ce qui est satisfait, c'est le coeur; le ventre est gourmand* (бамбара / Республика Конго) – (букв. испытывать удовлетворение может сердце, живот – гурман) – «признательность – это качество сердца, раб своего живота может быть только неблагодарным».

Удобство человека также немаловажно для жизни: *Ce qui est savoureux met le ventre de souris à plat* (эвондо / Камерун) – (букв. сытый человек кладет живот мыши на тарелку) – «тот, кто живет внутри своих потребностей, саморазрушается».

Так как семья занимает основополагающее место в жизни африканцев, лексема *ventre* не может не содержать в себе значения *mariage* – «женитьба»: *Personne ne peut vous prendre ce que vous avez dans le ventre* (бамбара / Мали) – (букв. никто не может взять у вас то, что вы имеете в животе) – «если вы однажды женились, жена принадлежит исключительно вам».

В продолжение темы семьи необходимо отметить, что традиционная африканская беседа между мужчинами племени играет важную роль в воспитании младших поколений. Данное значение также имеет место в лексеме *ventre*: *Le manioc dans le ventre ne revient pas* (ньян / Камерун) – (букв. маниока, которая оказалась в животе, не возвращается) – «один раз пресеченная беседа не возобновляется».

Изучаемая лексема несет в себе значение *parole* – «слово»: *Une parole, elle a mûri dans le ventre; si elle est sortie, on trouvera sûrement qu'elle est grasse* (пёль / Сенегал) – (букв. слово зреет в животе, и если оно вышло, то находят, что оно жирное) – «имеет вес лишь хорошо обдуманное слово». Африканцы верят в магическую силу слова и считают необдуманно сказанные слова причиной многих бед. Потому речи африканцев присуща эвфемизация, замена обычных слов их метафорическими эквивалентами.

Ранее мы говорили о том, что на континенте существует пословица «кто умеет говорить, тот никогда не будет беден». В данном случае прослеживается и эта тенденция, т.е. ассоциативная связь между словом и животом, что выражается в значении *richesse* – «богатство». *La pâte mangée seule s'en va triste dans le ventre* (жаби / Конго) – (букв. тесто, съеденное в одиночку, в животе чувствует себя грустно) – «Богатство в одиночестве не приносит счастья». В Африке понятие богатства очень сильно отличается от аналогичного понятия в Европе. Для африканца богатство – это не только его семья и его родственники, но и многие люди, которые его окружают. В сознание африканца с детства закладывается понятие о том, что для счастья необходимо помогать, больше отдавать, чем брать взамен. Даже в случае смерти человека все его имущество делится не только среди близких, но и среди дальних родственников, при этом всем достаются равные доли.

Так же, как и во многих странах мира, в Африке живот ассоциируется с *santé* – «здоровьем». Наиболее отчетливо эта тенденция прослеживается в языке пёль Сенегала: *Le ventre est plein, les poumons auront sommeil* – (букв. живот полон, легкие засыпают) – «когда ты богат и у тебя все в порядке, нет причин для беспокойства».

Еще одно значение, которое несет в себе лексема *ventre* – это «тишина»: *La tortue se tait, elle a un excrément amer dans son ventre* (малинке / Сенегал) – (букв. черепаха молчит, у нее горькие испражнения в животе) – «к молчаливым людям относятся недоверчиво». Придаваемый словам смысл зависит от того, каким образом носители того или иного языка членят окружающий мир, т.е. «выделяют существенные для данного народа свойства и явления» [4, с. 103]. Так, например, африканцы видят в черепахе очень медлительное животное. Данное качество, посредством метафоры, может характеризовать и человека. В. Т. Клоков поясняет, что «в африканском фольклоре черепаха представлена как умудренный опытом персонаж. «Африканская» черепаха хитра и умна, и, несмотря на то, что она мала ростом, ей без труда удастся обмануть злого, но глупого крокодила, сильного слона, наивного леопарда» [2, с. 223].

Недоверие к окружающим вызывает у чувствительных людей *souffrance* – «страдание», что и отражено в значении данной лексемы. *Dans le ventre, c'est loin* (Бурунди) – (букв. в животе, значит, далеко) – «Моральное страдание невыразимо».

Рассматриваемая лексема приобретает значение *mépris* – «презрение». *Le mépris mord dans le ventre* (рег.) – (букв. презрение кусается в животе) – «Презрение заставляет страдать сердце».

То же самое можно сказать и о значении *haine* – «ненависть». Тем более, что данная тема, наряду с прочими, имеет широкое распространение на Африканском континенте. *La haine d'aujourd'hui a commencé dans un même ventre* (марина / Мадагаскар) – (букв. сегодняшняя ненависть началась в том же самом животе) – «Братская ненависть – самая

ужасная». *Le ventre haineux refuse à son frère* (пер.) – (букв. ненавидящий живот отказывает даже брату) – «Ненависть разделяет даже самых близких родственников».

Метафора, взятая из книги А. Х. Ба «Сказки народа фульбе», представляет живот «чем-то вроде мозга, местонахождения жизненной силы»: «*Il entra et constata la disparition de la termitière jaune-clair. Ce que voyant son ventre se remplit du désir d'informer. Il prit le chemin du retour avec hâte, craignant que son ventre trop rempli ne se déchire et que les informations qui y étaient contenues ne s'échappent*» [5, с. 89 – 90] – «он вошел и обнаружил пропажу светло-желтого термитника. У него возникло желание узнать о произошедшем. Он быстро направился обратно, веря, что он обязательно узнает все, что здесь произошло».

Таким образом, благодаря различным лексико-семантическим вариантам, лексема *ventre* в составе фразеологических единиц употребляется в определенных, специализированных областях. В этом и проявляется универсальная способность человеческого мышления: выборочно, избирательно осуществлять процесс отображения предметов действительности.

Следующим соматизмом подгруппы «туловище» мы рассмотрим *dos* – «спина».

В Африке спина ассоциируется, во-первых, с традиционной манерой африканских женщин носить грудного ребенка подвязанным за спиной. В этом смысле спина представляет собой символ малолетства, материнской заботы, надежного укрытия и защиты [2, с. 232]. Например,

être au dos, être sur le dos – (букв. быть на спине, за спиной) – «быть малолетним ребенком». *J'ai manqué mourir quand j'étais au dos* [8] – «Я избежал смерти, когда был маленьким ребенком».

Большинство фразеологизмов, включающих данную лексему, являются региональными. Они находятся в меньшинстве по сравнению с предыдущими фразеологическими единицами. Это объясняется тем, что жители Африки очень большое внимание уделяют тому, что они способны видеть, а спина – это часть тела, которая находится вне поля зрения африканца и представляет собой тыльную часть туловища, что также может символизировать отрицательные чувства к человеку: *Donner le dos, faire le dos* – (букв. давать спину, делать спину) – «отказывать в помощи кому-либо, предавать»; *Faire le gros dos* – (букв. делать большую спину) – «принимать важный вид». В Европе спина, как незащищенная часть тела, также ассоциируется с опасностью, которая может внезапно настичь человека. Данная символика отражена в следующих французских фразеологических единицах:

avoir l'ennemi à dos – (букв. иметь врага за спиной) – «иметь врага за спиной»;

tomber sur le dos – (букв. упасть на спину) – «набрасываться на кого-либо».

Духовные идеалы широко распространены во фразеологическом фонде французского языка Африки: *Dieu ne place pas le bossu sur le dos* (бассар / Того) – (букв. бог не кладет горбатого на спину) – «Бог не обижает несчастных». Национально-психологические черты характера понимаются нами как «своеобразный национальный колорит чувств и эмоций, образа мыслей и действий, устойчивые и национальные черты привычек и традиций, формирующихся под влиянием материальной жизни, особенностей исторического развития данной нации и проявляющихся в специфике ее национальной культуры» [1, с. 31]. Наиболее заметной национальной чертой африканского народа является свободолюбие и гордость. Например, региональный фразеологический африканизм: *Ce sont les autres qui admirent les tatouages que tu as sur le dos* (пер.) – (букв. другие любят татуаж, который ты носишь на спине) приобретает значение «заставь других превозносить тебя».

Такие лексемы, как *main, pied, doigt* называют части тела, которые включены в менее многочисленные фразеологические африканизмы, по сравнению с рассмотренными выше, однако о них нельзя не упомянуть в силу их важности.

Нельзя не согласиться с тем, что рука (особенно ладонь) для африканцев символизирует прежде всего невиновность. Такое представление связано с тем, что ладони у чернокожего человека светлее остальных частей тела, что позволило африканцам выработать традиционный жест раскрытия ладоней, означающий удостоверение в невиновности. Та-

ким образом, во французском языке Африки появились следующие фразеологические единицы:

Avoir les mains blanches (рег.) – (букв. иметь белые руки) – «быть невиновным»;

Avoir les mains noires (рег.) – (букв. иметь черные руки) – «быть виновным».

Во фразеологических африканизмах с лексемой *main* содержатся такие значения, как:

Amitié – «дружба». *Ça, c'est l'amitié du pied et de la main* (бамун / Камерун) – (букв. это дружба ноги и руки) – «дружба есть там, где нет любви».

Éducation – «обучение». *Si de ta main droite tu fouettes un enfant, de la main gauche tu le presses sur ton coeur* (рег.) – (букв. если правой рукой ты бьешь ребенка, то левой рукой ты прижимаешь его к сердцу) – «кого сильнее любят, того и наказывают строже».

Habitude – «привычка». Как и в жизни любого человека, в жизни африканцев привычка является неотъемлемой частью. *Si tu vois la main gauche du vieux dans un repas, ne lui pose pas de question, c'est qu'il a mal à la main droite* (сонинке / Мали) – (букв. если ты видишь, что левая рука старика находится в еде, не задавай ему вопросов, это значит, что у него болит правая рука) – «если человек поступает не так, как обычно, значит, на это есть причина».

Как в Европе, так и в Африке ноги символизируют передвижение, следы от пройденного, расстояние на земле, а также саму землю. Кроме того, ноги – это символ начала, основы, устойчивости. Во французском языке Африки фразеологические единицы представляют ноги как символ передвижения, усталости:

Avoir les pieds fatigués (Того) – (букв. иметь усталые ноги) – «уставать»;

Bon pieds la route (Камерун) – (букв. добрую ногу в дорогу) – «счастливого пути» [6].

Лексема *pieds* в Африке имеет значение *destin* «судьба». *Le pied gauche ne marche que du côté gauche* (рег.) – (букв. левая нога идет только слева) – «каким человек родился, таким он останется на всю жизнь».

Évidence – «очевидность» также присутствует во фразеологических африканизмах, содержащих данную лексему. *Celui qui marche sur le fumier devra se laver les pieds* (эве / Того) – (букв. тот, кто ходит по навозу, должен вымыть ноги) – «кто себя трет, тот уколется».

Значение *ingérence* «вмешательство» присутствует в значении лексемы *ped*. *Le cimetièrre n'est pas un lieu où le malade doit allonger les pieds* (бамбара / Кот д'Ивуар) – (букв. кладбище не то место, где больной должен ставить ноги) – «не нужно присоединять себя к тому, чего вы не видите, поскольку это может навлечь опасность там оказаться».

В ходе семантического анализа материала мы обнаруживаем еще одну лексему, которая содержится в небольшом количестве фразеологических африканизмов – *doigt (m)* – палец.

Данная лексема имеет несколько значений, первым из которых является *démesure* – «излишество». Это доказывает фразеологический африканизм Мали языка сонинке: *Le doigt alla si souvent à l'anus qu'il en ramena de l'excrément* – (букв. палец направляется к анусу так часто, как тот производит экскременты) – «лучшее – враг хорошего».

Тема *evidence* «очевидность» также получила широкое распространение на африканском континенте. *Nul besoin de montrer l'éléphant du doigt* (бассар / Камерун) – (букв. нет необходимости показывать пальцем на слона) – «все ясно, очевидно».

Значение *malheur* «несчастье». *Quand tu mange avec une cuillère, n'oublie pas ton doigt* (рег.) – (букв. когда ты ешь ложкой, не забывай свой палец) – «в счастье не забывай несчастья».

И снова возникает тема *solidarité* «солидарность». В языке лингала можно встретить фразеологизм типа *Un seul doigt ne peut pas battre le tamtam* (букв. один палец не может бить в тамтам) – «сила в единстве».

По нашему мнению, проанализированные факты показывают границы произвольности лингвистического знака: язык в разговорной деятельности регламентирован. Если лингвистический знак произволен [3], то грамматические структуры не являются таковыми в том смысле, что они передают более или менее ясно концептуальные действия. Таким образом, в данном случае следует заметить, например, следующие фразеологические африканизмы: *il a un ventre* и *il a le ventre*, которые содержат в себе порядок употребления определенного/ неопределенного артикля и его коммуникативную эффективность. Гово-

рящий может высказать все и сделать это так, как ему хочется. Согласно Ж. А. Мфуту, слова возникают исключительно как кальки логики, которая в действительности присуща элементарным сторонам человеческой речи [9, с. 126].

Таким образом, проанализировав лексемы, обозначающие части тела человека, мы видим, что семантическое развитие лексемы во фразеологических африканизмах предполагает развитие нового оттенка значения. На развитие новых значений во фразеологических африканизмах влияют потенциальные значения, проявляющиеся в переносных значениях лексем в составе фразеологических африканизмов. Благодаря лексемам мы можем охарактеризовать тело человека, а при помощи фразеологических африканизмов – более ярко и образно описать его внешнее состояние и внутренние качества.

Список литературы

1. Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология: Учеб. пособие для вузов. – М.: Изд-во Аспект-Пресс, 1998. – 271 с.
2. Клоков В. Т. Французский язык в Африке. Лингвокультурологическое исследование. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – 284 с.
3. Соссюр Ф. де. Заметки об общей лингвистике: Пер. с фр. – М.: Изд-во Прогресс, 2000. – 280 с.
4. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Изд-во Наука, 1986. – 143 с.
5. Bâ A. H. Contes initiatiques peuls. – Paris, 1997.
6. Depecker L. Les mots de la francophonie. – P.: Berlin, 1988.
7. Kourouma A. Le grand livre des proverbes africains. – Paris: Presses du châtelet, 2003. – 319 p.
8. Lafage S. Premier inventaire des particularités lexicales du français en Haute-Volta. – P.: Didier-Érudition, 1989.
9. M'foutou J.-A. L'expression du générique et du spécifique dans la désignation des organes du corps humain chez les francophones congolais // Bulletin de ROFCAN. – Paris, 1995. – № 10. – P. 117 – 128.
10. Titinga P. Livre, culture et développement. – Ouagadougou : Imprimerie nationale du Burkina, 1989.

SOMATISMS «VENTRE», «DOS», «MAIN», «BRAS» AND «DOIGT» AS PART OF THE PHRASEOLOGICAL AFRICANISMS

J. Baghana

**Belgorod National
Research University**

**e-mail:
baghana@yandex.ru**

This article points out the phraseological africanisms of the French in Africa, containing the somatisms *ventre* – «stomac», *dos* – «back», *main* – «hand», *bras* – «arm» и *doigt* – «finger», compares their semantic content concerning to the French language in France. This analysis reveals the cultural identity of French territorial variants.

Keywords: phraseological units, africanism, French language, somatism, cultural identity, Africa.

СВОЕОБРАЗИЕ ЛЕКСЕМ-НАЗВАНИЙ БЛЮД БАВАРСКОГО ДИАЛЕКТНОГО АРЕАЛА

Н. А. Калинина

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
windnatali@rambler.ru*

Данная статья посвящена описанию этимологии названий блюд баварского диалектного ареала и их аналогов в современном литературном немецком языке Германии. Изучаются понятия «диалект» и его соотношение с наречиями, говорами и литературным языком. Анализу подвергается лексика баварского диалекта – названия некоторых традиционных блюд, которая рассматривается на фоне литературных немецких аналогов.

Ключевые слова: диалект, баварский диалект, литературный немецкий язык, названия блюд Баварии, этимологический анализ.

Введение

Языковую систему характеризуют ее свойства. Одним из таких свойств является вариативность, наиболее ярко проступает в так называемых вариантах языка. Современный литературный немецкий язык имеет несколько национальных территориальных вариантов. Наиболее известными из них являются: швейцарский и австрийский национальные варианты, варианты немецкого языка в Люксембурге и Лихтенштейне и т.д. Для указанных вариантов характерны специфические особенности фонетико-фонологического, морфологического, лексемного и семантического планов, которые существуют на фоне общей системно-структурной системы языка, основанной на системе литературного немецкого языка Германии. В данных странах литературный язык представляет собой высшую форму эволюционного развития национального варианта немецкого языка, он стремится к нормативному немецкому языку Германии, но будучи использованным как постоянное средство коммуникации, он постепенно приобретает национально-культурный колорит.

Исследование эволюции современного литературного немецкого языка показывает, что становление его вариантов проходило при соблюдении определенных условий. Родственные диалекты могут заложить основу для формирования национального варианта литературного языка. Миграционные процессы могут стать одним из условий, когда при переселении, носители языка расширяют территорию распространения языка. Различные внешние факторы также могут оказаться решающими, при возникновении вариантов языка: например, политические условия в пределах одной языковой области могут сложиться таким образом, что одна группа населения станет жить обособленно от основной массы носителей языка. Если одно из описанных условий будет соблюдено, то в системе языка начнут формироваться инновационные черты на разных уровнях ее структуры.

Известно, что варианты современного литературного немецкого языка образовались на основе системы немецкого языка Германии и постоянное ориентирование на нее, как на языковую норму. Работы некоторых лингвистов подтверждают факт эволюции вариантов в сторону литературного немецкого языка Германии [1]. Классической и наиболее полной считается теория национальных вариантов языка Г. В. Степанова [2]. Центральным для этой теории является осознание того, что национальный вариант языка это своеобразная форма приспособления единого литературного языка к традициям и культурному наследию нации, но, тем не менее, это форма функционирования единого литературного языка.

Термин «вариант языка» соотносится с термином «диалект». В отличие от варианта языка, который является одной из форм функционирования литературного языка, диалект это региональная или социальная разновидность языка, которая имеет характерные отличительные черты в фонетике, морфологии и лексическом составе. Диалект наиболее ярко проявляется в речи его носителей, так как она достаточно сильно отличается от норм стандартного литературного языка.

Региональная или социальная разновидность языка, которая характеризуется специфическими характеристиками на всех уровнях языковой системы, называется диалектом. Она часто проявляется в речи его носителей, она регионально окрашена и имеет многочисленные рас-

хождения с нормами литературного стандарта. Но, тем не менее, она остается полноценной системой коммуникации. Эдуард Сэпир писал: «Считается, что человеческая речь делится и стандартизуется на некоторое количество общепризнанных форм, называемых «языками», каждый из которых в свою очередь имеет ряд менее значимых вариантов, известных под названием диалектов. Диалект рассматривается как отступление от стандартной нормы» [3].

Системы литературного языка и диалекта противостоят друг другу, так как диалект обладает рядом характеристик, которые лежат в основе указанного противопоставления. Распространение диалекта ограничено территорией. Диалектные формы редко можно встретить за пределами зоны его распространения. Но, даже на определенном пространстве система диалекта не является единой. Она может состоять из разновидностей или подвидов. Если на территории распространения диалекта существуют несколько говоров, они входят в систему диалекта, несмотря на наличие отличительных черт. Относительная самостоятельность и самобытность диалекта постоянно находится под воздействием системы стандартизированного литературного языка, который широко используется в средствах массовой информации. Диалект не имеет нормативной стандартной формы. Этим он также отличается от литературного языка, как и тем, что диалект не имеет самостоятельной формы, закреплённой в письменном виде. И, наконец, необходимо упомянуть ограниченность сферы употребления диалекта. Как правило, это семья или бытовые ситуации, в которых возможно употребление. Но, когда самосознание части населения, использующей диалект велико, то тогда роль диалекта может возрасти и сферы его употребления могут расширяться и увеличиваться. Баварский диалект Германии является подтверждением данного факта. Диалект соотносится также с понятием «наречие». Процент взаимопонимания между говорящими является важным пунктом определения и разграничения понятий. Если это 95 – 100 процентное понимание, то мы имеем дело с двумя диалектами, которые объединяются в наречия языка.

Ученые, находя новый языковой материал, продолжают разрабатывать тематику диалектов. Поэтому диалекты всегда находятся в центре лингвистических исследований и тематика, связанная с диалектами, входит в ядерные классические темы науки о языке. Ранее считалось, что диалект – это одна из специфических форм языка, характеризующая носителя с социальной или какой-либо другой точки зрения. Современная трактовка диалектов гораздо шире. Она показывает, что понятие «диалект» может быть применимо к любой местной разновидности литературного языка [2]. Это так называемые территориальные диалекты. Выделяют диалекты второй группы – социальные. Но, нас интересует первая группа диалектов – территориальная, так как наше исследование посвящено описанию и анализу лингвистического фактического материала баварского диалекта современного литературного немецкого языка Германии.

Баварская диалектная зона: этимология названий блюд

Моделирование языкового движения в диахронии это система абстракций, с помощью которой становится возможным осознать совокупность норм и правил языковой системы, функционирующей в обществе. Данный коллектив носителей языка использует сложную, развивающуюся конкретную систему языка. Результатом функционирования становится саморазвитие языка под влиянием общества. Возникающие варианты языковых единиц на микроуровне и варианты языка на макроуровне образуют синхронный срез языковой системы, которая дает богатый материал для построения модели диахронического развития. Так исследование баварского диалекта вносит свою лепту в построение общего понимания этапов эволюции современного литературного немецкого языка Германии.

Диалектное разнообразие Германии всегда давало интересные лингвистические данные для исследований. В них не раз отмечалось, что соотношение разных диалектов с современным литературным немецким языком Германии неоднозначно. Некоторые диалекты ближе других стоят к нормам литературного немецкого языка, другие диалекты составляют противоположную группу, которая наиболее удалена от языкового стандарта Германии. Баварский диалект несомненно относится ко второй группе, так как он обнаруживает собственные региональные черты на всех уровнях системы языка, от фонологии до синтаксиса.

Территориальные диалекты это регионально окрашенная форма языка, противопоставляемая по определенному набору характеристик другим формам и диалектам. Ба-

варский диалект относится к верхненемецким диалектам и входит в их южно-немецкую подгруппу. В свою очередь сама баварская диалектная область не является единой по составу. На основе лингвистических характеристик она делится на Северобаварские, Среднебаварские и Южнобаварские диалекты.

Экстралингвистический фон баварских диалектов богат. История баварских племен берет свое начало в переселении нескольких племенных групп из Богемии. Считается, что это были племена маркоманнов и квадов, которые и принесли само название *Bajuwarii* в VI в. н.э., ставшее названием народа и его языка. Исследователи утверждают, что на уровне древневерхненемецкого языкового среза различия между древнебаварскими и алеманнскими диалектами не носили столь явного характера [3]. Приблизительно к XII в. количество инноваций начинает возрастать и анализ памятников литературы и данных словарей показывает расхождение между Восточными верхненемецкими (баварскими) диалектами и Западными верхненемецкими (алеманнскими) диалектами [4].

Баварский диалект наиболее богат лексическими вариантами, которые настолько удалены от норм современного литературного немецкого языка Германии, что требуют специального перевода. Многие баварские слова и выражения не имеют аналогов, поэтому их переводят описательно, разъясняя, что имеется в виду. Данное утверждение относится ко многим слоям лексического богатства баварского диалекта, но оно особенно подходит к специальному слою лексики, относящейся к кулинарному искусству Баварии.

Проанализируем примеры лексем, которые нуждаются в описательном уточнении, если человек не баварец или он не является носителем баварского диалекта. Весь лексический материал взят из аутентичной книги о Баварии [5]:

- (баварск.) **das Weißwurst** = (лит. нем. Герм.) **das Würstchen** «сосиска» Лексема баварского диалекта относится к типичному виду закуски в Баварии: сосискам очень светлого, почти белого цвета. Считается, что их рецепт случайно изобрел паренек-помощник повара, около 200 лет назад. Сосиски готовятся из фарша молочных телят с добавлением лимонного сока и свежей петрушки. Подаются со сладковатой на вкус горчицей.

Darin enthalten sind auch Erläuterungen zur bayrischen Mentalität, ohne die die bayrische Sprache so frisch wär wie eine **Weißwurst** nach dem morgenlichen elf Uhr Glockenschlag [5, с 73]. Здесь содержатся также комментарии к баварскому менталитету, без которого баварский язык не был бы так свеж как вареная телячья колбаса после 11 часов.

Weißwürste werden in Bayern traditionell vor dem elf Uhr Läuten verzehrt. Der geschichtliche Hintergrund: Sie wurden morgens hergestellt und die Frische konnte mangels Kühlung nicht länger als wenige Stunden danach garantiert werden [5, с 73]. Вареные телячьи колбасы потребляются в Баварии традиционно до 11 часов. Согласно историческим сведениям: Их производили утром и при отсутствии охлаждения, свежесть могла быть гарантирована не дольше 2 часов.

Анализ семантики данной лексемы и аналога в литературном немецком языке Германии выявляет несколько добавочных сем: «белый цвет», «добавление лимонного сока», «свежая петрушка» и «обязательное поедание утром до 11 часов». Констатация данных сем говорит о значительном расширении семантического поля у баварской лексемы;

- (баварск.) **Auszogene** = (лит. нем. Герм.) **der Pfannkuchen** «пончики, оладьи». Это вид выпечки, похожий на пончик, но без дырочки внутри. Края загнуты и прожарены сильнее, чем середина. Она тонкая и светлая. Подается с сахарной пудрой.

Hallo, suchst du das beste Rezept für Bayerische Küchel oder **Auszogene**, lecker und einfach zu machen? Ich habe das Rezept hier gefunden, 5 Sterne für Kochmeister [5, с 6]. Привет, ты ищешь самый лучший рецепт для баварских пышек, чтобы приготовить вкусно и просто? В книге «5 звезд для повара» я нашел именно такой рецепт.

Auszogene Krapfen sind in anderen Teilen Deutschlands auch bekannt als Knieküchle oder Kniezieher. Um dieses Traditionsgebäck selber zu machen, müssen Sie kein Küchenprofi sein, denn so schwer, wie man vielleicht denkt, ist die Zubereitung gar nicht [5, с 6]. В других частях Германии Крапфены известны как Кникюхле, т.е. кофейный хворост или тертый пирог. Вам не нужно быть великим кондитером, чтобы приготовить эту традиционную выпечку, рецепт довольно прост.

Приведенные примеры указывают на разные этимологические источники сравниваемых немецких эквивалентов для лексемы «пончики, оладьи». Лексема Баварского диа-

лекта восходит к немецкому глаголу **ausziehen** «вытягивать, выдергивать», возникает аллюзия на легенду, рассказывающую о том, как в давние времена впервые получились эти пончики. Известно, что девушка хотела их испечь настолько тонкими, чтобы через них можно было читать письма ее возлюбленного и поэтому тщательно раскатывала тесто. Таким образом, семантическая структура лексемы баварского диалекта пополняется за счет добавочной семы «специально раскатанная форма», что так же говорит о расширении семантики;

- (баварск.) **die Semmel** = (лит. нем. Герм.) **das Brötchen** «булочка»

Semmeln, ein raffiniertes Rezept mit Bild aus der Kategorie Brot und Brötchen [5, с. 58]. Булочки Земмельн изготавливаются по изысканному рецепту, похожему на рецепт приготовления хлеба.

Die Semmel ist ein landwirtschaftlich genutzter Bereich der Feldmark westlich des heute zur Stadt Magdeburg gehörenden Stadtteils Westerhüsen [5, с. 58]. Земмель – это используемая в сельскохозяйственных целях область Фельдмаркта на западе Вестергюзена (городская часть города Магдебурга).

Анализ этимологических корней показывает, что лексема баварского диалекта происходит от латинской лексемы **simila** «пшеничная мука высшего сорта». Это имя существительное женского рода, первого типа склонения. В то время как аналог литературного немецкого языка Германии – это результат диахронического развития древневерхне-немецкого имени существительного **bröt**, которое известно по древневерхне-немецким памятникам уже с VIII в. Истоки и причины такого распределения исследуемых лексем следует искать в экстралингвистических факторах, влияющих на эволюцию немецкого языка и его диалектов;

- (баварск.) **der Topfen** = (лит. нем. Герм.) **der Quark** «творог»

Bis in die achtziger Jahre konnte man **Topfen** auch aus Supermarktmilch noch selber herstellen [5, с. 64]. Вплоть до восьмидесятых годов можно было также производить творог из молока, продаваемого из супермаркета.

Für die **Topfen**-Palatschinken zunächst 2 Eier und Milch verquirlen. 3 EL Zucker, Vanillin-Zucker, 1 Prise Salz und Mehl unterrühren [5, S.66]. Чтобы приготовить блинчики с начинкой из джема и творога, сначала нужно взбить 2 яйца с молоком, добавить 3 ст.л. сахара, ванилин, 1 щепотку соли, муку и всё это хорошо перемешать.

Этимология баварского варианта лексемы «творог» неясна [6]. Указывается, что уже в средневерхне-немецких текстах данная лексема употреблялась, обозначая «маленькие комочки, возникающие на поверхности свернувшегося молока». Более ясная этимологическая картина у литературного немецкого синонима **der Quark**. В средневерхне-немецком языке уже существовали три варианта **twarc, quark, zwarg**, которые из-за отсутствия единых правил орфографии имели разное написание. Приблизительно к XIV в. входит в употребление лексема **twarog** из нижнелужицкого диалекта и получает распространение. Эта лексема в свою очередь ведет происхождение от греческого слова, обозначающего «сыр» [7];

- (баварск.) Pretzel = (лит. нем. Герм.) Brezel «крэндель в форме сердечка»

Rezept Zubereitung **Pretzel**. Lies mehr über Pretzel! [5, с. 44] Рецепт изготовления крендельков. Читай больше о крендельках!

Pretzeln selbst backen. Die besten **Pretzeln**-Rezepte herzhaft und süß [5, с. 45]. Крендельки собственного изготовления. В виде сердечек и сладкие.

Лексема баварского диалекта имеет фонологическое и орфографическое расхождение с аналогом из литературного немецкого языка Германии. Диахронический анализ лексемы выявляет связь с древневерхне-немецкой лексемой **brezitella** «крэндель», которая восходит к латинской лексеме **brachium** «руки, сложенные во время молитвы». Возможно, аналог литературного немецкого языка имеет те же диахронические корни, но в ходе диахронического развития языковой системы, лексема претерпела фонологические и орфографические изменения;

- (баварск.) **das Schmankerl** = (лит. нем. Герм.) **die Delikatesse** «деликатесы, блюда изысканной кухни»

Wir veranstalten gerne Ihre individuelle Feier mit traditionellem, leicht gekochten **Schmankerl**-Menü oder Buffet [5, с. 60]. Мы охотно организуем ваш индивидуальный

праздник с традиционным, слегка приготовленным меню различных деликатесов или шведский стол.

Заключение

Компаративное изучение лексем указывает на разные этимологические источники происхождения. Выяснение происхождения лексемы баварского диалекта затруднено. Исторические справочные материалы предлагают различное семантическое наполнение. Словарь баварского диалекта Шмеллера, редакции 1877 г. (переиздан в 2011 году), дает пояснение, что «данное блюдо изготавливается из муки, молока, яиц. Оно печется на противне, имеет корочку [8, с 92]». Изучение семантической структуры на современном уровне диахронии баварского диалекта указывает на семантический сдвиг. В современной Баварии данная лексема имеет широкое значение «деликатесы вообще, изысканные блюда». В то время как аналог лексемы литературного немецкого языка прямо указывает на заимствование из французского языка *délicatesse* «вкусные блюда». Во французский язык лексема пришла из латыни, где первоначально, возможно бвыступала в виде имени прилагательного *delicatus* «доставляющий удовольствие».

Подводя итоги нашего небольшого исследования лексем баварского диалектного ареала, следует подчеркнуть, его система отличается своеобразием лексического состава, который при сравнительном синхронном и диахроническом анализе часто вскрывает различные этимологические источники.

Список литературы

1. Бондарко А. В. Темпоральность / Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 5 – 58.
2. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. – 176 с.
3. Иванова И. П. Вид и время в современном английском языке. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. – 199 с.
4. Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Просвещение, 1981. – 321 с.
5. Ильиш Б. А. Современный английский язык: Теоретический курс. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1948. – 347 с.
6. Кобрин Н. А., Корнеева Е. А., Осовская М. И., Гузеева К. А. Грамматика английского языка: Морфология (на англ. яз). – М.: Просвещение, 1985. – 288 с.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1938. – 450 с.
8. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. – 440 с.
9. Ярцева В. Н. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языка / Типология грамматических категорий. – М.: Наука, 1975. – С. 5 – 24.
10. Jespersen O. Essential of English grammar by Otto Jespersen. – N.Y., H.Holt & K, 1933. – 387 p.
11. Poutsma H. A. Grammar of late modern English. Pt.1. – Groninger: Nordhoff, 1928. – 539 p.
12. Sweet H. A new English grammar logical and historical. – Oxford: The Clarendon press, 1940. – 499 p.

LEXICAL ORIGINALITY OF THE BAVARIAN CIUSINE

N. A. Kalinina

*Belgorod National
Research University*

e-mail:

windnatali@rambler.ru

The paper discusses the etimological aspects of cuisine nominations in Bavarian dialect area and its analogues in the contemporary literary /German language. The author observes the notion “dialect” and its link to the idioms and subdialects and literary language. Under the focus is the lexical items of Bavarian dialect, such as traditional cuisine nominations. The lexical items are regarded in the context of the German literary analogues.

Keywords: dialect, Bavarian dialect, German literary language, cuisine nominations, etimological analysis.

УДК 811.1

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ВИДА И ВРЕМЕНИ С КАТЕГОРИАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ГЛАГОЛОВ fail, miss

Е. А. Камышанченко

Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

e-mail:

kamyshanchenko@bsu.edu.ru

Рассматривается проблема взаимодействия категориального значения вида и времени с категориальным значением английских глаголов fail, miss. Выявляются особенности актуализации определенных признаков значения грамматических категорий вида и времени и определяется степень их релевантности для глаголов fail, miss.

Ключевые слова: категориальное значение, время, вид, временная отнесенность, глагол.

Каждый акт речевой коммуникации, с точки зрения когнитивного подхода, представляет собой установление соответствий между концептуальными сущностями в умах говорящего и слушающего с помощью языковых средств, и находит свое непосредственное выражение в предложении-высказывании. Адекватная передача и восприятие информации зависит от правильного осмысления грамматических категорий и категориального значения лексических единиц, составляющих предложение – высказывание, центральной частью которого являются предикативные отношения. Цель данной статьи – рассмотрение взаимодействия грамматических категорий времени и вида с категориальным значением глаголов fail и miss, выражающих нереализованность действия и недостаточность.

Общее грамматическое значение категории времени – выражение временного соотношения между процессом, обозначенным формой глагола, и моментом речи, который выступает в качестве «нуля» на шкале времени. Категория времени в современном английском языке представлена тремя грамматическими временами: настоящим, прошедшим и будущим.

Временная сфера настоящего времени представляет собой отрезок времени, включающий момент речи как его центр, и захватывающий долю времени, предшествующего моменту речи, и долю времени, последующего за ним. Прошедшее время и будущее выделяются на основании исключения ими момента речи из своей сферы. Прошедшее время отображает «отрезок времени, предшествующий настоящему и не включающий момента речи», а будущее – «отрезок времени, ожидаемый после настоящего, также не включающий момента речи» [4, с. 52].

Существует множество взглядов на проблему определения временной сферы настоящего времени. Широкое распространение получило мнение, что для настоящего времени характерно значение «вневременного действия». А. М. Пешковский высказывается против «вневременного» значения и отмечает, что значение настоящего времени «расширено до крайних пределов» [7, с. 186]. О.Есперсен полагает, что настоящее время обязательно соотносится с моментом речи, даже если действие не происходит в момент речи, достаточно того, что данное высказывание имеет силу [10].

При рассмотрении формы настоящего времени в парадигме исследуемых глаголов мы придерживаемся положений, детально разработанных И. П. Ивановой и А. В. Бондарко [3; 1; 2]. Согласно их точке зрения, настоящее время также выделяется на основании включения момента речи во временной период, охватываемый ситуацией. По мнению А. В. Бондарко, «категориальное значение настоящего времени – значение современности в широком смысле» [1, с. 31]. Временной период, охватываемый настоящим временем, может иметь самую разнообразную протяжённость – от минимального отрезка, совпадающего или почти совпадающего с моментом речи, до неограниченного периода.

Глаголы fail, miss описывают соответствующее положение вещей как некую «данность», как факт действительности. Разница заключается в отрезке времени, который охватывает описываемое глаголами событие, в зависимости от реализуемого ими значения. Так, в значении *нереализованность действия* рассматриваемые глаголы выражают ре-

зультат действия, которое уже к моменту речи либо достигло своего предела (fail), либо не совершалось совсем (miss), например:

I fail to see the point of this argument.

I guess I miss something.

В значении *недостаточность* данные глаголы выступают как релятивные глаголы, передающие определённые отношения между субъектом и объектом и выражающие внутреннее состояние потребности у субъекта, характеризуются временной нелокализованностью и свободно употребляются в форме Present Indefinite для констатации постоянного или временного признака недостаточности у субъекта, существующего в неопределённо протяжённом периоде времени, в который входит и момент речи. Проиллюстрируем реализацию этого значения формой настоящего времени следующими примерами:

They miss their daddy.

But, for the moment, words fail him.

Прошедшее время выделяется на основании исключения момента речи. Охватываемый прошедшим временем период заканчивается ранее момента речи, а действие предшествует моменту речи и не соотносится с ним.

Релевантность формы прошедшего неопределённого времени для глаголов fail, miss в значении *нереализованность действия* объясняется непосредственно самим лексическим значением, выражающим результат действия. В форме прошедшего времени данные глаголы передают ситуацию как констатацию отдельного факта прошлого без специального контекстуального уточнения времени:

Evidently, he failed to convey this offer to his client, who now claims it would have seriously considered paying just what I wanted.

You missed the point of that brawl.

Рассматриваемые глаголы в значении *недостаточность* также широко употребляются в форме Past Indefinite для передачи отношения/состояния как некоторого факта, имевшего место в прошлом:

... her imagination failed her.

He hated law school but he missed his friends and good times. Рассматриваемые глаголы в форме Past Indefinite могут передавать простую повторяемость или обычность ситуации, которая обусловлена контекстом. Повторяемость подчёркивается наречиями **again, often, twice**:

So he sold the concern and poured all his energy into household appliances. He failed again.

It had been so long since Charley herself had been there that she had to check all sorts of landmarks and even then missed the dirt road turnoff twice .

Форма Future Indefinite зарегистрирована у исследуемых глаголов в ограниченном количестве. Это связано с несоответствием между основным значением формы будущего времени и семантическими особенностями глаголов.

Основное значение Future Indefinite – передача действия, намеченного к выполнению в период после момента речи, т.е. не происходившего в прошлом и не происходящего в настоящем. Значение действия в будущем тесно связано со значением модальности: оно мыслится как возможное, желательное, необходимое, планируемое.

Глаголы fail, miss в значении *нереализованность действия* выражают отрицательный результат желаемого действия, т. е. субъект может намечать на будущее действие, имплицитное самим глаголом или выражаемое неличной формой глагола, но он не может заранее планировать негативный результат; кроме того, субъект не может предвидеть негативный результат, т. к. нереализованность действия, передаваемая глаголами fail, miss, обусловлена объективными, часто независимыми от субъекта факторами. По этим причинам, употребление глаголов fail, miss в будущем времени ограничено определёнными структурными типами организации предложения и обусловлено определёнными целями коммуникативной ситуации: *You'll, of course, miss information vital to your country's survival if you do.* Субъектом в этом случае, как правило, является не говорящий, а другое лицо. Говорящий же лишь предполагает негативный результат, который может быть вызван некоторыми причинами, т.е. он даёт субъективную оценку ситуации, но не планирует действие на будущее.

*If I ever see you near my wife again, I won't bloody miss next time .
I shall not fail the Motherland or the peaceloving people of the socialist-communist
block.*

В приведённых примерах форма будущего времени передаёт не просто намечаемое, планируемое действие, а выражает на коммуникативном уровне суждение, критику, угрозу, чёткое намерение.

Форма будущего времени является слабореккуррентной для данных глаголов, что объясняется спецификой их категориального и лексического значений.

Большой интерес представляет взаимодействие категории вида с категориальным значением глаголов fail, miss.

По мнению грамматистов, видовое значение передаётся формами Continuous, однако, единого мнения относительно грамматического значения этой формы нет. Так, в качестве основного значения формы Continuous у различных авторов выделяются: длительность и итеративность, представление действия как действительно развивающегося [11]; относительная длительность действия по сравнению с другим действием [9; 10]; конкретность и длительность [5]; процессуальность [3; 8].

На основе приведенных определений полагаем, что можно выделить основные признаки, составляющие категориальное значение форм Continuous, а именно: **ограниченность во времени, процессуальность, незавершённость.**

Большой интерес представляют глаголы fail, miss в значении *нереализованность*. Их категориальное значение неакциональности является неконгруэнтным категориальному значению формы Continuous. Кроме того, один из компонентов субкатегориального значения данных глаголов – *результативность* – противоречит значениям формы Continuous *процессуальность* и *незавершённость*. Употребление глагола fail в значении *нереализованность* в форме Continuous исключено. Это объясняется и тем, что глагол fail определяется как перфектный [3], т. е. он передаёт конечный результат действия и модальное отношение субъекта к действию, выражает образ действия и, тем самым, отвергает всякую возможность расчленения на фазы, определённые отрезки, протекающие во времени, подобно единичным действиям. В этой связи предложение *I am failing to do it является неграмматичным.

В отличие от глагола fail, передающего результат действия, выраженного инфинитивом, глагол miss, кроме значения образа действия, имплицитно само действие и возможную его повторность, что даёт возможность его употребления в форме Continuous, например, при передаче следующих значений:

а) восприятие, мыслительная деятельность:

He just can't have seen any pigs in action. Either that, or I'm missing something.

В данном примере глагол miss выражает нереализованность умственной деятельности (I am missing – I don't understand). Однако в отличие от глагола understand, который передаёт осуществление постоянной способности, свойства живого существа, глагол miss обозначает акт восприятия или умственной деятельности не как проявление общей способности, а как единичное или повторное действие, ограниченное в условиях протекания.

б) незавершённое действие:

I'm missing the train.

Действие, имплицитное глаголом miss, не достигло своего предела, результат спроецирован на будущее, т.е. в этом случае реализуется такое значение формы Continuous как *незавершённость*.

Рассмотрим ещё несколько примеров:

Why do you think you are missing something you never had.

Your father's health is failing.

В приведённых предложениях глаголы miss, fail реализуют значение *утрата*, которое выражает определённый процесс изменения состояния субъекта, способный достичь своего предела. Выступая в этом лексическом значении, глаголы fail, miss в форме Continuous выражают процессуальность, незавершённость, ограниченность действия во времени, т.е. реализуют все признаки категориального значения формы Continuous.

Глагол miss в значении *недостаточность* в форме Continuous выражает временное отсутствие чего-либо у субъекта:

*The camel overcoat was missing a button.
I'm missing you.*

В случае употребления глагола miss в форме Continuous можно говорить о реализации такого значения категории вида как *ограниченность во времени*.

Существуют различные точки зрения на проблему значения формы Perfect. Ряд грамматистов рассматривает Perfect как относительное время (Г. Суит, Г. Поутсма и др.). Другая группа лингвистов относит перфект к категории вида (Е. Крейзинга, И. Б. Ильиш).

Б. А. Ильиш указывает на семантическую неоднородность различных форм перфекта. По его мнению, Present Perfect означает завершенность действия, т.е. результат, существующий на данный момент после действия, совершённого ранее, а Past Perfect означает действие, предшествующее другому действию в прошлом [5].

По мнению О. Есперсена, основным для перфекта является значение результативности; вместе с тем автор отмечает случай инклюзивного значения, выражающего незаконченное действие, продолжающееся до момента речи [10].

Ряд авторов [6; 8] рассматривают категорию временной отнесённости, которая основывается на противопоставлении грамматических форм Perfect и Non-Perfect.

А. И. Смирницкий дифференцирует формы Perfect/Non-Perfect на том основании, что неперфектная форма является категориальной формой непосредственно временной отнесённости, в то время как перфект, передавая значение предшествования, представляет собой категориальную форму опосредованной сложной временной отнесённости.

Как отмечает И. П. Иванова, видовые значения Past Perfect и Present Perfect совпадают и заключаются в выражении выполненности (завершённости или прекращённости) действия. Различие между ними заключается в их временном значении.

В Present Perfect полнота действия констатируется как таковая, без сопоставления с действием или называемым моментом времени в предложении, а временная отнесённость заключается в соотношении с моментом речи, т. е. действие закончилось ранее момента речи, но в период, рассматриваемый как настоящее время.

Past Perfect всегда соотносено с временным центром, так или иначе обозначенном в предложении или более широком контексте, т. е. действие закончилось ранее точки отнесённости (временного центра). Таким образом, Perfect представляет вариативную по выражаемому ей грамматическому значению форму, что, очевидно, связано и со значением самого глагола как лексемы *лг*.

Рассмотрим, какие грамматические значения перфекта реализуют рассматриваемые глаголы в этой форме. Такой признак субкатегориального значения глаголов как результативность, конгруэнтен видовому значению перфекта *завершённость*, т.е. форма перфекта возможна для глаголов fail, miss и не противоречит их категориальному значению. Однако примеры употребления глаголов в этой форме, особенно в форме Present Perfect, немногочисленны. Полагаем, что ограниченность их употребления в форме перфекта связана непосредственно с их семантическими особенностями. Как отмечалось, глаголы fail, miss правомерно отнести к перфектным, т.е. они передают результат действия, имплицитно тем самым его завершённости уже самим лексическим значением. Сравним несколько предложений:

I failed to see it. I have failed to see it. I had failed to see it. Во всех предложениях видовое значение глагола fail, представленного в формах Past Indefinite, Present Perfect, Past Perfect одинаково: констатируется прекращение процесса восприятия, выраженного инфинитивом, и его негативный результат, выраженный глаголом fail. Таким образом, видовое значение перфекта у глаголов рассматриваемой подгруппы может выражаться формой Past Indefinite. На наш взгляд, основная функция перфекта при употреблении глаголов в этой форме заключается в выражении временного значения. Рассмотрим ряд примеров:

I felt like someone whom a bullet has missed in war.

Глагол miss выражает результат изолированного действия, выполненного до момента речи, но связанного с планом настоящего, а именно с эмоциональным состоянием субъекта, которое описывается придаточным предложением. *Many years ago I outgrew rock music and I have failed to grow into any other kind since.* В этом случае действие, выраженное инфинитивом, началось в прошлом, а результат этого действия, выражаемый глаголом fail, отражает состояние субъекта в плане настоящего.

Как показал фактический материал, данные глаголы в значении *нереализованность* чаще встречаются в форме Past Perfect, что также подтверждает правомерность предположения о том, что основной функцией перфекта для глаголов fail, miss является выражение временной отнесенности, которая чётко отражается в форме Past Perfect, что обусловлено сопоставлением действия в прошедшем перфектном с другим действием или определённым моментом в прошлом:

They always wondered just why they had failed to notice Scarlett's charms before.

Кроме значения завершённости и временной отнесенности, глаголы fail, miss могут передавать такое значение перфекта как результативность. Однако следует сразу отметить, что семантический признак *результативность* в структуре рассматриваемых глаголов не тождественен значению результативности, встречающемуся в перфекте глаголов других подклассов. Данное значение реализуется глаголами с лексическим значением качественного изменения состояния, которое выражают глаголы miss, fail:

Outside the light had failed so that even the skylight far above had turned opaque and impenetrable.

В приведённом примере мы находим значение результата, вступления в новое состояние. Однако данное значение может рассматриваться только как производное, поскольку оно вытекает из лексического значения глагола.

Рассматривая глаголы fail, miss в значении *недостаточность*, можно сделать вывод, что форма Present Perfect служит для передачи состояния/отношения, подчёркивая его особую значимость, или эмоциональное состояние субъекта: *In fact, I've missed you so much that I've felt quite ill*, а также для передачи продолжительности отношений, которые начались в прошлом и продолжаются до настоящего момента: *I've missed him since he died in '58*.

Основным значением формы Past Perfect для глаголов в значении *недостаточность*, также как и в значении *нереализованность*, является выражение временной отнесенности, которое обусловлено сопоставлением определённого состояния/отношения, обозначенного глаголами в форме Past Perfect с другим действием или состоянием, например:

She didn't want to remember the loneliness of being a young girl growing up in a household, nor how she had missed a mother's loving care in her formative years.

Перфектно-длительный вид интегрирует два видовых значения: процесс, протекающий в течение определённого периода времени и завершённый или продолженный до определённой точки отсчёта. Перфектно-длительные формы исследуемых глаголов по существу отсутствуют. Статичность анализируемых глаголов практически исключает возможность их функционирования в форме Perfect Continuous. Кроме того, лексическое значение глаголов *нереализованности* заключается в выражении р е з у л ь т а т а, значением *недостаточности* – в обозначении объективного п а с с и в н о г о с о с т о я н и я / о т н о ш е н и я, но не действия или деятельности, допускающих развёртывание и протекание во времени.

Имеются примеры употребления глагола fail в перфектно-длительной форме:

That kind ... old lady had been failing since the spring of 1829 and had died in October.

Однако значение глагола fail в рассматриваемом предложении – “ослабевать, утрачивать”, которое выражает определённый п р о ц е с с изменения состояния, способный развиваться и продолжаться до определённой точки, т.е. до своего предела.

Таким образом, категориальное значение глаголов, взаимодействуя с категориальным значением времени, вида и временной отнесенности в конкретном предложении-высказывании, обуславливает актуализацию определённого значения данных грамматических категорий.

Список литературы

1. Бондарко А. В. Темпоральность / Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 5 – 58.
2. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. – 176 с.
3. Иванова И. П. Вид и время в современном английском языке. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. – 199 с.
4. Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Просвещение, 1981. – 321 с.
5. Ильиш Б. А. Современный английский язык: Теоретический курс. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1948. – 347 с.

6. Кобрина Н. А., Корнеева Е. А., Оссовская М. И., Гузеева К. А. Грамматика английского языка: Морфология (на англ. яз). – М.: Просвещение, 1985. – 288 с.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1938. – 450 с.
8. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. – 440 с.
9. Ярцева В. Н. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языка / Типология грамматических категорий. – М.: Наука, 1975. – С. 5-24.
10. Jespersen O. Essential of English grammar by Otto Jespersen. – N.Y., H.Holt & K, 1933. – 387 p.
11. Poutsma H. A. Grammar of late modern English. Pt.1. – Groninger: Nordhoff, 1928. – 539 p.
12. Sweet H. A new English grammar logical and historical. – Oxford: The Clarendon press, 1940. – 499 p.

INTERACTION OF GRAMMATICAL CATEGORIES OF ASPECT AND TENSE WITH CATEGORICAL MEANING OF THE VERBS FAIL, MISS

E. A. Kamyshanchenko

*Belgorod State
Research University*

*e-mail:
kamyshanchenko@bsu.edu.ru*

The article deals with the problem of the interaction of categorical meaning of aspect and tense with categorical meaning of the English verbs “fail” and “miss”. The analysis reveals actualization peculiarities of certain features of grammatical categories of aspect and tense. The categories relevance degree of the verbs “fail” and “miss” is determined.

Keywords: categorical meaning, tense, aspect, tense reference, verb.

УДК 811.133.1

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Н. В. Кузнецова
Т. П. Карпухина

*Дальневосточный государственный гуманитарный университет,
г. Хабаровск*

*e-mail:
kunavla@mail.ru*

В статье рассматриваются такие виды политической корректности, как социальная, расовая и сексуально-маркированная политкорректность.

Ключевые слова: дискурс, политкорректность, эвфемия, аффиксация, аббревиатура, псевдо-политкорректность.

Настоящая статья посвящена лингвистическому анализу политкорректной лексики во французском политическом дискурсе. Под политическим дискурсом понимается «дискурс в политической сфере» [1, с. 7]; «сумма речевых произведений в <...> контексте политической деятельности, политических взглядов и убеждений» [2, с. 14]; «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которого относится к сфере политики» [3, с. 9].

Феномен политкорректности, широко представленный на материале английского языка [4; 5; 6; 7], начал исследоваться французскими лингвистами сравнительно недавно. При этом получили освещение отдельные аспекты политкорректности, проявляющейся в политической коммуникации [8; 9], межэтнических отношениях [10–11], в отношении к сексуальным меньшинствам [12]. Лингвистов, политологов, лингвокультурологов феномен политкорректности привлекает своей многоаспектностью, сложной и многоплановой природой.

Объектом исследования данной статьи является феномен политкорректности в политическом дискурсе.

Предмет исследования составили лингвистические средства выражения политкорректности во французском политическом дискурсе.

Цель данной работы заключается в выявлении языкового аспекта политической корректности с учетом специфических особенностей франкоязычной политической культуры.

Термин «политическая культура» впервые появился в XVIII в. в трудах немецкого философа-просветителя Иоганна Гердера. Основной вклад в развитие теории политической культуры внесли Г. Алмонд, С. Верба, проанализировавшие связь политической культуры с различными типами политических систем. В их работе отмечается, что политическая культура, с одной стороны, является частью общей культуры общества, с другой стороны, она связана с определенной политической системой, которая господствует в данном обществе [13].

С понятием политической культуры общества тесно связано явление политкорректности. Для того, чтобы лучше понять этот феномен, обратимся к определению термина, которое дается в толковых словарях.

The Oxford Dictionary of New Words подчеркивает целевую установку политической корректности избегать дискриминационного или оскорбительного языкового выражения или поведения. Политкорректность определяется как подчинение либеральным или радикальным убеждениям в отношении социальных вопросов, характеризуемое пропагандой принятых идей и отказом от языка и поведения, которое считается дискриминационным или оскорбительным [14].

Авторы словаря Random House Webster's Dictionary специфицируют социально-значимые сферы, которые требуют политкорректности, подчеркивая, что политическая корректность означает приверженность к прогрессивным общепринятым взглядам по вопросам, касающимся расы, пола, сексуальной ориентации или экологии [15].

Авторитетный французский толковый словарь Ларусс акцентирует императивный характер политкорректности, безусловно требующий запрета оскорбительного отношения

к социальным группам, представляющим меньшинство: «Политкорректность – это дискурс, поведение, целью которого является запрет на все то, что могло бы оскорбить членов разных категорий и групп, представленных в меньшинстве, заставляя их чувствовать себя неполноценными» [16].

В русском языке, несмотря на то, что феномен политкорректности исследуется учеными и широко освещается в средствах массовой информации, словосочетание «политическая корректность» не нашло своего отражения в словарях.

Российский ученый Н. Г. Комлев указывает на исторические корни феномена, увязывая его с американской политической культурой: «политическая корректность, политкорректность – утвердившееся в США понятие-лозунг, демонстрирующее либеральную направленность современной американской политики» [17]. Автор отмечает, что политкорректность имеет дело с корректировкой языкового кода.

Характеризуя политкорректность как идеологию, В. И. Карасик отмечает, что она является основной чертой англоязычного политического дискурса [18].

В рамках лингвистического и лингвокультурологического подходов [18; 19; 20; 21; 22; 23; 24] политкорректность рассматривается не только как элемент политической культуры, но и как многоаспектный языковой и лингвокультурный феномен.

Терминологически увязывая политкорректность с языком, С. Г. Тер-Минасова выделяет такой аспект, как замену одних языковых выражений на другие, что позволяет устранить болезненные, чувствительные моменты, унижающие человека: «Политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинство индивидуума» [24]. По сути, речь идет о корректировке языкового кода, которую подметил Н. Г. Комлев.

В дефиниции Л. В. Цуриковой акцент ставится на поведенческом и языковом характере политкорректности, характеризуемой как реакция членов общества на создаваемую этим обществом дискриминацию, направленную против отдельных групп. Политическая корректность в таком понимании представляет собой «поведенческий и языковой феномен, отражающий стремление носителей языка преодолеть существующую в обществе и осознаваемую обществом дискриминацию в отношении различных членов этого общества» [25].

Многообразие подходов к политической корректности, рассматриваемой с разных позиций: как феномен [25], явление [24], идеология [18], поведение [26], дискурс [10], изучаемой с точки зрения соотносительности политкорректности с политической культурой, обществом, языком и т.д., свидетельствует об отсутствии терминологической определенности, о неоднозначной трактовке и, в целом, о недостаточной изученности этого явления. Остается открытым и вопрос о генезисе самого явления, в частности, его связи с процессом эвфемизации. Некоторые ученые исследуют политкорректные термины в рамках эвфемистических обозначений [3; 23], другие не соотносят политкорректность и эвфемии [19; 27]. Ряд исследователей, изучавших эвфемизмы, не выделяют политкорректную лексику [28; 29].

Интересным представляется подход, согласно которому политкорректные термины, которые являются частью политкорректной идеологии, могут строиться по принципу эвфемии, но это происходит далеко не всегда. В этом случае, если соблюдается принцип эвфемии – смягчение восприятия ситуации при помощи другого наименования, – появляется политкорректный эвфемизм, как разновидность непрямого коммуникатива [30, с. 12 – 13].

Политически корректный эвфемизм – это всегда эвфемизм, введенный с целью избежать того или иного оскорбления какой-либо группы населения» [20, с. 115].

Невозможно считать исследование политкорректной лексики в политическом дискурсе полным, не изучив основные способы ее образования.

Обратимся к рассмотрению основных лингвистических средств выражения политкорректности во французском политическом дискурсе. Ограничимся в рамках данной статьи рассмотрением отдельных тем, входящих в сферу действия политической корректности: социальной, расовой и сексуально – маркированной политкорректности.

Изучение социальной политкорректности во французском политическом дискурсе выявляет следующее. Эффективным способом замещения слова с негативно-оценочным семантическим компонентом является аффиксация. Примером может служить образова-

ние 'sans-papiers' (букв.: «без документов»), замещающее слово 'clandestin' (незаконный, незарегистрированный):

«Vous avez demandé sous la pression des sans-papiers et des verts à ce que l'ensemble des immigrants en situation régulière se déclare...»

(Вы потребовали под давлением лиц «без документов» и «зеленых» того, чтобы все законные эмигранты объявили о себе) [31, с. 13].

Данное высказывание является упреком в адрес Олланда в том, что он поддался давлению нелегальных иммигрантов, потребовавших, чтобы легальные иммигранты также предъявляли доказательства своего законного пребывания во Франции.

Образованное посредством аффиксации окказиональное существительное 'sans-papiers' дает возможность Саркози, использующему это слово в своей речи, избежать узального, стилистически маркированного слова 'clandestin', негативная коннотация которого связана с обозначением тайного, скрытого, постыдного [16]. Существительное 'sans-papiers' образовано с помощью префикса sans-, развившегося от омонимичного предлога, по синхронической модели [sans- + существительное]. В диахроническом плане имела место субстантивация предложного словосочетания (см., например, аналогичные образования: 'sans-coeur' (букв. «без сердца») – «бессердечный человек», 'sans-culotte' (букв.: «без штанов») – «республиканец»).

По сути, образованное посредством аффиксации нейтральное слово 'sans-papiers' является политкорректным эвфемизмом, заменяющим непolitкорректное 'clandestin'. Ведь отсутствие документов может носить и случайный, непреднамеренный характер. В самом слове нет указания на нечто заведомо постыдное, неприличное, в отличие, скажем, от того же 'clandestin'. Заметим, что префиксальное производное 'sans-papiers' в данном контексте используется в переосмысленном значении: речь идет не о людях, не имеющих документов вообще, а об отсутствии регистрации, дающей иммигрантам право на жительство и другие права во Франции.

Следующее предложение представляет собой пример использования семантически переосмысленного прилагательного «sensible»:

«Que peuvent-ils vraiment connaître, protégés qu'ils sont par leurs fonctions, par leurs privilèges, par leurs résidences des quartiers encore épargnés, des réalités des banlieux à risque, des cités dites 'sensibles', des zones de non-droit?» (Что они могут действительно знать, защищенные своими функциями, привилегиями, живущие, к тому же, в охраняемых кварталах, о реальности пригородов, находящихся в зоне риска, о так называемых «чувствительных» кварталах, зонах «бесправия»?) [32, с. 74].

Эвфемистическая функция политкорректного прилагательного 'sensible' (чувствительный) заключается в том, чтобы заменить предложную группу *en difficulté* в словосочетании *le quartier en difficulté* (проблемный квартал), которое обозначает кварталы, населенные иммигрантами и малоимущими. В приведенном высказывании политкорректный эвфемизм неслучайно выделяется кавычками, содержит оговорку 'dites' (так называемый) и сопровождается метаязыковым комментарием, а именно, поясняется существительным 'non-droit' (букв. «без права»), образованным при помощи префикса non-.

Напомним, что под метаязыковыми комментариями понимаются разного рода пояснения к языковым единицам (словам, звукам, грамматическим формам). Такие комментарии могут разъяснять значение слова, указывать на особенности употребления, давать различные оценки словам, описывать ассоциации, которые вызывает та или иная единица языка [33].

Интересно, что если в вышеприведенном примере окказиональное слово 'sans-papiers' служило целям политкорректности, будучи эвфемистическим наименованием нелегальных иммигрантов, то окказионально образованное существительное 'non-droit' прямо указывает на бесправие этих людей. Казалось бы, здесь речь не идет об эвфемизации и политкорректности. Но такое представление складывается лишь при поверхностном взгляде на ситуацию. Если вспомнить, что кварталы, в которых живут иммигранты и другие бедняки, получило метафорическое наименование в виде фразеологизма 'banlieue pourrie' (гнилой пригород), то мы приходим к другому выводу, а именно, что окказиональный префиксальный дериват 'non-droit' также является политкорректным эвфемизмом.

Одним из продуктивных способов создания политкорректных вариантов слов является сокращение и, в первую очередь, аббревиация инициального типа. Как известно, аббревиатура, по сравнению с прототипом – полным наименованием – увеличивает расстояние между денотатом и сигнификатом. Х. Роусон объясняет причину популярности аббревиатуры как способа эвфемизации, подчеркивая, что: «плохие слова не так уж плохи, когда они аббревируются» [34, с. 11].

В следующем высказывании содержится инициальная аббревиатура l'IVG, означающая добровольное прерывание беременности (*interruption volontaire de grossesse*), то есть не что иное, как аборт (*avortement*), осуждаемый по этическим и религиозным основаниям, как акт, обрывающий зародившуюся жизнь. Трехсловное словосочетание, являющееся эвфемизмом, маскирующее явление, заменяет негативно-оцениваемое слово «аборт» на нейтральное «добровольное прерывание беременности», которое затем замещается аббревиатурой, еще более затемняющей означаемое явление. Заметим, что в приведенном исходном словосочетании, послужившем основой для аббревиатуры, имеется прилагательное «добровольное», содержащее в своей семантике позитивно – коннотируемый признак (свобода, воля, самостоятельность в принятии решения). Эвфемизмом, замещающим обозначение аборта, является как собственно словосочетание, так и возникшая на его основе инициально-буквенная аббревиатура:

«*Thierry Coudert, ancien directeur de cabinet de Brice Hortefeux, pronostique que le Président ne se prononcera sur le sujet qu'au dernier moment de la campagne : 'Pour son deuxième mandat, cela pourrait être une réforme aussi majeure que l'IVG sous Giscard ou l'abolition de la peine de mort pour Mitterand', espère-t-il encore...*» (Прогноз, который делает Тьерри Кудер, бывший руководитель кабинета Бриса Ортефе, гласит, что президент примет решение по данному вопросу в последний момент кампании: «Для второго срока его президентских полномочий это могло бы быть такой же главной реформой, как ДПБ (добровольное прерывание беременности) при правлении Жискара, либо отмена смертной казни для Миттерана», как он еще надеется...) [35, с. 47].

Весьма актуальными являются проблемы, связанные с иммиграцией в западных странах, в целом, и во Франции, в частности.

Приведем следующее предложение, содержащее лексему 'jeunes', обозначающую молодых иммигрантов, создающих во Франции целый ряд проблем.

«*La bataille rangée (à la suite d'une tentative de contrôle d'identité) qui a opposé, samedi dernier, un groupe d'une cinquantaine de 'jeunes' et des policiers*» (Драка, возникшая в результате попытки полиции проверить документы, удостоверяющие личность, столкнула в прошлую субботу группу из пятидесяти «молодых» и полицейских) [32, с. 77].

«*Mohammed était un home tranquille. Poussé à bout par des 'jeunes', il a craqué. La police savait tout ça. Mais la police n'a rien fait contre les voyous, surconnus, hyperconnus par de graves actes d'incivilité.*» (Мухамед был спокойным мужчиной. Доведенный до предела «молодыми», он не выдержал. Но полиция не предприняла никаких мер против хулиганов, очень известных, чрезвычайно известных своим хамским поведением) [32, с. 81].

«*Si les 'jeunes' [issus de l'immigration] étaient moins nombreux à croire dans la religion musulmane, ce serait la guerre civile*» (Если бы «молодых» [иммигрантов], верующих в ислам было бы меньше, это была бы гражданская война) [32: 59].

Fred Nailon дает следующее определение существительного: «*des 'jeunes', c'est-à-dire des jeunes immigrés, des Arabes, des Noirs*». («Молодые, то есть молодые иммигранты, арабы, черные») [32, с. 76]. В данном случае можно говорить о мета-высказывании. Слово 'jeunes' образовано посредством эллипсиса (отсечения в словосочетании 'des jeunes immigrés' финального существительного) и последующей субстантивации (неполной конверсии, преобразования прилагательного 'jeunes' в существительное 'des jeunes').

Налицо также переосмысление прямого значения и развитие на его основе метонимического наименования, основанного на смежности связанных понятий: иммигрантов называют молодыми по одному из присущих им признаков. Прямая номинация заменяется косвенной, употребление политкорректного эвфемизма 'des jeunes' позволяет избежать указания на этническую принадлежность, воспринимаемую как дискриминация по национальному признаку, и обозначить лишь юный возраст участников противоправных дей-

ствий. Напомним, что дискриминация означает ограничение в правах, лишение равноправия [36].

До сих пор речь шла о создании и использовании во французском политическом дискурсе политкорректной лексики. Приведем пример иного рода, который при поверхностном взгляде кажется проявлением политкорректности.

«Est-ce aussi pour ne pas “stigmatiser” les jeunes issus de l’immigration que leurs noms sont remplacés par des patronymes européens quand ils sont mis en cause? L’an dernier, le Monde avait rebaptisé Vladimir le jeune Souleymane, un mineur d’origine tchétchène mis en examen pour le meurtre de Killian». (Не для того ли, чтобы не «клеить» молодежь, иммигрантов, их имена заменяются на европейские, когда им предъявлено обвинение? В прошлом году газета *Le Monde* переименовала во Владимира молодого чеченца Сулеймана, задержанного за убийство Киллиана) [37, с. 16].

При более внимательном взгляде на ситуацию приведенный пример можно считать проявлением псевдо-политкорректности. Напомним, что «псевдо-» как компонент сложных слов используется в значении «мнимый», «ложный» [36].

Следует отметить, что «имена людей, как правило, являются немотивированными в том смысле, что они не передают черт их носителей, хотя и не лишены способности выражать некоторые социологические признаки: например, пол, возраст, национальную принадлежность, принадлежность к определенному социальному слою или способность в отдельных случаях ассоциироваться «с именами известных лиц или литературных персонажей» [38, с. 39].

В приведенном предложении речь идет о переходе от конкретного имени «Сулейман» – частного, отдельного имени, то есть от *называния*, – к общему, родовому наименованию, то есть *обозначению явления*. При этом имя в определенной мере становится «говорящим» [token name], акцентируя чуждую для французов этническую принадлежность, то есть актуализируя социологический компонент. В рассмотренном контексте реализуется и коннотативный компонент, указывающий на негативную оценку французами мусульман как носителей этого имени.

Вместо конкретного, реального имени чеченца звучит русское имя «Владимир», приобретающее обобщенное значение, не имеющее в данном случае референта. Будучи весьма распространенным именем у русских, оно хорошо известно и за пределами России. Имя «Владимир» не только прочно ассоциируется с русскими, но и, учитывая сегодняшние политические реалии, оно вызывает известные ассоциации, связанные с именем президента России. Использование этого имени служит – невольно или преднамеренно – разжиганию русофобии, нагнетанию национальной розни, так как преступление одного человека (чеченца), по сути, приписывается целой нации (русским).

Здесь можно вести речь не только о псевдо-политкорректности, но и псевдо-эвфемизации, поскольку нет никаких оснований для эвфемистического переименования объекта, а есть намерение повести читателя «по ложному пути интерпретации проблемы, освещаемой в дискурсе [30, с. 13].

С лингвистической точки зрения в данной псевдо-политкорректной замене наименования наблюдаем метонимизацию: замену одного имени другим, связанным с ним отношениями смежности. В основе связей имен лежат экстралингвистические факторы – ведь и чеченцы, и русские представляют одну страну – Россию – как ее граждане. Приведенный пример ложной политкорректности следует отличать от неполиткорректности, то есть преднамеренного использования прямых наименований, считающихся в данной лингвокультуре обидными, оскорбительными (например *Arabes, Noirs* для обозначения национальности иммигрантов).

Рассмотрев проявление политкорректности в социальной и расовой сферах, обратимся к этому феномену в отношении сексуально-маркированных наименований, в частности, к политкорректной лексике, обозначающей сексуальные меньшинства.

Самым распространенным способом образования политкорректной лексики, связанной с гомосексуальными отношениями, является сокращение по типу апокопы – отсечение финального компонента слова, а именно, части ‘sexuel’. При этом начальная часть слова из связанной морфемы – полу-аффикса – превращается в свободную, корневую морфему, претерпевая при этом субстантивацию – приобретение признаков существи-

тельного. Этот процесс имеет место при преобразовании прилагательных *homosexuel*, *hétérosexuel*, *transsexuel*, *bisexuel* в имена *homo*, *hétéro*, *trans*, *bis*.

Отсечение финальной части, обозначающей сексуальные отношения, имеет эвфемистическую подоплеку, имплицитно указывая на нечто «неприличное», «постыдное», якобы коренящееся в самих отношениях между полами. Подобная эвфемизация вскрывает негативный, по сути, взгляд на нормальные человеческие отношения. Субстантивация в первых двух словах – *homo*, *hétéro* – имеет полный, завершённый характер, на что указывает возможность использования их в разных формах существительного, а также осуществления ими синтаксических функций, свойственных существительным. Это видно, например, в следующем предложении, в котором слово *homo* стоит во множественном числе и выступает в функции определения к слову ‘*couples*’ (пары):

«Franck Riester, député-maire de 38 ans, qui a fait début-décembre son coming-out et s'est prononcé en juin dernier à la tribune de l'Assemblée nationale pour l'ouverture du mariage et de l'adoption aux couples «homos». (Франк Риестер, заместитель мэра, которому исполнилось 38 лет, в начале декабря признался в своей гомосексуальности, а в июне высказался с трибуны Национальной Ассамблеи в защиту брака и усыновления детей «гомо-парам») [35, с. 47].

Одним из способов создания политкорректной лексики, связанной с обозначением гомосексуальных связей, служит заимствование. Таковым является в вышеприведённом примере неассимилировавшееся заимствование из английского языка ‘*coming-out*’, означающее признание в гомосексуальности [39]. Приведем пример использования этого англицизма совместно с другим английским заимствованием – словом ‘*gay*’ (гей, гомосексуалист):

«Plus globalement, rester au placard renforce l'idée qu'il y a quelque chose de honteux à être gay. C'est pourquoi nous devons faire notre coming-out». (В целом, молчание только укрепляет мысль о том, что быть «геем» стыдно. Поэтому мы должны признаться в нашей гомосексуальности) [35: 46].

Интересно то, что в английском языке слова ‘*coming-out*’, ‘*gay*’, а также ‘*queer*’, ‘*pride*’ и другие, связанные с обозначением гомосексуальных отношений, представляют собой метафорически-переосмысленные наименования (их исходно-первичное значение таково: ‘*coming-out*’ – выступление с разоблачением; ‘*gay*’ – веселый, ‘*queer*’ – странный, ‘*pride*’ – гордость [39]). Это означает не что иное, как замену прямого наименования косвенным, то есть, фактически, то же сокрытие, эвфемистическую маскировку истинного положения вещей – гомосексуализма.

В обозначении секс-меньшинств также используется инициальная аббревиатура, заимствованная из английского языка, проникшая не только во французский, но и в другие европейские языки, в частности, русский: **LGBT**

(*lesbiennes, gays, bisexuels, transgenres*) (ЛГБТ):

«Le philosophe Didier Eribon, spécialiste de Foucault et de la question gay, s'y inquiétait de voir qu'après avoir été la cible de discours conservateurs et homophobes – de droite et de gauche, le mouvement LGBT devenait à nouveau la cible de toutes les dénonciations possibles et imaginables, mais cette fois au nom d'un regard qui se veut critique, radical et d'une politique qui se veut anti-oppressive». (Философ Дидье Эрибон, специалист по Фуко и по проблемам геев был обеспокоен тем, что после того, как движение ЛГБТ, некогда бывшее мишенью ‘гомофобных и консервативных речей партии правых и левых’, вновь становится мишенью всех возможных мыслимых обвинений, но на этот раз это делается от имени тех, кто считает себя критиками и радикалами, и от имени политики, которая видит себя силой, выступающей против подавления) [35, с. 49].

Итак, проведенное исследование позволило сделать следующие выводы. Во французском политическом дискурсе задействованы такие способы образования политкорректной лексики, как словообразование, семантическое переосмысление и заимствование. Среди способов словообразования выделяются аффиксация, инициальная буквенная аббревиация и финальное сокращение слова (апокопа). Задействованы также субстантивация и опущение слова в словосочетании (эллипсис). Семантическое переосмысление может иметь метафорический (*sensible*) и метонимический (*des jeunes*) характер.

С лингвистической точки зрения политкорректность представляет собой сложное многогранное явление, в которое чаще всего одновременно вовлечены разные языковые процессы. Нередко происходит наложение разнородных лингвистических процессов: семантическое переосмысление может сопровождать аффиксацию, лежать в основе заимствованного наименования.

Политкорректность часто основывается на эвфемизации. При этом происходит замена прямой номинации косвенной. Под маской политкорректности может выступать противоположное явление – псевдо-политкорректность, которую следует отличать от непolitкорректности как преднамеренного использования прямых наименований, считающихся в данной лингвокультуре недопустимыми.

Список литературы

1. Базылев В. Н. К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса / В. Н. Базылев // Политический дискурс в России. – М., 1998.
2. Герасименко Н. А. Информация и фасцинация в политическом дискурсе / Н. А. Герасименко // Политический дискурс в России – М., 2002.
3. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2003. – 326 с.
4. Andrews E. Cultural Sensivity and Political Correctness: The Linguistic Problem of Naming / E. Andrews // American Speech: A Quarterly of Linguistic Usage, 1996. – P. 389 – 404.
5. Taylor J. Are You Politically Correct / J. Taylor// Are You Politically Correct?: Debating America's Cultural Standards. – Buffalo, NY: Prometheus Books, 1993. – P. 15 – 33.
6. Morris S. Political Correctness. / S.Morris. – New Haven: Yale Univ. Press, 1999. – 39 p.
7. Шляхтина Е. В. Языковой аспект политкорректности в англоязычной и русской культурах: дис. ...канд. филол. наук / Е.В. Шляхтина. – Ярославль, 2009. – 174 с.
8. Mercier A. La communication politique / Arnaud Mercier. – Paris : CNRS ÉDITIONS, 2008. – 161 p.
9. Lebouc G. Parlez-vous le politiquement correct ? / Georges Lebouc. – Bruxelles : Éditions Racine, 2007. – 125 p.
10. Quême, Ph. Vertus et perversions françaises du discours politique...Plaidoyer pour un discours «vrai» / Philippe Quême. – Paris : L'Harmattan, 2008. – 256 p.
11. Oulahbib Lucien-Samir. Le politiquement correct français. Épistémologie d'une crypto-religion / Lucien-Samir Oulahbib. – Paris : L'Harmattan, 2012. – 150 p.
12. Pommier Frédéric. Paroles, Paroles. Formules de nos politiques / Frédéric Pommier // Éditions du Seuil, février 2012. – 206 p.
13. Алмонд Г. Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии / Г. Алмонд, С. Верба // Полис. – 1992. – №4. – С. 122 – 134.
14. ODNW: The Oxford Dictionary of New Words – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 1542 p.
15. RHWD: Random House Webster's Dictionary. – RHWD Inc., 1993. – 792 p.
16. Ларусс. Толковый словарь французского языка [Электронный ресурс] / Ларусс:<http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/correct/19417/locution?q=politiquement+correct#153749> (дата обращения: 25.10.2013).
17. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов [Электронный ресурс] / Н.Г. Комлев.–М.: Эксмо-пресс, 1999:<http://www.inslov.ru/html-komlev/p/politi4eska8-korrektnost5-politkorrektnost5.html> (дата обращения: 25.10.2013).
18. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
19. Асеева Ж. В. Лексические средства выражения политической корректности в современном английском языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Ж.В. Асеева. – Иркутск: ИГЛУ, 1999. – 18 с.
20. Киселева Т. В. Коммуникативная корректность в языковой картине мира // Языковая семантика и образ мира [Материалы международной научной конференции, 7 – 10 октября 1997 г.] – Казань: Казанский гос. ун-тет, 1998. – Т. – 1. – С. 115. URL.: http://www.ken.ru/lat_ru/science/news/lingv_97/n62.html. (дата обращения 01.11.2013)
21. Купина Н. А. Тоталитарный язык. Словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. – Екатеринбург-Пермь, 1995.
22. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография / О. А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
23. Панин В. В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория: дис. ...канд. филол. наук / В.В. Панин. – Тюмень: ТГУ, 2004. – 217 с.
24. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово / Slovo, 2000. – 264 с.
25. Цурикова, Л.В. Политическая корректность как социокультурный и прагмалингвистический феномен / Л. В. Цурикова // Эссе о социальной власти / под общей ред. Л. И. Гришаевой. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 94 – 102.
26. Островская Т. В. Дихотомия Aggression vs Tolerance в русском и английском коммуникативном поведении / Т. В. Островская // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2006. – №1. – С. 198 – 201.

27. Дьяченко И. А. Симулятивные знаки политической корректности в англо-американском манипуляционном дискурсе: дис. . канд. филол. наук / И. А. Дьяченко. Иркутск: ИГЛУ, 2008. – 146 с.
28. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л.П. Крысин // Русистика. – 1994. – № 1. – С. 28 – 49.
29. Баскова Ю. С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ (на материале русского и английского языков) : дис. ...канд. филол. наук / Ю. С. Баскова // Кубан. гос. ун-т – Краснодар, 2006. – 23 с.
30. Ботороева Ю. С. Лингвосомиотические аспекты эволюции эвфемизма в контексте времени культуры (на материале английского языка) [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Ю. С. Ботороева. – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – 20 с. 31. L'Express 11 janvier 2012. – Page 13.
32. Nailon Fred. Idéologie par voix/e de presse /Fred Nailon. – Paris : L'Harmattan, 2011. – 298 p.
33. Большой толковый словарь русского языка. Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов; Ин-т лингвистических исследований РАН / С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
34. Rawson H. A. Dictionary of Euphemisms and other Doublespeak / H. A. Rawson. – NY.: Crown Publishers Inc., 1981. – 463 p.
35. Les Inrockuptibles 11.01.2012. – Pages 46 – 49.
36. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. / С. И. Ожегов – М.: ООО «Изд-во «Мир и Образование»: ООО «Изд-во Оникс», 2012. – 1376 с. – (Новые словари).
37. Valeurs actuelles 29 août 2013. – Page 16.
38. Мезенин С. М. Стилистическая функция личных имен в драматических произведениях Шекспира /С. М. Мезенин// Вопросы теории английского языка: сб. трудов. – Вып. 2. – М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1975. – С. 39 – 52.
39. Мюллер В. К. Большой англо – русский словарь/ В. К. Мюллер. – М.: АСТ.: Екатеринбург – У-Фактория, 2010. – 1536 с.

LANGUAGE MEANS OF EXPRESSION OF POLITICAL CORRECTNESS IN THE FRENCH POLITICAL DISCOURSE

N. V. Kuznetsova
T. P. Karpukhina

*Far Eastern State
University of Humanities,
Khabarovsk*

*e-mail:
kunavla@mail.ru*

The object of investigation of the article is the phenomenon of political correctness. The research is focused on the linguistic means of expression of political correctness in the French political discourse. Social, racial and sexually-marked political correctness are subjected to analysis.

Keywords: discourse, political correctness, euphemism, abbreviation, pseudo-political correctness.

УДК 811.13

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ
«ВНУТРЕННИЕ ОРГАНЫ ЧЕЛОВЕКА»)**

**Н. И. Купина
Т. М. Шеховцева**

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
nkupina@bsu.edu.ru
shekhovtseva@bsu.edu.ru*

Рассматривается когнитивная структура лексических и фразеологических единиц, входящих в состав лексико-фразеологического поля, изучается структура полевого образования «внутренние органы человека», исследуются лингвокультурологический и семантический аспекты данных концептов на материале французского языка

Ключевые слова: лингвокультурология, фразеология, полевое образование, ядро, периферия, парадигма, гнездо, семантика, сема, французский язык.

Постоянное стремление максимально точно описать языковую картину мира привело к появлению ясного и формализованного языка современной семантики. Одним из видов описания языковой картины мира является «описание «членения действительности», отраженного языком в языковых парадигмах (лексико-семантических и лексико-фразеологических полях)» [7, с. 7], поскольку именно в языковых знаках выражается и отображается семантическое пространство языка и прослеживается лингвокультурологический аспект конкретного исследуемого языка.

Представить лексико-фразеологический фонд языка как целостный комплекс во всей его полноте стало возможным лишь с созданием полевого метода, который позволил структурировать его, разбить его на участки, установить их иерархию и функции (поля, микрополя, парадигмы, ряды, гнезда), вычленив ядро и периферию поля, выявить семантические расстояния между членами поля и в конечном счете определить уникальность отдельно взятых значений во всем богатстве их граней. «...слова существуют не разрозненно в сознании говорящего, а связаны друг с другом по смыслу, и образуют группу родственных смыслов или некоторую смысловую сферу, т. е. поле [6, с. 34 – 35]. Поэтому каждая языковая единица может быть представлена как уникальный и неповторимый мир.

Материалом для нашего исследования послужили конкретные слова: в значениях этих слов присутствуют семы 'предметность' и 'пространственность'. Эти существительные, будучи знаками реальных, составляют область культурно-коннотированной лексики и, являясь средством выразительности и образности в языке, способны вызывать индивидуальные ассоциации в каждом конкретном языке в зависимости от культурных стереотипов народа [3, с. 89]. К конкретным существительным относятся исходные лексемы, составляющие лексико-фразеологическое поле «внутренние органы человека» во французском языке. Под лексико-фразеологическим полем (ЛФП) понимается совокупность лексем и ФЕ, вступающих друг с другом в парадигматические отношения, называя определенную смысловую сферу. ЛФП формируется парадигмами, которые могут быть как лексическими, совокупность всех лексем поля, так и фразеологическими, совокупность всех фразеологических единиц поля. В работе фразеологическая парадигма может быть двух видов: макро- и микропарадигма. Под первой подразумевается наличие множества ФЕ с одной опорной лексемой (от 10 ФЕ и выше), а под второй – неразветвленная сеть фразеологизмов с одной опорной лексемой (до 10 ФЕ). Взаимосвязь лексической и фразеологической парадигм происходит внутри исследуемого ЛФП на уровне проявления номинативного потенциала, семантических возможностей лексем во фразеологических единицах. Поэтому основное внимание сосредотачивается на семантике – значимом элементе, обуславливающем свойства фразеологизмов в функционально-коммуникативном и коннотативном планах.

Упомянутые парадигмы ЛФП делятся на лексико-фразеологические ряды, представляющие собой определенную понятийную или номинативную сферу. Каждый ряд со-

ответственно включает в себя лексемы со всеми своими значениями (лексико-семантическими вариантами) и фразеологическими единицами. Если изначально исходная лексема многозначна, то данные образования могут быть достаточно крупными.

Лексико-фразеологический ряд включает в себя лексико-фразеологические гнезда (ЛФГ). Элементы лексико-фразеологического гнезда формируются фразеологической парадигмой с одним из ЛСВ многозначного слова. Гнездо объединяет конкретно взятую лексему и фразеологизмы с этим компонентом – лексемой с сохранением мотивирующую связь с ней. Активность гнезд и их число находится в непосредственной зависимости от двух факторов: лингвистических (языковых) и экстралингвистических (неязыковых). Среди лингвистических факторов назовем следующие:

- 1) семантическое содержание опорной лексемы (денотат, сигнификат и коннотат);
- 2) сочетательная способность лексем в составе фразеологизма;
- 3) функциональная и прагматическая направленность, т.е. стилевая принадлежность и коммуникативная наполняемость, а также эмоционально-оценочная составляющая в значении лексемы;
- 4) степень метафорического и метонимического «мышления»;
- 5) наличие символики в значении лексемы;
- 6) лингвистические заимствования и эволюция языка в целом (неологизмы, устаревшие слова, появление новых значений у уже существующих слов, явление омонимии и т.д.).

Среди основных экстралингвистических причин приведем следующие:

- 1) национальная избирательность того или иного этноса. Язык отражает реальность, отображая её не фотографически, а избирательно, пропуская через сознание. «Язык как зеркало, но зеркало кривое: его перекося обусловлен системой понятий говорящего коллектива, его менталитетом, культурой, которые предопределяют особое видение окружающего мира» [8, с. 40];
- 2) географический фактор;
- 3) социальные факторы: социальные катаклизмы, перевороты, революции, войны и т.п.

Экстралингвистические факторы, в частности, национальная избирательность и географическое положение, весомы и являются определяющими при характеристике того или иного ЛФГ.

Семантическая наполняемость лексемы предполагает определенный объем значения, появившийся новый образ [4, с. 25] – сигнификат и коннотат, которые зависят от обозначаемого денотата. Эти три составляющие влияют на частотность употребления слова не только в составе «относительно» свободных словосочетаний, но также и в качестве компонента фразеологизмов: данное положение заключается в известном ограничении состава ФЕ по сравнению с составом слов языка [1].

На активность гнезд также оказывают влияние стилевая принадлежность и эмоционально-оценочная составляющая в значении лексемы. Наличие в структуре значения слова символики, а также метафорического и метонимического переносов, увеличивают спектр её использования. Эволюция языковой системы, т. е. внутренние и внешние изменения – важный фактор активности / неактивности гнезд.

Переосмысление слов-компонентов (десемантизация чаще всего одного) является результатом процессов метафоризации или метонимии, называемых в научной среде семантическими переносами или связями по ассоциации в номинации. В акте фразеологической номинации большую роль играют ассоциации, связанные с именуемым объектом и возникающие на стадии понятийно-языкового отражения объекта. При необходимости не только обозначения объекта, но и передачи отношения к нему в целях усиления воздействия на адресата избирается ассоциативно-образный путь наименования. Ассоциации, вызываемые именуемым объектом, разнообразны, многозначны и разноплановы; они могут быть связаны с различными предметами материального мира и духовной жизнью человека. Поэтому мотивом фразеологической номинации может стать одна из ассоциаций.

Исследуемое ЛФП «Внутренние органы человека» во французском языке обеспечивает адекватное восприятие окружающего мира и являет собой соединение / объединение двух уровней языка – лексики и фразеологии – для максимально полного раскрытия,

с одной стороны, внутренних возможностей языковых единиц, с другой – потенциальной избирательности конкретного народа.

Для французской фразеологии характерно специфическое отражение видения окружающей действительности не только при помощи отдельных органов, например, «миндалина» (*amygdale*), «почки» (*rein*), а также того, что не является органом, а результатом его / их функционирования, например, «кишечный газ» (*pet*), «слюна» (*salive*), «моча» (*urine*).

Важным является то, что лексемы, составляющие ЛФП «внутренние органы человека», обозначают одну тематическую сферу и, тем самым, являются изначально взаимосвязанными. Как только они переходят во фразеологическую систему и становятся её неотъемлемой частью, эта «анатомическая» связь стирается, т.к., будучи уже фразеолексами, они приобретают новые семы и оказывают влияние на формирование переносно-обобщенного фразеологического значения. Благодаря этим новым значениям лексемы выходят за рамки научной анатомии и переходят в другие полевые образования, относящиеся к наивной картине мира. Фразеологизмы, входящие в состав исследуемого межкуровневого образования, направлены на характеристику самого человека, его деятельности, поступков и взаимоотношений, то есть они описывают человека с точки зрения его физических, психических, морально-этических, интеллектуальных качеств, с позиции социальной принадлежности, жизненного опыта и т.д.

Структура ЛФП «внутренние органы человека», как упоминалось выше, имеет ядро поля, куда входят лексемы с первичными значениями (на основании которых лексемы были отобраны) и периферию, которая делится на ближнюю – лексемы с номинативно-производным или переносным значением (в составе лексической системы) – все выделенные ЛСВ и дальнюю – лексемы в переносном значении в составе ФЕ. Благодаря новым семам они получают возможность входить в другие поля или другие образования. Так, лексема *foie (m)* «печень» с учетом анатомического значения 'внутренний орган системы пищеварения' входит в ядро лексико-фразеологического поля «внутренние органы человека». В значении 'продукт питания' в словосочетании *foiegras* «гусиная печень» в ближнюю периферию. В значении 'темперамент человека' во фразеологизме *chaleurdefoie* «вспышка гнева» – в дальнюю периферию ЛФП «внутренние органы человека». В зоне дальней периферии ФЕ с лексемой *foie (m)* являются компонентами фразеосемантических полей (ФСП) 'отношения между людьми' – *boufferlesfoiesdeqqn* «поколотить кого-л.» и 'психологическая характеристика человека' с микрополями 'характер человека' – *avoirlesfoiestricolores* «быть трусом» и 'эмоции' – *semangerlesfoie* «беспокоиться» и т. д.

Для значений отобранных лексем ЛФП «внутренние органы человека» во французском языке характерны следующие виды потенциальных сем:

1. Сема 'человек обладает свойствами животного'. Человек всегда сравнивает себя с другими живыми существами, возможно, чтобы показать свое превосходство, индивидуальность и неповторимость;

2. Сема 'человек обладает каким-либо свойством (признаком) неодушевленного предмета'. Человек стремится объединить, сделать ближе гетерогенные предметы и сравнивает себя с тем, что видит вокруг ежедневно;

3. Сема 'оценка' подразумевает два вида: 'положительная оценка' и 'отрицательная оценка'. В природе человеческого сознания заключена способность выделять и оценивать себя либо с положительной, либо с отрицательной стороны: ум / глупость; страх / смелость, хорошее настроение / плохое настроение, дружелюбие / ненависть, оказать помощь / бросить на произвол и т.д. Например, лексема *sang* по основному значению входит в ядро поля, а в переносном значении в составе ФЕ является составляющей ФСП «здоровье человека»: *desangriche* «здоровый», «эмоциональная характеристика человека»: *desangrassis* «спокойно», *aigrirlesang* «озлобить», «досуг и развлечения»: *fairedubonsang* «привести в хорошее настроение», «наследственные характеристики»: *danssachairetdanssonsang* «в плоть и кровь», *pardroitdusang* «по праву рождения»; лексемы *vessie*, *salive*, *bave* – в ФСП «поведение человека → поступки → безрезультатность действий», лексема *abile* «желчь» может входить в тематическую группу «внутренние органы человека», как компонент ФЕ – в ФСП «характеристика человека»: *setournerlabile* «вызывать излишние неприятности»; *avoirdelabile* «сердиться»; *tempérerlabile* «умерить гнев» и т. д.

Потенциальные семы, составляющие дополнительное коннотативное значение ЛФП «внутренние органы человека» во французском языке, представляют собой отражение семантических ассоциаций, т.е. культурных представлений и традиций, господствующих в данном обществе, практику использования соответствующей вещи и многие другие внеязыковые факторы. Они очень «капризны» и различаются у совпадающих или близких по значению слов одного и того же языка. Такие признаки представляют для семантики слова и ФЕ первостепенный интерес, потому что во многих случаях именно на их (ассоциации) основе слово или словосочетание регулярно метафоризируется, включается в сравнения, участвует в словообразовании и других языковых процессах. Анализ материала исследования с уверенностью позволяет говорить, что переносное значение слова ярко проявляется, когда оно служит основой при образовании новых слов или фразеологических выражений. Метафоризации подвергаются, прежде всего, слова, обозначающие наиболее известные понятия и предметы из ближайшего окружения человека: сам человек, органы и части тела, одежда, предметы обихода и т. д. [2]. Каждому органу человека соответствует определенная манифестация, например, мозг – разум, память; горло – голос, глотка – голос, тон, пищеварение, сердце – чувства, нерв – движение и т.д. Данный вид своеобразной метонимии характерен и часто используется во французском языке для обозначения неопределенного лица: *"Mon sang ne fait qu'un tour et je dis: je resterai pas un instant de plus dans un mastroquet pareil, foutons le camp"* [9, с. 97].

Общее обыденное представление об органах внутри человека, с которыми ассоциируются либо вполне материальные процессы (система удаления), либо нематериальные – психические и психологические процессы было выявлено нами при анализе языкового материала: наивная анатомия у французов может отличаться от научных представлений как минимум в двух пунктах: перечень органов: материальные (реально существующие) и представляемые (воображаемые), и их функции. Лингвистический материал данного поля дает возможность проследить не только и не столько приоритетность в выборе объекта и способа его фиксации, сколько позволяет зафиксировать вполне реальные материальные внутренние органы человека, его плоть с помощью прямых значений лексических единиц, и многогранность его (человека) внутреннего и внешнего мира в выразительных значениях фразеологизмов, а также увидеть динамику развития значений лексем от множественного числа к единственному (*entrailles*), от единственного числа к множественному (*foie, poumon, méninge*).

В исследуемом ЛФП двадцать шесть лексем из тридцати пяти функционируют одновременно в двух производных системах: лексической и фразеологической. На переход лексемы во фразеологическую систему не всегда влияет факт многозначности или однозначности слова. Причинами подобной подвижности мы считаем:

- 1) особенность обозначаемого предмета окружающей действительности: внутренний орган человека (универсальная реалья);
- 2) сигнификативный компонент, находящийся в прямой зависимости от именуемого денотата: принадлежность к терминосистеме, следовательно, точность в описании – ядерные семы (универсальная черта);
- 3) недостаточность в знаниях о функционировании внутренних органов, вследствие чего порой происходит передача функций одного органа другому, что является следствием наивной анатомии (универсально-национальная черта);
- 4) избирательность мышления народа, влияющая на важность данного поля внутри языковой картины мира идеографической области «человек» во французском языке (национальная особенность).

Первые две указанные черты – сфера научной картины мира (что объясняет факт такого внимания к анатомическим значениям при отборе лексем), третья и четвертая – область наивной картины мира, зафиксировались в значениях фразеологических единиц.

Решающую роль в возникновении фразеологизмов играют экстралингвистические факторы и в первую очередь потребности говорящих в образно-экспрессивных языковых средствах, что и было продемонстрировано лингвистическим материалом лексико-фразеологического поля «внутренние органы человека» во французском языке.

Анализ языкового материала показывает, что исходные лексем относятся к научной картине мира, т. к. прямые и производно-номинативные значения лексем распро-

страняются на области точных наук. Корпус фразеологических единиц, отражающий донаучные представления французов, относится и описывает наивную картину мира. Структура данного поля образована лексической и фразеологической парадигмами, распределенными затем, согласно компонентному анализу, в лексико-фразеологические ряды 'нервная система', 'кровеносная система', 'дыхательная система', 'система пищеварения', 'система удаления'. Структурной минимальной единицей поля выступает лексико-фразеологическое гнездо, образованное одним из ЛСВ и парадигмой ФЕ на его основе с сохранением мотивирующей связи. Выявлено 39 гнезд. Структура изученного поля представлена ядерно-периферийной организацией лексических единиц. Ядро поля составляют лексемы с первичными, анатомическими значениями. Периферия делится на ближнюю – слова с номинативно-производным или переносным значением (лексическая система) и дальнюю – лексемы в переносном значении в составе ФЕ (фразеологическая система). В состав поля входят 35 лексем и образованные на их основе более 800 ФЕ. Фразеологическая активность поля проявляется в наличие макро- и микропарадигм фразеологизмов, в количестве гнезд и в количестве выявленных фразеологических единиц. Наиболее активными (по убывающей) по нашим данным являются парадигмы с фразеолоксами *cœur* – 300 ФЕ, *sang* – 130 ФЕ, *nerf* – 45 ФЕ, *gorge* – 45 ФЕ, *estomac* – 40 ФЕ, *cervelle* – 30 ФЕ, *cerveau* – 25 ФЕ. Слабо активными – *rein* – 22 ФЕ, *gosier* – 21 ФЕ, *foie* – 17 ФЕ, *veine* – 16 ФЕ, *entrailles* – 12 ФЕ, *poumon* – 10 ФЕ. Неактивными в образовании ФЕ явились лексемы *artère*, *urine*, *morve* – образовали только по одному фразеологизму. Результаты исследования показали, что лексическую зону составляют 8 лексем (23 % от общего числа слов) и лексико-фразеологическую – 27 лексем (77 %).

Таким образом, полевой подход применим к разнообразным фактам языка: как к лексико-семантическим явлениям (различного рода лексико-семантические группы и группы лексико-грамматического характера), так и к чисто семантическим явлениям (смысловая структура полисемичных слов и семема, как отдельно взятое лексическое значение).

Теория поля является результативной. Во-первых, это та величина, в которой слово существует как член лексико-семантической системы. Во-вторых, благодаря этой модели можно объяснить возможности развития у слов новых значений. Поэтому выявление лексико-семантического варианта, как необходимой минимальной единицы исследования возможно при изучении таких явлений как полисемия, омонимия и моносемия.

Полагаем, что применение метода лексико-фразеологического поля плодотворно в вопросе изучения лингвокультурологического аспекта исследуемых концептов, позволяя проследить взаимозависимость и взаимоопределяемость лексических единиц, относительную автономность поля, непрерывность смыслового пространства материала лексической и фразеологической систем французского языка.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики / Н.Ф. Алефиренко – Волгоград: Перемена, 1999. – 273 с.
2. Гак В. Г. Беседы о французском слове. Из сравнительной лексикологии французского и русского языков / В. Г. Гак – 2-е изд., исправ. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 336 с.
3. Кириллова Н. Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект: Монография / Н. Н. Кириллова – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – Ч.1: Природа и космос. – 319 с.
4. Копыленко М. М. Очерки по общей фразеологии (фразеосочетания в системе языка) . – М. М. Копыленко, З. Д. Попова – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1989. – 190 с.
5. Подлесова О. А. Концепты эмоциональных состояний в лингвокогнитивном и лингвокультурном аспектах (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд.филол. наук. Самара, 2009. – 24с.
6. Скворцов О.Г. Методы исследования лексической системы / О. Г. Скворцов. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2001. – 142 с.
7. Стернин И.А. Язык и национальная картина мира / И. А. Стернин. –Воронеж: ВГУ, 2003. – 60 с.
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово / Slovo, 2000. – 624 с.
9. Queneau R. Le Dimanche de la vie. –P.: Gallimard, 1952. – 244 p.

ASPECTS OF FRENCH LINGUISTIC CULTURAL PHRASEOLOGISMS (ON THE BASIS LEXICOLOGICAL AND PHRASEOLOGICAL FIELD "INTERNAL ORGANS")

N. I. Kupina
T. M. Shehovceva

*Belgorod National
Research University*

e-mail:
nkupina@bsu.edu.ru
shekhovtseva@bsu.edu.ru

The paper discusses the cognitive structure of lexical and phraseological items comprised in the set of lexical-phraseological field. The author observes the structure of field formation "internal organs" and describes the linguistic cultural and semantic aspects of these concepts on the French language examples.

Keywords: lingvoculturology, phraseology, field formation, core, periphery, paradigm, nest, semantics, seme, French language.

УДК 821.161.09"18": 82–311.4(410)

РОМАН Н. Э. ГЕЙНЦЕ «ПО ТРУПАМ» И АНГЛИЙСКИЙ СОЦИАЛЬНО-КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ И ЖАНРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ**И. А. Матвеевко***Национальный
исследовательский
Томский политехнический
университет**e-mail:
mia2046@yandex.ru*

В статье рассмотрены типологические схождения жанровой модели английского социально-криминального романа с романом Н. Э. Гейнце «По трупам», анализ которых позволяет включить русское произведение в единый европейский историко-литературный контекст развития жанров и выявить жанровые трансформации на различных уровнях произведения.

Ключевые слова: английский социально-криминальный роман, типологические схождения, жанровая модель.

Введение

Николай Эдуардович Гейнце (1852 – 1913) занимает видное место среди отечественных писателей, создававших модель русского социально-криминального романа. Свои сюжеты он черпал непосредственно из адвокатской практики, которую он вел с 1875 г. сразу после окончания юридического факультета Московского университета. За время своей адвокатской карьеры Гейнце работал поверенным, служил в Министерстве юстиции, затем – заместителем прокурора в Енисейской губернии, с успехом провел ряд судебных процессов.

Тем не менее, начиная с 1880 г., он начинает пробовать свои силы в сочинительстве и публикует стихи и рассказы в таких московских журналах и газетах, как «Зритель», «Радуга», «Московский листок» и «Русская газета». В 1884 г. Гейнце выходит в отставку и полностью посвящает себя литературной деятельности. Переехав в Санкт-Петербург, писатель создает свой первый роман – в «Тине адвокатуры», состоящий из двух томов «По трупам» и «В царстве шантажа», первый из которых станет предметом нашего анализа в данном разделе. Роман был опубликован серийно в приложении к журналу «Луч» (1885 – 1886) и сразу заинтересовал и критику, и читателей.

После своего успеха писатель стал активно обращаться к социальной тематике, причем чаще всего он создавал свои произведения на основе реальных историй. Эти истории он брал из богатой адвокатской практики или писем читателей, присланных в газету «Свет», где Гейнце стал постоянным сотрудником с 1888 г.

За свою писательскую и журналистскую карьеру автор криминальных романов приобрел противоречивую репутацию. С одной стороны, он слыл писателем трудоспособным и плодовитым. Действительно, им было написано более шестидесяти романов и множество рассказов, которые неизменно пользовались большой популярностью у читательской аудитории. Этот факт, в частности, подтверждает заметка в «Историческом вестнике» за 1898 год: «Все перечисленные романы г. Гейнце <...> , как известно, расходятся во многих десятках тысяч экземпляров по всем крупным центрам и самым отдаленным захолустьям нашего обширного отечества, а потому, само собою разумеется, произведения автора имели огромный круг читателей. При таком положении дела, казалось бы, что романы г. Гейнце не должны были иметь сбыта в отдельном их издании; на самом же деле это не так: каждый из поименованных ими романов, после своего появления в «Свете», выдержал два или три отдельных издания в самое короткое время» [1, с. 342].

Н. Э. Гейнце в русской критике

Что касается криминальных романов писателя, в их основу положены, как правило, документальные источники или свидетельства. Этот факт, сам по себе, позволяет говорить о некоем типологическом родстве с английскими социально-криминальными романами, которые большей частью создавались с использованием разного рода реальных историй и их документальных подтверждений. Характерно и примечательно также, что почти все

писатели, работавшие в жанре криминального романа, обращались к историческому жанру (Э. Бульвер-Литтон, Ч. Диккенс, У. Теккерей, Н. Д. Ахшарумов) как смежной модели.

Современники Н. Гейнце обращали внимание на ориентацию творчества писателя на массовую читательскую аудиторию: «Но ведь это – умственная пища всего низшего слоя российских читателей, на который, увы! – так мало обращается внимания» [2, с. 61], – восклицает рецензент «Русского богатства». Критик «Московских ведомостей», тем не менее, отмечает некоторые достоинства его сочинений: «Не претендуя на художественность, они, тем не менее, служат довольно интересным материалом для чтения, особенно той средней публики, которая расширяет свои познания исключительно из романов, печатающихся в газетах».

Критики искали причины популярности произведений писателя, находя их в сюжетной увлекательности: «Г. Гейнце весьма занимательный рассказчик; он умеет заинтересовать читателя искусно продуманной фабулой, хитросплетенной интригой, неожиданной развязкой и положениями то драматическими, то комическими, в изобилии пестреющими во всех его произведениях» [1, с. 342], и художественной наблюдательности автора: «В своих романах он обнаруживает большое знание жизни и является умелым и тонким наблюдателем» [1, с. 342]. Таким образом, рецензенты отмечают и высоко оценивают черты, свойственные жанру криминального романа как своеобразной жанровой модификации, как в русском, так и в английском ее вариантах.

Современные литературоведы мало интересуются творчеством Гейнце: вероятно, сказываются его неоднозначная репутация и принадлежность к писателям так называемого «второго» ряда. Например, в предисловии к изданию его произведений можно прочитать: «Творчество Николая Эдуардовича Гейнце (1852 – 1913) знакомит читателей с таким малоизвестным пластом русской беллетристики, как мелкая пресса» [3, с. 633 – 634], хотя вряд ли объемные произведения писателя можно назвать «мелкой прессой».

Некоторый интерес стал проявляться к сочинениям Гейнце в конце XX в. в свете формирования новых концепций массовой литературы, а также в связи с частыми публикациями его романов в 1990-е гг. В частности, в 1998 г. была защищена диссертация А. Ю. Федосеева «Исторические романы Н. Э. Гейнце в контексте массовой литературы конца XIX – начала XX вв» [4], где объектом исследования становятся исторические романы писателя. Пласт творчества Гейнце, связанный с разработкой криминального романа, остается не изученным и заслуживает пристального рассмотрения. В нашем случае мы будем анализировать его творчество в контексте взаимодействия с английским социально-криминальным романом.

Роман «В тине адвокатуры» в целом был положительно оценен русской критикой. Например, в рецензии «Исторического вестника» отмечают следующие достоинства: «Так, в своем романе «В тине адвокатуры» автор дает нам большую, довольно разнообразную картину московской жизни 70-х годов. Представители всех слоев московского общества того времени, начиная с большого барина, купца, адвоката, актера, редактора мелкой прессы и оканчивая саврасом, кокоткой и различными проходимцами, большими и малыми, – все выведенные автором лица в этом романе проходят перед читателем словно живые, и автор таким образом знакомит читателя с жизнью Москвы 70-х годов почти протокольно» [1, с. 342]. В рецензии акцентируется внимание на широком охвате общества и натуралистичности изображаемых картин, что было свойственно поэтике социально-криминального романа в целом.

Традиции английского социально-криминального романа в романе Н. Э. Гейнце «По трупам»

Роман «По трупам» (первая часть романа «В тине адвокатуры»), представляет собой социально-криминальный роман, созданный по всем канонам жанровых особенностей русского уголовного романа второй половины XIX века. В центре повествования – фигура адвоката Гиршфельда, добившегося видного положения в обществе и по службе, не гнушаясь самыми безнравственными и преступными методами. Свою карьеру он начинает с сожителства с престарелой княгиней, Зинаидой Павловной Шестовой. Используя ее средства и положение, он выстраивает свое восхождение по службе, но и этого ему оказывается мало. Чтобы единолично завладеть состоянием семьи Шестовых, он уговаривает

племянницу Шестовых, Маргариту, отравить князя, главу семьи, Дмитрия Павловича, играя на их сложных семейных взаимоотношениях и страстях молодой девушки.

Следующей, косвенной жертвой Гиршфельда пала Лидия, вторая племянница Шестова и наследница состояния. Она не вынесла измены своего жениха, Шатова, которого совратила Маргарита из тщеславия, уступая уговорам Гиршфельда. Со временем и сама княгиня Шестова стала мешать ему в реализации амбициозных планов, и он решает устранить и ее, и опять руками Маргариты. В конце концов, Маргарита попадает под подозрение, ее судят и ссылают на каторгу, где она умирает. Перед смертью она глубоко раскаивается, но не дает показания против Гиршфельда. Последний остается вне подозрений и продолжает жить, не мучимый угрызениями совести.

Источником для данного произведения послужили документальные события уголовной хроники. Об этом, в частности, свидетельствует высказывание о романе самого Гейнце в открытом письме к Э. П. Юргенсону: «Сама жизнь подчас является автором таких сложных драм, до которых уму человеческому никогда не додуматься» [5]. Писатель не раз признавал отсутствие художественности в его сочинениях и называл это осознанным приемом: «В большинстве моих произведений отсутствует кисть художника». Позиционируя себя «фотографом-любителем», выпускающим из своей мастерской снимки без ретуши ... при посредстве хорошего объектива» и определяя свои произведения как «роман-фотография» [6, с. 19], он отмечает, что претендует на особую достоверность и документальность повествования.

Сразу оговоримся, что никаких документальных подтверждений о знакомстве писателя с английским социально-криминальным романом нам обнаружить не удалось. Однако, сравнительный анализ английских произведений и романа «По трупам» указывает нам на типологическую близость русского сочинения и зарубежных жанровых моделей на всех уровнях художественного повествования.

Появление романа «По трупам» совпадает с третьим (по предлагаемой нами периодизации) этапом освоения английского криминального романа русской литературой. Именно в конце XIX в. были переведены повторно, а то и в третий, четвертый раз некоторые знаковые произведения данной жанровой модификации («Юджин Эрам» Бульвера-Литтона, «Оливер Твист» Ч. Диккенса, «Лунный камень» У. Коллинза), изменилась историко-литературная ситуация в России: «С последней трети XIX ст., времени сравнительно мирного буржуазного развития (после Парижской Коммуны), в общественно-философском движении Западной Европы, как и в художественном движении, прежде всего в литературе натурализма, распространяется концепция стабильной, устойчивой общественной среды, всецело подчиняющей человека. Этого рода воззрения находят почву и в России – в пору реакции 80-х годов, последовавшей за разгромом революционного народничества» [7, с. 21].

В связи с этим наблюдается новый виток интереса к проблемам взаимоотношения личности и общества, в том числе – преступника и социума, широко обсуждаются причины преступности, в частности, внешние – социальные, исторические; проблемы справедливости суда, наказания, в первую очередь, смертной казни. По-своему рассматривают эти проблемы в своих произведениях такие писатели, как Л. Н. Толстой [см: 8], Ф. М. Достоевский [см: 9], А. П. Чехов, а позднее М. Горький, А. И. Куприн, И. А. Бунин и др.

На литературном рынке России появился целый ряд менее известных писателей, пробовавших свои силы в жанре криминального романа и произведений других жанров, связанных с данной проблематикой и тематикой: «Русская ветвь детектива являла миру немало образцов разных жанров: и судебные очерки, и короткий рассказ и небольшую повесть, и конечно же роман, и целую антологию повестей и романов, связанных единими героями» [9]. Среди писателей «второго ряда», авторов социально-криминального романа, можно назвать имена Н. Э. Гейнце, А. Е. Зарина, П. А. Крушевана и др.

На этом этапе освоения жанра наблюдаются определенные художественные трансформации, попытки отхода от классической, в том числе зарубежной модели. Так, в произведениях данной жанровой модификации уже можно встретить женщину-преступницу в качестве главного героя, все дальше отодвигалась проблема социальной детерминированности личности, главный герой-преступник мог принадлежать к самым разным слоям общества и даже быть иностранцем и т. д. Подобные трансформации наблюдаются и в ро-

мане Гейнце «По трупам». Объяснение этому факту можно найти в процессе адаптации жанровой модели к потребностям конкретного литературного развития, о чем говорит С. Ш. Шарипова: «Последствия заимствования сюжетов и образов для литературного процесса различны. “Бродячие” сюжеты сопряжены с трансформацией жанровой системы, за счет привнесения в национальную (региональную) литературу стилистических особенностей повествования, специфики конструирования хронотопа и фабулы» [10, с. 87].

Итак, рассмотрение диалога русского и английского социально-криминального романов, предлагаемое в статье, обусловлено потребностью выяснения форм взаимодействия «своего» и «чужого» в рамках типовой модели данного жанра, в связи с чем возможно решение ключевой проблемы типологии и динамики жанрового развития с учетом закономерностей и своеобразия каждой национальной культуры.

Типологическое родство романа Гейнце «По трупам» с английским социально-криминальным романом очевидно, прежде всего, на концептуальном уровне произведений. Тематика и проблематика криминальных романов типична и актуальна для данной жанровой модели со времен ее появления: темы преступления, наказания и раскаяния как основополагающие для решения проблемы взаимоотношения преступника с обществом и самим собой. Характерно, что в романе Гейнце, как в произведении массовой литературы, где, как правило, автор пытается выполнять функции воспитателя и открыто транслировать нравоучения, проблема наказания решается двойственным образом. Его героиня Маргарита наказана обществом (ее предадут суду, ее осуждают окружающие), и внутренне (она мучается угрызениями совести, переживает нравственные мучения). Такое решение проблемы находится в русле традиций жанра криминального романа. Рассмотренные нами герои (Фольклэнд, Юджин Эрам, Гюг Четунд) проходят подобные испытания и, в конце концов, раскаиваются.

Типологические схождения на концептуальном уровне являются причиной выделения параллелей и на сюжетном уровне организации произведения. Так, в романе Гейнце в повествование последовательно вплетены мотивы, типичные для социально-криминального романа, такие, как мотив преступления, ложного обвинения, безумия, раскаяния, наказания и смерти преступника.

Близость поэтики русского и зарубежного романов наблюдается и в повествовательной структуре произведений. Известно, что для английского социально-криминального романа свойственно повествование от третьего лица, некоего автора-повествователя, которому отдавался приоритет в оценке поступков и побуждений героев, стоящего на твердых нравственных позициях. По наблюдению В. Г. Угрехилидзе, при таком подходе, «автор получает возможность через повествователя выразить свою позицию по целому ряду социальных вопросов, которые жанр пытается решить или, по крайней мере, привлечь к ним внимание. Субъект повествования максимально приближен к авторскому видению мира» [11, с. 9]. Психологизм достигался за счет особого проникновения в чувства и мысли персонажей, а также исповедью самого героя-преступника в кульминационный момент повествования («Калед Уильямс» У. Годвина, «Юджин Эрам» Э. Бульвера-Литтона, «Старый дом» У. Эйнсворта), которой отводится особая роль в описании процесса очищения и наказания преступника.

В романе Гейнце «По трупам» повествование также ведется от третьего лица. Повествователь глубоко проникает в психологию героев, описывая их мыслительный процесс и нравственное падение. Вот, например, описание мыслей Маргариты после близкого знакомства с Гиршфельдом: «*Николай Леопольдович не успел еще посвятить ее в отдельные детали. Она знала лишь одно, что на этом пути ей не следует смущаться препятствиями, именуемыми на языке “пошляков”, как говорил Гиршфельд, совестью, честью, стыдом, правдой, нравственностью, пороком, грехом и преступлением*» [13, с. 65]. Повествователь акцентирует внимание на процессе превращения замкнутой девушки с размытым представлением о нравственных ценностях в преступницу, слепо следующую наущениям своего партнера и совершающую преступления, идя на поводу у своих страстей и амбиций. В конце повествования в структуре романа появляется характерный текст – письмо Маргариты Шатову, сопровождавшееся объемистой рукописью под знаковым заглавием «Моя исповедь», где «*княжна Маргарита Дмитриевна подробно рассказывала ... повесть своей жизни в течение семи лет со дня встречи ее с Гиршфельдом в Шестове,*

то нравственное состояние, в котором она находилась перед этой встречей» [13, с. 227].

Хотя эта исповедь представлена также от третьего лица, тем не менее, имеет решающее значение для дальнейшего развития сюжетной линии Маргарита-Шатов. Интересно, что об исповеди знает только Шатов, друг Маргариты. Он перечитывает это письмо несколько раз, вспоминает и переоценивает их взаимоотношения и решается поехать за ней в ссылку. Таким образом, все предыдущее повествование о поступках Маргариты, о трансформациях в ее сознании является, по сути, исповедью преступницы.

Особо хотелось бы остановиться на системе героев романа Гейнце, где можно, на наш взгляд, найти параллели с английским социально-криминальным романом. Главный герой – Гиршфельд – циничный и безнравственный персонаж, способный искусно играть нужные ему роли, манипулировать людьми, отсылает нас к образам криминальных героев-злодеев английских уголовных романов (Ч. Диккенс «Оливер Твист», У. Коллинз «Женщина в белом», У. Эйнсворт «Старый дом»), которые генетически связаны с образами злодеев готических романов.

Герой, воплощающий в себе вселенское зло, в романе Гейнце приобретает реальные, земные очертания. Главное для него не месть или страсть, а материальные блага, карьера. Автор своеобразно объясняет причины формирования такого характера: *«Было ли следствием его происхождения от колена Левитова (отец его, хотя и был лютеранином, но происходил из немецких евреев), или же он был просто продуктом современного жидовствующего веяния времени? Решить этот вопрос затруднительно. Отец его бедный учитель музыки, упорно отрицал свое семитическое происхождение. Сын же, наоборот, громко заявлял, что с большим удовольствием готов причислить себя к потомкам Израиля, чем к утопающей в своем глубокомыслии немецкой нации»* [13, с. 5], приписывая пороки Гиршфельда его национальному происхождению. Но, в целом, для читателя остается загадкой, откуда у молодого человека такое знание человеческой натуры, опыт в общении и установлении нужных контактов, осведомленность в скрытых, глубинных душевных процессах, позволявшая ему умело «играть» другими персонажами. На происхождение молодого человека намекает эпитафия к первой части романа «Жрецы Ваала» из поэмы Н. А. Некрасова «Современники»:

*На французском масле,
Сделанном из сала,
Испекла природа
Этого нахала.*

Выбрав подобный эпитафия, автор не только демонстрирует свое негативное отношение к персонажу, настраивает читателей на определенный отрицательный образ, но и указывает на окружение и общество как причины формирования подобных характеров. Кстати, предварять каждую часть повествования эпитафией было в русле традиций английского социально-криминального романа.

Равное, если не большее внимание в повествовании уделяется образу княжны Маргариты. Именно здесь Гейнце внимательно проследивает процесс превращения невинной девушки в серийную убийцу, что предшественники писателя чаще всего показывали на мужском образе. В английском криминальном романе интерес был прикован к психологическим мотивам героя-преступника, движимого, как правило, своими страстями, предубеждениями и амбициями (Фольклэнд, Юджин Эрам, Гюг Четунд, Персиваль Глайд) приходящего к раскаянию (и/или наказанию) под давлением обстоятельств. В романе «По трупам» этот путь проходит молодая девушка, представляя собой своеобразную трансформацию субъектной организации криминального романа.

Весьма схематично, но убедительно писатель показал психологическую предрасположенность героини к порывам страсти и непредсказуемым поступкам. В целом, этот образ рисуется традиционно для социально-криминального романа – в романтических тонах, с почти идеальной внешностью: *«Черные как смоль волосы с синеватым отливом, цвета вороньего крыла, всегда с небрежно сколотой на затылке роскошной косой, оттеняли матовую белизну ее лица с правильными, но нерусскими чертами, лучшим украшением которого были большие, выразительные, по меткому определению одного*

заезжего в Т. генерала агатовые глаза, смотревшие смело, бойко и прямо при обыкновенном настроении их владелицы» [13, с. 30].

Внешность Маргариты построена контрасте «черные волосы – матовая белизна лица», этот контраст продолжается и во взгляде княжны: «В минуты же какого-нибудь расстройства, потрясения или глубокой задумчивости, глаза эти направлялись в одну точку и приобретая вид стеклянных, делались страшными. В минуты же раздражения в них быстро мелькал какой-то зеленый огонек» [13, с. 30] («смелые, бойкие, прямые» – «стеклянные, страшные»). Таким образом, уже во внешности героини писатель пытается выявить противоречия ее характера, внутренние конфликты, а вместе с ними и роковую предначертанность, приведшую ее во власть Гиршфельда.

С другой стороны, в повествовании не раз подчеркивается тщеславие Маргариты: «Ее самолюбие страдало от массы жизненных уколков, да и самая помощь родных, или, как она выражалась, «подачка», глубоко оскорбляла ее, и она только из упрямства продолжала свои научные занятия, весьма часто их перемежая [13, с. 52]. Именно движимая амбициями, она завладевает сердцем Шатова, жениха своей сестры Лиды, именно скрытое чувство обиды толкает ее на убийство своего дяди Александра Павловича за то, что тот проявляет больше симпатии к ее сестре и т. д. Тщеславие – тот нюанс характера преступника, который часто пытались исследовать в своих произведениях английские писатели, и который был положен в основу характера Марго.

Однако при рассмотрении данного персонажа очевидны некоторые особенности в его построении с точки зрения русской литературной традиции. Русское своеобразие данного образа состоит в акценте на воскрешении героини, ее приходе к Богу и покаянии. Правда, Гейнце, в силу своей ориентации на массовую аудиторию, показывает этот процесс очень схематично; к решению о покаянии Маргарита приходит весьма неожиданно и спонтанно: «Чем больше думала Маргарита, тем больше она постигала, как загрязнено ее прошедшее, а выхода из этого лабиринта мучения она не видела. Вдруг глаза ее заблестели неземным блеском, и лицо ее озарилось почти счастливой улыбкой. «Собственными страданиями я искуплю мои грехи, мои преступления! – продолжала она думать. – Я не буду стараться об облегчении своей участи ... Я буду каяться перед моими судьями, и выставлю перед ними всю грязь моей души ... И чем больше это отзовется на мне, тем лучше: страшная преступница заслуживает страшного наказания!» [13, с. 218]. Маргарита приходит к покаянию «вдруг», пребывая до этого под властью своего любовника и сообщника.

Столь же немотивированным представляется для читателя и уход Карнеева, друга семьи Шестовых, в послушники монастыря после смерти Лиды. Карнеев – единственный, кто понимает всю сущность Гиршфельда и пытается предупредить трагедию, но герои так увлечены каждый своими планами, что не обращают внимания на его предупреждения. Во время болезни Лиды он говорит о надвигающейся беде как о роке и вине Гиршфельда: «- Это одна из жертв Гиршфельда, – заключил свой рассказ Карнеев, – я не могу этого доказать, но я чувствую. <...> В голосе его было что-то пророческое, он звучал нотами такой безысходной грусти, что Константин Николаевич не только не нашелся, но даже был не в силах сказать этому несчастному страдальцу слова утешения» [13, с. 160], вводя, таким образом, мотив фатума в повествование, свойственный английскому социально-криминальному роману, тесными узами связанному с традициями романтизма, готического романа.

Думается, что Гейнце не ставил перед собой цели показать нравственное становление и очищение своих героев в полной мере. Он лишь обозначил эту тему, отдав дань традиции криминального романа, по-своему закрепив ее в поэтике своего произведения. Напомним, что в классическом социально-криминальном романе большое значение придается именно высшему наказанию, его неотвратимости и, с другой стороны, духовному совершенствованию как выходу из нравственного кризиса падшей души. Начало этой традиции, как известно, положил в английском романе Э. Бульвер-Литтон, а в русском – Ф. М. Достоевский в романе «Преступление и наказание», Л. Н. Толстой в «Воскресении», а также многие, сегодня почти забытые авторы «второго» ряда, среди которых находится и Гейнце.

Типологические схождения английского социально-криминального романа и романа Н. Э. Гейнце в пространственно-временной структуре

Особенно четко типологические параллели романа Гейнце с английским социально-криминальным романом прослеживаются на уровне хронотопа. Через становление и хождения главного героя – Гиршфельда – у автора появляется возможность показа всех слоев общества, чем активно пользовались У. Годвин, Э. Бульвер-Литтон, Ч. Диккенс. Такой подход к организации пространственно-временной системы повествования исследователи считают характерным для социально-криминального романа, где «в пространственном отношении категории «света» и «дна», города и сельского мира одновременно выступают характеристикой единой цивилизации, представленной в определенный момент своего исторического развития. И в то же время эти категории – прямо противоположные уровни жизни внутри этой цивилизации» [12, с. 10].

В романе Гейнце, как это отмечалось еще рецензентами конца XIX в., представлены самые разнообразные слои российского населения (купцы, аристократия, арестанты, сомнительные личности и т. д.), реалистично показан их быт и нравы, что соотносится с авторской идеей о влиянии современных нравов на формирование моральных принципов отдельной личности.

События первой части романа разворачиваются на фоне старого русского поместья, имеющего свою историю и традиции. Описания пейзажа не так часто встречаются на страницах романа «По трупам». Казалось бы, при предельной фотографичности изображения быта русского поместного дворянства и крестьян излишним было бы привносить дополнительные краски в описание природы. И, тем не менее, Гейнце добавляет типичные готические оттенки в поместный пейзаж: «*Была чудная тихая ночь. Луна с безоблачного, усыпанного мириадами звезд неба лила на землю кроткий волшебный свет, таинственно отражавшийся в оконечностях медных крестов на решетке, окружающей старый дуб. Вокруг «проклятого места» царил ужасное безмолвие. Поднявшийся с протекающей невдалеке реки туман окутывал берег и часть старого парка, примыкающего к нему, создавая между стволами и листвой вековых деревьев какие-то фантастические образы*» [13, с. 66 – 67].

Писатель не только рисует готический пейзаж, но и использует стилистические клише, общепринятые для таких изображений, в первую очередь в английском криминальном романе («тихая ночь», «волшебный свет луны», «старый дуб», «проклятое место», «ужасное безмолвие»), что «гарантированно» создает атмосферу тайны и напряжения, предвещая роковые события для обитателей этого поместья.

Отличительной особенностью социально-криминального романа вне зависимости от национальной принадлежности является изображение закрытого локуса тюрьмы как места испытания героя и осознания им своей греховности. Не отступает от этой традиции и Гейнце: «*Княжна была помещена в лучшую одиночную камеру. Эта «лучшая» камера была, впрочем, очень неказиста. Заплесневевшие толстые каменные стены были мокры и от них веяло холодом подвала. Половицы ходили ходуном, а в двойных рамах маленького единственного окошечка с железной решеткой стекла были до того грязны, что едва пропускали свет. Деревянный, некрашенный стол, такая же скамья и деревянная же кровать с жестким матрасом, покрытым одеялом из солдатского сукна, и с одной небольшой подушкой составляли всю меблировку этой камеры для привилегированных. Уже две ночи провела Маргарита Дмитриевна в этой камере, но до сих пор еще не могла совершенно прийти в себя*» [13, с. 212]. На этот раз писатель предельно реалистичен и даже аскетичен в описании камеры заключения, избегая любых романтических клише, любых эпитетов. Но именно эта сдержанность в описании обстановки контрастирует с чувствами, захлестнувшими героиню. Только здесь произошло осознание Маргаритой своей греховности. Проведя в камере несколько часов, она заметила в углу деревянное распятие, но не смогла даже помолиться перед ним от тяжести вины за свои преступления.

Сравним для примера приведенный выше фрагмент с описанием тюрьмы в романе У. Годвина «Калед Вильямс»: «*... the massy doors, the resounding locks, the gloomy passages, the grated windows, and the characteristic looks of the keepers, accustomed to reject every petition, and to steel their hearts against feeling and pity. <...> It is impossible to describe the sort of squalidness and filth with which these mansions are distinguished. I have seen dirty fac-*

es in dirty apartments, which have nevertheless borne the impression of health, and spoke carelessness and levity rather than distress. But the dirt of a prison speaks sadness to the heart, and appears to be already in a state of putridity and infection» [14, с. 177]*. Очевидно, что типологически описания совпадают, хотя изображение интерьера тюрьмы в английском романе более образно и эмоционально, тесно связано с эмоциональным воздействием, которое оказывает тюрьма на заключенных.

На основе сравнения гейнцеvских описаний пространства тюрьмы с подобными из криминальных романов Диккенса, Бульвера, Годвина можно выявить и разницу в подходах к изображению данных интерьеров. Если в английских произведениях тюрьма представлялась как оплот несправедливости и бесправия заключенных, авторы демонстрировали таким образом нищету и беспросветность существования заключенных, представляя образ тюрьмы предельно метафорично, тесно слетая его с готической традицией, то Гейнце, следуя своему принципу фотографичности, показывает место заключения Маргариты документально, сухо, натуралистично.

Определенную переключку «По трупам» с английским криминальным романом можно обнаружить при анализе сцены суда. Этот эпизод, как правило, вводится авторами как кульминация, символизирующая очищение и физическое истощение преступника. В подобном ракурсе описан суд у Гейнце: *«Тихо, едва слышно, ответила подсудимая на обычные вопросы председателя о звании, имени и отчестве, летах и роде занятий. Началось чтение коротенького обвинительного акта. Упавшим почти до шепота голосом, побудившим председателя, предлагавшего ей вопросы, просить ее несколько раз говорить громче, признала себя княжна виновною в обоих приписываемых ей преступлениях и повторила свое показание, данное у следователя. <...> Княжна скорее упала, чем села на скамью. В публике послышался шепот неудовольствия. С согласия представителя обвинительной власти, трибуну которого занимал Новский, суд нашел допрос свидетелей, в виде признания подсудимой, излишним и постановил приступить к судебным прениям» [13, с. 221].*

Документальной констатацией фактов Гейнце показывает формальность происходящего, судьба героини уже решена, да и сама она уже приняла для себя решение. Сцена суда в романе Гейнце, как и в других криминальных романах, символизирует общественное наказание. Героиня не стала давать показания на Гиршфельда, а взяла всю вину на себя. Осознав свою вину, на суде Маргарита обессилена и подавлена.

В романе Годвина «Калеб Вильямс» подобные изменения во внешности Фолькленда отмечаются именно во время суда: *«I can conceive of no shock greater than that I received from the sight of Mr. Falkland. His appearance on the last occasion on which we met had been haggard, ghost-like, and wild, energy in his gestures, and frenzy in his aspect. It was now the appearance of a corpse. He was brought in a chair, unable to stand, fatigued and almost destroyed by the journey he had just taken. His visage was colourless; his limbs destitute of motion, almost of life. His head reclined upon his bosom, except that now and then he lifted it up, and opened his eyes with a languid glance; immediately after which he sunk back into his former apparent insensibility» [14, с. 318-319]². Годвин, несомненно, уделяет больше внимания изображению изменений во внешности Фолькленда, отражающих его внутренние страдания. Но при этом акцент сделан тот же, что у Гейнце: герой также обессилен и нравственно,*

* Дословно: «... массивные двери, шумные замки, мрачные коридоры, окна с решетками, и характерный вид тюремщиков, привыкших отвергать любую просьбу и ожесточивших свои сердца против чувства и жалости. <...> Невозможно описать нищету и грязь, отличавшие эти обиталища. Я видел грязные лица в грязных камерах, которые, тем не менее, несли впечатление здоровья и говорили скорее беззаботно и весело, чем горестно. Но грязь тюрьмы придавала сердцу тоску и ты уже оказывался в состоянии морального разложения и упадка».

² Дословно: «Я не могу представить большего шока, чем тот, который я получил, увидев Фолькленда. Его внешность со времени, когда мы последний раз виделись, стала изможденной, похожей на приведение и дикой, с энергией в жестах и безумием во взгляде. Теперь это был вид трупа. Его подвели к кафедре, неспособного стоять, утомленного и почти разрушенного путешествием, которое он предпринял. Его облик был бесцветный; его конечности лишены движения, почти без жизни. Его голова была склонена на грудь, только иногда поднималась и открывались глаза с безжизненным взглядом, сразу после которого он погружался обратно в прежнюю видимую бесчувственность».

и физически в момент свершения справедливости. Подобное описание можно встретить и в романе Бульвера «Юджин Эрам».

Заключение

Результаты проделанного сопоставления могут служить материалом для некоторых обобщений. В романе Н. Гейнце «По трупам» прослеживается трансформация жанрового канона английского криминального романа (и выросших из него особенностей русской жанровой модели), поскольку он написан на более поздней стадии развития жанровой модификации и содержит в себе определенную рефлексию над его канонами. При всей типологической близости русского и английского криминальных романов, существенные изменения в романе Гейнце затрагивают систему персонажей, субъектную структуру и пространственно-временную организацию произведения. Тем не менее, представленный анализ позволяет говорить об адаптации английской модели социально-криминального романа в русской литературе, особенно на уровне беллетристики.

Список литературы

1. Л-ин С. Сочинения Н. Э. Гейнце. Четыре тома с портретом автора и предисловием. Изд-е В. В. Комарова. СПб., 1898 / С. Л-ин // Исторический вестник. Т. LXXIII, 1898. – С. 342.
2. Аракчеев. Исторический роман. Э. Гейнце. СПб., 1893 // Русское богатство. 1893. Август. № 8. – С. 61.
3. Николаева О. Об авторе / О. Николаева // Гейнце Н. Э. Под гнетом страсти. Тайна любви. – М.: Планета, 1992. – С. 633 – 634.
4. Федосеев А. Ю. Исторические романы Н. Э. Гейнце в контексте массовой литературы конца XIX – начала XX вв. / А. Ю. Федосеев. Дисс. <...> на соис. канд. филол. наук. – М., 1998. – 166 с.
5. Гейнце Н. Э. (В тине адвокатуры) – Открытое письмо к Эрнсту Петровичу Юргенсону. Собр-е П. Л. Вакселя. Ф. 124, ед.хр. № 1080. Б.д. [1910-е г.г.] – 1 л.
6. Гейнце Н. Э. Предисловие автора к первому тому // Гейнце Н.Э. Собрание сочинений: в 8 тт. – СПб., 1898. Т. 1. – С. 19.
7. История русской литературы конца XIX – начала XX века: учеб. пособ. для студ. высш. учеб. завед. / под ред. В. А. Келдыша: в 2 т. Т. 1– М.: Академия, 2007. – 288 с.
8. Матвеев И. А. Традиции английского социально-криминального романа в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» / И. А. Матвеев // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 4(24). – С. 168 – 176.
9. Матвеев И. А. Интерпретация ньюгейтского романа в творчестве Ф. М. Достоевского: к вопросу об интертекстуальных связях / И. А. Матвеев // Сибирский филологический журнал. 2010. – № 3. – С. 79 – 86.
10. Разин В. М. В лабиринтах детектива. Очерки истории советской и российской детективной литературы XX века / В. М. Разин. Код доступа: <http://bookfi.org/dl/1229274/36dado>.
11. Шарифова С. Ш. «Бродячий сюжет» и сверттип (Проблемы сравнительного литературоведения в разрезе смешения жанров) / С. Ш. Шарифова // Literary Calendar. Books of the Day. № 5(8).2010. Сентябрь-октябрь. – С. 84-96.
12. Угрехелидзе В. Г. Поэтика социально-криминального романа (западноевропейский канон и его трансформация в русской литературе XIX века : «Большие надежды Ч. Дикенса и «Подросток» Ф.М. Достоевского) / В. Г. Угрехелидзе.: автореф. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 30 с.
13. Гейнце Н. Э. В тине адвокатуры / Н. Э. Гейнце. – Луганск: Изд-во «Лугань», 1993. – 512 с.
14. Godwin W. Caleb Williams / W. Godwin. – Oxford : Oxford University Press, 1982. – 351 p.

N. GEINTSE'S NOVEL «OVER DEAD BODIES» AND ENGLISH SOCIAL-CRIMINAL NOVEL: TYPOLOGICAL SIMILARITIES AND GENRE TRANSFORMATIONS

I. A. Matveenko

*Tomsk Polytechnic
University*

*e-mail:
mia2046@yandex.ru*

The article deals with the typological similarities of English social-criminal novel model and N. E. Geintse's novel «Over dead bodies», the analysis of which allows for inclusion of the Russian novel into the single historical-literary context of genre development and revealing genre transformations at different levels of narration.

Keywords: English social-criminal novel, typological similarities, genre model.

СТРУКТУРНАЯ СХЕМА СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ – ОБЪЕКТ СТРЕМЛЕНИЯ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩАЯ ФРЕЙМ «ДОСТИЖЕНИЕ УСПЕХА»

Е. В. Машкова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Mashkova_E@bsu.edu.ru*

В рамках статьи рассматривается одна из структурных схем фрейма «ДОСТИЖЕНИЕ УСПЕХА», а именно структурная схема «СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ – ОБЪЕКТ СТРЕМЛЕНИЯ». Репрезентирующие схему глаголы представлены на основе прототипического подхода, и анализ фактического материала позволяет выделить облигаторные и факультативные компоненты данной структурной схемы.

Ключевые слова: фрейм, структурная схема, облигаторный компонент, факультативный компонент.

Введение

Одной из самых популярных семантических теорий последних десятилетий является теория фреймовой семантики, которая интегрирует различные области лингвистического и нелингвистического знания, а также даёт возможность объяснить многие языковые феномены с позиций когнитивного анализа.

«Фрейм признаётся универсальной категорией, объединяющей разнообразные знания человека, его опыт и характеризующейся максимальной формализованностью и энциклопедичностью. В противоположность простому набору ассоциаций фреймы содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая структурирована данными единицами представления знаний» [1, с. 3].

На сегодняшний день в лингвистической литературе представлено множество точек зрения, определяющих фрейм с разных позиций. Это теории репрезентации знаний М. Минского и Р. Шенка – Р. Абельсона, теория идеализированных когнитивных моделей Дж. Лакоффа, теория Ч. Филлмора и др. Опираясь на определение Ж. В. Никоновой, мы приходим к выводу, что «фрейм является репрезентацией когнитивной схемы ситуации или понятия и, таким образом, набором задаваемых ситуацией или понятием типовых признаков, т. е. того, что отличает в сознании человека представление именно этой ситуации или конкретного денотата от другой/другого, который закрепляется в сознании как опыт отражения в сознании именно этого отрезка реальной действительности через соотношение с определённой единицей языкового тезауруса» [1, с. 32].

Глагольные лексемы, представляющие структурную схему СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ – ОБЪЕКТ СТРЕМЛЕНИЯ»

Глагольные лексемы, объективирующие фрейм «достижение успеха», образуют однородный по составу ряд лексем, способных репрезентировать ситуацию достижения успеха на языковом уровне. Успех понимается нами в общем смысле как положительно оцененное достижение, значимо превысившее социальные либо личностные нормативы, итог целенаправленной и эффективно организованной человеческой деятельности [2, с. 17].

Глаголы, репрезентирующие на языковом уровне ситуацию достижения успеха, могут обуславливать организацию следующих структурных схем: СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ – ОБЪЕКТ СТРЕМЛЕНИЯ, СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ – СУБЪЕКТ-КОНТРАГЕНС и СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ – ПРЕПЯТСТВИЕ. Рассмотрим подробнее особенности глагольнорепрезентантов структурной схемы СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ – ОБЪЕКТ СТРЕМЛЕНИЯ, в которой глаголы *win, conquer, subdue, subjugate, vanquish* представляя прототипическую сцену, лежащую в основе их значения, выражают общую идею ситуации достижения успеха, в результате которой СУБЪЕКТ становится обладателем некоторого ОБЪЕКТА (реального или виртуального). Ядерным глаголом данной группы является глагол *win*. Он пере-

дает в общей и нейтральной форме наиболее существенные, значимые признаки ситуации достижения успеха. Прототипическая сцена, связанная с глаголом *win*, включает индивидуума, прилагающего усилия (as a result of hard work) для обладания (to obtain or achieve) желаемым объектом (sth one wants), и сам объект вождения.

Спектр ситуаций, в которых глагольные лексемы *win*, *conquer*, *subdue*, *subjugate*, *vanquish* репрезентируют достижение успеха, довольно широк, однако только успех в ситуациях ведения военных или приближенных к ним действий может актуализироваться всеми глагольными лексемами исследуемой группы:

After Moroccan armies *had vanquished* Songhai in 1591, Katsina was (until the end of the 18th century) a tributary state of Bornu [3].

Глагол *win* также употребляется в спортивно-соревновательных ситуациях, ситуациях в сфере бизнеса и предпринимательства, ситуациях в политической сфере, при поступлении в учебные заведения, судебных делах и бытовых ситуациях:

During my last year, when I was a captain, we won the Hospitals and Universities Championship, won against the Army and beat Cambridge 4 – 3 [4].

The hirer therefore won his claim for damages [4].

Особенности вербализации облигаторных компонентов фрейма «достижение успеха» в структурной схеме СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ – ОБЪЕКТ СТРЕМЛЕНИЯ

Глагольные лексемы *win*, *conquer*, *subdue*, *subjugate*, актуализируясь на языковом уровне, предполагают семантико-синтаксическую конструкцию: S + V + O, где S – семантический субъект, V – предикат, выраженный глаголом, O – семантический объект. Глаголы *win* и *conquer* могут образовывать семантико-синтаксическую конструкцию без объекта, а именно S + V:

‘Listen,’ he said, ‘*Our army is winning* in the desert’ [5].

Облигаторный компонент СУБЪЕКТА в предложениях-высказываниях с глаголами *win*, *conquer*, *subdue*, *subjugate* вербализуется именами собственными (именами людей, названиями национальности, учебных заведений, профессиональных групп, спортивных команд, партий:

‘*The Germans* are still winning,’ he said. ‘Of course’ [5].

Chelsea won one nil [4].

That was the last time *Labour* won any kind of majority [4].

Представление СУБЪЕКТА на языковом уровне именами собственными, встречается намного чаще, чем прочими группами существительных. Это доказывает особую значимость и выделенность роли СУБЪЕКТА в ситуации достижения успеха, а также заинтересованность оценивающей стороны в успехе тех индивидов или групп, сторонниками которых она является.

Облигаторными признаками для СУБЪЕКТА являются *одушевленность*, *активность*, *контролируемость* и *волевитивность*, так как ситуация достижения успеха предполагает деятельность, всегда целенаправленную и осознанную, в конечном итоге связанную с достижением прогнозируемого результата.

Встречаются случаи, когда СУБЪЕКТ представлен на языковом уровне абстрактными существительными, выражающими отношения между предметами, что высвечивает признак *значимость*, либо метаязыковыми понятиями (в нашем случае политическим термином), когда информация о существовании агентивного субъекта также вытекает из пресуппозитивной характеристики существительных:

The most famous of all the sections of Ulysses, Molly Bloom’s final soliloquy is above all a celebration of that freedom, and *the freedom* thus won [4].

This document won praise from the Liberal majority at the Council, and was readily accepted, subject to a few amendments [4].

Иногда в предложениях-высказываниях с глаголами *conquer* и *win* в качестве СУБЪЕКТА могут выступать его качества или действия, что происходит в результате метонимического переноса и высвечивает факультативный компонент СПОСОБ:

She was the Queen whose *youth, grace, and beauty* had conquered a whole nation [4].

He spent the night in police cells, and *his performance* won him an audience of magistrates at Fleetwood, Lancs [4].

Если ранжирование существительных, выступающих в роли СУБЪЕКТА, не столь велико, то ОБЪЕКТ может быть представлен на языковом уровне самыми разнообразными лексемами, что связано с многообразием человеческих желаний и примеров того, что можно получить в обладание. Причем обладать можно не только реальной вещью, но что еще ценнее, человек как сознательный индивид может получать удовлетворение от обладания некой виртуальной сущностью, и это имеет для него еще большую значимость.

Компонент ОБЪЕКТ в предложениях-высказываниях, организованных вокруг глаголов *win, conquer, subdue, subjugate*, может выражаться следующими лексическими единицами:

1) существительными конкретной семантики *award, licence, medal* и др.:

We should know today whether you've won *the oil-field licence* [6];

2) названием завоеванной территории:

Roman units entered Scotland and conquered *the territory up to the Tay River* [4];

3) одушевленными собирательными существительными, обозначающими общности людей, над которыми осуществляется контроль завоевавшей их стороны:

Within ten years he had conquered *the other tribes* along the Mad Dog Pass and subjugated *the Night Goblin tribes* [4];

4) существительными, номинирующими уникальные явления, такие как воздух и вода:

Man conquered *the sky*, invented newer planes and engines, and flew faster, higher and further [4];

5) абстрактными существительными, называющими тип спортивного состязания или военного действия:

Beck won *a close game*, between mixed age group teams ranging from 13 to 16, by 4-3 with goals from Barry Harrison (2), John Edgerton and Darren Roberts [4].;

6) абстрактными сущностями, характеризующими эмоциональные состояния с положительной оценочной коннотацией, причем эти эмоциональные состояния переживаются не самим СУБЪЕКТОМ, а неким другим лицом:

'Most insurance companies are,' I add thoughtfully. 'I have won *her confidence*' [4].

Импликация ОБЪЕКТА также возможна, но в том случае, если акцентируются не единичные, а повторяющиеся ситуации достижения успеха, высвечивая тем самым факкультативный признак *повторяемость*, либо если успех был ожидаем, и никакое иное положение дел не принималось во внимание:

The early Earth-people had not given up on anything; they *had conquered* and explored and invented and they had made a marvellous and memorable world [4].

Yet Rangers came to Yorkshire, saw, and *conquered* [4].

Для смещения акцента на облигаторный компонент ОБЪЕКТ часто используются такие синтаксические модели, как пассивные конструкции, в которых семантический субъект выражен имплицитно или вводится предлогом *by*, или становится понятен при рассмотрении ближайшего контекста, а семантический объект занимает положение грамматического субъекта. Следовательно, внимание фокусируется преимущественно на цели:

People liked what they saw in Reagan and the campaign *was won* in that debate [4].

При выполнении любой деятельности СУБЪЕКТ прилагает УСИЛИЯ, но в некоторых случаях усилия оказываются намного большими, чем предполагал индивид, тогда на языковом уровне происходит экспликация одноименного обязательного компонента. Это происходит при следующих условиях:

1) использовании эквивалентов модальных глаголов *to be able, to manage*, в семантике которых заложена фоновая информация о «трудности» при достижении поставленной цели:

By 1950 the party *was able* to win a second general election with an increased vote [4];

2) с придаточными уступки, вводимыми *despite*:

They won *despite* having Leonard Ford sent off after only ten minutes and, as in the case of the football final replay a fourteen man team once again defied the odds [4];

3) употреблении наречий *eventually, finally*:

The battle raged throughout the moon-bright night and although the Scots were outnumbered, they *eventually* won [4].

Как показывает семантика данных наречий, на достижение желаемого результата ушло немало времени, таким образом, было приложено много усилий. В связи с этим облигаторный компонент УСИЛИЯ может находить выражение и при помощи придаточных времени, указывающих на длительный период, потребовавшийся для получения необходимого результата, а так же с различными временными выражениями типа *at last, in the end, it is the first time ... ever*.

Для подчеркивания особой степени усилия в рамках одного предложения-высказывания могут объективироваться сразу несколько лексических средств, профилирующих данный компонент:

After taking some serious beatings from Carthaginian hero, Hannibal, the Romans finally vanquished Carthage 700 years later in 146 BC [4].

Выдвижение на первый план облигаторного компонента УСИЛИЯ служит цели перспективизации таких признаков, как *значимость успеха* (ведь то, что мы получаем с большим трудом, всегда особо значимо для нас) и *трудность достижения успеха*.

Однако степень приложенных усилий может быть различной. В связи с этим актуализация компонента УСИЛИЯ происходит не только в случае, когда затраченные усилия были больше, чем того ожидал субъект, но и когда субъект достиг ожидаемого результата меньшими усилиями, чем изначально предполагал, высвечивая при этом факультативный признак *легкость достижения успеха*:

O'Donnell knew he had won; *it had been easier than he had expected* [7].

Когда мы говорим об успешном завершении какой-либо деятельности, мы полагаем, что СУБЪЕКТ полностью реализовал все намеченные планы, однако для придания большей *значительности* достигнутому успеху в предложение-высказывание могут вводиться различные лексические конкретизаторы, которые дополнительно высвечивают признак *полного достижения успеха*. Зачастую этой цели служат наречие полноты действия *completely* и местоимение *everything*:

Cyrus *completely* conquered the sacred caste, and his son Cambyses severely repressed it [4].

Однако в некоторых случаях мы также можем оценивать ситуацию в целом как успешную, тем не менее, некоторые ее аспекты могут не совсем удовлетворять нашим требованиям и ожиданиям, тем самым на первый план выдвигается признак *неполноты достижения успеха*.

Christianity conquered the land *but could never quite conquer the sea* [4].

Использование восклицательных предложений с лексическими модификаторами смысла способствует перспективизации компонента ОЦЕНКА:

Yesterday *I won the first competition in my life!* [4].

Немаловажную роль в профилировании облигаторного компонента ОЦЕНКА играют наречия положительной оценки деятельности и наречия образа действия с положительной оценочной коннотацией *duly, decisively*:

He *successfully* conquered a vast territory which extended from Herat to Baghdad [4].

Таким образом, глаголы, актуализирующие на языковом уровне структурную схему СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ ОБЪЕКТ СТРЕМЛЕНИЯ, способны фокусировать внимание на таких облигаторных компонентах фрейма «достижение успеха», как СУБЪЕКТ, ПРЕДИКАТ, ОБЪЕКТ СТРЕМЛЕНИЯ, УСИЛИЯ, ОЦЕНКА. При этом глагол *win*, в отличие от других глаголов-репрезентантов исследуемой группы, не имеет ограничений на круг лексем, способных занимать позицию ОБЪЕКТА в предложении-высказывании. Глагольные лексеммы *conquer, subdue, subjugate, vanquish* открывают позицию объекта только для одушевленных собирательных существительных. Однако данные глаголы наряду со значением «обладания объектом» несут и значение «контроля над объектом». Кроме того, для глагола *conquer* характерным является указание на особую значительность достигнутого

результата, следствием чего является профилирование одноименного факультативного признака.

Особенности вербализации факультативных компонентов фрейма «достижение успеха» в структурной схеме СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ – ОБЪЕКТ СТРЕМЛЕНИЯ

Факультативные компоненты «проявляются» в структуре фрейма при необходимости дополнительной характеристики ситуации достижения успеха. Важным представляется выявить ситуации, вызывающие их перспективизацию, и проследить, как их появление влияет на семантику глагольной лексемы со значением достижения успеха в структурной схеме СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ – ОБЪЕКТ СТРЕМЛЕНИЯ.

Часто в предложениях-высказываниях, объективирующих структурную схему СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ – ОБЪЕКТ СТРЕМЛЕНИЯ, профилируется факультативный компонент РЕЗУЛЬТАТ, когда достижение определенного положения дел, выраженного предикатами *win, conquer, subdue, subjugate, vanquish*, рассматривается как промежуточный успех, необходимый для достижения следующей цели, причем РЕЗУЛЬТАТ также может быть представлен глаголом достижения успеха:

Long Jumper Yinka Idowu from Carterton who competes for the Oxford City club *won* her place in the team a couple of weeks ago when she *won* the British title at Sheffield [4].

Компонент РЕЗУЛЬТАТ высвечивается только в том случае, если данное положение дел также одобряется и оценивается положительно сторонними наблюдателями:

The surrounding kingdoms and tribes were *conquered and civilized* [4].

В противном случае высвечивается компонент НЕГАТИВНОЕ ПОСЛЕДСТВИЕ, не являющийся компонентом фрейма «достижение успеха»:

They had won the war, *but they lost the peace* [4].

Факультативный компонент РЕЗУЛЬТАТ на языковом уровне объективируется придаточным дополнительным, вводимым союзом *thus* или *and*, либо причастным оборотом:

Labour Party candidates won in seven of the nine awards contested *thus gaining four seats and a comfortable majority on the council* [4].

Согласно экстралингвистической модели фрейма «достижение успеха», СУБЪЕКТ может встретить помощь, поддержку в достижении своей цели, тогда на языковом уровне вербализуется факультативный компонент ПОМОЩЬ:

But with the backing of Paddy Ashdown and his liberal Democrats, including Liverpool Mossley Hill MP David Alton, the Government won the vote to bring the Maastricht Bill back to the commons by 319 votes to 316 [4].

Высвечивание данного компонента, на наш взгляд, несколько преуменьшает заслуги самого СУБЪЕКТА в достижении поставленной цели.

Иногда в предложении-высказывании есть указание на СПОСОБ достижения успеха или ИНСТРУМЕНТ, что способствует акцентуации внимания на облигаторном компоненте УСИЛИЯ:

Constantine, the Roman Emperor, subjugated his enemies *with a sword in one hand and a shield bearing the cross in the other* [4].

При осуществлении какой-либо деятельности целью СУБЪЕКТА может стать как достижение личных целей, так и выгода других участников ситуации, когда объективируется факультативный компонент БЕНЕФИЦИАНТ:

'She told me what happened. She won it *for you*' [4].

Локализованность во времени предполагает высвечивание во фреймовой структуре терминалов ВРЕМЯ и МЕСТО. На языковом уровне они объективируются при помощи введения в предложение-высказывание соответствующих обстоятельств времени, мест:

In the 1960s they won the Junior Ice Dance Championships at *Stratham* [4].

При этом в фокус внимания может попадать: *частотность; длительность; кратковременность/продолжительность; повторяемость* успешных действий:

Borg, 36, who won the Wimbledon singles title *five times*, denies this [4].

On Aelle's death the Bernician king Aethelric *again* subdued Deira [3].

Таким образом, в структурной схеме СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ – ОБЪЕКТ СТРЕМЛЕНИЯ при определенных условиях могут эксплицироваться такие факультативные компоненты, как РЕЗУЛЬТАТ, СПОСОБ, ИНСТРУМЕНТ, ПОМОЩЬ, ВРЕМЯ, МЕСТО. Наиболее часто эксплицируется компонент СПОСОБ, что обусловлено заинтересованностью субъекта в путях достижения желаемого результата. Кроме того, особенностью структурной схемы СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ – ОБЪЕКТ СТРЕМЛЕНИЯ является указание на БЕНЕФИЦИАНТА, т. е. того, ради кого СУБЪЕКТ «достигает успеха». Исходя из вышесказанного, можно заключить, что экспликация тех или иных факультативных компонентов фрейма «достижение успеха» обращает наше внимание на наиболее важные составляющие описываемого положения дел, позволяет вычленивть их и определить их роль в развертывании ситуации достижения успеха.

Заключение

Глаголы с общим значением «достижение успеха», представляют собой языковые единицы с довольно сложной организацией лексического значения. Изучение глаголов «достижения успеха» с когнитивной точки зрения позволяет рассматривать их не просто как единицы, формирующие группу тематически родственной лексики, а как средство языковой репрезентации фрейма «достижение успеха», организованного вокруг одноименного концепта и отражающего особенности экстралингвистической модели ситуации достижения успеха.

Одной из структурных схем, способных представлять ситуацию достижения успеха, является схема СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ – ОБЪЕКТ СТРЕМЛЕНИЯ. Глагольные лексемы, вербализующие исследуемую структурную схему, описывают особую прототипную сцену, лежащую в основе их значения, тем самым определяя основные различия в интерпретации возможных ситуаций достижения успеха.

Рассмотрение фрейма «достижение успеха» как пропозициональной, иерархически организованной структуры позволило выделить его облигаторные и факультативные компоненты. К облигаторным компонентам фрейма, которые передают стереотипное представление о ситуации достижения успеха, согласно имеющейся экстралингвистической модели, мы отнесли СУБЪЕКТ, ПРЕДИКАТ, ОБЪЕКТ, УСИЛИЕ, ОЦЕНКУ.

Специфика терминальных компонентов обусловлена тем, что они составляют модальное оформление ситуации, тем самым придавая субъективный характер интерпретируемому событию. Способность фрейма к переструктуризации и открытость его границ позволяют выделить достаточно вариативный набор факультативных компонентов, профилирование которых осуществляется при введении в предложение-высказывание различных модификаторов смысла. Факультативными компонентами фрейма «достижение успеха» являются РЕЗУЛЬТАТ, СПОСОБ, ИНСТРУМЕНТ, ПОМОЩЬ, МЕСТО, ВРЕМЯ и др. Манифестирование терминальных компонентов предопределяет возможность для расширения и переосмысления значений исследуемых глаголов.

Как вершинные, так и терминальные компоненты могут получать фоновые маркеры за счет экспликации облигаторных и факультативных признаков, которые характеризуют тот или иной компонент и позволяют идентифицировать рассматриваемую ситуацию, как ситуацию достижения успеха.

Список литературы

1. Никонова Ж. В. Теория фреймов в лингвистических исследованиях / Ж. В. Никонова. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. – 142 с.
2. Ключкова О. Ю. Модель успеха как фактор профессионального выбора : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / О. Ю. Ключкова. – М., 2003. – 154 с.
3. Britannica: The Online Encyclopedia / Encyclopedia Britannica, Inc. ; eds.: N. Carr, W. Doniger, B. M. Friedman [et al.]. – Chicago, Illinois, 2010-. – Mode of access: <http://www.britannica.com/>.
4. British national corpus (BNC). Simple / Oxford University Computing Services on behalf of the BNC Consortium ; ed. by Lou Burnard. – Oxford, 2005-2010. – Mode of access: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>.
5. Follett K. The key to Rebecca / K. Follett. – Geneva : Editio-Service S.A., 1980. – 310 p.
6. Follett K. Paper money / K. Follett. – London : Macmillan, 1996. – 286 p.
7. Hailey A. The final diagnosis [Text] / A. Hailey. – СПб. : Антология, 2004. – 288 с.

STRUCTURAL PATTERN SUBJECT – PREDICATE – OBJECT OF INTENTION REPRESENTING THE FRAME “ACHIVEMENT OF SUCCESS”

E. V. Mashkova

*Belgorod National
Research University*

e-mail:

Mashkova_E@bsu.edu.ru

The article deals with one of the structural pattern of the frame “achievement of success” SUBJECT – PREDICATE – OBJECT OF INTENTION. The verbs representing this pattern are organized on the basis of prototypical approach. The analysis of factual material lets us choose obligatory and terminal components.

Key words: frame, structural pattern, obligatory component, terminal component.

УДК 82-1/-9

СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ РЭЯ БРЭДБЕРИ «В МГНОВЕНИЕ ОКА»

Н. П. Невзорова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
nevzorova@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются вопросы специфики организации художественного пространства в сборнике рассказов Рэя Брэдбери «В мгновение ока». Различные типы пространственной деформации помогают автору сборника вскрыть философские, психологические и социальные проблемы, связанные с темами художественного творчества, памяти, сохранения окружающей среды, жизни и смерти, человеческого прошлого, настоящего и будущего.

Ключевые слова: научная фантастика, жанр рассказа, авторское мировоззрение, гуманизм, художественное пространство, деформация пространства, топографические детали, метафора, сравнение, персонификация, гротеск.

Введение

Имя Рэя Дугласа Брэдбери чаще всего ассоциируется в читательском восприятии с повестью «Вино из одуванчиков», циклом «Марсианские хроники» или романом «451° по Фаренгейту», в литературной критике его определяют классиком не только американской, но и мировой научной фантастики, который стоит у истоков многих традиций этого специфического вида литературного творчества.

За свою долгую творческую жизнь Брэдбери (1920 – 2012) написал более 10 романов, около 20 пьес и почти 30 сценариев для кинофильмов. Однако больше всего литературных произведений писатель создал в жанре рассказа (их известно около 400), многие из них выходили в сборниках. При этом композиционно многие романы тоже представляют собой сочленение вполне самостоятельных глав, то есть в какой-то степени близки рассказам.

В эту малую повествовательную форму, жанр рассказа, писатель сумел вложить свои взгляды на историю, культуру, науку, на взаимоотношения своих современников, на систему личных и общественных ценностей, на будущее мира. Ограниченный размер текста потребовал от художника отказаться от пространных объяснений и описаний. Отсюда – лаконичная повествовательная манера и обилие диалогов.

В его творческом пути был период – с конца 1960-х гг. до середины 1990-х гг., когда писатель активно занялся телевизионными проектами, созданием пьес и даже поэтических сборников, оставив на время свой излюбленный жанр.

И только в 1996 году после многолетнего перерыва Брэдбери публикует новый сборник «В мгновенье ока» (*“Quicker Than The Eye”*), в который вошли 21 рассказ и авторское послесловие «Спешите жить» (*“Make Haste To Live: An Afterword”*). На русский язык книга была переведена лишь в 2004 году.

Именно к этому сборнику, незаслуженно обойденному вниманием критики, обращено наше внимание. Оно обусловлено тем, что название сборника и содержание Послесловия, равно как и материал самой книги, удачно раскрывают специфику авторского использования фантастики. «Фантастика, – по определению Брэдбери, – это наша реальность, доведенная до абсурда» [Цит. по: 1].

Нечто необычное постоянно происходит в мире, – утверждает художник, – просто люди настолько невнимательны, что мало кто замечает это. Но и даже заметив, многие отказываются принимать такую «сказочную реальность». «Когда происходит чудо, не подвергай его сомнению» [2, с. 323], – говорит в рассказе «И снова легато» герой, уловивший в пении птиц чудесную мелодию и положивший ее на ноты.

Интересно отметить, что в большинстве произведений Брэдбери собственно научная фантастика (*science fiction – ScF*) не является основой его художественного мира, хотя сам автор не единожды получал награды в области фантастики (однако был отмечен и в

целом его выдающийся вклад в американскую культуру). На его счету премии Хьюго, Нобеля, Пулитцера, «Гэндальф», О'Генри, Балрог, Брэма Стокера, Энн Радклифф, Бенджамин Франклина, Американской академии.

Особенность так называемой «фантастики» писателя заключается не в традиционных для научной фантастики технических, высокотехнологических элементах, мотивах, темах, типа завоеваний космоса, звездных войн, виртуальных миров и т. п., а в мгновенном и зачастую неожиданным использованием пересечений пространственно-временных плоскостей повествования. Как искусный фокусник-иллюзионист Брэдбери «в мгновение ока» перемещает обыкновенных американцев из совершенно будничной жизненной ситуации вполне узнаваемой современной ему Америки в иной художественный хронотоп, зачастую ностальгически связанный с прошлым, с юностью героев, а зачастую и самого автора (например, рассказы «*Опять влипли*», «*Обмен*», «*Другая дорога*»). Или так же мастерски включает в обыденность элементы кошмара, фантазмагии, порой на грани «черного юмора» (рассказы «*Doktor с подводной лодки*», «*Электрический стул*», «*Убить полюбовно*»). Стоит признать, что в сборнике есть и работы, основанные полностью на фантастическом допуске (рассказы «*Последние почести*», «*Слава в вышних Дориану*»). При этом писателя в большей мере интересует состояние души, настроение, мысли его персонажей, чем необычное развитие внешнего действия. Собственно говоря, именно этот конфликт настоящего и прошлого, человека и машины, природы и цивилизации, душевного, духовного и материально-прагматического и лежит в основе художественного мира данного сборника.

1. Композиция сборника

Как уже говорилось выше, сборник состоит из 21 рассказа и авторского Послесловия. Именно в заключительной части книги писатель определяет специфику своей художественной манеры, которая отражается и в композиции сборника: «*Я пишу не научную фантастику, не фэнтези, не сказки в духе магического реализма и не сюрреалистические стихи. «В мгновенье ока» — это, наверно, самое удачное заглавие из всех, какие мне удавалось придумать для новых сборников. Я делаю вид, что занят чем-то будничным, но стоит вам на секунду отвлечься — и в мгновенье ока из моей бездонной шляпы появляется два десятка ярких шелковых платков*» [2, с. 122].

Необычная метафора иллюзионистской манипуляции связана с воспоминанием об одном эпизоде из детства Брэдбери, однажды в цирке пережившем очень сложную гамму чувств, наблюдая представление фокусника. Чудесные превращения, с одной стороны, породили решение у будущего писателя стать иллюзионистом — что он, в конце концов, и осуществил, избрав писательскую стезю.

Образ фокусника, мага (в оригинале Послесловия используется слово «*magician*») у Брэдбери возникает в параллель с размышлением об особенностях его собственного творческого процесса. Именно по поводу своей художественной мастерской он и отзывается в приведенной уже выше цитате («*Я делаю вид, что занят чем-то будничным...*») [2, с. 122].

С другой стороны, именно иллюзион, который и назывался «*В мгновенье ока*» (одноименный рассказ стоит ровно в середине сборника), привел лирического героя в бурное негодование из-за того, что похожего на него доверчивого, по-детски открытого чуду зрителя принародно унизили, обсмеяли и «*выставили на сцене полным идиотом*» [2, с. 287]. Вероятно, это пережитое возмущение бестактностью артиста заставило писателя так деликатно, внимательно и гуманно относиться к внутреннему миру своих героев, вникать в их переживания, искать решение их внутренних проблем.

Прихотливый калейдоскоп рассказов этого сборника, которые внешне практически не связаны ни героями, ни сюжетами, в итоге, как нам кажется, структурируется в поистине импрессионистическую картину со сложными вариациями пространственно-временных связей, отражающую общее острое переживание автора по поводу внутреннего душевного дисбаланса внешне вполне благополучных сограждан, озабоченность писателя-гуманиста возможным будущим мира.

Может быть, именно поэтому сборник открывается рассказом о психическом неблагополучии современников — «*Doktor с подводной лодки*» (*Unterderseaboat Doktor*). [Рассказы цитируются в переводе Е. Петровой].

Эпизод не совсем приятной для лирического героя встречи с иностранным психоаналитиком бароном фон Зайфертицем, бывшим во вторую мировую войну капитаном гитлеровской подводной лодки, выглядит достаточно едкой сатирой на весьма популярный в Америке способ разрешения внутренних личностных конфликтов. Реалистически убедительно, но с большой долей сарказма писатель показывает, что врачующий душевные травмы полусумасшедший доктор сам крайне нуждается в коррекции психики, если не в полноценном лечении. Без специального образования, этот трагикомический в изображении Брэдбери шарлатан больше сорока лет занимается *«шутовскими сеансами по пятьдесят минут в этом унылом психопатическом городе»* [2, с. 17], *«чтобы не думать о тех, кого взорвал, подбил, отправил на дно Атлантики в сорок четвертом»* [2, с. 21]. Удачно найденные автором метафоры-образы на пересечении внутреннего и внешнего пространства («психоаналитик-подводник», «глубинное погружение», «минные поля психики») в определенный момент повествования «в мгновение ока» реализуются с помощью образа перископа, который является узловым моментом переключения в область невероятного, фантастического. Перископ оказывается «первым в истории психопатологическим калейдоскопом», собранием разворачивающихся во времени зловещих кошмаров, призраков, тревог пациентов доктора – но и фобий самого психоаналитика.

Последующие рассказы чрезвычайно неоднородны как по тематике, так и по жанровой разновидности. Среди них – и лирико-психологические новеллы, напоминающие залитую солнцем лужайку – *«Прыг-скок»*, *«Другая дорога»*, *«Помнишь Сашу?»*, и мрачные макабры почти готического характера – *«Электрический стул»*, *«Ведьмин закут»*, *«Земля на вывоз»*. В этот калейдоскоп вкраплены рассказы о смерти, к которой Брэдбери относится весьма философски – *«Убить любовно»* и *«Финнеган»*. В сборник включены и фантазмагорически-гротескные повествования, например, *«Слава в вышних Дориану»*, в названии и смысле которого обыгрывается возможное продолжение романа Оскара Уайльда *«Портрет Дориана Грея»*.

Начав книгу с рассказа о сумасшедшем докторе, писатель помещает в конец сборника описание простой, неброской природы родной страны, уюта маленьких поселений, о которых забыли в погоне за внешне благополучной городской жизнью в обществе бездушных людей-винтиков, не успевающих за пролетающей мимо них жизнью (рассказ *«Другая дорога»*).

В этом финальном рассказе автор снова и снова возвращается к своей ключевой идее, которая пронизывает все остальные части этой книги: человеку нельзя забывать свое прошлое, нельзя разрывать связь с природой, иначе он может превратиться в психа, а в недалеком технизированном будущем он окажется лишь продуктом питания *«электрических ящеров, стальных динозавров»*, *«живым белком, просто живым белком в огромной металлической клетке»* [2, с. 283].

Таким образом, несмотря на кажущуюся калейдоскопичность и самостоятельность каждой из частей сборника, он представляет собой особый художественный мир, иллюстрирующий под разным углом зрения основные мировоззренческие постулаты писателя-гуманиста. Специфика этого художественного мира во многом и проявляется через необычные пространственно-временные деформации.

2. Художественное пространство рассказов

В целом пространство в большинстве рассказов сборника характеризуется прерывистостью (*«Пять баллов по шкале Рихтера-Захарова»*, *«Разговор в ночи»*, *«Дух времени»* и др.). Автор почти не представляет читателю развернутых и последовательных описаний перемещений героев в пространстве, акцентируя лишь те точки, где что-то происходит с героями. При этом особое внимание уделяется отдельным, значимым для писателя и узловым для смысла повествования топографическим деталям, таким как лестницы, двери, подвалы, чердаки и пр. Например, в рассказе *«Пять баллов по шкале Захарова-Рихтера»*: *«Пол ушел из-под ног, и они спустились строго вниз футов этак на семьдесят, а то и восемьдесят, где перед ними с шепотом отъехала в сторону еще одна дверь, и они вошли в длинный коридор с добрым десятком дверей по обе стороны и несколькими десятками приветливо светящихся окошек поверху. Не дав Хэнку Гибсону опомниться, его подтолкнули вперед, мимо всех этих дверей, на которых читались названия городов и стран мира»* [2, с. 26]. Здесь актуализатором значения прерывистости пространства

служит постоянное повторение образа двери, что наполнено еще и символическим значением. Это порог между своим, известным миром и скрывающим тайну пространством неизвестности.

Писатель нередко изображает двери с замками, резко закрывающиеся двери, запертые двери, двери, скрывающие что-то страшное. В рассказах Брэдбери двери чаще всего скрывают что-то или кого-то. Так, доктор Густав фон Зайфертиц пытается спрятаться от внешнего мира, отделившись от него дверью с большим количеством замков: *«Итак, я в третий раз посетил его своеобразный, обитый металлом кабинет с округлой дверью, запиравшейся на немыслимую систему замков»* [2, с. 7]. Этим самым он избегает всяческих контактов с людьми и внешним миром, спрятавшись за дверями от своего кошмарного прошлого, в котором во время Второй мировой войны он был командиром гитлеровской подводной лодки, на его совести немало погубленных человеческих жизней.

В рассказах образ двери – это не просто граница между прошлым, не всегда милым, но и страшным; и настоящим, иногда весьма причудливым, странным. Это символический образ, позволяющий герою проникнуть в иную пространственно-временную плоскость, либо укрыться от окружающего мира.

Видимость, зримость, осязаемость является не менее важной особенностью художественного пространства рассказов Брэдбери. Пространство в его текстах описывается как реально видимое глазами главных героев, наполненное звуками (например, ревом машин), запахами (запах скошенной травы или бензина), цветом, – как место, в котором они или повествователь находятся. В некоторых рассказах это отражает стремление писателя показать читателю нечто необычное в обыденности или усилить иллюзию достоверности повествования. *«Подойдя к окну, он посмотрел вниз. На лужайке никого не было, трава блестела от росы. От края к самой середине, где совсем недавно кто-то переминался с ноги на ногу, вела цепочка следов, а другая такая же цепочка уходила в сад, раскинувшийся позади дома»* [2, с. 139]. Этого эффекта присутствия Брэдбери достигает с помощью различных художественных средств: сравнений (*«...его взору открылась лачуга, больше похожая на могильный курган, чем на пристанище живых; да и земельный надел скорее смахивал на погост, нежели на двор»* [2, с. 205]) и метафор (*«Она увидела зеленый холмистый простор, дороги, уходящие в лето, в август, и реки, и предместья, и этот дом, и эту комнату, и это мгновение»* [2, с. 30])

Многие метафорические образы (*«свежий лимон солнца», «пятнышки от листьев»*) и сравнения (*«лес, где жили тени, словно под каждое дерево слетелся миллион трепетных птиц»*), переключаящие событийное пространство, превращают конкретный реальный топос в некий земной Эдем: *«В воздухе пахло горячим шоссе с белой разметкой, и пылью, и небом, и виноградными водами проворной речки. Над головой округлился свежий лимон солнца. Впереди маячил лес, где жили тени, словно под каждое дерево слетелся миллион трепетных птиц, но на самом деле это подрагивали пятнышки от листьев, не пропускавших света»* [2, с. 70].

Для перехода в регистр фантастики в рассказах часто используется пространство, находящееся выше или ниже того уровня, с которого начинается повествование, например, подъем на чердак (*«Все хорошо, или одна беда – собака ваша сдохла»*) или спуск на лифте или по лестнице вниз (*«Пять баллов по шкале Захарова-Рихтера», «Опять влипли»*).

Противопоставление пространства по принципу «открытое – закрытое» во многих рассказах тоже является своеобразным «пространственным переключателем».

Замкнутое, закрытое, пространство очень часто наполнено вещами, загромождено ими, что может оцениваться писателем по-разному.

Например, кабинет психоаналитика из первого рассказа сначала достаточно скромно оформлен – кушетка, стул и необычный перископ. Однако после фантастического коммерческого успеха доктора обстановка радикально меняется, но роскошные предметы мебели и культуры не обеспечивают душевного спокойствия и счастья их хозяину: *«Стены приемной были обшиты дорогим тиковым деревом. Письменный стол наполеоновской эпохи, редкостный образчик стиля ампир, стоил не менее пятидесяти тысяч долларов. Кушетка так и притягивала мягчайшей кожей, а на стене висели полотна Ренуара и Мане, причем подлинники. Боже праведный, подумалось мне, это миллионы и миллио-*

ны!» [2, с. 9]. Загроможденная антиквариатом комната становится символом чванства, тщеславия персонажа. А само закрытое пространство кабинета можно интерпретировать как символ разорванных связей сумасшедшего доктора с миром нормальных людей.

Не спасает от одиночества и наполненная былыми трофеями комната бывшего танцора Бага из одноименного рассказа. *«Призы. Большие и малые, золотые, серебряные и бронзовые кубки, на которых было выгравировано его имя. Награды за победу в танцевальных конкурсах. Вы не поверите, но они громоздились повсюду: и у кровати, и возле кухонной раковины, и в ванной, а уж о гостиной и говорить нечего — там они, как стая саранчи, заняли все открытые поверхности»* [2, с. 208].

С другой стороны, замкнутое пространство библиотеки, заполненное книгами, в рассказе «Обмен» наоборот оценивается автором положительно и символизирует необъятные просторы культуры, выводящие героя из ощущения одиночества и потерянности. Это один из немногих рассказов Брэдбери, где иллюзорный мир литературы противопоставляется реальному миру. Пространство культуры служит поддержкой герою, а материальный мир, открытое пространство, изменившись, предаёт его. Однако такой парадокс оказывается объяснимым в ракурсе художественного мира всего творчества Брэдбери (см., например, *«451° по Фаренгейту»*). Жизнь идет, люди забывают друзей, люди смертны, и только ценности культуры способны поддержать человека в его душевных исканиях. *«Захочешь узнать про другие страны, другие народы, про что-нибудь интересное — вы непременно отыщете и дадите мне то, что требуется. — Он покраснел и сбился. — Вот я и говорю... У вас весь мир был как на ладони. Вы мне открыли дальние края, чужие земли. Я это запомнил на всю жизнь»* [2, с. 233], — признается герой старенькой библиотечарше.

Открытые пространства (лес, поле, лужайки) тоже могут быть амбивалентными.

Оптимизму молодости, доверчивости, открытости миру соответствует пейзаж, который встречает утром шестнадцатилетняя Винния из рассказа «Прыг-скок»: *«Она увидела зеленый холмистый простор, дороги, уходящие в лето, в август, и реки, и предместья, и этот дом, и эту комнату, и это мгновение»* [2, с. 30]. Виннии и ее другу Джиму открывается вся вселенная: *«Они ловили звуки дождя: падающая вода отмывала вселенную до атласной чистоты, шептались высокие травы, пробуждались сладковатые запахи мокрой древесины и слежавшихся прелых листьев столетней давности»* [2, с. 72].

Лес может быть наполнен жизнью и ожиданием весны, как в рассказе «Другая дорога»: *«Бабочки, похожие на разноцветные конфетти, возникали из чащи и, как хмельные, трепыхались в воздухе, а их зубчатые тени бегали по воде и траве»* [2, с. 413]. В этом рассказе пространство одухотворенной природы противопоставляется бездушию урбанистической цивилизации.

Однако лес может и таить опасность, где-то в нем притаился страшный паук-убийца из рассказа «Финнеган» *«Мы шагали то сквозь туман, то сквозь неяркие лучи солнца, то через заросли, то через поляны и наконец оказались на безмолвной прогалине, где любой звук тонул в мокром частоколе деревьев, в подушках зеленого мха, в кочках лесного дерна. Голые ветви еще не почувяли весну. Равнодушный солнечный диск, напоминавший об арктических широтах, был холодным и почти безжизненным»* [2, с. 87 – 88].

Одним из центральных пространственных образов многих рассказов сборника является образ Дома. Для многих героев Брэдбери Дом – синоним простого, настоящего человеческого счастья, где человек чувствует себя комфортно и защищено. Например, в рассказе «Помнишь Сашу?»: *«У них было заведено так: по вечерам она возвращалась домой из делового центра Лос-Анджелеса, а он покупал к ее приходу гамбургеры, или же они вместе шли на пляж, где можно было съесть булочку с сосиской и оставить центов десять-двадцать в павильоне игровых автоматов, потом возвращались домой, занимались любовью, засыпали, а следующим вечером наслаждались все тем же восхитительным распорядком: хот-доги, игровые автоматы, близость, сон, работа и так далее»* [2, с. 35 – 44].

Для большинства людей дом – это личное, интимное пространство, защищающее от агрессивных внешних воздействий. Но дом не всегда защищает и оберегает своих хозяев. Различные части дома могут иметь амбивалентное значение, заключать в себе тайну, нести угрозу.

У Брэдбери пространство дома размечено по горизонтали и вертикали (топосы верха и низа, направо-налево, спереди-сзади) и вбирает в себя еще и пространство чулана, чердака, лестниц, крыльца, порогов и погребов.

Пространство чердака или чулана традиционно носит таинственный и мистический характер, зачастую там обитают ведьмы и неведомые чудовища. Смысловая нагрузка этих пространственных конструкций у Брэдбери передает чувство страха персонажей перед неизвестностью.

В рассказе *«Ведьмин закут»* чулан – таинственное место, откуда доносится женский плач. Образ чулана переключает повествование в регистр фантастики: *«в чулане менялась погода: то зимняя стужа, то быстротечное лето. Конечно, так не бывает, но ошибки быть не могло. Под кончиками пальцев, скрытая от глаз, текла невидимая, как само время, река из теней и солнца, прозрачная, как горный хрусталь, но спрятанная пульсирующей тьмой»* [2, с. 177].

Однако у Брэдбери данное пространство имеет ещё одно значение – чулан является не только символом некоей машины времени, в которой исчезают вещи и люди (как в *«Ведьмином закуте»*), но и местом, где хранятся самые дорогие воспоминания.

В рассказе *«Разговор в ночи»* главный герой неожиданно для себя встречает некую незнакомку, но память подсказывает ему, что они уже где-то встречались: *«Он резко развернулся и, не чуя под собой ног, бросился к чулану, из которого обрушилась лавина коробок и альбомов. Сначала он рылся на ощупь, потом зажег в чулане свет, отшвырнул в сторону шесть альбомов, наконец-то вытащил нужный и принялся торопливо листать страницы, в какой-то момент он ахнул и остолбенел, потом поднес фотографию к глазам и, как слепой, побрел назад, к окну. Пристально поглядев вниз, на лужайку, он перевел взгляд на фотографию, совсем ветхую, пожелтевшую от времени. Да, да, оно самое! От этого образа у него началась резь в глазах, а потом и в сердце»* [2, с. 101]. В данном рассказе пространство чулана переключает повествование в прошлое, тем самым акцентируя один из основных конфликтов рассказов: столкновение настоящего и прошлого.

В образе Дома вычлняются и такие топосы, как порог, крыльцо, ступени. В энциклопедии символики и геральдики порог – это место встречи внешнего и внутреннего (сакрального) миров, граница, переход от одного состояния к другому [3]. У Брэдбери порог является символом нерешительности, преграды, за которой может скрываться что-то новое. Школьники из рассказа *«Баг»* думают над тем, что же их ждёт после окончания школы: *«Мы погрузились в мир, сотворенный одним из нас, и, как могли, оттягивали вступление в тот, другой, мир, который ждал за порогом школы»* [2, с. 207]. Здесь образ порога использован скорее метафорически, чем в прямом смысле – ребята находятся на границе между детством и взрослой жизнью.

Не только порог, но и крыльцо является границей между прошлым, настоящим и будущим. Главный герой рассказа *«Разговор в ночи»* дожидается свою незнакомку на крыльце: *«Он молча посидел на крыльце, кусая костяшки пальцев. В три часа ночи за окном спальни ему послышался вздох, а потом тихие шаги по траве, он выжидал»* [2, с. 98]. И там же, на крыльце они расстаются друг с другом после странной, какой-то сюрреалистической встречи во времени: *«Оглядываясь на него, она стала медленно подниматься по лестнице, а он все так же стоял у крыльца»* [2, с. 107].

Крыльцо же становится местом раздумий и уединения персонажей: *«На крыльце, при свете фонаря, в одиночестве сидел старик: он не курил, не читал, не двигался, не издавал ни звука. Когда по гравию заскрежетали незнакомые шаги и на нижнюю ступеньку крыльца опустился чей-то сапог, старческие веки дрогнули над желтоватыми зернышками глаз»* [2, с. 106].

Образ лестницы и спускающиеся по ней вниз герои тоже связаны с темой памяти и прошлого. В рассказе *«Снова влипли»* лестница не только ведет в прошлое. Но и переводит повествование в регистр условности, фантастики. Старинные подруги Зелда и Белла в ночи слышат голоса своих любимых актёров из фильма юности и, спускаясь по вполне реальной лестнице своего квартала вниз, общаются с призраками прошлого. Признаются им в любви.

Не менее важный в смысле пространственного перемещения образ дороги, который традиционно трактуется как путь человека по жизни – путь заблуждений, приводя-

щий его к истине, к домашнему очагу, т.е. к определенной точке физического и нравственного пространства» [3].

Показателен в данном случае заключительный рассказ сборника *«Другая дорога»*. Это история городской семьи, случайно захвавшей в заброшенный умерший городок по старой заросшей дороге. При помощи образных метафор и противопоставлений («зеленая зона» – «алюминиевый город», «небо, которое тоже вырвалось на свободу» [2, с. 271]) автор создает два контрастных мира, мир природы, приравненный к миру прошлого, и мир урбанизма, авторского настоящего. Почти всегда в сборнике дорога в природу – путь к себе, природному, искреннему, доброжелательному, пытливому. Глава семьи, Кларенс Трэверс, ностальгически вспоминает свою юность, связанную с этими местами: «Так бы и плыть сквозь летнюю темень, вдоль озера, к дюнам, к заросшему диким виноградом безлюдному пляжу, на котором безвылазно жил ветер и лишь изредка поскрипывал песок да шуршали пепельно-серые волны – это озеро паровозом утюжило берег» [2, с. 279]. Однако Сесилия, жена Кларенса, считает это блажью и отчаянно противится желанию мужа жить вдаль от города. Тогда герои садятся в машину и по той же грунтовой дороге уезжают обратно в «проклятый город», возвращаясь к своей прежней жизни: «Поселок скрылся из виду. Они свернули на грунтовую дорогу и выехали к автостраде. У обочины пришлось подождать, пока не образуется просвет в плотном потоке транспорта: туда удалось вклиниться, и вскоре их уже несло со скоростью пятьдесят миль в час, в шуме и грохоте, по направлению к городу» [2, с. 282].

Дорога здесь выступает как символ того, что человек волен сам выбирать свой жизненный путь, он может в любой момент свернуть в сторону своих мечтаний, либо отправиться по другой тропинке, в противоположную сторону. В восторге Кларенса – позиция автора, который близко к сердцу принимает природные пейзажи и негативно отзываясь об обезличенности жизни большого города. Писатель обеспокоен дегуманизацией человечества в период механизации общества. Правда, в отличие от своего героя Кларенса, сам Брэдбери бросил своеобразный вызов этому процессу. Не случайно литературовед Л. Бутяков назвал американского художника-гуманиста «марсианином из Лос-Анджелеса», обосновав это специфическим образом жизни Рэя Брэдбери: «Как иначе объяснить, что человек, живущий в насквозь «индустриализованной» Америке, с раннего детства дал урок – не садиться за руль автомобиля и не летать на самолетах?» [4, с. 5].

Описания города встречаются крайне редко, Брэдбери рисует город в материально-прагматическом ракурсе, как уродливое воплощение общества потребления, как грозящее человеку обезличивание, как потеря себя: «Вдоль трассы мелькали рекламные щиты: ритуальные услуги, слоеное тесто, хлопья для завтрака, автосервис, отель. Отель под нещадным огнем полуденного солнца, думал мистер Трэверс, в котле с кипящей смолой, которая когда-нибудь поглотит все небоскребы, что бесстыдно поднялись торчком: они уйдут в бурлящую лаву и сохранятся в ней для будущих цивилизаций. И когда наступит миллионный год новой эры, пытливые ученые вскроют утробы электрических ящеров, стальных динозавров, и найдут мелкие белые косточки, и восстановят по ним хрупкие скелеты тех, кто сочинял рекламные слоганы, посещал престижные клубы и бегал в школу. У мистера Трэверса защипало в глазах. И ученые скажут: вот, оказывается, что употребляли в пищу стальные города, подумать только! – и пнут ногой эти находки. Вот, оказывается, чем набито стальное чрево! Бедняги, у них не было ни малейшего шанса выжить. Видимо, стальные чудовища держали их в неволе и поедали на завтрак, на обед и на ужин. Живой белок, просто живой белок в огромной металлической клетке» [2, с. 122].

С помощью различных тропов, несущих негативную оценку, автор описывает город и противопоставляет его природе (метафоры: «нещадный огонь полуденного солнца», «небоскребы поднялись торчком», «электрические ящеры», «стальные динозавры», олицетворения: «смола поглотит небоскребы», «утробы электрических ящеров», «набито стальное чрево» и т. д.).

Для ещё более яркого контраста автор включает в общую картину восприятия звуки и запахи. Так, например, струящейся «с целлофановым шорохом» воде, «поскрипывающему песку да шуршащим волнам» противопоставляются «вечный шум транспорта» и «ревущая скоростная автострада». А «запах скошенной травы», «ароматы цветов и деревь-

ев» намного приятней запаха бензина и «нагретой кожаной обивки» автомобиля. Это отмечают и сами герои рассказа: «Здесь легко дышится. А в городе — черт возьми, ты же сама жалуешься...» [2, с.120].

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что художественное пространство сборника рассказов Брэдбери является весьма сложно структурированным объектом, переключающим повествование в разные регистры: из реальности обыденной жизни – в мечту или кошмар, из современности – в прошлое, из внешнего – во внутреннее. Эти сознательные деформации реализуют эстетические и философские взгляды автора на такие философские вопросы и проблемы, как одиночество, творчество, память, жизнь и смерть, взаимоотношение природы и человека, социальную дисгармонию. Для их отражения в тексте Рэй Брэдбери использует различные пространственные образы, что помогает наиболее полно отразить эстетику писателя.

Список литературы

1. Ханютин, Ю. М. Реальность фантастического мира [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://raybradbury.ru/articles/f451-hanutin/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз.рус.
2. Брэдбери, Р. В мгновенье ока: Рассказы / Р. Брэдбери. – СПб.: Домино, 2004. – 304 с.
3. Кожуховская, Н. В. Оппозиция «открытое — закрытое пространство» в русском литературном пейзаже XIX века [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.jourclub.ru/22/725/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз.рус.
4. Бутяков, Л. Марсианин из Лос-Анджелеса. Вступительная статья // Р. Брэдбери. Здесь могут водиться тигры: Рассказы. – СПб: Азбука, 2000. – С. 5 – 12.

SPECIFIC CHARACTER OF ARTISTIC TOPOGRAPHY IN RAY BRADBURY'S BOOK OF STORIES "QUICKER THAN THE EYE"

N. P. Nevzorova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
nevzorova@bsu.edu.ru*

The article deals with questions of realization of topography images in Ray Bradbury's book of stories "Quicker Than The Eye". Different variations of space deformation helps the author to present philosophic, psychologic and social problems of art creativity, memory, ecology, life and death, human past, present and future.

Key words: science fiction, story as a genre, author's ideology, humanism, artistic topography, inner space, outer space, deformation of space, intermittence of space, topographic details, metaphor, simile, personification, grotesque.

УДК 81.37

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ВЕРБАЛИЗУЮЩИХ КОНЦЕПТ УПРАВЛЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

**Т. В. Перуцкая
Ю. А. Дрыгина**

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Perutskaya@bsu.edu.ru
drygina@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются некоторые семантические особенности репрезентации концепта «Управление» фразеологическими единицами английского языка. Семантические особенности данных фразеологизмов выявляются при помощи методов когнитивной лингвистики, которые помогают выявить фреймовую структуру концепта управления. Фрейм управления имеет двухуровневую структуру с обязательными и необязательными компонентами, профилирование каждого из которых в структуре фрейма и определяет семантическую специфику каждой из фразеологических единиц.

Ключевые слова: концепт, фрейм, когнитивная модель, когнитивная семантика, компоненты фрейма, фразеологическая единица, фразеологическая семантика.

На современном этапе становления новой парадигмы научных исследований в языке когнитивная лингвистика представляет собой весьма перспективную область исследований.

Практически аксиомой в сегодняшней антропоцентрической лингвистике является утверждение о том, что исследование языка может способствовать освещению широкого круга вопросов, не попадавших в поле внимания традиционной лингвистики. Это, в частности, проблемы соотношения семантики языка с проецируемым в неё миром действительности, иными словами, корреляция языковых, семантических процессов с когнитивными.

Когнитивная лингвистика признаёт исключительную роль языка в процессах концептуализации и категоризации мира и рассматривает его как «средство доступа ко всем ментальным процессам, происходящим в голове человека и определяющим его собственное бытие и функционирование в обществе» [1, с. 9].

На пути к пониманию того, как структурируется опыт человека в его памяти и сознании, и как отдельные фрагменты знания представлены в единицах языка, весьма эффективным представляется обращение к такой глобальной единице когнитивной семантики, как концепт.

Предметом рассмотрения в данной работе являются способы объективации концепта «Управление» фразеологическими единицами современного английского языка. Проводя исследование значения фразеологических единиц в рамках антропоцентрической лингвистики, мы, вслед за Н. Ф. Алефиренко, полагаем, что когнитивная парадигма переводит исследование единиц вторичного знакообозначения на совершенно иной уровень познания [2].

Осмысление семантики или, точнее сказать, внутренней формы фразеологизмов, несомненно, предполагает исследование тех глубинных механизмов, которые представляют объекты и ситуации реальной действительности в человеческом сознании. К таким механизмам, несомненно, относится концепт.

Проводя анализ существующих концепций, рассматривающих сущность и природу концепта, отметим принципиально важные для данного исследования свойства концепта:

1. концепт – идеальная сущность, принадлежащая миру сознания, служащая для хранения и обмена информацией;
2. концепт обладает определённой нежесткой структурой, которую возможно исследовать с помощью концептуального анализа;
3. концепт не имеет чётких границ, динамичен, постоянно развивается;
4. концепт постоянно находится во взаимодействии и взаимосвязи с другими концептами;
5. наилучший доступ к содержанию концепта обеспечивает анализ средств его языковой объективации;

6. концепт вербализуется, но лексические средства способны передавать лишь часть концептуальных признаков.

Как видно из вышесказанного – концепт – весьма абстрактное понятие, сущность, не имеющая жесткой структуры в отличие от другой когнитивной структуры – фрейма.

Вопрос о структуре фреймов и соотношении концепта и фрейма остается во многом дискуссионным, но большинство исследователей соглашаются с тем, что сам концепт обладает нежесткой структурой, а для представления информации о его содержании используются различные когнитивные модели, наиболее распространенной из которых является фрейм.

В данной работе мы, вслед за В. Н. Телия, полагаем, что концепт – это всегда знание, структурированное во фрейм [3, с. 96]. Иными словами, фрейм является когнитивной моделью, имеющей концептуальные основания. Говоря о роли фреймов в исследовании значения фразеологизмов нельзя не согласиться с Н. Ф. Алефиренко в том, что концепт и фрейм соотносятся друг с другом как когнитивные механизмы порождения и понимания смысла идиомы, а фрейм является когнитивной основой понимания фразеологического значения и смысла всего фразеоцентрического высказывания [4, с. 88].

В настоящий момент существует большое множество трактовок и подходов к самому понятию фрейма. В рамках данной работы представим лишь основные свойства и качества фрейма как когнитивной модели:

- фреймы – концептуальные структуры, занимающие определенную область концептуального пространства (человеческого знания) [5; 6];
- во фрейм включается полный комплекс знаний о ситуации, объекте или событии, включая участников и обстоятельства [7; 8];
- перечисление всех входящих во фрейм признаков – крайне сложная, если вообще выполнимая, задача [7];
- фреймы связаны родовыми отношениями (inheritance): один фрейм (child) может входить в более крупный, родовой (parent) фрейм [9];
- внимание человека может фокусироваться на любом участке фрейма в зависимости от того, какая лексема его репрезентирует [10];
- фрейм представляет собой типизированное мысленное представление, «стереотип» объекта или ситуации, воссоздавая «идеальную» идею данного объекта или ситуации [7].

Последнее свойство фрейма представляется важным, поскольку отражает его когнитивный характер как структуры хранения знаний в памяти человека, модели, которая «имитировала бы интеллектуальную деятельность человека, воссоздавала бы систему обработки информации человеком и, соответственно, обладала бы высокой прогностической силой» [7, с. 20].

Основываясь на вышеизложенные свойства и характеристики фрейма, мы определяем фрейм управления как когнитивную модель стереотипной ситуации управления, имеющую концептуальные основания и определяющую семантические особенности вербализующих его фразеологических единиц.

Представляется, что моделирование структуры фрейма управления, репрезентируемого фразеологическими единицами, в виде набора обязательных и факультативных компонентов, присущих типичной ситуации управления, позволит не только получить некоторое представление о том, как структурированы знания об управлении в памяти человека, но и выявить ряд структурно-семантических особенностей данных единиц производной номинации.

Концепт «Управление» на языковом уровне представляют полностью или частично переосмысленные мотивированные и немотивированные фразеологические единицы *be in charge* – быть ответственным за что-либо, управлять, заведовать; *be in power* – быть у власти, находиться у власти, быть в чьих-то силах; *be in the saddle* – быть в седле, верховодить; *power behind the throne* – королевский приближенный, в руках которого сосредоточена реальная власть, серый кардинал; *queen bee* – первая дама; *boss around* – командовать, распоряжаться, отдавать распоряжения; *carry the ball* – нести всю ответственность; активно действовать; *call the tune/shots* – задавать тон, распоряжаться, хозяйничать; *clip someone's wings* – поставить кого-либо на место; *control the purse strings* – контролировать рас-

ходы, распоряжаться расходами; *have someone in one's pocket* – держать кого-либо в руках, держать кого-либо под своим влиянием; *have someone or something in one's hands* – владеть, распоряжаться, управлять, держать в руках; *whip hand* – перевес сил, власть, главенствующая позиция, господствующее положение; *hold all the aces* – быть хозяином положения, держать всё под контролем и целый ряд других.

Обращение именно к глагольным фраземам, вербализующим концепт, и, соответственно, фрейм «Управление» объясняется ведущей ролью глаголов в репрезентации всей ситуации управления, их способностью указывать своим значением на участников ситуации и её обстоятельства. В рамках когнитивного подхода к языку глагол рассматривается как знак ситуации, осуществляющий связь с ней человека и обеспечивающий доступ к когнитивной модели ситуации [11, с. 38]. Представляется, что подобное можно сказать и о фраземах с ведущим глагольным компонентом, поскольку, как справедливо отмечает А. П. Бабушкин, «фразеологизм и слово не отличаются друг от друга в концептуальном плане – за фразеосочетаниями стоят те же когнитивные структуры, что и за универбами: мыслительные картинки, фреймы, схемы и сценарии» [12, с. 93].

Как уже упоминалось выше, анализируя семантику фразеологизмов со значением управления, мы обратимся в данной работе к методам концептуального и фреймового анализа, широко применяемым в настоящее время в современной когнитивной лингвистике.

Фрейм «Управление», образуемый обязательными компонентами субъект, объект и предикат и факультативными цель, способ, средство, время, место и другими, моделируется на основании концептуального анализа, анализа фактического материала и лексикографических толкований фразеологизмов со значением управления.

При выявлении семантических особенностей каждой фраземы определяется набор тех компонентов и признаков фрейма, которые «профилируются», т.е. выдвигаются на первый план в структуре фрейма и находят регулярную объективацию на системном и функциональном уровнях языка.

Обратимся к семантическому анализу некоторых фразем, репрезентирующих фрейм «Управление».

В дефинициях фразеологизма *call the tune* – «задавать тон, хозяйничать» находим объективацию важнейшего признака концепта «Управление» – признака обладания властью: *call the tune – to be in a position of control or authority* [13, с. 204]. Употребление данной фраземы характерно для неформального стиля общения.

Подтверждение вышесказанному находим и на функциональном уровне:

"I'm saying this, Chuck, to remind you that it's the rich and powerful nations that call the tune around the world," continued the senator through a burgeoning cloud of pale blue cigar smoke [14].

В приведённом примере о неформальном характере беседы позволяет утверждать обращение сенатора к своему собеседнику по имени, а признак обладания властью эксплицитирован посредством прилагательного *powerful*.

Для фразеологизма *have someone in one's pocket* – держать кого-либо в руках, заставить кого-либо беспрекословно исполнять свои желания, характерно выдвижение на первый план в структуре фрейма признака обладания властью и акцентирование внимания на абсолютном характере такой власти: *have someone in one's pocket – to have complete control over someone* [15, с. 292].

В приводимом ниже примере полный контроль субъекта над находящимся в его власти лицом репрезентирован в прилегающем контексте:

John will do just what I tell him. I've got him and his brother in my pocket [15, с. 292].

Семантическую специфику фраземы *have someone or something in one's hands* обеспечивает «высвечивание» в структуре фрейма признака ответственности за выполняемые действия: *have someone or something in one's hands – to have control of or responsibility for someone or something* [15, с. 292].

Фразеологическая единица *pull the strings* акцентирует внимание на факультативном компоненте фрейма способ, подчёркивая, что действие, как правило, производится тайно.

Обратимся к её лексикографическому толкованию: *pull the strings – control a situation and the people in it, especially secretly* [13, с. 1200]. Лексикографические данные подтверждаются примерами из фактического материала, в частности, комбинаторикой с наречием *secretly*:

For generations they have been led to believe that Britain and America secretly pull the strings in their country [14].

Профилирование компонента способ в структуре фрейма характеризует семантику синонимичных фразем *rule someone/something with a rod of iron (iron rod/ iron hand/ iron fist)* – деспотически править, управлять железной рукой. Обратимся к их лексикографическим толкованиям: *rule someone/something with a rod of iron – to control someone or something in a very strict way* [13, с. 1302]; *rule with an iron fist – to rule in a very stern manner* [15, с. 572]. На функциональном уровне «высвечивание» деспотичного способа управления нередко сопровождается вербализацией таких факультативных компонентов фрейма «Управление» как сопутствующие обстоятельства, последствия и время, например:

The dictator ruled with an iron fist and terrified the citizens [15, с. 572].

My boss rules with an iron fist. I'm looking for a new job [15, с. 572].

Next Thursday Chileans will go to the polls to elect a successor to General Pinochet, who has ruled with an iron fist since the overthrow of Allende in 1973 [14].

Фразема *get/have someone under one's thumb* получает следующие толкования в лексикографических источниках: *to get control over someone* [15, с. 726] (контролировать кого-либо); *completely control* [13, с. 1563] (всцело контролировать). Анализ фактического материала демонстрирует, что помимо объективации ситуаций управления в сфере политики, бизнеса и т. д., данная фразема довольно часто репрезентирует ситуацию абсолютного подчинения мужа супругой при этом в предложении-высказывании, как правило, вербализуется факультативный компонент характеристика субъекта, например:

Auntie Julie was a bossy wee body and she had Uncle Geordie completely under her thumb [14].

Этот же компонент объективируется в семантике фразеологической единицы *be power behind the throne*. Приведем ее лексикографическое толкование: *be power behind the throne – be the person who controls the person who is apparently in charge*. В данном случае мы имеем дело с властью особого рода – с серым кардиналом, который по закону такой властью не обладает, однако реально контролирует человека, наделенного властью.

Обращение к анализу фактического материала позволяет добавить оттенки значения данной фраземы. Помимо словарного определения эта фразеологическая единица может означать просто обладание властью или обладание влиянием без наличия другого руководителя, например:

Sources say there were only really four companies behind COSE: Unix System Laboratories Inc, Hewlett-Packard Co, IBM Corp and Sun Microsystems Inc: beyond that, says the source, Santa Cruz Operation Inc. had to fight to get in and the Open Software Foundation was not a party to the negotiations; but the real power behind the throne, although it doesn't want it to appear that way, was of course Novell Inc [14].

Как видно оттенки в лексических значениях фразеологических единиц со значением управления объясняются динамичностью структуры фрейма, его способностью к переструктуризации, заключающейся в том, что во фреймовой модели профилируется отдельный участок когнитивной структуры (определённый набор компонентов и/или признаков), обеспечивающий семантическое своеобразие фразем.

Подводя итог проведенному анализу, отметим, что фрейм представляет собой ту когнитивную структуру, которая не только формирует значения фразеологических единиц со значением управления, но и обеспечивает их понимание. Метод фреймового анализа представляется одним из возможных методов выявления семантической специфики глагольных фразем, репрезентирующих концепт «Управление», поскольку позволяет моделировать характер отражения каждого фрагмента ситуации управления в структуре значения фразеологической единицы. Представляется, что данный подход предлагает новые возможности не только для исследования фразеологической семантики, но и для решения других задач, стоящих в настоящее время перед фразеологией.

Список литературы

1. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения: роль языка в познании мира. РАН, Ин-т языкознания / Е. С. Кубрякова – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 555 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Дискурсивно-когнитивные истоки семантики единиц вторичного знакообозначения // I Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» / Н. Ф. Алефиренко – М., 2001. [Электронный ресурс]. URL: http://www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/files/kogn_aspect.doc (дата обращения: 05.12.2010)
3. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия – М.: Яз. рус. культуры, 1996. – 288 с.
4. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм / Н. Ф. Алефиренко – М.: ООО Издательство «Эллис», 2008. – 271 с.
5. Croft W. Cognitive linguistics / W. Croft – Cambridge, U.K. ; N. Y. : Cambridge University press, 2004. – 356 p.
6. Taylor J. R. Introduction: New directions in cognitive lexical semantic research / J. R. Taylor, H. Cuckens, R. Dirven // Cognitive approaches to lexical Semantics. Berlin, – 2003. Vol. 23. P. 1– 3.
7. Беляевская Е. Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е. Г. Беляевская – М., 1992. – 401 с.
8. FrameNet II : Extended theory and practice ed. by J. Ruppenhofer, M. Ellsworth, M. R. L. Petruck, Ch. Johnson, J. Scheffczyk. 2006. FrameNet / University California Berkeley. – Berkeley, 2007. URL: http://framenet.icsi.berkeley.edu/index.php?option=com_wrapper&Itemid=126. (дата обращения: 01.10.2007).
9. Narayanan S. FrameNet Meets the Semantic Web: A DAML+OIL Frame Representation / S. Narayanan, Ch. J. Fillmore, C. F. Baker, M. R. L. Petruck // Proceedings of the Eighteenth National Conference on Artificial Intelligence, Canada, 2002. FrameNet / University California Berkeley. – Berkeley, 2007. URL: <http://framenet.icsi.berkeley.edu/papers/semwebl.pdf>. (дата обращения: 01.10.2007).
10. Reframing FrameNet Data / M. R. L. Petruck, Ch. J. Fillmore, C. F. Baker, M. Ellis, J. Ruppenhofer // Proceedings of The 11th EURALEX International Congress. – France, – 2004. P. 405– 416.
11. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 472 с.
12. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 104 с.
13. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Second edition. Macmillan. 2007. – 1748 p.
14. Simple Search of BNC-World / British National Corpus URL: <http://sara.natcorp.ox.ac.uk/lookup.html>. (дата обращения: 01.12.2013).
15. Spears R. A. McGraw Hill's Dictionary of American idioms / R.A. Spears. – McGraw-Hill. 2005. – 1080 p.

SEMANTIC PECULIARITIES OF THE IDIOMS VERBALIZING CONCEPT “MANAGEMENT” IN THE ENGLISH LANGUAGE

T. V. Perutskaya
Y. A. Drygina

*Belgorod National
Research University*

e-mail:
Perutskaya@bsu.edu.ru
drygina@bsu.edu.ru

This paper deals with some semantic peculiarities of the representation of the concept “Management” with idioms of the English language. Semantic peculiarities of these idioms are considered with the help of cognitive linguistics methods which help to reveal frame structure of the concept “Management”. Frame “Management” has two-level structure with obligatory and non-obligatory components. Each component profiles itself in the structure of the frame thus determining semantic peculiarities of every idiom.

Keywords: concept, frame, cognitive model, cognitive semantics, frame components, idiom, phraseological semantics.

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ОДОБРЕНИЕ/ПОХВАЛА» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

С. Н. Погожая

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
pogozhaya@bsu.edu.ru*

Данная статья посвящена специфике репрезентации концепта «Одобрение/Похвала», а также рассмотрению функционально-семантических особенностей именных лексем, вербализующих названный концепт в современном английском языке. В статье проводится дефиниционный анализ имен существительных, номинирующих одобрение и похвалу, рассматриваются комбинаторные возможности имен существительных и имен прилагательных, вербализующих концепт «Одобрение/Похвала».

Ключевые слова: этиология, когниция, концепт, эмоциональное состояние, похвала, одобрение.

Введение

На протяжении последних десятилетий лингвистика, как и многие другие науки, обращается к изучению инфраструктуры человеческого разума, уподобляемого информационной системе и тем самым приобретает новый образ, обусловленный ее когнитивной направленностью.

Благодаря когнитивной парадигме в лингвистике, был установлен когнитивный характер категории эмотивности, тогда же стало возможным и проникающее изучение категории эмотивности. Когнитология как наука о структуре знаний, их формирования, материализации трансляции тесно связана с этиологией – наукой о вербализации, выражении и коммуникации эмоций [7, с. 20].

Глубокое проникновение эмоциональности во все сферы жизни и познавательной деятельности обусловлено тем, что сознание человека способно не только объективно отражать действительность, но и оценить то, что познано. Наличие эмоциональной оценки дает нам информацию об изучаемом предмете, факте, каком-нибудь явлении, поскольку подобная оценка указывает на способность предмета вызывать у человека определенную чувственную реакцию. Характер такой реакции говорит о внутренних свойствах самого предмета [4]. Отсюда следует, что изучение эмоционального и оценочного в языке относится к одной из важных проблем языкознания.

Эмоции пронизывают язык, и, проводя любое лингвистическое исследование, на каком-то этапе мы, несомненно, сталкиваемся с определенным аспектом проявления в языке эмотивной функции.

Отметим, что любой опыт человечества, в том числе и эмоциональный, закрепляется в языковых единицах, и при их использовании в речи человек кодировано выражает и воспринимает эмоции. Связь эмоций и когниции, несомненно, позволяет нам исследовать и изучать различные эмоциональные состояния в рамках когнитивной лингвистики, в частности одной из ее областей знаний – концептологии, центральным понятием которой является концепт.

В фокусе внимания данной статьи находится концепт, передающий эмоциональные состояния одобрения и похвалы, а также функционально-семантические особенности именных лексем (имена существительные и прилагательные), вербализующих названные эмоции в современном английском языке.

Дефиниционный анализ лексем-номинантов одобрения, похвалы

Концепт «Одобрение/Похвала» представлен в английском языке существительными *approval, praise, approbation, appreciation, recognition* и адъективными лексемами *aplaudable, commendable, creditable, exemplary, good, laudable, deserving, meritorious, praiseworthy*.

Обратимся к словарным дефинициям имен существительных, репрезентирующих данный концепт:

Approval – a positive feeling that you have towards someone or smth. that you think is good or suitable (Macmillan);

Recognition – public respect and thanks (Longman); praise, respect or admiration (Macmillan);

Approbation – official recognition or approval (Longman);

Appreciation – recognition of the quality, value, significance, or magnitude of people and things; a favorable judgment; «a small token in admiration of your works» (FD);

Praise – an expression of strong approval or admiration (Macmillan); the act of expressing commendation, admiration, etc. (FD); the act of making positive statements about a person, object or idea, either in public or privately (Wikipedia); a verbal expression of admiration, approval, or respect; commendation (Wordsmyth).

Имена существительные *approval, approbation, appreciation, recognition*, номинируют одобрение в английском языке. Исходя из словарных дефиниций данных лексем, видно, что одобрение в английском языке представляет собой положительное чувство (*a positive feeling*), часто объясняемое через эмоции восхищения, уважения (*respect, admiration*), направленное на определенный объект, которому мы даем положительную оценку (*favorable judgment*). В свою очередь, похвала в английской лингвокультуре понимается не только как внутреннее состояние человека, но и как действие, словесное выражение положительной оценки субъектом определенного объекта, его свойств, качества и т. д., о чем свидетельствует лексикографическое толкование лексемы *praise*, являющейся основным номинантом похвалы в английском языке (*the act of making positive statements about a person, object; a verbal expression of admiration, approval, or respect*). В связи с этим отметим, что в настоящей статье мы рассматриваем те случаи выражения и описания похвалы, когда она представляет собой эмоциональное состояние, а не действие. В подобных ситуациях лексема *praise* часто сочетается со статальными предикатами *to be full of, to be filled with*, имеющими значение «*to feel, express, or show a lot of a particular emotion or quality*» (Longman), и глаголом *have*, что отражено в предложениях ниже:

(1) And **he is full of praise for the tough guys** who take his place (BNC).

(2) Reid also **had praise** for trainer Richard Hannon for whom he rode Swing Low last Saturday (BNC).

Исходя из вышеизложенного, в нашей работе мы рассматриваем похвалу и одобрение как родственные эмоциональные состояния, а имена существительные, номинирующие их в английском языке, в качестве синонимов.

Адъективные лексемы, представляющие концепт «Одобрение/Похвала», объединены в один синонимический ряд общим значением «*deserving praise and admiration*» (Macmillan, FD, Longman).

Сочетаемость свойства лексем-репрезентантов одобрения, похвалы

Проведенный нами дефиниционный анализ лексических единиц, номинирующих концепт «Одобрение/Похвала» в английском языке, безусловно, очень важен для выявления содержательных характеристик исследуемого концепта. Дефиниционный анализ ядерных лексем-номинантов позволяет установить базовую смысловую структуру концепта, а также особенности национально-культурного представления лексического значения его имени [1, с. 208; 2, с. 18; 3, с. 21].

Однако, анализ сочетаемости лексем, объективирующих концепт в языке, также дает возможность выявить некоторые составляющие концепта, ведь именно сочетаемость свойства лексем-репрезентантов и актуализируют концепт. В связи с этим далее рассмотрим комбинаторные возможности лексем-репрезентантов рассматриваемого концепта с целью определения его дополнительных содержательных элементов, а также, чтобы выявить какие характеристики, свойственные эмоциональным состояниям присущи одобрению и похвале.

Эмотивные прилагательные и существительные, репрезентирующие исследуемый в данной статье концепт, являются одними из основных средств вербализации одобрения (похвалы) в английском языке. Проведенный ранее дефиниционный анализ показал, что данные лексические единицы выражают субъективную положительную оценку определенных объектов (людей, их деятельность и достижения, качество определенных предме-

тов и т. д.), что, несомненно, позволяет нам рассматривать одобрение и похвалу как положительные эмоциональные состояния. Данный факт также подтверждают нижеприведенные примеры (3 – 5):

(3) Since being voted European Car of the Year in 1991, the Clio has attracted **warm praise** from numerous expert motoring journalists (BNC).

(4) Surprised to **find herself so ridiculously pleased by his approbation**, she was quickly distracted as Sophie — or was it Emma?— asked, ‘You and Uncle Ross aren't going to leave us, are you? (BNC)

(5) To begin to remedy this emotional block, start to notice when you are looking for **praise or recognition**, and in doing so, start talking about or bringing to someone else's notice something you have not done so well (BNC).

Так, в примере (3) лексема *praise* сочетается с прилагательным положительной семантики *warm*, в предложении (4) субъект испытывает чувство наслаждения и удовольствия от того, что он является объектом похвалы (*pleased by his approbation*), а в примере (5) сочетание лексем *praise* и *recognition* с глаголом *look for*, имеющим значение «*to hope to get something that you want or need*» (Macmillan), свидетельствует о том, что иногда человек нуждается в одобрении, похвале, что еще раз подчеркивает положительный характер данных эмоциональных состояний.

Говоря о комбинаторных возможностях лексем-номинантов одобрения / похвалы, отметим, что данные лексические единицы широко употребляются с глаголами *to win, to earn, to get, to deserve, to gain, to receive, to achieve, to show, to demonstrate, to express, to command, to elicit*:

(6) Najma **earns praise** of fans but not mum! (BNC)

(7) The aim is to design an integrated framework which will **gain the support and approval of employers**, professional bodies, and those delivering the awards (BNC).

(8) To those who do make a commitment of this kind the Commission **expresses its admiration and appreciation**, particularly in the light of the small salaries paid to most church musicians (BNC).

(9) They would be the first **to show their appreciation** (BNC).

(10) No brief summary can possibly do justice to the depth of the analysis; but it has already been tried out on some uncommonly hard-nosed customers, and **elicited their approbation** (BNC).

(11) It will be readily appreciated how important it is to agree on a name which reflects the separate identities (and vanities) of the firms involved without assuming Dickensian proportions and which at the same time **commands the approval of any public relations consultant** who has been engaged (BNC).

Вышеприведенные примеры (6-11) позволяют заключить, что одобрение (похвалу) можно заслужить, заработать (*earns praise of fans, gain the support and approval of employers*) за определенные поступки, достижения и т.д.; одобрение (похвалу) можно выразить как вербально, так и авербально (*the Commission expresses its admiration and appreciation, to show their appreciation*); всегда существуют определенные обстоятельства, причины, вызывающие одобрение (похвалу) (*elicited their approbation, commands the approval of any public relations consultant*).

Сочетания лексем *praise* и *approbation* с прилагательными *universal* («*involving everyone in the world or in a particular group*» (Longman), *widespread* («*existing among many people*» (Longman), а также обобщенным существительным *public* в нижеприведенных примерах (12 – 14) сообщают о том, что похвала и одобрение могут являться не только индивидуальной положительной оценкой различных объектов, но и общественной, выражающей мнение определенной группы людей:

(12) And this, after spending themselves to the last ounce, only within the last three weeks, and being greeted everywhere with roaring crowds and cheering streets and the appearance of **universal** applause and **approbation** (BNC).

(13) Earlier, Malcolm Pyrah had won the first Olympic Talent Spotters Championship on It's Me and, though he does not believe the small seven-year-old chestnut is potential Olympic material, he echoed the **widespread praise** for this new series of competitions (BNC).

(14) Organized Cadiz radicalism favoured the liberals throughout: from the public galleries the great liberal speeches received what an English observer called the '**loud approbation of the public**' (BNC).

Лексема *praise* употребляется в английском языке также для выражения хвалы, почитания Бога, что находит подтверждение как в словарных дефинициях лексемы *praise* («*the expression of respect and thanks to God*»; «*words or music worshipping God*»; «*the extolling or exaltation of a deity*») (Longman, Macmillan, FD), так и в примерах фактического материала:

(15) This is what they sang in **praise to God**: Blessed are all who fear the Lord, who walk in his ways (BNC).

(16) Jesus, the man of joy, leads his followers to be filled with thanksgiving and **praise to God** (BNC).

Говоря о психологических характеристиках эмоциональных состояний, следует отметить, что одобрению, присущи следующие характеристики: **интенсивность, постоянство/изменчивость, длительность/кратковременность, амбивалентность, приобретенность**. Проиллюстрируем это примерами фактического материала:

(17) In the meantime, however, he was most keen that the staff of his predecessor — a staff of which he had heard **high praise** — be retained at Darlington Hall (BNC).

(18) To be alone, to have nothing to think about except oneself...to have nothing more to do than to die without **a supreme approbation!** (BNC)

(19) But then it is all explained in the last paragraph, where Sir Kingsley gives **his highest praise to Clive James**, for heaven's sake (BNC).

Адъективные лексемы *high*, *supreme*, употребленные в примерах (17, 18) имеют значение «*the greatest possible*» (Longman) и в сочетаниях с лексемами, номинирующими эмоциональные состояния, описывают силу переживаемой субъектом эмоции. Так, сочетание *high praise* в примере (17) означает «*strong approval of someone or something*» (Longman). Исходя из этого, можно заключить, что похвала, одобрение, способные проявляться с различной силой в определенных ситуациях, обладают такими характеристиками как **интенсивность и экспрессивность**, о чем также свидетельствует сочетание лексемы *praise* с прилагательным в форме превосходной степени (*highest praise*) в примере (19).

На интенсивность предложения или высказывания, и, соответственно, на интенсивность самих эмоций, описываемых или выражаемых в этих высказываниях, также указывает наличие различных лексических интенсификаторов.

Следует отметить, что единственной функцией лексических интенсификаторов или наречий-интенсивов [6, с. 54 – 55] в эмоционально окрашенной речи можно считать повышение степени экспрессивности высказывания и что они не несут никакой информационной нагрузки [5, с. 79].

Подобные интенсификаторы очень распространены в высказываниях, выражающих одобрение (похвалу) в английской лингвокультуре. Наиболее частотными интенсификаторами, встречающимися при выражении одобрения (похвалы) являются наречия *very* и *highly*:

(20) `That's **very commendable** of you, Mrs Morey', said Daniel (BNC).

(21) Your speed in reporting, printing and distribution **is highly commendable** (BNC).

Проанализируем следующие примеры:

(22) "She's a **darned good** actress," Regie said. "God, she was wonderful in "The Playground". Absolutely exuded sex..." (Brain).

(23) 'The play's **awfully good**, isn't it?' (BNC)

Обратим внимание на то, что в высказываниях похвалы в функции интенсификаторов могут употребляться лексемы с негативной коннотацией, например, *darned* и *awfully* (22, 23). Причем, при этом предметом одобрения (похвалы) в подобных случаях является профессиональное мастерство человека (*a darned good actress*), качественный «продукт» человеческого труда (*the play's awfully good*), т. е. то, что всегда высоко оценивается в любой культуре.

Рассмотрим следующие примеры:

(24) She recalled Jacob's **constant praise** for Violette, the birthday presents they had bought for her together, his frequent trips to Switzerland (BNC).

(25) Take my moments and my days – Let them flow in **ceaseless praise** (BNC).

(26) She did not wish to **lose his approbation**; the Colonel and his wife were valuable, long-standing guests (BNC).

Вышеприведенные примеры (24 – 26) показывают, что одобрению (похвале) присущи такие противоположные друг другу характеристики как **постоянство/изменчивость, длительность/кратковременность**. На постоянство и длительность указывает употребление лексемы *praise* в предложениях (24, 25) с прилагательными *constant* и *ceaseless*, имеющими значение «*continuous or regular over a long period of time*» (Macmillan); «*continuing without stopping*» (Macmillan). А сочетание лексемы *approbation* с глаголом *to lose* («*to stop having a positive feeling, quality, attitude*» (Macmillan) в примере (26) наоборот, означает, что одобрение и похвала в некоторых ситуациях являются временным эмоциональным состоянием, человек может перестать переживать данные чувства в любой момент, что свидетельствует о наличии у одобрения (похвалы) таких характеристик как **кратковременность и изменчивость (непостоянство)**.

Еще раз отметим, что проведенный ранее дефиниционный анализ лексем-номинантов одобрения (похвалы) показал, что данные эмоциональные состояния относятся к классу положительных эмоций (*a positive feeling*). Однако примеры фактического материала позволяют сделать вывод об амбивалентности чувств одобрения и похвалы. Рассмотрим следующие предложения:

(27) The rest of the poem develops by a pattern of **mock praise** of poetic vices wherein "success" is failure and the slightest deviation from the stultifying norm is a clear sign that somebody's got poetic talent (BNC).

(28) Momus looked at him with **grudging approval** (BNC).

(29) **Grudging praise** for Labor's opponents could be diaries' killer blow (BNC).

(30) But it wasn't **fawning praise**, just crediting him for doing the right (BNC).

Как видно из вышеприведенных примеров (27-30), лексемы-номинанты одобрения (*approval*) и похвалы (*praise*) могут сочетаться с прилагательными *grudging*, *fawning*, *mock*, репрезентирующих в английском языке зависть (*grudging*), насмешку, лезть (*fawning*, *mock*), что свидетельствует о том, что одобряя и хваля определенные заслуги и достоинства людей, субъект может параллельно испытывать к данному объекту одобрения чувство зависти. Похвала может быть неискренней, лгостящей, притворной, которую субъект выражает только с определенной выгодой для себя, преследуя какую-либо цель, что позволяет нам отнести чувства одобрения и похвалы к ряду **амбивалентных** эмоциональных состояний, одновременно выражающих противоположные с точки зрения знаковости эмоции, направленные на один и тот же объект.

Следует упомянуть еще об одной психологической характеристике, свойственной эмоциям одобрения и похвалы, **приобретенности**. Одобрение и похвала не являются врожденными эмоциональными состояниями, а приобретаются в результате жизнедеятельности человека. Данные чувства возникают только благодаря определенным каузаторам, т.е. различным объектам (личностным качествам людей, их заслугам, поступкам, профессиональной деятельности и т. д.), положительной оценкой которых, они, собственно, и являются.

Основные группы каузаторов эмоциональных состояний одобрения и похвалы

Рассмотрим основные группы каузаторов одобрения (похвалы). Так, одобрение (похвалу) могут вызывать:

– Люди (*известные личности, деятели искусства, члены семьи и т.д.*)

(31) The next stage was to meet the family – two daughters and a son who, having read an **appreciation of du Maurier written by Forster**, felt confident enough to give the go-ahead for a full-scale biography (BNC). – *деятели искусства*

(32) The Judge, Mr Justice De Cunha said Mr Hayward had been an **exemplary husband** who'd cared for his wife around the clock (BNC). – *член семьи*

(33) Until 1960 nothing was known of it except a handful of historical references and a poem of 76 hexameter-lines **in praise of the church's founder, Anicia Juliana** (BNC). – известная личность;

– *внутренние качества, характер людей.*

(34) He said Evans had an **exemplary character** and it was inevitable that his 31 years of public service would end (BNC).

(35) Mme Guérigny once told me that Jean-Claude's weakness was in part due to his **exemplary sensitivity** and in part to the damp in the cave, which had affected his lungs and his joints (BNC).

(36) The scientists hope to try again today, which shows **commendable patience** (BNC);

– *профессиональная деятельность людей, их заслуги, достижения, способности, таланты.*

(37) **She** was credible and **creditable** and played well the transformation from gauche, unworldly girl to dignified lady (BNC). – *профессиональная деятельность, талант*

(38) So far, last month's Hennessy Gold Cup runner-up boasts a **very creditable nine victories** from 17 races, but the sternest tests are still to come (BNC). – *профессиональные достижения*

(39) One of my many dear children earned himself a **creditable degree in environmental sciences** a couple of years ago (BNC). – *достижение, заслуга;*

– *поведение людей в различных трудных и опасных ситуациях, определенные поступки, правильный образ жизни.*

(40) THE captain of the USS Vincennes, which shot down the Iranian airbus, has been awarded a medal for **exceptionally meritorious conduct** (BNC). – *поступок, совершенный в опасной ситуации*

(41) I congratulate the deceased's son who **acted with commendable promptness and courage** and did everything possible to try to save his father's life (BNC). – *поведение в трудной ситуации*

(42) His influence was mainly due to **his exemplary life**, powerful preaching, pastoral ministry and devotional books (BNC). – *образ жизни;*

– *определенные цели, намерения, усилия людей.*

(43) **Carter's intentions were**, in many ways, **laudable** and he had some successes, notably in bringing an Israeli-Egyptian peace treaty in 1978 (BNC). – *намерения*

(44) **The government's praiseworthy efforts** to improve efficiency in health and education have been undermined by too little cash (BNC). – *усилия, старания*

(45) This is a **commendable aim** (BNC). – *цель;*

– *результаты человеческого труда (произведения искусства, любой продукт умственной или физической деятельности человека).*

(46) The eighteenth-century pieces enable one to compare the fabled high quality of French cabinet-making with the sometimes **creditable products of Italian craftsmanship** (BNC). – *искусство, результат физической деятельности*

(47) The literature units foster a critical awareness and **appreciation of contemporary writings in Irish** (BNC). – *искусство, результат умственной деятельности*

(48) I've nothing much to add to **Mark's exemplary report of the game** (BNC) – *результат умственной деятельности;*

– *политическая деятельность представителей власти различных государств, особенности, традиции определенных наций.*

(49) It was disquieting how many **aspects of America he found praiseworthy**, once he had returned home (BNC). – *особенности определенной страны*

(50) The IMF has, rather fulsomely, praised Vietnam's economic policies as an **exemplary reform programme** (BNC). – *государственная реформа*

(51) "LE PREZIOSE" is a term of **praise for Italians** and means quite simply "The Precious Ones" which perfectly describes the quality and "specialness" of this new range of pasta (BNC). – *заслуги определенной нации*

Как видно, каузаторами одобрения (похвалы) являются люди и все с ними связанное, что свидетельствует о том, что данные эмоциональные состояния всегда направлены на человека, либо его деятельность, определенные заслуги.

Заключение

В данной статье мы попытались рассмотреть специфику вербализации концепта, передающего эмоциональные состояния одобрения и похвалы. Результаты проведенного нами дефиниционного анализа, а также анализа сочетаемостных свойств лексем-репрезентантов одобрения и похвалы в современном английском языке позволили нам сделать следующие выводы:

1) Одобрение и похвала являются рационализированными чувствами, представляющими собой индивидуальную или общественную положительную оценку личностных и профессиональных качеств людей, таланта, деятельности человека, его заслуг и достижений;

2) Чувства «одобрение/похвала» обладают следующими психологическими характеристиками, свойственными эмоциональным состояниям: интенсивность, экспрессивность, приобретенность, изменчивость/постоянство, кратковременность/длительность, амбивалентность;

3) Одобрение и похвала в определенных ситуациях могут одновременно переживаться с некоторыми отрицательными эмоциональными состояниями, такими как «насмешка», «лесть», «зависть»;

4) Сочетаемостные свойства лексических единиц, репрезентирующих концепт «Одобрение/Похвала», свидетельствуют о том, что чувства одобрения и похвалы не возникают сами по себе, их можно заслужить за определенную деятельность, поступки, достижения и т.д.; данные чувства имеют как вербальные, так и невербальные способы выражения.

Список литературы

1. Воркачев С. Г. Культурно-языковая специфика концепта любви в русском и испанском языках: опыт этносемант. анализа / С. Г. Воркачев // Язык и антропологические сущности / КубГУ ; под ред. Г. П. Немца. – Краснодар, 1997. – С. 192 – 216.
2. Красавский Н. А. Лингвистические методы исследования эмоциональной концептосферы / Н. А. Красавский // Лингвистические парадигмы: традиции и новации: материалы междунар. симп. молодых ученых «Лингвист. панорама рубежа веков», Волгоград, 23 – 25 мая 2001 г. / Акад. соц. наук, Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2000. – С. 18 – 27.
3. Панченко Н. Н. Средства объективации концепта «обман»: на материале англ. и рус. языков: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – Волгоград, 1999. – 236 с.
4. Разинкина Н. М. Стилистика английской научной речи: элементы эмоционально-субъективной оценки / Н. М. Разинкина. – М. : Наука, 1972. – 168 с.
5. Селяев А. В. Сопоставительный анализ лингвистических средств выражения положительных и отрицательных эмоций в британском и американском вариантах английского языка: дис. канд. ... филол. наук : 10.02.04 / А. В. Селяев. – Н. Новгород, 1995. – 211 с.
6. Туранский И.И. Средства интенсификации высказывания в английском языке / И. И. Туранский. – Куйбышев: Изд-во гос. пед. ин-та, 1987. – 78 с.
7. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский ; Ин-т языкознания РАН, Волгогр. гос. пед. ун-т [и др.]. – Волгоград : Перемена, 2008. – 419 с.

THE PECULIARITIES OF REPRESENTATION OF CONCEPT «APPROVAL/PRAISE» IN MODERN ENGLISH

S. N. Pogozhaya

**Belgorod National
Research University**

e-mail:

pogozhaya@bsu.edu.ru

The article deals with the representation of concept «Approval/Praise» by nouns and adjectives in Modern English and functional and semantic peculiarities of the lexemes representing the named concept. Here the definition analysis of the nouns nominating concept «Approval/Praise» is carried out, combinability of the nouns and adjectives representing praise and approval in Modern English is studied.

Keywords: emotiology, cognition, concept, emotional state, praise, approval.

УДК 811.11:811.16:81 373

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ АКТУАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ КОНЦЕПТ «ПУТЕШЕСТВИЕ»

О. Н. Прохорова
Е. М. Шевченко

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
prokhorova@bsu.edu.ru
shevchenko_em@bsu.edu.ru*

Статья посвящена когнитивному анализу актуального значения ФЕ, репрезентирующих концепт «Путешествие», с помощью концептуальных метафор, лежащих в основе внутренней формы ФЕ. Основное внимание авторы уделяют когнитивному моделированию актуального значения фразеологических единиц с помощью метаязыка фреймов.

Ключевые слова: фразеологическая единица, внутренняя форма, концепт, фрейм, слот, когнитивное моделирование.

Введение

Известно, что стержневым компонентом актуального значения фразеологической единицы (ФЕ) является внутренняя форма (ВФ), в основе которой лежит образность. В свете традиционной фразеологии значение ФЕ формируется в результате вторичной номинации, то есть оно становится переносным. В настоящее время широкое распространение получила теория концептуальной метафоры, в рамках которой метафора перестала быть тропом речи, основанном на переносном значении, а стала рассматриваться как результат деятельности человеческого разума. Иными словами, значение не «переносится», а порождается в результате операций над знаниями. Формирование нового актуального значения ФЕ происходит в результате концептуальных преобразований во фреймах и слотах, что нашло свое отражение в теории Ч. Филлмора (1988), которая соотносит ФЗ с «определенными когнитивными контекстами или блоками знания», необходимыми для их понимания. Фреймовое представление актуального значения ФЕ способствует пониманию, будучи соотносимым с различными блоками знания, которые по результатам многочисленных исследований в области когнитивной фразеологии (Н. Ф. Алефиренко, А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, В. М. Мокиенко, О. Н. Прохорова, И. В. Чекулай и другие ученые), могут рассматриваться как: «cognitive domains», ментальные пространства, фреймы. С учетом того, что знания структурируются фреймом, мы считаем возможным формальное описание актуального значения ФЕ с помощью фреймов, опираясь на модель когнитивного описания идиом, разрабатываемую А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским. Данная модель предложена авторами с целью исследования «семантики метафоризации», которая предполагает описание содержания области-источника и области-цели, а также изучения «синтагматики когнитивных операций», направленной на описание процессов, происходящих при порождении актуального значения метафор при взаимодействии знаний [2, с. 226]. Семантическое исследование на уровне когнитивного моделирования позволяет применить фреймовый подход к изучению языковых значений и структур знания. Фреймовый анализ проливает свет не только на лингвистические, но и экстралингвистические знания человека.

Поскольку фрейм можно рассматривать как способ организации различных типов концептов, отличающихся по уровням сложности, мы моделируем актуальное значение ФЕ, репрезентирующих концепт «Путешествие», основываясь на фреймовом подходе. Фрейм мы рассматриваем как когнитивную модель организации знаний о стереотипной ситуации, организующей определенное концептуальное пространство, лежащее в основе значения ФЕ [1, с. 89].

Понятие когнитивного моделирования и его терминологического аппарата

Под когнитивным моделированием порождения актуального значения ФЕ, объективирующих концепт «Путешествие», мы понимаем «формализованное представление процесса порождения актуального значения ФЕ с помощью метаязыка фреймов и операций над ними». В свою очередь актуальное значение ФЕ представляет собой «образовавшуюся в результате метафорического или метонимического переноса семантическую структуру, которая наследует и инкорпорирует определенные черты исходного фрейма или сценария, стоящую за ФЕ» [2, с. 112]. Актуальное значение ФЕ основано на ВФ, влияние которой на актуальное значение можно проследить, опираясь на концептуальный аппарат когнитивной лингвистики-фреймы и сценарии.

Обращаясь к терминологии когнитивного моделирования, представляется необходимым пояснить, что мы подразумеваем под когнитивной моделью. Данное понятие применяется в когнитивной лингвистике в том же понимании, что и в языкознании:

- искусственно созданное лингвистом реальное или мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее своим поведением (обычно в упрощенном виде) поведение какого-либо другого («настоящего») устройства в лингвистических целях;
- образец, служащий эталоном для массового воспроизведения; то же, что «тип», «схема», «парадигма», «структура» [4, с. 304].

Когнитивная модель предполагает иконическое отражение мыслительных процессов в языковых структурах, а «семантические представления суть тени лежащих в их основе мыслительных структур...» [3, с. 239]. Структуру когнитивной модели можно представить в виде пропозициональных моделей (моделей-предложений), образов-схем (images-schemes), метафорического отображения (представляет абстрактную область через конкретную), метонимического отображения (соотношение части и целого).

Рассматриваемые схемы, модели можно представить формальным языком когнитивного моделирования, опираясь на ключевые когнитивные операции. Согласно теории когнитивного моделирования различают следующие базовые когнитивные операции [2, с. 230]: **введение, элиминация, высвечивание, повторение**. Опишем формирование актуального значения ФЕ в терминах когнитивного моделирования:

Введение одной когнитивной структуры в другую $Int(CS_1, CS_2)$, Int —двухместный предикат, CS_1 — когнитивная структура, которая вводится в когнитивную структуру CS_2 .

Элиминация когнитивной структуры $El(CS_i, CS_2)$, El —двухместный предикат, CS_1 — когнитивная структура, которая выводится из состава когнитивной структуры CS_2 .

Высвечивание когнитивной структуры $HI(CS)$, HI — одноместный предикат; CS — когнитивная структура, которая переводится из долговременной памяти когнитивной системы в оперативную.

Повторение когнитивной структуры $Rep(CS)$, Rep — одноместный предикат. Операция **повторения (Rep)** довольно распространена при формировании актуального значения многих ФЕ, репрезентирующих концепт «Путешествие».

Операции когнитивного моделирования актуального значения фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «Путешествие»

Таблица 1

Операция Int (введения) при порождении актуального значения ФЕ

Название операции	Область Действия операции	Формальное представление операции	Результат операции
Введение слота во фрейм	Фрейм; слот	$IntSlot(Slot, Frame)$, $IntSlot$ — двухместный предикат; $Slot$ — переменная для слота, $Frame$ — переменная для фрейма	Фрейм $Frame$ содержит слот $Slot$

Важно отметить, что операция **введения** (Int) осуществляется над фреймами, слотами и собственно содержанием фреймов. Сущность ее заключается в том, что под ее воздействием не происходит порождение новых слотов, а возникает введение нового содержания в одноименный слот [2, с. 232]. Это соответствует «принципу инвариантности» (Дж. Лакофф) в теории концептуальной метафоры, который гласит, что метафора перестраивает фрейм-цель в соответствии с фреймом-источником. Таким образом, происходит перенос определенного концептуального содержания из фрейма-источника в результирующий фрейм.

Таблица 2

Операция EI (элиминации) при порождении актуального значения ФЕ

Название операции	Область действия операции	Формальное представление операции	Результат операции
Элиминация знания	Слот, фрейм; знание	$EIKn(Kn, Slot, Frame)$, $EIKn$ – трехместный предикат; Kn – переменная для знания, $Slot$ – переменная для слота фрейма, $Frame$ – переменная для фрейма	Слот Slot фрейма Frame не содержит знание Kn

Следующая когнитивная операция – **элиминация** (EI) предполагает уничтожение одного или нескольких слотов или их содержания. В формальном представлении элиминация выглядит следующим образом: одна когнитивная структура (CS_1) выводится из состава другой когнитивной структуры (CS_2). Таким образом, актуальное значение ФЕ формируется в результате операции над фреймом-источником. Данная операция наиболее характерна для ФЕ, ВФ которых включает отрицание, однако ее проведение возможно при удалении наиболее типичного содержания слота [2, с. 234].

Рассмотрим данную когнитивную операцию на примере. Так, путешествие предполагает пребывание вне пределов знакомого освоенного пространства. Анализ контекстов, в которых употребляется, к примеру, ФЕ no fixed address указывает на негативное отношение носителей языка к человеку «без постоянного места жительства», что в метафорическом переосмыслении означает «постоянно нахождение вне пределов родного дома», так как дом занимает весомую нишу в жизни англичан.

26 year old Christopher Gore, is a former Bath University student, described as having no fixed address [6].

26-year-old George John Stacey, who's of no fixed address, returned to Britain at the weekend after waiving his right to appeal against extradition [6].

No fixed address

Фрейм-источник: HOME

Фрейм-цель: TRAVEL

Операция 1: $H1 Kn (Kn_1[fixed], Slot_1[address], Frame_1[home])$

В результате первой операции в слоте «address» фрейма HOME высвечивается содержание «fixed».

Операция 2: $EIKn(Kn_2[no fixed], Slot_2[location], Frame_1[путешествие])$

На данном этапе происходит элиминация содержания слота «address» во фрейме HOME.

Операция 3: $RepKn(Kn_1[fixed], Slot_1[address], Frame_1[home], Slot_2[location], Frame_2[travel])$.

Последняя операция заключается в повторении содержания слота «address» исходного фрейма HOME повторяется в слоте «location» фрейма-цели TRAVEL.

Другая когнитивная операция – **высвечивание**, которая получила широкое распространение при формировании актуального значения ФЕ, предполагает выделение наиболее актуальной части фрейма. Мы не считаем необходимым дифференцировать слот и содержание слота при проведении данной когнитивной операции, поскольку сложно провести грань между слотом и его содержанием. «Высвечивание слота автоматически влечет высвечивание его содержания» и наоборот [2, с. 240].

Таблица 3

Операция HI (высвечивания) при порождении актуального значения ФЕ

Название операции	Область действия операции и ее объект	Формальное представление операции	Результат операции
Высвечивание (HI)	Фрейм; слот, подфрейм	HI Slot/Sub-Frame (Slot/Sub-Frame, Frame), HISlot — двухместный предикат; Slot — переменная для слота, Sub-Frame — переменная для подфрейма; Frame — переменная для фрейма	Слот Slot или подфрейм Sub-Frame фрейма Frame a

Иллюстрацией когнитивной операции **высвечивания HI** служит следующий пример: **ФЕ travel bodkin** – «ехать стиснутым между двумя пассажирами» основано на образе «шпильке» – тонкой детали женской одежды и обуви.

Операция 1: $HIKn(Kn_1[bodkin], Slot_1[женский\ аксессуар], Frame_1[одежда])$

В результате первой операции высвечивается содержание «bodkin» слота «женский аксессуар» фрейма ОДЕЖДА.

Операция 2: $IntKn(Kn_2[travel], Slot_2[way], Frame_2[travel])$

На данном этапе происходит введение содержания «travel» в слот «way» во фрейме TRAVEL.

Операция 3: $RepKn(Kn_1[bodkin], Slot_1[женский\ аксессуар], Frame_1[одежда], Slot_2[way], Frame_2[travel])$.

На заключительном этапе содержание слота «женский аксессуар» исходного фрейма ОДЕЖДА повторяется в слоте «way» фрейма-цели TRAVEL.

Мы моделируем актуальное значение ФЕ, репрезентирующих концепт «Путешествие», с доменом-целью «путешествие», при этом доменом-источником выступают различные области концептуализации. Следует отметить, что зачастую имеет место вторичная концептуализация, поскольку путешествие и его аспекты зачастую выступают источником собственной метафоризации.

Таблица 4

Операция Rep (повторения) при порождении актуального значения ФЕ

Название операции	Сфера действия операции	Формальное описание операции	Результат операции
Повторение содержания слота в слоте другого (Rep)	Слот, фрейм; знание	$Rep Kn (Kn, Slot_1, Frame_1, Slot_2, Frame_2), RepKn$ — пятиместный предикат, где ; Kn — знание, содержащееся в Slot ₁ фрейма Frame ₁ , Slot ₂ это слот Frame ₂ , в котором повторяется содержание Kn	Слот Slot ₂ фрейма Frame ₂ содержит знание Rn

Суть когнитивной операции – **повторение (Rep)** заключается в транслировании преобразований, происходящих во фрейме – источнике на фрейм-цель. Данная операция имеет место преимущественно при взаимодействии между двумя фреймами (an old salt) .

Очевидно, что актуальное значение ФЕ базируется на концептуальной метафоре, которая связана с перекодированием замысла в речевую структуру. Метафора с точки зрения когнитивной лингвистики определяется как базовая ментальная операция, основной способ концептуализации и категоризации. Теоретические основы концептуальной метафоры были заложены представителями когнитивной теории концептуальной метафоры (Лакофф, Джонсон). Человек структурирует окружающую действительность, используя *idealized cognitive models* [7]. Иными словами, концептуальные метафоры и метонимии являются не только одним из продуктивных средств образования ФЕ, но структурируют наш язык, восприятие, отношение, мысли и действия, «корни – в нашем опыте» [7, с. 127]. Мы обратимся к метафорическим моделям, которые лежат в основе концепта «Путешествие» как домена-цели.

Итак, для категоризации окружающей действительности часто используются метонимические и метафорические модели. В данной статье мы используем метафорическое или метонимическое переосмысление ФЕ. Однако использование образов-схем на основе метонимии недостаточно распространено и исследовано. Следует отметить, что сущность

различий между метафорическим и метонимическим переносом состоит в количестве задействованных в процессе формирования актуального значения ФЕ фреймов. При метафорических преобразованиях участвуют фрейм-источник и фрейм-цель, а при метонимических – когнитивные преобразования происходят в рамках одного фрейма. Так, например, ФЕ *travel light* означает «путешествовать налегке». Данное значение основано на метонимии, отличие которой от метафоры заключается в том, что концептуальные преобразования происходят в пределах одного фрейма. Фрейм «Путешествие» со слотом «способ путешествия» заполняет содержание «light»:

Операция 1: $H1 Kn (Kn_1[light], Slot_1[способ\ путешествия], Frame_1[путешествие])$.

На первом этапе происходит высвечивание содержания «light» слота «способ путешествия» фрейма «Путешествие».

Операция 2: $Rep Kn (Kn_1[light], Slot_1[способ\ путешествия], Slot_2 [багаж], Frame_1[путешествие])$.

Содержание терминала «способ путешествия» фрейма «Путешествие» повторяется в терминале «багаж» того же фрейма. Таким образом, возникает актуальное значение «путешествовать налегке».

Другая ФЕ наглядно демонстрирует метафорические преобразования. ФЕ *live out of a suitcase* означает «много путешествовать», человек, который много путешествует, живет по-походному, переезжает с места на место, постоянно пребывает в «чемоданном» настроении.

Sarah`s new job involves so much travelling that she lives out of a suitcase most of time [5].

Идея «жизни на чемоданах» мотивирует семантику многочисленных путешествий, представленных в актуальном значении ФЕ.

Во фрейме ЖИЗНЬ и фрейме «Путешествие» есть одноименные слоты, в частности, «локализация в пространстве». Наполнение данного слота во фрейме ЖИЗНЬ происходит за счет дополнительного нехарактерного содержания из фрейма «Путешествие» типа «чемодан», входящего в факультативный слот «багаж». Очевидно, что метафора не порождает данные слоты у результирующего фрейма, а вводит новое содержание в одноименный слот. Таким образом, происходит перенос определенного концептуального содержания из фрейма-источника в результирующий фрейм.

Обратимся к моделированию актуального значения довольно обширной группы ФЕ, репрезентирующих концепт «Путешествие», в основе которых лежит древнейшие прототипы движения, перемещения в пространстве, путешествия.

Анализ фактического материала показал, что в основе многих ФЕ, объективирующих концепт «Путешествие», лежит метафора «движение ног», как, например, ФЕ *an albatross/ a wandering albatross*, связанная с номинацией путешествующего субъекта – «заядлый путешественник». Мы относим данную ФЕ к метафоре «движения ног», поскольку сама семантика глагола *wander* имплицитно указывает на данную метафору. Опишем формирование актуального значения данной ФЕ в терминах когнитивного моделирования.

A wandering albatross

Фрейм-источник: ALBATROSS

Фрейм-цель: TRAVEL

Операция 1: $H1 Kn (Kn_1[traveller], Slot_1[субъект\ путешествия], Frame_1[travel])$

В результате первой операции высвечивается содержание «traveller» слота «субъект путешествия» фрейма TRAVEL.

Операция 2: $IntKn(Kn_2[сходство\ с\ путешественником], Slot_2[перемещение\ в\ пространстве], Frame_2[albatross])$.

На данном этапе происходит введение содержания «сходство с путешествием» в слот «перемещение в пространстве» во фрейме TRAVEL.

Операция 3: $ElKn(Kn_1[traveller], Slot_1[субъект\ путешествия], Frame_1[travel])$.

Из фрейма TRAVEL элиминируется содержание «traveller» слота «путешествующий субъект».

Операция 4: $IntKn(Kn_1[=0], Kn_2[Frame_2[albatross]], Slot_1[субъект\ путешествия], Frame_1[travel])$.

Содержание фрейма ALBATROSS вводится в слот «субъект путешествия» фрейма TRAVEL.

Операция 5: $HKn(Kn_3[wandering[Kn_2[Frame_2[albatross]], Slot_1[субъект путешествия], Frame_1[travel], Slot_3[путешествие пешком], Frame_1[travel]])$.

На заключительном этапе высвечивается идея странствующего субъекта, который в результате когнитивных операций замещается альбатросом.

Проведенный анализ позволяет осмыслить механизм формирования актуального значения исследуемой ФЕ: «человека много путешествующего, странствующего». В данном толковании можно наблюдать эксплицитную и имплицитную техники толкования ВФ, поскольку эксплицитно употребляется отлагольная лексема «wandering», а имплицитная часть передана уподоблением путешественника альбатросу, подчеркивая стремление путешественника к перемещениям.

Подобные когнитивные операции лежат в основе другой ФЕ a globe-trotter, которая номинирует много путешествующего человека и обязана своим происхождением глаголу trot – «идти рысью». Таким образом, в ее основе лежит образ «преодолевать расстояние рысью», то есть «много путешествовать».

Мир движений тела богат и разнообразен, помимо «движений ног» в качестве домена-источника ФЕ, репрезентирующих концепт «Путешествие», можно выделить метафору «движение рук», к примеру,

ФЕ catch a plane.

Фрейм-источник: MAN

Фрейм-цель: TRAVEL

Операция 1: $HKn(Kn_1[catch], Slot_1[human physical ability], Frame_1[man])$.

В результате первой операции высвечивается содержание «catch» слота «human physical ability» фрейма MAN.

Операция 2: $IntKn(Kn_2[plane], Slot_2[transport], Frame_2[travel])$.

На данном этапе происходит введение содержания «plane» в слот «transport» во фрейме TRAVEL.

Операция 3: $RepKn(Kn_1[catch], Slot_1[human physical ability], Frame_1[man], Slot_2[transport], Frame_2[travel])$.

На заключительном этапе содержание слота «human physical ability» исходного фрейма MAN повторяется в слоте «transport» фрейма-цели TRAVEL.

Сходную модель порождения актуального значения имеют ФЕ: to catch a boat, to catch a train, to take ship. Так, например, ФЕ hit the road/the trail/the grit/ the pike – «начать путешествие; пуститься в путь; отправиться куда-либо; пойти по дороге» основано на образе «ударять по дороге», поскольку глагол hit можно отнести к группе глаголов «нанесение удара». Таким образом, такой аспект путешествия как дорога выступает областью-источником.

Операция 1: $HKn(Kn_1[hit], Slot_1[human physical ability], Frame_1[man])$.

В результате первой операции высвечивается содержание «catch» слота «human physical ability» фрейма MAN.

Операция 2: $IntKn(Kn_2[road], Slot_2[way], Frame_2[travel])$.

На данном этапе происходит введение содержания «road» в слот «way» во фрейме TRAVEL.

Операция 3: $RepKn(Kn_1[hit], Slot_1[human physical ability], Frame_1[man], Slot_2[way], Frame_2[travel])$.

На заключительном этапе содержание слота «human physical ability» исходного фрейма MAN повторяется в слоте «way» фрейма-цели TRAVEL.

Аналогичным образом образуются ФЕ, в основе которых лежит метафора ПУТЕШЕСТВИЕ КАК ПОЗНАНИЕ ЧЕГО-ТО НОВОГО, поскольку взаимодействие происходит между двумя фреймами различными по структуре: **Фрейм-источник** MAN и **Фрейм-цель** TRAVEL.

Фрейм-источник: MAN

Фрейм-цель: TRAVEL

see the world

Операция 1: $HKn(Kn_1[see], Slot_1[human physical ability], Frame_1[man])$.

В результате первой операции высвечивается содержание «see» слота «human physical ability» фрейма MAN.

Операция 2: IntKn (Kn₂[world], Slot₂[location], Frame₂[travel]).

На данном этапе происходит введение содержания «plane» в слот «transport» во фрейме TRAVEL.

Операция 3: RepKn(Kn₁[see], Slot₁[human physical ability], Frame₁[man], Slot₂[world], Frame₂[travel]).

На заключительном этапе содержание слота «human physical ability» исходного фрейма MAN повторяется в слоте «location» фрейма-цели TRAVEL. В результате мы получаем новое совокупное значение «повидать свет, увидеть мир, много путешествовать».

Ментальный образ ФЕ see the world обнаруживает корреляцию с прямым значением компонентов see и world, но никак не связан со значением «смотреть мир, путешествовать».

Заключение

Проведенный анализ позволяет говорить о «наивном понимании» исследуемого концепта, то есть «реально используемом человеком во время мышления» [2, с. 411]. Фактический материал показывает, что можно выделить общие и специфические метафорические модели концепта «Путешествие». Мы выявили различные типы продуктивных метафорических моделей, однако некоторые оказались непродуктивными, в силу малочисленной представленности ФЕ, а также высокой степени абстрактности. Интересно отметить, что в случае метафорического осмысления концепта «Путешествие» как домена-цели имеет место вторичная внутриконцептуальная метафора, так как областью-источником выступает движение, перемещение, путешествие. Когнитивное моделирование актуального значения ФЕ, репрезентирующих концепт «Путешествие», возможно на основе образной составляющей, которая включена в основу любой метафорической модели и влияет на семантику и прагматику ФЕ. «Когнитивные области» или «блоки знания», формирующие актуальные значения ФЕ, развивают свое переносное значение на основе древних прототипов, лежащих в нашем сознании. Фреймовый подход позволяет пролить свет на выбор того или иного признака, выступающего внутренней формой ФЕ. Таким образом, декодирование генетических прототипов позволяет вскрыть фоновые знания об истории, быте, традициях и нравах, то есть о многогранной культуре народа.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм / Н. Ф. Алефиренко. – М.: ЭЛПИС, 2008. – 271 с.
2. Баранов А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
3. Кибрик А. Е. Об автоматизации диалогового поведения экспертных систем / Е. А. Кибрик // [3-МФ РЯ] [1-МФ РЯ] Машинный фонд русского языка: Идеи и суждения / Ред. коллегия: академик А.П.Ершов, отв.ред. член-корреспондент АН СССР Ю. Н. Караулов, к.ф.н. В. М. Андрищенко.; Тез. Ч.І. – М.: Наука, 1989. – С. 162 – 164.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / [науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.», Ин-т языкознания АН СССР]; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
5. ABBYY Lingvo CD'12 [Electronic resource]: dictionary: ABBY Software, 2008. – 1 CD-ROM.
6. British National Corpus. Simple Search of BNC-World [Electronic resource] / University of Oxford. – Oxford, 1992. – Mode of access: <http://sara.natcorp.ox.ac.uk/>
7. Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980. – 276 p.

COGNITIVE MODELING OF PHRASEOLOGICAL UNITS` ACTUAL MEANING, REPRESENTING CONCEPT «TRAVEL»

O. N. Prokhorova
E. M. Shevchenko

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
prokhorova@bsu.edu.ru
shevchenko_em@bsu.edu.ru*

The article is dedicated to the cognitive modeling of phraseological units` actual meaning, representing concept «Travel» with the help of metaphors, underlying the internal form of phraseological unit. In the spotlight is the cognitive modeling of phraseological units` actual meaning with meta first frame.

Keywords: phraseological unit, internal form, concept, frame, slot, cognitive modeling.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ (УЧЕБНОЙ) БЛОГОСФЕРЫ

Я. В. Трепак

*Московский государственный
университет
им. М.В. Ломоносова*

*e-mail:
yanatrepak@gmail.com*

В данной статье анализируются лингвостилистические особенности англоязычной академической блогосферы. При анализе данных особенностей можно выделить три вида текста, а именно полемику, задания преподавателя, ответы учащихся на эти задания. Последние два вида текста относятся к подготовленным, полемика – к спонтанному, неподготовленному общению. Наличие данных трех видов дискурса в академической блогосфере определяет ее лингвостилистические особенности, а именно: 1) объединение или слияние письменной и устной речи; 2) полифония АБ или признаки монологической, диалогической и полилоговой речи; 3) языковая экономия; 4) языковая избыточность; 5) аграмматизм (нарушение правил грамматики и орфографии); 6) межфразовые скрепы.

Ключевые слова: интернет-дискурс, академическая блогосфера, лингвостилистические особенности, подготовленный текст, полемика (спонтанное общение).

Академические блоги являются частью академического дискурса (далее – АД). АД как особый вид институционального дискурса с его уникальными характеристиками является наиболее популярной исследуемой темой среди таких лингвистов, как А. Н. Антонова, Е. А. Жителева, В. Д. Калинина, В. И. Карасик, И. К. Кириллова, Н. А. Комина, О. В. Коротеева, Е. А. Кожемякин, М. Л. Макаров, Ю. А. Носар, М. Ю. Олешков, К. С. Ращупкина, А. А. Романов, А. Н. Черняков. Язык академической блогосферы (далее – АБ) имеет особую сферу функционирования, и поэтому обладает языковыми и стилистическими особенностями. Общение в рамках академических (учебных) блогов имеет черты личностно-ориентированного и институционального дискурса, индивидуального и группового, политематического и полиадресованного. Если студенты публикуют подготовленные домашние задания, то основным адресатом становится преподаватель. Если же общение носит спонтанный характер, то тогда оно становится политематичным и полиадресованным – тематический репертуар варьируется в пределах одного форума.

В целом, в АБ можно выделить три вида текста, обладающие своими собственными лингвостилистическими чертами – полемика (свободное общение между учащимися, а также учащихся с преподавателем), задания преподавателя, а также ответы учащихся на задания преподавателя. Мы объединили два вида текстов – задания преподавателя и ответы учащихся на задания – в один, назвав его «подготовленным текстом» (ПТ), а полемику – «неподготовленным» (НТ). На основе сплошного анализа шести блогов, созданных и используемых американскими и канадскими педагогами и учениками средних и старших классов (блог № 1 “The Geeks from down the Street” <http://borges.edublogs.org/about/> (далее – № 1); блог № 2 “Write Out Loud” <http://writeoutloud.edublogs.org/> (далее – № 2); блог № 3 “Mrs. McGriff’s Reading Blog” <http://kaymcgriff.edublogs.org/> (далее – № 3); блог № 4 “The Fine Print” <http://thefineprint.edublogs.org/> (далее – № 4); блог № 5 “Class with Coelho” <http://mzcoelho.edublogs.org/> (далее – № 5); блог № 6 “Visitation School Jr. High Literature Discussions” <http://mrsedwardsvla.edublogs.org/> (далее – №6), были выделены следующие лингвостилистические особенности дискурса или языка АБ: 1) объединение или слияние письменной и устной речи; 2) полифония АБ или признаки монологической, диалогической и полилоговой речи; 3) языковая экономия: а) сокращения, б) эллипсис, в) графическая передача эмоций; 4) языковая избыточность: а) повторы, б) дополнительные пунктуационные знаки; 5) аграмматизм: а) изменение порядка слов в предложении, б) нарушение правил пунктуации, в) наличие опечаток и ошибок; 6) межфразовые скрепы.

Объединение или слияние письменной и устной речи является основным из лингвостилистических признаков АБ. М. Б. Бергельсон выделяет три основные лингвостили-

стические характеристики любого интернет-общения: 1) пренебрежение правилами орфографии и грамматики; 2) использование графической информации; 3) использование знаков препинания, принятых в «разговорном жанре» – в чатах и личной почте [1, с. 58 – 59]. Это связано с прагматическими соображениями быстроты экономии усилий говорящего/пишущего. Всё это, однако, характерно для неподготовленных текстов, а в АБ можно разграничить подготовленную и неподготовленную речь/письмо, так как это диктуется целями учебного процесса.

Признаки письменной речи в АБ в основном присутствуют в заданиях преподавателей и в подготовленных ответах учеников. И тот и другой вид коммуникации присутствуют во всех анализируемых блогах. Чаще всего задания преподавателя и ответы учеников на эти задания присутствуют в разделе под названием Assignments/Class Assignments. Подготовленные тексты имеют свои лексические, грамматические и пунктуационные особенности. Подобный текст в меньшей степени обладает характеристиками устной речи, в большей – письменной речи, так как есть время исправить, отменить, скорректировать написанное. Письменная речь является продуманной и выстроенной по правилам и канонам, которые диктует преподаватель. Например, вводные слова, союзы и словосочетания являются маркерами логического следования мысли: also; and yet; so; I wonder if; for example; that is why; in this way; however; putting it simply; another reason; basically; plus; I am confident that и т.д. Рассмотрим основные признаки письменной речи в двух данных видах коммуникации. Отсутствие спешки, продуманность ответа и возможность его откорректировать оказывают свое влияние на языковые и речевые особенности данного вида письма. Примером подготовленного письма может служить следующий пост преподавателя: Hi Students! This week you are going to follow the directions on the image. I use a lot of writing prompts like this one on the blog, as they can always be answered in different ways and they make you think. Your job is to explain your reasons, your answers to why? (№ 2). Данные предложения, с одной стороны, заранее продуманы, грамматически и пунктуационно корректны; с другой стороны, слово «hi» принадлежит к устному дружескому приветствию. Использование данной формы приветствия «стирает» границы между преподавателем и учениками, делает их ближе (Здесь и далее грамматика и орфография – авторская).

Кроме этого, присутствует такая характеристика, как ограниченность в объеме и пространстве. Проанализировав шесть академических блогов, мы можем сделать вывод о том, что объем текста в подготовленных заданиях регламентируется чаще, чем в полемике – некоторые преподаватели регламентируют его заранее, некоторые – в рамках самого задания.

Следующей лингвостилистической особенностью АБ является ее *полифония*. Е. А. Кожемякин выделяет повествование, т. е. монолог, как доминирующий вид текста АД, так как именно он передает сущность образования – «поэтапное, пошаговое, структурированное создание социального субъекта» [4, с. 47]. Признаки публичной и диалогической речи также ярко выражены в академических блогах, например, в виде фильтрации преподавателем сообщений; информационных вопросов, адресованных всем и никому конкретному; инициации диалогов; публикации постов, заканчивающихся вопросами и создающих цепную реакцию.

Признаки публичной речи в АБ проявляются в вопросах (постах), адресованных всей аудитории, так как отсутствует конкретный адресат, а также через информационные вопросы, которые также адресованы всей читающей данный пост публике. Например, в блоге № 1 в разделе «What a Teacher Finds Interesting Online» опубликовано восемь постов абсолютно разной тематики. Подразумевается, что те, кому данный пост интересен, опубликует свое мнение на данную тему. Mr. Borges, преподаватель и автор данного блога, заявляет: «You are more than welcome to use the “comment” function to let me know what you think or if you have any suggestions». Таким образом, данный пост адресован всем и никому конкретному за счет использования личного местоимения you. Данная речевая стратегия обычно используется в публичных выступлениях, когда выступающий дает слово любому, кто хочет прокомментировать доклад или задать вопрос. С одной стороны, данный пример является образцом письменного задания – к ученикам учитель обращается через личное местоимение you, предложение синтаксически полное, не допускающее множества интерпретаций. Одновременно данное задание напоминает начало или концовку публичного

доклада, когда выступающий определяет время вопросов к его сообщению, что является неотъемлемой частью публичного сообщения.

Признаки публичной речи также реализуются в заданиях, когда оно адресовано всем ученикам, а не кому-то конкретному. Например, в блоге № 1 в задании № 9 «World Cup in Africa» преподаватель задает вопрос «What reasons can you suggest to explain why soccer is the most popular sport in much of the world?», адресуя его всем ученикам класса, в результате которого публикуются 14 комментариев. Признаки монологической речи реализуются через практические действия или указания преподавателя что-либо сделать, а также через просьбы, выполнение которых носит невербальный характер. Тем самым монолог, который состоит из просьбы и ответного действия, является скрытым диалогом. Например, проанализируем преподавательский блог № 4. В одном из заданий, опубликованных 31 мая 2013 г., преподаватель обращается к ученикам с указанием принести учебники в понедельник или во вторник, чтобы их сдать. Также преподаватель советует ученикам быть вовремя, так как в начале занятия будет предоставлена возможность повышения уровня своей оценки («Please bring your textbook to class on Monday and Tuesday to return. Return it during your class period only! There will be an Extra Credit opportunity given at the beginning of class, so be on time»). Данные указания не подразумевают какого-либо ответа, так как учитель использует преимущественно императив. Но при этом восклицательное предложение «переключает» данное монологическое сообщение в регистр диалога, когда предложение «Return it during ...» подразумевает ответ учеников (например, «Yes, of course»; «We'll do»). Важно заметить, что данное восклицательное предложение более характерно для устной речи. Также признаки устной речи присутствуют в части предложения «so be on time», так как данное указание, а скорее предупреждение, чаще всего verbalизируется в речи между преподавателем и учениками. Преподавательские блоги состоят, в основном, из подобных заданий, в них отсутствуют полемические дискуссии и подготовленные задания учеников, как, например, в блогах № 3 и № 4.

Монологическая речь также проявляется в постах преподавателя, которые носят характер пожелания, например, пост от 2 июня 2013 г. блога № 2 называется «Hello Summer» и состоит из трех предложений: «The sixth grade students are on summer holiday! Please check back at the end of August when school resumes for new postings. During the summer, I'll update the blog with interesting images and videos». Данный пост в целом является по сути монологом, так как является сообщением-пожеланием в конце учебного года с заданием на летние каникулы. Данный вид сообщения можно услышать в конце последнего в году урока, или в виде объявления на доске/расписании. С точки зрения языка данные предложения являются полными, в них нет сокращений, присутствуют клишированные фразы типа «please check back», «update the blog», «school resumes».

Признаки диалога и полилога проявляются в полемике и в подготовленных заданиях учеников. Полемические дискуссии присутствуют в блогах № 1, 2, 5. Блоги № 3 и № 4 не содержат дискуссии. Проанализируем полемику после поста «Introductions» блога № 2. После приветственного слова преподавателя было опубликовано девять комментариев. В основном, они принадлежат «случайным» читателям, а не ученикам. Преподаватель ответила на комментарий № 5 благодарностью за комплимент: «Thank you so much, Jaelyn for the wonderful compliment! My students are pretty amazing, aren't they?». В конце своего комментария преподаватель, автор блога, использует разделительный вопрос, который и создает эффект непосредственного диалога. Также в данном комментарии присутствует достаточно разговорная лексика – pretty amazing, thank you so much.

Свойственными полемике характеристиками являются: языковая экономия (сокращения, эллипсис); языковая игра; аграмматизм, а именно изменение порядка слов в предложении, наличие межфразовых скреп, нарушение правил использования пунктуации, наличие опечаток и ошибок, т. е. преобладание паратаксиса над гипотаксисом.

В *принципе языковой экономии* реализуется компрессия речевой цели, экономия языковых средств, но при этом повышается информационная сжатость сообщения. Принцип языковой экономии – коммуникативно-речевая характеристика языка – активно присутствует в коммуникации в блогах, в том числе академических. Согласно Е. А. Вишняковой, автор, ориентируясь на сетевую аудиторию, излагает свои мысли сжато и лаконично [3, с. 46]. При спонтанной речи собеседник заинтересован в том, чтобы быст-

ро и четко передать свою мысль. На первом месте – скорость набора текста, орфографическая и пунктуационная правильность играют второстепенную роль. К языковой компрессии мы можем отнести сознательное сокращение некоторых слов, которые уже приняты в Интернете или знакомы участникам общения, например: ur self (=yourself); hwk (=homework); btw (=by the way); g'day (=good day); probly (=probably). Данные сокращения не мешают общему пониманию смысла высказывания, так как они легко реконструируются из контекста. Множественное использование акронимов принадлежит к лексико-семантическому уровню текста. Одними из самых популярных акронимов в англоязычном сегменте АБ являются: B4=before (перед), CUL8R=see you later (увидимся позже), U2=you too (ты тоже), 4U=for you (для тебя), 4ever=forever (навсегда), & =and (и), afaik=as far as I know (насколько я знаю), btw=by the way (кстати), fyi=for your information (к сведению), ic=I see (ясно), imho=in my humble opinion (по моему скромному мнению), iow=in other words (другими словами), otoh=on the other hand (с другой стороны), tia=thank you in advance (заранее спасибо), tuvm=thank you very much (спасибо большое), wrt=with respect to (с уважением к).

В анализируемых блогах принцип языковой экономии активно присутствует в спонтанной коммуникации и нечасто – в подготовленных ответах. Для иллюстрации вышесказанного приведем отрывки из блога №1: «hey mr b great site nice posts and if you could tell us more bout ur self», «How come your last name is Christian, but you are not a Christian??», «Times have really passed since the first day of school to now. 😊good memories», «Time has gone by so fast. 😊LOL ” Dance”. 😊», «alice8j, LOL! 😊I know Mr.B, “DANCE”!!!!». В данных примерах присутствуют следующие сокращения – апокопа bout; акроним ur self, LOL, сокращение mr b. Другими примерами сокращений являются следующие: pix! (№1); 'cause it's cool! (№1); Hope your having a great summer (№3); Hey, Mrs. Mcgriff...just wanted to pop in and c whats been going on in ur klass and on ur blog...i really miss language arts with u...u were so fun and exciting...it almost makes me want to cry thinking about the fun times i had in ur klass with anthony and preston and kinzy and dakota...i wish i was in 8th grade again, high skool is so boring...i feel like im sitting thru a lecture in every klass...well i have to go...im in stupid typing klass...ugh...lol 😊 (№3).

При анализе спонтанной коммуникации принцип языковой экономии выражается через сокращения слов и словосочетаний, замену слов на многократное употребление эмодзи. Например, «😊LOL! 😊» (№1), «if you could tell us more bout ur self» (№2), «G'day» (№2), «Da WrItIn MonStEr» (№1), «hey! thnx for de post» (№1). Все вышеперечисленные примеры взяты из форумов, организованных в рамках анализируемых блогов. Это пример необработанного, спонтанного письма, где пишущий максимально естественно передает свои впечатления. Принцип языковой экономии способствует организации диалоговых/полилоговых отношений, так как быстрота реакции, эмоциональная насыщенность, возможность передать свои мысли и чувства имеют первостепенное значение при спонтанном общении.

В отношении синтаксических особенностей Интернет-общения необходимо выделить эллипсис и перестановку частей высказывания. Эллипсис также является одним из способов реализации принципа языковой экономии. Это признак, свойственный устной речи, представлен, в основном, в неподготовленном заранее общении. Чаще всего опускаются личные местоимения и вспомогательные глаголы, например, LOL , tottally agree with you! 😊 (№ 1); Just wanted to drop a quick note... (№ 1); Found your classroom...(№ 1) и т.д. Эллиптические конструкции часто используются для экономии времени и скорости набора текста. Тем самым они сближают письменную речь с устной. Другими примерами эллиптических конструкций являются следующие реплики: I've never seen you with one in the classroom. Show us on Monday! (опущено местоимение it/them) (№ 1); Can't wait for iPhone 4 to come out though! (№ 1); Love the touch surface (№ 1); Can't believe technology is soooooo advanced now... (№ 1); Probably causes skin cancer!! (№ 1); this is lance youre seventh period student kinda confused about this whole thing well bye love ur class (№ 3).

Если в НТ частотен принцип языковой экономии, то в ПТ часто используется принцип языковой избыточности. Данный принцип используется для большей убедительности и ясности сообщения, которое адресуется коммуниканту и реализуется через повторы

и использование пунктуационных знаков в фоностилистических целях, т.е. стремление к эмфазе – выделению определенной части высказывания. Примерами реализации принципа языковой избыточности могут служить следующие части высказывания: *but the movie does follow the play almost line by line* (№ 4); *One good, organized, and detailed paragraph is all you need* (№ 2); *I am not looking for you to talk about any family members, or silly superheroes (these comments will be deleted)* (№2); *Without all the wonderful character descriptions, setting details, action details, etc. the writing would be boring, dull, uninteresting...*(№ 2); *Explain it in detail, from top to bottom...*(№ 2); *So, write. Write it all down... down to the fine print* (№ 4); *I so agree with what you wrote!* (№ 3). В данных примерах преподаватели часто используют однородные члены предложения с синонимичными словами, а также лексические и грамматические средства эмфатического выражения (вспомогательный глагол *do*, наречие *so*).

Достаточно часто данный принцип реализуется через графическое выделение одного слова в предложении или фразе. Например, *This blog prompt has to do with summer reading, so you will choose **one** of the two summer reading books to answer this prompt* (№ 2); *In addition to telling us the items you are bringing, you need to explain **why** you are putting these items into your suitcase in regards to what you know about your character and the story* (№ 2).

Помимо языковой экономии полемике свойственны явления *аграмматизма*. Явления аграмматизма представляют собой пренебрежение правил грамматики и орфографии, а именно, отсутствие заглавных букв, пропуск артиклей, например, *i just wanted to say to alex..alex, i like to swim too it is one of my favorite things too...; alice8j, LOL!; hey mr b great site nice posts; some people can not change. so what do we do with them?* (№ 1) К другим явлениям аграмматизма можно отнести анакоруфу, прозиопезу, апозиопезу, например, *or like out smart board?(become a touch screen and go crazy!) but its still so cool; I've never seen you with one in the classroom. Show us on Monday!; i like to swim too it is one of my favorite things too...and also it is winter still but winter is done in 8 days but there is still snow on the ground my favorite sport is basketball i forgot to add nice avatar and please visit our site...*(№ 1). Также для подобного стиля письма характерны случайные описки, например, *some og the books* (вместо *of*); *one of youe old students* (вместо *your*). Итак, к явлениям аграмматизма относятся: 1) изменение порядка слов в предложении; 2) нарушение правил пунктуации или ее использование для выражения чувств и эмоций; 3) наличие опечаток и ошибок. Вышеупомянутые особенности объясняются скоростью набора текста и отсутствием его проверки и корректировки, вместе с тем достигается коммуникация, соответствующая динамике устной речи. Одной из целей вышеперечисленных приемов является придание речи выразительности, эмоциональности, ритмичности.

Что касается порядка слов в предложении, то в подготовленных ответах мы можем выделить сложные и продуманные грамматические конструкции; использование различных видов повторов, чаще всего анафора (например, повтор местоимения, объединяющий предложения в осмысленный текст); линейную упорядоченность реплик обучающихся, порядок их следования; правильную расстановку знаков препинания, отсутствие сокращений и эмодзи. Обучающиеся публикуют свои посты в рамках заданных объемов и данные посты не фрагментарно разорваны, а представляют собой завершенное смысловое единство. В данном виде текста, как и в текстах любого другого дискурса, важными являются синтаксические правила построения сообщения, касающиеся сочетания, очередности и расположения знаков в предложении [7, с. 140].

Примерами подготовленной речи могут служить следующие тексты с правильным порядком слов:

– *Charlotte Brontë populates the novel with many female characters roughly the same age as Jane—Georgiana and Eliza Reed, Helen Burns and Mary Ann Wilson. How do comparisons with these characters shape the reader's understanding of Jane's character?* (№ 5). Данный отрывок принадлежит к формальному стилю, характерному для описания школьного задания по литературе. Автор использует соответствующую лексику (*female; comparison*), а также прибегает к двум лексиколизированным метафорам, которые уже воспринимаются как устойчивые выражения, часто используемые в академическом стиле речи: *populates the novel; shape the reader's understanding*;

– *Assessment: Students will keep an online portfolio of their work throughout the year. This portfolio will show students' growth as readers and writers by providing a collection of*

work as well as a list of skills learned. Grades come from quizzes, homework, and writing assignments. (№3). Данный отрывок написан в целом в нейтральном стиле с включением слов официального регистра, что естественно для стиля учительского задания: portfolio; providing; assignments. Здесь также нет сокращений, предложения распространены, осложнены использованием однородных членов предложения и герундиальным оборотом;

– Black, when I see the color black I think of myself. I think of myself because black represents being strong and being a leader. I think I show leadership and authority because on my soccer team I am the captain which gives me the leadership to do everything. I am strong when I need to be strong. Some times to be strong would be in a wrestling match or in a sports games. The color black best describes who I am. (№ 2). Автор данного ответа подошел к выполнению задания творчески. Ответ начинается с инверсии. Данный отрывок изобилует различными видами лексических (black; strong) и синтаксических повторов (кольцевой повтор, анафора (I think...), хиазм (I think of myself/ show leadership...gives me leadership)).

Примерами разговорного стиля в неподготовленных текстах могут служить следующие примеры: To me, it seems to be telling a story in a way but she isn't saying anything (№1); Isn't that Bob Marley guy, that picture behind your desk? So far Mr.B's motto isn't working as it should be, the only part that's going great is "I will Break You" part, JUST KIDDING. GWANANANANWHENENENENENE (My laugh at class) (№ 1). Предложения отражают ход мыслей, внутреннюю речь, характеризуются прерывистостью. Спонтанное письмо характеризуется опущением союзов, перечислением, а также разговорной лексикой (in a way, guy, going great, just kidding) и грамматикой (isn't saying, isn't working), когда во всех случаях используется Present Continuous. Использование заглавных букв имитирует громкий смех и звукоподражание.

В следующем примере нарушаются правила использования пунктуации, орфографии и грамматики. Многоточия имитируют паузу в мыслях, внутренних рассуждениях, отражают неторопливость. Они своего рода разделяют мыслительный поток на несколько отрезков. Данный пример ярко характеризует спонтанное, заранее непродуманное письмо: Hey, Mrs. Mcgriff...just wanted to pop in and c whats been going on in ur class and on ur blog...i really miss language arts with u...u were so fun and exciting...it almost makes me want to cry thinking about the fun times i had in ur klass with anthony and preston and kinzy and dakota...i wish i was in 8th grade again, high skool is so boring...i feel like im sitting thru a lecture in every klass...well i have to go...im in stupid typing klass...ugh...lol (№ 3); i get how that is she is awesome (№ 3).

Следующим маркером НТ является высокий уровень ошибок и опечаток. Он связан, прежде всего, с высокой скоростью набора текста. Необходимо отметить, что подобный аграмматизм в неформальном Интернет-общении можно разделить на два вида: случайные опечатки, которые возникают в связи с высокой скоростью набора текста, а также орфографические ошибки как результат неграмотности и низкого уровня культуры речи; намеренные ошибки в целях усиления выразительности текста, повышения его «устности», эмоциональности, неформальности, приближения его к «естественной и ситуативно обусловленной разговорной речи в письменном ее выражении» [5, с.62]. Примерами могут служить следующие отрывки: one of youe old students (№3); HEY MRS. MCGRIFF HOW HAVE YOU BEEN? I HAVE BEEN FINE. TELL SHAYLEE I SAID HI (Блог №3); HEY WHATS UP MRS.MCGRIFF... NOTHING MUCH HERE... I WOULD LIKE TO MEET YOU SOMETIMES... I AM SHAYLEE BURNSIDES BOYFRIEND... SHE SAYS ALOT OF STUFF ABOUT YOU...(№3).

Межфразовые скрепы выполняют две основные функции – формируют текст в логически завершенное высказывание или, наоборот, приближают текст к разговорному стилю. Они обеспечивают цельность высказывания, его завершенность и свидетельствуют о том, что высказывание принадлежит к ПТ. Например, Not, only do I want you to read great Literature, but I want you to write great literature (№ 4); And, I believe that with my whole heart... So, write. Write it all down...(№ 4); Finally, I am looking forward to input from the students, parents, and myself in these discussion groups (№ 6); No forum this week. So, instead let's have an extra point competition– the paintings (№ 4). Межфразовые скрепы также могут свидетельствовать о том, что речь принадлежит молодежному жаргону или о том, что высказывание является частью устного высказывания. Например, Wow really very interesting

blogs (№ 1); Hey Mr. Borges-Found your classroom blog...(№ 1); YAY!!!! One person in Africa saw our website (№ 1); Hey ya'll (№ 4).

Проведя лингвостилистический анализ блогов, можно отметить следующие тенденции, НТ АБ характеризуется эллиптизированными, неполными предложениями, что приводит к нарушению порядка слов в предложении; наличием разных видов речи – монологической, диалогической и полилоговой; языковой экономией; аграмматизмом, а именно: использованием традиционных знаков пунктуации в эмотиконах (соответственно частотное использование эмотиконов), большим количеством графических сокращений и акронимов.

К характеристикам ПТ АБ можно отнести сложные и продуманные предложения; использование вводных слов, союзов, словосочетаний для логического выстраивания текста; наличие лексики официального регистра и терминологии; использование различных видов повторов, чаще всего анафоры; правильную расстановку знаков препинания, отсутствие сокращений и эмотиконов.

В данной статье не затрагивались гендерные особенности анализируемых текстов, которые могут послужить перспективным направлением для исследования. Кроме этого, перспективным является лингвоаксиологический анализ академических блогов, т. е. изучение их лингвостилистических особенностей с учетом ценностей той культуры, носителями которой являются их авторы и коммуниканты, а также анализ тех АБ, авторами которых являются не носители английского языка, например, блогосферы в России, Европе, Азии. Еще одним не менее перспективным направлением является лингвокогнитивный анализ текстов АБ, т. е. «выявление особенностей проекции воспринимаемого человеком опыта в значениях лексических единиц», а именно «исследование языковых реалий посредством изучения вербализации ментальных структур различного порядка» [6, с. 104].

Список литературы

1. Бергельсон М. Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации/М.Б. Бергельсон//Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М., 2002. – № 1. – С. 55 – 67.
2. Бубнова Г. И. Письменная и устная коммуникация: Синтаксис и просодия/Г.И. Бубнова, Н.К. Гарбовский – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 272 с.
3. Вишнякова Е. А. Взаимодействие устной и письменной речи в сетевой среде (на материале современного английского языка)/Е.А. Вишнякова – Тула:2013. – 168 с.
4. Кожемякин Е. А. Реконструкция субъекта в образовательном дискурсе /Е. А. Кожемякин// Политики субъективации в университетском образовании/под ред. А. М. Корбута, А. А. Полонникова. – Минск: Профили, 2007. – С. 39 – 53.
5. Кондрашов П. Е. Компьютерный дискурс: социолингвистический аспект. Дис. ... кан. филол. наук. Краснодар, 2004. – 189 с.
6. Прохорова О. Н., Чекулай И. В., Багана Ж., Куприева И. А., Сапронова Е. А. Отражение процесса познания в языке: в поисках концептуальных оснований//Научные ведомости БГУ. Серия Гуманитарные науки. [Электронный ресурс] Режим доступа. – URL: http://unid.bsu.edu.ru/upload/iblock/7do/d%2024_143_wzl%2016.pdf (дата обращения 14.02.2014)
7. Якуба Я. О., Кожемякин Е.А. Реклама в Интернете: дискурсно-семиотические характеристики//Научные ведомости БГУ. Серия Гуманитарные науки. [Электронный ресурс] Режим доступа. – URL: [http://unid.bsu.edu.ru/upload/iblock/3ae/N%206\(149\)_17-2013.pdf](http://unid.bsu.edu.ru/upload/iblock/3ae/N%206(149)_17-2013.pdf) (дата обращения 13.02.2014).

LINGUOSTYLISTIC PECULIARITIES OF ACADEMIC BLOGOSPHERE

Y. V. Trepak

Lomonosov Moscow State University

e-mail: yanatrepak@gmail.com

The objective of the paper is to analyze linguostylistic peculiarities of academic blogosphere discourse which includes three types of text such as dispute, teacher assignment and student response to assignments. The two latter have characteristics of the prepared communication, dispute is viewed as spontaneous, unprepared type of communication. Thus, the occurrence of these types of text in academic blogosphere discourse highlights its linguostylistic peculiarities such as: 1) combination of written and oral speech; 2) polyphony of academic discourse (simultaneous occurrence of monologue, dialogue and polylogue); 3) language economy; 4) language redundancy; 5) violation of grammatical and orthographical norms; 6) phrase linkers.

Keywords: internet-discourse, academic blogosphere, linguostylistic peculiarities, prepared text, dispute (spontaneous communication).

УДК 81'272

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ МАРОККО**Д. В. Тупейко***Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
grimore13@gmail.com*

В статье дается описание языковой политики в Марокко на современном этапе, говорится о ее реализации в различных сферах жизни марокканского общества, выделяет функциональная сторона языка, характеризуются степени вовлеченности различных языков, существующих в государстве.

Ключевые слова: Марокко, языковая политика, французский язык, арабский язык, берберский язык.

В настоящее время проблеме языковой политики уделяется значительное внимание. Вопросы, касающиеся данного направления, рассматривались в работах Ж. Багана, В. А. Виноградова, В. М. Дебова, В. Т. Клокова, А. И. Коваль, В. Я. Порхомовского, С.Г. Сахадзе, В. П. Хабирова, А. И. Чередниченко, а также зарубежных лингвистов – М. Даффа, П. Дюмонта, А. Кеффелека, Ж. П. Макута-Мбуку, Н. М. Нгалассо, А. Ниангуна, С. Нсьяль, Р. Салах-Эддин и др.

Многие языковые проблемы в Марокко содержат в себе политический аспект. В первую очередь, необходимо определить языковую политику в отношении языков определенной территории.

На этот счет существуют две точки зрения: выбор языка может быть навязан доминирующей группой (политической, экономической, военной и т. д.). Вторая точка зрения, более демократичная, состоит в том, чтобы выделить область использования того или иного языка в соответствии с целями, которые нужно достигнуть [7, с. 31 – 44]. Языковая политика должна быть закреплена законодательством, к чему современная Африка еще не готова. Единственный правовой документ, существующий на сегодняшний день, это статьи в конституциях некоторых стран континента, касающиеся официального языка.

Зарубежные лингвисты определяют языковую политику как «изучение и систематическую организацию языковой проблемы, касающейся какого-либо общества, главным образом многоязычного» [9, с. 60].

В своей книге «Языковое планирование» Д. Дауст и Ж. Море дают следующую трактовку понятию: «Языковая политика – долговременное сознательное усилие, поддерживаемое правительством, в целях изменения функций языка внутри общества для решения коммуникативных проблем» [8, с. 11].

Как отмечает М. Нгалассо: «Одним из основных элементов, позволяющих судить о языковой политике, является наличие конституционных или законодательных документов, в которых указан один или несколько языков, выполняющих функцию официального в законодательстве, государственном управлении, в судебной системе, в образовании и в системе коммуникации. При выборе официального языка необходимо брать в расчет местные языки» [11, с. 11].

В современных трудах отечественных лингвистов можно встретить следующие определения. В.А. Аврорин определяет языковую политику как систему мер сознательного регулирующего воздействия на функциональную сторону языка, а через ее посредство в известной мере также и на его структуру [1, с. 10].

Существует и другая точка зрения на понятие языковая политика, согласно которой данное явление рассматривается как языковой аспект партийно-государственной политики по национальному вопросу [2, с. 136].

Рассмотрим, что представляет собой языковая политика в Марокко и как происходит ее реализация в последние годы в рамках современного марокканского сообщества на примерах различных сфер жизни.

Выбор официального языка в Марокко

После приобретения независимости Марокко начинает политику резкой арабизации всех сфер жизни населения, сразу же закрепив в 1961 году в Основном законе, ставшем «временной конституцией Марокко», единственный официальный язык – арабский язык. Французскому языку, который нельзя было отнести ни к иностранным в привычном понимании, ни к национальным языкам, отводился особый статус – привилегированный иностранный язык или первый иностранный язык Марокко. [3].

После стольких лет власти французского языка отменить его употребление и минимизировать его функции в обществе не представлялось моментальным действием. Именно поэтому он оставался и все еще остается неотъемлемой частью марокканского государства [4, с. 329].

Согласно последней Конституции Марокко, принятой 29 июля 2011 года, официальными языками Марокко являются арабский и амазигский языки (берберский).

Конституция также утверждает государственный контроль за соответствием государственной языковой и культурной политики, изучение и овладение самыми востребованными иностранными языками, средства коммуникации и интеграции и взаимодействия в научном мире и изучение других современных культур и цивилизаций.

Французский язык более в тексте Конституции не фигурирует. Несмотря на это, французский язык все еще представлен в большинстве сфер жизни марокканского общества.

Официальные документы

Сегодня французский язык используется в официальных случаях и реже в неформальных ситуациях (преимущественно для общения в узком кругу городской элитарной прослойки). Почти все официальные документы издаются в двойном варианте: на арабском и на французском языках. Однако во многих случаях текст изначально пишется на французском языке и только после этого переводится на арабский для дальнейшей публикации органами власти.

Администрирование

Все администрирование в стране согласно принятым законом осуществляется на арабском языке, делая уступки диалектам и амазигскому языку. Тем не менее, как замечают Ф. Бензакур, Д. Гаади и А. Кеффелек, во многих случаях можно наблюдать толерантное отношение к французскому языку. Он остается важным во многих министерствах: министерство здравоохранения, министерство внутренних дел и т.д.. Строгость касательно арабского языка сохраняется только в сферах религии и суда, где французский язык полностью исключен [5, с. 96].

Образование

Образование также стало приоритетным направлением в процессе арабизации, хотя следы французской системы образования, которая прочно укоренилась в период протектората, все еще ярко заметны в современной системе образования Марокко.

Выдвинутые в 1957 основные принципы образовательной доктрины дали направление развития всей системы:

- унификация различных образовательных структур;
- марокканизация педагогического состава;
- арабизация обучения;
- распространение образования.

Таким образом, с помощью законодательной базы, реформ и преобразований в Марокко произошли серьезные изменения.

Унификация системы выразилась в адаптации и интеграции различных типов обучения, унаследованных от колониального периода.

Весь педагогический состав в скором времени был обновлен и был полностью укомплектован марокканскими специалистами.

Начальное и среднее образование отныне было на арабском языке. Французский язык остался лишь в некоторых специальностях высшего образования. Также, согласно постоянным переписям населения, количество обучаемых неуклонно растет.

После принятия независимости начальное образование ведется исключительно на арабском языке, но с третьего года обучения вводится французский язык как обязательный второй язык, которому отводится 8 часов в неделю в первом цикле (с 3 по 6 год обучения) и 6 часов в неделю во втором цикле (7 – 9 года обучения).

В среднем образовании, которое длится 3 года, можно наблюдать разное количество часов французского языка в неделю. Это зависит от направления, которое выбирает ученик: филология – 5 часов в неделю первый год и 6 часов второй и третий года; науки – 4 часа в неделю в первый год и 6 часов в следующие два; в технических специальностях – 4 часа в неделю все три года.

Высшее образование сохранило французский язык как основной в образовательной программе. Естественные науки, технические специальности, медицина и экономика преподаются в основном на французском.

При выборе юридического образования студент может получать образование либо на арабском, либо на французском, похожая схема действует и на факультете экономико-юридических наук, где действуют два отделения. Экономические науки преподаются только на французском, тогда как гуманитарные только на арабском, но включают французский язык как иностранный наравне с английским, испанским и немецким языками. Отделения французской филологии и литературы имеются на всех филологических факультетах и насчитывают значительное число студентов. Частные Высшие школы управления ведут обучение на французском языке.

Таким образом, можно сделать вывод, что изменения в сфере образования начались резко и до сих пор продолжаются, что не решает остроты данного вопроса. Арабский стал основным языком в начальном и среднем звене, при этом за французским закрепились позиция языка науки и высшего образования. Таким образом, школьнику сложно влиться с процесс обучения после школы, что разорвало непрерывность образовательной цепи. Как и в прочих сферах, получение религиозного и юридического образования стало прерогативой исключительно арабговорящих слоев населения. Но остаются частные учебные заведения с обучением на французском, где теперь конкуренцию ему составил английский, и уроки второго иностранного языка, где французский занимает лидирующее место.

Средства массовой информации

Кроме образования, следует отметить такую область, как средства массовой информации, где французский также был главенствующим и продолжает занимать существенное место.

После принятия независимости французская пресса держалась на рынке более десяти лет благодаря двум ежедневным газетам – «Le Petit marocain» («Маленький марокканец») и «La Vigie marocaine» («Марокканский сигнальщик»). Эти два издания долго сохраняли самый большой тираж, несмотря на натиски марокканских газет и синдиката марокканской прессы [12].

Такое засилье иностранной прессы породило желание конкуренции в национальных изданиях на французском языке, которые не хотели отдавать первенство колониальной прессе на своей территории.

В итоге пресса колониального периода исчезла, а местные франкоязычные издания не только остались, но и значительно развились. Такие газеты, как «L'Opinion» («Мнение») и «Le Matin de Sahara» («Утро Сахары») стали выпускать приложения на английском и испанском языках, что увеличило их значимость и их аудиторию [5, с. 94].

Конечно, предпочтения отдавались официальному языку Марокко, но по причине своего привилегированного положения французский язык не становился изгоем, а смог перерасти свое колониальное прошлое и стать языком информации, двуязычной журналистики, обращающейся к большому количеству читателей, что позволяло донести журналистам их идеи и взгляды до большего числа жителей страны. К тому же, никакой закон «не регламентировал использование иностранного языка в прессе», как замечает К. Шарне [6, с. 227].

Сегодня пресса Марокко весьма разнообразна и в большинстве своем предоставляет издания на современном арабском и французском языках. Следует отметить, что часто выпускаются две газеты параллельно на обоих языках.

По причине отсутствия газет на языке берберов издательства выпускают журналы и периодику о берберской культуре на французском и арабском языках, реже – на берберском, используя латиницу или арабскую вязь.

При всем обилии французской прессы ее нельзя считать основным источником распространения французского языка в Марокко, так как рассчитана она на небольшую аудиторию в силу того, что немногие жители имеют достаточно высокие навыки чтения французского письма [6, с. 117]. К тому же большинство марокканцев предпочитают газете другие СМИ – радио и телевидение.

Радио – это средство информации, которое затрагивает большее число жителей, потому что как в городах, так и в деревнях имеется немало радиоприемников.

Основная национальная компания R.T.M. – Radio Télévision Marocaine (Марокканское Радио и Телевидение) – предлагает две станции: на арабском, редко на арабском диалекте, и на французском с программами на испанском и английском языках. Французская станция рассматривается как международная, так как использует иностранный язык, а французский язык как основной язык политической власти на радио [6, с. 239].

Частная станция MédI – Méditerranée Internationale (Международное Средиземноморье) – вещает на двух языках, причем использует оба языка в эфире параллельно: один ведущий постоянно переходит с арабского на французский язык.

Радиостанции на французском полностью иностранного вещания слушает зачастую только интеллектуальная элита.

Региональные радиостанции вещают преимущественно на современном арабском и диалектальном арабском, также в наши дни получил распространение берберский язык, но в некоторых регионах на радио используются и другие местные языки, например, рифский на севере Марокко, ташелхит в южных землях и т. д.

Телевидение в Марокко пользуется большой популярностью – даже там, где не проведено электричество, пользуются аккумуляторами и устанавливают антенны, чье число растет. Оно является средством получения информации, способом обучения и связи с остальным миром [5, с. 98].

На основном канале T.V.M., который долгое время держал монополию на телевидение, в большей степени показываются программы на современном арабском. На французском языке демонстрируются фильмы, латино-американские сериалы и несколько выпусков новостей.

Значительное присутствие французского языка на втором канале 2 M International, который долгое время оставался частным. Выбор передач здесь намного шире: от кино до соревнований, от местных новостей до обзоров новостей узкой тематики.

Говоря о французском языке на телевидении, необходимо заметить, что все передачи на французском языке на двух каналах демонстрируются без субтитров. Таким образом, рядовой слушатель сильнее погружается в язык. Даже не зная языка, он может опираться на визуальный ряд, что помогает пониманию и, следовательно, усвоению французской речи.

Литература

Отдельное место занимает литература, где французский язык не просто проникает через зарубежные книги, а является инструментом для марокканских авторов. Эта литература дарит и дарит обществу произведения, отличающиеся и своим стилем, и темами повествования. Но в течение сорока лет франкоязычной литературе приходилось бороться с негативными отношениями среди населения, так как писалась она на иностранном языке. При этом марокканские книги на французском языке передавали местный колорит, они позволяли своей культуре и культуре стран Магриба в целом интегрироваться в мировое литературное пространство. Именно поэтому у этих писателей всегда были читатели, чье число сегодня растет.

Сфера обслуживания и частный сектор

В секторе частного предпринимательства, экономике и сфере услуг одним из главных условий при приеме на работу выдвигается знание французского языка. Из этого сле-

дует, что французский язык становится необходимостью при карьерном росте и продвижении в социальном и профессиональном плане

Как мы видим, французский язык сыграл большую роль в развитии Марокко. Целая историческая веха связана с его присутствием в государстве, что не может быть отменено и забыто, несмотря на не столь приятное для марокканцев колониальное прошлое. Французский язык является существенной частью культуры страны, а также связующим звеном как с Францией, так и с Европой и всем остальным миром. Кроме того, как заметил Г. Грангийом, «...поддержка французского языка часто подтверждается необходимостью сохранить важные экономические и культурные связи с Африкой» [10, с. 70], то есть французский язык связывает Африку изнутри так же сильно, как и извне с остальными странами. Он проявляется и функционирует в разной степени во всех сторонах жизни марокканского общества.

Список литературы

1. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). – Л.: Наука, 1975. – 276 с.
2. Базиев А. Т., Исаев М. И. Язык и нация. – М.: Наука. – 1973. – 247 с.
3. Дьяков Н. Н. Марокко. История, культура, религия. – СПб: 1993 г. – 184 с.
4. Benzakour F. Le français en terre de contact ou l'histoire d'une identité qui se construit // *Penser la francophonie. Concepts, actions et outils linguistiques. Actes des premières Journées scientifiques communes des réseaux de chercheurs concernant la langue.* – Paris: Edition des Archives Contemporaines, 2004 – P. 323 – 336.
5. Benzakour F., Gaadi D., Queffélec A. Le français au Maroc. Lexique et contacts de langues. – Bruxelles: eds. Duculot, 2000. – 358 p.
6. Charnet Ch. La Situation du français au Maroc // *Thèse de 3e cycle.* – Université d'Aix-Marseille I, 1985. – 334 p.
7. Corbeil J.-P. Le français régional en question // *Langues et cultures. Cahiers de l'Institut de linguistique de Louvain.* – Paris: C.I.R.E.L.F.A., 1983. – №9. – P. 31 – 44.
8. Dumont P., Maurais B. L'aménagement linguistique // *Politique et aménagement linguistique/ Paris 1987.* – P. 5 – 46.
9. Dumont P., Maurais B. Sociolinguistique du français en Afrique francophone: gestion d'un heritage, devenir une science. – Vanves: EDICEF – AUPELF, 1995. – 224 p.
10. Grandguillaume G. Arabisation et politique linguistique au Maghreb. – Paris : Ed. Maisonneuve et Larose. – 1983. – 127 p.
11. Ngalasso M.M. Etats des langues et langues de l'Etat au Zaïre // *Politique africaine.* – Paris: Karthala, 1986. – № 23 – P. 6 – 27.
12. Souriau Ch. La presse maghrébine. Evolution historique et situation en 1965 // *Thèse de 3e cycle.* – Marseille I, 1967.

LANGUAGE POLICY IN MOROCCO

D. V. Tupeyko

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
grimore13@gmail.com*

The article describes the language policy in Morocco at present, it refers to its implementation in the various spheres of Moroccan society, it highlights the functional side of language, and characterizes the degree of the involvement of different languages in the state.

Keywords: Morocco, language policy, French language, Arabic language, Berber language.

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

УДК 316.346.32:316.776.3 (470.325)

БЕЛГОРОДСКАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА НАЧАЛА XXI ВЕКА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ, ТИПОЛОГИЯ, ПРОБЛЕМАТИКА

А. М. Аткина

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
anna_atkina@mail.ru*

В статье исследуются различные характеристики молодежной журналистики, которая развивается в Белгородской области. Также выделяются особенности участия региональных молодежных СМИ в социализации молодежи и реализации государственной молодежной политики.

Ключевые слова: молодежь, молодежная журналистика, социализация молодежи, СМИ для молодежи, государственная молодежная политика.

Введение

Белгородская молодежная журналистика является развивающимся явлением в условиях постсоветского медийного пространства региона. С распадом системы комсомольских изданий молодежь утратила не только носитель актуальной для нее информации, но также учителя и воспитателя, распространяющего духовно-нравственные и патристические ценности. С началом XXI века – в условиях относительно стабильной социально-экономической ситуации в России и регионе – в Белгородской области стали предприниматься попытки заполнить пустующую нишу СМИ для молодежи. Так, в 2001 г. поддержку областной администрации получила ослабевшая от выживания в условиях рыночной экономики областная молодежная газета «Смена».

Одной из причин появления новых СМИ для молодежи стало создание в 2000 г. на базе филологического факультета Белгородского государственного университета отделения журналистики, которое в 2005 г. было преобразовано в факультет журналистики. Благодаря регулярному прохождению студентами практики в белгородских СМИ, а также ежегодному выпуску молодых журналистских кадров, за более чем 10 лет были образованы около 20-ти новых молодежных газет, журналов, радио и телепередач. К сожалению, большая часть из них прекратили свое существование, оказавшись недолгосрочными проектами.

В данной статье будут проанализированы основные характеристики белгородской молодежной журналистики – тенденции развития и типологическая структура СМИ для молодежи, а также проблематика журналистских материалов. Также будет предпринята попытка определить, насколько белгородские масс-медиа для подрастающего поколения способствуют социализации молодежи, как отличается их типология и проблематика от подобных СМИ федерального масштаба, в какой степени они участвуют в реализации государственной молодежной политики в Белгородской области. Кроме того, будут выявлены аспекты положительного и отрицательного опыта региональной молодежной журналистики, на которые можно опираться при создании новых СМИ для молодежи.

Имеющуюся литературу по выбранной теме исследования можно разделить на несколько групп. Теория журналистики представлена в работах Я. Н. Засурского [5], М. В. Шкондина [11], С. Г. Корконосенко [9]. Непосредственно общероссийские молодеж-

ные СМИ (печать и телевидение) изучались советским автором В. Н. Ганичевым [4], современными – Л.В. Цвик [12], М. Е. Аникиной [1] и др. Теме современной молодежной (ювенальной) политики посвящены работы И. М. Ильинского [6] и др. Среди исследований по социологии молодежи можно отметить работы знаменитых отечественных социологов А. В. Шарикова и С. Б. Цымбаленко [7], белгородского автора В. П. Бабинцева [2; 3]. Белгородские СМИ для молодежи практически не изучены: в сборниках научных конференций встречаются статьи об отдельных молодежных проектах [13]. В целом комплексное исследование опыта белгородской молодежной журналистики в период с 2001 по 2013 гг. проводится впервые.

Основными методами исследования явились контент-анализ, метод сравнительно-сопоставительного анализа и теоретический метод. Благодаря применению обозначенных методов, удалось изучить и сопоставить между собой молодежные проекты по видам СМИ – печать, радио, телевидение, Интернет; выявить закономерности развития региональных СМИ для молодежи; сгруппировать их по ряду типифицирующих признаков; изучить содержание журналистских материалов и выявить основные темы и проблемы, поднимаемые молодежной журналистикой; определить ее положительный и отрицательный опыт; сделать выводы о вкладе региональных молодежных масс-медиа в социализацию молодежи и в реализацию государственной молодежной политики.

Основные тенденции развития и типология белгородских СМИ для молодежи

Вначале определимся, что считать молодежными СМИ. Как отмечают Я. Н. Засурский, С. Г. Корконосенко и др. после распада СССР прекратила свое существование вертикаль центральной, профсоюзной, а также молодежной (комсомольской) прессы. Несмотря на это, в последние десятилетия обновленная молодежная пресса пережила бурное развитие. Однако, по мнению ряда исследователей, эти молодежные издания не могут рассматриваться как продолжатели традиций своих предшественников, например, знаменитой всесоюзной «Комсомольской правды» [5; 9].

В исследованиях современной типологии печати (М.В. Шкондин, М.Е. Аникина и др.) молодежные СМИ выделяются как особый сегмент медиарынка, который выполняет ряд специфических задач, главной из которых является социализация молодежи [1,11]. Еще одним критерием определения этого типа СМИ является выбор молодежной аудитории в качестве целевой. Возраст корреспондентов издания или телерадиовещания, на наш взгляд, также имеет значение из-за близости интересов молодого журналиста и молодого читателя. И хотя имеется практика, когда взрослые корреспонденты грамотно ведут молодежный СМИ, чаще всего эти проекты не пользуются популярностью среди молодежи. Последний случай как раз отличал белгородскую областную газету «Смена», которая много лет выпускалась профессиональными журналистами старшего возраста.

Газета «Смена» – старейшее молодежное печатное издание в регионе – выпускалась с 1956 г. как печатный орган Белгородского областного комитета комсомола. На рубеже веков «независимая газета «Смена» испытывала серьезные финансовые трудности. Когда же в 2001 г. у издания появились учредители – управление печати и телерадиовещания и управление по делам молодежи Белгородской области – финансовое положение газеты заметно улучшилось. Более 10 лет «Смена» была официальным изданием органов по делам молодежи области. Газета охватывала и подростковую аудиторию, выпуская приложение «Большая переменка». В 2013 г. после смены руководства управления молодежной политики области редакция газеты вместе с другими областными изданиями вошла в состав автономной некоммерческой организации «Издательский дом «Мир Белогорья». В результате реорганизации название «Смена» перешло к областному спортивному еженедельнику. Для молодежной аудитории издательский дом в сентябре 2013 г. стал выпускать молодежный журнал «ОнОнас».

48-мистраничный полноцветный журнал выходит ежемесячно и распространяется бесплатно в вузах, ссузах, учреждениях культуры и спорта, музеях, кинотеатрах, кафе Белгорода, Старого Оскола, Губкина, Алексеевки. Тираж журнала – 10 тыс. экз., что на 2 тыс. больше, чем был у газеты-предшественницы «Смены». Журнал нацелен на думающую активную молодежь от 16 до 30 лет – старшеклассников, студентов, молодых специалистов –

и призван формировать эстетический вкус юной аудитории, показывать образ жизни активного молодого белгородца.

По многим параметрам журнал «ОнОнас» кардинально отличается от газеты-предшественницы «Смены». Так, возраст журналистов редакции не превышает 35 лет. Количество штатных сотрудников сведено до минимума – редактор, корреспондент, дизайнер-верстальщик – при одновременном увеличении числа внештатных авторов. Поменялась система оплаты труда: при минимальных ставках значительно повысились размеры гонораров. В настоящее время не все заявленные положения концепции издания выполнены редакцией. Например, «журнал в долгосрочной перспективе (5 – 10 лет) планирует отказаться от выпуска печатной версии и полностью уйти в режим on line» [14].

Начало XXI в. было ознаменовано появлением в Белгороде целого ряда новых изданий для молодежи. Газета «Студень» (2001–2008 гг.) ориентировалась на студентов города Белгорода. Учредителем газеты был Белгородский городской Союз студентов (БГСС) при содействии управления молодежной политики администрации Белгорода. Тираж в 999 экз. бесплатно распространялся в вузах и ссузах областного центра. Публицистический журнал «Новый ковчег» (2003–2008 гг.) выбрал целевой аудиторией воцерковленную молодежь и молодых людей, лояльно относящихся к церкви. Его учредителями выступили Белгородская и Старооскольская епархия и управление по делам молодежи области. Тираж в 1000 экз. бесплатно распространялся на церковных и молодежных мероприятиях.

В историю белгородской молодежной прессы также внесли свою лепту коммерческие издания «Буржуй» и «Находка», выпускаемые в период с 2004 по 2007 гг. Целевая аудитория «Буржуя» – «продвинутая» молодежь, которая интересуется новыми направлениями в музыке, искусстве и т.д. Однако издатель журнала ООО «Мост» вскоре перепрофилировался на занятие более прибыльным туристическим бизнесом. Тираж издания варьировался от 3 до 10 тыс. экз. Студенческий информационно-развлекательный ежемесячник «Находка» издавался студентами Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова тиражом в 500 экз. Первые выпуски «Находки» были нацелены на учащихся университета, но в дальнейшем издание вышло на общегородской уровень. Благодаря поддержке спонсоров, стал возможен выпуск в цвете первой и последней полос газеты.

Одной из тенденций белгородской молодежной журналистики последних 10 лет стал выпуск молодежных приложений к «взрослым» изданиям. В 2003 г. первой такой проект «запустила» областная «Смена». Работу над созданием вкладыша «Вторая смена» редакция доверила старшеклассникам, студентам факультета журналистики Национального исследовательского университета «Белгородский государственный университет» и др.

Молодежное приложение под названием «ПроБел» (про Белгород) выходило с 2006 по 2008 гг. в городской газете «Наш Белгород». Его выпускали студенты факультета журналистики НИУ «БелГУ». Когда на старших курсах у команды авторов появились другие интересы, вкладыш прекратил свое существование. Однако в 2011 г. газета «Наш Белгород» возобновила выпуск молодежного приложения под названием «Репортер». Всего в 2011–2013 гг. вышло свыше 10-ти номеров «Репортера», который отличался собственным стилем, слаженной командой авторов из числа студентов-журфаковцев и др. Выпуск вкладыша был приостановлен в начале 2013 г. Среди главных причин этого – задержки по оплате труда авторов, увольнение из редакции журналиста, который курировал молодежный проект.

Кроме того, в конце 2011 – начале 2012 гг. при общественно-политической газете «Голос Белогорья» выходил вкладыш «Enter Зона», который претендовал на скандальность в изложении фактов и мнений. Однако трудности в написании репортажей и аналитических статей не позволили молодым авторам создать долгосрочный проект.

С конца 2012 г. при университетской газете «Вести БелГУ» выпускается студенческий вкладыш «Nota Bene» (первоначальное название «Будильник»). Среди его авторов находятся и бывшие корреспонденты «Репортера». Все молодежные приложения имеют характерные черты: отличная от основного издания верстка и дизайн, самостоятельные рубрики, штат молодых авторов под руководством профессионального журналиста, интересные темы и подача материала.

Радиоэфир для белгородской молодежи представлен довольно слабо. В настоящее время транслируется единственная радиопередача для молодежи под названием «Гори-

зонт» (с 2006 г., ГТРК «Белгород»). Она выходит еженедельно на волнах «Радио России – Белгород» и представляет собой обзор молодежных новостей за прошедшую неделю. Хронометраж программы – 10 минут. В 2010 г. на канале «Радио 31» областного ТРК «Мир Белогорья» в течение нескольких месяцев выходила радиопрограмма «Молодые ветра», которая ориентировалась на освещение вопросов молодежной политики. Первоначально программа выходила еженедельно, позже – один раз в 2-3 недели. К ее созданию привлекались студенты факультета журналистики НИУ «БелГУ».

По прошествии 2 лет после обозначенных событий (в конце 2012 г.) в НИУ «БелГУ» появилось собственное студенческое радио «БЕЛый ГУсь». Два раза в неделю по 10 минут радио звучит в стенах вуза. Также выпуски находятся в открытом доступе в сети Интернет (на сайте «Молодчины.рф», в социальной сети «В Контакте» и др.). Помимо новостных репортажей радио «БЕЛый ГУсь» выпускает и тематические материалы, например, посвященные Дню донора и Дню радио.

Телепрограмм для молодежи за прошедшие 10 лет выходило немало, но многие из них просуществовали всего несколько месяцев. Так, в 2004 г. муниципальный телеканал «Белый город» выпускал передачу «Молодежный формат». Ее периодичность – раз в две недели, хронометраж – 10 минут. Программа обычно включала 3-4 репортажа. В 2005 г. на ГТРК «Белгород» еженедельно выходил тележурнал «Молодежный базар», посвященный различным молодежным темам. Хронометраж программы – 20 минут.

К программам-долгожителям можно отнести следующие два проекта. С 2002 по 2005 гг. на телеканале «Магнит» (впоследствии СТС-Белгород, 1991-2009 гг.) выходило молодежное ток-шоу «Поколение Next». Его периодичность – два раза в месяц, хронометраж – 40 минут. В студии обсуждались актуальные молодежные темы и проблемы. Во втором по значимости городе области Старом Осколе на ТК «Приосколье» выходила молодежная программа «Платформа» (2003-2007 гг.). Ее выпускала студия молодежной информации «Наш голос». Передача транслировалась еженедельно хронометражем 25 минут. Ее структуру составляли 13 рубрик, посвященных как новостям, так и темам образования, профориентации, социальным проблемам и т.д.

Проведение в 2009 г. мероприятий Года молодежи в России послужило стимулом создания в Белгородской области новых СМИ для подрастающего поколения. Так, в 2008 г. при телеканале «Мир Белогорья» создана молодежная редакция программ, в 2009 г. на ТК «Приосколье» возобновлена телепередача «Платформа», на ГТРК «Белгород» вышло в эфир молодежное ток-шоу «Вовремя». В 2010 г. на областном «Радио 31» появилась радиопрограмма «Молодые ветра», а также при поддержке местного информационного агентства «Медиатрон» стартовал проект «Журнал за 24 часа». Ситуация изменилась в лучшую сторону ненадолго: дали о себе знать последствия финансово-экономического кризиса конца 2008 г. Телепередача «Платформа» так и не вышла на областной уровень – как планировалось, оставшись местной программой города Старый Оскол. Ток-шоу «Вовремя», радиопрограмма «Молодые ветра», «Журнал за 24 часа» просуществовали несколько месяцев, а молодежная редакция так и не выпустила программный продукт.

Новая веха в развитии белгородских СМИ для молодежи связана с появлением муниципального медиахолдинга «Белгородмедиа». В 2011 г. был подписан договор между НИУ «Белгородский государственный университет» и МУ «Белгород-медиа» об участии студентов факультета журналистики в подготовке молодежного контента для городских СМИ. Совместными проектами вуза и медиахолдинга стали выпуск молодежного приложения «Репортер» к городскому еженедельнику «Наш Белгород» (о нем сообщено выше), а также телепередачи «Молодежное время» на ТК «Белый город». Телепрограмма выходит с конца 2011 г. 2 раза в месяц хронометражем 10 минут. Примечательно, что передача не нацелена на освещение тех или иных молодежных мероприятий, а разрабатывает темы, которые интересны для большинства молодежи.

Ровно через год (с конца 2012 г.) у муниципальной молодежной передачи появился конкурент на региональном телеканале «Мир Белогорья». Программа «ПРОдвижение» выходит еженедельно хронометражем около 20 минут. Каждый выпуск имеет главную тему, например, «Любовь», «Строители», «Спорт» и др. И соответственно, все рубрики (представление героев, эксперимент, опрос и др.) нацелены на раскрытие темы.

Отдельным видом молодежных СМИ можно считать студенческие медийные проекты, которые получили толчок к развитию в конце 2012 г. после смены руководства НИУ «БелГУ». Помимо молодежного вкладыша к университетской газете «Nota Bene» были запущены студенческое радио «БЕЛЫЙ ГУСЬ» и «Твое университетское телевидение». Последний проект стартовал позже, в сентябре 2013 г., и пока транслируется только на сайте БелГУ. Дважды в месяц университетское телевидение знакомит с основными новостями из жизни вуза.

Несмотря на то, что формат Интернет-сайта является привлекательным для молодых людей благодаря удобству использования, интерактивности и мультимедийности, региональных специализированных сайтов для молодежи в Интернет-сети единицы. К такому можно причислить обновленный интернет-ресурс управления молодежной политики области «Молодчины.рф» (с 2013 г.), который пестрит новостями, содержит большое число фоторепортажей, представляя своеобразный калейдоскоп молодежной жизни.

Также можно отметить «Белгородский народный портал» <http://p1us.ru> (2011 – 2012 гг.). Портал позиционировал себя, как первое белгородское Интернет-телевидение. На сайте были выложены видеоотчеты о городских мероприятиях, снятые любительской видеокамерой. Проект был довольно популярен среди молодежи, но не сумел заручиться поддержкой извне. За год количество авторов и видеооператоров сайта увеличилось с 3 до 18 человек. Портал закрылся по субъективным причинам – руководитель портала окончил вуз и переехал в Подмоскowie, где на существующем интернет-адресе (<http://p1us.ru>) был запущен проект журнала «Еще», ориентированного на жителей города Орехово-Зуево.

Составив представление о ранее выходивших (с 2001 г.) и ныне существующих печатных изданиях, радио и телепередачах для молодого поколения, предпримем попытку классифицировать белгородские молодежные СМИ. Используя типологические классификации Я. Н. Засурского [5, с. 193 – 204, 333 – 337], М.В. Шкондина [11, с. 37 – 38], С. Г. Корконосенко [9, с. 103] дифференцируем современные белгородские СМИ для молодежной аудитории по ряду типоформирующих признаков:

По масштабу распространения (охвату вещания):

– издания и телепередачи, распространяемые и транслируемые в пределах территории Белгородской области (журнал «ОнОнас», радиопрограмма «Горизонт», телепередача «Вовремя» на ГТРК «Белгород»);

– издания и программы муниципального масштаба (газета Союза студентов города Белгорода «Студень», телепередачи муниципального ТРК «Белый город» «Молодежный формат» и «Молодежное время» и др.);

– молодежные СМИ, целевой аудиторией которых являются студенты или учащиеся учебных заведений (газета «Находка» при БГУ им. В. Г. Шухова, радио «БЕЛЫЙ ГУСЬ» при НИУ «БелГУ» и др.);

По характеру аудитории (по возрастным, профессиональным, мировоззренческим признакам, отношению к вероисповеданию):

– СМИ для подростков (приложение к «Смене» «Большая переменка») и молодежной аудитории (телепрограммы «Молодежный формат», «Молодежное время» и др.);

– издания и программы для разных профессиональных групп, например, студентов (газеты «Студень», «Nota Bene») и преимущественно рабочей молодежи (газета «Смена», ток-шоу «Поколение Next» и др.);

– для творческой «продвинутой» молодежи и представителей молодежных субкультур (журнал «Буржуй», ток-шоу «Вовремя» на ГТРК «Белгород» и др.);

– для верующей православной молодежи (журнал «Новый ковчег»).

По способу производства:

– традиционные СМИ – продукт деятельности профессиональных журналистов (радиопередача «Горизонт» на ГТРК «Белгород», газета «Смена» и др.);

– юнкорские – продукт самовыражения молодежи (вкладыши в профессиональных изданиях «Вторая Смена» в газете «Смена» и «Репортер» в газете «Наш Белгород», а также телепередачи «Молодежный базар», «ПРОдвижение», «Белгородский народный портал», созданные молодыми энтузиастами и др.).

По целевому назначению:

– информационно-публицистические СМИ, призванные сообщать об окружающем

мире, формировать мировоззрение (журналы «ОнОнас», «Новый ковчег», телепрограмма «Платформа», радиопрограмма «Молодые ветра» и др.);

– развлекательные издания и передачи с доминирующими гедонистической, рекреативной и рекламной функциями (газета «Находка», журнал «Буржуй», телепередача «Молодежный базар» и ток-шоу «Вовремя» на ГТРК «Белгород» и др.).

По форме собственности (виду учредителя):

– государственные (издававшиеся управлением по делам молодежи области «Смена» и «Новый ковчег», журнал ИД «Мир Белогорья» «ОнОнас», проекты филиала ВГТРК «Россия», ГТРК «Белгород» – «Горизонт», «Вовремя» и др.);

– негосударственные (принадлежавший ООО «Мост» журнал «Буржуй» и др.);

– являющиеся собственностью общественных организаций (выпускаемая старооскольской студией молодежной информации телепрограмма «Платформа» и др.).

Безусловно, региональная палитра типологических характеристик масс-медиа для молодежи беднее общероссийской. В Белгородской области СМИ для молодежной аудитории не дифференцируется по признакам пола, в основном обладают универсально-тематическими характеристиками. То есть, в регионе отсутствуют газеты и журналы отдельно для девушек и юношей (как, например, общероссийские журналы «Маруся», «Хулиган» и др.), посвященные исключительно компьютерным играм (журнал «Игромания» и др.) или моде (журнал «ОМ» и др.). Также нет возможности в силу экономических и другого рода причин издавать журналы, популяризирующие науку и искусство (журналы «Юный техник», «Юный художник»), выпускать научно-популярные телепроекты (телеигра «Умники и умницы» на «Первом канале» и др.).

Необходимо отметить, что из всего представленного многообразия белгородских СМИ для молодежи в настоящее время выпускаются лишь единицы: журнал «ОнОнас» (с 2013 г.), радиопередача «Горизонт» (с 2006 г.), телепередача «Молодежное время» на ТК «Белый город» (с 2011 г.), телепередача «ПРОдвижение» на ТРК «Мир Белогорья» (с 2012 г.), студенческие проекты – радио «БЕЛый ГУсь» (с 2012 г.), вкладыш «Nota Bene» (с 2012 г.) и др. Бесспорно, обозначенные СМИ не в состоянии охватить разнородную белгородскую молодежь, которая имеет различные характеристики: возраст, пол, образование, вероисповедание, род занятий, субкультурные особенности и др.

Кроме того, в результате исследования выяснилось, что общественно-политические и другие виды белгородских СМИ не в достаточной степени участвуют в реализации государственной молодежной политики в регионе. Редакции не уделяют достаточного внимания темам социализации подростков, оказания помощи молодежи в решении ее проблем (в сферах трудоустройства, обеспечения жильем и др.), в малом количестве публикуют справочные и развлекательные материалы. По данным мониторинга медиа-пространства за 2011 г., подготовленного администрацией Губернатора области [10], по обозначенным темам представлено менее 10% журналистских материалов от общего числа упоминаний о молодежной политике и духовно-нравственном воспитании молодежи. Кроме того, как показывает социологическое исследование рынков печатных СМИ других регионов России, молодежь – скорее желаемая и воображаемая аудитория, нежели реальная: она составляет всего 2,6 % от общей аудитории региональной периодики [8].

Таким образом, можно говорить о неиспользованном потенциале белгородской молодежной журналистики, как в деле удовлетворения информационных потребностей молодежной аудитории, так и в реализации государственной молодежной политики. Бесспорно, расширение спектра печатных изданий, теле и радиопередач, Интернет-проектов, ориентированных на молодежную аудиторию, позволило бы охватить большее число молодежи и способствовать привлечению общественности и властных структур к решению молодежных проблем.

Проблематика молодежной журналистики в Белгородской области

Универсальная проблематика белгородской молодежной журналистики представлена следующими темами и проблемами:

1) официальная молодежная и студенческая жизнь – одна из самых распространенных тем, ведь органы по делам молодежи области и учебные заведения проводят огромное число мероприятий. Газета «Смена» активно освещала областные и городские

фестивали и конкурсы, спортивные состязания и слеты военно-патриотических клубов, подготовку к сессии и т.п. в рамках тематических полос «Alma Mater» и «Как живешь, молодежь?».

Газета «Студень» рассказывала об истории студенческих праздников, освещала организованные учредителем – городским союзом студентов – мероприятия. Студенческие проекты «БЕЛЫЙ ГУСЬ» и «Nota Bene» рассказывают о вузовских и городских студенческих мероприятиях. Об официальных молодежных мероприятиях сообщали также журнал «Новый ковчег», радиопрограмма «Молодые ветра», телепрограмма «Молодежный формат» и др. В настоящее время о многообразной молодежной жизни рассказывают сайт областного управления молодежной политики «Молодчины.рф», радиопередача «Горизонт» и др.;

2) увлечения, хобби, творчество молодежи – также весьма распространенные темы белгородской молодежной журналистики. «Смена» регулярно рассказывала о различных творческих студиях, талантливых поэтах, исполнителях, танцорах. О молодежных увлечениях, в том числе о нестандартных (реконструкции рыцарских доспехов, паркуре, планкинге и др.), рассказывали передачи «Молодежный формат», «Молодежный базар», приложения «ПроБел» и «Репортер» и др. В телепередаче «ПРОдвижение» на ТРК «Мир Белогорья» ведущие не только ведут разговор о молодежных увлечениях, но даже примеряют на себе роли спортсмена, повара и др.;

3) портретная зарисовка или интервью с интересными и успешными людьми – как представителями молодежи, так и старшего поколения – также присутствуют в молодежных СМИ. «Смена» представляла на своих страницах управленцев из сферы молодежной политики, знакомила с выдающимися людьми области и страны – писателями, спортсменами, учителями, народными умельцами, ветеранами Великой Отечественной войны – в рамках полос «Люди и судьбы», «Город мастеров» и др. Сегодня «эстафету» принял журнал «ОнОнас», который представляет на своих страницах героев нашего времени. Интервью с молодыми талантами время от времени публиковались в газете «Студень», журналах «Новый ковчег» и «Буржуй», в приложении «Репортер», регулярно выходят на радио в программе «Горизонт», телепередачах «Молодежное время» и «ПРОдвижение» и др. В телевизионных ток-шоу «Поколение Next» и «Вовремя» осуществлялось знакомство сразу с несколькими интересными людьми в студии;

4) путешествия – популярная тема в печатных СМИ, ориентированных на молодежь. В газете «Смена» путевые заметки земляков публиковались в рамках тематической полосы «Из дальних странствий». В газете «Студень» выходили справочные материалы о зарубежных странах под рубрикой «Студпоход». В православном «Новом ковчеге» регулярно публиковались статьи о паломнических поездках. Рассказы о путешествиях выходили также в приложении «Репортер», вкладыше «Nota Bene» и др. Теле- и радиопроекты для молодежи практически не размещали репортажи о путешествиях в силу отсутствия телевизионных кадров и синхронизации с места события;

5) технические и компьютерные новинки – тема, которая всегда интересна молодежи, выросшей в век научно-технического прогресса. В газете «Смена» – а именно в приложении «Вторая смена» под рубрикой «Чайник» в 2004 – 2006 гг. – выходили материалы о компьютерах, сотовой связи и др. В газете «Студень» дайджест материалов о научных достижениях выходил под рубрикой «На грани науки». На ТРК «Мир Белогорья» в 2007 – 2008 гг. выходила программа «On line», посвященная компьютерной индустрии. В передаче «Молодежный базар» на ГТРК «Белгород» присутствовала телерубрика «Компьютерный мир». В программе «Молодежный формат» регулярно выходили сюжеты, подготовленные информационным агентством «Бел.ру» и посвященные освоению Интернета.

6) Тенденции моды и создание собственного стиля – интересная тема, прежде всего, для девушек. В областной «Смене» выходила тематическая полоса «Дамская комната», где рассказывалось не только о модных новинках, но также о психологии любви. В телепередаче «Молодежный базар» была выделена рубрика «Это модно»;

7) музыка, новинки кинопроката – частая тема большинства СМИ для молодежи. Газета «Смена» в рамках тематической полосы «МуЗона» рассказывала о молодых музыкантах, музыкальных фестивалях. В журнале «Буржуй» под рубрикой «Jam» выходил обзор музыкальных и киноновинок. В журнале «Новый ковчег» под рубрикой «Музыкалка»

рассказывалось о духовной музыке и музыкантах из среды православной молодежи. В приложении «Репортер» (при газете «Наш Белгород») часто сообщалось о концертах рок-групп, новых фильмах. Передачи «Молодежное время» на ТК «Белый город» и «ПРОдвижение» на ТРК «Мир Белогорья» знакомят с различными молодежными рок-группами. Выходили подобные репортажи и в программах «Молодежный формат», «Молодежный базар». На «Белгородском народном портале» присутствуют рубрики «Последний Ряд» – о кино- и видеонюжках, «ДециБел» – о музыке;

8) обсуждение проблем молодежи (поступление в вуз, трудоустройство, обеспечение жильем, вредные привычки, преступность в молодежной среде и др.) – наиболее актуальная для молодежи информация. В то же время проблемные материалы не часто встречаются в молодежных масс-медиа, но все же чаще, чем в общественно-политических и иных региональных СМИ. Газета «Смена» регулярно публиковала информацию об ярмарках вакансий, работе центров занятости и др. Также на страницах издания освещались темы ипотечного кредитования, адресной помощи матерям с детьми, выплаты социальных стипендий учащимся и студентам из малообеспеченных семей, бытовых проблем студенческих семей т. д. Журнал «ОнОнас» публикует большое количество публицистических материалов, в которых поднимаются мировоззренческие проблемы молодежи, например, об отсутствии положительного героя для подрастающего поколения и др.

В молодежном приложении к городской газете «Наш Белгород» «Репортер» публиковались проблемные материалы о трудоустройстве молодежи, ее принадлежности к тому или иному политическому течению, оснащенности спортивных площадок для молодых белгородцев и др. В журнале «Буржуй» под рубрикой «Front line» выходили проблемные материалы, например, о религиозной нетерпимости и др. Радиопрограмма «Горизонт» на ГТРК «Белгород» рассказывает о проблемах молодых семей при строительстве (приобретении) собственного жилья и др. В ток-шоу «Поколение Next» обсуждались проблемы аборт, молодежных субкультур, доверия молодежи к СМИ и др. В ток-шоу «Во-время» разговор шел о том, как влияет Интернет на живое общение, где легче себя реализовать – в столице или провинции и др. В передаче «ПРОдвижение» рассказывается о важности рабочих специальностей для экономики региона и неподдельном интересе молодежи к профессиям строителя, маляра, повара и др.

Таким образом, большинство белгородских СМИ, ориентированных на молодежь, выпускают новости об официальных молодежных и студенческих мероприятиях (газета «Смена», сайт «Молодчины.рф», вкладыш «Nota Bene», радиопрограмма «Горизонт», радио «БЕЛый ГУсь», телепередача «Молодежный формат» и др.), публикуют дайджест о моде, музыке, кино, компьютерах (журналы «Буржуй» и «Новый ковчег», газеты «Студень», «Находка» и др.). Менее представлены новости о неформальной молодежной жизни, авторские репортажи, отражающие современную действительность, развлекательные и юмористические материалы, а также статьи, посвященные проблемам молодежи. Однако и такие материалы – пусть не в большом количестве – присутствуют в белгородской молодежной журналистике.

Так, в газете «Смена» выходили репортажи под рубрикой «Испытано на себе», зарисовки белгородских писателей о случаях из жизни. В журнале «ОнОнас» в постоянной рубрике «Репортаж» журналист погружается в жизненную среду, например, пишет материал о студентах, подрабатывающих проводниками, совершив поездку на поезде. В молодежном приложении к городской газете «Наш Белгород» «Репортер» публиковались новости о неформальных молодежных мероприятиях: концертах рок-групп, творческих встречах и т. д. В передаче «Молодежный формат» выходили юмористические сюжеты на студенческие темы. В телепередаче «Молодежное время» рассказывается о представителях молодежных субкультур и др. На «Белгородском народном портале» выложены видеоотчеты о городских праздниках, концертах и фестивалях, снятые молодыми энтузиастами.

Отметим, что проблематика белгородской молодежной журналистики несколько отличается от федеральной. Так, универсальность содержания белгородских молодежных СМИ приводит к поверхностности изложения тем. К примеру, материалы профессионального журнала «DJ Культура» не сравнятся с редким упоминанием в белгородской «Смене» о местном фестивале ди-джеев «Джокер». В целом же федеральные СМИ для молодежи изобилуют развлекательным содержанием (новости из жизни звезд шоу-бизнеса,

темы межличностных отношений и сексуального воспитания, обзоры тенденций моды, музыкальных, компьютерных и видео новинок и др.). В итоге федеральные СМИ для молодежи (журналы «Yes!», «Лиза Girl» и др.) реализуют функцию социализации молодежи со знаком «минус», распространяя образцы безнравственности, потребительского отношения к жизни и т.п. Региональные молодежные проекты менее коммерциализированы, ставят своей целью не столько развлечь, но сообщить молодежи актуальные сведения, рассказать о положительных примерах талантливых земляков, донести до молодых людей духовно-нравственные и патриотические ценности, поддерживаемые в регионе – то есть положительно влияют на социализацию молодежи.

Однако если общероссийские развлекательные журналы «Ровесник», «OOPS!» и др. выходят тиражом от 100 до 260 тыс. экз., то региональная молодежная печать – от 999 экз. до 8-10 тыс. экз. Молодежные малотиражные издания, например, «ОнОнас» (тираж- 10 тыс. экз.), не выдерживают конкуренции с более успешными в коммерческом плане изданиями, а также Интернет-ресурсами. Так, по данным региональных социологических исследований, популярным среди белгородской молодежи является межрегиональный развлекательный еженедельник «Житье-Бытье». Кроме того, именно молодой человек в возрасте 18 – 29 лет является основным пользователем Интернет-ресурсов [3]. Таким образом, на региональном материале подтверждается общероссийская тенденция – в условиях рынка на первый план, как во взрослой, так и в молодежной журналистике выходят развлекательная и рекламная функции СМИ, вытесняя функцию социализации на периферию [7].

Опыт белгородской молодежной журналистики

Исследовав ушедшие в историю за прошедшие 10 лет и существующие ныне молодежные газеты, журналы, телепередачи, выделим положительный и отрицательный опыт белгородской молодежной журналистики:

К положительному опыту относятся следующие факты:

– несмотря на общий кризис молодежных изданий в России, белгородская «Смена» (с 1956 г.) сумела заручиться поддержкой областной администрации и с 2001 по 2013 гг. старалась сохранять традиции издания с более чем 50-летней историей. «Смена» долгие годы являлась единственным молодежным изданием в области, которое выпускалось штатом профессиональных журналистов в противоположность любительским газетам-однодневкам;

– самая долговечная городская молодежная газета «Студень» (2001 – 2008 гг.) издавалась в течение более 7 лет при действующей молодежной организации – Белгородском городском союзе студентов (БГСС). Несмотря на то, что редакторы и корреспонденты менялись, благодаря поддержке организации газета продолжала выходить;

– белгородские журналы – православный «Новый ковчег» (2003-2008 гг.) и коммерческий «Буржуй» (2004 – 2007 г.) – отличались высоким качеством полиграфии и подборки фотоиллюстраций. Эти журналы по уровню оформления не уступали федеральным изданиям, чем привлекали молодежь;

– молодежное приложение, которое выпускалось дольше всего – «Вторая смена» при областной газете «Смена» (2003 – 2012 гг.). Это стало возможно благодаря бессменному куратору от основного издания, который работал с молодежью – обучал основам мастерства и корректировал материалы молодых авторов. Однако из-за «текучки» молодых кадров в приложении не была сформирована постоянная команда корреспондентов;

– главное отличие молодежного приложения к городской газете «Наш Белгород» «Репортер» (2011 – 2013 гг.) от изданий-предшественников («Студня», «Нового Ковчега», «Буржуя») в том, что он выпускался не просто молодыми людьми, объединенными в стремлении «делать газету», а студентами журфака под руководством куратора из газеты «Наш Белгород». В то же время у молодежной команды был свой студенческий редактор, благодаря которому была сформирована слаженная команда корреспондентов. В результате печатное издание получалось профессиональным с точки зрения содержания, верстки, распределения обязанностей в редакции;

– вкладыш «Nota Bene» при газете «Вести БелГУ» продолжил традиции «Репортера», добавив к имеющимся положительным характеристикам цветное оформление полос;

– журнал «ОнОнас» отличает качество текста, фотографий и верстки, информационно-публицистический характер материалов, профессиональные кадры, достойное материальное вознаграждение за труд, в том числе и внештатных авторов;

– самая долговечная молодежная радиопрограмма – «Горизонт» на ГТРК «Белгород» (с 2006 г.) – выпускается профессиональным радиожурналистом, благодаря репутации и опыту которого передача имеет свой стиль, завоевала своего слушателя;

– самая долговечная молодежная телепрограмма – «Поколение Next» (2002-2005 гг., ТК «Магнит») – выходила более 3 лет. Ее отличало разнообразие обсуждаемых тем, а также финансово-организационная поддержка спонсоров и властных структур;

– в тележурнале «Молодежный базар» (2005 г., ГТРК «Белгород») присутствовали рубрики – «Наша музыка», «О серьезном», «Это модно», «Компьютерный мир» и др. Почти за каждой рубрикой был закреплен свой постоянный ведущий, что создавало передаче свой узнаваемый стиль;

– ток-шоу «Вовремя» (2010 г., ГТРК «Белгород») отличали работа над образом ведущего, качество видеосъемок, налаженные деловые контакты, позволявшие приглашать для участия в программе белгородских и даже общероссийских знаменитостей;

– в программе «Молодежное время» (ТК «Белый город», с 2011 г.) разрабатываются разнообразные молодежные темы и проблемы, передачу ведут студенты, что довольно демократично;

– в передаче «ПРОдвижение» (ТК «Мир Белогорья», с 2012 г.) присутствует диалог двух ведущих, а в одной из рубрик ведущие примеряют на себе различные профессии и роли. Все это придает передаче динамичность, узнаваемый стиль. Также привлекает качество видео съемки и обработки видео, даже с применением анимации др.;

– на «Белгородском народном портале» (с 2011 г.) были выложены видеотчеты о городских праздниках, концертах и фестивалях, снятых молодыми энтузиастами. Это был первый молодежный видеораздел в белгородском сегменте Рунета;

– многие молодежные проекты уделяли большое внимание налаживанию обратной связи с молодыми белгородцами. Газеты «Смена», «Студень», тележурнал «Молодежный базар», ток-шоу «Поколение Next» регулярно проводили конкурсы и опросы среди читателей и зрителей. Газета «Смена», приложение «Репортер», телепрограммы «Вовремя», «Молодежное время», «ПРОдвижение», а также Интернет-ресурсы «Белгородский народный портал», «Молодчины.рф» имеют персональные сообщества в социальных сетях «В контакте», «Живой журнал» и другие.

К отрицательному опыту относятся следующие факты:

– газета «Смена» была зарегистрирована как «областная молодежная газета», но большинство ее штатных авторов были далеко не молоды. «Взрослый» дизайн и язык материалов, отсутствие цвета в оформлении не позволяли газете позиционировать себя как действительно молодежное издание;

– газеты «Студень» и «Находка», журнал «Новый ковчег» делали молодые люди, не имевшие журналистского и дизайнерского образования, поэтому издания не отличались хорошей версткой, «грешили» орфографическими и стилистическими ошибками;

– сотрудники «Студня», «Нового ковчега» не получали материального вознаграждения за свой труд. В журнале «Буржуй» также выплачивались лишь символические гонорары. Неудивительно, что в редакциях наблюдалась постоянная «текучка» кадров. В приложении «Репортер» из-за задержек по оплате труда из проекта ушла сразу вся команда авторов;

– радиопередача «Молодые ветра» взялась за освещение вопросов молодежной политики, предоставив работу над сюжетами студентам-практикантам. В итоге из-за неинтересных для самих авторов тем получились скучные радиосюжеты;

– ток-шоу «Поколение Next» создавалось представителями старшего поколения, передача была политизирована, подчас излишне назидательна;

– многие сюжеты передач ГТРК «Белгород» «Молодежный базар» и «Вовремя» носили откровенно рекламный характер. Однако попытки зарабатывать на рекламе спонсоров не увенчались успехом. Оба проекта просуществовали всего несколько месяцев. Журнал «Буржуй» сумел привлечь достаточно много рекламодателей, но так и не стал приносить постоянную прибыль.

Таким образом, самыми ценными – проверенными временем – качествами СМИ, ориентированных на молодежь, являются наличие команды молодых корреспондентов-энтузиастов (в лучшем случае – с журналистским образованием), которые бы работали под руководством профессионального журналиста; наличие государственной или иной поддержки проекта; качество верстки и дизайна печатного СМИ; качество съемок и музыкального оформления теле- и радиопроектов. Отказаться следует от навязчивых рекламных статей и репортажей (реклама должна быть отделена от информации), бесплатного труда молодых энтузиастов, назойливой политизированности и назидательности, допуска к созданию проекта дилетантов и др.

Список литературы

1. Аникина М. Е. Молодежная аудитория печати: чтение в условиях развития Интернета [Электронный ресурс]: дисс. ... канд. филол. наук / М. Е. Аникина; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2006. – Режим доступа: <http://diss.rsl.ru>
2. Бабинцев В. П. Социология молодежи: Учебник / В. П. Бабинцев, Ю. В. Коврижных, Е. В. Ретов. – Белгород: Константа, 2008. – 218 с.
3. Бабинцев В. П. Информ.-аналитич. отчет по итогам социолог. опроса «Оценка эффективности муниципальных средств массовой информации города Белгорода» [Электронный ресурс] / В. П. Бабинцев, Б. В. Заливанский, Е. В. Самохвалова, – Белгород, 2011. – 209 с.
4. Ганичев В. Н. Молодежная печать: история, теория и практика / В. Н. Ганичев, – М., – 1976.
5. Засурский Я. Н. Детская и юношеская пресса / Я.Н. Засурский // Система Средств Массовой Информации России : учеб. пособие для вузов / Под ред. Засурского Я. Н. – М.: Аспект Пресс, 2001. – С. 149 – 162.
6. Ильинский И.М. Молодежная политика / И. М. Ильинский // Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М.: Голос, 2001. – С. 472 – 476.
7. Информационное пространство российского подростка в постсоветский период (социологический анализ) / С. Б. Цимбаленко, А. В. Шариков, С. Н. Щеглова, – М, НИИ школьных технологий, 2006. – 128 с.
8. Касютин В. Жизнь или кошелек? / В. Касютин // Журналистика и медиарынок, 2011 – № 3.
9. Корконосенко С. Г. Основы журналистики: Учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 287 с.
10. Мониторинг средств массовой информации по теме «Духовно-нравственное и патриотическое воспитание молодежи» за период с января по декабрь 2011 г. [Электронный ресурс] / подготовлен отделом мониторинга управления информации и массовых коммуникаций Администрации Губернатора области, – Белгород, 2011.
11. Типология периодической печати: Учеб. Пособие для студентов вузов / М. Е. Аникина, В. В. Баранов, О. А. Воронова и др. Под ред. М. В. Шкондина, Л. Л. Реснянской. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 236 с.
12. Цвик В. Л. Молодежные телепрограммы / В. Л. Цвик // Телевизионная журналистика: История, теория, практика: Учебное пособие. – М.: Аспект пресс, 2004. – С. 306 – 326.
13. Шевцов О. Л. Медиа-концерн газеты «Смена» // Тонус № 13. Социализация личности и проблем развития общественных отношений: научное и учебно-методическое издание. – Казань: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2006. – С. 173 – 176.
14. Концепция областного молодежного журнала [Электронный ресурс], – Белгород, 2012. – 16 с.

BELGOROD YOUTH'S JOURNALISM IN THE BEGINNING OF THE XXth CENTURY: DEVELOPMENT, TYPOLOGY, RANGE OF PROBLEMS

A. M. Atkina

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
anna_atkina@mail.ru*

The article deals with different descriptions of youth's journalism which is developing in Belgorod region. It also regards the peculiarities of participation regional youth's mass media in socialization of youth and in realization of State youth's policy.

Keywords: youth, youth's journalism, socialization of youth, mass-media for youth, State youth's policy.

УДК 070

ФЕНОМЕН «АЛЬ-ДЖАЗИРЫ» НА БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ И ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЫНКАХ

В. М. Виниченко*Южный федеральный
университет**e-mail:
vitalyv@sfedu.ru*

Статья посвящена одной из наиболее успешных ближневосточных телекомпаний последних десятилетий – катарской «Аль-Джазире». Как полагают некоторые исследователи, её можно рассматривать в качестве «примера журналистики питающей общественные дебаты целого региона, и исходящей из недемократического государства», что, в свою очередь, делает устаревшей научную концепцию, исходящую из необходимости демократии как политической предпосылки существования журналистики. Но более пристальный взгляд на историю «Аль-Джазиры» показывает, что главной причиной профессиональной автономии и щедрой финансовой поддержки, предоставленных ей эмиром Катара, была не поддержка «общественных дебатов», а приобретение влияния в регионе, где в течение долгого времени доминирующие позиции удерживали СМИ Саудовской Аравии. Достигнув этой цели, «Аль-Джазира» начала трансформироваться в один из внешнеполитических инструментов «мягкого влияния». Таким образом, несмотря на предшествующие успехи, пример «Аль-Джазиры» едва ли опровергает существование связи между демократией и журналистикой.

Ключевые слова: «Аль-Джазира», журналистика, демократия, спутниковое вещание.

Дискуссия о журналистике и демократии

В конце 2012 г. в разделе «OnlineFirst» европейского журнала «Journalism» появилось несколько статей, авторы которых решили бросить вызов прочно укоренившейся среди западных исследователей традиции рассматривать демократию в качестве одного из необходимых условий возникновения и существования журналистики [1; 2; 3]. Эта изжившая себя научная парадигма, по их мнению, искусственно маргинализирует научные исследования в области журналистики и придаёт им элитистский характер, оставляя за рамками изучения исторический опыт и практику средств массовой информации большинства стран за пределами западного мира [2, Р. 11 – 12].

Ключевыми предпосылками подобной позиции выступают, с одной стороны, экономические трудности, переживаемые в настоящее время печатными СМИ в США и Западной Европе, а с другой – появление на международном информационном рынке новых успешных игроков из-за пределов западного мира, наиболее ярким примером которых выступает катарская компания «Аль-Джазира» (Al Jazeera). Как утверждает австралийская исследовательница Д. Бита в статье под красноречивым названием «Как много демократии нужно журналистике?»: «Ещё одним важным источником международной информации, который нельзя рассматривать в качестве независимого от государства, является «Аль-Джазира» в Катаре... Несмотря на то, что станция финансируется шейхом Хамадом бен Халифа Аль Тани и ей запрещено освещать внутренние события Катара, она демонстрирует приверженность базовым принципам точности и достоверности информации... На сегодняшний день «Аль-Джазира» является, возможно, самым ярким примером журналистики, питающей общественные дебаты целого региона и исходящей из недемократического государства» [1, Р. 12].

Насколько справедливо подобное утверждение? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо внимательно взглянуть на обстоятельства, предшествовавшие созданию «Аль-Джазиры» и особенности её развития в течение минувших 17 лет. При всём том, что «Аль-Джазира» не может пожаловаться на недостаток внимания со стороны отечественной прессы, действительно обстоятельных исследований о ней в российской науке практически нет. Начальный период её становления коротко рассматривается в принадлежащем перу А. П. Короченского разделе учебника «История мировой журналистики» [4] а также монографии В. В. Орловой «Глобальные телевизионные сети новостей на информацион-

ном рынке» [5]. Кроме того, ей посвящена кандидатская диссертация Я. Шабермаха «Палестинская проблема на телеканале «Аль-Джазира»: дискурс терроризма» [6]. Восполнить данный пробел хотя бы отчасти и наметить перспективы для дальнейших исследований призвана настоящая статья.

Особенности развития спутникового вещания на Ближнем Востоке

Как известно, «Аль-Джазира» была создана в регионе, где, по мнению некоторых наблюдателей, телевизионной журналистики в её современном понимании просто не существовало ещё двадцать лет назад. Вплоть до начала 90-х годов прошлого века все без исключения телеканалы арабских стран оставались государственными, а потому не ставили перед собой иных целей, кроме обслуживания информационных потребностей государства и развлечения зрителей. В их эфире невозможно было представить ничего подобного западным ток-шоу на острые социальные темы со звонками зрителей в студию или интервью с политическими лидерами различных направлений. Арабские телеканалы практически не имели зарубежных корреспондентов, а их информационные выпуски, как правило, сводились к освещению рутинной деятельности правительства безотносительно к её новостной ценности [7].

Ситуация начинает меняться с наступлением эры спутникового вещания, а катализатором перемен в очередной раз выступила «Си-Эн-Эн» (CNN). Незадолго до первой войны в Персидском заливе «Си-Эн-Эн» приступила к международному распространению своего сигнала при помощи советского спутника, зона охвата которого включала Ближний Восток. По понятным причинам интерес к её сообщениям из Ирака оказался здесь столь значительным, что вскоре их начинают ретранслировать наземные станции двух крупнейших государств региона – Саудовской Аравии и Египта.

Успех «Си-Эн-Эн» не остался незамеченным, и вскоре его попытались повторить сразу нескольких новых компаний. Помимо использования возможностей спутникового вещания, их объединяли между собой ещё две примечательные особенности: все они создавались на деньги саудовских бизнесменов и, по крайней мере, на начальном этапе вели своё вещание из Европы, поскольку это упрощало поиск необходимых технических специалистов, а также позволяло избежать юридических проблем с властями арабских государств.

Первой из этих компаний стала «Эм-Би-Си» (MBC – Middle East Broadcasting Centre), основанная осенью 1991 г. в Лондоне дальним родственником короля Саудовской Аравии Валидом аль-Ибрагимом. «Эм-Би-Си» ежедневно предлагал зрителям 18 часов новостных, общественно-политических и развлекательных программ, разнообразие и качество которых казались недостижимыми для государственных телеканалов.

В течение нескольких лет корреспондентские пункты «Эм-Би-Си» появились в Каире, Брюсселе, Иерусалиме, Тунисе, Аммане, Париже и Вашингтоне, а его информационные выпуски быстро привлекли значительную аудиторию. В восточных провинциях Саудовской Аравии, где, благодаря ретрансляции из Бахрейна, для их просмотра не требовалась спутниковая тарелка, они быстро превзошли по популярности новостные программы государственной телекомпании «И-Эс-Эн» (ESN). При этом, как отмечал А.Шляйфер, редактор журнала «Транснашнл бродкастинг стадиез» (Transnational Broadcasting Studies), «Эм-Би-Си» удавалось «оставаться в рамках арабских стандартов этикета и приличий, как в сфере развлечений, так и в области общественно-политических программ» [8]. «Но даже если освещение событий в Саудовской Аравии на «Эм-Би-Си» и является гораздо более осторожным и инертным по сравнению с деятельностью остальных зарубежных бюро «Эм-Би-Си», – продолжал Шляйфер чуть далее, – то это единственное уязвимое место кажется важнее для иностранных критиков, чем арабской аудитории, которая, в общем и целом, находит информационный продукт «Эм-Би-Си» интересным, высокопрофессиональным и заслуживающим доверия» [8].

Следующим закономерным шагом в развитии спутникового телевидения арабских стран становится специализация вещания. Первопроходцами этой тенденции, уже получившей широкое распространение в Европе и США, на арабском телевизионном рынке выступили сразу две компании: «Эй-Ар-Ти» (ART – Arab Radio and Television) и «Орбит» (Orbit).

«Эй-Ар-Ти», основанная Салехом Абдуллоу Камелем, бывшим партнером Валида аль-Ибрагима по «Эм-Би-Си», начала свою деятельность в январе 1994 г., предложив под-

писчикам сразу четыре тематических телеканала: общеполитический, спортивный, детский и канал художественных фильмов. В течение следующих пяти лет их число увеличилось до двадцати, семнадцать из которых были собственными каналами «Эй-Ар-Ти». Программы для них создавались широкой сетью производственных подразделений компании в Европе и странах Ближнего Востока. При этом большая часть каналов «Эй-Ар-Ти» носила тематический и развлекательный характер, компания принципиально отказалась от подготовки собственных информационных программ, чтобы избежать потенциальных проблем с властями арабских государств.

Иную стратегию избрала созданная несколькими месяцами позже компания «Орбит». Благодаря готовности использовать программы сторонних производителей, она сумела предоставить аудитории необычайно широкий выбор: всего несколько лет спустя её пакет включал более сорока теле- и радиопрограмм, часть из которых закупалась у «Стар селект» (Star Select), ближневосточного подразделения «Ньюс корпорейшн» (News Corporation) Руперта Мэрдока. Логичной частью этой стратегии стала попытка «Орбит» потеснить «Эм-Би-Си» на региональном рынке информационного вещания. В марте 1994 г. «Орбит» заключила 10-летнее соглашение с «Би-Би-Си» о создании Арабской службы «Би-Би-Си Уорлд» (BBC World), которой предстояло стать эксклюзивной частью её программного пакета. При подписании этого соглашения «Би-Би-Си» настояла на сохранении в своих руках редакционного контроля, согласившись, в свою очередь, проявлять уважение к традициям арабской культуры [9, Р. 30].

Вещание Арабской службы достигло восьми часов в сутки уже к концу 1994 г., но совместить западные взгляды на журналистику с восточными представлениями об уважении к культуре оказалось трудноразрешимой задачей. Трения между Лондоном, откуда велось вещание Арабской службы, и Римом, где располагалось руководство «Орбит», постоянно возрастали и достигли кульминации в январе 1996 г., когда в студии Арабской службы появился саудовский диссидент Мухаммад аль-Мас'ари, глава влиятельной исламской организации «Комитет защиты законных прав», запрещённой в Саудовской Аравии. Несмотря на то, что его интервью так и не вышло в эфир полностью из-за мистического сбоя системы электроснабжения технического центра «Орбит» в Риме, разразился грандиозный скандал: саудовский министр информации запретил отелям страны транслировать любые программы «Орбит», а посол Саудовской Аравии в Лондоне сумел добиться решения о депортации аль-Мас'ари из Великобритании.

Тем не менее, всего месяц спустя Арабская служба Би-Би-Си вновь вернулась к проблеме гражданских прав в Саудовской Аравии. Помимо «дела аль-Мас'ари» в очередном выпуске программы «Панорама» (Panorama) было показано интервью филиппинской девушки, подвергшейся телесному наказанию за появление в публичном месте в компании мужчин, и процедура смертной казни через отсечение головы, съёмки которой запрещены саудовскими законами. «Данная программа включала оскорбительные и расистские нападки на исламские законы и культуру» [9, Р. 32] – заявил президент «Орбит», после чего вещание Арабской службы было прекращено в ночь на 20 апреля 1996 г., всего семнадцать месяцев спустя после её запуска. Ещё через неделю место Арабской службы «Би-Би-Си Уорлд» в пакете «Орбит» занял «Дисней чанэл» (Disney Channel).

Создание «Аль-Джазиры»

Ликвидация Арабской службы «Би-Би-Си Уорлд» оставила без работы около 250 специально подготовленных для неё арабских журналистов, продюсеров и технических специалистов, 120 из которых немедленно приняли предложение нового информационного телеканала, согласившегося предоставить им ту же степень редакционной независимости. Этим телеканалом стала «Аль-Джазира», основанная в 1996 г. по инициативе нового правителя Катара шейха Хамада бен Халифа Аль Тани.

Вместе с тем «Аль-Джазира» не стала новой реинкарнацией Арабской службы BBC World: «Проект Би-Би-Си имел другой характер: его аудитория была ограниченной, поскольку канал был платным, – утверждает один из журналистов, перешедших на «Аль-Джазиру» из BBC. – Мы вещали всего восемь часов в день и сама служба просуществовала слишком недолго, чтобы достичь эффекта, сопоставимого с влиянием «Аль-Джазиры». Напротив, «Аль-Джазира» вещает 24 часа в день, имеет огромную аудиторию и распро-

страняется бесплатно в большинстве стран арабского мира. Она вещает из столицы арабской страны и управляется самими арабами, на Би-Би-Си ничего подобного не было. Благодаря «Аль-Джазире» арабы впервые поверили в возможность существования арабской организации, которой они могли бы доверять» [9, Р. 33 – 34].

«Аль-Джазира» начала своё вещание 1 ноября 1996 г. как наземная станция, сигнал которой распространялся только на территории Катара и соседнего Бахрейна. Лишь после того, как годом позже ей удалось получить в своё распоряжение один из транспондеров спутника «Арабсат» (Arabsat), программы «Аль-Джазиры» становятся доступны в 22 странах региона.

Опора на опыт западной тележурналистики* в сочетании с ориентацией на информационные запросы арабской аудитории позволили каналу быстро завоевать популярность в регионе. Как отмечал один из американских аналитиков, зрители не могли не испытывать к «Аль-Джазире» глубокой симпатии уже хотя бы потому, что в своей деятельности она руководствовалась их реальными интересами, а не западными представлениями о том, что необходимо арабской аудитории [10, Р. 25]. В свою очередь, щедрая финансовая поддержка шейха Хамада бен Халифа Аль Тани, выделившего для неё 137 млн. долл. только в течение первых пяти лет, позволила «Аль-Джазире» создать разветвлённую корреспондентскую сеть в регионе, которому в течение предстоящего десятилетия предстояло стать ареной важнейших мировых событий.

При этом «Аль-Джазира» всегда отрицала какую бы то ни было зависимость её редакционной политики от основного источника финансирования, – правительства Катара, утверждая, что для неё не существует «красных линий», которых она не могла бы пересекать. В этом отношении она часто сравнивала себя с британской Би-Би-Си, которая полностью свободна в выражении своей позиции, несмотря на не прямое государственное финансирование [9, Р. 58].

Уже через несколько лет после её создания «Аль-Джазиру» обвиняли в воинствующем ислализме, и одновременно – в израильских симпатиях; в том, что она является агентом британского влияния и, в то же самое время, – пешкой в руках катарского правительства. Одним из наиболее красноречивых защитников «Аль-Джазиры» того времени был её представитель по связям с общественностью Джихад Бэллоут, считавший подлинным источником этих обвинений нежелание многих поверить в саму возможность существования действительно профессиональной информационной организации на Ближнем Востоке. «Я могу понять подобные настроения в арабском мире, – подчёркивал он. – Здесь десятилетиями жили в искусственном вакууме, получая информацию буквально по чайной ложке. Но то, что на Западе считают, будто арабы не способны профессионально подготовить информационный выпуск, действительно разочаровывает» [9, Р. 57].

От «Несокрушимой свободы» к «Арабской весне»

После начала боевых действий в Афганистане в октябре 2001 г. «Аль-Джазира», подобно «Си-Эн-Эн» десятилетием раньше, практически в одночасье приобрела всемирную известность, оказавшись единственной телекомпанией, располагающей корреспондентами на контролируемой талибами территории. Однако её репортажи из Афганистана и Ирака, основной упор в которых, в отличие от западных СМИ, делался не столько на военных успехах стран коалиции, сколько на разрушениях и страданиях мирного населения, вызвали весьма неоднозначную реакцию в европейских странах и США.

Ситуация усугублялась ещё и тем, что именно в эфире «Аль-Джазиры» мир впервые увидел основную часть знаменитых обращений Осамы бен Ладена. Неудивительно поэтому, что и госсекретарь США Кондолиза Райс, и министр обороны Дональд Рамсфельд не раз отзывались о ней как о «рупоре Аль-Каиды». Но, по справедливому замечанию А. Шляйфера, если американская телекомпания «Си-Эн-Эн», не колеблясь ни секун-

* Как отметил А.Шляйфер, редактор журнала «Transnational Broadcasting Studies», «Девиз «Аль-Джазиры», которому она следует в своих информационных программах и ток-шоу, в дословном переводе с арабского звучит как «Мнение и другое мнение», что эквивалентно аксиоме в англо-американской журналистике: «покажите обе стороны события» [8].

ды, сочла демонстрацию обращений бен Ладена своим журналистским долгом, то как можно обвинять в том же самом «Аль-Джазиру»? [8]

Американское недовольство освещением событий в Афганистане и Ираке оказалось столь велико, что, согласно просочившейся в прессу информации, во время своей встречи в Белом доме с британским премьер-министром Тони Блэром 16 апреля 2004 г. Джордж Буш даже обсуждал возможность нанесения авиаудара по штаб-квартире «Аль-Джазиры» в Дохе [11]. Трудно сказать, насколько реальны были его намерения, но к тому времени корпункты «Аль-Джазиры» уже дважды становились мишенями для американских ракет.

Первый раз это произошло 13 декабря 2001 г. в Кабуле всего за два часа до взятия города войсками Северного альянса и, по счастливой случайности, обошлось без жертв. Второй раз американская ракета поразила офис «Аль-Джазиры» в Багдаде 8 апреля 2003 г., унеся жизнь 34-летнего корреспондента Тарика Аюба. Инцидент произошёл примерно через месяц после того, как «Аль-Джазира» сама передала американским военным точные координаты своего офиса в Багдаде, надеясь избежать повторения того, что случилось в Кабуле [12].

В декабре 2001 г. ещё один корреспондент «Аль-Джазиры», Сами аль-Хадж, направлявшийся по заданию телекомпании в Афганистан, несмотря на наличие всех необходимых документов, был арестован пакистанскими военными и передан американским властям, после чего шесть лет провёл в тюрьме Гуантанамо без суда и предъявления обвинений.

К началу 2005 г. растущее давление со стороны администрации Буша вынудило правительство Катара всерьёз задуматься о передаче «Аль-Джазиры» в частные руки. Однако найти покупателей для телекомпании, которая, несмотря на самую большую аудиторию в регионе, по-прежнему зависела от правительственных дотаций (объём которых в 2004 г. составил от 40 до 50 млн. долл. при 120-миллионном бюджете компании [13]) оказалось непростой задачей, в результате чего правительство Катара до сих пор остаётся её главным владельцем.*

Отношение к «Аль-Джазире» радикально изменилось после смены администрации в Белом доме. Выступая 2 марта 2011 г. перед сенатским комитетом по международной политике, госсекретарь США Хилари Клинтон заявила: «Аль-Джазира» является лидером, она буквально меняет умы и отношения людей. Любите вы её или ненавидите, но она по-настоящему эффективна... Аудитория «Аль-Джазиры» в Соединенных Штатах действительно растёт, поскольку это реальные новости. Вы можете не соглашаться с ней, но при этом чувствуете, что круглые сутки получаете новости вместо миллиона рекламных объявлений и.. споров приглашённых в студию гостей...» [14].

Поводом для столь высокой оценки послужили события «Арабской весны» 2010 – 2011 гг., катализатором которых, по всеобщему мнению, выступила «Аль-Джазира». «Восстание в Тунисе показало, что миф, созданный правящим режимом, – будто сам он является неуязвимым, а его службы безопасности всемогущими, – был всего лишь пропагандой, нацеленной на угнетение тунисского народа, – писал влиятельный американский журнал «Форин полиси» (Foreign Policy) – «Аль-Джазира» продемонстрировала это на весь регион в прямом эфире, тем самым сломав заклятие, мешавшее миллионам простых людей подняться и заявить о своих законных правах» [15].

Ещё ярче роль «Аль-Джазиры» проявилась во время последовавшей чуть более недели спустя революции в Египте. Там, где государственное телевидение демонстрировала идиллические картинки мирных городских улиц и довольных покупателей супермаркетов, «Аль-Джазира» транслировала изображение многотысячных демонстраций с требованием отставки президента Хосни Мубарака, а также длинные очереди за бензином и продуктами. Её вещание, осуществлявшееся через государственную спутниковую систему «Нилсат» (Nilsat), было прекращено уже 27 января, всего через два дня после начала народных вол-

* В 2011 г. эмир Катара подписал закон, в соответствии с которым «Аль-Джазира» была преобразована из «общественной организации» (public institution) в «частную компанию, действующую в общественных интересах» (private institution of public utility). Несколько изменилось и её название: теперь оно звучит как «Al Jazeera Media Network». Смысл этих перемен оказался малопонятен для многих наблюдателей, поскольку новая компания сохранила финансовую поддержку катарского правительства, а пост председателя совета её директоров и президента административного по-прежнему занимает Хамад бен Тамер аль-Тани, двоюродный брат эмира Хамада бен Халифа Аль Тани [16].

нений, а 30 января министр информации Египта отдал распоряжение о закрытии всех корпунктов «Аль-Джазиры» в стране и лишения аккредитации её сотрудников.

«Арабская весна» заставила исследователей и политиков заговорить об «эффекте Аль-Джазиры» с той же серьезностью, с какой двумя десятилетиями ранее они обсуждали «эффект «Си-Эн-Эн»». Вне всяких сомнений, её появление в корне изменило облик арабской тележурналистики и радикально повлияло на многие политические процессы в регионе. «Аль-Джазира» провозгласила себя первым представителем действительно свободной и независимой прессы в арабском мире и во многих случаях действительно проявила себя как таковая. Но насколько свободной и независимой может быть телекомпания, субсидируемая правительством страны, в которой, согласно отчету Государственного департамента США о соблюдении прав человека, запрещены политические организации и ограничены основные гражданские права, такие, как свобода слова, собраний, вероисповедания? [17]

Особенности катарской модернизации

Создание «Аль-Джазиры», по мнению некоторых авторов, стало неотъемлемой частью политики нового эмира, стремящегося демократизировать и модернизировать Катар [5, с. 91]. Но если со второй частью этого утверждения вполне можно согласиться, то первая грешит явным преувеличением.

Успехи Катара в экономической области не вызывают сомнений: в течение двух десятилетий он сумел превратиться в крупнейшего экспортера сжиженного газа и богатейшую страну мира с годовым доходом свыше 100 тыс. долл. на душу населения [18]. Однако это впечатляющее богатство создаётся руками иностранных рабочих и специалистов, составляющих 94% населения Катара. В соответствии с местными законами они не только лишены права на организацию стачек и создание профсоюзов, но даже не имеют возможности покинуть страну без согласия работодателя [19].

Уже это показывает, что по пути политической модернизации страна, в которой эмир по-прежнему сохраняет неограниченную полноту власти, продвинулась не слишком далеко. В 1999 г. в Катаре состоялись первые в его истории прямые выборы в Муниципальный совет, являющийся консультативным органом при Министерстве муниципального управления и не располагающий какими-либо реальными законодательными или контролирующими полномочиями [20]. Четырьмя годами позже на всеобщем референдуме была одобрена новая конституция страны, но назначенные в соответствии с ней на 2007 г. выборы парламента несколько раз откладывались, последний раз – до конца 2013 г. [21]

Всё это делает Катар малоподходящим местом для существования независимых СМИ, как свидетельствует, например, судьба «Центра свободы средств массовой информации» (Centre for Media Freedom), совместного детища организации «Репортеры без границ» (Reporters Without Borders) и «Катарского фонда образования, науки и общественного развития» (Qatar Foundation), возглавляемого второй женой эмира Мозой бинт Насер аль Миснеда. Его первый генеральный директор, Робер Менар, подал в отставку 19 июня 2009 г., немногим более года спустя после открытия Центра, следующим образом объяснив мотивы своего поступка: «Некоторые официальные лица Катара никогда не желали существования независимого Центра, свободно выражающего свои взгляды без оглядки на политические или дипломатические соображения, свободного в критике самого Катара. На какое доверие вы можете рассчитывать, замалчивая проблемы в стране, в которой находитесь?» [22]

В данном случае Робер Менар совершил ту же ошибку, что и многие другие авторы, восхищающиеся достижениями Катара: он упустил из виду, что «Центра свободы средств массовой информации», как и «Аль Джазира», предназначались для внешнего, а не внутреннего употребления. Не случайно Меган О'Салливан, бывший помощник Советника по национальной безопасности США, назвала «Аль Джазиру» одним из двух главных инструментов растущего политического влияния Катара на Ближнем Востоке [23].

«Аль-Джазира» как внешнеполитический инструмент

Вторым инструментом катарского влияния, который, впрочем, было бы логичнее называть первым, являются его огромные финансовые возможности. Именно они позволяют эмиру покупать лояльность граждан внутри страны, финансировать «Аль-Джазиру»

и осуществлять амбициозные международные проекты вроде проведения Чемпионата мира по футболу в 2022 г. Источником этого завидного богатства выступает крупнейшее в мире месторождение природного газа «Южный Парс», контроль над которым Катар вынужден делить с Ираном, страной, не только принадлежащей к иной, шиитской ветви ислама, но и претендующим на региональное лидерство. Попытка выстроить добрососедские отношения с ним не могла не вызвать раздражения другого могущественного соседа – Саудовской Аравии, с которой Катар объединяют как официальная религия, так и форма правления. Уже сам дворцовый переворот, в результате которого шейх Хамад бен Халифа Аль Тани пришёл к власти в 1995 г. был негативно воспринят Эр-Риядом, поддержавшим год спустя неудавшуюся попытку отца Хамада бен Халифа Аль Тани вернуть себе власть.

В силу этого Катар в течение следующего десятилетия был вынужден опираться в своей внешней политике на те государства и политические силы, которые, подобно Сирии или движению «Братьев-мусульман», не признавали амбиций Саудовской Аравии. Кроме того, Катар попытался выстроить самостоятельную линию взаимоотношений с Соединенными Штатами, результатом чего стал перенос в 2003 г. крупнейшей американской авиабазы из Саудовской Аравии в Катар, последовавший после того, как Эр-Рияд отказался предоставить свою территорию для использования в ходе боевых действий против афганских талибов и Ирака [24].

Создание «Аль-Джазиры» стало ещё одним логичным шагом, нацеленным на ограничение внешнеполитического влияния Саудовской Аравии, контролировавшей вплоть до того момента все наиболее влиятельные СМИ региона. В течение последующих десяти лет «Аль-Джазира» являлась форумом настолько нелицеприятной критики Саудовской Аравии, что после одной из программ, посвященных обсуждению саудовской политики в отношении палестинского конфликта, Эр-Рияд на шесть лет отозвал своего посла в Катаре [25]. Более того, в феврале 2003 г. известный своей близостью к королевской семье владелец «Эм-Би-Си» Валид аль-Ибрагим создал новый круглосуточный новостной телеканал «Аль-Арабия» (Al-Arabiya), призванный стать «более умеренной альтернативой «Аль-Джазире», и всего год спустя «Аль-Арабия» уверенно заняла второе место в рейтингах популярности арабских новостных телеканалов [26].

Трения между Дохой и Эр-Риядом нарастали вплоть до сентября 2007 г., когда шейх Хамад бен Халифа Аль Тани нанёс неожиданный для многих визит в Саудовскую Аравию, чтобы положить конец затянувшейся вражде двух родственных наций. Показательно, что во время этой поездки его сопровождал не только премьер-министр Катара и архитектор его внешней политики Бен Джабер аль-Тани Хамад бен Джасsem, но и глава совета директоров «Аль-Джазиры» шейх Хамад бен Тамер Аль-Тани [27]. Вскоре информационная политика «Аль-Джазиры» начала претерпевать заметные изменения. «Когда саудовский суд приговорил к 200 ударам плетью молодую женщину, выдвинувшую обвинение против семи изнасиловавших её мужчин, пресса во всём мире, включая Ближний Восток, откликнулась на этот случай гневными заголовками, – отметила газета «Нью-Йорк таймс» (New York Times) в январе 2008 г. – Но только не «Аль-Джазира», ведущий спутниковый телеканал арабского мира с 40-миллионной аудиторией. Его молчание стало особенно примечательным, поскольку, в отличие от других арабских СМИ, до недавнего времени «Аль-Джазира» была не просто склонна к острой критике правителей Саудовской Аравии, она просто жаждала её» [28].

Одновременно «Аль-Джазира» перестала называть иракских повстанцев «сопротивлением», а жертв американских авиаударов – «мучениками». «Этот новый осторожный тон, – продолжала газета далее, – по всей видимости, был продиктован менеджменту «Аль-Джазиры» правителями Катара.. Хотя десятилетием ранее канал в значительной степени создавался как форум для критики саудовского правительства, сегодня они понимают, что больше не могут раздражать родственную нацию перед лицом иранской угрозы. Масштаб ядерных амбиций Ирана может быть особенно устрашающим для крошечного Катара, являющегося местом расположения одной из крупнейших американских военных баз» [28]. Веским подтверждением серьезности этих опасений может служить и тот факт, что в течение последующих пяти лет Катар, Саудовская Аравия и другие страны Персидского залива утратили свои расходы на приобретение вооружений в США [29].

Пик взаимного потепления между Катаром и Саудовской Аравией пришёлся на 2010 г., когда Хамада бен Халифа Аль Тани помиловал группу саудовцев, приговоренных к пожизненному заключению за участие в неудавшемся контрперевороте 1996 г. [30], а «Аль-Джазира» в ответ получила разрешение на создание в Эр-Рияде своего корреспондентского бюро [31]. Сближение Катара и Саудовской Аравии несомненно повлияло на редакционную политику «Аль-Джазире» в период «Арабской весны». Для её «зрителей, наблюдавших за тем, как волнения распространяются по всему региону, восторг закончился сразу же, как только они достигли Бахрейна», – отмечал ближневосточный корреспондент агентства «Рейтер» (Reuters). «Угроза, исходившая от протестов в Бахрейне, находилась слишком близко к собственному дому. Их успех привёл бы к более широкому общественному участию [в политических процессах – В. В.] региона, управляемого суннитскими династиями. Но, что ещё хуже, он означал бы рост влияния шиитского большинства в Бахрейне, которому суннитские правители традиционно не доверяют из опасений в отношении главного шиитского государства в регионе – Ирана» [32].

«Аль-Джазира» обошла волнения в Бахрейне практически полным молчанием, в то время как Катар совместно с Саудовской Аравией в марте 2011 г. направили туда войска для их подавления. О событиях в Бахрейне «Аль-Джазира» решила рассказать лишь пять месяцев спустя, но её знаменитый, снявший несколько наград документальный фильм «Кричащие в темноте» (Shouting in the Dark) увидел свет 4 августа 2011 г. в эфире не арабской, а международной службы «Аль-Джазире» [33].

Запущенная в ноябре 2006 г. «Аль-Джазира инглиш» (Al Jazeera English) расширила возможности катарского влияния далеко за пределы Ближнего Востока: к началу 2012 г. её потенциальная аудитория составляла 260 млн. домохозяйств в 130 странах мира. Но на одном из ключевых медиарынков Запада, – в США, – её программы транслировали всего несколько кабельных систем, поэтому здесь ей пришлось сделать ставку на возможности интернета. Во время египетской революции 2011 г. сайт «Аль-Джазире инглиш» обеспечил 10 млн. минут прямого потокового видео, 45 % которого пришлось на США [34]. «Аль-Джазира» воспользовалась этим успехом, чтобы начать общественную кампанию под лозунгом «Требуйте «Аль-Джазире» в США!», в рамках которой 85 тыс. посетителей её сайта отправили своим операторам кабельного и спутникового телевидения электронные сообщения с требованием добавить канал к их пакету [35].

Вместе с тем в США немало и тех, кто, подобно общественной организации «Экьюраси ин медиа» (Assurance in Media), продолжает считать программы «Аль-Джазире» предвзятыми и необъективными, призывая конгресс не допускать её на американский медиарынок [36].

Будучи рождённой в недрах арабского мира, «Аль-Джазира» вполне естественно предлагает иное, отличное от европейского или американского видение мира и не скрывает этого. «Мы будем представлять прежде всего нашу, ближневосточную реакцию [на международные события – В. В.]» – подчеркнула в интервью «Би-Би-Си» Фелисити Барр, одна из ведущих «Аль-Джазире инглиш» в день её запуска [37]. Но секрет её растущей популярности не только в этом. В то время как экономические проблемы вынуждают американские телеканалы сокращать свои корреспондентские сети, стабильная финансовая поддержка катарского правительства позволяет «Аль-Джазире» наращивать свои возможности по освещению международных событий. К началу 2012 г. она имела более 60 зарубежных корпунктов, которым «Си-Эн-Эн» могла противопоставить лишь «редакционное присутствие»* в 33 городах мира [38].

Катар – не благотворительный фонд

В своей статье «Как много демократии нужно журналистике?» Д. Бита утверждает: «для журналистики важна не демократия, а свобода выражения и степень профессиональной журналистской автономии сотрудников СМИ. Демократические страны, как стало очевидно в последние годы, могут предоставлять юридические гарантии свободы слова,

---

* Как поясняет журнал «American Journalism Review», «редакционное присутствие» означает, что информационная организация располагает в указанном месте по крайней мере одним корреспондентом, который может являться как штатным, так и внештатным сотрудником.

но они не обеспечивают [экономическую – В. В.] защиту журналистской деятельности, которая должна финансироваться частным образом» [1, Р. 1].

И действительно, в то время, как СМИ большинства западных стран сталкивались с экономическими трудностями, «Аль-Джазира» продолжала активно развиваться благодаря щедрой поддержке катарского правительства: в 2003 г. она создала первый из своего пакета спортивных каналов, в 2005 – предназначенный для освещения текущих событий в прямом эфире телеканал «Аль-Джазира мабашер» (Al Jazeera Mubasher) и детский канал «Джим Ти-Ви» (JeemTV), в 2007 г. – «Аль-Джазира документари чанэл» (Al Jazeera Documentary Channel), в 2011 г. – вещающий на трёх балканских языках «Аль-Джазира балканз» (Al Jazeera Balkans), а вскоре объявила о планах создания ещё одного регионального канала для Турции «Аль-Джазира тюрк» (Al Jazeera Türk).

Столкнувшись, как показано выше, с трудностями при проникновении на телевизионный рынок США, «Аль-Джазира» решила эту проблему в присущей ей манере, купив в январе 2013 г. за полмиллиарда долларов американский кабельный канал «Карент Ти-Ви» (Current TV) с потенциальной аудиторией в 60 миллионов зрителей. В августе того же года он должен начать вещание под новым названием – «Аль-Джазира Америка» (Al Jazeera America) [39].

Не следует забывать, однако, что «Катар является государством, а не благотворительным фондом», – напомнил, выступая в 2010 г. на ежегодном конгрессе «Центра современных арабских исследований» в Вашингтоне Вадда Ханфар, занимавший в тот момент пост генерального директора «Аль-Джазиры», – «поэтому любая [катарская – В. В.] организация должна руководствоваться государственными интересами» [40].

Истинный смысл этой дипломатичной формулировки начинает проявляться уже в период «Арабской весны», когда «Аль-Джазире» один за одним начинают покидать те самые воспитанные на опыте западной журналистики сотрудники, которым она обязана успешным развитием на первом этапе своего существования. Так, ушедший в декабре 2012 г. с поста берлинского корреспондента «Аль-Джазиры» Актан Сулиман заявил в интервью телеканалу «Дойче Велле» (Deutsche Welle): «Я должен сказать, что сегодня «Аль-Джазире» недостаёт профессионализма. Когда я пришёл в неё в 2002 г., у меня не возникало подобного впечатления, – совсем наоборот. Разумеется, были фундаментальные, долгосрочные проблемы, но в последние два года «Аль-Джазира» многое утратила в плане профессионализма... Проблема заключается в том, что у неё нет внутренних механизмов, обеспечивающих защиту от попыток владельцев или редакторов оказывать политическое влияние на журналистскую деятельность» [41].

Ещё резче высказался по этому поводу высказался бывший военный корреспондент «Аль-Джазиры» Али Хашем, покинувший свой пост в начале 2012 г. в знак протеста против её политики в освещении сирийского конфликта: «Я почувствовал, что моя мечта работать для главного новостного канала в регионе превращается в кошмар. Принципы, которые я усвоил за десять лет журналистской работы, не устраивали правительство [Катара – В. В.], которое, – что бы там ни говорилось в редакционных руководствах, – считает себя владельцем кучки журналистов, обязанных выполнять то, что им сказано» [42].

К критикам «Аль-Джазиры» присоединился и её бывший представитель по связям с общественностью, Джихад Бэллоут, отметивший в интервью иранскому телеканалу «Пресс Ти-Ви» (Press TV): «С началом того, что принято называть «Арабской весной», «Аль-Джазира» претерпела поразительную трансформацию из флага объективной журналистики в организацию, чьи мотивы, по мнению многих наблюдателей, обусловлены политическими или внешнеполитическими целями... Я думаю, что на данном этапе «Аль-Джазира», согласно свидетельствам ответственных лиц в Катаре, превратилась в потенциальное орудие проведения катарской внешней политики» [43].

В качестве самого последнего и наиболее веского подтверждения справедливости выводов Бэллоута можно рассматривать увольнение сразу 22 сотрудников канала «Аль-Джазира мабашер», о котором сообщила 8 июля 2013 г. издающаяся в Дубае влиятельная ближневосточная газета «Галф ньюс» (Gulf News). Объясняя мотивы своего поступка, один из них, Карем Махмуд, заявил, что журналисты канала получали от руководства «Аль-Джазиры» инструкции освещать лишь новости, благоприятные для движения «Братья-мусульмане». «Провоцируя беспорядки среди египтян, менеджмент в Дохе преследует

собственные интересы, направленные против Египта и других арабских стран», – подчеркнул он [44].

Станут ли перечисленные выше события началом заката «Аль-Джазиры» и её преобразования в ещё один из ближневосточных государственных телеканалов, безусловно, покажет время. Но они, несомненно, свидетельствуют о том, что в последнее время степень «профессиональной журналистской автономии» «Аль-Джазиры» сокращается прямо пропорционально росту инвестиций катарского правительства в неё. Не следует забывать, что по справедливому замечанию британского журналиста Хью Милса, посвятившему ей одну из первых и наиболее удачных книг, создание «Аль-Джазиры», было проявлением либерализма, а не демократии, и потому однажды она может исчезнуть столь же быстро, как и появилась на свет, если настроение эмира изменится [45].

Список литературы

1. Beate J. How Much Democracy Does Journalism Need? //Journalism. Prepublished October 18, 2012. DOI: 10.1177/1464884912464172;
2. Nerone J. The Historical Roots of the Normative Model of Journalism //Journalism. Prepublished October 24, 2012. DOI: 10.1177/1464884912464177;
3. Zelizer B. On the shelf life of democracy in journalism scholarship //Journalism. Prepublished October 27, 2012. DOI: 10.1177/1464884912464179.
4. Короченский А. П. Эпоха телевидения // История мировой журналистики. Издание третье. – Москва: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2003. – С. 403 – 404.
5. Орлова В. В. Глобальные телесети новостей на информационном рынке. М.: Изд-во «РИП-холдинг», 2003. – С. 88 – 95.
6. Шабермах Я. Палестинская проблема на телеканале «Аль-Джазира»: дискурс терроризма. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук: 10.01.10. СПб: С.-Петербург. гос. ун-т, 2010.
7. Schleifer A. The Sweet and Sour Success of Al-Jazeera //Transnational Broadcasting Studies. №1. No. 7, Fall/Winter2001. //http://www.tbsjournal.com/Archives/Fallo1/Jazeera_sas.html
8. Schleifer A. Media Explosion in the Arab World: The Pan-Arab Satellite Broadcasters // Transnational Broadcasting Studies. №1. Fall 1998. // http://www.tbsjournal.com/Archives/Fall98/Articles1/Pan-Arab_bcasters/pan-arab_bcasters.html
9. Miles H. Al Jazeera. How Arab TV News Challenged the World. Grove Press, 2005. – P.30.
10. Carney S. P. This is Al-Jazeera //IO Sphere. Winter 2007. – P.25.
11. Report: Bush talked of bombing Al-Jazeera //USA Today, November 22, 2005. // http://www.usatoday.com/news/world/2005-11-22-bush-al-jazeera_x.htm#
12. Whitaker B. Battle Station //Guardian, February 7, 2003. // http://www.guardian.co.uk/media/2003/feb/07/iraqandthemedi.afghanistan
13. Weisman S. R. Under Pressure, Qatar May Sell Jazeera Station //New York Times. January 30, 2005. // http://www.nytimes.com/2005/01/30/international/middleeast/30jazeera.html?_r=0
14. Tharoor I. Clinton Applauds Al Jazeera, Rolls Eyes at U.S. Media // Time. March 3, 2011. // http://world.time.com/2011/03/03/clinton-applauds-al-jazeera-rolls-eyes-at-u-s-media/
15. Miles H. The Al Jazeera Effect // Foreign Policy. February 8, 2011. // http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/02/08/the_al_jazeera_effect?page=full
16. Al Jazeera turning into private media organization //Gulf News/ July 13, 2011. // http://gulfnews.com/news/gulf/qatar/al-jazeera-turning-into-private-media-organisation-1.837871
17. Country Reports on Human Rights Practices for 2011. Bureau of Democracy, Human Rights and Labor, U.S. Department of State. // http://www.state.gov/j/drl/rls/hrrpt/humanrightsreport/index.htm?dliid=186446
18. Report for Selected Countries and Subjects //International Monetary Fund // http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2013/02/weodata/weorept.aspx?sy=2012&key=2012&ss=1&sort=country&ds=.&br=1&pr1.x=16&pr1.y=7&c
19. The plight of Qatar's migrant workers //Al Jazeera English, 14 June, 2012. // http://www.aljazeera.com/programmes/insidestory/2012/06/201261472812737158.html
20. См.: Municipal Council //Hukoomi – Qatar E-government // http://portal.www.gov.qa/wps/portal/about-qatar/municipalcouncil
21. Qatar to Hold Legislative Elections in 2013 //Al Jazeera English, 1 November, 2011. // http://www.aljazeera.com/news/middleeast/2011/11/201111204320763263.html
22. Robert Ménard and Staff Leave Doha Centre for Media Freedom //Reporters Without Borders // http://en.rsf.org/qatar-robert-menard-and-staff-leave-doha-23-06-2009,33548.html
23. O'Sullivan, Meghan L. Tiny Qatar's Big Plans May Change Mideast //Bloomberg // http://www.bloomberg.com/news/2011-10-04/tiny-qatar-s-big-plans-may-change-u-s-mideast-policy-meghan-o-sullivan.html

24. Borger J. US Paves Way for War on Iraq //Guardian, March 27, 2002. // <http://www.theguardian.com/world/2002/mar/27/iraq.julianborger>
25. Saudi Ambassador Returns to Qatar after 5-yr gap //Reuters, March 9, 2008. // <http://www.reuters.com/article/2008/03/09/saudi-qatar-idUSL0925349720080309>
26. Shapiro S. M. The War Inside the Arab Newsroom //New York Times. January 2, 2005. // http://www.nytimes.com/2005/01/02/magazine/02ARAB.html?_r=1&pagewan
27. Al Qassemi S. How Saudi Arabia and Qatar Became Friends Again //Foreign Policy, July 21, 2011. // http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/07/21/how_saudi_arabia_and_qatar_became_friends_again?page=full
28. Worth R. F. Al Jazeera No Longer Nips at Saudis //New York Times. January 4, 2008. // http://www.nytimes.com/2008/01/04/world/africa/04iht-04jazeera.9019066.html?_r=1&pagewanted=all
29. Raytheon Gets \$1.7 Billion Patriot Deal //UPI.com // http://www.upi.com/Business_News/Security-Industry/2011/06/27/Raytheon-gets-17-billion-Patriot-deal/UPI-74681309198406/
30. Toumi H. Qatar Emir Pardons Saudis Involved in 1996 coup // Gulf News, May 25, 2010. // <http://gulfnews.com/news/gulf/qatar/qatar-emir-pardons-saudis-involved-in-1996-coup-1.632376>
31. Al Jazeera to Open Saudi Arabia Office //Gulf News, January 2, 2010. // <http://gulfnews.com/news/gulf/saudi-arabia/al-jazeera-to-open-saudi-arabia-office-1.739564>
32. Hammond A. Gulf Media Find Their Red Line in Uprisings: Bahrain //Reuters, April 14, 2011. // <http://www.reuters.com/article/2011/04/14/oukwd-uk-mideast-protests-media-idAFTRE73D1HB20110414>
33. Stelter B. Al Jazeera Changes Plan to Rerun Documentary //New York Times. April 9, 2011. // http://www.nytimes.com/2011/08/10/world/middleeast/10jazeera.html?_r=0
34. Ricchiardi S. The Al Jazeera Effect //American Journalism Review. March & April 2011. // <http://ajr.org/Article.asp?id=5077>
35. Al Jazeera Media Pack 2012. // http://www.aljazeera.com/mritems/Documents/2012/4/23/2012423115058508734MediaBrochure_2012_007.pdf
36. Tell Congress to Stop Al-Jazeera! //Terror Television: The Rise of Al-Jazeera and the Hate America Media. Accuracy in Media, 2006. // http://www.stopaljazeera.org/take_action.html
37. Al-Jazeera English hits airwaves //BBC News. 15 November, 2006 // http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/6149310.stm
38. Kumar Priya. Foreign Correspondents: Who Covers What. American Journalism Review. December & January 2011. // http://www.ajr.org/article_printable.asp?id=4997
39. Дунаевский И. Гор продал телештаты «Аль-Джазире» //Российская газета (Федеральный выпуск). № 5981. 15 января 2013 г. // <http://www.rg.ru/2013/01/15/kanal.html>
40. Meltzer K. The US launch of Al Jazeera English in Washington, DC: An analysis of American media coverage // Journalism. Prepublished online 6 June 2012. DOI: 10.1177/1464884912448916. – P.5.
41. Suliman: 'Al Jazeera plays the piper, but Qatar calls the tune' // Deutsche Welle. 24.12.2012 // <http://www.dw.de/suliman-al-jazeera-plays-the-piper-but-qatar-calls-the-tune/a-16477490>
42. Hashem A. The Arab spring has shaken Arab TV's credibility //Guardian, April 3, 2012. // <http://www.theguardian.com/commentisfree/2012/apr/03/arab-spring-arab-tv-credibility>
43. 'Al-Jazeera now a weapon to further Qatari foreign policy' Interview with Jihad Ballout, former manager, media relations, al-Jazeera Arabic network, London //PressTV, Apr 16, 2012. // <http://www.presstv.ir/detail/236548.html>
44. Sharaf A. Al Jazeera staff resign after 'biased' Egypt coverage //Gulf News, July 8, 2013. // <http://gulfnews.com/news/region/egypt/al-jazeera-staff-resign-after-biased-egypt-coverage-1.1206924>
45. Hugh M. Al Jazeera. How Arab TV News Challenged the World. – P. 22.

AL JAZEERA PHENOMENON ON MIDDLE EASTERN AND GLOBAL INFORMATION MARKETS

V. M. Vinichenko

Southern Federal University

e-mail: vitya@sfedu.ru

The article is devoted to one of the most notable TV companies of Middle East at the recent decades, as is the Al Jazeera of Qatar. According to some researchers, it may be seen as the «example of a journalism that serves the public debate of whole region while coming from non-democratic state» and that, in their turn, makes the reference to democracy as the political main frame in journalism research an obsolete conception. But the closer examination of Al Jazeera's history shows that the main reason of professional autonomy and generous financial support granted to Al Jazeera by Emir of Qatar wasn't serving the public debates, but achieving the prominence in region that for a long time had been dominated by Saudi media. On reaching this goal Al Jazeera begins transforming itself into a soft-power's tool for furthering Qatari foreign policy. Thus, despite of its previous accomplishments, Al Jazeera hardly may be regarded as a real proof of irrelevance of democracy for journalism practice.

Keywords: Al Jazeera, journalism, democracy, satellite broadcasting.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА В СПОРТИВНОЙ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ РОССИИ

Е. А. Войтик

*Томский
государственный
университет*

*e-mail:
voj@yandex.ru*

В статье определяются дефиниция и слагаемые информационного пространства спортивной медиакommunikации России. Конструкция пространства рассматривается на основе анализа структурно-содержательных характеристик входящих в него информационных полей.

Ключевые слова: спорт, журналистика, спортивная медиакommunikация, информационное пространство, информационное поле.

Введение

Спортивная медиакommunikация представляет собой одну из сложных структурных медиасистем, которая благодаря своим коммуникативным связям имеет широкий спектр охвата различных сфер деятельности, включая спорт, журналистику, рекламу, PR и т. д.

Возрастание роли спортивной медиакommunikации в современном обществе обусловлено тем, что сегодня спорт занимает одно из ведущих мест в системе общества, представляет собой, как отмечается в Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», принятом в 2007 г., «сферу социально-культурной деятельности как совокупность видов спорта, сложившуюся в форме соревнований и специальной практики подготовки человека к ним». В спортивной сфере осуществляются процессы физического, интеллектуального, нравственного, эстетического воспитания и самосовершенствования личности. Спорт также является фактором национального сплочения, широкого общения между народами, укрепления международного сотрудничества.

В последние 15 лет в России происходит поэтапное развитие системы спортивной деятельности. Остановившаяся в 1990-х гг. популяризация массового спорта в настоящее время возрождается и выражается через приобщение различных слоев населения к регулярным занятиям физической культурой и спортом. Развивается и профессиональный спорт. Сегодня существует немало команд, клубов, отдельных спортсменов, способных составить достойную конкуренцию на мировом уровне. Одной из причин такой активизации интереса к спорту является заинтересованность в этом вопросе государства. В связи с подготовкой к проведению зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 г. и Чемпионата мира по футболу в 2018 г. и ряда других спортивных мероприятий международного уровня, перед нашей страной ставится глобальная задача сформировать целостную систему физического воспитания, охватывающую широкие круги; обеспечить публичность, открытость спортивной деятельности, активно используя СМИ, которые способны организовать эффективную пропаганду физической культуры и спорта, включающую продвижение ценностей здорового образа жизни, широкое освещение соревнований на разных медиаканалах, в том числе в Интернете, а также с помощью развития социальной и коммерческой рекламы о спорте.

Вместе с тем система спортивной медиакommunikации, складывающаяся в нашей стране в постсоветский период, развивается неадекватно по отношению к общественным потребностям, что особенно заметно в регионах, и нуждается в существенной оптимизации. Спортивная медиакommunikация призвана в полной мере обеспечить активное взаимодействие между всеми субъектами спортивной деятельности в процессе реализации федеральной целевой программы развития спорта, охватывающей целое десятилетие.

В настоящее время некоторые шаги в этом направлении уже сделаны. Благодаря внедрению новых цифровых, кабельных, спутниковых систем и интернет-технологий отечественные массмедиа на общенациональном уровне становятся не просто средством (каналом) передачи спортивной информации, а высокоразвитой медиаиндустрией. Помимо массового распространения спортивных периодических изданий, создаются специализированные теле- и радиоканалы, в которых раскрываются многие стороны современного спорта. Благодаря конвергенции и мультимедийности некоторые спортивные редакции

становятся уникальными, сочетая в себе сразу несколько медиаканалов, что привлекает к теме спорта все новую и новую аудиторию. Тем самым спортивные массмедиа становятся более интересными, профессиональными, конкурентоспособными и перспективными. Поэтому в настоящее время интерес к массмедиа, ориентированным на спортивную тематику, не только не снижается, но значительно возрастает. Тем не менее многие теоретические вопросы, особенно касающиеся изучения профессионального информационного обеспечения российского спорта, остаются нерешенными.

Спорт и журналистика как основные субъекты образования спортивной медиакоммуникации

Спорт в современном понимании предстает как активная сфера деятельности, определяющаяся многофункциональностью. В частности, она характеризуется сочетанием профессиональной и досуговой деятельностью, в основе которой лежит физкультурно-спортивная направленность; донесением и раскрытием ряда социогуманитарных идей, пониманием эстетики спортивной игры; в тоже время на основании внедряющихся коммерческих отношений, выстраивание самой спортивной системы как крупной бизнес-индустрии и т. д. Спорт в рамках журналистских практик становится организованной системой, наделенной смысловым многообразием.

Информационная политика любого СМИ изначально подчинена обеспечению познавательных, образовательных, ценностно-ориентационных, организационно-управленческих и других процессов. В спортивной медиакоммуникации основными задачами массмедиа становятся: создание образа спортивной деятельности, ее познавательно-отражательных характеристик, формирование и выражение общественного мнения, общественного настроения по поводу тех или иных спортивных событий или явлений, выработка представлений о характере и особенностях развития того или иного вида спорта, создание имиджевого образа спортивных личностей, групп, организаций, создание модели поведения участников спортивной деятельности, околоспортивной общественности, различных аудиторных групп, системы управления и самоуправления сферой спорта. в каком-то смысле формируется тем самым отношение общества к спорту.

За счет поддержания интереса к спортивной сфере, и в самой системе массмедиа происходит постоянная трансформация, как на федеральном, так и на региональном уровнях: вырабатываются разнообразные концепции и модели печатных изданий, телерадиопрограмм (от общественно-политических до специализированных), удовлетворяющие потребительские запросы аудитории.

При слиянии спорта и журналистики создается дискурсная медиасистема, которая несет в себе некий код, позволяющий не только воспринимать определенные структуры знаний, но и осмысливать происходящее в этой сфере на уровне символов и знаков, воплощающих ценностные ориентации, идеологические установки, модели развития спортивных событий и интерпретации происходящих ситуаций.

Связующими элементами данной системы выступают определенные группы *субъектов*:

I группа включает в себя широкий круг участников спортивного движения, представителей здорового образа жизни (спортсмены, тренеры, представители федераций, спортивные судьи и т. д.), а также спортивные организации, чаще всего выступающие в роли создающих исходную информацию;

II группа. В нее входят спортивные журналисты, представители пресс-служб, а также учредители и руководство (редакторы) СМИ. Кроме того, это могут быть различные организации, представляющие интересы СМИ (редакции, медиагруппы, пресс-службы и т.д.). В рамках коммуникации они выступают в роли *коммуникаторов*, передающих спортивную информацию;

III группа состоит из представителей спортивной аудитории и соответствующих организаций (*стихийных*, на уровне толпы и *организованных* – фанатских движений и других форм), представляющих собой *адресатов*, получающих спортивную информацию;

IV группа включает представителей иных сфер общества – это политики, спонсоры, инвесторы, экономисты, юристы, врачи и др., напрямую не связанные со спортом, но оказывающие влияние на его развитие.

Каждая из выделенных субъектных групп имеет определенные характеристики и оказывает свое активное или пассивное воздействие на формирование спортивной медиакоммуникации. А любой субъект вступает в систему сложных взаимосвязей не только с потенциальным «партнером» из своей группы, но и оказывает влияние на деятельность субъектов соседних групп.

Базовые понятия и системные характеристики спортивной медиакоммуникации

Спортивная медиакоммуникация – это взаимодействие между социальными субъектами (личностями, группами, организациями и т. п.), основанное на производстве, распространении и потреблении спортивной массовой информации, предполагающее участие широкого круга профессиональных спортсменов, представителей любительского спорта, спортивной общественности, руководителей спортивных организаций, журналистов, специалистов по связям с общественностью, рекламистов и др.

Базовыми признаками спортивной медиакоммуникации являются: *целостность* (определяющее систему, как единое целое); *структуризация* (показывающее наличие структуры взаимосвязанных элементов); *иерархичность* (выявляющее подчинение субъектов, объектов в структуре); *множественность* (раскрывающее присутствие различных моделей взаимодействия внутри системы).

Спортивная медиакоммуникация строится на таких фундаментальных понятиях как «коммуникация», «массовая коммуникация», «информация».

Первые понятия – «коммуникация» и «медиакоммуникация» – отражают два историко-концептуальных подхода к определению самой теории коммуникации – *технический (коммуникационный подход)* и *социально-гуманитарный (коммуникативный)*.

Информация, представляет собой основную единицу коммуникативного процесса. В современном мире, включая многие научные дисциплины, «информация» ассоциируется с такими понятиями как сведения, знания, данные, известие, сообщение и др. «*Спортивная информация*» как понятие соотносится с содержанием сообщений о явлениях, фактах и событиях, происходящих в спортивной сфере общества.

В раскрытии сущности спортивной информации немаловажное значение имеют структура и форма ее представления. Структура позволяет выявить элементы информации, включая их взаимосвязь. Различают содержательную и формальную структуры. Содержательная структура ориентирована на раскрытие сущности информации. В частности, она представлена эмпирическими, научными знаниями, гипотезами, теориями, законами и т. д. Формальная структура изначально построена на осмыслении и раскрытии форм представления информации. Согласно современным исследованиям основными из них являются: текстовая (использует тексты – символы, расположенные в определенном порядке), символьная (основанная на использовании символов – букв, цифр, знаков), графическая (различные виды изображений), звуковая. В процессе «производственной» деятельности часть информации может видоизменяться, трансформироваться в новую форму.

При анализе информации рынка российских СМИ в рамках понимания спортивной информации мы исходим из выделения трех основных сегментов: массовой, специализированной (тематической) и профессиональной (предназначенной для научной и сугубо профессиональной деятельности).

В рамках изучаемой спортивной медиакоммуникации к *массовой информации* можно отнести спортивные публикации, теле-, радиосюжеты, которые представлены в общественно-политических и неспециализированных изданиях, теле- и радиоканалах, а также в журналистских интернет-источниках, включая и ряд общеспортивных массмедиа. Сама информация построена на подачи «общих» сведений о спортивном событии, без углубления в специфику, поэтому она предназначена для широкого круга представителей аудитории (читателей, телезрителей, радиослушателей, пользователей всемирной паутины), не обязательно интересующиеся спортом. В этом случае важны и журналистские приемы в подаче спортивных медиатекстов – они написаны простым языком, не перегружены спортивной терминологией.

Специализированная (тематическая) информация представляет собой более сложные медиатексты, основанные на конструктивном смысловом и логическом строении.

Обычно они встречаются в специализированных спортивных изданиях или аналитических теле-, радиопередачах, посвященных определенному спортивному виду или роду деятельности, напрямую или косвенно связанными со спортом (бизнес, медицина, маркетинг, строительство спортивных сооружений и др.); реже в прессе иного профиля. При создании подобных текстов журналисты нередко используют лексические, синтаксические и концептуальные приемы (общезыковые метафоры, перифразы, фразеологизмы, интеллектуально-оценочные выражения и т. д.). Нередко для усиления подачи необходимой информации о спортивном явлении, особенно в печати, авторы применяют узкие спортивные термины, которые мало знакомы «несведущему» читателю. Поэтому такие тексты в большей степени интересны для знатоков спорта – «профессионалов», для которых проявление внимания к спорту (а точнее к определенному виду) является своеобразным хобби. Эти представители аудитории обычно являются не только стабильными болельщиками, посещающими стадионы, но и проявляют постоянный интерес к спортивной информации в СМИ.

К профессиональной информации о спорте относится научная и техническая информация. В первом случае это публикации о спорте, представленные в научных и научно-популярных изданиях теоретиками спорта. Они написаны достаточно сложным научным языком и предназначены для узкого круга читателей – для преподавателей, научных сотрудников и тренеров, в основном работающих на спортивных факультетах, кафедрах при академиях, институтах, университетах.

К технической информации относятся не только тексты, но и графическая информация (рисунки, диаграммы, схемы, таблицы, графики, формулы). Нередко ее называют *инфографикой*. В современной спортивной журналистике она может применяться как в печати, так и на телевидении (особенно при трансляциях спортивных состязаний).

Конструирование информационного пространства спортивной медиакоммуникации

Помимо трех вышеуказанных дефиниций, автор статьи предлагает обратить внимание на ряд других терминов, которые помогают раскрыть исследуемую коммуникацию с новых позиций. К ним относятся «*среда деятельности*», «*информационное пространство*» и «*информационное поле*». По нашему мнению: «*среда деятельности в рамках коммуникативистики – это совокупность организационных подсистем, условий и факторов, слагающих и окружающих ту или иную коммуникацию, обеспечивающих ее функционирование и развитие, в то же время оказывающих на деятельность самой коммуникации значительное влияние*». В рамках спортивной коммуникации среда деятельности – это инфраструктура, складывающейся, прежде всего, из взаимоотношений спорта и журналистики. Она во многом способствует управлению процессов и формированию спортивной коммуникации как системы.

Спортивная медиакоммуникация формирует вокруг себя информационное пространство с выделением в нем ряда информационных полей. При отсутствии четкого понимания, что такое информационное пространство в рамках журналистских практик, автор также предлагает свое определение этой сущности: «*Информационное пространство – это массив медиаинформации, существующий в пределах определенных модусов субстанции (медиасреды). Само пространство может иметь неопределенную, но строгую форму, ограниченную действиями медиасреды. Медиасреда формируется при переходе информации в медиаинформацию. Благодаря действующим здесь информационным потокам в таком пространстве может быть образовано неограниченное количество информационных полей, имеющих различную содержательную сущность*».

При формировании различных полей в информационной пространстве спортивной медиакоммуникации здесь четко прослеживаются два немаловажных аспекта.

Первый – это социально-философский аспект, понятный и воспринимаемый «ограниченным» кругом аудитории, имеющей определенные научные (профессиональные) знания о спорте и готовой воспринимать глубину получаемых сведений.

Второй – утилитарно-практический аспект, воспринимаемый для массового потребления широкой аудиторией. Благодаря такой разнонаправленности спорт в отражении СМИ нередко предстает как противоречивое социально-культурное явление, свойственное современному обществу. С одной стороны, здесь четко проявляются ориентации

на гуманистические идеалы и ценности, выявляются культурно-эстетическое и духовное начала, идеализируются как сам спорт, так и происходящие в нем процессы. С другой стороны – «жизненная прагматика», представленная через взгляд большинства спортивных журналистов, позволяет раскрыть практически все аспекты спортивной деятельности, которые, по своей сути, дают возможность понять, что сам спорт – «незамкнутая система», а активная сфера деятельности общества, которая функционально взаимодействует с другими социальными институтами (политикой, экономикой, здравоохранением, образованием, журналистикой и т. д.).

Само информационное поле может рассматриваться как «совокупность свойств объектов и процессов, протекающих во внешней или внутренней среде в сфере спорта, где определяющим фактором становится содержание спортивной информации». В то же время информационное поле является одним из видов, существующих в пространстве полей (социальных, дискурсивных и т. д.), и основным в структуре информационного пространства. В медиaprостранстве могут формироваться различные по содержанию информационные поля – крупные, средние и малые, которые могут существовать как отдельные системы, практически не взаимодействующие между собой, так как объединенные одной темой (СМИ) группы, внутри которых, происходит тесная информационная взаимосвязь.

Медиaprостранство спортивной коммуникации как любое информационное пространство состоит из определенного набора полей, что было уже доказано выше. Если рассматривать их сущность исходя из тематического содержания, то здесь выделяются два крупных информационных поля:

- спорт как сфера развития общества;
- спорт как профессиональная сфера деятельности.

Каждое из этих мегаполей имеет собственные характеристики. Как видно уже из названия, в понимании их содержания осуществляется постепенный переход от общего (в первом информационном мегаполе раскрывается сущность спорта как таковая, его место и значение в обществе) к частному (во втором мегаполе – отражается деятельная сторона спорта). Существенной характеристикой является и то, что в том и другом крупном поле выделяются еще несколько «малых» полей, которые, благодаря своей информационной структуре, помогают определить основные направления, существующие в спорте, и определить их степень раскрытия в системе массмедиа.

Для анализа каждого поля был проведен мониторинг 6 различных медиаканалов за 2012 – 2013 гг.: трех спортивных газет («Советский спорт», «Спорт-Экспресс», «Спорт день за днем»); спортивных рубрик в информационных программах трех федеральных телеканалов (Первый, «Россия 1», НТВ).

Архитектоника информационного мегаполя «Спорт как сфера развития общества»

Рассматривая суть первого мегаполя «Спорт как сфера развития общества» можно сказать, что в современном мире спорт, без сомнения, является фактором консолидации общества, поскольку он «как важный социальный феномен охватывает все уровни современного социума, оказывая широкое воздействие на основные сферы жизнедеятельности общества. Спорт влияет на национальные отношения, деловую жизнь, общественное положение, моду, этические ценности, формирует соответствующий образ жизни людей» [2, с. 48]. Эти факторы постоянно освещаются в СМИ. Содержательной составляющей данного поля является информация о спорте как общественном явлении, о его влиянии как на жизнь отдельного человека, так и на общество в целом. Для многих спорт является смыслом жизни. При занятиях спортом человек начинает чувствовать «объективную природу социальной жизни, ее характер, функции, социальные правила, требования... Через участие в спорте, особенно в спортивных играх, приобретает общий смысл не только переоценки самого себя, но и общества» [4, р. 126]. Здесь выделяются следующие крупные темы:

- спорт как элемент социокультуры;
- спорт как элемент политической жизни;
- спорт как элемент здорового образа жизни;
- спорт как бизнес-индустрия.

Каждая тема может формировать собственное информационное поле. Изначально все поля по своим характеристикам относятся к социальным полям, включая такие как «Спорт как элемент политической жизни» и «Спорт как бизнес-индустрия». Это можно утверждать на основании исследований И. Ширшовой, которая, интерпретируя концепции П. Бурдьё, пишет: «социальный мир может быть назван и построен различным образом в соответствии с различными принципами видения и деления: например, деления экономического или деления этнического» [1]. Тем не менее каждое из полей может иметь и свои собственные характеристики, создаваемые, как уже было отмечено ранее, «смешиванием» информации из различных наук и сфер деятельности.

Материалы исследования современных медиатекстов о спорте, относящихся к первому информационному мегаполю, показывают, что в настоящее время российские СМИ все меньше и меньше уделяют внимание социально-эстетической стороне спорта, а больше обращают внимание на связь спорта с политикой, особенно в предверии к подготовке Зимней Олимпиады-2014. В то же время интерес со стороны журналистов к информации о здоровом образе жизни остается стабильным, хотя эти материалы являются самыми малочисленными (приблизительно около 6,4% от всего исследуемого массива). Журналистика раскрывает спорт как элемент здорового образа жизни через информационно-просветительную и аксиологическую (ценностно-ориентировочная) функции. Они позволяют представить здоровый образ жизни как самостоятельную систему с идейно-нравственными установками, где основным параметром является «информационное начало», основанное, прежде всего, на определении роли спорта в этом феномене, а также на изображении в журналистских публикациях личностных и общественных отношений к данному процессу.

Что касается информации, раскрывающей тему «Спорт как бизнес-индустрия», то в рамках массмедиа интерес к ней усиливается. Это наблюдается не только в общенациональной прессе, но и в региональной. Это объясняется тем, что не только представителям СМИ интересно узнать, сколько стоит тот или иной спортивный объект (его постройка, содержание), каков бюджет команды, сколько получает спортсменов, сколько тратится на проведение Олимпиады, но и эта информация привлекает аудиторию, для которой такие сведения зачастую более интересны, чем само соревнование, особенно если это касается личности определенного спортсмена, команды.

Структурно-содержательные характеристики мегаполя «Спорт как профессиональная сфера деятельности»

Второе крупное поле, входящее в состав спортивного медиaprостранства – это «Спорт как профессиональная сфера деятельности». Основным информационным событием в этом случае становится «профессиональная деятельность». В настоящее время существует множество подходов в понимании что такое «деятельность». В различных науках она может рассматриваться с позиций общения, обучения, игровых практик. Но чаще всего деятельность связана с трудовой (основной) занятостью человека в определенной сфере или отрасли или с пониманием функционирования самого производства, а также организацией различных мероприятий, непосредственно связанных с самой деятельностью. Соответственно условиями ее существования являются: создаваемая сфера деятельности, с выделением объекта, вида, предмета, режиссура продукта (результата) производства.

По своей сущности профессиональная деятельность неразрывно связана с деятельностью той или иной специализированной сферы общества: политикой, экономикой, культурой, медициной, наукой и т. д. Сюда относится и спорт. В информационном плане раскрытие профессиональной сущности спорта основано на освещении деятельности участников спортивного движения, классификации видов спорта и соревнований. Благодаря происходящим здесь процессам спорт можно назвать специфическим видом труда. В значительной мере это объясняется тем, что для достижения спортивных результатов требуется определенная физическая, техническая, тактическая (в некоторых случаях интеллектуальная) подготовка спортсменов с участием квалифицированных тренеров. Она же позволяет спортсменам совершенствоваться в плане профессионализма и быть специалистами в том или ином виде (дисциплине) спорта, получать определенные звания, разряды. А это уже классифицирует труд спортсменов, тренеров как профессиональный.

Стоит заметить, что в плане человеческого фактора профессиональная деятельность в спорте нередко направлена не только на выработку специализированных навыков, но и на гармоничное развитие личности. Этому способствует уникальная специфика сферы «спорта», позволяющая, по сравнению с другими сферами, например медициной, отнести к числу профессионалов и часть любителей, которые в рамках свободного времени регулярно занимаются спортом (плаванием, бегом, футболом, спортивным туризмом, фитнесом, теннисом и т. д.), хотя их результаты изначально намного ниже профессиональных.

Соответственно профессиональная деятельность в спорте способствует и выполнению пропагандирующей функции. Еще в начале XX в. организатор Олимпийских Игр француз П. Кубертен писал: «Для того чтобы 100 человек занимались физической культурой, нужно, чтобы 50 человек занимались спортом; для того чтобы 50 человек занимались спортом, нужно, чтобы 20 человек были спортсменами-специалистами; чтобы 20 человек были спортсменами-специалистами, нужно, чтобы 5 человек могли показать удивительные достижения» [3 с. 13 – 14].

Кроме того, в «поддержке» профессиональной деятельности спорта ведущую роль играет и развитие спортивной инфраструктуры, позволяющей организовать соответствующую профессиональную работу в спорткомплексах, спортивных школах, центрах, баз для тренировок, а также участвовать в подготовке и проведении соревнований различных уровней (от районных до международных). Таким образом, можно сказать, что в настоящее время спорт воспринимается обществом как профессиональная сфера деятельности, которая, как и любая профессия, обладает набором специализированных навыков. Тем не менее, благодаря особой специфике, они могут быть доступны не только профессионалам, но и любителям.

Для понимания профессиональной сферы деятельности спорта для журналиста важны осмысление и оценка времени происходящего процесса. Это существенно не только с философско-социальных позиций через определение, когда происходит само спортивное событие (дата), выявление «ограничения» свершения определенного спортивного действия (в частности, установление рекорда в точности до сотой секунды), но и филологическом плане. Подтверждение этому можно найти в исследовательской работе М. Ю. Климова «Семиотическая система спорта как феномен культуры». Он пишет: «Семиотический пространственно-временной континуум спорта образуют игровое семиотическое пространство – место, где разворачивается визуальный спортивный текст и семиотическое пространство спорта – условная умозрительная система, где действуют язык и знаки спорта. Наряду с установлением необходимых пространственно-временных границ спорту присуще постоянное преодоление пространства и времени, отрицание их, выраженное в стремлении к рекордам. Внутри семиотического пространства спорта происходит взаимный обмен и перевод текстов между различными видами спорта. Такое же взаимодействие осуществляется и в пределах единой семиосферы – между семиотическим пространством спорта и семиотическими пространствами других культурных феноменов (политикой, экономикой, искусством)» [1, с. 116].

Что касается структурно-содержательных характеристик, то поле «Спорт как профессиональная сфера деятельности» так же, как и предыдущее мегаполе «Спорт как сфера развития общества», состоит из нескольких миниполей. К ним относятся: «Деятельность представителей спорта и спортивных организаций»; «Виды спорта»; «Спортивные состязания как событие». Уже из самих названий понятно, что каждое из этих полей в большей степени формируется благодаря именно спорту, поэтому влияние внешних факторов (иных сфер деятельности) здесь становится минимальным (в некоторых случаях практически равно нулю, по сравнению с предыдущим мегаполем).

Содержательное наполнение поля «Деятельность представителей спорта и спортивных организаций» в первую очередь основано на представлении спортивного героя. Образ спортивного деятеля по своей сути относится к профессиональному образу человека, создаваемого в СМИ. Его формирование порой для журналиста является достаточно трудоемким процессом. Это объясняется тем, что сам образ может быть многозначным. В журналистских произведениях спортивный герой может быть представлен в виде главного или второстепенного персонажа. В зависимости от цели раскрытия самого образа спортивной личности, он может быть символическим или

реалистичным. Представляя своего спортивного героя как символ, журналист несколько сужает представления о нем, делая его идеализированной медиаличностью с определенным набором характеристик.

Исследование второго миниполя «*Виды спорта*», входящего в состав мегаполя «*Спорт как профессиональная сфера деятельности*» привело к следующим результатам. Востребованными в СМИ являются олимпийские виды (особенно футбол) и часть неолимпийских. Тематическими «аутсайдерами» здесь являются «Национальные виды спорта» и «Спорт как развитие профессиональных навыков». Такой результат вскрывает проблемные стороны в освещении спортивной тематики в прессе, особенно в региональной. Главной причиной не востребоваемости этих тем на местах сегодняшний день служит недостаточное внимание и в какой-то степени недопонимание их глубины и важности как со стороны городских и областных департаментов по культуре и спорту, так и журналистов, не проявляющих к ним соответствующего интереса.

Третье поле – «*Спортивные состязания как событие*». Его содержательная часть состоит из двух «несовместимых», на первый взгляд, информационных массивов – «профессиональная деятельность» и «культурное начало». Их основой послужила интеграция спорта с искусством. Обе эти сферы имеют много общего, способны плодотворно влиять одна на другую, в каких случаях дополнять друг друга. В этом случае, искусство понимается как особый вид духовно-практического освоения действительности, которое имеет своей целью формирование «нового» взгляда на систему спорта, делая его привлекательным для болельщиков, через введение в него дополнительных элементов развлечения (театрализация открытия, закрытия соревнований; развлекательная программа в перерывах, тайм-аутах; проведение фестивалей спорта и искусства, культурно-спортивных праздников). Тем не менее, в этом коммуникативном процессе важна роль и третьего участника – СМИ. Сегодня с помощью массмедиа практически любое соревнование в независимости от его значения (корпоративное, местное, федеральное, международное) может превратиться в медиасобытие. Участие в этом процессе каждого из медиаканалов, особенно телевидения, неопределимо. Они помогают раскрыть всю драматургию, сюжетно-композиционную основу современного спорта, с частичным превращением того или иного спортивного мероприятия в шоу.

Заключение

Резюмируя можно отметить, что, содержательным наполнением информационного пространства спортивной медиакоммуникации России является спорт и все, что с ним связано в плане журналистских практик. В его рамках происходит перерастание спортивной информации в медиатекст, в котором фрагментарно раскрывается не только спортивная деятельность, отражающаяся в смыслах взаимодействия между субъектами профессиональной спортивной деятельности, сущность и характеристики спортивных практик, но и представление происходящих общественных, социальных, политических процессов в социуме. Эти тенденции подтверждает анализ выделенных в структуре пространства спортивной медиакоммуникации России двух информационных мегаполей – «Спорт как сфера развития общества» и «Спорт как профессиональная сфера деятельности» и входящих в них миниполей.

Список литературы:

1. Климов М. Ю. Семиотическая система спорта как феномен культуры. – Барнаул. 2006. – 123 с.
2. Лубышева Л. И. Социология физической культуры и спорта. М.: Академия, 2010. – 240 с.
3. Мытлик Э. Накануне Олимпийских игр 1980 г. в Москве. – Таллин: Общество «Знание» ЭССР. 1978. – 63 с.
4. Weiss P. Sport: A Philosophical Enquiry. – Southern Illinois University Press, 1969. – 274 p.

CONSTRUCTING THE INFORMATIONAL SPACE IN THE SPORTS MEDIA COMMUNICATIONS IN RUSSIA

E. A. Voytik

**Tomsk State
University**

**e-mail:
voj@yandex.ru**

The article determines the definition and terms of informational space sports media communication in Russia. The construction of the space is considered to be based on the structural and content characteristics of its informational field.

Keywords: sports, journalism, sports media communications, informational space, informational field.

КУБИНСКОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНТСТВО «PRENSA LATINA»: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. И. Губина

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

*e-mail:
anna.199105@yandex.ru*

В статье рассматривается история и функционирование кубинского информационного агентства «Prensa Latina».

Ключевые слова: информационное агентство, «Prensa Latina», Латинская Америка, информационная экспансия.

Невозможно представить современную жизнь любой страны без постоянного движения информации, отражающую процессы и явления, актуальные в жизни общества. Несмотря на разнообразие медиаисточников, информационные агентства по-прежнему являются доминирующим фактором наполнения массово-коммуникационных процессов. Большое количество поставщиков новостей информирует большее количество людей на основе прежнего количества источников. Субъекты информационной глобализации и монополизации скорее усилили, чем ослабили мощь «оптовых поставщиков» новостей – информационных агентств [Сапунов, [http](#)].

По определению Я.Н. Засурского, информационные агентства представляют собой «специализированные информационные предприятия (организации, службы, центры), обслуживающие СМИ» [Засурский, [http](#)]. Их основная и главная функция, по его мнению, – «снабжение оперативной политической, экономической, социальной, культурной информацией редакции газет, журналов, телевидения, радиовещания, а также другие учреждения, организации, частных лиц, являющихся подписчиками на их продукцию» [Засурский, [http](#)]. Работа информационных агентств интересна и социально значима, а организационная структура – сложна и динамична. Агентства становятся первыми и самыми часто используемыми источниками международной информации для СМИ всех типов: как печатных, так и электронных [Погорельй, [http](#)].

Не только для журналистов-практиков, но и для профессиональных исследователей журналистики, информационные агентства остаются неким «*deus ex machine*» – «богом из машины», который малопонятным способом узнает обо всем, что творится на белом свете [Международная жизнь, [http](#)]. Таким образом, информационные агентства – это организации, занимающиеся сбором, обработкой и распространением информации. Традиционно эти социальные институты составляют основу национальной и международной систем распространения новостей. Основными подписчиками и потребителями информационных агентств выступают СМИ всех возможных типов, органы госструктур, а также коммерческие и общественные организации [Алёшина, [http](#)]. Исследователи выделяют несколько типов информационных агентств, каждый из которых имеет свою специфику и особенности деятельности: локальные, национальные, региональные и мировые.

«Основные черты мировых агентств – глобальный характер деятельности, быстрота сбора, обработки и распространения информации, стремительность реагирования на технические новшества, обширная и всеохватная сеть корреспондентов и представительств, огромные финансовые возможности – делают их конкурентоспособность практически недостижимой для национальных и региональных служб» [Засурский, [http](#)]. Если информационное агентство владеет собственными спутниками связи, которые позволяют собирать и распространять информацию, оно также относится к мировым агентствам. В их числе: Рейтер (Великобритания), Франс Пресс (Франция), Ассошиэйтед Пресс (США), иногда к ним добавляются и ИТАР-ТАСС (Россия).

Международные агентства, не имеющие масштабов деятельности, сопоставимых с мировыми, тем не менее являются субъектами международного информирования – в от-

личие от небольших слабо оснащенных национальных агентств, ориентированных на приём международной информации, поступающей от их более мощных партнеров.

Региональные агентства специализируются на сборе информации из регионов. В крупных городах сейчас работает по несколько агентств и информационных бюро, ориентирующихся на разные группы подписчиков (их клиентами могут быть и центральные СМИ), на различную в тематическом отношении информацию и т.д. В структуре региональных агентств преобладают распространяющие рекламно-коммерческую информацию. Растет число агентств и в небольших городах, районах.

Локальными информационными агентствами называют агентства, возникшие на определенной территории (город, район, область) и освещающие в первую очередь происходящие на данной территории события. К примеру, «АПИ» (г. Екатеринбург, [www.apiural.ru]), «Псковская лента новостей» (Псков и Псковская область, [www.pln-pskov.ru]) [Могилёвская, [http](http://)].

Трудности становления, практического воплощения в жизнь плодотворных идеи о рационализации существующей международной системы распространения информации повлекли за собой усиление внимания общественности и политических руководителей развивающихся стран к укреплению национальных агентств печати. «Большинство национальных агентств абонируют услуги по меньшей мере двух крупных мировых агентств или имеют с ними соглашения с тем чтобы получать от них зарубежные новости и снабжать их национальными новостями. Многие агентства печати абонируют услуги ряда более мелких национальных агентств, расположенных либо в соседних странах, либо в странах, представляющих особый интерес. Свои отделения или постоянных корреспондентов за границей в целях сбора и распространения новостей имеет относительно небольшое количество национальных агентств» [Вачнадзе, [http](http://)].

Так, в Латинской Америке только 12 стран из 25 имеют агентства печати. За исключением Чили и Мексики (агентства, которые направляют небольшое число корреспондентов за границу), все эти страны в отношении зарубежных новостей целиком зависят от американских мировых агентств и некоторых других иностранных агентств или газет, в частности от испанского агентства ЭФЭ. В Мексике существует три частных агентства: Информекс, Нотимекс и Амекс, причем каждое из них имеет за границей своих корреспондентов, работающих на полной или неполной ставке. В Карибском районе действуют агентство КАНА на Барбадосе и Пренса Латина в Гаване [Вачнадзе, [http](http://)].

Отправным моментом в истории создания и дальнейшего развития информационного агентства «Prensa Latina» – «Пренса Латина» (далее – PL) явилась победа Кубинской революции 1959 года.

22 января 1959 г. в Гаване состоялась пресс-конференция «Операция «Правда», которая поставила перед собой цель показать истинное положение дел на острове и противостоять пропагандистским кампаниям, которые вели СМИ Запада, чтобы выставить новую власть в стране в негативном виде и демонизировать курс молодого независимого государства, с этой целью была предпринята попытка распространить объективную информацию, продуцируемую кубинскими поставщиками.

Упомянутая пресс-конференция послужила мощным импульсом к развитию СМИ в регионе. Так, уже 16 июня 1959 г. в Гаване было создано региональное информационное агентство «Prensa Latina» – «Пренса Латина» (PL). Оно было образовано по инициативе Эрнесто Че Гевары и аргентинского публициста Рикардо Масетти, который впоследствии несколько лет руководил PL. Организационной формой PL стала форма акционерного общества. Среди основных задач деятельности кубинского информационного агентства были:

- выйти на информационный рынок Латинской Америки, монополизированный агентствами США и других стран Запада, в первую очередь такими, как «Associated press» (США), «United Press International» (США), «Reuters» (Великобритания) и «Agency France Press» (Франция);

- сделать достоянием всего мира правду о кубинской революции и национально-освободительных движениях в регионе.

В апреле 1959 года, до начала деятельности PL, американский чиновник Дюбуа выразил свою ненависть к будущему проекту и «уведомил», что данное агентство будет популяризовать необъективную информацию Кубы. Далее он заявил, что нужно быть бди-

тельным с этим агентством, т.к. оно будет распространять ложь на международном уровне. Дюбуа продолжал настаивать на своем и через несколько месяцев, после появления агентства. В «Washington Post» появилась публикация, утверждавшая, что создание PL было настоящим преступлением. По этому случаю в ноябре 1959 г. Мазетти потребовал опровержения в суде Соединенных Штатов и предложил преследовать Дюбуа за клевету [Un desafío al monopolio de la intriga, [http](#)].

Иное мнение по отношению к информационному агентству выразил кубинский поэт Николас Гильен. Он считал, что «Prensa Latina – это голос Латинской Америки и Латинская Америка не имеет другого выбора, чем кричать о справедливости восстания против империализма». В то же время, он подчеркнул важность подписанных соглашений и новой функции, которые позволили агентству расширить радиус своей активности. «Prensa Latina уже сделала первый шаг к становлению глобального агентства, заключив соглашения об обмене официальными уведомлениями с другими международными, национальными и региональными информационными агентствами» [Un desafío al monopolio de la intriga, [http](#)].

На начальном этапе информационное агентство имело всего 20 журналистов, в том числе и будущего лауреата Нобелевской премии – Габриэля Гарсиа Маркеса. В разное время PL имела за рубежом от 20 до 40 корпунктов и отделений. В настоящее время корреспонденты агентства аккредитованы в 25 странах, в том числе и в России. PL распространяет свою информацию практически на всех континентах (Международная жизнь).

Главные направления деятельности агентства – противоборство американской экспансии в Латинской Америке и мире, развитие образования, медицины и информационной инфраструктуры на континенте и других странах «третьего мира».

Штаб-квартира PL находится в Гаване. В штате агентства – 300 человек (не считая корреспондентской сети). На сегодняшний день PL имеет 26 корреспондентских пунктов в мире и в Латинской Америке. Агентство осуществляет обмены информацией с подобными организациями в своём регионе и за его пределами. Так, «КАНА и PL имеют соглашение о взаимном обмене: Пренса Латина направляет агентству КАНА новости из Латинской Америки, получаемые от ее корреспондентов, а агентство КАНА поставляет агентству Пренса Латина новости из Карибского района» [Вачнадзе, [http](#)].

Сферы информационных интересов PL достаточно широки: политика, экономика, культура, наука и техника, спорт, туризм и различные аспекты кубинской и латиноамериканской жизни. Редакционные материалы PL разбиты на рубрики: «Земной шар», «Куба», «Призма», «Медицинские достижения», «Торговля на Кубе».

Агентство выпускает несколько бюллетеней – финансовый, туристический, «Кибермир», «Медиамир», «Эко Куба», «Мост», «Международная экономическая панорама», «Латиноамериканская экономическая панорама» [Сапунов, [http](#)].

Диверсификация информационной продукции PL выглядит следующим образом: новости Кубы, Северная Америка, Центральная Америка и Карибский регион, Южная Америка, Европа, Азия, Океания. Всемирная служба новостей PL работает на шести языках: испанском, английском, португальском, итальянском, русском и турецком языках. Ежедневно передается 7800 слов сообщений, что составляет более 400 новостей ежедневно. В число постоянных клиентов и подписчиков PL входят 200 периодических печатных изданий Латинской Америки, а сайт информационного агентства ежедневно посещают 200 000 пользователей Сети. По технологическому оснащению PL уступает ведущим информационным агентствам развитых стран. Вместе с тем, в настоящее время PL развивается и успешно функционирует на региональном медиарынке.

PL является также крупным издательством, которое публикует книги по проблемам общественных наук, в первую очередь, через призму журналистики. Особо уделяется внимание истории Кубы и её современного состояния. Опытная команда журналистов, дизайнеров и редакторов ответственна за подготовку содержания и дизайна более 30 периодических изданий, среди которых имеются как издания собственного производства, так и заказные публикации. Среди первых выделяется ежедневник «ORBE», с изданиями для Кубы, Мексики, Венесуэлы, Боливии, Никарагуа и Сальвадора. Также выпускаются журналы «Negocios en Cuba» («Бизнес на Кубе»), «Cuba Internacional» («Интернациональная Куба»), «Avances Médicos de Cuba» («Медицинские достижения Кубы») и «Correos de Cuba» («Поч-

та Кубы»), адресованный кубинцам, проживающим за пределами острова. Издаются журналы для учреждений и компаний Кубы или других стран, среди которых: «Habanera» («Гаванский»), «Excelencias del Caribe» («Превосходство Карибов»), «Amazonía» («Амазония»), «Vietnam Ilustrado» («Иллюстрации Вьетнама»), «Avances Médicos de las Américas» («Успехи американской медицины») и «Cuba Plus» («Куба плюс»). Также издаются путеводители по главным туристическим местам Кубы.

Наряду с информационным агентством и издательством в структуре PL выделены еще несколько структурных подразделений, занимающихся отдельными сферами деятельности: телевидение, радиовещание, служба фото- и инфографики, а также служба мультимедиа.

Радиоредакция ежедневно производит 26 программ по различным темам. Мультимедиа проекты PL, которые носят общее название «Génesis Multimedia» («Генезис Мультимедиа»), в настоящее время насчитывают более ста наименований, изданных в цифровом формате, среди которых энциклопедия «Todo de Cuba» («Все о Кубе»), обновляемая каждые два года, CD «Che por siempre» («Че навсегда»), «Andar La Habana» («Прогулка по Гаване») и другие. Опытные и квалифицированные специалисты «Генезиса» имеют все возможности для проведения и успешного завершения любой творческой работы в области мультимедиа, быстро и высокопрофессионально.

Телевизионная служба «PLTV», имеет почти двадцатилетний профессиональный опыт в подготовке телевизионных новостей и вневременных сообщений для трансляции телевизионных станций и сетей по всему миру, особенно в Латинской Америке. PLTV также производит видеоматериалы для различных целей и оказывает техническую поддержку своим клиентам.

Еще одним каналом доставки информации потребителю выступает сайт информационного агентства в Интернете, посредством которого PL освещает события, как мирового, так и регионального масштаба, преподнося их с позиции кубинского правительства. Помимо основного сайта, который ведется на испанском языке, PL имеет еще шесть ресурсов на иностранных языках, на которых работает основная служба агентства. Всего же кубинское информационное агентство имеет 17 сайтов для распространения информационных сообщений и услуг на разных языках и в различных форматах.

Сравнив русскоязычную и испаноязычную версии сайта, можно отметить то, что информация предоставляется по-разному. Сайт для русскоязычной аудитории делится на несколько тематических частей: «Начало» (главная страница), «Куба», «Латинская Америка», «В мире», «Искусство и культура», «Контакты» и «Кто мы». Сайт для испаноязычной аудитории тематически представлен шире. Он имеет несколько больших разделов, которые делятся на более узкие области. Например, раздел «Inicio» («Главная страница») содержит подпункты «Quiénes somos» («Кто мы»), «Video promocional» («Рекламное видео»), «Correo al Editor» («Электронная почта»). Следующий раздел – «Radio» («Радио»), который включает в себя «Emisora PL» («Радиостанция PL»), «Noticieros» («Новости»), «Resúmenes» («Тезисы»), «Exclusivos» («Эксклюзивно»), «Compilaciones temáticas» («Тематические сборники»), «Corresponsales» («Корреспонденты»), «Programas informativos» («Информационные программы»). В данной версии сайта добавлены объемные разделы: «Multimedia» («Мультимедиа»), где можно познакомиться с эфиром PLTV и радио; «Publicaciones» («Публикации»), размещающая ссылки на периодику PL; «Fotos» («Фото»), содержащая фотографии корреспондентов и «Especiales» («Специально»).

Дизайн сайтов выполнен в едином стиле: стандартные белый фон, новостные колонки, разбавленные фотографиями, в левом верхнем углу логотип информационного агентства PL. Направленность новостей зависит от целевой аудитории. Для жителей Латинской Америки информация о событиях, приходящая из других стран, имеет второстепенное значение по сравнению с фактами о событиях, происходящих на их континенте.

Сайт публикует самые свежие новости в рубрике «Minuto a minuto» (в русскоязычной версии – «Последние новости»). На главной странице каждой из версий собраны самые актуальные публикации. Так на 17 апреля 2014 г. злободневной новостью для России стали переговоры в Женеве по украинскому кризису. Далее следуют публикации, затрагивающие такие проблемы как: «Правительство Эквадора отказывается от советов Межамериканской комиссии по правам человека», «Венесуэла намерена присоединиться к Антарк-

тическому договору», «Доминикана разрабатывает специальный план на время Пасхальных праздников». В рубрике «Куба» публикуется статья под названием «План “Zunzuneo” против Кубы может быть частью шпионской деятельности Обамы». Примечательно то, что эта статья вышла на испаноязычном сайте днем ранее (16 апреля 2014) и была главной новостью, в то время как 15 апреля 2014 г. на русскоязычном сайте событием дня стало подтверждение Россией присутствия на четырехстороннем совещании по Украине.

В день 17 апреля 2014 г. главной новостью основного, испаноязычного, сайта была смерть Габриэля Гарсиа Маркеса. На протяжении трех дней информационное агентство делало множество публикаций на данную тему: «Gabo y sus amores con el cine» («Габо и его любовь к кино»), «Gabo en el recuerdo de su andadura en el periodismo» («Габо в память о своей журналистской карьере»), «Homenaje sinfónico a la memoria de García Márquez en Bogotá» («День памяти Гарсиа Маркеса в Боготе») и другие.

Сайты публикуют новости, поднимающие проблемы стран Латинской Америки в области политики, экономики, сотрудничества с рядом других государств. Таки образом, проведя сопоставительный анализ текстов, размещенных на разных версиях сайта PL, можно отметить, что тематика его испаноязычной версии гораздо шире, чем иных. Так, на основном сайте представлено больше рубрик, разделенных на несколько крупных директорий. Это позволяет посетителям сайта лучше ориентироваться в большом объеме происходящих событиях. Так, директория «Noticias» («Новости») включает в себя следующее рубрики: «Cuba» («Куба»), «Caribe» («Карибы»), «EE.UU y Canada» («США и Канада»), «Europa» («Европа»), «Economía» («Экономика»), «Cultura» («Культура»), «Deportes» («Спорт»), «Asia y Oceanía» («Азия и Океания»), «África y Medio Oriente» («Африка и Ближний Восток»), «Ciencia y Tecnología» («Наука и технология»). На 18 апреля в рубрике «Europa» главной новостью остается проблема кризиса в Украине, которому посвящены следующие материалы: «Rusia cifra confianza en influencia de EE.UU. sobre Ucrania» («Россия уверена во влиянии США на положение на Украине»). В рубрике «EE.UU y Canada» главной выступила новость об обсуждении в ООН палестинской проблемы: «Comité de ONU debatirá sobre aspectos legales de cuestión palestina» («Обсуждение комитетом ООН правовых аспектов палестинской проблемы»).

Спустя пятьдесят пять лет после своего основания, PL имеет сильную и современную структуру, которая позволяет успешно публиковать информацию в сложном и конкурентном мире международных новостных агентств. Команда издателей, редакторов, журналистов, фотографов, корреспондентов и сотрудников по всему миру поддерживают поток информации PL при поддержке инженеров и высококвалифицированных технических специалистов.

На сегодняшний день PL является одним из самых мощных источников альтернативной информации, снижая давление глобальных информационных потоков со стороны «медийных монополистов» – западных мировых информационных агентств. PL пытается распространить свое влияние на весь континент. Особой популярностью его информация пользуется в Венесуэле, Колумбии, Гватемале, Аргентине. Информация «Prensa Latina» постоянно присутствует на полосах сводки новостей как латиноамериканской, так и российской прессы – газет «Правда», «Российская Газета», журнала «Международная Жизнь».

Список литературы

1. Алёшина И. В., Паблик Рилейшнз для менеджеров [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.uamconsult.com/book_513_chapter_14_5.1-1_Informacionnye_agentstva.html, свободный. – Яз. рус.
2. Вачнадзе Г., Кашлев Ю., Международный обмен информацией. Его сторонники и противники [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://vse-uchebniki.com/knigi-jurnalistika/mejdunarodnyiy-obmen-informatsiey-ego.html>, свободный. – Яз.рус.
3. Могилёвская Э. В., Информационные агентства в Интернете: особенности и принципы функционирования [Электронный ресурс] // диссертация. – Режим доступа: <http://wiasite.com/page/internet-realnost/ist/ist-17--idz-ax51--nf-50.html>, свободный. – Яз.рус.
4. Моисеев А., Журналисты Кубы взяли курс на актуализацию [Электронный ресурс] //Международная жизнь. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/print.php?item=9964>, свободный. – Яз. рус.
5. Погорелый Ю. А., Информационное агентство: стиль оперативных сообщений [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text19/018.htm>, свободный. – Яз. рус.
6. Пренса Латина: русскоязычная версия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ruso.prensa-latina.cu/>, свободный. – Яз.рус.

7. Сапунов В. И., Функционирование зарубежных информационных агентств в современной медиасистеме [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://sarmedinfo.ru/list/8238>, свободный. – Яз. рус.
8. Система средств массовой информации России: учебное пособие для вузов /Под ред. Я. Н. Засурского/ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text/61.htm>, свободн. – Яз.рус.
9. Prensa Latina: Español [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.prensa-latina.cu/>, свободный. – Яз.исп.
10. Un desafío al monopolio de la intriga//María Begoña Aróstegui Uberuaga, Gladys Blanco Cabrera//

CUBAN NEWS AGENCY «PRENSA LATINA»: HISTORY, CURRENT STATUS AND SPECIFICS OF PROFESSIONAL ACTIVITIES

A. I. Gubina

*Belgorod National
Research University*

e-mail:

anna.199105@yandex.ru

The article contains information about history and activity of Cuban news Agency “Prensa Latina”.

Keywords: News Agency, «Prensa Latina», Latin America, information expansion, PL.

МАССМЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ОПИСАНИЯ

Т. Г. Добросклонская

*Московский
государственный
университет,
им. М. В. Ломоносова*

*e-mail:
tatdobro@mail.ru*

Статья посвящена рассмотрению феномена массмедийного дискурса и существующих подходов (структурного, функционального и тематического) к его осмыслению. Концепция медиадискурса основывается на всех трёх подходах, что позволяет составить объёмное представление о речевой деятельности в сфере масс-медиа, поскольку охватывает не только вербальное сообщение в совокупности с медиаканалом, но и все экстралингвистические факторы, связанные с особенностями создания медиасообщения.

Ключевые слова: массмедийный дискурс, дискурс, текст, медиатекст, медиаречь, масс-медиа, концепция.

В последние годы понятие массмедийного дискурса (или медиадискурса) прочно вошло в обиход гуманитарной науки, что является вполне закономерным следствием активного распространения как концепции дискурса вообще, так и дискурсивного анализа в частности.

Поскольку определение медиадискурса базируется непосредственно на общем понимании дискурса, то имеет смысл кратко остановиться на том, как медиадискурс соотносится с многочисленными определениями дискурса. Как известно, ключевым компонентом концепции дискурса является всесторонний комплексный подход к анализу речевой деятельности общества и индивида, понимание дискурса как сложного коммуникативного явления, которое охватывает всю совокупность экстралингвистических факторов, сопровождающих процесс коммуникации, включая отправителя сообщения, его получателя, социальный контекст, особенности производства, распространения и восприятия информации, культурно-идеологический фон и т. д. [см. 6]. Системный анализ разнообразных определений, разработанных как в рамках зарубежных, так и отечественных исследований, позволяет выделить три основных подхода к определению дискурса – структурный, функциональный и тематический.

При определении дискурса в рамках структурного подхода акцент делается на его структурных составляющих, дискурс понимается как продукт речевой деятельности, взятый в совокупности всех вербальных и экстралингвистических характеристик, связанных с его производством, распространением и восприятием. Наиболее наглядно структурный подход можно проиллюстрировать с помощью коммуникационной модели, первоначально предложенной в 1949 г. американскими учёными кибернетиками Шэнноном и Вивером и получившей затем широкое распространение для изучения коммуникационных процессов. К концу XX в. сложился своего рода «универсальный вариант» коммуникационной модели, учитывающий все базовые компоненты коммуникации, как-то: отправителя сообщения (1), его получателя (2), канал (4), обратную связь (5), само сообщение (3), процессы его кодирования и декодирования (6,7) и, наконец, ситуацию общения или контекст (8) [4].

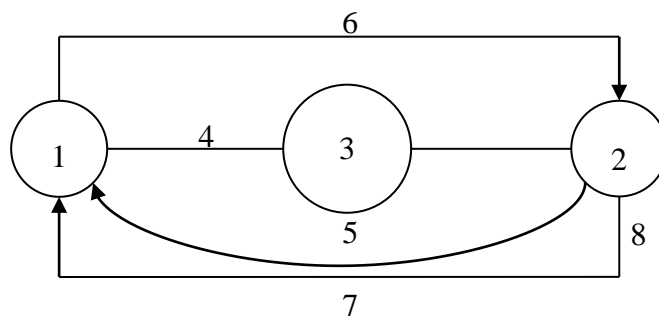

Рис. Коммуникационная модель Шэннона и Вивера

Определения дискурса, основанные на структурном подходе, позволяют выделить ключевые компоненты речевой деятельности, участвующие в процессе коммуникации: от отправителя сообщения и его получателя до канала распространения и контекста общения. Важнейшим экстралингвистическим компонентом структурных определений дискурса является, несомненно, контекст, который сам по себе объёмен и включает такие аспекты, как исторический, временной, социальный, политический, культурно-идеологический. Структурный подход позволяет также продемонстрировать различие между такими важнейшими понятиями как текст, медиатекст и дискурс. Определяя текст, медиатекст и медиадискурс на основе данной модели, можно сказать, что текст – это сообщение, медиатекст – это сообщение плюс канал, а дискурс – это сообщение в совокупности со всеми прочими компонентами коммуникации. Прибегая к метафоре, можно также сказать, что текст – это фотографическое отображение действительности, медиатекст – это видео изображение или «moving image», а дискурс – это изображение голографическое, дающее полное и всестороннее представление об объекте, в данном случае о речевой деятельности.

В рамках функционального подхода главным критерием определения дискурса является взаимосвязь речеупотребления с различными сферами человеческой деятельности, которые во многом и обуславливают особенности речевой коммуникации. При этом дискурсообразующими характеристиками текстов, берущихся в качестве эмпирической основы для выделения дискурсов того или иного типа, выступают различные общественно-значимые сферы человеческой коммуникации и речевой практики, такие, как наука, образование, политика, медицина, средства массовой информации и т. д. На основе речевых практик в соответствующих сферах выделяются разные виды дискурсов, например, такие, как научный, политический, медицинский, юридический и, конечно, интересующий нас массмедийный. Таким образом, с точки зрения функционального подхода медиадискурс представляет собой не что иное, как совокупность текстов, функционирующих в сфере массовой коммуникации.

Не менее важен и третий подход к определению дискурса – тематический, который позволяет сгруппировать письменные и устные тексты как продукты речевой деятельности вокруг определённых социально-значимых тем, которые в тот или иной момент оказываются в центре общественного внимания, например, расовые отношения, иммиграция, терроризм, феминизм, выборы органов власти. Так, в англоязычной речи уже довольно давно используются такие словосочетания, как *racist discourse*, *terrorist discourse*, *feminist discourse*, *immigration discourse*, *electoral discourse*.

Концепция медиадискурса основывается на всех трёх подходах, позволяя составить объёмное представление о речевой деятельности в сфере масс медиа, поскольку охватывает не только вербальное сообщение плюс медиаканал, но и все экстралингвистические факторы, связанные с особенностями создания медиасообщения, его получателя, обратной связи, культурообусловленных способов кодирования и декодирования, социально-исторического и политико-идеологического контекста.

Важнейшей составляющей общей теории медиадискурса является, безусловно, разграничение понятий текст – медиатекст и дискурс – медиадискурс. Если в рамках традиционной лингвистики текст определяется как «объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и целостность» [4] (причём подразумевается, что единицы эти носят вербальный характер, иначе говоря, текст – это, прежде всего, последовательность слов), то при переносе в сферу масс медиа понятие текст значительно расширяет свои границы. Здесь концепция медиатекста выходит за пределы знаковой системы вербального уровня, представляя собой последовательность знаков различных семиотических систем – языковых, графических, звуковых, визуальных, специфика сочетания которых обусловлена конкретным каналом массовой информации. Медиадискурс – это функционально-обусловленный тип дискурса, который понимается как совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия.

Следующее важное положение теории медиадискурса состоит в том, что дискретной единицей медиадискурса является медиатекст, который позволяет упорядочить и структурировать движение медиапотока в условиях информационного общества. В России значительный вклад в становление и развитие теории медиатекста, а также методов

его изучения внесли такие ученые, как С. И. Бернштейн, Д. Н. Шмелёв, В. Г. Костомаров, Ю. В. Рождественский, Г. Я. Солганик, С. И. Трескова, И. П. Лысакова, Б. В. Кривенко, А. Н. Васильева*, Т. Г. Добросклонская.† Большинство исследователей сходятся в том, что уровень массовой коммуникации придаёт понятию «текст» новые смысловые оттенки, обусловленные медийными свойствами того или иного средства массовой информации [8]. Одним из важнейших свойств медиатекстов является его «нелинейность», иначе говоря, наличие сложной многоуровневой структуры, при которой текст развивается одновременно в нескольких измерениях: вербальном, медийном и гипертекстуальном, за счёт выстраивания межтекстовых связей в Интернет пространстве. Ощущение «объёмности» медиатекста усиливается благодаря особенностям его развёртывания на каждом из уровней, что дополняется различными возможностями сочетания вербальных и медийных компонентов и придаёт медиатексту ещё более сложный характер.

Концепция медиатекста как объёмного многоуровневого явления дополняется устойчивой системой параметров, которая позволяет дать предельно точное описание того или иного медиатекста с точки зрения особенностей его производства, канала распространения и лингвоформатных признаков. Названная система включает такие существенные параметры, как:

- способ производства текста (авторский – коллегиальный);
- форма создания (устная – письменная);
- форма воспроизведения (устная – письменная);
- канал распространения (средство массовой информации – носитель: печать, радио, телевидение, Интернет);
- функционально-жанровый тип текста (новости, комментарий, публицистика (features), реклама);

тематическая доминанта или принадлежность к тому или иному устойчивому медиатопику.

Неотъемлемой частью теории медиадискурса является комплекс методов изучения медиатекстов, отражающий междисциплинарный характер исследований речевой деятельности в сфере массовой коммуникации. При этом особое значение в условиях нарастающей конвергенции медиаконтента приобретает интегрированный подход, разработанный в рамках относительно нового, но уже получившего признание и распространение направления – медиалингвистики. Интегрированный подход основан на сочетании широкого спектра методов различных дисциплин, и включает следующие наиболее значимые и распространённые группы методов:

- 1) во-первых, целую группу методов лингвистического анализа, позволяющих выявить базовые свойства и характеристики текста на различных языковых уровнях: лексическом, синтагматическом (сочетаемость), стилистическом (использование тропов, сравнений, метафор и прочих стилистических приёмов), социалингвистическом;
- 2) метод контент-анализа, или анализа содержания, основанный на статистическом подсчёте специально выбранных текстовых единиц;
- 3) метод дискурсивного анализа, основанный на концепции дискурса, и позволяющий проследить взаимосвязь между языковой и экстралингвистической стороной текста;
- 4) метод критической лингвистики, позволяющий выявить скрытую политико-идеологическую составляющую медиатекста и основанный на выявлении оценочных, отражающих определённые идеологические взгляды и установки компонентов;

---

* См., в частности, следующие работы: Шмелёв Д.Н. «Русский язык в его функциональных разновидностях», М., 1977, Бернштейн С.И. «Язык радио», М., Наука, 1977, Костомаров В.Г. «Русский язык на газетной полосе» М., МГУ, 1971, «Языковой вкус эпохи» М., 1994, Васильева А.Н. «Газетно-публицистический стиль речи» М., Русский язык, 1982, Рождественский Ю.В. «Теория риторики» М, Добросвет, 1997, Солганик Г.Я. «Лексика газеты: функциональный аспект» М., Высшая школа, 1981, Трескова С.И. «Социалингвистические проблемы массовой коммуникации» М., Наук, 1989, Лысакова И.П. «Тип газеты и стиль публикации» С-П., СПУ, 1989, Кривенко Б.В. «Язык массовой коммуникации: лексико-семиотический аспект» Воронеж, ВГУ, 1993.

† Добросклонская Т.Г. «Теория и методы медиалингвистики» АДД, М., 2000; «Вопросы изучения медиатекстов» УРСС, 2005.

5) метод когнитивного анализа, основанный на изучении концептуального аспекта медитекстов, сопоставлении различных вариантов интерпретации событий в СМИ и направленный на выявление соотношения реальной действительности и её медиарепрезентаций;

6) метод лингвокультурологического анализа, основанный на выявлении культурно-значимых компонентов текста, как-то: реалий, заимствований, иностранных слов, единиц безэквивалентной лексики и т.п., позволяющий составить представление о культурологическом аспекте того или иного произведения медиаречи, его национально-культурной специфике;

7) и, наконец, метод собственно медиалингвистический, предполагающий анализ текста с точки зрения устойчивой системы параметров описания медиатекста, таких как способ его создания и воспроизведения, канал распространения, функционально-жанровый тип, тематическая доминанта и пр.

Остановимся на каждом из названных методов подробнее. Несомненно, ключевое значение в рамках медиалингвистики имеет группа собственно лингвистических методов. Особенно важен метод сплошного текстологического анализа, позволяющий выявить закономерности построения текстов массовой информации на синтагматическом и стилистическом уровнях. Анализ на уровне синтагматики показывает устойчивую парадигму сочетаемости, характерную для того или иного типа текстов, позволяет выделить целые группы устойчивых тематических коллокаций, регулярно воспроизводимых при освещении того или иного медиатопика.

Неоценимую роль в изучении текстов массовой информации играет социологический метод контент-анализа, или анализа содержания (от английского content – содержание). Основанный на статистическом подсчёте специально выбранных единиц текста (причём не только вербальных), метод контент-анализа предоставляет исследователю массовой коммуникации самый широкий спектр возможностей и позволяет выявить обычно скрытые социально-идеологические особенности репрезентируемой данным текстом действительности. Например, контент-анализ текстов о России в англоязычной прессе за последнее десятилетие позволяет сделать вывод о нарастании негативных тенденций в восприятии образа России и её лидера на Западе, что проявляется в увеличении общего числа текстовых фрагментов, содержащих упоминание КГБ, ФСБ, Лубянки, сталинизма, тоталитарного режима, большевизма и прочих антидемократических символов.

Высокий методологический потенциал контент-анализа обусловлен тем, что в роли единиц подсчёта может выступать практически любой компонент текста массовой информации – как вербальный (слово, словосочетание, имена политических деятелей и т. д.), так и относящийся к медиаряду (повторяющиеся образы, аудио и видеофрагменты). Именно такой подход позволяет определить такие важные с точки зрения медиалингвистики моменты как, например, частотные единицы тематически связанной лексики, устойчивые коллокации, наиболее распространенные способы ссылки на источник информации, приоритетные топики новостных текстов и т. д.

Несомненно, ключевое значение для изучения медиадискурса имеет метод дискурсивного анализа, который позволяет сосредоточить внимание не только на внешних формальных признаках текста, но, и это особенно важно, на целом ряде экстралингвистических факторов, сопровождающих его производство и актуализацию. Одним из примеров многочисленных исследований, применяющих метод дискурс-анализа для описания текстов массовой информации могут служить работы известного голландского ученого Теуна ван Дейка: «Анализ новостей как дискурса» и «Структура новостей в прессе». Рассматривая новости как особый вид дискурса, Теун ван Дейк подчёркивает, что структуры медиатекстов могут быть адекватно поняты только в одном случае: если мы будем анализировать их как результат когнитивной и социальной деятельности журналистов по производству текстов и их значений, как результат интерпретации текстов читателями газет и телезрителями, производимой на основе опыта их общения со средствами массовой информации [6]. Конечная же цель дискурс-анализа состоит в том, чтобы выявить и описать обычно скрытые для массовой аудитории связи между языком, властью и идеологией.

Достаточно близок к методу дискурсивного анализа по своим задачам метод критической лингвистики (critical linguistics) – относительно нового направления в языкозна-

нии, возникнувшего в конце прошлого века. Формулируя основные положения данного направления, английские лингвисты исходили из того, что знаки языка и способы их актуализации не носят нейтрального характера. Они особо подчёркивают необходимость выявления и описания идеологических средств воздействия, неизбежно присутствующих в каждом произведении медиаречи [10]. Таким образом, цель метода критической лингвистики состоит в обнаружении и изучении идеологически окрашенных компонентов текста. При этом особое внимание уделяется именно анализу текстов массовой информации как текстов по природе своей глубоко идеологизированных. Например, простое сравнение двух версий газетных заголовков, посвящённых одному и тому же событию, – «Компания IBM закрывает завод. Рабочие протестуют» и «Рабочие выражают недовольство закрытием завода IBM» позволяет сделать определённые выводы о разной расстановке идеологических акцентов. В первом варианте заголовка основная ответственность за закрытие завода возлагается на компанию, во втором перемещение слова «рабочие» в начало предложения и замена глагола «закрывает» существительным «закрытие» позволяет сместить акцент с действий компании на действия самих рабочих.

Большое внимание изучению массмедийного дискурса уделяется также в рамках когнитивной лингвистики, основная задача которой состоит в соотнесении различных языковых процессов с когнитивными способами восприятия и обработки информации. Рассматривая язык в качестве когнитивного инструмента для репрезентации и кодирования действительности, когнитивисты исследуют медиатексты как в связи с общими проблемами категоризации и концептуализации, так и в связи с вопросами языковой картины мира. Важнейшим объектом исследования в когнитивной лингвистике является концепт. Концепты – это ментальные сущности, которые имеют название в языке и отражают культурно-национальное представление человека о мире. Так, применяя методы когнитивной лингвистики можно выяснить значение и способы репрезентации самых разных концептов в медиаречи. Проблемы мультикультурного общества, иммиграция, религиозные конфликты, отношение к окружающей среде, гендерная проблематика – когнитивный анализ этих постоянно освещаемых средствами массовой коммуникации тем позволяет понять как складывается общая информационная картина мира, в чём проявляется национально-культурная специфика медиаландшафтов конкретных стран. Именно поэтому с точки зрения когнитивной лингвистики существенное значение имеет тематическая организация информационного пространства, выраженная в определенном наборе устойчивых медиатопиков и отражающая культурно-специфичные особенности медиапотока.

Когнитивный подход позволяет также ответить на важнейший вопрос о способах взаимодействия между реальной действительностью и её медийной репрезентацией. Дело в том, что когнитивное освоение реальности во многом зависит от тех версий и интерпретаций, которые производятся и распространяются по каналам массовой коммуникации. Механизм функционирования СМИ предполагает не только и даже не столько отражение окружающей действительности, сколько, и это гораздо более важно, её интерпретацию, комментарий, оценку, способствующие созданию определенного идеологического фона.

Моделирование механизма отображения реальных событий средствами массовой информации позволяет выделить три основных типа медиапрезентаций, которые условно можно обозначить как отражение, реконструкция, миф. Отражение предполагает наиболее точное, максимально приближенное к реальности воспроизведение событий. Примером такого типа медиапрезентации могут служить новостные медиатексты, в которых максимально объективно и достоверно освещаются те или иные события, в том числе события политические. Характерным признаком данного типа медиапрезентации на лингвистическом уровне является большое количество цитатной речи, воспроизведение целых фрагментов из речей и выступлений политиков, обязательное наличие ссылок на источник информации и фактическое отсутствие аналитически-комментирующего и оценочного компонентов. Тип «реконструкция» допускает большую свободу интерпретации со стороны СМИ: реальное событие заново «конструируется» в медийном пространстве на основе тех или иных политико-идеологических установок. Поэтому отличительным признаком медиа реконструкции считается как раз присутствие аналитически-комментирующей и идеологически-оценочной части, на что, в частности, указывает известный исследователь медиадискурса Теун Ван Дейк в своей книге «Идеология: междисциплинарный подход»:

«События и явления не обладают значением сами по себе, эти значения конструируются при сообщении о событиях на основе взаимодействия многих социально- идеологических факторов – классовой принадлежности, гендера, расы, культуры, политических убеждений ...» и т. д. [11].

Третий тип медиапрезентации «миф» представляет собой целенаправленно созданный, часто весьма отдаленный от реальной действительности, образ события. Основной чертой медиамифа является его «заданность», направленная на оказание определённого идеологического воздействия, на достижение тех или иных политических целей.

Для изучения культурологической составляющей медиадискурса совершенно незаменим метод лингвокультурологического анализа. Данный метод основан на появившейся в 90-х годах прошлого века концепции лингвокультуры, которая отражает неразрывную связь между национальным языком и культурой, подчёркивая их органичное единство и целостность. Значение лингвокультурологического метода для анализа текстов массовой информации очевидно, поскольку весь корпус медиаречи является важнейшим компонентом современной культуры. Медиатексты насыщены культурозначимой информацией, в них фиксируются и отражаются как общие, так и специфические особенности функционирования национальных языков и культур. Именно поэтому выявление и описание культурозначимых компонентов медиаречи оказывается сегодня одной из важнейших исследовательских задач. Говоря о культурообусловленных элементах текста, мы имеем в виду самый широкий круг единиц: от слов, обозначающих реалии (Кремль, Белый дом, Биг Бен, Би-Би-Си), культуроспецифической и безэквивалентной лексики (дача, гласность, челноки) до заимствований и вкрапления в текст иностранных слов и выражений (*fin de siècle*, *haute couture* и т.д.). Нельзя не отметить прикладное значение лингвокультурологического анализа, поскольку его результатом является обнаружение и разъяснение культурозначимых единиц, столь необходимых для составления культурологического комментария.

Логическим продолжением лингвокультурологического метода можно считать метод культурологический, который переносит внимание исследователя на экстралингвистические аспекты текста – культурообусловленные образы, аудио или видеофрагменты. С его помощью можно ответить на такие вопросы, как, например: почему в программах британского телевидения обязательно должны участвовать представители всех рас, чем вызвана дискуссия о ношении хеджаба, в чём корни «карикатурного скандала». Кроме того метод культурологического анализа имеет большой сравнительно-сопоставительный потенциал, позволяя сравнивать то, как аналогичные темы и образы актуализируются в медиадискурсе разных стран.

Наряду с перечисленными методами аналитический аппарат медиалингвистики включает и метод собственно медиалингвистический, суть которого состоит в обнаружении и описании закономерностей взаимодействия вербального и медийного уровней медиатекста, в изучении особенностей использования знаков каждого уровня, а также различных вариантов их комбинаций: слово – звук – изображение, слово – графическое оформление – образ и т.д. При этом необходимо учитывать, что вербальный и медийный уровни текста могут сочетаться на основе различных принципов – иллюстрации, дополнения, усиления, контраста, столкновения смыслов, и пр., создавая определённые эффекты и усиливая воздействие на аудиторию. В рамках медиалингвистического подхода методика анализа медиатекстов как объёмного многоуровневого явления дополняется устойчивой системой параметров, которая позволяет дать предельно точное описание того или иного медиатекста с точки зрения особенностей его производства, канала распространения и лингвоформатных признаков.

Завершая рассмотрение теории и методов анализа медиадискурса, следует отметить, что только сочетание преимуществ различных методологических подходов позволяет получить всестороннее представление как об особенностях функционирования языка в сфере массовой коммуникации, так и о содержании ключевого для массмедийного дискурса понятия медиатекст.

Список литературы

1. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М., Флинта-Наука, 2008.
2. Добросклонская Т. Г. Методология анализа медиатекста как информационно-

коммуникативного продукта // В сб. «Массово-коммуникационные процессы в современной России. М., РАГС, 2008.

3. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов. М., URSS, 2005.
4. Добросклонская Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации. // Вестник Московского университета, серия 10. – № 2, 2006.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
5. Рязанцева Т. И. Гипертекст и электронная коммуникация. М., URSS, 2009.
6. Теун ванн Дейк Язык. Познание. Коммуникация – М., Прогресс, 1989.
7. Analysing media texts. Ed. By M.Gillespie and J.Toynbee. Oxford, OUP, 2006.
8. Bell A. Approaches to Media Discourse. London, Sage, 2001.
9. Carter R. Introducing Applied Linguistics. London, 1993.
10. Mass Communication Research Methods. London, 1998.
11. Teun van Dijk Ideology: multidisciplinary approach, SAGE, 1998.

MASS MEDIA DISCOURSE AS AN OBJECT OF SCIENTIFIC DESCRIPTION

T. G. Dobrosklonskaya

*Lomonosov Moscow State
University*

*e-mail:
tatdobro@mail.ru*

The paper conceptualizes the phenomenon of mass media discourse and the actual approaches to it: structural, functional and topical ones. The conception of media discourse is based on the three approaches which helps making the whole representation of speech activity in mass media field since it grasps both verbal message with media channel and extralinguistic factors of message making.

Keywords: mass media discourse, discourse, text, media text, media speech, mass media, conception.

УДК 070.1

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ: СТРАТЕГИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ¹

Т. В. Дубровская*Пензенский государственный университет**e-mail:
dubnery74@gmail.com*

В статье рассматривается проблема отрицательного имиджа судебной власти в российском обществе и возможной обусловленности такого восприятия воздействием СМИ на общественное мнение. Автор исследует материалы региональных СМИ и ставит задачи выявить степень регулярности публикаций о судебной власти, определить доминирующие жанры, стратегии и языковые средства, применяемые для конструирования репрезентаций судебной власти. Методологический подход основан на понимании языка как неотъемлемой части социальных практик и ряде других положений, доказанных в отечественных и зарубежных исследованиях СМИ. В результате анализа выявлены противоположные тенденции в правительственной и оппозиционной прессе, применение журналистами ошибочной аргументации при описании деятельности судей и подтверждено отсутствие сбалансированной репрезентации судебной власти в СМИ.

Ключевые слова: судебная власть, СМИ, репрезентация, стратегия.

Введение

Судебная власть в России является одной из независимых ветвей власти и важной составляющей государственной системы. Представление граждан о судебной системе, доверие к судебной власти в обществе или, напротив, отсутствие такового, а также ощущение защищенности в совокупности определяют уровень социального благополучия и спокойствия в стране. В современном российском обществе доминирует негативное представление о судебной власти и её носителях, что находит отражение в социологических опросах. Так, согласно опросу об отношении к судебной власти, проведённому в 2012 году, «негативные оценки по-прежнему преобладают, их выносят 40 % опрошенных, и только 24 % оценивают деятельность суда и судей положительно» [9]. В то же время несмотря на критическое восприятие российского института правосудия всё большее число граждан обращается за защитой своих прав и интересов в суд. Судебная статистика подтверждает растущее число дел, инициированных отдельными гражданами и организациями. Так, по данным Пензенского областного суда, в 2013 году продолжался рост числа обращений граждан за судебной защитой [1]. В частности, количество дел по защите прав потребителей выросло на 84 % [7].

Такая противоречивая ситуация требует анализа и проверки гипотезы об обусловленности недоверия к судебной системе не столько личным отрицательным опытом граждан, сколько непростыми взаимоотношениями между СМИ и судебной властью, а также доминирующими в СМИ стратегиями репрезентации судебной власти.

Что касается взаимоотношений между судебной властью и СМИ в Пензенской области, то они подробно рассмотрены нами ранее [5]. Сделаны выводы о том, что судебная власть и СМИ стремятся к сближению, осознавая необходимость взаимодействия ради блага общества. Предпринятые обеими сторонами за последние годы действия свидетельствуют о положительной динамике развития отношений. Однако остаётся много неурегулированных сторон взаимодействия. Так, судьи стараются не подпускать к себе СМИ и крайне редко дают интервью, что способствует сохранению в обществе образа судейского сообщества как сообщества, закрытого от людей. Журналисты, в свою очередь, в погоне за сенсациями и «жареными» фактами игнорируют требования объективности и достоверно-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-14-58002 «Дискурсивное конструирование имиджа судебной власти в региональных средствах массовой информации (на примере Пензенской области)».

сти информации. Оставляет желать лучшего и юридическая грамотность журналистов, пишущих на судебные темы.

Далее в работе мы представим анализ текстов региональных СМИ, определим основные стратегии, применяемые журналистами для репрезентации судебной власти, и обсудим потенциальные социальные эффекты этих стратегий. В части 2 статьи мы представим основные теоретические предпосылки работы и опишем изученные речевые данные, а также обобщим опыт подобных отечественных и зарубежных исследований. Часть 3 содержит анализ стратегий СМИ с точки зрения их коммуникативных целей и лингвистического выражения. Статья завершается изложением выводов и перспектив исследования.

Теоретические предпосылки, задачи и материал исследования

Анализируя репрезентации судебной власти в СМИ, мы исходим из ряда теоретических предпосылок, изложенных ранее в работах представителей школы критического анализа дискурса и ряда исследователей СМИ, которые отмечают диалектику отношений между языком и обществом. Н. Фэрклоф пишет: «Язык – неотъемлемая часть социальной жизни, диалектически связанная с другими элементами социальной жизни. Поэтому исследование общества всегда должно принимать во внимание язык» [10]. *(Здесь и далее перевод с английского мой. – Т. Д.)*

В данной статье тексты СМИ рассматриваются как авторитетный голос [11] и один из самых влиятельных источников получения знаний об окружающем мире наряду с собственным опытом. Осуществляемый нами подход к СМИ предполагает, что СМИ не только представляют картину мира, но и конструируют ее [12]. По замечанию С. МакКея, СМИ «помогают организовать способы, которые мы применяем, чтобы понять собственное общество и культуру. Часто они являются единственным способом понимания чужих обществ и культур» [13]. Подобные идеи находим в работах отечественных исследователей. А. В. Полонский пишет о масс-медиа в обществе, что они «не просто присутствуют в жизни общества, обеспечивая востребованный уровень коммуникативного взаимодействия всех его субъектов, не просто являются обязательным компонентом социальной среды, формирующим ее коммуникативную инфраструктуру, а стали ключевым, статусным контекстом, где обретают свои культурные и идеологические формы все социальные процессы, где разрабатываются актуальные модели социальной идентичности, где определяется характер доминантных смысловых и идеологических векторов общественного сознания» [8].

В то же время картина реальности, создаваемая в СМИ, не отличается нейтральностью и объективностью. Многочисленные и часто противоречащие друг другу репрезентации фактов являются, по мнению исследователей, результатом целого ряда факторов, включая диверсификацию СМИ и децентрализацию общественной сферы [11]. Различия репрезентаций и набора новостей, которые определяют разнообразие медийного ландшафта, возникают также из-за организационной политики СМИ, их политических пристрастий и технических ограничений [15]. В зарубежных исследованиях СМИ часто фигурируют понятия *bias, slant, stance, subjectivity* для обозначения субъективности медийных репрезентаций [16]. Отечественные ученые также нередко отмечают субъективный и полемический характер публикаций в СМИ [6]. Полагаем, что положение о том, что все СМИ имеют субъективный, идеологически обусловленный характер, является давно доказанным, и принимаем его в качестве одного из исходных положений исследования.

Кроме того, теоретическую основу нашей работы составляет положение о присущей всем СМИ негативной ориентации, т.е. склонности представлять события в черном свете, делать акцент на отрицательных свойствах и сторонах событий и персонажей, рисовать мрачные прогнозы и т.д. Авторы ряда исследований, изучающих механизмы СМИ, посредством которых конструируется общественный пессимизм и получает распространение негативная информация, пришли к выводу о том, что СМИ не только склонны к негативным репрезентациям, но и обладают огромным потенциалом создания соответствующих эффектов в обществе. Так, выстраивая модели медийных паник, Дж. Лич отмечает: «...Медиа, которым необходимо направлять и удерживать внимание аудитории, выборочно подходят к событиям, выставляя их самые необычные, самые тревожные или уникальные характеристики <...> Сообщения о чрезвычайных или тревожных событиях обычно сопровождаются обобщающим утверждением, что эти заметные события “могли бы кос-

нуться вас» [17]. Несмотря на то что в данной работе мы изучаем негативные репрезентации, а не собственно медийные паники, наблюдение Дж. Лича представляет важность, поскольку дает ключ к пониманию социальных эффектов медиа.

Другая работа, обращенная к специфике социальных эффектов, в частности, к общественным прогнозам безработицы, апеллирует к теории зависимости от СМИ (media dependency theory): «Согласно этой теории, информация, передаваемая новостными СМИ, оказывает тем большее воздействие на получателя, чем меньше информации ему доступно из других источников (например, личного опыта, межличностной коммуникации)» [18]. М. Гарц также отмечает две другие важные характеристики СМИ. Первая – накопительный эффект (accumulative effect) СМИ, который состоит в том, что повторяющиеся публикации на определенную тему могут привести к долгосрочным изменениям в оценках; вторая – количественное преобладание негативной информации над информацией позитивного характера, которое, по М. Гарцу, влияет на восприятие реальности и определяет формирование в обществе ожиданий пессимистического плана [18].

Выделенные выше положения из исследований СМИ непосредственным образом связаны со способами репрезентации судебной власти в российских СМИ в силу нескольких причин. Во-первых, очевидно, что сфера правосудия относится к числу тех, в которых личный опыт многих людей весьма ограничен, и в своих представлениях об этом социальном институте они полагаются преимущественно на репрезентации в СМИ. Об этом пишет и автор работы, в которой обсуждается проблема общественного восприятия судебной власти в пост-коммунистической Словении: «<...> Восприятие социальных функций судебной власти в малой степени формируется на основе собственного или чужого личного опыта участия в судебных процедурах <...> В большей степени общественное восприятие и публичное мнение о работе судов зависят от сообщений в СМИ, выступлений политиков и самих представителей судебной власти» [19].

Кроме того, полагаем возможным обсуждать и накопительные эффекты публикаций о судебной власти в прессе, поскольку количество таких публикаций в центральной и региональной прессе значительно.

Наконец, можно предположить, что негативно ориентированные медийные стратегии репрезентации способствуют созданию отрицательного имиджа судебной власти в обществе.

Все это позволяет нам сформулировать следующие исследовательские задачи:

1. выявить, насколько регулярны публикации о судебной власти в региональных СМИ Пензенской области;
2. выделить доминирующие жанры, стратегии и типичные лингвистические средства, применяемые для репрезентации судебной власти в пензенской прессе;
3. соотнести результаты дискурсивного анализа с картиной, представленной в социологических данных.

В работе мы исходим из того, что исследование подобного рода должно выстраиваться прежде всего на принципе последовательного и объективного отбора речевого материала. Чтобы избежать идеологического перекося, для анализа были взяты публикации в двух пензенских изданиях: «Пензенская правда» (далее – ПП) и «Улица Московская» (далее – УМ). Учредителем ПП является Департамент информационной политики и СМИ Пензенской области, т. е. по сути это правительственное издание. УМ учреждена частным лицом и претендует на статус оппозиционной газеты, позиционируя себя как независимое и самодостаточное издание. Статьи для анализа извлечены из электронных архивов изданий за июль 2014 года (<http://pravda-news.ru>; <http://www.ym-penza.ru>). Выбор периода произволен и ничем не обусловлен. Автоматическим поиском и методом сплошной выборки были отобраны все статьи, содержащие упоминания о суде. Из этого набора были исключены единичные статьи, в которых речь шла о судах в других странах и в другие исторические периоды. Оставшиеся статьи составили корпус текстов для анализа. Данную работу следует рассматривать как пилотную, не претендующую на всеохватность материала и широкие обобщения.

Результаты

Количество статей, так или иначе касающихся судебной тематики, в ПП составило 20, тогда как в УМ обнаружилось 11 таких публикаций. В то же время за счет длины пуб-

ликаций в УМ их общий объем превысил общий объем статей в ПП в 2,5 раза (УМ – 8360 слов; ПП – 3430 слов). Статьи достаточно равномерно распределены по выпускам газет в течение месяца.

Различие в объеме публикаций имеет не только количественный, но и качественный характер, поскольку обусловлено доминированием в изданиях различных **жанров**. Для ПП характерен краткий жанр сообщения, излагающего факты, но никак эти факты не оценивающего. Для жанра сообщения типичны заголовки, имеющие форму полного развернутого предложения, а нередко – предложения, осложненного придаточными определениями, причастными и деепричастными оборотами: *В Пензенской области вынесли приговор экс-директору МУПа; В Пензе будут судить мужчину, который до смерти избил свою пожилую мать; В Пензе владелец овчарки, которая укусила ребенка, подал апелляцию, не желая выплачивать моральный вред* и др. Последний из приведенных заголовков настолько развернут, что в нем практически изложена вся ситуация. Важно отметить и неопределенно-личную форму глаголов (*вынесли, будут судить*), которая создаёт у читателя впечатление отстраненности и объективности.

Заголовки ПП имеют не только характерную синтаксическую структуру, но и типичный набор лексических средств. Так, 8 заголовков из 20 содержат формулировку *вынесли приговор*, а 13 заголовков содержат прямое указание на нарушение закона, рассматриваемое судом: *ранившему полицейского; за взятку; зарезал; черных риэлторов; занимались рэкетом; изнасиловал и убил* и т. д. Очевидно, что акцент в публикациях сделан на преступном действии и назначенном наказании, обычно упоминаемом уже в тексте статьи, но иногда и в заголовке. Например: *Лидер ОПГ «Олимпия» получил 25 лет строгого режима, а 9 его подельников – от 4 до 21 года*. Несмотря на то, что собственно суд и судьи не фигурируют в заголовках публикаций, у читателя складывается впечатление систематичной и последовательной работы правоохранительных органов и судов, взаимосвязи между преступлением и наказанием и, наконец, неотвратимости наказания, пусть даже отсроченного во времени: *В Пензе вынесли приговор мужчине, который 19 лет назад изнасиловал и убил девушку*.

Жанр публикаций УМ иной. Это статьи, претендующие на критический и аналитический подход к фактической информации. Аналитические статьи в силу своей оценочной направленности предполагают не только больший объем, о чём мы писали выше, но и другой тип заголовков. С точки зрения синтаксических форм, это неполные предложения (*Зависит лично от Канцеровой*), номинативные формы (*Братья Акчурины: плата за свет; Школа под угрозой*), вопросительные предложения (*Куда уходит Тоцкий?*). Перлокутивный эффект таких заголовков предполагает определенную интерпретационную деятельность со стороны читателя, поскольку они не предлагают завершенной картины реальности, а только намекают на ситуацию, которая раскрывается более полно в тексте статьи.

Подобную функциональную ценность имеют и стилистические приемы метафоры и игры слов, также задействованные в заголовках: *Сезон охоты на товарные знаки объявляется открытым; Театр одного прокурора; От чего умер Владимир Ф.: от разрыва сердца или от бессердечия?* Диалогические обертоны в виде вопросительных конструкций, а также использование имен конкретных людей в заголовках статей и текстах публикаций способствуют интимизации общения с читателем, эмоциональному вовлечению его в круг проблем.

Воздействие на эмоциональную сферу происходит и посредством включения в заголовки лексики с негативной коннотацией, в том числе обозначающей отрицательные душевные состояния: *угроза, бессердечие, выпад, скандал, тоска, тупики*. Так же как и в случае с ПП, в заголовках УМ не упоминаются судьи и суды, отчасти потому что анализ их деятельности не является первоочередной задачей журналистов. Исключение составляет публикация с названием *Тоска по правосудию или тупики царцентристского сознания*, посвященная функционированию судебной власти. Далее будет показано, что оценочно-провокационный характер заголовков соответствует характеру эксплицитных и имплицитных оценок, выносимых судебной властью в текстах публикаций.

Жанр статей непосредственно связан и с **отбором фактов**, представленных в публикациях. Если ПП сообщает в основном о рутинных ситуациях и судебных процессах над никому не известными гражданами, вместо имен которых используются обезличенные

номинации (*40-летний мужчина, злоумышленник, потенциальный убийца, хозяин автомашины* и т. д.), то выбор УМ обращен к громким и скандальным судебным процессам с участием известных лиц города. Таков, к примеру, ряд публикаций о длительных судебных тяжбах известного пензенского предпринимателя О. Тоцкого. Из 11 рассматриваемых статей газеты УМ 3 публикации посвящены судебным процессам с участием Тоцкого. Один из них – тяжба бизнесмена с администрацией г. Пензы по поводу сноса ряда помещений, ему принадлежащих; другой – судебное разбирательство по факту дорожного происшествия, в котором Тоцкий сбил мотоциклиста. В обоих случаях газета открыто принимает сторону бизнесмена, регулярно информируя о недостатках и несоответствиях текущих судебных процессов. Сообщение о судебном решении сопровождается указаниями на мнения экспертов, вопреки мнению которых решение было принято:

12 мая 2014 г. Октябрьский районный суд г. Пензы в лице Сергея Жогина вынес решение о сносе третьей очереди ТЦ «Космос Сити». По мнению судьи, это здание «создаёт угрозу жизни, здоровью и безопасности граждан».

Хотя два допрошенных эксперта утверждали, что объект построен в соответствии со всеми градостроительными нормами и правилами, находится в границах земельного участка, является строением вспомогательного использования, соответствует строительным, противопожарным и санитарным требованиям, не создаёт угрозы жизни, здоровью и безопасности граждан (УМ 28.07.2014).

Видим, что в первом абзаце приводится закавыченная обрезанная цитата из речи судьи. Вероятно, из судебного решения. Однако надо понимать, что любое судебное решение содержит мотивировочную часть, которая в данном случае опускается. Неполнота информации, приводимой из судебного решения, создает впечатление абсолютной его немотивированности, особенно на фоне подробного перечисления утверждений экспертов, представленного в форме предложения с пятью однородными членами (*построен, находится, является, соответствует, не создает*). Такой журналистский ход можно обозначить как комбинацию **стратегии сокрытия** одних фактов и **стратегии выделения** других фактов.

Весьма распространенной стратегией УМ является **стратегия отрицательного прогноза***. Эта стратегия состоит в том, что автор предсказывает отрицательное развитие событий, неудачи в действиях других социальных актантов или отрицательные последствия их действий. УМ нередко предсказывает отрицательный исход судебных процессов для своих героев и, таким образом, ставит под сомнение непредвзятость и независимость судей. В следующем примере такой прогноз излагается со слов главного героя публикации, но поскольку газета стоит на его стороне, очевидно, что эта точка зрения близка и автору-журналисту:

12 августа апелляционную жалобу Олега Тоцкого будет рассматривать Пензенский областной суд. Обладая определённым опытом участия в судебных процессах, Тоцкий не уверен в том, что апелляция вынесет решение в его пользу (УМ 28.07.2014).

Если в приведенном выше примере отрицательный прогноз смягчен рефлексивом *не уверен*, то в другой публикации он изложен более эксплицитными языковыми средствами (*морально готов, нет надежд*):

По словам Олега Тоцкого, он уже морально готов к тому, что всё пройдет в жёстких рамках, без проникновения в суть дела. У него нет надежд на то, что пензенский суд вынесет справедливое решение (УМ 22.07.2014).

Отрицательный прогноз может предлагать и сам журналист. Так, в публикации об афере с продажей автомобилей автор статьи заранее сомневается в возможности принятия судом правильного решения и даже предсказывает увеличение количества потерпевших:

В соответствии с законодательством, все проданные автомобили могут быть арестованы вплоть до окончания суда. И не факт, что суд примет решение в пользу

---

* Ранее данная стратегия была выделена нами при анализе дискурсивных средств, применяемых для конструирования коллективных социальных актантов, и обозначена как *negative foretelling*. См. Sowińska A., Dubrovskaya T. Discursive strategies in the media construction of Poland, Russia and the USA in the context of the debate on the US anti-ballistic missile defense shield in Polish and Russian quality papers // Skrzypczak, W., Fojt, T. and Waciewicz, S. (eds) Exploring Language through Contrast. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. Pp. 268–287.

тех, кто эти автомобили добросовестно приобрёл и заплатил за них деньги. Соответственно, количество потерпевших придется умножить на два (УМ 14.07.2014).

Таким образом, дискурсивно противопоставляются добросовестные покупатели и суд, что не способствует созданию положительного имиджа судебной власти.

Другой важной стратегией оппозиционной прессы является **стратегия обобщения**. Стратегия обобщения может применяться в комбинации с другими стратегиями, в том числе для усиления обвинения, и тогда обвинение реализуется в **тактиках «раздувания из мухи слона» и предъявления некоторого ряда деликтов***. В статье, посвященной семинару Московской школы гражданского просвещения, журналист ссылается на слова одного из авторитетных участников школы:

Сергей Пашин на конкретных примерах – выдержках из вынесенных приговоров – показал, что в наших судах распространены приписывание мотивов, утрирование, сваливание «в кучу» всех доказательств и даже явное передёргивание. Судебные решения имеют явный обвинительный уклон ... Оправдательных приговоров очень мало. Судьи завалены работой, и стало обычной практикой переписать в решение обвинительное заключение (УМ 07.07.2014).

В приведенном примере приводится целый ряд деликтов судебной системы (*приписывание, утрирование, сваливание в кучу, передергивание*) и содержится обобщение (*стало обычной практикой*). Обвинительный характер высказывания в адрес всей судебной системы легитимизируется посредством упоминания о существовании конкретных примеров, однако сами примеры не приводятся, и читатель принимает на веру готовый вывод.

Отрицательная оценка деятельности судов может иметь завуалированный вид, к примеру, форму метафоры:

Дело Тоцкого возвращается в суд после 5-месячного антракта. (УМ 22.07.2014)

Метафорическое словоупотребление «антракт» логически приводит к выводу о том, что суд – театр и все, происходящее там, не имеет отношения к реальности.

В отличие от УМ, в которой широко применяются оценочные стратегии, ПП приводит исключительно сухие факты. Чаще всего это сообщения о передаче дел в суд для рассмотрения или уже вынесенных судом приговорах. 17 публикаций из 20 содержат точное указание на номер статьи Уголовного Кодекса РФ и её формулировку:

Суд вынес приговор в отношении экс-директора МУП «Керенское коммунальное хозяйство». Он признан виновным в совершении 2-х эпизодов по ст. 204 УК РФ «Коммерческий подкуп, совершенный за незаконные действия (ПП 31.07.2014).

Кроме того, в статьях цитируются слова представителей правоохранительных органов, главным образом – сотрудников следствия и прокуратуры, которые сообщают о судебных решениях, объясняют некоторые мотивы принятия этих решений:

– Являясь с ноября 2013 года безработным, мужчина получал ежемесячное пособие в размере 4900 рублей, – сообщает пресс-служба областной прокуратуры. – При этом он был предупрежден о необходимости извещения инспектора Центра занятости в случае своего трудоустройства. <...>

– Учитывая смягчающие обстоятельства, положительные характеристики, судом ему назначено наказание 200 часов обязательных работ, – добавляют в ведомстве (ПП 24.07.2014).

Очевидно, что органы следствия и прокуратура заинтересованы в том, чтобы их дело «не рассыпалось» в суде, и поэтому вынесение судом обвинительного приговора в принципе не может быть подвергнуто публичной критике с их стороны. Напечатанные высказывания представителей следствия и прокуратуры по сути выполняют функцию публичной легитимизации судебных решений.

В нашем материале есть один комментарий судебного решения пресс-секретарем суда. В нем отмечены факторы, повлиявшие на назначенное судом наказание:

– Суд учел наличие смягчающих и отсутствие отягчающих обстоятельств, мнение присяжных о том, что трое подсудимых заслуживают снисхождения, а

* Тактики обвинения подробно рассмотрены нами ранее. См. Дубровская Т.В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах. Пенза: ПГУ, 2014.

остальные его не достойны, – говорит пресс-секретарь облсуда Наталья Быченкова (ПП 04.07.2014).

Незначительное количество мнений непосредственно представителей суда можно объяснить как законодательными ограничениями, касающимися права судей комментировать рассматриваемые дела, так и нежеланием судов тесно сотрудничать со СМИ.

Таким образом, в правительственной прессе наблюдается явная тенденция озвучивать голоса представителей власти, тогда как оппозиционная газета предоставляет слово отдельным гражданам, считающим действия власти неправильными.

Заключение

Анализ речевого материала показывает, что региональные СМИ регулярно освещают деятельность судебной власти в Пензенской области и могут оказывать значительное воздействие на общественное мнение о судебной системе.

В СМИ, однако, отсутствует разностороннее и сбалансированное дискурсивное представление судебной власти. Правительственные источники используют преимущественно жанр сообщения. Эти публикации содержат обезличенные репрезентации суда, в которых никогда не называются имена судей, и сообщают о судебных решениях, неявно представляя суд союзником следствия и прокуратуры, но никогда не затрагивают скандальных дел, спорных вопросов функционирования судебной власти и не обращаются к судьям как отдельным личностям с их собственным взглядом изнутри на современную ситуацию в системе правосудия. В одной из работ мы отмечали, что использование английскими журналистами в своих статьях мнений судей в значительной мере способствует созданию положительного образа открытой судебной власти даже в тех случаях, когда судьи высказывают критические замечания [3]. Представляется, что именно отсутствие репрезентации судьи как живого человека и критически мыслящей личности препятствует созданию положительного имиджа судебной власти.

В региональной оппозиционной прессе наблюдается тенденция к попыткам аналитического освещения деятельности судов, однако предметом рассмотрения становятся исключительно скандальные судебные процессы, а повседневная составляющая судебной деятельности совершенно игнорируется. Стратегии репрезентации судебной власти носят обвинительный уклон, и в результате их применения формируется отрицательный имидж судебной власти.

Как в правительственной, так и в оппозиционной региональной прессе отсутствует жанр интервью с судьями, предоставляющий широкие возможности выстроить диалог между журналистом как представителем народа и судебной властью*.

Таким образом, гипотеза о возможном аккумулятивном эффекте и влиянии СМИ на восприятие судебной власти в обществе нашла своё подтверждение в проведенном исследовании. Оговоримся еще раз, что материал исследования был ограничен, а сделанные выводы не претендуют на широкие обобщения, для которых необходимо более внимательное изучение большего по объему корпуса текстов.

Список литературы

1. В центре внимания проблемы неисполнения судебных решений // Сайт Пензенского областного суда [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oblsud.penza.ru/article/?id=723> (дата обращения 10.05.2014).
2. Дубровская Т. В. Интервью с судьями как гибридный тип дискурса // Юрислингвистика-10: межвуз. сб. науч. ст. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – С. 21 – 33.
3. Дубровская Т. В. Образ судьи и судебной власти в дискурсе английских СМИ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008. – № 3. – С. 72 – 81.
4. Дубровская Т. В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах. Пенза: ПГУ, 2014.
5. Дубровская Т. В., Данкова Н. С., Гуляйкина С. О. Современный контекст взаимоотношений судебной власти и СМИ в Пензенской области // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. – № 3. (в печати)

* О создании положительного имиджа судебной власти в жанре интервью см. Дубровская Т.В. Интервью с судьями как гибридный тип дискурса // Юрислингвистика-10: межвуз. сб. науч. ст. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 21 – 33.

6. Кормилицына М. А. Полемичность текстов современных газет: ее организация и средства выражения // Проблемы речевой коммуникации: сборник научных трудов. Саратов: Сарат. госуниверситет, 2006. Вып. 6. С. 55 – 65; Мякшева О.В. Пространственный ориентир в газетном тексте: «жесткие» и «мягкие» факты // Проблемы речевой коммуникации: сборник научных трудов. Саратов: Сарат. госуниверситет, 2007. Вып. 7. – С. 117 – 131.
7. Пензенские наркоманы смогут получить отсрочку наказания за совершенные преступления // Сайт ИЦ «Пензенская правда» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravda-news.ru> (дата обращения 12.07.2014).
8. Полонский А. В. Массмедийность как категория дискурса и текста // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. I Междунар. науч.-практ. конф. 1-4 апреля 2014. Белгород: Константа, 2014. – С. 111.
9. Российский суд теряет завоеванное доверие // «Право.ру» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.ru/review/view/75723/> (дата обращения 10.05.2014)
10. Fairclough N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London, New York: Routledge, 2004. – P.2.
11. Busch V. Media, politics, and discourse: interactions // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Amsterdam: Elsevier, 2006. – Pp. 609 – 616.
12. Thornborrow J. Media: analysis and methods // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Amsterdam: Elsevier, 2006. – Pp. 616 – 623.
13. McKay S. Media and language // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Amsterdam: Elsevier, 2006. – Pp. 597 – 602.
14. Busch V. Media, politics, and discourse: interactions // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Amsterdam: Elsevier, 2006. – P. 612.
15. McKay S. Media and language // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Amsterdam: Elsevier. P. 598.
16. Bednarek M., Caple H. 'Value added': language, image and news values // *Discourse, Context & Media*. 2012. No.1, – pp. 103 – 113; Entman R. M. Framing bias: media in the distribution of power // *Journal of Communication*. 2007. – No. 57, – pp. 163 – 173; McQuail D. *Mass Communication Theory*. London: Sage, 2010; Molek-Kozakowska K. Multiple ideologies in the media construction of women in politics: a case study of gender parity debate in Poland // *Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines*. 2012. – No. 5(2), – pp. 72 – 87; Perrin D. Stancing: strategies of entextualizing stance in newswriting // *Discourse, Context & Media*. 2012. – No. 1, pp. 135 – 147; van Dalen A. Structural bias in cross-national perspective: how political systems and journalism cultures influence government dominance in the news // *The International Journal of Press/Politics*. 2012. No. 17(1), – pp. 32 – 55; van Dijk T.A. *Ideology: a Multidisciplinary Approach*. London: Sage, 1998; Vertommen B., Vandendaele A. and Van Praet E. Towards a multidimensional approach to journalistic stance. Analyzing foreign media coverage of Belgium // *Discourse, Context & Media*. 2012. – No. 1, – pp. 123 – 134.
17. Leach J. Media panics // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Amsterdam: Elsevier, 2006. – P. 607.
18. Garz M. Unemployment expectations, excessive pessimism, and news coverage // *Journal of Economic Psychology*. 2013. – No. 34, – p.157.
19. Iglar A. The social perception of judicial decisions // *Danube: Law and Economics Review*. 2011. – No. 4 – p. 1.
20. Sowińska A., Dubrovskaya T. Discursive strategies in the media construction of Poland, Russia and the USA in the context of the debate on the US anti-ballistic missile defense shield in Polish and Russian quality papers // Skrzypczak, W., Fojt, T. and Waciewicz, S. (eds) *Exploring Language through Contrast*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. – Pp. 268 – 287.

REPRESENTATION OF JUDICIARY IN REGIONAL MEDIA: STRATEGIES AND SOCIAL EFFECTS

T. V. Dubrovskaya

Penza State University

e-mail:
gynergy74@gmail.com

The article focuses on the issue of negative public perception of judicial power in Russian society and the media influence as a possible reason for this. The author explores the data of regional newspapers and sets the tasks to define the frequency of publications about the judiciary and distinguish dominant genres, strategies and linguistic tools that are employed to construct the representations of judicial power. The methodology draws on the dialectical relation between language and social practices as well as some other assumptions proved in home and international scholarship on mass media. The analysis reveals contrasting tendencies in the governmental and oppositional presses, fallacious argumentation moves when depicting the judiciary's activities and a lack of balanced representations of judicial power in the media.

Keywords: judicial power, the media, representation, strategy.

УДК 378.4:004 (571.56)

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ПОРТАЛ МНЕНИЙ: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА)

С. Н. Дьячковский
Н. А. Арғылов

*Северо-Восточный
федеральный
университет, г. Якутск*

*e-mail:
simon_dn83@mail.ru
nik-argylov@yandex.ru*

Статья посвящена обоснованию модели эффективного информационного взаимодействия между администрацией университета, научно-педагогическими работниками, обучающимися и работодателями в целях генерации инновационных идей, апробирования, продвижения бренда университета, популяризации научного знания.

Ключевые слова: информационные технологии, вертикальная система коммуникаций, горизонтальная система коммуникаций, портал мнений, федеральный университет.

Современные информационные технологии открывают новые возможности для совершенствования коммуникаций в организациях на основе повышения эффективности применения коллективного интеллекта в выработке креативных идей и нестандартных управленческих решений. Их главное преимущество заключается в способности обеспечить устойчивую обратную связь по вертикали и горизонтали корпоративной системы за счет частичной компенсации пространственных, временных, организационных, технических и межличностных барьеров коммуникации. Выработка действенной модели внутреннего и внешнего обмена информацией в организациях и учреждениях наиболее востребована в периоды реорганизации и реформирования в условиях необходимости повышения мотивации сотрудников и осознания ими новой миссии коллектива.

Северо-Восточный федеральный университет* призван обеспечить формирование кадрового и научного потенциала для эффективного решения вопросов комплексного социально-экономического развития всего Северо-Востока России. За 2010-2012 гг. полностью завершена реорганизация вуза в форме присоединения двух учебных и четырех научных учреждений, проведен организационный аудит, инвентаризация и организация использования помещений, научного и учебно-лабораторного оборудования, информационно-коммуникативной и хозяйственной инфраструктуры. Предприняты первые шаги по модернизации содержания образовательного, научно-исследовательского процессов, материально-технической базы, повышению эффективности управления, развитию кадрового потенциала.

На следующем этапе развития вуза сформированную систему необходимо наполнить новым корпоративным духовным содержанием, способствующим развитию конкурентоспособного человеческого капитала. Для этого требуется налаженная система коммуникаций, обеспечивающая не только оперативный прием, передачу и переработку информации, но и генерацию новых идей на основе обеспечения информационного взаимодействия между сферами науки, образования и производства.

Наиболее подходящей формой реализации данного предложения может стать создание университетского портала мнений (далее – УПМ) – информационной системы совместной генерации экспертных мнений для подготовки принятия решений, предоставляющей различные услуги для персонализированных пользователей по определенным интересам с полным охватом тематики или области деятельности. В качестве таких пользователей могут выступить сотрудники, партнеры университета, а также аудитория, которая интересуется деятельностью вуза.

* Создан Указом Президента Российской Федерации от 21 октября 2009 г. №1172 «О создании федеральных университетов в Северо-Западном, Приволжском, Уральском и в Дальневосточном федеральном округах» на базе государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Якутский государственный университет имени М.К. Аммосова».

УПМ может способствовать повышению эффективности управленческих мероприятий, обеспечению соответствия результатов деятельности ожиданиям за счет установления канала обратной связи по вертикали и горизонтали, стать необходимой предпосылкой формирования киберуниверситета, содействовать становлению СВФУ как центра генерации и внедрения новых идей на основе интеграции образования, науки и производства.

Вовлечение субъектов к обмену информацией по линии вертикальной коммуникации (руководитель – сотрудники) позволит своевременно оповещать представителей структурных подразделений о грядущих изменениях, вовлекать максимальное количество внутренних и внешних экспертов в решение задач, обсуждать проблемы эффективности работы, собирать полную информацию о возможной или реальной проблеме и т. д.

Вовлечение субъектов к обмену информацией по линии горизонтальной коммуникации (сотрудники – сотрудники) позволит инициаторам тех или иных идей или проектов получить необходимую интеллектуальную и социальную поддержку, оперативно решать возникающие проблемы на основе взаимодействия и сотрудничества, способствуя формированию демократической модели коммуникации.

Структура портала может включать в себя разнообразные варианты оперативного обмена информацией и креативных приемов выработки идей. Коллективный поиск решения проблем можно провести в формате брейнсторминга (мозгового штурма), предложенном Алексом Осборном (США) в 1940-х гг. XX в., который предполагает разделение процессов генерации и критики во времени и участников соответственно на генераторов и критиков. Привлекательным является проведение on-line конференций идей и мнений («творческое совещание», «круглый стол»), которые представляют собой хорошо подготовленное совещание, предназначенное для сбора идей по определенной тематике и допускающее только положительную критику (метод Гильде В., Штарке К.) [1]. Эффективным может стать применение метода контрольных вопросов, характеризующегося постановкой наводящих вопросов к решению конкретных задач.

Компетентное участие специалистов в анализе и решении рассматриваемой проблемы можно организовать в виде экспертного опроса, в ходе которого ученый может выступить как генератор, источник идей, гипотез и предложений, арбитр по оценке имеющихся данных, характеристик и показателей объекта, аудитор по оценке условий постановки эксперимента, источник неизвестной исследователю информации, которая служит основой для дальнейшего анализа [2].

В целом тематика портала может быть посвящена решению стратегических геополитических задач государства, в первую очередь на инновационное развитие Северо-Востока России и Дальневосточного федерального округа в целом, т.к. деятельность университета должна способствовать закреплению и привлечению населения страны в этот стратегически важный регион. Поэтому основными направлениями обмена экспертными мнениями могут стать: пути развития транспортной, социально-коммунальной и культурно-образовательной инфраструктуры, разработка механизмов сохранения и приращения человеческого капитала, освоение природных богатств северо-восточных регионов страны, административно-социальное и промышленное освоение территорий Сибирского и Дальневосточного федеральных округов и т. д. Особого внимания требует проблематика Севера, Арктики, ее уникальная природная среда, особенности жизнедеятельности коренных народов, устойчивого развития социальной сферы, экономики и промышленности региона [3].

Для решения указанной задачи необходимо в рамках портала необходимо организовать многоаспектное обсуждение по следующего примерного круга вопросов: способы формирования инновационной региональной системы, включающей, государственно-частное партнерство, общественные формы управления процессом развития инновационных видов деятельности и т. д. ; содействие развитию многоуровневой системы центров трансфера технологий в ПК; разработка механизмов формирования полных цепочек коммерциализации инноваций; участие университета в реализации республиканских целевых программ и т. д.

Одной из важных форм интеграции федерального университета в развитие региона выступает его участие в решении политических задач путем формирования позитивного имиджа и политического веса региона, возвращение политической элиты, новых интеллектуалов, а также путем непосредственного влияния на процессы формирования ин-

ститута гражданского общества. Университеты во все времена были колыбелью демократии и задавали тон в развитии политической мысли, поскольку непеременимым условием полноценного развития научного интеллекта и воспитания активной личности является дух свободы, нацеленный на служение интересам общества.

Сегодня открытость и прозрачность — это главные признаки любой эффективно организованной системы (государства, учебного заведения или предприятия). Они создают условия для внедрения инноваций, честной конкуренции, защиты от злоупотреблений и развития демократии. Именно поэтому одним из трендов СВФУ является «Открытый университет», что характеризует его направленность на обеспечение качественного и доступного образования для всех желающих, а также формирование демократической корпоративной культуры.

Участие федеральных университетов в решении политических задач неразрывно «связано с необходимостью одновременного и оперативного реагирования со стороны университетов на имеющиеся проблемы социального развития в регионе. Из рефлексии вузов на проблемы социального развития складывается еще одна форма их участия в жизни региона, а именно участие в решении социальных проблем» [4]. Именно поэтому в портале обязательно должны быть представлены гражданские активисты и эксперты.

Таким образом, УПМ может выступать как проект, доказывающий адекватность научно-образовательного центра происходящим изменениям во внешней среде. Научные мысли становятся товаром для продвижения вуза благодаря средствам массовой информации, которые за комментарием и экспертным мнением обращаются в университет, тем самым увеличивая количество цитирований бренда «СВФУ». Внешней аудитории вуз позиционируется как площадка генерации идей для решения социокультурных, политических и экономических проблем. В этом плане

Другими словами, УПМ дает возможность разработки и тиражирования интеллектуальных продуктов университета в научно-популярной форме на основе активного взаимодействия сообществ научно-педагогических работников, работодателей, обучающихся и журналистов. Организация производства такого контента проходит ежедневно, достаточно оперативно реагируя на актуальные моменты жизни.

Список литературы

1. Дмитриева Л. М. Креативные приемы выработки идей. Режим доступа: http://www.elitarium.ru/2007/10/19/priemy_vyrobotki_ideji.html
2. Орлов А. И. Экспертные оценки // Журнал «Заводская лаборатория». 1996. Т. 62. — № 1. — С. 54 — 60.
3. Дирекция программы развития СВФУ // Режим доступа: http://svfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/strukturnye-podrazdeleniya/progr_razv/
4. Модели стратегического взаимодействия федеральных университетов и региона / НОУ УЦ «Сетевая Академия ЛАНИТ» Москва, 2008 г. // Режим доступа: <http://univer.academy.ru/Documents>

UNIVERSITY PORTAL OF OPINIONS: FEATURES OF FUNCTIONING (ON THE EXAMPLE OF NORTHEAST FEDERAL UNIVERSITY)

S. N. Dyachkovsky
N. A. Argylov

*Northeast Federal
University, Yakutsk*

*e-mail:
simon_dn83@mail.ru
nik-argylov@yandex.ru*

This article is devoted to model of effective information exchange between university administration, scientific and pedagogical workers, students and employers for generation and approbation of innovative ideas, advance of a brand of university, promoting of scientific knowledge.

Keywords: information technologies, vertical system of communications, horizontal system of communications, portal of opinions, federal university.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПАРАДИГМЫ ОППОЗИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ В ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Т. И. Краснова

*Санкт-Петербургский
государственный
университет*

*e-mail:
taikrasnova@yandex.ru*

В эмигрантских газетах выявились парадигмы речевой семантики, которые можно представить в виде ментальных соотношений: конфликт – насилие – гибель (болезнь); неприятие – сострадание – обвинение; количественность – качественность; болезненность – аморальность. Тексты строятся по принципу семантической оппозиции, модель которой в различных по содержанию высказываниях отвечает конфликтным реалиям действительности и модальности неприятия, связанной с оппозитивным газетным дискурсом.

Ключевые слова: русское зарубежье, газетный дискурс, текст, лексика, оппозитивность, семантическая оппозиция, отрицание, парадигма, референция, модальность.

Сначала поясним для читателя содержание термина *оппозитивность* – основного понятия, связанного в исследовании с формацией газетного дискурса русского зарубежья эпохи революций и войн (1917 – 1922 гг.).

Понятие *оппозитивность* существует в трех измерениях процесса коммуникации: первое – как *социопсихическая реакция* идеологического субъекта газеты на происходящее в действительности; второе – как идеологически устремленная *модализация* (интенциональность), которая вносит в речевое «тело» дискурса; третье – соответствующую интерпретации действительности *структуру* семантико-речевого противоположения (оппозиции). Термин *оппозиция* понимается широко: это содержательно и структурно выраженное в речи отношение различия и противоположения, маркирующее характер оценочного несоответствия в положении дел.

Обратимся к суждению, ставшему классическим: «Противоположение (оппозиция) предполагает не только признаки, которыми отличаются друг от друга члены оппозиции, но и признаки, которые являются общими для обоих членов оппозиции. Такие признаки можно считать основанием для сравнения» [9, с. 75]. Основанием для сравнения и анализа разного газетного материала можно считать общий для него проблемно-критический характер. Он вызван обостренной конфигурацией действительности и – в сознании автора – ее познавательного-оценочного, целеполагающего в тексте отражением. Текст можно представить как прагматическую модель действительности, которой соответствует определенная структура в форме единств семантико-речевых оппозиций.

Изучение семантико-речевых оппозиций в структуре газетного текста проводилось в традициях теории текстовых единств – на парадигматическом и синтагматическом уровнях анализа. На *парадигматическом* уровне (первый этап анализа), дающем возможность охватить большие массивы новостных текстов, главным объектом наблюдений являлась лексика с учетом ее роли в предикативном центре высказываний. На *синтагматическом* уровне – объектом наблюдения являлись динамически развертывающиеся сверхфразовые единства в составе конкретного текста и целый текст. В настоящей статье сосредоточимся на первом этапе анализа – изучении лексических соотношений как элементов референт-ситуации. Это дает возможность систематизировать те структуры репрезентации, которые встречаются в содержании новостей в качестве проявления **общего принципа когнитивно-семантического противоположения**.

Известно, что любая оппозиция связана с категорией отрицания. В формальной логике отрицание понимается как «отсутствие» и «различие» (концепция особой отрицательной реальности), как «знание об ином бытии» (концепция реальности, отличной от данной), как логический оператор, способ опровержения ложности высказанного суждения (концепция преодоления ложного знания), как субъективно-оценочная реакция, неодобрение мыслимого содержания (психологическая концепция отрицания), как элемент

смысла суждения, имеющий объективное основание (содержательная концепция отрицания) и др. Не только в философии, логике, но и в языке, речи категория отрицания входит в разряд фундаментальных, сущностных в своем явлении дуализма [1; 3]. Всякий отрицательный смысл противопоставлен какому-то положительному и возможен только на его фоне. От конкретной коммуникативной ситуации зависит, активизировано ли это значение до степени «противоборства» знаковых основ. В нашем случае это именно так. Само возникновение и животворное существование эмигрантской печати в свете политических ситуаций своего времени воспринималось читателем и до сих пор ощущается исторически как фоновое отрицание, причем отрицание с точки зрения морально-ценностной. Перейдем к анализу.

На парадигматическом уровне анализа методом сплошной выборки из текстов была извлечена актуализированная в коммуникативном отношении лексика. В предикативной функции она входит в состав основы предложения или распространяет в качестве атрибута и объекта подлежащее и сказуемое. Изучаемый материал показал, что в указанный исторический период в составе новостных текстов наиболее активизированы два вида семантико-речевых оппозиций – элементов типичной референт-ситуации: *насилие/ненасилие* и *антинорма/норма*. Большую разработку в текстах получает *негативное* поле семантики, в то время как *позитивное* присутствует либо в виде ассоциированных мотивов, либо зачастую лишь мыслится (норма). Термин «мотив» используется для обозначения свернутого представления*. Заметим также, что оппозиция «насилие/ненасилие» вторична и входит как частная в соотношение «антинорма/норма». Вторичная оппозиция рассматривается первой по причине усиленной прагматической актуализации в политизированном дискурсе эмигрантской печати.

*Семантико-речевая оппозиция **насилие / ненасилие***. На парадигматическом уровне анализа в массивах новостных текстов устанавливались общие когнитивно-семантические схемы развертывания сообщений. Методом сплошной выборки из таких текстов была извлечена актуализированная в коммуникативном отношении лексика. В предикативной функции она входит в состав основы предложения или распространяет в качестве атрибута и объекта подлежащее и сказуемое.

Предикативно обозначенная роль слова как аргумента – идеологический знак его погружения в активный, «отвечающий» характеру ситуации контекст. В таком контексте слово может нести любую идеологическую функцию, в частности «моральную» [2]. Установление концептуальных оппозиций в массиве предикативно актуализированной лексики связано с ее категоризацией. Лексико-семантические группы слов концептуализируются в результате категоризации речевой семантики в парадигмы. Выявление **концептуальных парадигм** в семантике высказываний осуществляется в итоге сопоставления двух концептуальных структур, принимающих форму высказывания «X – это пример категории Y» [6, с. 46]. Скажем, концепты «переворот» и «террор» – это пример категории «насилие», и словарные значения наименований включают такой смысл как сему. В нашем описании словарная операция не эксплицируется.

Выделяется группа лексики с актуализированной семантикой отрицания, включающая в макрокомпоненты своих значений семы «отсутствия», «лишения», «прекращения существования», «конфликта», «противодействия», «осуждения» и т.п.

В массиве политизированных текстов такая лексика не только распространена, но входит в р е ф е р е н ц и а л ь н у ю идеографическую парадигму с соотношением **конфликт – насилие – гибель**. По форме это большей частью субъектно-объектные наименования с грамматическим значением предметно-качественной определенности и глагольные наименования со значением результативности. Ср. слова, выражающие а) ситуативную семантику конфликта: *нигилист, подстрекатель, предатель, хулиган; подлость, ненависть, проклятие, месть, война; свести счеты* и т. п.; б) ситуативную семантику насилия: *грабитель, разбойник; захват, разгон, разгром, зверство, террор, пере-*

---

* Понятие *мотив* имеет коммуникативно-психологическую основу. В мотив превращается потребность, которая может существовать в виде представления или «образа результата». См.: Этнопсихоллингвистика / отв. ред. Ю. А. Сорокин. М.: Наука, 1988 (раздел «Фоновые знания и языковая коммуникация»).

ворот, революция, штыкокротия; принудить, пасть жертвой и т. п.; в) ситуативную семантику гибели: убийца, палач,; гибель, убийство, казнь, конец; разрушить, замучить, убить; быть на исходе, умереть, стать могилой и т. п.

Подавляющая часть лексики, связанная с когнитивной семантикой **насилие**, – прагмемы, то есть слова, в лексическом значении которых совмещены оба компонента суждения: «предмет» – явление, обозначенное словом, и «предикат» – выраженная тем же словом отрицательная оценка. В публицистическом тексте прагмемы представляют собой свернутые суждения, обладающие силой воздействия [10]. Не случайно автор помещает их в коммуникативный центр высказывания (см. примеры ниже).

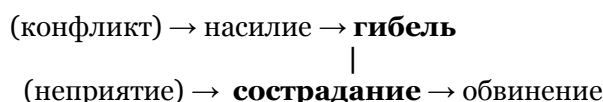
Меньшую часть приведенной лексики составляют прагмемы, включающие в семантику не только мотив насилия и его отрицательную оценку, но и позитивный эмоциональный компонент – **сострадание** говорящего к жертве насилия. Ср.: *беженцы, эмигранты, гибель, пасть жертвой, замучить, быть на исходе, умереть*. Используя прагмемы двойственной оценки, субъект как бы «расслаивается», а в тексте происходит наведение сем второго порядка.

В речевой структуре на референциальную идеографическую парадигму *конфликт – насилие – гибель* накладывается модальная идеографическая парадигма концептов **неприятие – сострадание – обвинение** (фрейм модализации). Модус неприятия выражается либо имплицитно (контекст, интонация, кавычки) или эксплицитно с помощью перформативов *протестую, не согласен, не хочу чтобы...*, атрибутивами *неверный (шаг), несправедливо* и т. п. Модус обвинения выражается прямым или косвенным указанием на виновных. Рассмотрим два текста.

1. После обыска, которому он [Г. В. Плеханов] подвергся в Царском Селе сейчас же после большевистского переворота, он принужден был оставить Россию и искать спасения в одном из санаториумов вблизи Териоки. Он умер там 30 мая, пав жертвой деятельности белогвардейцев, германцев и большевиков (Народная газета. Нью-Йорк, 1918, 13 июня).

Референциальная парадигма «конфликт–насилие–гибель» представлена в тексте а) предметно-оценочными словами с семантикой насилия и б) предикатами двойственной оценки, которые наряду с семантикой насилия включают в текст модус сострадания. Мотивы конфликта и неприятия присутствуют имплицитно, так как речь идет о насилии и сострадании, а семантика гибели открыто, наряду с мотивом сострадания и косвенным выражением обвинения.

Модель ситуации:

Таким образом, в семантико-речевой оппозиции *насилие/ненасилие* в структуре текста происходит частичное наложение разных идеографических парадигм – референциальной и модальной. Это возможно благодаря прагмемам двойственной оценки и в целом по причине ассоциированности лексической семантики в когнитивном комплексе данной прагматической ситуации (сообщение о смерти лидера).

2. Дэбс заступает за ээров (По просьбе В. Чернова он обратился с протестом к Н. Ленину).

Чикаго, 27 июля. Престарелый вождь американских социалистов Юджин Дэбс, находящийся в местном санаториуме, отправил в Москву на имя Н. Ленина каблогранму следующего содержания:

«Ленин, Москва. Вместе со всеми цивилизованными людьми и во имя общего человеколюбия я протестую против казни кого-либо из социалистов-революционеров или несправедливого лишения их свободы. Советская Россия может явить пример отказом следовать методам мирового царизма. Она должна высоко держать знамя, которое мы стремимся водрузить, и которое мы почитаем» (Юджин Дэбс).

Протест Дэбса явился ответом на каблограмму, полученную им из Берлина от группы эсэров, возглавляемых В. Черновым*. Каблограмма эта гласила: «Дело 22-х русских эсэров *близится к концу*. Всем *грозит смерть*. Большевики желают совершить акт мести. Просим возвысить голос американских социалистов сообща с протестом европейских социалистов. Телеграфируйте в Москву. Положение *серьезно* и малейшее промедление повлечет за собою *непоправимые последствия*» (Новое русское слово. Нью-Йорк, 1922, 28 июля).

Референциальная идеографическая парадигма представлена в тексте эксплицитно: словами с семантикой конфликта *протест, несправедливый, отказ*; словами с семантикой насилия *несправедливое лишение, акт мести*; словами с семантикой гибели *казнь, конец, смерть, непоправимые последствия*. Модальная идеографическая парадигма, накладываясь на слой первичной семантики, образует композиционно-смысловые скрепы. Модус неприятия передается повторами слова *протест*: от лица Дэбса (перформатив), от лица эсэров и с объективированной точки зрения (в орудийном значении). Модус сострадания также повторяется и связан с субъектным расслоением актов речи: от лица автора в ремарках – *Дэбс заступает за эсэров, престарелый вождь, находящийся в местном санаториуме, по просьбе В. Чернова*; от лица Дэбса – *во имя общего человеколюбия*; от лица эсэров – *просим возвысить голос американских социалистов*. Модус обвинения эксплицитирован от лица эсэров – *всем грозит смерть, Большевики желают совершить акт мести*, но имплицитно содержится и в речи Дэбса.

Конфигурация указанной выше модели варьирует в зависимости от точек зрения, которые могут быть отражены в текстах с разной степенью определенности. Сравните ниже информацию с места события, где преобладают структуры знания и отраженные в чужой речи структуры мнения, выступающие в статусе знания.

Между лицами, *расстрелянными* в последние дни в Петрограде, фигурируют девять журналистов, редакторов или сотрудников «буржуазных» газет. Они *осуждены*, согласно официальному сообщению, за то, что «возбуждали своими писаниями население *против* советского правительства» (ОД 1918, 12 окт.).

Модель коммуникативной ситуации отражает две точки зрения – явную (большевиков) и неявную (идеологического субъекта газеты).

Явленная
в тексте

точка зрения большевиков

конфликт → обвинение → смерть

↑

Не я в н а я точка зрения ИС газеты **неприятие** (*сострадание – обвинение*)

Модель отражает внутритекстовую (чужая речь) точку зрения большевиков и относящуюся к ней как внешняя, имплицитную точку зрения идеологического субъекта газеты. Мотив конфликта обозначен в составе цитируемого обвинения: «*возбуждали своими писаниями население против советского правительства*». Семантика насилия и гибели содержится в строке сообщения о жертвах расстрела. Поставленная в кавычки и, таким образом, отчуждаемая идеологема «*буржуазные*» свидетельствует об остранинной точке зрения ИС газеты. Но эта остранинность не мешает читателю понять оценку факта сообщения (т.е. скрытое мнение ИС газеты). Хотя модус неприятия присутствует в тексте имплицитно, он передается идеологией издания в целом и фактом предъявления враждебных читателю мотивов террора в частности.

Обратимся к в а р и а н т а м той же модели. Вариативность связана с идеологией газеты по месту издания и с конкретной направленностью публикаций в прагматике момента борьбы эмигрантов за свои права. Рассмотрим пример из пробольшевистской газеты «Голос труженика» в Сев. Америке. Здесь актуализирован иной конечный элемент референциальной парадигмы: **конфликт – насилие – болезненное состояние (поло-**

* Чернов В. М. (1873 – 1952) – один из основателей партии эсэров, ее руководитель. В 1917 г. министр земледелия Временного правительства. Председатель Учредительного собрания. В 1919-1920 гг. жил нелегально в Москве, затем выехал за границу.

жение дел). Имеются в виду трудности, связанные с положением русских рабочих в Америке, в период Гражданской войны в России.

В Монтевидео, Уругвай, *происходят забастовки*, в особенности в транспортной индустрии. Правительство *применяет войска для подавления* забастовочного движения. *Виновниками забастовок считают русских агитаторов*, проявляющих усиленную деятельность в последнее время. Правители не могут понять, что высокие цены на продукты *вынуждают рабочих бастовать* (Голос труженика. Чикаго. 1919, 4 янв.).

Референциальная парадигма «конфликт – насилие – болезненное положение дел» занимает центральное место. Модальная парадигма «неприятие – сострадание – обвинение» находится с ней в отношении косвенного соответствия. Мотив конфликта получает усиленную проработку, доминируя в предикативном составе всех четырех высказываний (*забастовки, забастовочное движение, бастовать*). Семантика насилия включена в конфликтный смысл как сопутствующая борьбе (*применять войска для подавления забастовочного движения*). Смысл 'болезненное положение дел' косвенно присутствует в трактовке ситуации, когда ощущается безвыходность положения: *Правители не могут понять, что...* Болезненное ощущение безнадежности положения должно вызывать у читателя протест, что и планировалось ИС газеты.

Модальная парадигма «неприятие – сострадание – обвинение» отражает активную позицию ИС, но выступает внешней по отношению к текстовой ситуации. Модус неприятия выражается имплицитно – в смысловом нагнетании отрицательных фактов и мотивировкой происходящего (*виновниками забастовок считают русских агитаторов, проявляющих усиленную деятельность в последнее время*). Модус сострадания с семантикой обвинения ассоциативно привносится в текст указанием: *Правители не могут понять, что высокие цены на продукты вынуждают рабочих бастовать*.

Обратимся к другому тексту, чтобы показать их типичность для данной газеты.

В штате Коннектикут *называют забастовки*. Хозяева фабрик и заводов стали *выбрасывать рабочих*, а некоторых переводят на другую работу и *уменьшают заработную плату*. Это *слишком чувствительно отражается* на благосостоянии рабочих, а в особенности семейных, и начинает приводить их в сознание.

Масса чувствует несправедливость, но она не организована и представляет сырой материал. В гор. Сыморе уже *вышли на забастовку* 600-700 человек из «Бросс Милл». Но нет у них опытного руководителя, который соорганизовал бы их в один Большой Союз – иначе стачки могут быть проиграны (Голос труженика. Чикаго. 1919, 14 июня).

Смысл «болезненное состояние (положение дел)» получает психологически акцентированное выражение (*это слишком чувствительно отражается на..., масса чувствует несправедливость*). Ситуация вызывает сострадание (*рабочие семейные*). Смыслы неприятия и обвинения сопровождают референт-ситуацию насилия благодаря словам-прагмам: *Хозяева фабрик и заводов стали выбрасывать рабочих...* Семантика обвинения неоднородна, ей сопутствуют прагматически разные смыслы: 1) обвиняются хозяева, 2) обвиняется передовая часть рабочих, не сумевших «организоваться».

Таким образом, анализ оппозитивности в рядах предикатно ориентированной лексики с семантикой *насилия* обнаруживает сходные парадигмы социально актуализированных идей (концептов) в среде дискурсов с противоположной идеологической подоплекой и направленностью (анти-/про- большевизм). Смысл 'ненасилие' оказался не существенным, свернутым для наблюдаемых речевых контекстов.

Семантико-речевая оппозиция *антинорма / норма*. В группе актуализированной атрибутивной и предикатной лексики с семантикой отрицания как отклонения от нормы действует вертикальная шкала отношений. Уровень нормы – представление о должном – является фоном негативной информации. Концепт борьбы представлен в текстах умозрительно как «сопротивление» умственного начала (разумности).

Выделяется незначительная часть лексики с семантикой рациональной оценки и констатации того факта, что явление находится за порогом нормы: *ненормальный, неуместный, непонятный, странный*. Подавляющая часть лексики состоит из слов эмоциональной оценки с ассоциированной семантикой, включающей неприятие, иронию, осуж-

дение. По форме это нередко атрибутивная или субстантивная лексика, имеющая в тексте полупредикативное значение.

В отношении к уровню нормативных представлений лексика с семантикой анти-нормы распадается на две группы:

1) лексика, фиксирующая степень **превышения нормы по количественному признаку**: *тяжелый, бесконечный, нестерпимый, маниакальный, фантастический; загадка, сфинкс*;

2) лексика, фиксирующая характер (реже степень) **принижения нормы по качественному признаку**. Сюда относятся слова, мотивированные социальным понятием «низы»: *деклассированные массы, низшее существо, дно*. Однако основную массу этой группы лексики составляют: а) лексика, ассоциированная по семе 'болезненность' (физическая и психическая): *старый, сухой, страшный; нелепый, бессмысленный, ненормальный* (психич.), *маниакальный; похмелье, анемия* и т.п.; б) лексика, ассоциированная по семе 'аморальность': *цинизм, подлость, бесстыдство; авантюрный, на все способный, преступный* и т. п. Это самая разработанная в газетах группа слов, формирующая идеографическую парадигму «конфликт – насилие – гибель» в составе текстов антибольшевистского направления.

Чтобы рассмотреть оппозицию **антинорма / норма** в структуре разных текстов, обратимся к фрагментам двух публикаций на темы местной жизни. Как увидим, соотношение двух парадигм (референциальной и модальной) сохраняется неизменным, что подтверждает их общую причастность к проблемно-критическому дискурсу эмигрантских газет и к фундаментальному логико-психологическому отношению диктум-модус:

1. Ни для кого не секрет, что наша *старая* школа с ее трех-, а иногда и четырехмесячными каникулами жила *далеко не нормальной* жизнью: «*выматывая*» за зиму *все силы* детского организма *сухой* учебой, *старая* школа «*проматывала*», выражаясь образно, во время *бесконечных* каникул на лето, *почти наполовину все то, что дорогой ценой было приобретено* зимой (Труд. Харбин. 1918, 10 апр.).

Референциальная идеографическая парадигма представлена в тексте в виде соотношения **конфликт – насилие – болезненность (нездоровье)**. Семантика конфликта связана с борьбой старого/нового и скрыто возникает в усиленной актуализации сем, связанных с образом «старой» (т.е. устарелой) школы. В текст заложена такая ситуация («сценарий»), в которой школа проявляет качества насильника по отношению к детям – жертвам болезненного «вампиризма».

Образная природа речи приводит к синтетизму смыслового выражения. Модус неприятия выражен рационально-оценочным повтором *старая* и эмоционально – в подтексте образного противопоставления. Модус сострадания и модус обвинения также выражены как в подтексте, так и косвенно: в «страдательном» опредмечивании жертвы и количественными противопоставлениями (квантитативной семантикой отрицания): «*выматывая*» за зиму *все силы* детского организма, «*проматывала*» во время *бесконечных* каникул за лето *почти наполовину все то, что дорогой* (т. е. высокой) *ценой было приобретено зимой*;

2. (1) Во время одной из очередных *бурных сцен* в парламенте, когда депутаты, *изрыгая ругательства, угрожали друг другу кулаками*, председатель палаты г. Земфиреску *грозил закрыть* заседание и сделал знаменательное заключение: «*Это – не парламент*»;

(2) Председатель палаты достаточно компетентен в ее оценке и надо признаться, что, пожалуй, *никогда не был так близок к истине, как при произнесении своего горького определения*;

(3) Но оно приобретает *поистине трагическое значение*;

(4) Девять месяцев работы – и ни один законопроект не принят. *Были* многословные и длительные разговоры о перенесении каких-то памятников – *и не было*, кажется, дня, обошедшегося без дразг и руготни;

(5) И на этом фоне разыгрывается *невиданная* транспортная *разруха*, *проделываются* продовольственные кунштюки г. Атанасиу;

(6) *В чем дело? Кто виноват?*;

(7) Виновато и большинство палаты, *не проявляющее должной здоровой инициативы*, – виновата тем более оппозиционная федерация, *творящая критику – критики ради*, потому, что ей упорно не удается вкусить славкаго яда власти (Новое слово. Кишинев. 1921, 2 марта).

Литературно-образная манера письма обусловила беллетризованный способ существования референциальной парадигмы в тексте, а значит и синтетизм ее выражения.

Отрицание как отклонение от нормы и неприятие этого отклонения (отрицание отрицания) воплощено в новом варианте схемы: **конфликт – угроза насилия – трагедия разрушения**. В 1-м абзаце референциальная парадигма «упакована» в форму иронической стилизации. Совокупная семантика составляющих ее смыслов выражена посредством а) контраста словосочетаний, нормативно недопустимых в речи, когда речь идет о работе парламента; б) логическим отрицанием идентификации *"Это – не парламента"*.

Модус сострадания выражен во 2-ой и 3-й абзацных фразах градацией атрибутивных форм оценки: *горькое определение, поистине трагическое значение*. Они усиливают напряжение в передаче конфликтной ситуации. Семантика, связанная с концептом «анти-норма», также нарастает. В 4-м абзаце она разворачивается в форме антитезы, построенной на отрицании: оппозиция *были / не было*. В 5-м абзаце разворачивание референциальной парадигмы достигает логического конца: появляется мотив гибели в слове *разруха*.

Модус обвинения эксплицирован в вопросно-ответном единстве. Здесь же (абз. 7) появляется мотив нормы, но лишь для того, чтобы подчеркнуть семантику антинормы: *не проявляет должной здоровой инициативы, творит критику – ради критики*. В заключительных строках обвинения ироническое неприятие достигает полноты сарказма: *не удастся вкусить славкаго яда власти*.

В итоге можно отметить, что изучение структуры содержания газетных текстов посредством выявления семантико-речевых оппозиций помогает представить совокупность знаний и мнений в различных массивах текстов в виде моделей понимания (интерпретации) действительности. Так в эмигрантских газетах выявились познавательно-ценностные парадигмы речевой семантики, которые можно представить в виде следующих ментальных соотношений: конфликт – насилие – гибель (болезнь); неприятие – сострадание – обвинение; количественность – качественность; болезненность – аморальность. Это соотношение базовых ментальных сущностей, или концептов, связанных по текстам в узлы семантических доминант, представляет собой некий «срез» состояния сознания в процессе восприятия эмигрантами текущей действительности. Тексты строятся по принципу семантической оппозиции, модель которой в различных по содержанию высказываниях отвечает конфликтным реалиям действительности.

Стратегическое поведение идеологического субъекта газеты направляется понятийным полем ценностных установок, входящих в некий культурный канон. В частности, выделенные концептуальные парадигмы могут быть связаны с архетипами национального сознания: с жалостью и состраданием к жертвам насилия и другими ценностями, прежде всего – христианскими.

Для газетного дискурса новостей типично *наложение референциальной и модальной парадигм*. Экспликация повторяющихся в текстах содержательных цепочек различается в зависимости от идеологической направленности изданий. В газетах *антибольшевистского* направления больше эксплицируются мотивы гибели и сострадания наряду с открытым или косвенным выраженным мотивом обвинения. Известные читателю смыслы, связанные с обозначением конфликта в модусе неприятия, присутствуют имплицитно. В газетах *пробольшевистского* направления наоборот – больше эксплицирована референциальная составляющая содержательной цепочки с акцентом на идеологический конфликт классового характера. Такой конфликт получает усиленную оценочную проработку в предикативных центрах высказываний. Модус обвинения здесь неоднороден, он расслаивается: наряду с «хозяевами» в состоянии положения дел обвиняются «несознательные» рабочие.

Ментальная и семантико-речевая оппозиция «антинорма / норма» выявляется в текстах умозрительно или косвенно. В основном косвенному проявлению этой оппозиции служит лексика с семей 'антинорма', которая актуализирует *количественно-качественные отношения степеней несоответствия норме*. Такая лексика включает

кванторный компонент и больше разработана в текстах антибольшевистского направления, где она в качестве эмотивно насыщенной сопутствует формированию ситуации по схеме «конфликт – насилие – гибель».

Сценарно-повествовательная канва изложения с квантитативной семантикой отрицания характеризует также оппозитивный дискурс на темы местной жизни. Здесь ментальная оппозиция антинорма/норма заметно интенсивнее актуализируется *на уровне формы выражения* (например, стилистическими контрастами). Впрочем, и сдержанный информативный способ передачи идеологии сообщаемого по мере накопления создает эффект кумуляции негативного смысла.

Список литературы:

1. Бондаренко В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория / В. Н. Бондаренко. М., 1983
2. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке / В. Н. Волошинов // Волошинов В. Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб: Астакпресс, 1995. – С. 216 – 380.
3. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. М., 1975.
4. Краснова Т. И. Оппозитивность в структуре коммуникации (на материале эмигрантских газет эпохи кризиса 1918-1920 гг.) / Л. Р. Дускаева, Т. И. Краснова // Вестник Пермского госуд. ун-та. Серия «Российская и зарубежная филология». 2011. – № 1. – С. 107 – 112.
5. Краснова Т. И. Модализация и интенциональность в аспекте анализа идеологического дискурса / Т. И. Краснова // Слово. Словарь. Словесность. / Отв. ред. В. Д. Черняк. СПб: Изд-во «САГА», 2012. – С. 353 – 363.
6. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Моск. гос. ун-т, филол. ф-т, 1997.
7. Проскуряков М. Р. Концептуальная структура текста / М. Р. Проскуряков: Дис. ...д-ра филол. наук. СПб., 2000.
8. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования / Ю. С. Степанов. М.: Академ. Проект, 2001.
9. Трубецкой Н. С. Основы фонологии: пер. с нем. / Н. С. Трубецкой. М.: Иностран. лит., 1960.
10. Эпштейн М. Н. Идеология и язык / М. Н. Эпштейн // Вопросы языкознания. 1991. – № 6. – С. 19 – 33.

PARADIGMS OF OPPOSITE SEMANTICS IN THE NEWSPAPER DISCOURSE OF RUSSIAN EMIGRES

T. I. Krasnova

**Saint Petersburg
State University**

**e-mail:
taikrasnova@yandex.ru**

In émigré newspapers, the paradigms of the speech semantics have emerged recently which can be represented as mental correlations “conflict – violence – perish (illness)”, “rejection – sympathy – accusation”, “quantity – quality”, “delicacy – amorality”. The texts are based on the principle of semantic opposition, and the textual model differs accordingly the conflict realities and rejection modalities which is determined by the oppositional newspaper discourse.

Keywords: Russian diaspora, newspaper discourse, text, vocabulary, positivity, semantic negation, opposition, paradigm, reference, modality.

МУСУЛЬМАНСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ ДАГЕСТАНА И «АРАБСКАЯ ВЕСНА»**М. А. Курбанов***Институт Истории
Археологии и Этногра-
фии Дагестанского
Научного Центра РАН**e-mail:
tlisi@bk.ru*

В статье анализируются статьи в дагестанской мусульманской периодической печати, посвященные событиям на арабском востоке конца 2010 г., вошедших в историю как «арабская весна». Анализируются содержание статей с точки зрения анализа всего спектра экономических, социально – политических причин, лежавших в основе этих событий. Делается попытка проанализировать, какова роль США в недавних событиях в арабском мире по материалам мусульманской периодической печати Дагестана.

Ключевые слова: ислам, безработица, молодежь, США, мусульманская периодическая печать, Дагестан.

В последние годы в средствах массовой информации и научном мире вдруг заговорили об «исламском буме» возрастании роли этой религии в общественно-политической жизни ряда государств, вторжении ислама в область международных отношений и повседневную жизнь мусульман. Подтверждением тому — победа исламской революции в Иране, ирано-иракский, иракско – кувейтский конфликты, а также события, происходящие в Афганистане, Пакистане, выступления исламских фундаменталистов в Алжире и Таджикистане и, конечно, «арабская весна».

Ислам — не только религия, но и образ жизни, стиль поведения, это — мораль, гражданско-правовое, уголовное, государственное уложение, свод обязательных для каждого мусульманина религиозных правил. Ислам — это цельная и стройная система социо- и этнопсихологических установок, способ мировосприятия, философия с этикой и эстетикой.

В исламском просветительстве в Дагестане большую роль сыграли и продолжают играть исламские средства массовой информации. Мусульманские периодические издания в Дагестане возродились сразу после принятия в октябре 1990 г. Верховным советом СССР Закона « О свободе совести и религиозных организациях» и закона «О печати и других средствах массовой информации», были обусловлены объективными причинами, а именно переменами в обществе в конце 1980-х гг., связанными с отменой атеистической идеологии и стремлением религиозных и общественно – политических движений активно участвовать в процессе духовного возрождения. В октябре 1990 г. были зарегистрированы первые религиозные газеты в Дагестане: «Исламские новости» и «Зов Ислама»; в августе 1991 г. – «Путь Ислама»; в феврале 1992 г. – «Хикмат».

В 1994 и 1995 гг. появились ряд изданий: «Прозрение», «Раятуль Ислам» (Знамя Ислама); «Моджахед» (Борец за веру); в январе 1995 г. – «Ислам»; в феврале 1995 г. – газета «Ассалам» – официальный печатный орган ДУМ Дагестана, в ноябре 1995 г. – «Шариат», а также в 1995-96 годах выходил вестник Союза Мусульман России. В августе 1996 г. начала выходить газета «Нур-ул Ислам» (ред. М. Гаджиев) [1]. Сегодня из всей массы мусульманских изданий, появившихся в период с 1990 г., остались «Ассалам», «Нур-ул Ислам», «Исламский вестник». По материалам в исламской прессе можно судить о состоянии ислама в российских регионах, что происходит в местной мусульманской общине: открытие мечетей, события религиозно-культурной жизни и т. д. Не обходят своим вниманием исламская периодика Дагестана и проблемы внешней политики, вернее, взаимоотношения исламского мира и стран Запада.

События, произошедшие на территории ряда стран Ближнего Востока и Северной Африки, начало которым было положено 17 декабря 2010 г. в Тунисе, затем революция в Египте, гражданская война в Ливии, которая привела к падению режима; гражданские восстания в Бахрейне, Сирии и Йемене; массовые протесты в Алжире, Ираке, Иордании, Марокко и Омане; и менее значительные протесты в Кувейте, Ливане, Мавритании, Саудовской Аравии, Судане и Западной Сахаре получили название в новейшей истории «арабская весна», «арабское пробуждение» имели в своей основе причины различного характера, которые с одинаковым успехом отнести к любой из этих стран, и они, т.е. со-

бытия со всей очевидностью показали, как неустойчивы режимы власти, опирающиеся на авторитаризм и диктатуру.

В Тунисе, Египте и Йемене главными причинами антиправительственных выступлений стали внутренние факторы – социально-экономический кризис, коррупция правящей власти, отсутствие демократических свобод, этноконфессиональные противоречия, то в Ливии основным фактором стала поддержка оппозиционных сил Западом.

Все эти события, происходившие на арабском Востоке, нашли свое отражение и на страницах мусульманской периодической печати Дагестана. Этой теме во всех без исключения мусульманских газетах, будь то «Ас-салам», «Нур-ул Ислам», «Исламский вестник», были посвящены многочисленные статьи, интервью с известными учеными и экспертами, в каждом номере приводилась хроника текущих событий и анализ перспектив дальнейшего развития ситуации.

В статье Патимат Гамзатовой «Кто играет в футбол... на минном поле?» отмечается, что основной причиной иностранного вторжения в Ливию является природные богатства страны. «География этой страны, ее экономическая привлекательность также привлекают мировые сообщества, которые не брезгают ни дополнительной нефтяной скважиной, ни видом на море из широких окон таких гостиниц, как Sheraton или Intercontinental – их ведь можно построить как на Средиземноморском побережье (Ливия), так и на берегах Каспия (Дагестан) или Персидского залива (Ирак)».

Далее автор обрисовывает экономическую ситуацию в Ливии накануне «арабской весны»: «Накануне волнений Ливия считалась одной из наиболее благополучных стран Африки. Индекс развития человеческого потенциала в 2010 году составлял 0,755, а ВВП на душу населения составляло почти \$15000. Уровень образованности жителей Ливии составлял 87 %. К тому же в Ливии, также как и в ОАЭ, приезжающие в страну бизнесмены платят процент от прибыли коренному населению. Таким образом, в этих странах жители практически не бедствуют, а за отсутствием крутых амбиций, стремлений кататься на яхте и иметь собственный вертолет, они могут вполне прилично устраивать свой быт» (1, с. 1 – 5).

Мухаммад Алимчулов в статье «Год ветров для арабского мира» пишет что, «самой большой и кровопролитной жертвой «арабской весны», инсценированной Западом, стала Ливия. Она была самой богатой страной в Африке и одной из самых благополучных среди арабских стран. Уровень жизни в Ливии был намного выше, чем в Саудовской Аравии или России» (2, с. 1 – 3).

Таким образом, по мнению авторов причин для недовольства населения властью, во всяком случае, экономических не было, и в этом утверждении, конечно, есть доля истины.

Однако экономическая ситуация, как она описывается в приведенных выше статьях, в странах арабского мира, не имевших нефтяные богатства, не была столь радужной.

Бедственное экономическое положение внутри стран, недостаток рабочих мест и политических свобод, вытолкнули тысячи юношей и девушек в странах арабского Востока на обочину общества. Официальный уровень безработицы в Тунисе, который преуменьшает истинную ситуацию с безработицей, достиг 14 % [5]. Около 10 % наиболее обеспеченного населения контролирует 32 % всех доходов, другие 20 % обеспеченного населения контролируют 47 % доходов Туниса.

Неравенство в Тунисе проявляется настолько резко, что 60 % (наименее обеспеченных слоев) населения получают только 30 % (наиболее обеспеченные 40 % населения забирают себе 70 % всего дохода страны) [3].

Уровень безработицы в Египте накануне революции был по мировым меркам не особенно высоким – порядка 9 %, однако при этом надо учесть важное обстоятельство, что около половины всех египетских безработных относилось к возрастной группе 20 – 24 года и более 43 % египетских безработных имело высшее образование [4]. И это всё только официальные данные, тогда как реальная безработица оказывается на порядок выше указанных цифр.

Надо отметить что, у безработицы в арабских странах существует одна характерная черта: большинство безработных составляют молодежь и выпускники вузов, соответственно, молодые люди после огромных затрат и без того небогатых семей на их обучение, становились обузой для семей и целыми днями сидели дома без возможности найти работу.

Существовал парадокс: без образования не представлялось хоть какой-либо возможности реализовать себя в жизни, но и наличие образования не давало молодому человеку шансов, вызывая еще большее озлобление сложившейся ситуацией. Тысячи выпускников были вынуждены работать таксистами, официантами, продавцами и т. д. И при этом они были сосредоточены в непосредственной близости к центральной власти — в столицах государств. Далее именно эта возрастная прослойка (19 – 25 лет) стала одной из основных движущих сил революций.

Коррупция, которая принижывала все слои управленческого аппарата, являлась следствием клановости, а клановость являлась следствием несменяемости элит, т. е. отсутствия демократических инструментов смены власти – выборов. Выборы, как таковые, конечно проводились, но они были номинальными, ибо их исход определял не народ, а власть, и итоговый, плачевный результат для власти и «цену» этим «выборам» увидел весь мир.

Десятилетия нахождения всей власти в руках одного человека не могли не оставить определенного отпечатка на экономике, которая, как свойственно большинству стран третьего мира, находится в руках у нескольких влиятельных семей (кланов). Тунисский, египетский и прочие арабские режимы, обеспечивающие региональную стабильность, выдыхались. Лидеры состарились, вставал вопрос о преемственности.

Согласно официальной статистике, страны бурно развивались, доходы населения росли, велась на словах борьба с коррупцией, на выборах регулярно с подавляющим большинством побеждала проправительственная партия, но только простой народ от всех этих «достижений» власти реального улучшения своей среды обитания не чувствовал.

Протесты продемонстрировали недовольство народов арабского мира катастрофической ситуацией в жизни на фоне коррупции правящих режимов, которая приобрела гипертрофированные размеры.

Авторитарные режимы долгое время создавали видимость социальной стабильности, а правящие семейные кланы, утратив связь с народом, игнорировали нарастание серьезных внутренних противоречий, поэтому не смогли вовремя оценить угрозы и адекватно на них отреагировать.

Народ чувствовал свое полное бесправие полувоенным положением, коррупцию от колыбели до могилы, пустые карманы, оторванность правителей от ценностей ислама, что играет тоже немаловажную роль.

Такая же ситуация имела место в финансово-банковской сфере. В результате мирового финансового кризиса сократилось число иностранных туристов, посетивших Тунис и Египет, большую часть которых составляли граждане стран ЕС. Все эти факторы вели к росту числа безработных, особенно среди молодежи, снижению уровня жизни и усилению социальной напряженности.

И катализатором всего этого можно по праву считать мировой финансово – экономический кризис 2009 года, довольно больно ударивший по экономикам всего региона. Кризис привел к резкому сокращению экспорта, ориентированного на страны, также испытывавшие серьезные экономические трудности, где происходило свертывание производства и сокращение покупательной способности. Все эти факторы вели к росту числа безработных, особенно среди молодежи, снижению уровня жизни и усилению социальной напряженности.

Этим причинам политико-экономического характера, к сожалению, уделено недостаточно внимания на страницах дагестанских газет. Но именно экономические трудности, авторитаризм, являлись одними из основных причин этих событий. Да и формальным поводом к началу событий послужил именно экономический конфликт местного значения – молодой выпускник университета из Туниса Мохаммед Буазизи, который занимался торговлей овощей и фруктов, задолжал муниципальным чиновникам. Тогда полиция отняла у него тележку вместе со всем товаром. Буазизи отправился в мэрию, надеясь вызволить назад хотя бы тележку, которая принадлежала не ему, – но чиновники вытолкали молодого человека. После этого он вышел на площадь и поджёг себя.

В целом при анализе содержания статей, посвященных этой проблематике в мусульманской печати Дагестана, также четко выступает внешнеполитическая обусловлен-

ность ситуации. Причинами, побудившими к жизни эти события объявляются стремление к захвату Западом природных богатств стран, их выгодное геостратегическое положение, козни и прямая внешняя агрессия извне.

В статье «Капкан для арабо-исламского мира» Хаджи-Мурат Раджабов пишет, что арабский мир – это вторая по площади после России геолингвистическая единица в мире, которая состоит из 23 стран с общим населением около 350 млн. человек. Помимо общего языка и культуры, эти страны объединяет Ислам. Но в то же время арабский мир остаётся самой разрозненной системой на земле. Беда и слабость арабов кроется именно в этом. Сложно давать объективную оценку тому, как арабский мир не один десяток лет наблюдает страдания палестинцев. Жители Сектора Газа до сих пор живут в блокаде и вынуждены копать тоннели, чтобы через них перевозить продовольствие и медикаменты. Арабский мир молча наблюдал, а некоторые страны даже помогали войскам НАТО уничтожать Ирак, Афганистан, Ливию. Вопрос только в том, чей следующий черёд.

Де-юре арабский мир обладает самым мощным политическим потенциалом на земле, и не только потому, что большая часть мировых запасов нефти принадлежит этим странам, а потому, что в религии, которую исповедуют их жители, заложены принципы объединения и справедливости. Но де-факто те, кто в своё время разделил единый и могучий арабо-мусульманский мир на множество мелких государств, сегодня тоже делают всё возможное, чтобы не допустить единства мусульман. Более того, недвусмысленно было заявлено, что после падения СССР и режима коммунистов основным врагом Запада является исламский мир.

Первые предчувствия большой войны на Ближнем Востоке, вероятно, появились сразу после того, как арабы начали находить в своих песках несметные богатства в виде нефти и на политической карте мира появилось новое государство – Израиль. И подготовка к большим событиям началась задолго до самосожжения студента в Тунисе, с которого формально началась «арабская весна» [3, с. 5].

В статье М. Ахмедова «Ливия, Сирия и ... или кто поджигает арабский Восток» рассматривается ситуация в Сирии и отмечается, что «Вслед за ликвидацией лидера Джамахирии (Ливии) официальные лица ряда западных стран и многие эксперты с удвоенной силой начали говорить о том, что президент Сирии Башар Асад – следующий в очереди "на вылет". Лозунги вроде того, что руководство Сирии должно чётко запомнить судьбу ливийского лидера, так как подобный урок, преподнесут скоро ей, стали обычным делом. За последние семь месяцев антиправительственных выступлений борьба с вооруженной оппозицией становится всё сложнее. Вкупе с тем, что в страну через границу из соседних государств поступает финансирование и оружие для «мирной сирийской оппозиции», все более и более активно действует враг невидимый – враг, который уже развязал войну в этой стране, – войну информационную.

Всё идёт по уже отработанному в других «странах-жертвах» плану – организованные и группы недовольных, подпитываемые «доброжелателями» из-за границы, мятежи в отдалённых провинциях, вынуждающие власти применять силу». Автор задается вопросом; «так ли мировому сообществу во главе с США важно распространение демократических ценностей и сохранение жизней мирного населения? К сожалению, ответ на этот вопрос сам Запад пока что дать не в силах» [4, с. 1].

Той же внешнеполитической направленности событий «весны» посвящена статья «Арабская весна или...?» в газете «Нур-ул Ислам» [5, с. 1], в которой приводится довольно оригинальная причина «арабской весны» и трактовка роли Соединённых Штатов во всех этих событиях: «Интернет-ресурс PuppetWorld опубликовал материал, в котором утверждается, что за событиями в Северной Африке стоит известный финансовый клан Ротшильдов. Сердцем клана Ротшильдов является орден «Бней Брит» (Сыны Завета). Он представляет "Всевидающее Око Сиона". Главные ячейки сети находятся в Лондоне и Гонконге. Место присяги – Стена плача в Иерусалиме.

Мотив проводимых с помощью фондов Сороса кланом Ротшильдов «цветных революций» в арабских странах – желание уничтожить своих потенциальных конкурентов – исламские банки. В условиях кризиса именно западной банковской сферы, утраты доверия к банкам – ростовщикам, мусульманские банки получили дополнительный импульс к развитию и росту, они гораздо стабильнее западных банков.

Благодаря участию исламских банков в рисках своих клиентов, когда они становятся, по сути, их компаньонами, сотоварищами по бизнесу, они реально способны переманить к себе клиентов, и, в первую очередь, в Европе, где мусульманское население увеличивается.

Таким образом, крупнейшие европейские банковские дома, и в первую очередь – Ротшильды, оказались перед угрозой потерей прибылей.

По утверждению PurrepWorld, нынешние арабские революции совершаются под предлогом установления демократии и свержения деспотов, но их реальной целью является сначала создать хаос и вакуум руководства для того, чтобы затем предложить экстренное решение: посадить марионетку, которая будет слушаться Ротшильдов. «Ротшильды хотят, чтобы мусульмане перешли от политического угнетения жестоких диктаторов к экономическому рабству, подконтрольному банкиру лорда Ротшильда... Граждане получают свободу слова и собраний, но становятся экономическими рабами», – подчёркивается в материале.

Апофеозом всех обвинений в отношении США можно считать мнение М. Абдурахманова – проректора по воспитательной работе Кавказского светского института, высказанное им в статье «Арабский мир вчера и сегодня», в которой, в частности, автор пишет: «Пожар манифестаций, разгоревшийся в странах Арабского Магриба, произошел благодаря экономическому кризису, распространившемуся на остальные страны из самой что ни есть паразитической державы мира – США и именно Штаты были инициаторами свержения Муамара Каддафи от власти... Вместо того, чтобы разобратся с банками своей страны, Обама может пойти на поводу ястребов, т. е. сторонников грабежа третьих стран путем военного вторжения, а причина всегда найдется. Ведь нашел же Адольф Гитлер причину, чтобы начать войну, которую некоторые историки современности называют второй мировой войной. А лауреат Нобелевской премии и «борец за мир» на земле Барак Обама ничуть не лучше чем Гитлер, более того возможно он более опасен для человечества, так как может войти в историю как лидер третьей мировой войны, которая невозможна без ядерных поражений» [6, с. 5].

Имидж врага Ислама США создали сами: события 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и последовавшая за ними американская «война против террора» с вторжением в Афганистан, а затем и в Ирак открыли новый этап в истории стран Ближнего Востока. У США была более великая, можно сказать, глобальная и миссионерская цель – очистить мир от зла мирового терроризма и принести в страны Востока великие принципы свободы и демократии, но конечно, в американском понимании. Однако исламский мир этого не понял, но этого не поняли даже вполне демократические Германия и Франция, ряд других стран, и все это в итоге привело к тому, что США в лице президента Дж. Буша-мл. превратились в нового врага в глазах простых мусульман. Не прибавляло симпатий арабского народа Соединённым Штатам и их традиционная произраильская позиция в главной проблеме всего арабского и исламского мира – палестинско-израильском конфликте.

Однако следует отметить, что в событиях «арабской весны» позиция новой администрации Белого дома во главе с Б. Обамой не вполне вписывается в прежнюю, обычную для них модель действий, поскольку Соединённые Штаты не участвовали напрямую в операции по свержению лидера Ливии М. Каддафи. Во всяком случае, не были на главных ролях, поскольку главными действующими лицами были Великобритания и Франция. В той компании США не принимали активного участия, но оказывали мощную моральную и дипломатическую поддержку войскам НАТО во главе с Францией и Англией [2].

Во всех протестных событиях недовольство властями нигде не проецировалось на Соединённые Штаты и нигде не звучала антиамериканская риторика, исходя из чего некоторыми экспертами делается вывод о причастности к этим событиям именно США.

Но возникает вполне резонный вопрос: Зачем все это США? Зачем им разворачивать этот «улей», где и без новых проблем предостаточно старых. В этом США совершенно не были заинтересованы, во всяком случае в дестабилизации обстановки в Египте – крупнейшей стране арабского и исламского мира и союзнике Израиля, с которым у него имеется мирный договор.

Штаты не поддержали ни одного из многолетних «отцов» народа, хотя все они за исключением полковника Каддафи и Асада были ориентированы прозападно и причины этого надо искать в знаменитой каирской речи, произнесенной президентом США Б. Обамой в Египте в Каирском университете, в которой признается провальной политика вражды с мусульманским миром прежнего руководства США и обозначается необходимость начала процесса улучшения образа США в глазах мусульман. [2].

Но, увы, на страницах дагестанской мусульманской печати разницы между Джорджем Бушем – младшим, объявившим крестовый поход против Ислама и Б. Обамой, протянувшим, хоть и на словах, руку исламскому миру в своей Каирской речи [6] не делается, а разделять их следовало бы. Необходимо также отметить и некоторую избирательность в упоминании в прессе стран «арабском весны» в том плане, что довольно часто и подробно анализируется ситуация в Ливии и Сирии и почти не упоминаются остальные страны «арабской весны». И как видно из приведенных выше статей, главная роль в событиях отводится именно США, которые и подразумеваются под абстрактным словом «Запад».

В заключении необходимо отметить, что, несмотря на кажущуюся отдалённость, невзаимосвязанность процессов на арабском Востоке с российской реальностью, они все же оказывают влияние на нашу страну. Мусульманская община России и Дагестана как ее субъекта является частью мировой мусульманской общины, и поэтому процессы, происходящие в различных мусульманских странах, имеют определённое влияние на мусульман, проживающих вне ближневосточного региона.

Список источников

1. «Ас-салам» – № 06 (379), 30 марта 2011 г. – С. 1 – 5.
2. «Ас-салам» – № 24 (397), 30 декабря 2011 г. – С. 1 – 3.
3. «Ас-салам» – № 5 (402), 01 марта 2012 г. – С. 5.
4. «Нур-ул Ислам» – № 11, ноябрь 2011 г. – С. 1.
5. «Нур-ул Ислам» – № 1, январь 2012 г. – С. 1.
6. «Исламский вестник» – 28 октября 2011 г. – С. 5.

Список литературы

1. Курбанов М. А. Возрождение мусульманской периодической печати в Дагестане // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 15. – № 5, 2013. – с. 158 – 162.
2. Курбанов М. А. США и Ближний Восток: маскировка старых идей или новый курс? // «США v Канада: экономика, политика, культура» – № 10 (526), октябрь 2013. – с. 67 – 78.
3. Индикаторы Всемирного банка – <http://data.worldbank.org/indicator/SU.UEM.1524.MA.ZS/countries> (дата обращения 07.07.2012 г.).
4. al-Qahirah: Al-jihazal-markaziyyli-l-ta`bi`ahal-`amahwa-l-ihsa` 2010 – www.capmas.gov.eg/news.aspx?nid=491 (дата обращения 27.07.2012 г.).
5. www.khaleejtimes.com/DisplayArticle09.asp?xfile=data/international/2011/December и <https://www.cia.gov/library/publications/the-worldfactbook/geos/ts.html> (дата обращения 22.07.2012 г.).
6. Remarks by the President on a New Beginning. The White House Office of the Press Secretary. Cairo, Egypt. 4.06.2009 (<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-cairo-university-6-04-09>). (дата обращения 23.07.2013 г.).

THE MUSLIM PERIODICAL PRESS IN DAGESTAN AND THE «ARAB SPRING»

M. A. Kurbanov

*Institute of history
archaeology and
Ethnography of the
Dagestan scientific center
of the Russian Academy
of Sciences*

*e-mail:
tlisi@bk.ru*

The article analyses the articles in the Muslim periodicals, dedicated to the events in the Arab East in 2010, recorded in history as the «Arab spring». The paper analyzes the content of the articles: the entire range of economic, socio – political reasons underlying these events: what were of paramount importance, and which were only background. An attempt is made to analyze, what is the U.S. role in the recent events in the Arab world on the pages of the Muslim periodical press of Dagestan.

Keywords: Islam, unemployment, youth, United States, Muslim periodicals, Dagestan.

ИГРОФИКАЦИЯ БРЕНДА В СЕКТОРЕ В2Р

Е. Б. Курганова

*Воронежский
государственный
университет*

*e-mail:
kurganova1979@mail.ru*

Статья посвящена использованию игровых технологий в сфере внутрикорпоративного PR. Автором сформулировано определение игрофикации в секторе b2p, выделены ключевые задачи тренда при подборе и управлении персоналом. В работе содержится авторская классификация внутрикорпоративных мероприятий, в которых применяются игровые методики. Заявленные теоретические тезисы сопровождаются примерами из российской и зарубежной HR-практики.

Ключевые слова: игрофикация бренда, игровые технологии, механизмы вовлечения аудитории, b2p коммуникации.

Сегодня все чаще ведутся дискуссии теоретиков и практиков в области маркетинговых коммуникаций, связанные с появлением нового тренда – игрофикации. Исследователи обсуждают перспективы применения игровых технологий для вовлечения потребителей, выделяют угрозы и проблемы, связанные с игрофикацией, направленной на клиентов. Но в основном эти научные споры касаются внешних коммуникаций организации в секторе b2c (business-to-client). Внутреннее направление коммуникаций компании в направлении b2p (business-to-personnel) часто незаслуженно остается в стороне несмотря на то, что геймификация становится все более популярна в сфере подбора и управления персоналом. В нашей публикации мы постараемся восполнить данный пробел и посвятим ее именно вопросу использования игровых технологий для вовлечения в политику компании ее сотрудников.

В нашем случае под игрофикацией (от англ. gamification, геймификация) в секторе b2p мы будем понимать внедрение игровых механик, аналогичных имеющимся в компьютерных играх, в текущие рабочие процессы на внутреннем уровне компании. Игрофикация в данном случае в основном направлена на решение следующих задач: борьба с дефицитом кадров, вовлечение сотрудников в жизнь компании-работодателя, увеличение лояльности к компании и мотивации на работу в ней, создание более неформальных отношений между компанией/работодателем и сотрудниками и других.

Многие исследователи считают геймификацию исключительно западным явлением, не адаптированным к российским реалиям. Чтобы развеять этот миф, рекрутинговая компания «Бигл» летом 2013 г. провела исследование активности и эффективности применения этого инструмента в российском HR. В опросе приняли участие около 400 сотрудников компаний из различных отраслей (из них 43 % женщин и 57 % мужчин; 86 % респондентов младше 31 года) и 108 компаний-клиентов «Бигл». География исследования: территория РФ.

Опрос показал, что геймификация для российских работодателей если не стала ежедневным инструментом, то, по крайней мере, известна большинству и используется ими – не знакомы с ней лишь 27 % работодателей. Хотя справедливости ради отметим, что доля работников, которые не сталкивались с геймификацией, составляет 60 %. 17 % работодателей и 11 % работников сталкивались с геймификацией на этапе собеседований, 9 % и 3% соответственно – для вовлечения в корпоративную культуру, 8 % и 2 % – с целью оценки работы [1].

Применение игровых методик в компании возможно в рамках целого спектра внутрикорпоративных мероприятий. Предпримем попытку классифицировать их по критерию характера мероприятия. Для наглядной иллюстрации теоретических тезисов будем сопровождать ключевые положения примерами из иностранной и российской практики внутрикорпоративного PR.

Командообразующие мероприятия. Это самый популярный вид бизнес-игр, по мнению отечественных работодателей. Согласно данным приведенного выше опроса, российские HR-профессионалы отдали им 24 % своих голосов [1]. Типичными целями их проведения являются привитие чувства коллективизма и стимулирование социального

взаимодействия персонала. Также мероприятия такого плана должны способствовать не только профессиональному, но и личностному общению среди сотрудников отдельных подразделений, осуществлять всевозможные акции совместного проведения нерабочего времени, создавать среду здоровой конкуренции, взаимоуважения, взаимопомощи, взаимодоверия. Яркой иллюстрацией применения данного подхода на практике является пример компании Next Jump. Руководитель этой нью-йоркской фирмы Чарли Ким решил начислять своим подчиненным очки за успехи в фитнесе. Весь коллектив был поделен на небольшие команды — побеждала та, чьи участники демонстрировали наиболее впечатляющий прогресс в спорте. В результате посещаемость корпоративного спортзала выросла на 70 %, а уровень абсентеизма и страховые издержки в долгосрочной перспективе существенно снизились (сотрудники окрепли физически и были заинтересованы не допускать прогулов и опозданий). Кроме того, командная игра повысила сплоченность в коллективе, позволила наладить более прочные и эффективные межличностные связи, ведь согласно некоторым исследованиям (например, Ричарда Алана Бартла), только 5 % игроков интересуются непосредственно соревнованием, тогда как порядка 75 % видят главную ценность в социальном взаимодействии [2; 7].

Творческие. Суть таких мероприятий состоит в том, что сотрудники компании предлагают свои идеи по улучшению сервиса компании. Наиболее ценные предложения нередко покупаются компанией за наличные. Таким образом, работодатели удовлетворяют потребность сотрудников в творчестве и возможность внести личный вклад в дело компании. Последние же тесно связаны с чувством собственной значимости для организации, осознанием доверия со стороны руководства к сотрудникам, что повышает их моральный настрой, стремление привнести свою лепту в общее дело.

Удивительно, но одними из первых вводить подобную инициативу стали органы государственной власти. Так, Британское Министерство труда и пенсионного обеспечения разработало программу Idea Street, призванную раскрыть творческий потенциал сотрудников этого учреждения. Проект представляет собой социальную игру, где пользователи получают очки и поощрения за идеи. По статистике за первые 18 месяцев 4,5 тысячи игроков сгенерировали 1,4 тысячи идей, 63 из которых были приняты к реализации. Схожий проект Evoke game запустил Мировой банк. Аналогичные игры для раскрытия творческого потенциала сотрудников активно внедряют компании, успех которых всецело зависит от инноваций: производитель техники и электроники Siemens (игра Plantville), разработчик программных решений для бизнеса SAP (ERPsim), корпорация IBM (INNOV8).

Пополнить этот список может и российский интернет-магазин «ENTER» («Связной»), в котором для внутреннего пользования существует мотивационная игра "Олимпиада". Вся мотивационная игра проходит на внутреннем портале «Якоманда». Каждый сотрудник в игровой форме может принять участие в решении задач, стоящих перед компанией: одни предлагают идеи, другие оценивают предложения. Действует система баллов — наиболее активные сотрудники получают призы, главный из которых — увлекательное путешествие. Таким образом, компания мотивирует людей к решению необходимых задач и облекает это в игровую форму, а не в форму скучных совещаний [6].

Обучающие мероприятия направлены на развитие навыков, расширение кругозора, активизацию творческих способностей сотрудников. В ходе обучения нередко применяются игровые механики. И это понятно, ведь образование — еще одна расширяющаяся точка соприкосновения игр и реальности. В сущности, как игры, так и обучение имеют дело с когнитивными функциями и ценностно-мотивационной сферой психики. Это родство просто необходимо использовать — так считают ученые из Школы бизнеса университета Колорадо, которые в течение года изучали когнитивные особенности более 6 тыс. испытуемых. Одна группа исследуемой совокупности обучалась с помощью методик, включающих игровые элементы, другая — по традиционной программе. Год спустя выяснилось, что первые усваивали знания и навыки эффективнее вторых на 11 и 14% соответственно [8].

Игрофицированные обучающие мероприятия можно подразделить на следующие группы:

а) **мероприятия, предназначенные для повышения продуктивности.** Цель этой группы игрофицированных решений — оказание помощи сотрудникам в выполнении основных обязанностей, повышение качества и продуктивности их работы. В

данном случае игровая платформа должна обязательно предусматривать предоставление обратной связи – необходимого условия для самостоятельной "работы над ошибками". В качестве примера можно привести кейс банка «Возрождение», посвященный обучению сотрудников навыкам эффективной презентации. Еще на этапе написания сценария разработчикам стало понятно, что для отработки навыков публичного выступления нужно мотивировать сотрудников к детальному знакомству с теорией ораторского искусства. Для этого решили некоторые разделы курса разнообразить игровыми упражнениями. Эффект превзошел первичные ожидания. Игровые механизмы запустили мыслительный процесс, способствовали усвоению и запоминанию значимой информации. А соревновательный элемент (сотрудники получали очки за выполненные упражнения и их достижения ранжировались) усилил эффективность курса. Проект способствовал повышению квалификации сотрудников, стимулируя тем самым их на профессиональные достижения [5];

б) мероприятия для повышения эффективности. Отличие от предыдущей группы в том, что продуктивность связана с основной деятельностью сотрудника, в то время как эффективность направлена на второстепенную деятельность. Цель – сократить время, затрачиваемое на второстепенные дела при одновременном повышении качества их исполнения. Так, к примеру, в компании Slalom Consulting предприняли попытку дать сотрудникам стимул запоминать имена друг друга, для чего было разработано мобильное приложение с таблицей лидеров. Отметим, что пока игра шла в индивидуальном зачете, лишь 5 % сотрудников проявляли к ней интерес. Когда же персонал разделили на команды, участие выросло до 90 %. Так что командообразующий принцип здесь тоже работает;

в) мероприятия по управлению знаниями. В ходе таких мероприятий сотрудников мотивируют на то, чтобы делиться своими знаниями и опытом с коллегами. Приведем пример инновационного на момент внедрения портала для сотрудников известной компании FedEx, который был запущен летом 2012 г. командой разработчиков под руководством Брайана Бэррингера. В данном проекте перед создателями стояла задача стимулировать сотрудников делиться своими знаниями друг с другом. Фактически, как и во многих компаниях с внушительной историей, главная проблема заключалась в необходимости трансформировать принцип вознаграждения за знания в принцип вознаграждения за желание ими делиться. Б. Бэррингер и его команда начали с небольшого исследования нескольких групп сотрудников, включив в него вопросы типа: «Как вы выполняете свою работу сейчас и как хотели бы ее выполнять в будущем?», «Как вы ищете нужную информацию? Как вы бы могли поделиться ею с коллегой?». После анализа ответов была получена общая картина готовности сотрудников делиться знаниями, определены оптимальные способы для этого, выявлены особенности корпоративной культуры. В соответствии с ними была создана социальная сеть с элементами игры для первых 1500 сотрудников. В ней было предусмотрено всего 8 видов наград, выдаваемых участникам за разный уровень активности. Платформа должна была постепенно заменить внутрикорпоративный портал компании. Своей целью разработчики считают создание глобального сообщества, в котором сотрудники смогут находить актуальную информацию и ответы на различные рабочие вопросы. Важным этапом создатели считают постепенное совершенствование продукта и увеличение количества призов. Сегодня проект успешно развивается, чтобы дать доступ в «игру» более 300 тыс. работников FedEx в 220 странах;

г) мероприятия по набору сотрудников. Здесь примером успешной геймификации можно считать различные игровые механики, применяемые рекрутерами. Например, крупнейший портал Head Hunter предлагает пользователям игру – конструктор рабочего места, по результатам которой соискатель может узнать, в каком отделе ему лучше работать. А анкеты для соискателей «Яндекса» и Google меньше всего напоминают скучные опросники о навыках и планах на будущее – это набор занимательных задач, решение которых, по мнению HR-служб этих компаний, лучше всего характеризует потенциальных коллег;

д) мероприятия по адаптации новых сотрудников. В компании Enter еще летом 2011 г. запущена программа адаптации для новичков под названием «Путь силы». Она основана на сотрудничестве джедаев и падаванов. Джедаи – это умудренный опытом бывалый сотрудник Enter, который хорошо знаком с ценностями компании. Падаван – работник на испытательном сроке. Джедаи заботятся о новичке: звонит ему перед выхо-

дом, помогает с обустройством рабочего пространства и оформлением пропуска, рассказывает о ценностях, демонстрирует ему внутренний он-лайн портал. В течение трех месяцев джедай не профессионально (то есть не как наставник в обычном понимании), а эмоционально-адаптационно курирует падавана. Через три месяца джедаю приходит уведомление: «Завтра заканчивается испытательный срок у вашего падавана. Не забудьте с ним поговорить!». Джедай — это самый близкий новичку человек в компании, к которому можно обратиться по любому вопросу: от замены сломанного стула до налаживания отношений с коллегами и руководством.

Джедай также знакомит падавана с коллективом, проводит его по всем офисам и неформально представляет коллегам. Обычно это выглядит так: «Народ, это Вася! Он работает в маркетинге». И все отвечают: «Хей, Вася! Здравствуй!». Кроме того, имена новых сотрудников записываются мелом на доске на первом этаже.

Когда новичок приходит на свое рабочее место, оно уже полностью готово. Над столом висят три воздушных шара с надписями «Enter to Enter», «Happy new work!» и просто «Enter». Даже потом, когда испытательный срок заканчивается, падаван и джедай, как правило, остаются друзьями [6];

е) **развлекательные мероприятия** выполняют рекреативную функцию и направлены на стимулирование всплеска положительных эмоций у сотрудников. Примером может послужить конкурс к 1 апреля среди сотрудников компании «Связной» на самый веселый костюм сотрудника. Фотографии сотрудников в необычных нарядах выкладывались на страничку «Связного», где и можно было отдать голос за наиболее понравившийся вариант. Победитель традиционно получал приз;

ж) **комбинированные мероприятия** могут включать в себя все вышеперечисленные виды. Как правило, проводятся для одновременного достижения нескольких целей. В них наряду с адаптацией новых сотрудников может содержаться развлекательная составляющая, нередко присутствует обучающий момент. Так, в прошлом году в «Газпром нефти» был запущен проект по внедрению игровых форм в ряд рабочих процессов. Первой ласточкой геймификации стал запуск ознакомительного виртуального тура-квеста по компании.

Тур разрабатывался HR-службой «Газпром нефти» совместно с компанией Action Learning. Его основная задача — помочь новым сотрудникам оперативно познакомиться с различными подразделениями холдинга и понять особенности бизнеса. При этом важное значение имеет эмоциональная вовлеченность пользователя.

Тур должен провести новичка по Корпоративному центру, нефтеперерабатывающим предприятиям, позволить заглянуть на АЗС и узнать, как добывается нефть. Чтобы пользователь не заскучал, тур сделан в виде квеста — занимательные задания должны развлекать и одновременно помочь лучше запомнить новую информацию [3].

Как мы видим, примеров применения игрофицированных решений в российской практике пока немного. Но в то же время многие крупные игроки российского рынка уже успешно проводят подбор потенциальных кандидатов, а также оценку существующих сотрудников с помощью игрофикации. Учитывая, что отечественные компании часто перенимают опыт западных коллег, в ближайшие годы этот рынок будет интенсивно развиваться. Тем более, что для столь быстрого распространения игрофикации есть причины. Во-первых, сегодня отечественные эксперты в сфере HR отмечают стремительное снижение эффективности денежной мотивации сотрудников даже в условиях ожидаемого кризиса [4]. Во-вторых, это взаимовыгодный инструмент. Для работника игра может служить источником удовлетворения разных потребностей: в достижениях, в признании, в получении новой информации, в разнообразии. Для работодателя это также довольно интересный, и что не менее важно — относительно недорогой инструмент нематериальной мотивации.

Список литературы

1. В России HR не верят в геймификацию [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.facebook.com/ecohumanresources>.

2. Зачем лидеры бизнеса играют в игры [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.executive.ru/knowledge/announcement/1693653/>.

3. Зорина С. GAME ON! [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http:// www.gazprom-neft.ru/sibneft-online/arhive/276/1094466](http://www.gazprom-neft.ru/sibneft-online/arhive/276/1094466).

4. Кадровики: материальная мотивация перестает быть эффективной в управлении персоналом [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://facto.ru/glavnaya_lenta_novostej/2014/02/kadroviki_materialnaya_motivaciya_perestaet_byt_effektivn_oj_v_upravlenii_personalom/

5. Колков С. Азарт, ответственность или нечего делать? [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://websoft-elearning.blogspot.ru/2012/07/blog-post_23.html

6. Павлюченко А. Enter: путешествие в корпоративную утопию [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.rabota.ru/soiskateljam/ekskursija_v_kompaniju/enter_puteshestvie_v_korporativnuju_utoriju.html

7. Сирота Н. А., Ялтонский В. М., Московченко Д. В. Характеристики когнитивной сферы игроков в многопользовательские онлайн-ролевые игры с различной степенью Интернет-зависимого поведения [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2013. – № 1 (18). – Режим доступа: <http://medpsy.ru>

8. Video games can be highly effective training tools, study shows: Employees learn more, forget less, master more skills [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.sciencedaily.com/releases/2010/10/101019171854.html>.

BRAND GAMIFICATION IN B2P COMMUNICATIONS

E. B. Kurganova

Voronezh State University

e-mail:
kurganova1979@mail.ru

This article deals with using game technologies in internal communications. The author has defined gamification in b2p communications, has observed the basic objectives in recruitment and personnel management. The paper also presents the author's classification of internal events, where gamification is used. The theoretical foundations are followed by cases from Russian and foreign HR-practice.

Keywords: brand gamification, game technologies, mechanics to engage audiences, b2p communications.

УДК 070

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСТВА, ТЕМАТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЦИСТИКИ П. Н. ТКАЧЕВА

В. Ю. Меринов

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
merinov@bsu.edu.ru*

В статье дается периодизация творчества видного революционного деятеля второй половины XIX века, народника Петра Никитича Ткачева. Кроме того, здесь рассматриваются тематико-идеологические и жанровые особенности его публицистики.

Ключевые слова: Петр Ткачев, публицистика, политика.

Петр Никитич Ткачев был видным политическим деятелем и весьма плодовитым публицистом. Он выступал в журналах «Юридический вестник», «Журнал министерства юстиции», «Дело», «Русское слово», «Библиотека для чтения», «Набат», «Живописное обозрение», «Время», «Эпоха». Тематическая и жанровая палитра сочинений П.Н. Ткачева довольно разнообразна (от гражданской лирики и рецензий на книги, до больших аналитических статей философско-политического характера и литературной критики).

Творчество П. Н. Ткачева можно условно разделить на несколько периодов. Каждый из этих этапов представлен своим кругом тем и жанровых предпочтений.

Первый период – ранее творчество (первая половина 60-х годов). Печататься П. Н. Ткачев начал с 1862 г. как юрист, специалист по уголовному праву и уголовной статистике. Первая его статья «О суде по преступлениям против законов печати» была напечатана в шестом номере журнала братьев Ф. М. и М. М. Достоевских «Время» за 1862 г. на тему предстоящей судебной реформы. В период с 1862 по 1864 г. в журналах «Время» и «Эпоха» помещались его статьи по разным вопросам, касавшимся судебной реформы. П. Н. Ткачев, юрист по образованию, писал, в том числе, о новых принципах уголовного права, о тюремной реформе в России (см. «Защитники и обвинители (По поводу «Руководства к судебной защите по уголовным судам»)), «Программа занятий уголовным правом», «История философии уголовного права»), о суде присяжных (см. «Наши будущие присяжные», «О вознаграждении присяжных»), о мировом суде («О мировых судьях», «Еще о мировых судьях», «Мировой суд по смыслу «Главных оснований для проектов гражданского судопроизводства и судостройства»), об институте адвокатуры (см. «Быть или не быть сословию адвокатов»). Об уголовной статистике (см. «Статистические этюды (Опыт разработки русской уголовной статистики)», «Статистические этюды. Преступление и наказание», «Статистические таблицы Российской империи», «Значение статистики в науке уголовного права»), о пеницитарной (исправительной) системе (см. «Рабоче-воспитательные заведения для несовершеннолетних преступников», «Тюрьма и различные системы тюремного заключения» «Современное положение наших тюрем»).

Важное место в творчестве Ткачева этого периода занимают статьи, посвященные истории и практике международного права и зарубежного судопроизводства (см. «Метафизические иллюзии (Война и мир. Исследование о принципе и содержании международного права)», «Состязательный процесс (Уголовное судопроизводство в Англии, Шотландии и Северной Америке)», «Тюрьмы во Франции, их историческое развитие и современное положение»).

Таким образом, определяющими тематико-жанровую особенность творчества данного периода представляют именно статьи профессионального (правового) характера. Хотя в раннем творчестве также представлены и другие материалы. Это работы социального и культурологического характера (см. «Черты городского хозяйства Москвы», «Русский город», «О городских поселениях в России»), и поэтические произведения.

Что же объединяет эти сочинения, и позволяет нам говорить об их авторском своеобразии? Мы наметили, по крайней мере, две таких черты.

Во-первых, практически все эти материалы носили откровенно оппозиционный, революционно-демократический характер. Стиль автора – открытая политическая тенденциозность, полемичность, эмоциональность. Так, уже в ранних юношеских стихотворениях П. Н. Ткачева звучит призыв к свержению царизма и провозглашается собственная программа революционного действия. Эти публикации сразу осложнили отношения П. Н. Ткачева с цензурой.

Во-вторых, весьма заметно стремление автора придерживаться строго научной методологии, желание доказать свою позицию доводами рассудочного, рационального характера, выстроить четкую, понятную для читателя логику размышлений. Сам П.Н. Ткачев называл этот метод «реализмом».

Данные черты являются сквозными для всего творчества П. Н. Ткачева. На этом основании можно сделать еще один важный вывод, вывод о целом характере мироощущения П. Н. Ткачева. Действительно, верность нравственным и политическим принципам – одно из важнейших качеств в оценке им человека. Так, гораздо позднее, в 1873 году, статье «Больные люди. «Бесы», роман Федора Достоевского, в трех частях» за политическое и, следовательно, нравственное ренегатство был довольно остроумно бит Ф.М. Достоевский: «В юности увлекался... с годами сознал свои заблуждения, раскаялся, отрекся от прошлого и строго осудил свои юношеские мечтания», – вот в коротких словах история таких писателей, как г. Федор Достоевский. Я знаю, что некоторые поверхностные умы находят это не совсем благовидным и даже... хуже того. Но очевидно, что эти поверхностные умы никогда не раскаивались и не отрекались – в противном случае они должны были бы понять, сколько великого самоуслаждения заключается в акте публичного раскаяния и отречения.

«Глядите на меня, добрые люди, как я смел и независим: сегодня я говорю и делаю как раз противное тому, что говорил и делал вчера, и я не скрываюсь, не прячусь, – напротив, я открыто и торжественно объявляю, что вчера я был одним, а нынче другим». И этот герой дня сознает себя несравненно выше всех этих ординарных «людишек», которые имеют глупость упорствовать в увлечениях своей юности, которые приросли к своим убеждениям, как улитка к раковине, которые считают измену низостью, ренегатство – пошлостью. ...

... Что г. Достоевский в юности увлекался – это ни для кого не составляет тайны. Ни для кого не составляло также тайны, что он давно, по-видимому, п_о_к_а_я_л_с_я и о_т_р_е_к_с_я» (1, 23).

Ткачев же, напротив, «имел глупость упорствовать в увлечениях своей юности», поэтому его творчество представляет собой, в некотором роде, ценностное единство. Преобладающей темой всех публикаций Петра Никитича Ткачева, как и всего его творчества как редактора, была тема революции.

Второй период (вторая половина 60-х гг. XIX в.) стал для П. Н. Ткачева этапом, в котором, по нашему мнению, определился основной круг тем и понятий его творчества. Кроме того, П. Н. Ткачев вышел и на адекватную жанровую форму, позволяющую ему раскрыть свои мысли и свой творческий потенциал, – аналитическую статью политического содержания.

Некоторое время П. Н. Ткачев еще продолжает писать статьи на профессиональную тематику (см. «Историческое развитие следственного начала в русском уголовном процессе», «Современное состояние уголовного судопроизводства в Англии, Франции и Германии», «Для наших будущих присяжных», «Значение статистики в науке уголовного права», «Американские тюрьмы»). Однако, становится заметно, что профессиональные темы узки для автора. Тем более, что его практическая деятельность в студенческом освободительном движении и борьба против этого движения правительства, не оставляла молодым людям шанса участвовать в легальном политическом процессе. Репрессиями царская власть вытесняла многих студентов в нелегальную сферу, радикализируя их политическое сознание.

Может быть, П. Н. Ткачев самый яркий пример весьма неумной политики властей в отношении целого поколения молодых образованных людей. Вот как сам Ткачев вспоминал о 1960-х гг.: «С гимназической скамьи я не знал другого общества, кроме юношей, то увлекавшихся студенческими сходками, то тайно конспирирующихся, то устраивающие воскресные школы и читальни, то заводящие артели и коммуны, то опять хватаю-

щиеся за народное образование, за идею сближения с народом и опять и опять конспирирующихся; я всегда был с ними и среди них – всегда, когда только меня не отделяли от них толстые стены каземата Петропавловской крепости» (2, с. 10). И действительно, в 1960-е годы П. Н. Ткачев неоднократно попадает в тюрьму. Однако застенки только усиливает его радикальные настроения, убеждает в правильности выбранного пути.

Довольно стремительно интересы молодого публициста сдвигаются в сторону исследования экономических процессов, напрямую влияющих на политическую структуру и социальные конфликты в обществе. П. Н. Ткачев признавал «экономический фактор» важнейшим рычагом социального развития и рассматривал исторический процесс с точки зрения борьбы экономических интересов отдельных классов. Он пишет статьи «Экономический метод в науке уголовного права», «Производительные силы», «Производительные силы России (Статистические очерки)». Эти работы отмечены влиянием крупных политэкономистов и политических мыслителей XIX века: К. Маркса, Ф. Энгельса, М. Прудона, Н. Г. Чернышевского и др.

Кроме того, П.Н. Ткачев пишет большое количество кратких рецензий и обзоров остроактуальной литературы политэкономического толка «Библиографический листок (А. Смит. Исследования о природе и причинах богатства народов. Маклеод. Основания политической экономии. М. Веселовский. Краткий курс политической экономии)». Среди рецензируемых и такие авторы как Г. Т. Бокль («Влияние женщин на успехи знания»), М. Прудон («Французская демократия»), Г. Спенсер, Авраам Линкольн.

Впечатляет широта интересов П.Н. Ткачева в это время. Он одновременно выступает исследователем и экспертом по вопросам социальных, политических и культурных систем, истории России и мировой истории. Будущий революционер внимательно и скрупулезно изучает и дает рецензии на книги И. Прыжова «История кабаков в России»; Э. Кетле «Социальная система и законы ею управляющие»; К. Гоннегера «Очерк литературы и культуры XIX столетия»; Э. Лабулэ «Государство и его пределы в связи с современными вопросами администрации, законодательства и полиции»; Г. Фюстель-де-Куланжа «Гражданская община античного мира», В. Циммермана «История крестьянской войны в Германии», Л. Отто «Неотъемлемое право женщин»; П. Фейтанга «Картины средневековой жизни». В сфере его интереса оказались и проблемы местного самоуправления (Г. Градовский «История местного самоуправления в России»), и физиология человека (В. Дрепер «Физиология человека статическая и динамическая»), и тема детского воспитания (К Ушинский «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии»).

Стремительная политизация взглядов сказывается на жанре и тематике печатных материалов. В рассматриваемый период появляются публицистические статьи остросоциальной проблематики, посвященные «униженным и оскорбленным» в обществе (см. «Промажнувшаяся филантропия (По поводу одного благотворительного учреждения)», в семье (см. «Забытые люди», «Отверженные женщины»).

Важное место занимают философско-политические (философско-методологические) трактаты (см. «Принципы современной демократии», «Барды французской буржуазии. Эмиль Жирарден и его философия», «Очерки из истории рационализма»).

В конце 1960-х, начале 1970-х гг., наступает третий, последний и наиболее плодотворный – зрелый период его творчества. В 1969 г. П. Н. Ткачева арестовывают на четыре года. В стране, где политикой заниматься запрещено, этот шаг правительства выглядит вполне оправданным. Интересы П. Н. Ткачева всецело занимает политика, и только политика. К началу 1970-х гг. он вполне сформировавшийся революционер, с четкими нравственными принципами, с ясным пониманием задач и абсолютной уверенностью в правильном выборе методов их решения.

Эти принципы и методы вполне открыто заявлены в его революционно-пропагандистских и теоретико-революционных произведениях. В творчестве П. Н. Ткачева они наиболее заметные и яркие. К таковым можно отнести программу к журналу «Набат», в которой публицист-революционер призывал к немедленному восстанию: «Бить в набат, призывать к революции – значит указывать на её необходимость и возможность именно в данный момент, выяснять практические средства её осуществления, определять её ближайшие цели» (3, с. 89).

Прямой призыв к свершению ненавистного деспотического строя содержится в прокламации от имени студентов Медицинской академии, Университета, Технологического университета и Земледельческой академии «К обществу». Оправдание революционного насилия в статье «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России». Теория революционной борьбы развернута в статье «Задачи революционной пропаганды в России». Письмо к редактору журнала «Вперед». Статья содержит оправдание бланкизма, заговора мыслящего и решительного меньшинства в интересах темного и забитого большинства.

Теория революционного государства разработана в статьях «Народ и революция», «Революция и государство», «Анархическое государство», «Накануне и на другой день революции». Точнее, в данных работах представлено общее видение политической ситуации в момент прихода к власти революционеров. И содержится ответ на вопрос «что делать» «на другой день революции». Ответ в устах видного теоретика революционного террора звучал довольно лаконично и просто: пресечь развитие буржуазных форм в российской экономике и решительно, не чураясь насильственных методов, используя весь репрессивный аппарат нового государства, подавлять контрреволюционные элементы.

Важное место в публицистике П. Н. Ткачева заняли статьи с антицерковной и антирелигиозной тематикой «Очерки из истории рационализма», «Иезуиты, полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени». П. Н. Ткачев считал антирелигиозную пропаганду частью общего дела революции по освобождению человека из пут мистицизма и метафизики.

Его критическому анализу была подвергнута сложная и противоречивая социально-политическая ситуация в пореформенной России 1960 – 1970 гг. XIX в. (см. «Политические процессы в России 1860-х гг.», «О суде по преступлениям против законов печати»).

Наряду с произведениями революционно-пропагандистского и революционно-теоретического характера, по нашему мнению, одну из самых значимых и своеобразных частей наследия мыслителя-народника представляет его литературная критика.

Интерес к литературе (отечественной и зарубежной) проявлялся во все периоды творчества П. Н. Ткачева. Еще в 1960-е гг. П. Н. Ткачев предлагает на суд читателя анализ историко-литературных работ (см. «Библиографический листок. Гетнер. История всеобщей литературы XVIII века») и пишет рецензию «Подрастающие силы» на выходящие один за другим произведения писателей-народников В. Слепцова, Марко Вовчок и др.

Тогда же появились крупные работы, ставшие знаковыми для всего творческого наследия П. Н. Ткачева: «Люди будущего и герои мещанства» и «Разбитые иллюзии». Именно эти произведения, на наш взгляд, обозначают собой границу перехода к новому этапу в творчестве П.Н. Ткачева. Первая статья представляет собой анализ литературных произведений западной литературы: романов «Один в поле не воин» Г. Шпильгагена, «Леди Меркем» Жорж Санд, «Феликс Гольт. Радикал» Дж. Элиот «Возмутительный брак» Андре Лео. Вторая, снова обращена к творчеству писателей-народников Н. и Гл. Успенских, В. Слепцова, А.И. Левитова и Ф.М. Решетникова.

В 1970-е гг. литературно-критическая статья станет для Ткачева центральным жанром, чем-то вроде визитной карточки его творчества. «Больные люди», «Новые типы «Забитых людей», «Мужик в салонах современной беллетристики», «Беллетристы-эмпирики и беллетристы-метафизики», «Недодуманные думы», «Литературные попури» вот неполный перечень этих статей. Всё это комментарии к творчеству Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, писателей-народников и др. И здесь мы должны сделать небольшое отступление с тем, чтобы уточнить жанровую характеристику данных произведений. И в этом вопросе нам поможет сам П. Н. Ткачев. Дело в том, что революционер-народник, кроме всего прочего, был и теоретиком литературы. Так он посвятил несколько работ (см. «Принципы и задачи современной критики», «Принципы и задачи реальной критики»), утверждению превосходства метода исследования литературных произведений, который во второй половине XIX века получил название «реальная критика», над критикой «эстетической».

П. Н. Ткачев приложил немало усилий, чтобы научно обосновать свой метод. Хотя, сам этот подход к анализу литературного произведения, был не столько изобретением

самого П. Н. Ткачева, сколько эпохальным явлением. Руку к его созданию приложили такие видные деятели освободительного движения как Н. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский (см. «Русский человек на *rendez-vous*»). Эти корифеи революционного и литературно-критического процесса требовали от художника постановки злободневных социальных вопросов, критического, прямого и смелого взгляда на общественную ситуацию в России, изображения реалий окружающей действительности, деятельного участия в движении страны и общества по пути прогресса и демократии. Критик, в свою очередь, должен был стать в авангарде этого процесса, задавать тон и ритм движению, указывать на недостатки. Критик становился политическим публицистом. Под его пером герои обретали общественное значение, социальную плоть. К ним было отношение как к реально существующим людям. Таким образом, согласно этому методу, все произведения должны были рассматриваться и оцениваться критиком под определенным политическим углом зрения. Другие способы анализа объявлялись ретроградными, и едва ли не контрреволюционными.

Вполне закономерным результатом, в рамках данной логики, выглядит и концептуальная жанровая трансформация, произошедшая в творчестве П.Н. Ткачева. Собственно литературно-критическая статья, которая, кстати, вполне может содержать и политическую компоненту, по сути, была вытеснена публицистической статьей, в которой различные жанровые составляющие были представлены в довольно широком спектре. Последняя включала в себя и отдельные жанровые элементы литературной критики (критическая статья, рецензия, комментарий), и жанровые элементы аналитической статьи (анализ общественных и политических проблем), и компоненты пропагандистско-публицистической статьи (декларация и обоснование собственной политической доктрины) и собственно художественно-публицистическую жанровую составляющую (статья могла содержать элементы сатирических художественно-публицистических жанров: фельетона, памфлета и др.).

Список литературы

1. Ткачев П. Н. Больные люди. (1873) // Ткачев П.Н. Избранные сочинения на социально-политические темы в 4-х томах. – М., 1933 Т. 3. – С. 5–48 // http://lib10.ru/russian_classic/tkachev_pn/bolnyie_lyudi.13994/?page=1
2. Ткачев П. Н. Задачи революционной пропаганды в России // Ткачев П. Н. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Общ. ред. А. А. Галактионова, В. Ф. Пустарнакова, Б. М. Шахматова. Сост., примеч. и библиогр. послесл. Б. М. Шахматова. М., «Мысль», 1976. – С. 7 – 13.
3. Ткачев П. Н. «Набат» (Программа журнала) // Ткачев П.Н. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Общ. ред. А. А. Галактионова, В. Ф. Пустарнакова, Б. М. Шахматова. Сост., примеч. и библиогр. послесл. Б. М. Шахматова. М., «Мысль», 1976. – С. 89.

CREATIVITY PERIODIZATION, THEMATIC, IDEOLOGICAL AND GENRE FEATURES OF TKACHEV'S PUBLICISM

V. Yu. Merinov

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
merinov@bsu.edu.ru*

The article discusses the periodization of work of Pyotr Nikitich Tkachev who was one of the main members of “narodniks” revolutionary movement in the second half of the XIX-th century. The author explores thematic, ideological and genre features of Tkachev’s publicism.

Keywords: Tkachev, journalism, period, policy.

ПРОГРАММНАЯ ПОЛИТИКА ДЕТСКИХ КАНАЛОВ В РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕЛЕВИЗИОННОГО КОНТЕНТА В СЕТКЕ ВЕЩАНИЯ, ЖАНРОВО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ СОСТАВ, ЦЕЛЕВАЯ АУДИТОРИЯ

М. С. Мыгаль

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
marina.mygal@mail.ru*

В статье анализируется сетка вещания детских каналов, специфика аудитории, разнообразие контента для детей. Автор обозначает проблемы детского телевидения.

Ключевые слова: детское телевидение, программная политика, сетка вещания, телесмотрение, детские передачи.

Детское телевидение – это часть специализированного телевидения, на которое возлагается миссия социализатора, воспитателя, педагога. Для детей актуально привитие патриотизма, общекультурных ценностей, формирование всесторонне развитой личности, воспитание нравственно и физически здорового поколения. *Детское телевидение* представляет собой передачи и другой контент (художественные фильмы, сериалы, мультсериалы, полнометражные анимационные фильмы), созданные при участии детей (авторы, ведущие, актеры, гости) и для детей. При создании такого контента учитывается специфика детского сознания, поскольку дети напрямую взаимодействуют с телевизионным продуктом. Широко используется и другой термин – «телевидение для детей». В смысловом отношении отличие «*телевидения для детей*» состоит в том, что передачи создают и ведут взрослые (как правило, актеры либо журналисты).

Программная политика телеканала – это часть редакционной политики, в основе которой лежат принципы телевизионного программирования канала. *Программированием* на телевидении называют «формирование и распределение контента в эфирной сетке. Основанная задача программирования – максимизировать аудиторию канала, сформировав и наполнив программную сетку в соответствии с запросами аудитории и с учетом возможностей телеканала» [1, [http](#)]. Детская аудитория имеет свою специфику, которую обязательно должны учитывать производители детского контента. Для детской аудитории из психологических и социальных особенностей развития главными являются:

- познание мира через идентификацию,
- обучение через наблюдение,
- склонность к подражанию.

В нашем исследовании мы проанализировали сетку вещания на детских каналах «**Карусель**», «**Детский**», «**Радость моя**», «**Детский мир**», а также канале для семейного просмотра, имеющем большую долю детского контента «**Disney**». При анализе наполнения каналов основное внимание мы обращали на соответствие целевой аудитории канала, соответствие программирования режиму дня ребенка, а также оценивали качество контента на канале в целом.

В первую очередь обратим внимание на направление детских каналов и аудиторию. Телеканал «*Карусель*» – общедоступный круглосуточный детский российский канал для детей и юношества (0 – 18 лет). Образован при слиянии телеканалов «Теленяня» (ЗАО «Первый канал. Всемирная сеть») и «Бибигон» (ФГУП ВГТРК). Вещает с 27 декабря 2010 года. Телеканал «Карусель» входит в первый мультиплекс цифрового телевидения России. За рубежом вещает международная версия канала под названием «Carousel International». Цели телеканала «Карусель»: многоплановое образование и развитие современных детей и подростков, интеграция их в единую социокультурную среду, расширение кругозора.

Канал «*Disney*» – общедоступный круглосуточный канал для детского и семейного просмотра (0 – 18 лет, молодые семьи). Disney Channel был создан 18 апре-

ля 1983 год в США (компания «The Walt Disney Company») и широко распространен по всему миру. В России вещает с 10 августа 2010 г. Канал Disney официально не попал в список претендентов на попадание во второй мультиплекс цифрового телевидения в России, так как у этого канала зарубежный контент занимает 95% эфира.

Телеканал «*Детский*» представляет собой современный канал для детей 6 – 12 лет. Миссия телеканала: соединить в одном пространстве разных детей и разные поколения, формировать общие ценности. Канал начал вещание 1 июля 2006 года по спутниковым и кабельным сетям.

«*Детский мир*» – платный детский канал (4 – 14 лет, родители). На канале представлены мультфильмы СССР, детские фильмы, зарубежные мультсериалы. Весь контент закупается. Трансляция ведется с 3.00 до 21.00 ч.

«*Радость моя*» – детский семейный образовательный телеканал (0 – 18 лет, семейный), основная задача которого состоит в формировании у зрителей системы нравственных ориентиров на основе семейных и культурно-исторических ценностей. «Радость моя» ведет круглосуточное вещание по спутниковым и кабельным сетям за счёт оригинальных программ собственного производства. Начал трансляцию с января 2008 года.

Из приведенного описания следует, что данные каналы имеют различные направления, аудиторию, цели. Поэтому сетка вещания, контент, финансирование, способы популяризации каналов совершенно разные. Подробнее рассмотрим эти положения на примерах.

Начнем с анализа телеканала «Карусель». Телеканал имеет четыре четких всплеска телесмотрения в будни (см. рис. 1).

Рис. 1 Динамика телесмотрения канала «Карусель»

Первый всплеск телесмотрения наблюдается с 7.30 ч. до 8.00 ч. В это время дети младшего и старшего возраста обычно собираются в детский сад, школу. Самой многочисленной группой на данном пике является дети от 3 до 8 лет. Этот отрезок времени короткий, к тому же здесь в большей степени присутствует фоновое смотрение, так как дети утром сосредотачиваются на других более важных делах. Второй пик телесмотрения про-

исходит в промежутке между 10.00 и 11.00 часами. Здесь самой многочисленной группой являются дети в возрасте до 2 лет. Как правило, эти дети еще не ходят в детсад (в детских садах, школах с наличием телевизора детские каналы смотрят редко). Также в этот период смотрят телевизор дети, которые учатся во вторую смену. Третий всплеск просматривается между 14 и 15 часами, в данном промежутке лидирует группа детей от 9 до 12 лет. Это связано с тем, что дети возвращаются со школы. Третий всплеск телесмотрения возникает у всех групп детей между 19 и 21 часами. Это вечернее время, когда можно немного посмотреть телевизор, отдохнуть и ложиться спать. Как правило, этот период считается временем семейного просмотра телевидения. После 21:00 ч. активность телесмотрения падает. В выходные дни на канале наблюдается 2 пика телесмотрения: с 9.30 ч. – 11.00 ч. и с 18.30 ч. – 21.00 ч. Утром самой многочисленной группой являются дети от 3 до 8 лет, вечером – дети от 9 до 14 лет. В выходные дни дети просыпаются позже, активнее смотрят телевизор вечером.

На телеканале «Карусель» представлен следующий контент: детские программы, телесериалы, мультфильмы, мультсериалы, художественные фильмы. Мы подсчитали процентное соотношение передач телеканала в будние и выходные дни. В будние дни мультсериалы составляют 66 % эфирного времени, далее следуют передачи – 21 %, телесериалы – 6 %, художественные фильмы – 5 %, мультфильмы – 2 %. В будни более половины эфирного времени отведено под показ мультсериалов. Более половины мультсериалов представлены зарубежным контентом (страны-производители Великобритания, США, Канада, Германия, Италия, Франция, Австралия и др.). Российский рынок мультсериалов только начал развиваться в последние годы. На канале транслируются современные российские мультсериалы «Маша и медведь», «Лунтик и его друзья», «Смешарики», «Белка и Стрелка. Озорная семейка», «Тишка-паровозик», «Фиксики», «Гора самоцветов», «Незнайка на Луне». По популярности мультсериалов на канале лидирует м/с «Фиксики», который рассказывает о дружбе ребенка Дим Димыча с гаечными человечками, ремонтирующими технику (см. рис. 2).

Рис.2 Рейтинг лицензионных мультсериалов телеканала «Карусель»

Второе место среди детского контента канала занимают передачи. По функциям можно выделить следующие передачи: обучающие (15 передач), познавательные (13 передач), развлекательные (61 передача). По тематическим направлениям можно выделить следующие передачи:

– спортивные («Олимпийцы», «Спорт – это наука», «Зарядка с чемпионом», «Прыг-скоч команда» др.);

- музыкальные («Неовечеринка», «Смешные праздники», «Танцы под Фа-соль» и др.);
- культурно-просветительские («Русская литература. Лекции», «Про палитры и пюпитры», «История искусств в месте с Хрюшей и Филей», «История России. Лекции» и др.);
- кулинарные («Маленький шеф», «Неокухня», «Секреты маленького шефа» и др.);
- о животных («От носа до хвоста», «Жизнь замечательных зверей», «Ребята и зверята» и др.);
- интеллектуальные («Вопрос на засыпку», «Сразись с нацией», «Один против всех» и др.);

Отметим, что на канале также присутствуют выпуски обучающих передач, с помощью которых можно научиться что-либо мастерить своими руками, развить творческие способности, фантазию. Например, передачи «Давайте рисовать» и «Академия художеств» помогают детям научиться рисовать от простых элементов до сложных изобразительных жанров, программа «Лови момент» рассказывает о мастерстве фотосъемки, передачи «Волшебный чуланчик», «Фа-соль. Мастерская», «ГОЛОВАстики» помогут зрителям смастерить поделки из подручных вещей, научиться современным популярным изобразительным жанрам, типа лепка из глины, песка или надувание необычных мыльных пузырей, а в «Школе волшебства» дети узнают о секретах фокусов. На канале транслируются передачи с научным уклоном – «Естествознание. Лекции + Опыты», «Простая наука». В двух минутных выпусках «Простой науки» ведущим проводится опыт, при этом ведущий ничего не говорит. Далее ведущий, молча, оценивает результат эксперимента, а текстом сопровождается объяснение опыта и вывод. На канале идет показ передачи о космосе «Пора в космос», созданной совместно с Роскосмосом.

На «Карусели» в основном транслируются передачи собственного производства, также в повторах идут «Ералаш» («Первый канал») и «Спокойной ночи, малыши» («Россия 1»), повторяются передачи каналов «Бибигон» и «Тетяня». В передачах используется несколько вариантов ведущих: взрослый в каком-либо образе/в роли самого себя («Мультстудия», «Мода из комода»), несколько взрослых в роли самих себя («Олимпийцы»), взрослый и сказочный/кукольный персонаж («Берилыка учиться читать», «Funny English», «Спокойной ночи, малыши»), взрослый и ребенок/дети («Дорожная азбука», «Большие буквы»), дети и сказочные персонажи («Мы идем играть», «В гостях у деда-Краевода»), дети («Неокухня», «Пора в космос», «Служба спасения домашнего задания»). Наиболее удачный вариант построения передачи, в котором дети будут играть активную роль в качестве участников, ведущих. Однако в большинстве передач детям отводится роль пассивных наблюдателей, публики в зале, либо только обозначенной аудитории, находящейся по ту сторону экрана. Передачи неравномерно распределяются между детьми. Регламент передач составляет 15, 25, 40 минут. Регламент недавно появившегося музыкального шоу «Голос. Дети» составляет 110 минут. Передача транслируется в субботу вечером, после повтора в пятницу на «Первом канале». На канале «Теленяня» больше учитывалась аудитория младшего и среднего возрастов, в сетке вещания передачи составляли 35 % от общего времени.

На канале транслируются телесериалы российского («Классная школа», «Своя команда» и др.) и зарубежного производства («Лентяево», «Доктор Кто» и т.д.). В России снимается незначительное количество детских сериалов. Многие сериалы идут в повторах, после премьер на других каналах («Кадетство», «Папины дочки»). Художественные фильмы и мультфильмы, представленные на канале, транслируются в меньшей степени. Мультфильмы состоят из советской мультипликации, а также новых современных проектов («Колыбельные мира»). Художественные фильмы представлены в основном экранизацией литературных произведений, созданных в советский период. Изредка на канале показывают детские концерты. В выходные дни соотношение между программами канала распределяется более равномерно: художественные фильмы – 14 %, мультсериалы – 25 %, передачи – 19 %, телесериалы – 15 %, мультфильмы – 27 %.

Далее рассмотрим соответствие программной сетки распорядку дня ребенка. Утром эфир канала состоит из мультсериалов, 2-х обучающих передач для дошкольников – «Берилыка учиться читать», «Funny English» и спортивной передачи «Прыг-скок команда». Вполне оправдано наличие обучающих передач в 9.05 ч. и 10.55 ч., но спортивная передача, под которую дети могут сделать зарядку, транслируется в 6.00 ч. утра, когда дети еще

спят. Ранее «Прыг-скок команда» стояла в утреннем буднем эфире в 10.50 ч. и 11.50 ч., причем в 10.50 ч. выпуски были для детей 4-5 лет, а 11.50 ч. показывали выпуски с более сложными упражнениями, которые могли выполнить дети старшего возраста. К тому в послеобеденном эфире передачу показывали на выходных. Послеобеденный эфир состоит из обучающей передачи «Давайте рисовать», мультсериалов, развлекательных передач «Форт Боярд» и «Ералаш», телесериала. Ранее после 15.00 ч. в эфире стояла полезная для школьников передача «Служба спасения домашнего задания», в которой дети объясняли в доступной форме по заявкам непонятные в школе темы из разных областей знания. Вечерний эфир представлен развлекательными мультсериалами, телесериалами, передачей «Спокойной ночи, малыши» и художественным фильмом по литературному произведению, транслируемом после 23.00 ч. На выходных контент немного меняется, идут премьерные выпуски развлекательных передач, интеллектуальных викторин, мультсериалов.

Канал «Карусель» транслирует спонсорскую рекламу в начале и конце передач, между передачами идут анонсы и информационные блоки о конкурсах и мероприятиях телеканала. На сайте «Карусели» в разделе «форум» телезрители высказывают свои пожелания, задают вопросы модераторам сайта. Телеканал выступает организатором и информационным партнером многих мероприятий для детей (День защиты детей 1 июня в ЦПКиО им. Горького, «Цирк Деда Мороза», фестиваль детского телевидения «Включайся!» и др.), а также регулярно проводит конкурсы для детей. В отдельные дни проходят тематические подборки контента, посвященные какому либо событию. Это может быть как часть эфира, так и программа в течение всего дня. Например, передачи «Олимпийцы», «Спорт-это наука», выходили в повторах накануне и в течение проведения Зимних Олимпийских игр – 2014, 23 февраля эфир проходил под слоганом «Равнение на праздник», 8,9,10 марта – «Все, что нравится девчонкам». Аналогичные тематические эфиры проходят в течение всего года (День матери, День Победы, День защиты детей, Новый год). Однако небольшие тематические патриотические эфиры (День защитника Отечества и День Победы) на канале вряд ли могут способствовать развитию патриотизма у телезрителей, если нет регулярных патриотических, исторических передач. Канал имеет награды в области телевидения и успешно продвигает себя и свой контент.

Телеканал «Disney» ранее конкурировал с «Каруселью», однако в последнее время канал позиционирует себя, как канал семейного и детского просмотра. В будни эфир состоит из развлекательных мультсериалов, фильмов, передач, мультфильмов, телесериалов (см. рис. 3).

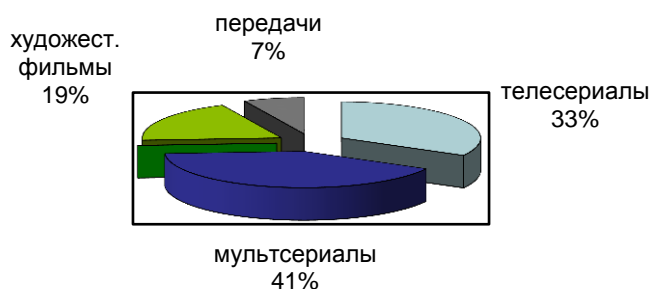

Рис. 3 Соотношение программ на канале "Дисней" в будние дни

В выходные дни сетка вещания несколько меняется: появляются мультфильмы (8%), увеличивается доля мультсериалов (57%) и художественных фильмов (23%), в то время как уменьшается количество телесериалов (9%) и передач (3%).

Утром эфир канала складывается из мультсериалов, советских мультфильмов, российских передач. В будни с 8.00 ч. до 9.25 ч. идет блок мультсериалов «Узнавайка» для детей младшего возраста («Спецагент Осо», «Умелец Мэнни», «Доктор Плюшева» и др.). Со временем данный блок обрел самостоятельность и превратился в канал «Disney Junior», что позволило расширить сегментацию аудитории. В выходные дни этот блок также идет

на канале, но начинается с 6.00 ч. и идет до 9.00 ч. в послеобеденное время продолжают мультсериалы, которые чередуются с подростковыми, молодежными сериалами («Высший класс», «Джесси», «Остин и Элли»). Вечером до 19.30 ч. в эфире транслируются мультсериалы, идут премьерные выпуски новых сериалов и фильмов. Таким образом, вечерний и частично ночной эфир предназначен для молодежной, семейной аудитории. В выходные дни и пятницу идут марафоны классических мультсериалов студии «Disney» (один и тот же сериал транслируется от 2-х до 7,5 часов), российские передачи утром и после обеда, а также оригинальное кино канала и студии «Disney». В утреннем буднем эфире, а также вечером выходном показывают советские мультфильмы и художественные фильмы.

Можно выделить несколько тематических блоков использующихся на канале:

- «Узнавайка» – современные мультсериалы для детей младшего возраста;
- «Субботний Киновечер» – три фильма, включающие один полнометражный мультфильм и два полнометражных художественных фильма;
- «Золотая Коллекция Disney» – классический анимационный фильм из «Золотой Коллекции Disney», транслируемый 2 раза в месяц по воскресеньям;
- «Наши сказки» – советское кино и мультфильмы.

Как было отмечено ранее, основной контент представлен программами собственного производства канала и студии «Disney». Однако в связи с требованиями Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций с 2013 года канал меняет сетку вещания, включая в эфир программы российского производства. В России производят семейные передачи «Мама на 5 +», «Это мой ребенок», «Устами младенца», мультсериалы «Новаторы», «Пластинка. Азбука», телесериалы «Приколы на перемене» и «После школы». Все названные передачи развлекательного характера, как и весь контент канала «Disney». Доля российского контента на канале составляет 5 % (505 мин. в неделю).

Из анализа программирования канала следует, что утренний эфир направлен на зрителей от 2 до 7 лет, послеобеденное время отводится подростковой и молодежной аудитории, вечернее время направлено на семейный просмотр. Телеканал «Disney» (в международной версии – «Disney Channel») – один из популярных семейных каналов во всем мире. Информационная продукция компании «The Walt Disney Company» неоднократно транслировалась на других российских телеканалах («Первый канал», «СТС», «ТНТ» и др.). В продвижении своей продукции компания явно преуспела, об этом свидетельствуют доходы от бизнеса. «По итогам первого полугодия 2012-2013 гг. прибыль составила 2,895 млрд. долл.» [6, [http](#)]

Канал использует спонсорскую рекламу вначале программы, также реклама идет между передачами, однако это реклама товаров и услуг для взрослых. Наличие любой рекламы на канале с детской аудиторией является небезопасным предприятием. Влияние компании распространяется за рамки компания «The Walt Disney Company», ведь в ее состав включены киностудии, тематические парки, телесети. Именно американские медиаконгломераты постепенно превращают детство в индустрию развлечений, средство получения прибыли. Разрекламированные экранные герои становятся брендами: их образы используются в создании печатной продукции, детских игрушек, видеоматериалов. Большинство товаров не приносят пользы детям.

Канал проводит различные конкурсы, например, «Мой Camp Rock», «Танцевальная Лихорадка. Твой выход!», «Звезда Канала Disney». На данный момент канал проводит два больших конкурса – «Знаток Канала Disney» и «Золотая Коллекция Disney». Также как «Карусель» канал проводит тематические эфиры, например, «Страшно интересные премьеры на канале Disney». В этом эфире накануне Хэллоуина канал показал художественные и анимационные фильмы, специальные тематические эпизоды любимых сериалов, а также оригинальное кино Канала «Disney» о приключениях ведьм, привидений и колдунов). Подобные эфиры традиционно проходят на Новый год, Китайский Новый год, 14 февраля – «День всех влюбленных», 23 февраля – «День супергероев» и т.д. Выбор тематического эфира связаны с традициями праздников западноевропейской и американской культуры. Поскольку телеканал зарубежный, то он неизменно будет ориентировать на зарубежный образ жизни (традиции, праздники, отношения, поведение и др.). В этом состоит главная особенность трансляции контента на канале.

Телеканал «Детский» представляет собой «идеальную платформу для связи между поколениями: в легкой и доступной форме детям передаются «вечные» ценности и идеалы, которые разделяют их родители» [3, <http>].

Аудитория телеканала состоит из детей и взрослых: 34 % – дети 4 – 17 лет, 31 % – взрослые 25 – 44 г., 15 % – взрослые 18 – 24 г., 19 % – взрослые старше 45 лет.

В сетке вещания телеканала преобладают мультсериалы. В будние дни соотношение между контентом канала распределяется следующим образом: мультсериалы – 73 %, телесериалы – 15 %, мультфильмы – 9 %, передачи – 3 %. В выходные дни сетка вещания существенно не меняется, только в процентом соотношении меняется местами телесериалы – 9 % и мультфильмы – 15 %. В сетке вещания в течение всего дня чередуются мультсериалы российского и зарубежного производства и зарубежные телесериалы, на фоне которых есть несколько развлекательных передач собственного производства «Готовим с мамой», «ЗанзиБар», «Girls only» и др. Мультсериалы и телесериалы – это в основном, вторичный контент, который успешно транслировался на общедоступных каналах или специализированных детских каналах. Например, в числе программ канала имеются мультсериалы и телесериалы – «Фиксики», «Машины сказки», «Белка и Стрелка. Озорная семейка» («Карусель»), «Лиззи Магуаер» («СТС»), «Охотники на драконов» («2х2» и «Карусель»), «Инспектор Гаджет» («РЕН ТВ», «СТС») и т.д.

С 20 декабря 2011 года был изменен логотип и графическое оформление, в эфир добавили 5 уникальных персонажей, олицетворяющих интересы современных детей. На канале присутствует реклама. При поддержке канала «Детский» проводятся различные мероприятия, конкурсы и праздники, такие как «Фестиваль мультфильмов «Союзмультфильм»», новогодние представления, конкурс фраз телеканала «Детский», весёлый праздник «Школа пиратов» и др. Канал проводит тематические эфиры (День семейного кино, День волшебства, День домашних любимцев, День ангелов и т. д.).

Сетка вещания телеканала «Детский мир» формируется из одного оригинального шестичасового блока и двух блоков в повторах. В течение недели соотношение наполнения не меняется. Данный канал – один из первых специализированных каналов (вещает с 1997 г.), направленных на детскую аудиторию.

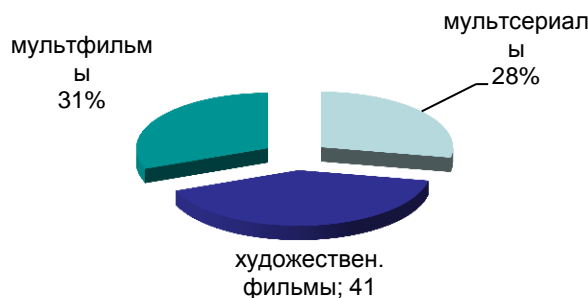

Рис. 4. Контент канала «Детский мир»

На канале представлены: мультфильмы СССР, советские детские фильмы, зарубежные мультфильмы и мультсериалы. Зарубежная продукция появилась в сетке вещания в 2009 г. Из-за небольшого количества программ, канал часто показывает повторы, что делает его однообразным, неспособным конкурировать с другими детскими каналами. С середины 2009 года на канале транслируется реклама.

Последним в нашем исследовании находится семейный образовательный платный канал «Радость моя». Сетку вещания составляют передачи – 94%, телесериалы – 3 %, художественные фильмы – 2 % и мультфильмы – 1 %. В выходные дни до 15 % увеличивается доля художественных фильмов, передачи составляют 79 % эфира и 6 % приходится на мультфильмы.

«Радость моя» – светский телеканал, формирующий приверженность православным традициям. Название канала «Радость моя» происходит из приветствия одного из наиболее почитаемых русских святых – преподобного Серафима Саровского. История ка-

нала начинается в 2003 г. Тогда была создана производящая телевизионная компания для выпуска детских программ и документально-публицистических фильмов. Снимаются телепередачи «Шишкин Лес», «Доброе слово», «Закон Божий», «Куликовская битва», «Третьяковская галерея». Изначально эти передачи транслировались на телеканалах «Культура», «Спас», «Союз», «КРТ», «Глас». В 2007 г. создается анимационная студия, которая спустя два года перерастает в отдельную структуру – кинокомпанию «Мироздание». С 2008 года начинается официальное вещание телеканала «Радость моя», в том же году канал организует собственное кинопроизводство (художественный фильм «Щенок»).

Визитная карточка телеканала – цикл программ для маленьких зрителей «Шишкин лес». Кукольные персонажи (Зубок, Коксик, Веснушка, Шуня, Енот-Енотыч, Матильда Леонардовна) вместе с ведущим-взрослым поют, рассказывают сказки, изучают школьные предметы, мастерят поделки, учатся уважать старших и помогать младшим, прощать и понимать друг друга, справляться со страхом и ленью. В передаче есть рубрика «Мастерская», помогающая детям младшего возраста сделать оригинальную поделку или новую игрушку своими руками. Другие проекты «Сказки и истории», «Доброе слово» будут интересны как детям, так и взрослым. Передачи представляют поучительные истории, которые могут произойти с каждым зрителем. «Сказки и истории» – это инсценировка ситуации, вначале появляется ведущий, который подводит к рассказу, а затем актерами обыгрывается сама ситуация, в конце передачи ведущий выносит мораль. В передаче «Доброе слово» ведущий читает рассказ или сказку, попеременно на экране появляется мультипликация, в конце передачи ведущий также выносит мораль. Есть обучающие программы, например, «Академия занимательных наук», «Академия занимательных искусств», в доступной форме рассказывающие о школьных дисциплинах математике, химии, физики, биологии, музыке, словесности, географии. На канале транслируются разнообразные по жанрово-тематическому составу передачи: молодежные ток-шоу («СО-ВЫ», «Новый уровень»), передачи о воспитании детей («Взрослым о детях», «Мне нужен совет»), патриотические передачи («Знай наших», «Аты-баты», «Своими глазами»), музыкальные программы («Выше крыши», «Колыбельные песни», «Песенка в подарок»), спортивные передачи («Веселая зарядка», «На старт») и др.

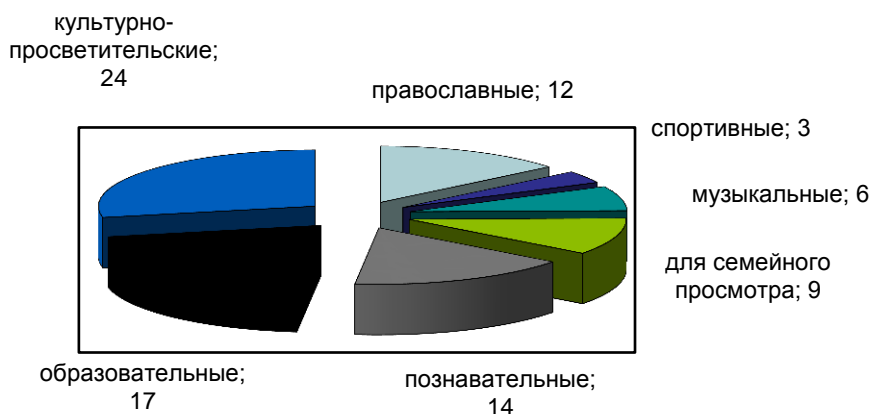

Рис. 5. Разнообразие передач на канале «Радость моя»

Многие передачи несут в себе поучительное начало. Также немаловажным блоком в сетке канала является религиозные передачи («Дом, в котором живет Бог», «Рассказы о святых», «Закон Божий» и др.), публицистические фильмы о святых, ученых, актерах и простых людях («Князь Андрей», «Люди и куклы», «Школа акварели Сергея Андрияки» и др.). Канал поддерживает патриотические традиции в сериях передач. Например, передача «Аты-баты», ведущим которой является известный актер Ю. Григорьев в образе бывалого солдата, рассказывает о военной истории России. На канале не хватает только научно-популярных программ, но имеются обучающие школьным дисциплинам, как мы отмечали ранее. Регламент передач составляет 7, 15, 25, 40 и 60 минут.

В сетке вещания контент распределяется равномерно в течение дня, отвечая требованиям детской и взрослой аудитории. Утренний эфир заполняют обучающие, познавательные, развлекательные передачи, есть небольшая доля мультфильмов, семейных передач, художественных фильмов. После обеда на канале можно посмотреть мультфильмы, документальные фильмы, познавательные, духовно-просветительские, развлекательные, семейные, обучающие передачи, документальные фильмы и детский сериал. В это время из школы возвращаются учащиеся, есть контент для них и для малышей. Вечернее время отведено под семейный просмотр. В это время в эфире транслируются патриотические, исторические, духовно-просветительские передачи, детский сериал, сказки для самых маленьких. На канале, по нашему мнению, наиболее грамотно построена сетка вещания. В прошлом году в эфире канала появился информационный жанр «Детские новости» – программа, которую делают дети. До этого жанра детских новостей на российском телевидении давно не было. Немецкий детский канал «KI.KA» уже несколько лет успешно практикует этот жанр. Ранее мы отметили, что в выходные дни увеличивается доля развлекательного контента: художественных фильмов и мультфильмов.

Все, что транслирует канал, он производит сам. Кроме того, каждая программа – это отдельный проект. Например, цикл передач «Шишкин лес», имеет свой мультимедийный сайт, журнал, также выпускает видео и печатную продукцию. Канал также основал интернет-магазин с различной продукцией. Ведущие канала – это актеры театра и кино – Ю. Григорьев, А. Арцев, С. Григорьев, Ю. Пустовойтова, С. Степченко, Д. Платонов, Л. Соломенцева и др. Эти ведущие – разносторонние образованные люди, к ним обращаются по имени Антон, Юля (также как и современной версии «Спокойной ночи, малыши»). В конце многих передач ведущие говорят – «Ангела-Хранителя вам. До новых встреч» или «Храни вас Господь». В передачах актеры одеты скромно, в закрытую неброскую одежду. Это представляет собой контраст в отличие от гламурной стилистики ведущих каналов «Карусель» и «Дисней».

Передачи канала транслируются на других каналах «Союз», «Мир Белогорья», «Культура», «Спас», «КРТ», «Глас». Еще до запуска телеканала и во время его работы «Радость моя» получил 43 награды в областях телевидения, кинематографа, педагогики. В 2013 г. телеканал стал победителем в 2-х проектах – во Всероссийском конкурсе в области педагогики, воспитания и работы с детьми «За нравственный подвиг учителя», в Национальной Премии в области многоканального цифрового телевидения «Большая Цифра», категория «Новое Российское телевидение», номинация «Детский канал» (приз зрительских симпатий). Канал также является организатором многих детских и семейных мероприятий – фотофестиваль «Рождественская история», новогодние представления с героями «Шишкиного леса» и т. д. В сетке вещания отсутствует реклама. К настоящему времени телеканала «Радость моя» вещает во всех регионах РФ через спутниковых и кабельных операторов. На форуме сайта телеканала можно прочитать много добрых отзывов о работе творческой команды канала. Однако каналу тяжело пробиться к своей аудитории. Конечно, детские каналы «Карусель», «Дисней», «Nickelodeon», даже «Детский мир» популярнее у аудитории, так как более доступны. Например, у цифрового оператора «МТС» эти каналы идут в базовом пакете, а такие каналы как «Радость моя», «Детский», «Мать и дитя», «Gulli» находятся в платном пакете «детский».

Таким образом, мы рассмотрели особенности программной сетки телеканалов «Карусель», «Детский», «Радость моя», «Детский мир», «Disney». Выделим особенности программной политики на данных специализированных каналах:

1. наполнение большинства каналов состоит из мультсериалов, детских передач, художественных фильмов, мультфильмов, телесериалов;
2. развлекательный формат доминирует над другими жанрами и функциями детского телевидения;
3. большинство каналов формирует непродуманную сетку вещания без учета специфики детской аудитории;
4. детские каналы не могут обойтись из коммерческой составляющей функционирования телевидения – рекламы;
5. использование качественных программ собственного производства повышает популярность и доброжелательное отношение у аудитории каналов;

6. на большинстве каналов присутствует высокий уровень интерактивности;
7. каналы способствуют вовлечению детей в творческие конкурсы и мероприятия.

Большинство каналов транслирует мультсериалы в качестве основного контента. На канале «Радость моя» используется информационный жанр детских новостей, канал «Карусель» изредка показывает детские концерты. Практически утрачены такие художественные жанры советского детского вещания, как спектакли и детские концерты. Хотя телеканалы «Культура» и «ОТР» в последнее время ведут показ именно этих программ для детей. В СССР с показа детских спектаклей начинала формироваться система детского телевидения: в 1940 г. дети увидели новогодний спектакль «Зайкин дом». Театральные жанры не устарели, ведь существует детские театральные студии и драматические кружки в средних школах. Трансляция театральных, музыкальных, танцевальных постановок, балета, цирковых представлений может способствовать не только привлечению новой аудитории, но и формированию художественно-эстетического вкуса у детей.

Передачи на каналах ограничены по тематическому составу. Существует небольшое количество военно-патриотических, научно-популярных, изобразительных, исторических передач. Советский детский показ отличался жанрово-тематическим разнообразием. В советский период важную роль в формировании стилистики передач играл ЦК СССР. Так была заложена миссия детского направления: «С 1960-1961 гг. должна быть обеспечена передача всеми студиями телевидения программ для детей в объеме не менее одного часа в день. Уделять особое внимание в программах развитию трудовых навыков, инициативы, самостоятельности, любознательности детей, вовлечению их в разнообразные общественно-полезные дела, в коллективы юных техников, натуралистов, спортсменов» [5, с. 137]. Полагаем, что данная формулировка с небольшими ремарками актуальна в настоящее время. Однако небольшой процент каналов, а именно каналы с православным уклоном («Радость моя»), способствуют всестороннему развитию личности ребенка.

В ходе рассмотрения программирования каналов, мы отметили, что большинство каналов транслируют преимущественно развлекательный контент («Карусель», «Детский», «Disney», «Детский мир») и располагают сетку вещания неравномерно для аудитории («Карусель», «Детский мир»). Понятно, что каналам с широкой аудиторией труднее построить сетку вещания, учитывая интересы всех зрителей. Наиболее целесообразно сочетать обучающие передачи с познавательными и развлекательными, если таковые есть на канале. При этом помнить о возрастной категории аудитории и располагать сетку вещания с учетом распорядка дня ребенка. Утром обязательна к показу спортивная передача, помогающая выполнить зарядку и взбодриться. Днем полезно показать познавательные передачи и развлекательные, а также телесериалы. Вечером детям рекомендуют не засиживаться долго за телевизором/компьютером, поэтому требуется «успокаивающий» контент (для дошкольников – передача со сказкой на ночь и колыбельной песней).

Некоторое время детские каналы обходились без рекламы, в перерыве между передачами транслировались анонсы телеканала. Иногда перед началом детской передачи показывают спонсорскую рекламу, а между передачами есть реклама детской продукции (питание, аксессуары, игрушки). Особенность детской аудитории в том, что ребенок не может непосредственно совершить покупку, воздействие рекламы происходит опосредовано – от ребенка к взрослому. Родитель в конечном итоге принимает решение о покупке. Детская целевая аудитория на телевидении интересна производителям игрушек. На рынке детских игрушек основными компаниями являются компании «Hasbro», «Saks», «Lego», а также крупнейшие дистрибьюторы – «Юнитойс», «1 TOY», ритейлеры «Детский мир», «Кораблик». Медиадиректор «OMD Media Direction» О. Митягина отмечает: «С ростом продаж растут инвестиции в рекламу. В этой категории основная аудитория – дети от 4 до 12 лет. Кроме того, детская аудитория интересна ряду крупнейших производителей молочных и кондитерских изделий, имеющих "детские линейки"» [4, http].

Каналы «Карусель», «Радость моя», «Disney» используют в эфире преимущественно программы собственного производства, в то время как каналы «Детский мир» и «Детский» закупают и транслируют вторичную продукцию. Большинство каналов имеют высокий уровень интерактивности и стимулируют участие детей и взрослых в творческих конкурсах и мероприятиях.

Заинтересованность государства и общества в целом играют немаловажную роль в воспитании современных детей. Детская культура развивается необособленно, она встроена

на во взаимодействующие сферы – политическую, социальную, экономическую, духовную. Детское телевидение испытывает влияние общей социальной обстановки в стране, например, в 1990-е годы многие детские передачи в России закрылись по причине смены политического и экономического курсов. Негативным моментом в истории детского телевидения становится проникновение коммерции и глобализации и, как следствие выход на первый план второстепенной функции телевидения – развлекательной. Продукция зарубежных производителей первое время выходила неадаптированной для отечественного зрителя, без учета реалий страны проживания. Детские психологи предлагают установить над телевизионными проектами для детей психологический и образовательный контроль. «Специалисты по детскому развитию должны присутствовать на всех этапах телевизионного производства, начиная с формирования концепции программ и заканчивая предварительным просмотром пилотных выпусков в детских садах для уточнения содержания и формата программ» [2, [http](#)].

Для российского зрителя транслируется два общедоступных детских канала («Карусель», «Disney»), эти каналы практически не имеют конкурентов, однако, доля познавательных и обучающих, патриотических программ на них невысока. Позиционирование телеканала «Карусель» как главного детского канала страны с много обещающей миссией, включающей разностороннее образование и развитие современных детей и подростков, не может быть реализовано на одном только развлечении. Продвижение образовательных и семейных каналов, таких как «Радость моя» может улучшить ситуацию на детском телевидении, которое медленно выходит из кризиса.

Список литературы

1. Дашевская И. Масс Медиа: программирование на ТВ [Электронный ресурс] // – Режим доступа: <http://www.broadcasting.ru/articles2/content/mass-media-programmirovaniye-na-tv>, свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
2. Зенькова Г. М. Проблемы психологического обоснования и экспертизы содержания телепрограмм для дошкольников [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.zdorov-malysh.ru/stati/det-tv>, свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
3. О канале [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://telekanaldetskiy.ru/about>, свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
4. Севрюкова Е. Детская аудитория становится все менее интересной для телеканалов / РБК daily [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/media/562949980620091>, свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
5. Советская печать в документах. М.: Госполитиздат. 1961. – С. 137
6. Walt Disney вновь вышел на рост прибыли [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://top.rbc.ru/economics/08/05/2013/856876.shtml>, свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.

PROGRAM POLICY OF CHILDREN'S CHANNELS IN RUSSIA: FEATURES OF DISTRIBUTION OF A TELEVISION CONTENT IN A BROADCASTING GRID, GENRE AND THEMATIC STRUCTURE, TARGET AUDIENCE

M. S. Mygal

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
marina.mygal@mail.ru*

The article analyzes the grid of a broadcasting of children's channels, specifics of audience, a variety of a content for children. In research problems of children's television are designated.

Keywords: children's television, program policy, broadcasting grid, telewatching, children's transfers.

УДК 811.161

РОССИЯ И РОССИЯНЕ В МЕДИЙНЫХ СООБЩЕНИЯХ ВАЦЛАВА РАДЗИВИНОВИЧА, ЗАРУБЕЖНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ «GAZETA WYBORCZA» В МОСКВЕ

А. Пстыга

*Гданьский университет,
Польша*

*e-mail:
fnap@univ.gda.pl*

Статья касается одного из аспектов медийной коммуникации – работы зарубежного корреспондента, который должен представить, дать интерпретацию и оценить представляемые события и обсуждаемые проблемы. Чрезвычайно важной в подходе журналиста оказывается перспектива и точка зрения, которые требуют внимательного анализа передаваемых текстов (сообщений) и составляющих их языковых средств. В данном случае появляется проблема декодирования, двойного кодирования (перекодирования) информации либо формулирования мысли на языке определенного locus и интерпретации действительности с учетом польского получателя и – в результате – перевода.

Указанные проблемы рассматриваются в статье на основе медийных текстов (сообщений) Вацлава Радзивиновича – зарубежного корреспондента газеты «Gazeta Wyborcza» в Москве.

Ключевые слова: медиакommunikация, языковые и культурные барьеры, сообщения корреспондентов, межкультурный диалог.

Медийное коммуникативное пространство представляет собой своеобразную систему дискурсивных взаимодействий, в пределах которой наблюдается не только смешение, перекрещивание или слияние (в зависимости от жанровой специфики текста – см.: [2; 12; 16; 20; 21; 23; 26], – информационного и воздействующего компонентов, часто с учетом эстетического замысла): прежде всего, СМИ создают своеобразное информационное пространство пересечения и сосуществования разных мировоззренческих установок, различных мнений и взглядов в рамках широкого общественного диалога, в котором локальное чередуется с глобальным, а оппозиция свое – чужое (другое) раскрывает и открывает проблематику международной межкультурной коммуникации представителей разных национальных языков и культур.

Учитывая международный аспект медийной коммуникации, следует, однако, подчеркнуть, что в современном мире, в котором в условиях созданной глобальной коммуникативной сети время и пространство не являются уже препятствием, в виртуальной действительности языковые и культурные границы со своими дифференцирующими категориями (язык, символы, система ценностей, ритуалы) продолжают определять (и сохранять) грани чуждости, вызывая трудности в сфере интерпретации текстов и затрудняя взаимопонимание. С этой точки зрения самосознание (идентичность), как утверждает З. Бауман [1], является антагонистическим понятием, основанным на принципе различия. Национальное самосознание – как своеобразное ментальное locus [7, с. 95] – доказывает, что память и национальный опыт оказываются пригодными для классификации тождества и различий между народами (с опорой на критерий осознания связи или отличия), что, в свою очередь, становится основным критерием, предопределяющим продолжительность культур(ы). Родная культура воспринимается как нечто данное и осознание своего происходит только в случае столкновения с иной культурой.

Как система знаков и значений, язык является одним из показателей национальной идентичности, наряду с культурой, историческим сознанием, его непрерывностью, традицией, обычаями, религией, с его помощью и передается информация о культуре и национальном самосознании. Как известно, именно язык создает общность мышления, передает образцы, влияет на поведение и закрепляет определенную (свойственную отдельным языковым коллективам) картину мира, что наиболее ярко проявляется в его лексико-семантической и морфологической системах (см.: [3; 5; 6; 27]). Таким образом, язык играет ведущую роль как в формировании самосознания своих пользователей (носителей данного

языка), так и в передаче информации о действительности, культуре и самосознании, а любая словесно выраженная информация, как утверждает М. Володина [28], всегда является воплощением определенного языка и культуры.

С этой точки зрения массмедийные тексты, являющиеся результатом речевой деятельности представителей определенной языковой общности и фактом социальной и культурной действительности, одновременно передают предусмотренную автором заданность вектора интерпретации, опираясь именно на языковую специфику медийного текста, и предопределяют лингвокультурное взаимодействие языковых личностей – участников коммуникативного акта. Однако в процессе международной – межъязыковой межкультурной коммуникации [11; 15; 16], то есть, с позиции интерпретивной деятельности иностранного и инокультурного читателя, данные факторы усложняют восприятие текстов. Для носителя определенного (в данном случае – русского) языка культурно и национально маркированные единицы, как и специфика речевого общения русскоязычной лингвокультурной общности, как правило нарушают процесс коммуникации. Согласно наблюдениям А. В. Полонского, «принцип текущего контекста и принцип аудитории выводят массмедийный текст в сферу прагматики, формируя совокупность его интенций, которые обнаруживаются, с одной стороны, в форсированном овладении сферой внимания аудитории и вовлечение ее в мотивированный информационно-смысловой обмен, а с другой – в мотивированной интеллектуальной, эмоциональной и идеологической «проработке» текущего социального контекста, внимании к тем или иным фрагментам социальной действительности, что ведет к формированию особой картины мира, ключевыми признаками которой становятся мозаичность, фрагментарность, идеологическая модальность и «адресная резонансность», то есть форсированный отклик компонентов картины мира (когнитивного и аксиологического) на ментальные и другие параметры адресной аудитории» [24]. Данные положения непосредственно соотносятся в оценке автора с композиционно-стилистическим измерением медийного текста, который должен отвечать характеру ожидаемой аудиторией (инокультурной и иноязычной) экспрессивности, выразительности и аргументативности.

Как утверждает А. В. Полонский, «в условиях глобализирующегося мира и формирования единого коммуникативно-информационного пространства массмедийный текст широко вовлечен в многоаспектный межкультурный диалог, в результате которого происходит не только обмен картинами мира, системами знаний, ценностей и нормативов поведения, но и их продвижение в пространстве жестко конкурирующих смыслов» [24]. К числу таких медиатекстов следует отнести прежде всего тексты, касающиеся иной (иностранной, чужой, другой) действительности и реалий другой страны. Данная проблема касается не исключительно перевода уже оформленных (готовых, созданных с учетом «своего» читателя) медийных текстов, но также процесса декодирования и обратного кодирования определенной информации для другого потребителя, создаваемой на другом языке журналистами и зарубежными корреспондентами – носителями того языка, которым владеет его читатель. Эта языковая действительность, за которой стоит языковая система со всей спецификой лексико-фразеологического уровня, с ключевыми словами, прецедентными явлениями, символами, ассоциациями, оценочностью, а также языковая личность автора и реальная действительность, требует специального подхода, основывающегося как на знании языка, культуры и именно данной действительности, так и на знании потребностей, интересов и своеобразия языкового поведения читателей, для которых создается определенный текст. Таким образом очередной раз проявляется межкультурный аспект медиакommunikации.

О. Леонтович подчеркивает, что «для МКК [межкультурной коммуникации – А.П.] необходимо формирование особого механизма контроля, который параллельно с языковым компонентом кода курировал бы его культурный компонент. Нереально познать все богатство чужой культуры, но можно сформировать открытость к ее восприятию, поэтому речь идет о развитии умения воспринимать сигналы включения культурного кода и готовности его декодирования, что могло бы свести до минимума, если не ликвидировать совсем, моменты межкультурного непонимания» [22, с. 39]. Из сказанного следует, что проблема декодирования, кодирования – точнее перекодирования – соприкасается с проблемами перевода (в рамках межкультурной коммуникации) и категорией непереводимости. С точки зрения автора-адресанта верным оказываются следующие замечания автора: «В отличие от

коммуникации внутри одной культуры, где индивиды или группы используют «подкоды» единого национально-культурного кода, МКК предполагает полное перекодирование информации с использованием бесчисленного множества вербальных и невербальных знаков. Сложность МКК в том, что адресант А кодирует в контексте сообщение, используя пресуппозиции и фоновые знания, присущие его культуре, в то время как адресант В декодирует сообщение, используя другой набор пресуппозиций и фоновых знаний. Декодирование информации фактически представляет собой новое кодирование, то есть перевод информации на свой собственный код» [22, с. 40].

Сообщения одного из польских зарубежных корреспондентов с проблемой повторного (нового?) кодирования (перевода?) информации оказываются в центре внимания данной статьи. С этой точки зрения целесообразно подчеркнуть необходимость знания двух языковых кодов и умение использовать в процессе коммуникации культурной и языковой компетенции собеседников. Именно данный подход позволяет раскрыть национально-языковую специфику информации и одновременно строить текст (кодировать информацию), учитывая специфику культуры и национальные особенности общения адресата. Очередной раз следует также обратить внимание на близость языка и культур поляков и россиян. Однако в случае славянского мира вопрос о национальном самосознании славян является вопросом о его единстве и культурном различии, вопросом о той особенной взаимосвязи, которая предопределяется своеобразием восприятия (глобальным, локальным или глокальным) и культурными принципами категоризации явлений действительности. Славянский языковой мир, в котором доминируют культурно-языковые национальные общности, не представляет собой единства, он разобщенный [6, с. 104]. В этом смысле в истории славянских языков современность – это эпоха языков, отождествляемых с понятием народа [13].

Актуальная – не только медийная – коммуникация поляков и россиян отражает и подтверждает данную ситуацию, в которой генетическая и типологическая близость обоих языков не гарантирует взаимопонимания, а языковой вкус и национально-культурная специфика языков влияют на степень понимания даже в случае, когда коммуникация осуществляется на одном языке. Польско-русский (русский) медийный дискурс продолжает оставаться сложным [8; 9; 16; 17; 19] в силу памяти о сложных культурно-исторических контактах между поляками и русскими и влияния закрепленных в ментальности поляков различной оценочности стереотипов русских и россиян, манифестирующихся в культурно обусловленных моделях поведения – также языкового в процессе коммуникации, в оценке и интерпретации событий, точке зрения и восприятия мира [9, с. 155].

Россия занимает в польских СМИ значительное место, а создаваемый ими образ России играет ведущую роль и влияет на формирование общественного мнения. Следует добавить, что образ России в польских масс-медиа представляется широко и со всей сложностью, с учетом разнообразной проблематики. На основе анализа польской прессы (общественно-политические еженедельные и ежедневные издания, напр., «Polityka», «Wprost», «Gazeta Wyborcza») можно сказать, что в польском медиадискурсе тексты-высказывания, касающиеся России и россиян появляются в зависимости от актуальной ситуации или в связи и ситуацией в Польше, в России, или же в случае важных событий в мировом масштабе. Таким образом, преобладает в них политическая, экономическая, культурная тематика, реже появляются статьи, касающиеся общественных проблем россиян и их повседневной жизни (см., напр.: [17; 19]).

Среди польских журналистов, занимающихся российской проблематикой, важное место в польском публичном дискурсе занимает Вацлав Радзивинич – зарубежный корреспондент газеты «Gazeta Wyborcza» в Москве (в России и на Украине), сообщения которого оказались в центре нашего внимания как интересный языковой материал и способ приближения российской действительности и мнения россиян, их проблем и языкового поведения. Его сообщения с большой регулярностью появляются в газете с 1998 года в рубрике Мир/События (Świat/Wydarzenia). Большую известность приобрел цикл «Z Rosji o Rosji» («Из России о России»), а избранные тексты опубликованы в книге «Gogol w czasach Google'a. Korespondencje z Rosji 1998-2012» (Warszawa, 2013). Во вступлении Адам Михник (главный редактор) отмечает, что Вацлав Радзивинич знает Россию, любит ее любовью

разумного поляка и умеет «умом Россию понять и аршином измерить». Виктор Ерофеев также добавляет, что книга Вацлава Радзивиновича доказывает, что Россию можно понять.

Поэтому предлагаю непосредственно перейти к медийным текстам Вацлава Радзивиновича, его интерпретации, способу отражения (и формирования средствами польского языка) актуальной российской действительности. Особенностью текстов этого журналиста является своеобразное пересечение разных точек зрения поляков и россиян и уникальный способ преодоления непереводаемого, поскольку то, что потенциально непереводаемое – приближается инокультурному читателю, позволяя понять российские реалии. В текстах В. Радзивиновича национально специфическое поведение россиян получает при этом дополнительную конкретизацию за счет поисков сходных явлений и эквивалентных элементов высказывания либо, наоборот, за счет воспроизведения специфических конструкций усиливается коннотация чуждости и подчеркиваются другие культурные традиции или чуждое мировидение.

Интересно, как нам кажется, привести фрагменты нескольких текстов:

(1) *Moskwa wyprawiła Putinowi polityczne ostatki (GW 27.02.2012)*

Tysiące moskwiian, choć pogoda nie sprzyjała, wyszło w niedzielę na wesołą, hałaśliwą demonstrację antyputinowską i otoczyło centrum stolicy długim na 15,5 km żywym łańcuchem. Tak Moskwa obchodziła zakończenie Maślenicy, czyli prawosławnego karnawału.

[...] Przeciwnicy premiera, który, jak wskazują sondaże, w przyszłą niedzielę wygra wybory prezydenckie, postawili sobie wczoraj ambitne zadanie. Zapowiedzieli, że wyjdą na Sadowe, podadzą sobie ręce i w ten sposób otoczą centrum miasta z Kremlem w środku białym, żywym łańcuchem. Białym, bo przyjść mieli przbrani białymi wstążkami, symbolem rosyjskiego protestu, który zrodził się po sfalszowaniu grudniowych wyborów do Dumy wygranych według Centralnej Komisji Wyborczej przez putinowską „partię władzy” Jedna Rosja. Z takimi wstążeczkami wychodzili już wcześniej dziesiątkami tysięcy na wiece na placu Błotnym i na prospekt Sacharowa. [...] Ich pomysły sprzeciwiły się władze świeckiej i duchowej. Policja ogłosiła, że wprawdzie nie może zakazać przeprowadzenia takiej demonstracji, ale ostrzegła, że jeśli manifestanci wyjdą i zablokują ulice krzyżujące się z Sadowym, rozpędzi ich.

Firma internetowa, na serwerze której organizatorzy akcji rejestrowali zgłaszających swój udział w manifestacji, pod naciskiem władz zablokowała stronę opozycjonistów.

A Wsiewołod Czaplin, rzecznik Rosyjskiej Cerkwi Prawosławnej, w wywiadzie dla państwowej agencji RIA Nowosti napomniął, że ostatni dzień Maślenicy to Proszczalne Woskresienie (Niedziela Wybaczenia), kiedy prawosławni nie powinni wychodzić na demonstrację, tylko kajać się za grzechy i prosić bliźnich o wybaczenie.

Nie obyło się i bez Naszych, czyli zwanej „putinjugendem” prokremlowskiej młodzieżówki. Killudziesięciu młodych działaczy zebrało się na stanowiącym część Sadowego Kolca prospekcje Zubowskim z dużymi czerwonymi sercami, na których napisali „Putin kocha wszystkich”.

Opozycjonistom udało się jednak dopiąć swego i zamknęli żywy łańcuch wzdłuż Sadowego. W czasie trwającej około 1,5 godz. akcji udało mi się przejść od stacji metra Oktjabrskaja do Cwietnego Bulwaru, czyli ponad połowę Kolca. I wszędzie widziałem, że ludzie z białymi wstążeczkami, balonikami, w białych czapkach czy z innymi białymi elementami stali ramię przy ramieniu. Na placu Triumfalnym było ich tylu, że musieli ustawić się w trzy rzędy.

Na tę manifestację nie wolno było przynosić transparentów z hasłami politycznymi, ale ludzie na miejscu rysowali je błyskawicznie. Naprzeciwko hotelu Pekin mała dziewczynka swojej białej pluszowej małpce powiesiła na szyi kartkę z napisem: „Tylko ja jestem tu bandar-logiem”. – Ona jeszcze małutka, głupiutka – tłumaczyła rezolutnie, rozśmieszając demonstrantów, którzy pamiętają, że Putin niedawno nazwał swych wychodzących na wiece oponentów „bandar-logami”, czyli głupimi, bezwolnymi małpami”. [...]

Wiele samochodów było też ozdobionych naklejkami z napisem: „Prokatim Putina”, co można zrozumieć albo jako „przewieziemy”, albo „pozbedziemy się Putina”. [...]

Wesołe polityczne ostatki są jednak zdaniem Ilii Ponomariowa, jednego z organizatorów protestów i posła do Dumy z partii Sprawiedliwa Rosja, groźną zapowiedzią dla obozu władzy. – Siła sprzeciwu rośnie. I jeśli wybory prezydenckie 4 marca okażą się – jak się obawiamy – nieuczciwe, następnego dnia będziemy mieć na ulicach Moskwy 30 tys. demonstrantów, a pod koniec tygodnia dziesięć razy więcej – prognozuje polityk w rozmowie z „Gazetą”.

(2) *Teatr zwany demokracją (GW 3.02.2012)*

Borys Gryzłow jako wieloletni marszałek niższej izby parlamentu Rosji przeszedł po grudniowych wyborach do historii. Pamięć po nim pozostanie jednak w dziejach parlamentaryzmu na zawsze dzięki jednej frazie genialnie oddającej sens rosyjskiej „demokracji sterowanej”: „Duma to nie miejsce do dyskusji”.

Bo izba, gdzie „niedźwiedzie”, jak nazywa się członków putinowskiej partii władzy Jedna Rosja, miały nie tylko większość, ale większość konstytucyjną pozwalającą im przyjąć każdą uchwałę, przez ostatnie lata pracowała jak taśma fabryczna posłusznie przyklepująca wszelkie projekty przysłane z Kremla. Debaty byłyby w takich warunkach nonsensem.

A dziś jest już inaczej. [...]

Tak więc Duma, choć już bez marszałka Gryzłowa, wciąż nie jest miejscem dyskusji. Okazuje się, że nie są nimi również telewizyjne debaty kandydatów na prezydenta przed marcowymi wyborami głowy państwa. Władimir Putin, jak to ma w zwyczaju, udziału w nich nie weźmie i domaga się, by dyskusje z rywalami, czyli Ziuganowem, Żyrinowskim, Mironowem i miliarderm Prochorowem, prowadzili wyznaczeni przez niego eksperci. [...]

Sami zaś „opozycyjni” kandydaci zadeklarowali, że w trakcie kampanii wyborczej nie będą osobiście atakować Putina [...].

Tak więc dyskusja w Rosji, dla której nie ma miejsca w parlamencie i w mediach, przenosi się na ulice, na coraz liczniejsze wiece opozycji.

(3) *Pan od katastrof (GW 13.07.2012)*

Rosjanie powszechnie starają się jakoś pomóc mieszkańcom zniszczonego przez powódź Krymska, gdzie w nocy z piątku na sobotę nagle wezbrane górskie rzeki niczym „lądowe tsunami” zabiły ponad 170 śpiących osób. Zbierają pieniądze, żywność, rzeczy, do Kraju Krasnodarskiego jadą ochotnicy gotowi pomagać w porządkach. Trochę to bez sensu, bo państwo rządzone przez Władimira Putina z czym jak z czym, ale ze skutkami takich wielkich tragedii radzi sobie dobrze. W każdym razie lepiej niż z ich przyczynami.

Tak dzieje się być może dlatego, że prezydent swoją robotę z katastrofami zaczął od falstartu i bolesnej porażki.

Kiedy w sierpniu 2000 roku, trzy miesiące po tym, jak Putin został oficjalnie gospodarzem Kremla, zatonała łódź podwodna „Kursk”, prezydent pojechał sobie spokojnie nad Morze Czarne odpocząć. W miasteczku Widajewo nad północnym Morzem Barentsa, skąd okręt wyszedł w ostatni rejs, z rozpaczły szalały wdowy po marynarzach, a przywódca milczał w swej rezydencji w strefie subtropikalnej, za co nie postponował go, jak mówią Rosjanie, „tylko leniwy”.

Rok później potężna syberyjska Lena rozdeptała miasteczko Leńsk. Saperzy wysadzili lodowy zator na rzece i woda, niosąc kry wielkości czołgu, z prędkością pociągu towarowego runęła w dół. Łódź w drzazgi rozbijał drewniane domy, miażdżył samochody. Ofiar było niewiele, ale i z miasta zostało niewiele.

Wtedy Putin zareagował już prawidłowo i błyskawicznie. Natychmiast przyleciał do Leńska. Powiedział powodzianom: nie martwcie się, do zimy zbudujemy wam nowe, lepsze domy. [...] Do zimy miasto było odbudowane. [...]

Teraz prezydent był w Krymsku już w dniu powodzi. Znów obiecał, że odbuduje. [...]

Debata wokół katastrofy nad Morzem Czarnym przeradza się w dojrzałą dyskusję na temat, jaka jest dla władz Rosji cena życia obywatela. Również na temat pana od katastrof, który zdaniem rodaków powinien nie tyle hojną ręką podnosić z ruin, ile troszczyć się, by nie płonęło, nie tonęło.

(4) *Wychował nas Stalin (GW 8.03.2013)*

W przypadającą we wtorek 60. rocznicę śmierci Stalina socjologzy ogłosili, że 48 proc. Rosjan ocenia go dziś pozytywnie, a gani 22 proc. – trzy razy mniej niż 15 lat temu.

W ZSRR mawiali: „Lenin żywiej wszech żywych”, co na polski tłumaczono niezbyt słusznie jako „Lenin wiecznie żywy”, choć należało „Lenin bardziej żywy od wszystkich żyjących”. Dziś to powiedzenie nie ma sensu, bo „wujaszek Lenin” mało kogo obchodzi i martwy jest jako ta mumia w mauzoleum.

A ze Stalinem, choć pochowano go już dwa razy, bo z mauzoleum go wyrzucono, sprawa ma się zupełnie inaczej. „Wódz” rzeczywiście jest bardziej „żywy” od wielu żyjących. 60 lat po swojej śmierci jest wręcz wszechobecny. I to nie tylko na portretach, pod którymi na manifestacje wychodzą komuniści. Ani nie w Wołgogradzie, który przez osiem dni w roku, kiedy przypadają ważne daty historyczne, ma teraz być oficjalnie nazwany Stalingradem. I nawet nie w

„stalinobusach”, czyli autobusach z wizerunkiem „wodza wszystkich narodów”, które jego wielbiciele od czasu do czasu wypuszczają na ulice miast Rosji.

Stalin przede wszystkim jest w powszechnym obiegu, wśród zwykłych ludzi. Spróbujcie porozmawiać ze zwykłym starszym Rosjaninem w parku czy w pociągu o różnych Abramowiczach, współczesnych bogaczach chępiących się swymi londyńskimi klubami sportowymi i największymi na świecie jachtami. I prawie na pewno usłyszycie, że „Stalina dziś na nich, złodziei nie ma”.

A jeśli zagaić o Anatoliju Serdeukowie, do niedawna ministrze obrony, dziś oskarżanym przez Komitet Śledczy o wielomiliardowe malwersacje i wciąż nawet niearesztowanym, to dowiecie się, że „Stalin by takiego rozstrzelał”, bo on przecież swoich marszałków posyłał pod ścianę.

Młodzi inżynierowie, którzy rok temu wychodzili na „białe” antyputinowskie protesty i „okupowali” różne moskiewski skwerki i placyki, sami rozpoczęli rozmowy o Stalinie właśnie. O tym, że on wszystko, czym dysponował kraj, rzucał na budowę dróg, kanałów, fabryk, a nie, jak to się dzieje przy władzy dzisiejszej, na jachty, kluby, olimpiady i inne błyskotki. [...]

Władza też ma swoje widoki na Stalina. Prezydent Władimir Putin wzywa właśnie historyków, by dali rosyjskiej szkole podręcznik przedstawiający dzieje państwa i narodu w pozytywny, „pozbawiony sprzeczności proces”. Mają więc połączyć w jeden mocny łańcuch i carów, i komunistycznych genseków, i prezydentów.

Są w tym szeregu postaci krwawe, jak Iwan Groźny z jego oprycznikami wieszającymi bojarów czy Stalin rozstrzeliwujący setki tysięcy swych poddanych, ale wstydić się ich młodzi Rosjanie nie powinni. Bo ludzi tych łączy jedno – oni trudzili się i dziś trudzą się, budując wielkość państwa. [...]

Stalin wciąż jest. Przydaje się i władzy, i jej krytykom. A jego notowania będą się poprawiać.

(5) *Na czynowniku czapka gore (GW 7.09.2012)*

Czego się boi rosyjski urzędnik? Tego, że go posadzą. Nawet jeśli – co się czasem zdarza – czuje się absolutnie niewinny. Stara zasada patrona czekistów Feliksa Dzierżyńskiego wciąż jest aktualna: „Dajcie mi człowieka, a paragraf na niego się znajdzie”. [...]

Mojego kolegę Nauma Nima, który wydaje poświęcony rosyjskiemu systemowi więziennemu kwartalnik „Niewola”, wcale nie dziwi to, że nawet ludzie siedzący w łagrze o zaostrowym reżimie mają swobodny dostęp do internetu i korzystają z komórek. [...] A to, że oszuści z Konstancyjnowki, choć strzelali na ślepo, raz za razem trafiali w dziesiątkę, nie dziwi.

– U nas każdy człowiek, nawet na niskim stanowisku, żyje w ciągłym strachu, że go posadzą. Są oczywiście i tacy urzędnicy, którzy nie kradną ani nie biorą łapówek. Ale oni też zdają sobie sprawę z tego, że organy w każdej chwili mogą bez trudu zmontować lipne oskarżenie przeciw nim. A sąd na pewno uzna, że organy mają rację – ocenia Nim.

(6) *Putinizacja Ukrainy (GW 17.01.2014)*

Prezydencka większość w Radzie Najwyższej, gwałcąc procedury parlamentarne, przyjęła budżet Ukrainy na 2014 r. oparty na pomocy finansowej Moskwy. Przepchnęła też ustawy żywcem skopiowane z rosyjskich wzorców. Opozycja alarmuje, że w Kijowie doszło do zamachu stanu, a „parlament ukraiński umarł”.

Rada pracowała wedle najlepszych metod rosyjskiej Dumy Państwowej, zatwierdzając bez dyskusji kolejne restrykcyjne ustawy podsuwane jej przez ekipę prezydencką.

Jedna z nich, przyjęta jako poprawka do kodeksu podatkowego, nakazuje organizacjom pozarządowym, które zajmują się w jakiegokolwiek formie działalnością polityczną, a otrzymują wsparcie materialne z zagranicy, żeby rejestrowały się jako „agenci zagranicy”. [...]

To nowe prawo jest kalką rozwiązania przyjętego w ubiegłym roku przez Dumę. W Rosji służy ono skompromitowaniu organizacji pozarządowych, bo w oczach obywateli określenie „agent zagranicy” to synonim słów „szpieg” czy „zdrajca”. [...]

(7) *Kto prowokuje wojnę futbolową (GW 1.06.2012)*

Rządowa „Rossijskaja Gazieta” oszukała wczoraj swoich czytelników, pisząc na pierwszej i ostatniej stronie: „W Polsce za symbolikę radziecką naszych kibiców mogą ukarać grzywnami, a nawet deportować”. Winni temu są jednak nie rosyjscy redaktorzy, lecz nasi niekompetentni urzędnicy.

Przed wyjazdem reprezentacji Rosji i jej kibiców na mistrzostwa Europy w piłce nożnej w Moskwie jest nerwowo, jakby czekały nas nie mecze, ale od razu wojna futbolowa. A to ktoś

zapowie, że krewcy kibole ze Wschodu pobiją się z naszymi nie mniej krewkami. A to, że hotel Bristol, gdzie ma zamieszkać „sborna”, czyli futboliści z Rosji, zaatakują PiS-owcy...

I tej niepotrzebnej oliwy w polsko-rosyjskim ogniu nie ubywa, lecz stale przybywa.

Jarosław Książek, zastępca naszego ambasadora w Moskwie, spotkał się we wtorek z rosyjskimi dziennikarzami, by porozmawiać o przygotowaniach do mistrzostw. Któryś z gości zrozumiał, że – według dyplomaty – na polskie ulice nie wolno wyjść w koszulce z napisem: „СССР” czy wyobrażeniem sierpa i młota albo czerwonej gwiazdy, bo za to u nas wsadzają za kratki lub zasądzą wysokie grzywny.

I zagrały emocje. [...]

„Rossijskaja Gazieta”, dziennik ważny, bo rządowy, codzienna lektura klasy urzędniczej, mogła nie włączyć się do tego chóru biadolącego nad kiepskim losem rosyjskich kibiców nad Wisłą. W tej redakcji naszym krajem zajmuje się Ariadna Rokossowska [...]. Redakcja kazała Rokossowskiej sprawdzić, czy tak rzeczywiście było.

Dziennikarka poszła po nitce do kłębka. Pytała w naszej ambasadzie [...]. Napisała e-mail z tym samym pytaniem do rzeczniczki naszego ministerstwa [...]. O to samo pytała mailem rzeczniczkę MSWiA Małgorzatę Woźniak. W końcu się z nią zdzwoniła i dowiedziała, że dla Polaków „czas Euro to czas wyjątkowy, nasze służby będą tolerancyjne”. Ale na proste pytanie o istnienie w kodeksie paragrafu o karach za koszulkę z Leninem pani rzecznik odpowiedzieć uparcie nie chciała lub nie umiała.

Rokossowska nie wykonała więc swego zadania. Jej redakcyjny kolega dostał zaś polecenie napisania obszernego tekstu, w którym, powołując się na media rosyjskie, zapowiedział, że kibiców z Rosji mających przy sobie symbolikę radziecką czeka grzywna lub deportacja. [...]

Epizod z Ariadną, której nasi urzędnicy nie dali dojść po nitce do kłębka, to niby tylko drobne nieporozumienie, ale przez takie historie nie przekonamy Rosjan, że Polska to kraj praworządny. [...]

Тематика сообщений, как показывают приведенные выше материалы (а также комплексный анализ всех статей), касается актуальной ситуации в России, которая, как весь публичный дискурс, подчиняется политике. Однако вся сложность и все проблемы представлены В. Радзивиничем с точки зрения российского общества, в контексте не столько международного значения, сколько их значения для среднего россиянина. Поэтому его интересует не только правительство, а политики в его сообщениях появляются в связи с обсуждением важных социальных проблем российского общества. Следует одновременно подчеркнуть особую чуткость и восприимчивость журналиста, который замечает сложность представляемой ситуации и пытается раскрыть и объяснить российскую перспективу польскому получателю: информирует, интерпретирует и объясняет ситуации и слова (русские вкрапления), дает оценку, учитывая точку зрения как россиянина, так и своего читателя, но прежде всего старается привлечь его внимание, заинтересовать и поощрить к диалогу. Журналист предопределяет закономерности восприятия текста инокультурным коммуникантом в русле стереотипов, имеющих в польском обществе [8], впоследствии возможность восприятия в аксиологическом контексте, и, достигая каждый раз эффект новизны, показывает фрагмент российской действительности с ее текучими проблемами. Наиболее выразительным примером являются фрагменты текстов (1), (6) и (7). Целесообразно подчеркнуть также некоторую взаимосвязь и связность – в сущности, как казалось бы, отдельных – медиасообщений, последовательность которых позволяет автору делать ссылки на уже известное его адресату, рассчитывать на соответствующие знания, или же, повторяя с усиленной коннотацией чуждости, дополнять информации и внушать интерпретацию.

Жанровая специфика медийных текстов В. Радзивинича отвечает основным тенденциям к синкретизму формы и функции журналистских жанров (см., напр., Силантьев 2006). Это замечание касается также языка медиасообщений, с характерной разговорностью стиля и частым использованием маркированных (часто сниженных) языковых средств.

В рассматриваемых текстах сниженная лексика и фразеология имеет свое обоснование, то есть ее основой является первоисточник: русскоязычные маркированные языковые единицы, которые одновременно отражают способ речевого поведения россиян, их языковые особенности в обсуждении определенной проблемы. Разговорный характер и свобода стиля изложения – в зависимости от рассматриваемой проблематики – соотносится однако

(неоднократно по принципу контраста) с сознательным и ответственным (осторожным) использованием слова, что подчеркивается статусом информаторов и достоверностью источников. Ср., например:

A Wsiewołod Czaplin, rzecznik Rosyjskiej Cerkwi Prawosławnej, w wywiadzie dla państwowej agencji RIA Nowosti napomniął, że ostatni dzień Maślenicy to Proszczalne Woskresienije (Niedziela Wybaczenia), kiedy prawosławni nie powinni wychodzić na demonstracje, tylko kajać się za grzechy i prosić bliźnich o wybaczenie.; Wesołe polityczne ostatki są jednak zdaniem Ilii Ponomariowa, jednego z organizatorów protestów i posła do Dumy z partii Sprawiedliwa Rosja, groźną zapowiedzią dla obozu władzy (1).

W przypadającą we wtorek 60. rocznicę śmierci Stalina socjolog ogłosił, że 48 proc. Rosjan ocenia go dziś pozytywnie, a gani 22 proc. – trzy razy mniej niż 15 lat temu (4).

Mojego kolegę Nauma Nima, który wydaje poświęcony rosyjskiemu systemowi więziennemu kwartalnik „Niewola”, wcale nie dziwi to, że nawet ludzie siedzący w łagrze o zaostrozonym reżimie mają swobodny dostęp do internetu i korzystają z komórek (5).

Rządowa „Rossijskaja Gazieta” oszukała wczoraj swoich czytelników, pisząc na pierwszej i ostatniej stronie [...] (7).

Языковое своеобразие медийных текстов журналиста составляют не только упомянутые разговорные элементы речи и легкость стиля (ср. Jakkolwiek by się więc nie srożyła i jakimikolwiek karami groziła Jedna Rosja (zwana partią żulików i złodziei), pijani kierowcy będą zabijać przechodniów, a psychopaci dzięki powszechnej korupcji spokojnie kupować licencje na zabijanie. (GW 9.11.2012); I tak przez kilka tygodni ślepa kula [sonda Fobos – A.P.] grała z mieszkańcami Ziemi w rosyjską ruletkę, bo żaden komputer nie był w stanie wyliczyć, kiedy i na kogo spadnie. [...] Stany Zjednoczone – wróg chytry, podstępny, nieprzejednany i jeszcze niemoralny. Nieprzypadkowo Amerykanów w rosyjskim internecie bardzo często nazywa się „pindosami”, co przeciętny Rosjanin rozumie jako skrzyżowanie słów „pinder (pedał) i „amerikos” (pogardliwie Amerykanin”). (GW 20.01.2012)), но, прежде всего, умение объяснять и вводить в текст названия российских реалий, в том числе имена собственные, использовать русские вкрапления, крылатые слова, пословицы, предлагать их переводческие эквиваленты, пояснять приемы языковой игры, как в следующих примерах:

«Tak Moskwa obchodziła zakończenie Maślenicy, czyli prawosławnego karnawału» [1]. «Na tę manifestację nie wolno było przynosić transparentów z hasłami politycznymi, ale ludzie na miejscu rysowali je błyskawicznie. Na przeciwko hotelu Pekin mała dziewczynka swojej białej pluszowej małpce powiesiła na szyi kartkę z napisem: „Tylko ja jestem tu bandar-logiem”. – Ona jeszcze malutka, głupiotka – tłumaczyła rezolutnie, rozśmieszając demonstrantów, którzy pamiętają, że Putin niedawno nazwał swych wychodzących na wiece oponentów „bandar-logami”, czyli głupimi, bezwolnymi małpami» [1]. «Wiele samochodów było też ozdobionych naklejkami z napisem: „Prokatim Putina”, co można zrozumieć albo jako „przewieziemy”, albo „pozbędziemy się Putina”» (1).

«Bo izba, gdzie „niedźwiedzie”, jak nazywa się członków putinowskiej partii władzy Jedna Rosja, miały nie tylko większość, ale większość konstytucyjną pozwalającą im przyjąć każdą uchwałę, przez ostatnie lata pracowała jak taśma fabryczna posłusznie przyklepująca wszelkie projekty przysłane z Kremla» (2).

«Kiedy w sierpniu 2000 roku, trzy miesiące po tym, jak Putin został oficjalnie gospodarzem Kremla, zatonała łódź podwodna „Kursk”, prezydent pojechał sobie spokojnie nad Morze Czarne odpocząć. W miasteczku Widajewo nad północnym Morzem Barentsa, skąd okręt wyszedł w ostatni rejs, z rozpaczły szalały wdowy po marynarzach, a przywódca milczał w swej rezydencji w strefie subtropikalnej, za co nie postponował go, jak mówią Rosjanie, „tylko leniwy”» (3).

«W ZSRR mawiali: „Lenin żywiej wszech żywych”, co na polski tłumaczono niezbyt słusznie jako „Lenin wiecznie żywy”, choć należało „Lenin bardziej żywy od wszystkich żyjących”» (4).

«Na czynowniku czapka gore. Czego się boi rosyjski urzędnik? Tego, że go posadzą. Nawet jeśli – co się czasem zdarza – czuje się absolutnie niewinny. Stara zasada patrona czekistów Feliksa Dzierżyńskiego wciąż jest aktualna: „Dajcie mi człowieka, a paragraf na niego się znajdzie”» (5).

Выделенные жирным шрифтом текстовые единицы имеют разный статус и каждая из них требует отдельного комментария:

– Maślenica – масленица – неизвестный польскому читателю праздник, которому найдено соответствие в польской действительности;

– Бандерлоги – в польском переводе произведения Киплинга *bandar-logi*; элемент интертекстуального характера, специфика употребления которого поясняется инокультурному читателю в тексте;

– Прокатим Путина – лозунг, основанный на принципе языковой игры, которую журналист раскрывает в сообщении;

– „*niedźwiedzie*”, *jak nazywa się członków putinowskiej partii władzy Jedna Rosja* – здесь важной является метафора медведя, применяемая также в польских СМИ по отношению к России, часто с использованием графического изображения;

– *Lenin żywieje wszech żywych* – это фонетическое воспроизведение известной крылатой фразы «Ленин и теперь живет всех живых», цитата из поэмы В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин», которая, согласно БСКСРЯ [31, с. 248], «до середины 1980-х гг. использовалась в качестве лозунга. Со второй половины 1980-х гг. употребляется либо безотносительно к Ленину, либо по отношению к нему, но с иронией». В русско-польском словаре крылатых слов она имеет эквиваленты со знаком, указывающим на чуждость: «*Żywszy od żywych Lenin dziś*»; «*Lenin i dziś od żywych żywszy jest*» в значении ‘о trwałości idei, nieprzemijalności ludzi’ и информацией w polszczyźnie reprezentowane przez frazę «*Lenin wiecznie żywy*» i jej licznie zmodyfikowane pochodne [29, с. 266-267];

– *Na czynowniku czapka gore* – модифицированная пословица на *złodzieju czapka gore* (в значении ‘winowajca na każdym kroku czuje się zagrożony możliwością zdemaskowania go’ – [30, с. 124], имеющая в русском языке свой полный эквивалент: на воре шапка горит (‘о человеке, совершившем что-л. дурное, который непременно себя выдаст’ – [32, с. 98]; в данном случае выступает подставка одного лексического компонента *złodziej* (вор) русским заимствованием *czynownik* (чиновник – значение лексемы раскрывается уже в первом абзаце: *urzędnik*, с дополнительным определением *gosyjski*), усиливающим коннотацию чуждости. В данном случае важно, что в памяти читающего несомненно остается лексема *złodziej* – (вор), позволяющая в рамках данного текста отождествить чиновника и вора. Поэтому так существенным следует считать последнее объяснение, которое приводится уже в польском переводе: «*Dajcie mi człowieka, a paragraf na niego się znajdzie*» с замечанием, указывающим на автора фразы и ее статус «*Stara zasada patrona czekistów Feliksa Dzierżyńskiego*». Таким образом автор вводит оценочный компонент на уровне заглавия текста, рассчитывая на известную культурную и стереотипную мотивированность пословицы и крылатой фразы.

Приведенные примеры подтверждают, насколько важной и продуманной является текстовая стратегия автора, который, выбирая тематику, решая и осуществляя лексические выборы, создавая нужные пресуппозиции, предопределяет отнесение ко многим компетенциям своего читателя, участвующего в текстовой актуализации отдельных текстовых единиц. Большое значение в этом плане играют показатели чуждости – метатекстовые формулы типа «*co przeciętny Rosjanin rozumie jako*», «*jak mówią Rosjanie*», «*tu mają takie powiedzenie*» и использование кавычек.

В определении направления вектора интерпретации отдельных текстов роль играет заглавие – не только объявляющее о тематике, ср. напр.: *Dżin z butelki putinki* (GW 13.01.2012), *Pindosy atakują!* (GW 20.01.2012), *Kradną jak nigdy* (GW 10.02.2012), *Czarne złoto Moskwy* (GW 20.04.2012); *Koronacja* (GW 4.05.2012), *Putiszenko* (GW 11.05.2012); *Kto prowokuje wojnę futbolową* (GW 1.06.2012); *Puśki do więzienia, Święta do telewizji* (GW 3.08.2012); *Co począć, by poczynali* (GW 10.08.2012), *Na czynowniku czapka gore* (GW 7.09.2012), *Ewangelia według towarzysza Ziuganowa* (GW 28.09.2012), *Siergiej Groźny straszy Kreml* (GW 12.10.2012), *Kułak wraca do łask* (GW 19.10.2012), *Putin stracił czar* (GW 26.10.2012); *Choroba Putina* (GW 2.11.2012); «*Rosyjski Breivik*» na legalnych papierach (GW 9.11.2012); *Jak otfutbolić dziennikarza* (GW 16.11.2012) и др.

Современная Россия по-польски – в интерпретации и сообщениях польского зарубежного корреспондента Вацлава Радзивиловича представлена не в черно-белых красках, а в их разных оттенках и тональностях, отражающих как неоднородность российского общества, так и специфику событий и всю сложность их измерения с точки зрения не только россиян, но и польского читателя. Уже третий раз появляется здесь намек на получившую статус крылатой фразы Ф. Тютчева «Умом Россию не понять, Аршином общим не измерить» и третий раз с модификацией исключаящей отрицание...

Оказывается, что общение носителей разных языков и культур – при сохранении их культурной установки и использовании оптимальных речевых средств в родном языке – может гарантировать успешные контакты СМИ с другими народами. Эффективность таких межнациональных контактов формирует открытость к восприятию чужой культуры и языка (не только готовность к декодированию) и позволяет воспринимать СМИ как форму общественного диалога.

Список литературы

1. Bauman Z. O tarapatach tożsamości w ciasnym świecie // Dylematy wielokulturowości / Red. W. Kalaga. – Kraków, 2004. – S. 13 – 39.
2. Bralczyk J, Wasilewski J. Język w mediach. Medialność języka // Dziennikarstwo i świat mediów / Red. Z. Bauer, E. Chudziński. – Kraków: UNIVERSITAS, 2010. – S. 379 – 401.
3. Chlebda W. Ekwiwalenty i ekwiwalenty: między słownikami a tekstami // Na tropach translatów. W poszukiwaniu odpowiedników przekładowych / Red. W. Chlebda. Opole. 2011. – S.21 – 43.
4. Komparacja współczesnych języków słowiańskich. – T. 3: Frazeologia / Red. W. Mokijenko, H. Walter. – Opole, 2008. – 530 s.
5. Furdal A. Tożsamość polska, tożsamość europejska // Polska polityka językowa w Unii Europejskiej / Red. J. Warchala, D. Krzyżyk. – Katowice, 2008. – S. 307 – 323.
6. Gajda S. Słowiański świat językowy // Słowianie, Słowiańszczyzna – pojęcie i rzeczywistość dawniej i dziś. – Warszawa, 2002. – S. 97 – 111.
7. Kunce A. Zlokalizować tożsamość! // Dylematy wielokulturowości / Red. W. Kalaga. – Kraków, 2004. S. 79-95.
8. Lappo I. Uprzedzenia a media: recepcja wydarzeń na Dubrowce (analiza internetowej listy dyskusyjnej) // Polacy i Rosjanie. Przewycięzanie uprzedzeń / Red. A. de Lazari, T. Rongińska. – Łódź, 2006. – S. 323 – 333.
9. Lazari de A. Polskie i rosyjskie „zaprogramowanie kulturowe” // Polacy i Rosjanie. Przewycięzanie uprzedzeń / Red. A. de Lazari, T. Rongińska, Łódź. 2006. – S. 147 – 155.
10. Mała encyklopedia przekładoznawstwa / Red. U. Dąbmska-Prokop. – Częstochowa, 2000. – 361 s.
11. Mikułowski Pomorski J. Jak narody porozumiewają się ze sobą w komunikacji międzykulturowej i komunikowaniu medialnym. – Kraków, 2006. – 404 s.
12. Nowak P., Tokarski R. Medialna wizja świata a kreatywność językowa // Kreowanie światów w języku mediów / Red. P. Nowak, R. Tokarski. – Lublin, 2007. – S. 9 – 35.
13. Oczkowa B. Kilka uwag o współczesnych słowiańskich standardach językowych // Zrozumieć Słowiańszczyznę. Prace poświęcone Profesor Marii Bobrownickiej. – Kraków, 2010. – S. 13 – 27.
14. Pisarek W. Język w mediach, media w języku // Język w mediach masowych / Red. J. Bralczyk, K. Mosiołek-Kłosińska. – Warszawa, 2000. – S. 9 – 18.
15. Pstyga A. Czytając rosyjską publicystykę: semantyka rozumienia, interpretacja, przykład i frazeografia rosyjsko-polska // Przegląd Rusycystyczny. – 2008. – XXX № 4. – S. 58 – 69.
16. Pstyga A. Przekład w komunikowaniu medialnym. Wybrane zagadnienia na przykładzie polskich przekładów rosyjskich tekstów prasowych. – Gdańsk, 2013. – 158 s.
17. Skorupska M. Wizerunek Rosji i Rosjan w mediach // Polacy i Rosjanie. Przewycięzanie uprzedzeń / Red. A. de Lazari, T. Rongińska. – Łódź, 2006. – S. 375 – 383.
18. Wojtasiewicz O. Wstęp do teorii przekładu. – Warszawa, 1992. – 120 s.
19. Żakowska M. Rosja i Rosjanin w publicystyce polskiej po 1989 roku // Polacy i Rosjanie. Przewycięzanie uprzedzeń / Red. A. de Lazari, T. Rongińska. – Łódź, 2006. – S. 359 – 373.
20. Клушина Н. И. Стереотипность и творчество в российском медийном пространстве // Colloquium – 2010 / Под ред. У. Перси, А.В. Полонского. – Белгород-Бергамо: Политерра, 2010. – С. 67 – 70.
21. Костомаров В. Г. Глобализирующее влияние масс-медиа на язык // Президиум МАПРЯЛ 2003-2007: Сборник научных трудов. – СПб., 2007. – С. 120 – 123.
22. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М.: Гнозис, 2007. – 368 с.
23. Полонский А. В. Сущность и язык публицистики: Учебное пособие. – Белгород: Политерра, 2009. – 238 с.
24. Полонский А. В. Массмедийный текст и инокультурный адресат. – Gdańsk, 2014 (в печати).
25. Силантьев И. В. Газета и роман. Риторика дискурсивных смешений, М.: Языки славянской культуры, 2006. – 224 с.
26. Солганик Г. Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи // Язык современной публицистики: Сборник статей / Под ред. Г.Я. Солганика. – М., 2007. – С. 13 – 30.
27. Тарланов З. К. Язык. Этнос. Время: Очерки по русскому и общему языкознанию. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1993. – 221 с.
28. Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов / Под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. – 760 с.

Словари

29. RPSS: W. Chlebda, W.M. Mokijenko, S.G. Szuleżkowa, Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów, Łask 2003.
30. WSF PWN: Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami, opracowanie A. Kłosińska, E. Sobol, A. Stankiewicz, Warszawa 2005.
31. БСКСРЯ: В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова, Большой словарь крылатых слов русского языка, Москва 2005.
32. СРФ: А.К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова, Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник, Санкт-Петербург 1998.

RUSSIA AND RUSSIAN PEOPLE IN THE REPORTS WRITTEN BY WACŁAW RADZIWINOWICZ, A FOREIGN CORRESPONDENT OF THE NEWSPAPER GAZETA WYBORCZA IN MOSCOW

A. Pstyga

*University of Gdansk,
Poland*

*e-mail:
finap@univ.gda.pl*

The paper deals with one of the aspects of media communication: the work of a correspondent whose task is to present, interpret and evaluate events in the foreign country where he/she is stationed. The perspective and point of view are particularly important in his/her reports. The linguistic devices employed in such texts should be thoroughly investigated. The problems which need special attention include decoding, double coding of information, expressing thoughts in another language as well as describing and interpreting the foreign reality for the Polish reader. These phenomena are identified and analyzed in the reports written by Waclaw Radziwinowicz, a foreign correspondent of the Polish newspaper Gazeta Wyborcza in Moscow.

Key words: media communication, Gazeta Wyborcza, cultural and language barriers, newspaper reports, intercultural dialogue.

ДИСКУРС МОБИЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАЦИЯХ*

О. Ф. Русакова

*Институт философии и
права Уральского отделения
Российской академии наук,
г. Екатеринбург*

*e-mail:
rusakova_mail@mail.ru*

В статье анализируется дискурс мобильности в качестве способа начивания разнообразных форм передвижений в социальном континенте, ускорения процесса обмена людскими, вещественными, информационными и символическими потоками. Согласно автору, дискурс мобильности выполняет властную функцию, направленную на развитие коммуникативной трансгрессии — способности индивида и социальных групп преодолевать барьеры (пространственные, темпоральные, культурные, идеологические, информационные и др.). Дискурс мобильности можно использовать как аналитический инструмент теоретического моделирования медиасферы и массовых коммуникаций. Дискурс мобильности рассматривается посредством следующих понятий: текучая современность, новый номадизм, подвижность, продвижение, *homo mobilis*, *smart power* и др.

Ключевые слова: *mobility turn*, дискурс мобильности, масс-медиа, медиасфера, массовые коммуникации, текучая современность, новый номадизм, коммуникативная трансгрессия, *homo mobilis*, *smart power*.

В последние годы в социальных и гуманитарных науках заметно активизировался процесс формирования новых дискурсивных комплексов, характеризующих современные эффективные способы властвования и коммуникационного воздействия, а также знаменующие новые теоретико-методологические повороты в исследовательских практиках. К таким дискурсивным поворотам сегодня обоснованно можно отнести «*mobility turn*» или поворот к изучению мобильности как атрибутивного свойства эпохи глобализации и информационного общества.

Пристальное внимание к дискурсу мобильности связано с пониманием большой значимости разнообразного рода подвижностей людских, вещественных и информационных потоков в процессе формирования новых конфигураций социального пространства и времени. Ставший очевидным такой признак современности как ускорение социальной динамики, потребовал от обществоведов переключения на новую систему понятий, метафор, образов, концептов, способных сформировать особую исследовательскую оптику, позволяющую «схватить» все ускоряющуюся динамику общественного бытия.

Дискурс мобильности в качестве способа вербального/невербального означивания количественных и качественных характеристик разного рода передвижений в социальном континууме, ускорения, обмена людскими, вещественными, информационными и символическими потоками совершенно органично встраивается в систему концептов и понятий такой комплексной дисциплины как «коммуникативистика, а также особой субдисциплины под названием «теория массовых коммуникаций».

Будучи системно встроенным в концептуальный аппарат теории массовых коммуникаций, а точнее, — в теорию масс-медиа, дискурс мобильности позволяет, на наш взгляд, сконструировать весьма подвижный, пластичный и, в то же время, целостный образ когерентной медиасферы [4]. При включении дискурса мобильности в аналитическую ткань медиа—исследований, по нашему мнению, можно получить следующий эффект: хаотично функционирующие и, на первый взгляд, семантически не связанные между собой разнообразные дискурсы медийной среды (научные, художественные, мифологические, экономические, педагогические и др.) начинают обретать некий общий смыслопорождающий знаменатель в виде *подвижной ризомы* («все-перетекает-во-все»).

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 13-13-66001.

Смысловые потоки медиасферы носят «клиповый» характер исключительно потому, что в процессе их анализа применяется традиционная оптика формизма, сводящая любой феномен к некой дисциплинарной или социосферной матрице, которая рассматривается в качестве константы. Константа уже по определению лишена атрибутики подвижности, присущей трансформеру. Аналогично тому, как в евклидовой геометрии параллельные линии не пересекаются, так и в логике матричного (формистского) видения мы не заметим когерентных включений в медиасфере. Однако, если мы представим медиа-среду в виде подвижной ризомы, то есть, взглянем на нее с позиции парадигмы мобильности, то, наверняка мы обнаружим смысловые узлы, соединяющие разнообразные медиапотоки. Иначе говоря, когда мы применяем дискурс мобильности в качестве инструмента анализа современных массовых коммуникаций, мы руководствуемся, прежде всего, ризомно-сетевой моделью коммуникативных потоков и взаимодействий.

Ставший очевидным такой признак современности как ускорение социальной динамики, потребовал от обществоведов переключения на новую систему понятий, метафор, образов, позволяющую проанализировать и концептуально смоделировать динамику коммуникационных процессов. Если ранее обществоведы оперировали преимущественно понятиями статического мира («социальный слой», «политический институт», «габитус» и др.), то сегодня фокус исследовательского внимания отчетливо перемещается в сторону изучения мобильных объектов и динамичных форм деятельности.

В настоящее время в целом ряде стран активно работают исследовательские центры, занимающиеся проблемами мобильности. Наиболее известным является Центр исследования мобильности в Ланкастерском университете (Великобритания) [15] Существует также **Общеввропейская сеть исследований мобильности** (<http://mcenterdrexel.wordpress.com>).

Исследование дискурса мобильности нашло свое оригинальное развитие в теории текучей современности З. Баумана [1]. Ментальной проекцией тяжелой современности, по Бауману, выступает фордистская модель мира, основанная на принципах системной жесткости, иерархического устройства общества (логоцентризма), на доведенном до пределов рационализме и управленческом централизме. Согласно данной теории, в настоящее время на смену эпохи *hand wake*, или «тяжелой современности», приходит эпоха постфордизма или текучей современности. Новая эпоха ознаменована возникновением новых инструментов властвования. Если в фордистском мире одним из главных способов осуществления властных функций была дисциплина, основанная на жестком подчинении вышестоящей инстанции, то в мире текучей современности дисциплинарная власть оказывается рассредоточенной и сконцентрированной в значительной степени в символическом пространстве, образуемом масс-медийной деятельностью.

В текучем мире именно масс-медиа часто оказываются для индивида основным лоцманом, дающим ориентиры в быстро меняющейся социальной среде, в новых трендах и модных гаджетах, в бренд-имиджевых приоритетах и в способах идентификации. Экранные зрелища и Интернет взяли на себя властную функцию форматирования массового сознания в режиме мобильности, то есть, текучей современности. Масс-медиа, таким образом, выступают не только в роли институциональных носителей коммуникативной мобильности, но и трансляторов установки на мобильность как ценностно-значимого ориентира современного образа жизни.

Важно отметить, что, благодаря работам целого ряда современных авторов, среди которых необходимо особо выделить М. Кастельса [2], Дж. Урри [10] и Т. Крессвелла [17], П. Адей [13], дискурс мобильности обогатился новыми концептуальными образами, метафорическими значениями, в его категориальном репертуаре появились такие понятия как «сети», «потоки», «пространственно-временная мобильность» и др. Дискурс мобильности добавил новые смысловые оттенки многим аналитическим концептам, получающих современную разработку в социокультурных и коммуникативных исследованиях.

Современные теоретические портреты дискурса мобильности различаются своими методологическими и дисциплинарными подходами, приоритетными объектно-предметными областями социальных и гуманитарных исследований. Согласно известному британскому социологу Джону Урри, дискурсы мобильности должны встать во главу угла новой дисциплины — социологии мобильности, а при расширении исследовательских по-

лей — лечь в основу целого комплекса научных дисциплин под названием «mobility studies».

Фокус внимания социологии, считает Урри, сегодня перемещается от изучения устойчивых форм и социальных образований к исследованию взаимосвязей и констелляций различных видов и типов мобильности. Другой британский исследователь — Тим Крессвелл — предлагает рассматривать мобильность в контекстах смысловых полей дискурсов власти, репрезентаций и социальных идентичностей. Автор также обращает внимание на существование различных политик мобильности, предлагает целую систему категорий и метафор, позволяющую многопланово подойти к теоретическому моделированию видового разнообразия и концептосферы мобильности.

В целом, дискурс мобильности используется современными исследователями как для характеристики феномена *высоко пластичной подвижности*, присущей новым социокультурным и коммуникативным реалиям, так и для концептуального осмысления жизнеценностных установок, культивирующих мобильность в качестве условия успешной социализации в обществе текучей современности и информационно-коммуникативной революции. Другими словами, дискурс мобильности выполняет властно-дисциплинарную функцию социального программирования, направленную на *развитие коммуникативной трансгрессии* — способности индивида и социальных групп преодолевать разного рода барьеры (пространственные, темпоральные, культурные, идеологические, информационные и др.) посредством выработки специфических качеств, продуцирующих определенную степень мобильности, и развития мобильно-ориентированных компетенций.

Особый интерес у современных исследователей вызывают такие виды мобильности как Интернет-мобильность, коммуникативная мобильность, транспортная мобильность, урбанистическая мобильность, миграционная мобильность, туризм как разновидность мобильности, академическая, университетская, культурная, гендерная мобильность и т. д.

Кроме того, исследования мобильности включают в свою предметную область сравнительное изучение социально-пространственной и культурной мобильности разных исторических эпох, стран и народов. При выявлении инфраструктур различных исторических типов мобильности выделяются, к примеру, конная инфраструктура, характерная для мобильности эпохи Средневековья, железнодорожная инфраструктура, олицетворяющая мобильность индустриальной эпохи, автомобильная, авиационная и сетевая инфраструктуры, репрезентирующие мобильность современного типа.

Значительное внимание в mobility studies уделяется антропологическим аспектам мобильных коммуникаций, что находит свое отражение в новых понятиях, таких как «homo mobilis» (человек мобильный), «человек-турист», «третий объект» (гибрид мобильного средства и человека), «мотильность» (личностная предрасположенность или непредрасположенность к мобильности), «глобтроттер» (многопутешествующий человек).

В ряде исследований отмечается идеологическая заданность дискурса мобильности, его пронизанность либеральными ценностными установками, в основе которых лежит представление о мобильном образе жизни как о характерном способе существования свободного человека в свободном обществе. Человек данного типа принципиально открыт для межкультурных и иных транснациональных коммуникаций, свободно владеет разными языками, легко передвигается по миру, ориентируется в глобальном рыночном пространстве, в новых информационных технологиях, в новинках потребительской культуры, плотно включен в социальные и политические сети.

Тема мобильности сегодня раскрывается посредством целого ряда понятий, в числе которых — «адаптивность», «подвижность», «изменчивость», «гибкость», «пластичность», «коммуникабельность», «интерактивность», «empowerment», «promotion» и др. В дискурсивный комплекс, дающий обозначения для разных видов мобильности, входят многочисленные метафоры, среди которых наиболее распространенными являются метафоры *пространственного передвижения*, метафоры *путешествия*, в том числе — по ментальным мирам, метафоры *сети*, *потоков*, метафоры *хронотопа*, фиксирующие внимание на трансформациях в области восприятия пространства и времени в условиях ускорения жизни, антропоморфные метафоры, характеризующие homo mobilis.

В основе дискурсивных группировок метафор мобильности лежат определенные концептуальные схемы, ядром которых являются устойчивые ментальные образования, назы-

ваемые концептами. Концепты не только формируют метафорические ряды, но и управляют дискурсами мобильности.

Имена концептам, как правило, дают их базовые метафоры и понятия. Так, например, одним из концептов мобильности является **концепт нового номадизма**. [11]. Данный концепт трактует номадический мир (мир кочевников) посредством таких метафор как «жизнь в пути», «флуктуальный мир», «челночное пребывание в разных средах».

В основе концепта традиционного номадизма лежит *дихотомия оседлости и кочевничества*, репрезентирующая историческое противостояние двух различных образов жизни и разных типов мировосприятия. В современном глобальном мире данное противостояние получило свою реализацию в антагонизме коренных жителей государств, местностей и регионов, с одной стороны, и «кочующих» категорий людей или «людей пути» (*gens du voyage*), таких как мигранты, беженцы, бездомные бродяги, цыгане, с другой стороны.

В традиционном номадизме дискурс территориальной и культурной укорененности содержит негативную оценочную характеристику «кочевого» образа жизни, которая транслируется такими понятийными образованиями как «пришлость» и «понаеханность». Способ идентификации населения в подобном ключе осуществляется посредством дискриминационного дискурса, который всех «неукорененных» и «пришлых» относит к группе маргиналов и малодостойных людей, чьи права и маршруты передвижения необходимо ограничивать всеми возможными методами.

Концепт нового номадизма, напротив, транслирует дискурсы, направленные против дискриминации «людей пути», дискурсы, которые культивируют установку на ответственное признание мобильных социальных групп, на повышение социальной значимости миграционных процессов и мобильного образа жизни. «Жизнь в пути», согласно концепту нового номадизма, представляет собой не отклонение от нормы, под которой в территориальном фундаментализме подразумевается оседлый образ жизни, а, напротив, является формулой успеха в мире подвижно-текучих реалий и размывающихся границ.

Дискурс нового номадизма нацелен на активное размывание границ и барьеров между цивилизационным «центром» и «периферией», между «укорененностью» и «беспочвенностью». В центре внимания ново-номадических исследований — процессы социокультурных инверсий, флуктуаций и трансформаций, которые приобрели массовый характер в условиях ускорения человеческих и иных потоков.

При анализе феномена мобильности сегодня активно разрабатывается и внедряется в общественное сознание **концепт подвижности**. Подвижность рассматривается как благо с социально-адаптивной, рекреативной, экономической, коммуникативной, образовательной и медицинской точек зрения. Социальное и физиологическое здоровье, правильный образ жизни все чаще трактуются как пребывание субъекта в состоянии постоянного движения, активного взаимодействия с окружающей средой, то есть подвижности. Медицинская реабилитация постоянно ассоциируется с процессом вставания на ноги и способностью к самостоятельному передвижению. Кроме того, ценным личностным качеством считается подвижность в виде высокой социальной адаптивности, соответствующая инстинкту приспособления живых организмов к средовым особенностям, колебаниям и изменениям.

Особая значимость сегодня придается коммуникативной подвижности, которая считается исключительно ценным качеством при проведении дипломатических переговоров, а также при осуществлении культурного, научного и образовательного обмена.

В сфере образования и науки концепт подвижности обрел свою практическую форму в программах *академической мобильности*. Данные программы активно внедряются в жизнь в странах Европы в рамках Болонского процесса. Под академической мобильностью в болонских документах подразумевается перемещение студентов, преподавателей, ученых и администраторов из образовательных учреждений одних стран в другие с целью повышения квалификации, обмена опытом и знаниями, установления и развития продуктивных контактов. Среди главных задач академической мобильности выделяются следующие: 1) обеспечение доступа к учебным заведениям европейских стран, к разнообразным образовательным услугам (для студентов); 2) получение международного признания, прохождение стажировки для повышения академического статуса (для преподавателей и исследо-

вателей); 3) осуществление профессиональной переподготовки без нарушения статуса и законных прав (для сотрудников администраций).

В качестве главной цели и глобальной миссии академической мобильности называется интернализация образовательного и научного процесса, повышение его прозрачности [18, с. 10]. В гуманитарном плане академическая мобильность рассматривается как эффективный инструмент развития коммуникативных и профессиональных навыков, расширения горизонтов возможностей для личностного роста и для формирования независимого образа мысли. В целом же, академическая мобильность, по мнению компетентных респондентов, призвана осуществлять адаптацию университетского и научного сообщества к глобальному рынку труда [18, с. 38].

Дискурс академической мобильности, считают эксперты, должен занять столь же достойное место в стратегических планах современных государств, что и дискурс трудовой занятости, поскольку направлен на развитие социальных институтов и бизнеса. Считается, что поощряемый на национальном и международном уровнях, дискурс мобильности способствует тому, чтобы *mobility studies* и связанные с ними культурно-образовательные стратегии стали приоритетными целевыми объектами инвестирования [18, с. 57].

Следует заметить, что европейская политика в области академической мобильности, а, следовательно, и сам дискурс мобильности, распространяемый Европейским Союзом, в настоящее время подвергается весьма критическому анализу. «Великий дискурс» о мобильности все чаще рассматривается как инструмент продвижения неолиберального проекта глобализации, нацеленного на тотальную маркетизацию и коммерциализацию высшего образования. Исследования академической мобильности показывают, что данный процесс на практике оборачивается очередной волной вестернизации, западно-центричного форматирования мирового образовательного пространства. Потоки мобильных студентов, преподавателей и исследователей, в основном, имеют западный вектор. Лидерами в области массового приема «академических туристов» выступают США, Великобритания, Германия, Австрия, Франция, а рекордсменами отправки на учебу за рубеж выступают страны Восточной Европы и Азии. В итоге, проект академической мобильности, изначально задуманный как проект интернализации научно-образовательной среды, трансформируется в глобальную маркетинговую стратегию усиления конкурентоспособности и умножения ресурсов *soft power* стран Запада [7]. За фасадом академической мобильности можно обнаружить и такое негативное для стран-отправителей явление как «утечка мозгов» [15].

В противовес западнцентричному дискурсу академической мобильности в последнее время получает широкое хождение дискурс азиатской академической мобильности, выступающий проводником стратегий *soft power* таких стран как Япония, Китай, Индия, Южная Корея, Вьетнам, Сингапур и др. [8; 3]. Особенно больших успехов в области развития академической мобильности в рамках программ укрепления «мягкой мощи» собственной страны в последние годы добился Китай. Среди важнейших стратегических установок китайской модели *soft power* – популяризация китайской системы образования и расширение доли людей, владеющих китайским языком. В плане реализации данной стратегии Китай к настоящему времени уже создал 295 Институтов Конфуция при университетах разных стран мира. В целях продвижения китайского языка затрачиваются крупные суммы (около 200 миллионов долларов в каждом квартале) на обучение педагогов, призванных преподавать иностранцам упрощенную версию языка под названием Mandarin. Для детей китайских диаспор реализуется программа под названием «Travel to China to Find Your Roots», направленная на усиление китайской привлекательности, издаются специальные учебники по истории Китая, повествующие о традициях и достижениях страны, о ее международном влиянии, внушающие чувство гордости за историческую родину [19].

В современном обществе массового потребления существует тесная смысловая связка между дискурсом мобильности и дискурсом маркетинга. Это особенно наглядно фиксирует категория «продвижение» или «*promotion*». Посредством данной категории раскрываются специфические черты такой разновидности мобильности как *маркетинговая мобильность*. Под маркетинговой мобильностью подразумевается, в первую очередь, высокий уровень конкурентоспособности рыночных акторов, который проявляется в успешном продвижении производимой ими продукции, в закреплении в массовом созна-

нии таких символических образований как имидж, бренд и репутация, в занятии доминирующих позиций в подвижном пространстве маркетинга.

Принцип продвижения является одним из важных постулатов массмедийного маркетинга. Стремление к доминированию в медиа-пространстве стимулирует процесс опережающего включения СМИ в информационные потоки, мобильного реагирования на текущие события и медийные усилия конкурентов, оперативного производства «свежего» медиа-продукта и быстрой доставки его аудитории. В условиях нарастающей конкуренции особенно востребованными становятся мобильные масс-медийные технологии, которые позволяют обеспечивать форсированное продвижение смыслов, значений, идей и образов с целью их закрепления на новых социальных территориях и расширения сферы медиадискурсивного влияния [6, с. 118].

В современном дискурсе мобильности в настоящее время прочно укоренился **концепт хронотопа**, раскрывающий динамическую взаимосвязь пространственных сетей и потоков с темпоральными характеристиками, такими как скорость, ритм, темп, цикличность, событийность [9]. Концепт хронотопа лежит в основе современных исследований *коммуникативно-информационной мобильности*.

Коммуникативно-информационный подход к осмыслению мобильности акцентирует внимание на таком эффекте современных средств коммуникации как *сжатие пространства и времени*. Современный рост мобильности социальных субъектов, происходящий благодаря развитию высокоскоростных средств объективно-пространственной коммуникации (транспортная сеть) и виртуальной коммуникации (электронные СМИ, Интернет, сотовая связь, смартфон и т.п.), сжимает пространство и время, формируя тем самым хронотоп особого рода – коммуникативно-сетевой.

Хронотоп сетевой коммуникации представляет собой систему интерактивных коммуникативных взаимодействий, осуществляемых в пространстве сетевых сообществ. Хронотоп данного свойства стал предметом специального анализа в фундаментальном труде М. Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура». Кастельс выдвигает гипотезу о том, что в сетевом обществе пространство и время трансформируются под влиянием информационно-технологической парадигмы, в результате чего возникает новая пространственная логистика, обозначаемая им понятием «пространство потоков». «Под потоками, — пишет Кастельс, — я понимаю целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества» [2, с. 402].

Доминирующие социальные практики встроены в доминирующие социальные структуры. Основными сетевыми узлами пространства потоков, по Кастельсу, выступают центры информационно-технических инноваций, экономических и культурных обменов, распределения административной и политической власти. Другими словами, сетевая архитектура пространства коммуникативных потоков — это кристаллизация времени и констелляция власти современной информационной эпохи, это арена, где разыгрываются интересы и ценности социальных групп.

Все наше современное общество, утверждает Кастельс, построено вокруг потоков — потоков капитала, информации, технологий, организационного взаимодействия, изображений, звуков и символов. Пространство потоков есть материальная организация материальных практик в разделенном времени, работающем через потоки. Современное общество асимметрично организовано вокруг доминирующих интересов и доминирующих хронотопов. На одном социальном полюсе — хорошо организованные элиты, контролирующие широкие сети хронотопов (пространственно-временных потоков) и потому доминирующие в социально-коммуникативном пространстве и времени. На другом — дезорганизованные массы, чьи хронотопы локальны и блокированы социальными практиками элит. Стратегия элит — обеспечение изоляции своей хронотопной среды с целью сохранения полного контроля над пространственно-временными потоками разного рода капиталов. Стратегия оппозиционных масс — расширение пространственно-временных коммуникаций вплоть до слома иерархической архитектуры, выстроенной элитами сетевого хронотопа.

Максимальное включение народных масс в управление пространственно-временными потоками, считает Кастельс, приведет в итоге к ликвидации коммуникатив-

ных барьеров и к возникновению качественно нового хронотопа – экстра-временного или мгновенно-коммуникативного. Данная перспектива повышает социальную значимость такого властного ресурса как коммуникативная гибкость, которая выступает весьма ценным атрибутом так называемой smart power («умной власти»).

Мобильность, трактуемая в качестве важной характеристики «умной власти», сегодня приобретает статус государственной стратегии. На основе мобильных комбинаций разнообразных ресурсов smart power современные государства выстраивают свою внешнюю и внутреннюю политику, добиваются конкурентной устойчивости в мировом пространстве. От мобильности в сфере международных коммуникаций в значительной степени зависит геополитический статус страны, а также – ее имиджевая привлекательность для населения других государств.

В работах ряда зарубежных и отечественных авторов понятие «smart power» расшифровывается как способность гибко комбинировать и чередовать ресурсы soft power («мягкой» силы) и hard power («жесткой» силы) [5; 7; 12; 16]. К стратегическим ресурсам «жесткой» силы обычно относят военную интервенцию, экономические санкции, подкуп, дипломатическое давление. К soft power – ценности, идеалы, культуру, знания, обучающие программы, дипломатическое искусство, оказание гуманитарной и социальной помощи, культурную дипломатию. Соединение силовых механизмов власти с коммуникативными практиками soft power обеспечивает политическим институтам и структурам наибольшую устойчивость, гибкость и подвижность. Данный эффект достигается благодаря тому, что soft power обладает способностью такого ментального воздействия, при котором без оказания видимого насилия, опираясь на техники соблазна ценностями и благами цивилизации, осуществляется формирование и воспроизводство следующих источников легитимации государственных и межгосударственных организаций: лояльность населения, согласие, признание, идентичность, привлекательность политики, верность договорным обязательствам.

Мобильность в качестве атрибутивного свойства smart power предполагает высокую технологическую и интеллектуальную гибкость информационного управления, «управления рефлексией» в мировой политике. Умная мощь – это и скорость обработки информации, и способность государственных структур генерировать новые идеи и новейшие методы влияния.

В заключение можно отметить, что дискурс мобильности, концептуально соединенный с понятиями «новый номадизм», «promotion», «хронотоп» и «smart power», вполне может стать важным теоретико-методологическим звеном в развитии большой группы дисциплин, объединенных общим интересом к исследованию современных коммуникаций.

Список литературы

1. Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. Под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. Под науч. Ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.
3. Кочнева Е.Д. Современные тренды студенческой мобильности //Дискурс-36–39.Пи: Научный журнал. 2013, вып. 15.
4. Кожемякин Е. А. Современные медиадискурсы: специфика и проблема когерентности //Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. I Международ. науч.-практ. конф. Белгород, БелГУ, 1–4 апреля 2014 г.: Сб. науч. работ / Под ред. Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского, А. Г. Ходеева. – Белгород: КОНСТАНТА, 2014. – С. 57 – 62.
5. Най Дж. С.-мл. Умная сила: эссе //Политическая наука, 2012. – № 4. – С. 179 – 182.
6. Полонский А.В. Массмедийность как категория дискурса и текста // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. I Международ. науч.-практ. конф. Белгород, БелГУ, 1–4 апреля 2014 г.: Сб. науч. работ / Под ред. Е. А. Кожемякина, А.В. Полонского, А.Г. Ходеева. – Белгород: КОНСТАНТА, 2014. С. 110 – 122.
7. Русакова О. Ф. «Умная сила» («Smart power») как государственная стратегия // Политический вектор—PRO. 2013. – № 1. – С. 87 – 98.
8. Русакова О. Ф. Soft power как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии //Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2013. № 3 (118). – С. 52 – 61.

9. Русакова О. Ф., Фатихов С. П. Концептуальные модели хронотопа в гуманитарных и политических исследованиях // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Социально-гуманитарные науки. 2011. Выпуск 17. – № 30 [247]. – С. 122 – 127.
10. Урри Дж. Мобильности [Текст] / пер. с англ. А.В.Лазарева, вступ. статья Н.А.Харламова. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012.
11. Ушакин С. О людях пути: номадизм сегодня // www.akademia.edu/1876129
12. Чихарев И. «Умная мощь» в арсенале мировой политики // Международные процессы. 2010. № 25 // www.internends.ru/twenty-fifth/011htm (дата обращения 20.03.2013).
13. Adey P. *Mobility*. New York: Routledge, 2010.
14. Annual Forge Summer School, «The Dynamics of Mobility» University of Lancaster, UK -17-19 September 2013.
15. Dervin, F. Looking Beyond the Façade of Academic Mobility and Migration// [http: users.utu.fi/freder/dervinpaper.pdf](http://users.utu.fi/freder/dervinpaper.pdf)
16. Ernest J., Wilson III. Hard Power, Soft Power, Smart Power // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*: Sage, 2008. Feb 13. P. 111. (The online version of this article can be found at: <http://www.state.gov/secretary/rm/2009a/01/115196.htm>).
17. Cresswell, T. *On the Move: Mobility in the modern West*. New York: Routledge, 2006.
18. *Mobility: Closing the gap between policy and practice* (E. Colucci, H. Davies, J. Korhonen, M. Gaebel). EUA Publications. 2012.
19. Yee-Ruang Heng. Mirror, mirror on the wall, who is the softest of them all? Evolving Japanese and Shinese strategies in the `soft` power competition era// *International Relations of the Asia-Pacific*. Volume 10 (2010). – P. 285.

DISCOURSE OF MOBILITY IN CONTEMPORARY COMMUNICATIONS

O. F. Rusakova

*Institute of Philosophy and
Law, Ural Branch of Russian
Academy of Science,
Ekaterinburg*

*e-mail:
rusakova_mail@mail.ru*

The article examines the discourse of mobility as a way of denoting the different moving forms in social continuum, the acceleration of exchangings between human, material, informational and symbolic streams. According to the author, the discourse of mobility performs the important function, directed to the development of communicative transgression – personal and social ability for overcoming barriers (special, temporal, cultural, ideological, informative, et cetera). The discourse of mobility can be used as the analytical instrument of theoretical modeling of media-sphere and mass communications. The discourse of mobility examines by means of following notions: flowing modernity, new nomadism, mobility, promotion, homo mobilis, smart power, et cetera.

Keywords: mobility turn, discourse of mobility, mass-media, media-sphere, mass communications, flowing modernity, new nomadism, communicative transgression, homo mobilis, smart power.

СТРАТЕГИЯ ПРИБЛИЖЕНИЯ К АДРЕСАТУ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАТЕКСТЕ**Л. Н. Синельникова***Луганский национальный
университет
им. Тараса Шевченко**e-mail:
larnics@luguniv.edu.ua*

В статье дана характеристика интерактивных отношений, моделируемых адресантом современного публицистического текста в целях оптимального воздействия на адресата, создания поля совместности – когнитивной, психологической, языковой. Адресант осуществляет контроль за восприятием сказанного, ориентируясь на языковое сознание и картину мира адресата. Биокогнитивный подход к журналистскому тексту позволяет выявить явные и скрытые формы диалогичности: моделирование обратной связи, превращающей гипотетического адресата в актуального и публичную коммуникацию в межличностную; приспособление к языковому тезаурусу адресата, следствием чего является обилие стилистически «сниженных» языковых средств; использование приёма оговорки, синхронного уточнения сказанного с целью имитирования непосредственного (контактного) общения и др. Частотность и повторяемость приёмов «подстройки» адресанта к целевому адресату позволяет сделать вывод о формировании в массмедийном письменном тексте корпоративной адресант-адресатной языковой (дискурсивной) личности. Для современной публицистики характерен поиск способов установления контакта с адресатом, способствующих созданию общего когнитивного пространства.

Ключевые слова: публицистический текст, адресант, адресат, диалогичность, обратная связь, адресант-адресатная языковая личность.

Когнитивное направление в описании дискурса основывается на моделировании деятельности субъектов речи, выявлении механизмов интерактивности. Успешность коммуникации зависит от знаний общающихся относительно предмета речи, от установок адресанта и от того, как эти установки декодируются адресатом. Дискурс и манифестирующий его текст – социально отмеченная коммуникация, в которой через языковые формы разной природы передаются личностные и социальные характеристики коммуникантов, их фоновые знания и интенции. Дискурсивный подход к современному массмедийному публицистическому тексту предполагает внимание к его прагматическим характеристикам, прежде всего к «фактору адресанта» и «фактору адресата», а также к структурам и языковым средствам, обеспечивающим контроль за восприятием и пониманием сказанного. «Укрупнение» фигуры адресата в массмедийном тексте – наиболее существенная и эволюционно значимая черта этого вида речевой деятельности.

Биокогнитивный подход к анализу письменного текста ориентирует на существенные различия адресант-адресатных отношений в нём в сравнении с устным общением, поскольку «автор может только моделировать психологические, социальные характеристики слушающего, систему его ценностей, его намерения, как ближайшие, так и дальнейшие, его отношение к содержанию высказывания и возможные реакции на него. ... Отсутствие обратной связи принципиально меняет коммуникативную деятельность говорящего – она теряет свой автоматизм и спонтанность» [1, с. 73-74]. Действительно, в ситуации устного общения диалогичность – органическое свойство речевого взаимодействия, а в условиях письменного текста диалогичность моделируется, в результате чего происходит «когнитивная репрезентация собственной аудитории» [2, с. 94]. Адресант, исходя из замысла, кодирует некий смысл, задача заинтересованного читателя – понять этот смысл через декодирование вербальных знаков, в том числе таких, которые являются «сигналами» подтекста. Профессиональный журналист, переводя замысел в текст, прогнозирует как процесс, так и результат понимания сказанного. Такая установка требует внимания к выбору и компоновке языковых средств, способных создать общее с адресатом когнитивное пространство.

Рассуждая о статусе дискурса СМИ, А.Е. Кибрик полагает, что, если бы удалось показать хотя бы в пределах одного медийного жанра процесс моделирования когнитивной структуры аудитории, можно было бы считать обоснованным понятие «дискурс СМИ» [3, с. 181-182]. По нашему мнению, к числу «сильных» аргументов, поддерживающих дискурсивный статус СМИ, относится проявленная во всех медийных жанрах когнитивная установка на приближение к адресату, желание быть принятым и понятым. Такого рода стратегия выявляется в языковой организации медиатекста. Коммуникативная роль адресата активизируется через диалогизацию монолога, то есть через включение форм «разговора» с адресатом. При этом адресант-значимые категории предъявляются и как адресат-значимые по принципу аппликативности, который можно считать особым видом модальности, основывающемся на совмещении зон сознания субъектов речи. Мотивационно-поведенческий и речевой «срез» адресата активно «прикладывается» к языковому образу адресанта – образуется некая кооперативная языковая личность, которую во многих видах и жанрах массмедийного дискурса можно квалифицировать как целостную адресант-адресатную. Речевое поведение адресанта может выходить за пределы параметров его языковой личности и «подтягиваться» к признакам языковой личности адресата, его тезаурусу, лингвокультурным предпочтениям, психологии, мотивам и ожиданиям. Адресанто-ориентированный «расчёт» является основным коммуникативным принципом современного массмедийного дискурса. Учёт адресантом многих составляющих статуса адресата (возрастных, гендерных, культурно-образовательных, профессиональных) существенно конкретизирует и дополняет понятие «фактор адресата» и столь же существенно меняет содержание понятия «фактор адресанта».

Публичность в массмедийном дискурсе всё больше синонимизируется с доступностью для вполне определённого, а не абстрактного адресата. Не случайно возникло понятие «дискурсивные сообщества», участники которого «объединены одинаковыми ожиданиями в отношении формы и содержания коммуникативных действий» [4, с. 209]. Всё разнообразие механизмов снятия дистанции между адресантом и адресатом направлено на создание рецепции целевого адресата как читателя именно этого журнала, этой газеты и статьи. «Косвенные эксплицитные указатели адресованности составляют те его элементы, которые принадлежат к определённым лексико-семантическим, тематическим или ассоциативным рядам, полям или группам и идентифицируются как таковые заданным кругом читателей» [5, с. 60]. Тенденция к сегментации аудитории, к работе со своим адресатом способствует интеграции жанров в тип издания – газеты или журнала, которые ориентируются на конкретного адресата, на его языковое сознание и картину мира. В этом случае «фактор адресата» становится определяющим, и монологические тексты максимально приближаются именно к своему читателю и приобретают характер публицистических эссе как отрефлектированного типа отношений между миром адресанта, адресата и языком, их связывающим.

Сближению языковых личностей адресанта и адресата способствует обилие разговорно-диалоговых медийных программ, в которых отрабатываются и утверждаются интерактивные модели коммуникации. Многие из таких моделей переносятся и в письменные публицистические тексты, что даёт основание включать их в общее медийное диалоговое коммуникативное пространство. Адресант как в устном, так и в письменном формате коммуникации настроен на «подстройку» к адресату (исключения составляют интеракции конфронтационного, конфликтного характера), то есть на взаимодействие с ним через создание общего пространства разного рода идентификаций.

Основная цель СМИ-дискурса – формирование в сознании адресата особой регулятивной модели мира, и функциональное назначение языковых единиц ориентировано на смысл, который должен стать достоянием адресата. Психолингвистический подход к проблеме восприятия ориентирует на то, что «понимание текста происходит как погружение содержания текста в мой собственный социальный опыт» [6, с. 104].

Автор медиатекста моделирует такие условия протекания коммуникации, которые способствуют сближению с адресатом. Постулируемый в коммуникативистике тезис о том, что референция зависит от намерений говорящего и ожиданий слушающего, имеет отношение как к видам информации в массмедийном тексте, так и к её распределению и вербальной организации. Референциальный выбор обуславливается дискурсивным уровнем

отношений между адресантом и адресатом. Уже в описании события адресант задаёт определённые прагматические параметры, нейтрализующие монологизм в подаче информации. Используются те языковые средства, которые создают эффект присутствия в пространстве события не только адресанта, но и адресата. Слова *согласитесь, сами рассудите, вздумайтесь, обратите внимание* и под. выполняют роль маркеров наблюдаемости события (в теории нарратива такого рода повествование обозначено как монтажный приём). Адресант организует повествование как когнитивный процесс, в котором экстралингвистическая реальность соотносится с объёмом знаний адресата и с его возможными (соответствующим поставленным целям) оценками.

«Фактор адресата» получает дополнительное измерение в форме соучастия в интерпретации по принципу когнитивно-прагматического контроля со стороны адресанта. *Помните, лет 15 назад у нас прошёл фильм... Посмотрите сами... Представляет, зрелище какое... Вы заметили... Не можете не признать* – подобные дискурсивные показатели рассредоточиваются по тексту и не отпускают адресата, держат его в общем с адресантом коммуникативном пространстве.

В ситуации устного общения диалогичность – органическое свойство речевого взаимодействия, протекающего в режиме «здесь и сейчас». В письменном тексте реплицированный диалог моделируется, то есть создаётся искусственно. Но моделирование соответствует природе объекта, и включаемые в письменный медиатекст микродиалоги являются носителями «живых» реакций адресата, они эксплицируют обратную связь с ним. Начиная монолог микродиалогом, автор акцентирует важность именно интеракционных речевых действий. Имитация полемики с адресатом, представление его мнения через прямую речь и разные формы косвенной речи – всё это не просто «форматные трюки», связанные с «как бы» диалогом, а средства воплощения реальности, событийной и психологической, в которой пребывают как адресант, так и адресат. Это, в частности, подтверждается активностью приёма включения в публицистический текст вопросно-ответного блока, эксплицирующего обратную связь. Пример: *«Мне резонно возразят: а разве выпускники других вузов работают по специальности? Нужно ли стране столько юристов, экономистов и пиарщиков? Многие ли из выпускников журфака занимаются журналистикой? (Отвечу: с моего курса – примерно половина, и это ещё приличный КПД)»* (Дмитрий Быков. Остановить крысолова // Огонёк, 2005, № 38).

В публицистический текст включаются сегменты, стимулирующие обратную связь с адресатом и прогнозирующие возможную реакцию на сказанное. Показательный пример: *«И если там, куда вы доползли, и впрямь живёт ваше предназначение, происходит чудо. Не каждый день, но происходит! Правда, правда!»* («Бульвар Гордона», 2007, № 14). Слова *Правда, правда!*, имитируя диалогическую устность, вводят в текст заинтересованного собеседника.

С активизацией «фактора адресата» связано увеличение в медиатекстах объёма и функций всех форм диалогичности. Диалогичность монолога представлена в разных формах включения в процесс текстопорождения *другого*. Делается расчёт на реакцию гипотетического адресата, стимулируемую такого рода включением. Маркером адресант-адресатной когнитивной потребности разобраться в положении дел являются вопросы, которые рассредоточиваются по тексту, часто выносятся в его название. Имитируя незнание, недоумение, сомнение и т.д., журналист с помощью вопроса стремится активизировать мысли адресата и в ответе на вопрос разделить с ним власть над речевым событием как найденным решением. Вопросы приобретают функцию коммуникативов именно по этому параметру – по связи с проблемами целевого адресата. Автор задаёт «нужные» вопросы и предлагает «нужные» ответы, но сама природа вопросно-ответного диалога позволяет консолидировать позиции, сблизить оценки адресанта и адресата. Происходит некое «мотивационное привнесение» – выдвигание объединяющих положений на пути к истине. «Именно то, что изолирует два сознания, две одинаковые души, преодолевается, когда они задают друг другу вопросы и отвечают на них» [7, с. 87] – эту оценку вопросительности можно отнести как к контактной вопросительности, так и к когнитивной роли вопросов в письменном публицистическом тексте. С помощью вопросов адресат вовлекается в мыслительный процесс, ему предоставляется психологически и этически значимое право размышлять и рассуждать вместе с адресантом.

Автор стремится создать оптимально благоприятные условия для принятия информации через кооперативное взаимодействие с адресатом. Наиболее показательны *я – ты – мы*-отношения, представляющие собой «семантический алфавит» (А. Вежбицкая) идей и сущностей. Личные местоимения – способ установления размера дистанции между адресантом и адресатом. В современном массмедийном тексте авторское *я* динамично коррелирует с читательским *ты* и *вы* и, как правило, стремится трансформироваться в *мы*. *Мы*-отношения – «сильный» сигнал иллюкутивной установки на совместность (внедискурсивное толкование семантики *мы* как *я* и *другие* не выявляет этого прагматического значения). При переходе от *я* к *мы* происходит не просто смена субъекта, а превращение *мы* в полнозначное слово с лексическим значением нераздельной совместности. *Мы знаем, понимаем, помним* и под. очевидно выигрывают в сравнении с *я знаю, понимаю, помню*, если иметь в виду установку медиатекста на «прагматизацию правды» (Н.Д. Арутюнова).

Формы эмоционального проявления автора публицистического текста разнообразны. В социальной психологии выделяются две основные группы чувств: 1) конъюнктивные – объединяющие чувства, которые сближают людей и выявляют готовность к сотрудничеству, к совместным действиям и 2) дизъюнктивные – разъединяющие людей, свидетельствующие о том, что другая сторона воспринимается как неприемлемая, иногда даже как фрустрирующий объект, по отношению к которому не возникает желания к сотрудничеству (8, с. 76). В современном массмедийном тексте автор может проявлять как конъюнктивные, так и дизъюнктивные чувства в зависимости от обсуждаемой проблемы и характера адресата, с которым через общие оценки он стремится установить доверительные межличностные отношения. Моделируя формы гипотетической обратной связи, адресант может представлять их в виде поддержки, одобрения, похвалы или, напротив, в виде критики, недоверия, контраргументов и под. В имеющей универсальный характер оппозиции «свой – чужой» чувства занимают основное место: «свой» располагается на шкале «хорошо», «чужой» – на шкале «плохо» [9]. Аксиологическую основу «своего» адресата организуют положительные чувства, «чужого» – отрицательные. Это противопоставление конституирует толерантные, эмпатические тексты в противовес интолерантным и агрессивным.

Эмоции в теориях коммуникации и в многочисленных практических рекомендациях по организации успешного общения квалифицируются как основа «подстройки» под личность собеседника. Через эмоции, через психологически грамотно представленную в письменном тексте эмоционально-оценочную позицию адресанта прокладывается путь к изменению установок, представлений и переживаний адресата, который в этом случае становится прямым объектом речевого воздействия. Адресант выбирает те эмоции, которые позволяют установить консенсус в понимании обсуждаемой темы. Эмоции опасности, страха, вины, радости, сочувствия, интереса, симпатий и др. влияют на восприятие информации и формируют психологическую готовность к её принятию. В коммуникативном пространстве вербального воздействия на адресата эмоции нередко оказываются носителями интриги как категории манипулирования, которая обладает большой организующей или дезорганизующей силой.

В публицистическом тексте адресат – это Значимый Другой, на которого направлены все речевые действия адресанта. Слова *собственно, фактически, то есть, иначе говоря, всё-таки, мол, дескать* и под. являются дискурсивными маркерами, они реализуют прагматическую по своей сути идею имплантов (внедряемости), цель которых ввести в текст через «маленькие» слова личность адресата, незаметно связать с ним авторское слово и тем самым поддержать диалогический статус высказывания. Поскольку большинство слов-имплантов активны именно в разговорной речи, осуществляемой при непосредственном присутствии собеседника, и в письменном тексте они способствуют поддержанию прагматической пресуппозиции, объединяющей адресанта и адресата. Слова-импланты по-своему проявляют установку адресанта на искренность отношений с адресатом. Искренность в этом случае понимается как истинное намерение автора согласовать с адресатом иллюкутивный акт.

Нередко адресант корректируют сказанное на «глазах» у квазисобеседника, имитирует обмолвку, уточняет сказанное, при этом выполняется важная прагматическая установка – исключить неправильное толкование и понимание, повысить доверие к передаваемой информации, рождающейся в условиях открытого размышления. Комментирование

адресантом собственных речевых действий, рефлексия по поводу того или иного выражения, по сути, обращены к адресату. *Чуть не сказал... скажу иначе... оставим так, как сказано...* – все эти «невольные» сопровождения, имитирующие спонтанное мышление, проявляют стремление адресанта быть в общем когнитивном пространстве с адресатом. Различие по модусу «устный – письменный» очевидно нейтрализуется. На основе нарочитых оговорок в текст может вводиться воображаемый оппонент, которому приписывается «ошибочная» номинация, отвергаемая собеседником. В результате формируется «принудительный подтекст», выводящий на ироническую, а то и сатирическую оценку высказывания: «... по стакану за дуракратию. Т.е. я, конечно, хотел сказать – за демократию. Или за что всё-таки?»; «Одно только и утешает, что его поделники... или как там политкорректнее... партнёры, которые получали управленческий опыт под его чутким руководством, все при деле»; «За что люблю Америку, так это за её топорную... бр-р-р... упорную деятельность по распространению общечеловеческих ценностей»; «Назначен революционный комедиант Киева... секунду, уточню... ага, не комедиант, а комендант» (примеры из статей «Еженедельника 2000», публикуемых под псевдонимом Критикан Политиканов). Такого рода коммуникативную игру с адресатом можно квалифицировать как медийный эрратив [10] – намеренное нарушение нормы на основе приёма паронимии (сходстве звучания). Политическая реальность, рассматриваемая в варианте анекдотического перебора номинаций, представляет собой своеобразный вызов политкорректности через диалог альтернативных оценок.

Успех обратной связи зависит от меры совпадения кодов отправителя информации и её получателя. Адресант кодирует смыслы отнюдь не только в соответствии со своим мировосприятием и содержанием своего языкового тезауруса, но и согласует последний с языковым сознанием адресата. Этим в значительной мере объясняется обилие в современном публицистическом тексте «сниженных» языковых средств, в том числе жаргонизмов. Вербальная «упаковка» информации предполагает наличие у читателя определённого предварительного знания, общего пресуппозиционного поля, сформированного в результате пребывания в общем социально-культурном контексте. Обобщённый массмедийный адресат в стилистическом разрезе многообразен, целевой адресат определённого издания более конкретизирован и имеет свои стилистические предпочтения. Расширение сферы функционирования «сниженных» языковых средств, прежде всего жаргонизмов, с одной стороны, проявляет факт формирования адресата, интегрировавшего все стилистические пласты языка, с другой, СМИ активно участвуют в формировании такого адресата.

Литературный нормативный код делает явную уступку кодам референтных групп как целевому адресату. Стремление создать общее коммуникативное поле с адресатом всё более деформирует представление об эталонной публичной речи. В коммуникативной цепочке: *кто, что и кому* сказал, *кто и кому* сливаются во имя *зачем*, то есть во имя получения необходимого результата – воздействия на получателя информации. Желанием адресанта избежать неправильной оценки подаваемой информации объясняется повышенное внимание к значению ключевых слов текста. Адресант стремится учесть тот набор общественно-политических и моральных ценностей, которые актуальны именно на данный момент и именно для данного адресата. Можно в этой связи обратить внимание на активность приёма лексикографической интерпретации актуального для общества понятия. Показателен сам перечень слов, получающих толкование с акцентом на «выгодных» для целевого адресата признаках: *свобода, справедливость, легитимность, демократия, цивилизованный, федерализм, сепаратизм, децентрализация* и др.

Адресат в той или иной форме «присутствует» во всех сегментах массмедийного текста. По вектору установления доверительных отношений с адресатом располагаются фатические (контактоустанавливающие) средства, которые соотносятся с фазами общения и с этапами управления восприятием адресата. Фатическая функция языковых средств состоит в поддержании определённых социальных отношений, именно тех, которые сближают адресанта и адресата. Уже заголовок подготавливает адресата к принятию информации от «своего» адресанта (например, «Многообещающая социалка» – разговорная номинация, маркированная суффиксом -к (а), «Прихвачиванные инициативы» – оценочное окказиональное образование, акцентирующее внутреннюю форму «хватать», «За Европу ответит» – отсылка к жаргонному выражению «отвечать за базар», «Приехал, увидел,

заложил» – замена последнего слова книжного выражения жаргонным словом, «Герб накрылся флагом» – эксплуатируется амбивалентная, связанная с литературным языком и жаргонной номинацией, семантика слова «накрылся»). «Жаргонизация языка становится для журналиста прежде всего средством иронии, а также самоидентификации с той частью аудитории, которая легко отступает от норм русского литературного языка» [11, с. 60].

В подавляющем большинстве массмедийных заголовков информирование о теме уступает место установке на воздействие и регулирование поведения потенциального адресата (например, «Не простим», «Давайте сядем вместе», «Может ли Украину спасти патристическая идея. О чём мы?») и свидетельствует о задаваемом уже в названии текста типе прагматических отношений с адресатом. В воздействующих целях в структуру заголовка инкорпорируются призывы, лозунги, преобразованные фразеологизмы, интертекстуальные отсылки в виде аллюзий и т.д. – всё это, проявляя позицию адресанта, по форме и содержанию согласуется с ожиданиями целевого адресата, с его сознанием.

Особой силой воздействия на адресата обладает аргумент. По сути, все приёмы, о которых шла речь выше, соответствуют природе аргумента, если аргументацию рассматривать не в строго логическом, а в риторическом и прагматическом аспектах. Аргумент – это один из способов убеждения адресата и побуждения его к действию. Аргументация – особый коммуникативный сегмент публицистического текста. С одной стороны, аргумент проявляет позицию и особенности мышления автора, с другой – воздействует на адресата. Аргументацию в массмедийном тексте можно отнести к виду коммуникации с доминирующей воздействующей функцией. Место аргумента в масс-медийном тексте, способ его ввода и, наконец, языковая форма – всё это укладывается в прагматические адресант-адресатные модели отношений. Контекстная семантика аргументации имеет двустороннюю связь: она вытекает из темы текста, ответственность за раскрытие которой несёт адресант, и коррелирует с особенностями социального статуса целевого адресата, то есть выбор аргумента во многом определяется социально-культурными факторами и ментальными характеристиками адресата. Аргумент вырастает из объединяющей определённую группу людей культурной и социально-политической среды и основывается на системе ценностей, актуальных для целевого адресата. «Аргументация – это определённая человеческая деятельность, протекающая в конкретном социальном контексте и имеющая своей конечной целью не знание само по себе, а убеждение в приемлемости каких-то положений» [12, с. 255]. Аргументация всегда внутренне диалогична, так как адресатно ориентирована. Аргументативная активность свидетельствует о состоянии беспокойства адресанта относительно ценностных установок разных групп читателей. Дискурсивная ситуация убеждения (или переубеждения) организуется с целью сближения позиций, и в этом случае уходят прямые призывы и общие декларации, и автор, сохраняя ситуацию бене-фактивности (выбора), старается «приспособить» аргументы к ожиданиям адресата, объединённого с адресантом общими социальными заботами и общей культурно-языковой средой. В следующем примере аргументация строится на привлечении знакомых обществу афористических формулировок: «*Вот ведь парадокс, или, по-нашему – хотели как лучше... Экологи хотели как лучше*». «*После этого можно уже и не спешить ни с конституционными изменениями, ни с новой коалицией. Зачем? Лучшее – враг хорошего*» («Еженедельник 2000»).

С адресатом связано и такое свойство современных массмедийных текстов, как интертекстуальность. Отсылки к другому тексту – один из способов реализации иллюкутивных установок адресанта, но при этом очевидна его ориентированность на знание адресата, его интеллектуальный и культурный уровень. Частотность отсылок к определённому тексту также по-своему характеризует состояние общественного сознания (так, по нашим наблюдениям, наибольшей популярностью в украинских массмедиа в настоящее время пользуются произведения М. Булгакова и Н. Гоголя). Реминисцентная нагрузка идеологем советского времени, определяющая характер интертекстуальности 90-х годов прошлого века, практически сошла на нет.

Заметно изменились в массмедийном тексте прагматические характеристики чужой речи. Чужая речь в виде прямой, несобственно-прямой речи и несобственно-прямого диалога проявляет не столько отличия индивидуальных речевых систем, сколько свидетельствует о стремлении автора приблизить к себе адресата и, соответственно, самому приблизиться к нему через общий стиль общения. Взаимодействие речи адресанта и речи ад-

ресата в несобственно-прямой речи происходит с акцентом на языковых предпочтениях второго. Фиксируется одинаковая направленность на «сниженное» слово, которое нередко оказывается носителем речевой интерференции – неразличимости «чужого» и «своего». Субъектно-экспрессивная многоплановость публицистического текста, наложение сфер речевого сознания перестаёт осознаваться как таковое – автор и адресат сливаются в интегрированную языковую личность. Приведём соответствующие этому тезису примеры: «У «дочи» в дальней коробочке пылятся пенсионная книжка и ветеранская медалька, узнав о чём я офигел, потому что встречал медалистку в час ночи в клубе «Китайский лётчик Джао Да. ... И не проще ли платить больше действительно старым, чем размазывать тонким слоём всем? Ах, ничего из ответов не вижу, и бедное ухо оглохло. Сурик и блёкляя охра банальностей сводятся к тому, что в 55 лет пенсионерки-де могут нянчиться с внуками (что, не нянчатся?), а мужчинам и в 50 не найти работы (то-то они шустрят по кадровым агентствам!). ... Пора признать вредной чушью все эти разговоры о возрастной безработице и тэ дэ. Безработица для тех, кто не хочет искать работу, кто вял, пьян, груб, хмур, кому в лом отрывать задницу от дивана и морду от телика, кто не согласен меняться и ничего в своей жизни менять. ... Они «не миллионеры», чтобы тратить деньги попусту. То есть на: квартиру, газеты, транспорт, развлечения, врачей, моду и прочую нематериальную хрень» (Дмитрий Губин. Ими мы не будем // Огонёк, 2003, № 21). Как видим, стилистическое двуголосие (автор – адресат) практически превращается в одноголосие, в котором растворяется несобственно-прямая речь. «Сигналы» языковой картины мира адресата являются одновременно и «сигналами» языковой личности самого автора.

Резюмируем наши наблюдения:

– Характерной чертой современных массмедийных текстов является выдвигание в фокус внимание адресата (по большей части – целевого), латентный диалог с которым всё больше моделируется как актуальный.

– Предлагая свой взгляд на то или иное положение вещей, адресант стремится представить его в такой форме и с помощью таких средств и приёмов, которые способствуют общности, солидаризации с адресатом через общие речемышлительные процессы.

– Планируемый адресантом перлокутивный эффект по большей части связывается с психологическими характеристиками адресата, его языковым сознанием, следствием чего является активизация со стороны адресанта когнитивно-лингвальных действий диалогического характера.

– Для установления доверительных отношений с адресатом адресант использует возможности семантики и экспрессии слова, согласует стилистический выбор с языковой картиной мира адресата.

– Адресант использует широкий набор коммуникативно-релевантных структур для привлечения внимания адресата и для контроля за его ментальным состоянием.

– Культивируемые адресантом средства интимизации и доверительности трансформируют публичное общение в межличностное.

– Системная мотивированность в использовании языковых средств подчиняется (уступает место) речевой (коммуникативной) мотивированности. «Пристройка» к адресату, к его когнитивно-психологическим и языковым предпочтениям – тот иллюкутивный параметр, который в значительной степени определяет выбор языковых форм выражения мысли. Адресант склонен нарушать идентичность своей языковой личности в пользу языковой личности адресата.

– Субъект-объектные отношения (автор об адресате) всё более оттесняются субъект-субъектными (автор объединяется с адресатом), что повышает степень манипулятивности масс-медийного текста, поскольку адресат незаметно, но прочно «втягивается» в дискурсивную ситуацию и начинает пребывать в «да-позиции», широко культивируемой в PR- и НЛП-технологиях.

– Эволюция языка – это и эволюция форм общения, которая происходит в направлении более выгодных альтернатив. Одна из таких альтернатив – активизация «фактора адресата». Дискурсивные практики, нацеленные на «укрупнение» адресата и осуществляемые в виде массмедийных текстов, создают эффект коммуникативной реальности и про-

являют живую сферу функционирования языка, оказывая тем самым планируемое влияние на общественное сознание.

– Архитектоника отношений «я – другой» существенно меняется. Амбивалентность авторской интенции *я-для-себя, другой-для-меня, я-для-другого* получает дополнительную параметризацию через наложение одной модели на другую, их синтез, проявляемый в характере языка массмедийного дискурса.

– Прагматическая характеристика современного массмедийного публицистического текста (экспрессивность языковых единиц, стилистическая тональность и т.д.) определяется не только по отношению к автору, но и по отношению к адресату – складываются объективные условия для осмысления и описания интегрированной языковой (адресант-адресатной) языковой личности. Адресант-адресатные отношения по признаку их близости могут быть охарактеризованы как метатроп массмедийного текста.

Дискурсивная открытость к обмену мыслями с адресатом в итоге приводит к тому, что весь публицистический текст становится некой гарантией общности адресант-адресатных интерпретаций. В некоторых случаях проявляется своеобразная «избыточность» адресата, то есть затушёвывание языковой личности автора текста в пользу языковых предпочтений целевого адресата. В пространстве такого рода асинхронности накапливаются изменения в области нормы – прежде всего стилистической. Расхождение между адресантом и адресатом минимизируется, их связи уплотняются через совмещённость языковых сознаний, что создаёт особую структуру и семантику массмедийного текста, в котором акцент делается не на *я*, а на *другом*, на том, что *я* такой же, как все. Приближенность к адресату – признак современных массмедийных текстов – как устных, так и письменных, которые в целом проявляют тенденцию к демократизации всех форм и жанров общения. Но полная идентификация с языковым сознанием целевого адресата, который моделируется по признакам свободного от литературных норм общения, таит опасность полного забвения этих норм. «Демократизация языка СМИ, какие бы она ни имела негативные последствия, – это данность, отражение объективного хода вещей. Этот процесс адекватен нашей эпохе. ...Адекватен снижению уровня школьного и университетского образования, ответственности за печатное и устное слово. ... Возможно, именно язык СМИ играет наибольшую роль в развитии языка. ... И как бы ни боролись пуристы за искоренение и не ласкающей их слух лексики, и противоречащих нынешним правилам грамматики, но всё шире распространяющихся в живом языке оборотов, то и другое есть развитие языка. Да, отнюдь не линейное и очень противоречивое. Но развитие всегда противоречиво. То, что сегодня кажется нарушением законов языка, завтра, возможно, будет считаться его нормой. Если бы свою печать на литературном языке не оставляла каждая новая эпоха, то мы пользовались бы до сих пор языком эпохи классицизма» [13, с. 86]. И всё-таки соблюдение традиций публичного общения предполагает разделение социально-речевых статусов и разумный баланс между средствами кодифицированного литературного языка и его периферией. Ложная социальная идентификация столь же опасна, как и резкое отделение «себя» от «другого».

Обширное когнитивное пространство автора массмедийного текста в процессе контакта с адресатом должно стать достоянием последнего. Эта непростая задача выполнима лишь при условии наличия у пишущего разных видов компетентности – коммуникативной и процедурной, то есть умения сопоставлять свой тезаурус, свои знания о социально значимых событиях с тезаурусом и картиной мира адресата. Для современной публицистики характерен поиск способов установления контакта с адресатом, новых эффективных моделей влияния и интимизации отношений, способствующих созданию общего когнитивного пространства как возможности перехода от знания к пониманию.

Список литературы

1. Глыбин В. В. Письменная и устная речь в свете биокогнитивного подхода // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. XV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – Москва – Калуга, 2006. – С. 73 – 74.
2. Кожемякин Е. А. Массмедиа и обратная связь: точка зрения социального конструкционизма // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 27 (170). – Вып 20. – С. 93 – 10.
3. Кибрик А. А. О смысле понятия «Дискурс СМИ» // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования. – М., 2008. – С. 179–182.

4. Пастухов А. Г. Медиа-тексты в дискурсивных сообществах // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования. – М., 2008. – С. 209 – 212.
5. Воробьёва О. П. Реализация фактора адресата в художественном тексте в аспекте лингвокультурной традиции // Филологические науки. – 1992. – № 1. – С. 59 – 66.
6. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Шахнарович А. М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. – М., 1979. – 328 с.
7. Розеншток-Хюсси О. Как язык устанавливает отношения // Риторика. Специализированный проблемный журнал. – 1995. – № 1. – С. 76 – 95.
8. Андреева Г. М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 365 с.
9. Пеньковский А. Б. О семантической категории чуждости в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1985 – 1987. – М.: Наука, 1989. – С. 54 – 82.
10. Гусейнов Г. Ч. Неполная коммуникация в блогосфере: эрративы и литуративы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://speakrus.ru/gg/litulative.htm>.
11. Басовская Е. Н. Обезглавливание через озаглавливание // Русская речь. – 2003. – № 4. – С. 56 – 62.
12. Ивин А. А. Логика. – М.: Фаир-Пресс, 1999. – 320 с.
13. Аветисян Н. Г. Язык СМИ как фактор развития языка // Вестник Московского ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 4. – С. 80 – 86.

STRATEGIC APPROACH TO THE ADDRESSEE IN THE MODERN MEDIA TEXT

L. N. Sinelnikova

*Lugansk Taras Shevchenko
National University*

*e-mail:
larnics@luguniv.edu.ua*

The article gives a description of the interactive relations modelled by the addresser of the modern journalistic text in order to influence the addressee in an optimal way and to create a field of cognitive, psychological, linguistic compatibility. The addresser exercises control over the perception of what's being said focusing on the addressee's linguistic consciousness and picture of the world. The biocognitive approach to the journalistic text allows to reveal explicit and implicit forms of dialogicality: modelling the feedback that turns a hypothetical addressee into an actual one and public communication into the interpersonal one; adapting to the addressee's linguistic thesaurus, the result of which is a large number of stylistically "substandard" linguistic means; using the methods of the slip of the tongue, synchronous specification of the said in order to imitate the direct (contact) communication and others. The frequency and the repetition of the methods of "adjusting" the addresser to the target addressee allows to make a conclusion about forming a corporate language (discourse) addresser-addressee personality in the written mass-media text. The search of such ways to set contact with the addressee that would assist to create a common cognitive space is characteristic for the modern journalism.

Keywords: journalistic text, addresser, addressee, dialogicality, feedback, addresser-addressee language personality.

УДК 070

О ПОНЯТИЙНОЙ ОСНОВЕ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ

А. А. Тертычный

*Московский
государственный
университет
им.М. В. Ломоносова*

*e-mail:
tertaa@yandex.ru*

Современная теория журналистики должна иметь прочные логические основания. В этой статье автор анализирует особенности понятий, которые лежат в основе любой теории журналистики. Автор выделяет основные ошибки в использовании понятий. Кроме того, автор выясняет причины появления неточных понятий.

Ключевые слова: теория журналистики, логические основы теории, понятия в теории журналистики, неточные понятия.

Когда говорят, хотя бы и в шутку, о том, что наряду с науками естественными и не естественными, есть ещё и противоестественные (имея в виду теорию журналистики), то в этом, отчасти, виноваты и мы сами – те, кто, в той или иной мере, участвует в её разработке. Уже, хотя бы потому, что нередко предпочитаем логичности теоретических построений архитектуру метафор. Между тем, логическая строгость – одно из важнейших условий состоятельности любого рассуждения, претендующего на статус научного. В чем же, конкретно, мы можем себя упрекнуть? Упреков может прозвучать много и один из них – в том, что мы часто забываем о том фундаменте, на котором стоит весь рациональный мир – о **понятиях**. Именно подъем человека со ступеньки чувственного (то есть, образного) отображения действительности на ступень понятийного её отображения (то есть, мышления) ознаменовал наш выход из мира братьев наших меньших – животных, в мир человека разумного [6, с. 27 – 49].

Понятие как основа рационального (абстрактного) познания действительности требует самого уважительного к себе отношения со стороны каждого, кто пытается о чем-то размышлять, а тем более – на уровне научных теорий. В чем состоит такое отношение нетрудно установить, обратившись к своду логических законов, в частности – к тем требованиям, которые логика, как наука о правильном мышлении, предъявляет понятию (впрочем, как и ко всем другим элементам мысли).

Именно на уровне использования понятий [8, с. 3 – 19], чаще всего закладывается прочность или ущербность теоретических построений, в том числе и относящихся к сфере журналистики. Если нужна последовательная, логичная теория, то первоначально надо позаботиться именно о точности, правильности понятий (категорий), которые лежат в её основе. Неправильные (несостоятельные) понятия как раз и ведут к созданию ущербных теоретических «сооружений».

Откуда же берутся несостоятельные понятия? Прежде, чем ответить на этот вопрос, напомним, что означает этот элемент мысли: «понятие – это мысль, в которой обобщены в класс и выделены из некоторого множества предметы по системе признаков, общей только для этих выделенных предметов. Слово «предмет» здесь употребляется в самом широком смысле» [5, с. 141]. Можно сказать и по-другому: понятие – это мысль о предмете, взятом в его существенных признаках, свойственных и ещё ряду подобных ему предметов. Любое понятие имеет две стороны, характеризующие его: содержание и объем. Содержание представляет собой совокупность существенных признаков предмета, мыслимого в понятии (например: «человек» – общественное животное, производящее орудия труда). Объем представляет собой совокупность предметов, на которые оно распространяется (например: объем понятия «человек» – все люди, живущие на нашей планете).

Все несостоятельные понятия возникают на этапе их образования или переосмысления. Любому понятию, предшествует предварительное появление ранее не существовавшего предмета, познание признаков которого человеком и завершается формированием понятия. Причем предмет может быть реально существующим (например, впервые найденный человеком ранее неизвестный минерал, названный потом сапфиром) или вымышленным (например, выдуманное кем – то существо, названное потом гномом). Если по-

нятие включает в себя существенные признаки предмета, к которому относится, то оно является точным. **Неточные понятия** опираются на второстепенные, несущественные черты предмета, или же те черты, которых у него нет. Все понятия выражаются в словах. Однако, слова и понятия – не одно и то же, поскольку, одно и то же слово может выражать разные понятия (например: слово звезда выражает понятие и небесного тела и знак на военной фуражке и относится к успешному киноартисту и т.д. (такие слова, как известно, называются омонимами). В то же время, одно понятие может выражаться разными словами (синонимами). Любая наука стремится к тому, чтобы слова точно выражали суть понятия, имели строго определенное смысловое значение, то есть, – были терминами. Неточная терминология приводит к смешению понятий, к путанице мыслей.

В теоретические работы многие понятия приходят из сферы практической деятельности [18, с. 54 – 55]. Чаще всего, в таких случаях, теоретик берет «на веру» то или иное «устоявшееся» понятие, у использующих его практиков, (которых, обычно, «какие-то там научные тонкости» абсолютно не интересуют) и закрепляет его в своей теории. К сожалению, подобные заимствованные понятия, как правило, и характеризуются неточностью, расплывчатостью. Ошибки возникают, в первую очередь, при установлении родо – видовых отношений между явлениями, которые обозначаются с помощью тех или иных понятий. Возьмем, например, достаточно давно применяемое в теории журналистики понятие **«социальная журналистика»**. Это понятие образовано по обычной схеме, в основе которой лежат родо – видовые отношения между явлениями реальности, отражаемыми в данном понятии. Первое явление реальности, которое отображено в понятии «социальная журналистика», представляет собой род информационной деятельности, известный как журналистика. Второе явление, отображенное в понятии «социальная журналистика», представляет собой определенную сферу жизни общества, под которой обычно понимается некая совокупность проблем, таких, как медицинское, пенсионное, коммунальное обслуживание, обеспеченность работой, помощь инвалидам, сиротам и пр. [17, с. 1 – 2]. Эта сфера обозначена в исследуемом понятии словом «социальная». По замыслу «создателя» анализируемого понятия, именно с помощью слова «социальная» обозначается один из многих конкретных видов журналистики. С точки зрения формальной логики, вроде бы все правильно, если бы слово «социальная» действительно обозначало только одну особую сферу общественной жизни. На деле же, слово «социальная» изначально имеет более широкий смысл, нежели тот, который в него вкладывают в понятии «социальная журналистика». А именно, «социальный» обозначает принадлежность чего – либо (какого – то феномена) не к природе, а к обществу, то есть, социуму (например: «социальная информация», «социальная коммуникация», «социальная трансформация» и т. д.). Жизнь же социума, то есть, все, что в нем происходит, в разных его аспектах освещает журналистика в целом, как род информационной деятельности, но не отдельный лишь (пусть и очень важный) её вид.

И социальным, по своему характеру, является каждый из видов журналистики. Если же это определение закрепляется только за одним из её видов, то в результате получается, что все другие виды журналистики не отображают социальную жизнь, то есть жизнь социума (общества). Но ведь это же абсурдно. И приводит к этому абсурду наличие широкого и узкого смысла у понятия «социальная». Поэтому, то, что сегодня называют «социальной журналистикой», возможно, правильнее было бы назвать, например, «социально – бытовой» журналистикой. Хотя, заранее можно сказать, что это предложение будет отвергнуто адептами «социальной журналистики» на чисто психологическом уровне: «социальная журналистика» звучит более весомо, более «статусно», более благозвучно для уха тех, кто ею занимается, нежели «социально – бытовая». Хотя, на деле, статус любого журналиста, его значимость для общества зависит не от того, какую тематику он освещает. Главное, все – таки, как он её освещает, насколько высок его профессионализм? Насколько сильна его социальная позиция?

В настоящее время широкое распространение в теоретических рассуждениях получает ещё одно, подобное рассмотренному понятию («социальной журналистике»), понятие – **«гражданская журналистика»** [14, с. 1 – 3]. Можно ли отнести это понятие к состоятельным? Отнюдь, нет. Почему? Разберемся. Как известно, под «гражданской журналистикой» понимается любительская информационная деятельность отдельных гражд-

дан, прежде всего, в блогосфере Интернета. Если предположить, что этот феномен относится к журналистике, то относится на правах вида журналистики. Но, если, пытаясь определить характерные черты этого вида, мы употребляем определение «гражданская», то, тем самым, совершаем «фокус», который был совершен при образовании понятия «социальная журналистика». А именно, мы выводим все остальные виды журналистики в сферу некоей «негражданской» журналистики, что противоречит здравому смыслу и реальному положению дел. Теперь обратимся ко второй составляющей понятия «гражданская журналистика». Слово «журналистика», как известно, исторически закреплено за определенным видом профессиональной деятельности и расширяя его «юрисдикцию» на любительскую деятельность, мы как минимум вводим её в разряд профессии. А ведь то, что называют «гражданской журналистикой», является одновременно блоггерством, а это, как всем хорошо известно, – не профессиональная деятельность, а любительская, ни к чему не обязывающая тех, кто им занимается, в отличие о журналиста, несущего ответственность перед законом (по крайней мере, перед «Законом о СМИ») за качество, своевременность, периодичность поставки информации в аудиторию [11, с. 1 – 3]. Заменяя понятие «блоггерство» на понятие «журналистика», мы игнорируем реальное несоответствие обозначаемых ими видов деятельности [1, с. 1 – 4]. Возможно, что понятие «гражданский журналист» (как и понятие «социальный журналист») кому-то приятно использовать, как средство повышения статуса блоггерства в глазах общества, но это, как говорится, уже другая история [21, с. 31 – 32]. Хотя, если это действительно имеет некое значение для «повышения статуса» этого вида любительской деятельности, то на понятийном уровне его можно добиться, используя какие – то другие, более точные, определения, например: «сетевая публицистика», «сетевой публицист» и пр.

Правда, упомянутое выше понятие «**публицистика**», само по себе, также является поводом для размышления в интересующем нас плане. Дело в том, что с этим понятием связан ещё один из путей образования несостоятельных понятий. Этот путь состоит в умножении (расширении) ряда предметов, с которым связывается то или иное понятие. В частности, уже с момента возникновения понятия «публицистика» в разных странах, оно связывалось с разными предметами. Часто публицистикой называли все, что предьявлялось на суд публики (выступления по вопросам права, политики, пропаганду, плакаты, листовки, рекламу и пр.) [22, с. 7 – 29].

У нас в России это понятие также связывалось с разными явлениями, в том числе и в сфере информационной деятельности. Так, один из главных теоретиков публицистики в Московском университете, Е. П. Прохоров, считал её, наряду с научным познанием и художественным, третьим типом познания, которое «не только допускает, но и то требует сплава, соединения, переплетения научно – теоретического и художественно – образного мышления» [14, с. 90], объединяющим в себе, как научные, так и художественные методы. Другой теоретик – В. В. Ученова считала, что публицистика является особым родом общественно – политической деятельности, «средством массового политического общения» [19, с. 31].

М. С. Черепанов видел в публицистике форму общественно – политической практики, существеннейшей стороной которой является «политическое постижение действительности, её осмысление с точки зрения насущных практических задач общества» [20, с. 23]. В.М. Горохов полагает, что публицистика – это «специфическая область общественной деятельности, преследующая цель актуального политико – идеологического воздействия на массы» [2, с. 23].

Представитель украинской школы публицистики Е. Лазебник, связывал понятие «публицистика» с литературной деятельностью: «публицистика, как ветвь, часть литературы начинает свою теорию в античном мире... в Древней Эллад публицистика начала вырабатывать в себе художественную образность и боевитость полемики, и философское видение мира: она не выделяла себя из литературы и была её частью» [9, с. 30]. А другой украинский исследователь, В. Здоровега видел в публицистике форму сознания, средство познания действительности и воздействия на общественное мнение, которое занимает промежуточное место между наукой и искусством, тесно соприкасаясь с этими формами общественного сознания. По его мнению, «предмет публицистики, прежде всего, – социальные отношения между людьми, социально – политический аспект экономи-

ческих, производственных, морально – этических, научных. И всяких других явлений жизни» [4, с. 17]. Ряд исследователей считает публицистикой наиболее выдающиеся, с точки зрения социальной значимости и литературного совершенства журналистские тексты, включая такого рода тексты и любых других (кроме журналистов) авторов, публикуемые в СМИ. В результате, мы имеем понятие «публицистика», но не всегда знаем, что оно значит для того или иного исследователя.

Сейчас происходит умножение предметного ряда и по отношению к уже упомянутому выше понятию «социальная журналистика». Так, например, его уже (кроме всего прочего) пытаются употреблять для обозначения журналистики, освещающей всевозможные общезначимые проблемы и защищающей интересы всего общества, в отличие от журналистики, освещающей и защищающей корпоративные интересы (то есть граница прокладывается между корпоративными и всеми остальными качественными СМИ) [12, с. 113 – 117].

Ситуацию с наполнением одного и того же понятия разным предметным содержанием хорошо демонстрирует известная библейская притча о слоне и четырёх слепых мудрецах [13, с. 1], решивших однажды познать, что такое слон. Первый потрогал слона за хобот и сказал, что слон – это как змея – длинное и гибкое. Второй потрогал его за ногу и изрёк, что он похож на дерево – толстое и могучее. Третий же взял слона за хвост и решил, что слон – это как верёвка. Четвертый, ощутив брюхо слона, заявил, что он похож на большую бочку. Наполнение понятия «публицистика (так же, как и понятия «слон»)» разными исследователями разным содержанием, конечно же, может вести только к непониманию ими друг друга.

Надо заметить, что нередко «умножение» предметов, к которым «привязывается» одно и то же понятие, происходит не в силу того, что исследователь вкладывает в него своё собственное содержание, не совпадающее с представлениями о сути этого понятия других исследователей, а потому, что не знает, с каким предметом понятие было связано ранее. А, поэтому, наполняет его своим предметным содержанием. Такая ситуация может возникнуть, скажем, в случае неверного перевода уже существующего понятия с одного языка на другой. Вот пример. Автор одной из журналистских теорий, отмечая, что понятие «мультимедийная история», который он использовал в своей работе, пришло в российскую журналистику из сферы практической американской журналистики, где оно обозначается как «**multimedia story**» [7, с. 17]. На деле же, понятие «multimedia story» в зарубежной практике и теории журналистики означает не «мультимедийную историю», а «мультимедийный сюжет». Теперь же, с «легкой руки» нашего переводчика, понятие попало в теорию журналистики в другом его истолковании. Так у понятия «multimedia story» появилось два разных содержания (предмета).

Несостоятельные понятия возникают и ещё одним путем – в ходе попытки использовать для обозначения новых явлений «старые», уже наполненные вполне конкретным смыслом понятия. Результат одной из таких попыток – понятие «**расширенная заметка**» [3, с. 1], которое, по мнению тех, кто его употребляет, означает название жанра, существующего наравне, например, с жанром заметки. Но что значит «расширенная» заметка? До каких пределов она расширена? Где «начинается» и где «кончается» новый жанр? Потом, если есть «расширенная заметка», то должна быть и «суженная заметка»? Почему – то, не принимается во внимание то, что «заметка» – это обозначение одного из давно существующих жанров журналистики, который не может быть ни «расширенным», ни «суженным». Эти определения неприменимы по отношению к названию любого жанра. Так же, как и заметка, не могут быть «расширенными» или «суженными» ни фельетон, ни очерк, ни рецензия, ни статья и т. д. Хотя они могут быть (включая и заметку) разными по объему, но и это никак не меняет их жанровой определенности. Если же появляется какой-то новый тип публикации, то ему, соответственно надо давать свое, новое имя. Что же касается понятия «расширение», используемого в технологии развертывания потока новостной информации (например, новостными агентствами), то оно может привязываться к понятию «информация» (поскольку информация может быть базовой, раскрывающей существенные характеристики отображаемого события, и детализированной, несущей, кроме базовых характеристик, дополнительные признаки события, то бишь – «расширенной» (но, отнюдь, – не «привязываться» к устоявшимся жанровым понятиям

«заметка», «статья», «обзор», поскольку ничего нового в их жанровый статус «расширение» не вносит).

Идеальным вариантом образования понятий, обозначающих какие-то новые явления, мог бы стать вариант, применяемый, скажем, физиками. Если они, например, открывают какую-то новую частицу, то обязательно обозначают её словом, которого до тех пор не существовало в физической теории (например: молекула, нейтрон, позитрон и т. д.). А если открывают какую-то другую частицу, даже в чем – то похожую на первую, то и ей дают неповторимое имя (например, протон или бозон и т. д.). То есть, новое явление обозначается абсолютно новым, не существовавшим до того понятием. И потом физики всего мира для обозначения данного явления используют именно это понятие.

В теории журналистики немало понятий, которые можно было бы назвать «бездумными». Например, понятие **«технология творчества»** [10, с. 3 – 27]. Если вспомнить, что технология есть нацеленный на достижение вполне определенного результата свод стандартных требований производства чего – либо, которые никак нельзя нарушать, то становится понятно, что в её пределах никакое творчество (как нацеленное на получение нового результата) просто недопустимо. Ещё один вид понятий засоряющих тезаурус исследователя журналистики, это понятия, не имеющие своего предмета, или **«пустые понятия»**. К понятиям такого рода можно отнести, скажем, использованное в одном из учебных пособий понятие **«визуальное мышление»** [16, с. 36]. Автор в погоне за запоминающимся названием раздела книги, забывает о том, что «визуальное» – это всегда зрительный, чувственный образ. А ведь на уровне образного, чувственного отображения действительности мышление не существует, поскольку оно возникает лишь на более высоком уровне – уровне понятий, уровне рациональности [6, с. 27 – 49]. Поэтому, вводя в теорию журналистики понятие «визуальное мышление», мы вводим пустое понятие, не имеющее своего предмета. Пустыми (в логическом смысле) по сути, являются и такие **неопределённые понятия**, как: «много», «мало», «большой», «маленький» и т. д., часто, используемые в теоретических построениях некоторых исследователей журналистики. Поскольку они «безграничны», то каждый вкладывает в них то представление, которое ему кажется правильным.

Несостоятельные понятия, какими бы они ни были по типу и происхождению, попадая в тезаурус исследователей журналистики, по мере их накопления, безусловно, порождают множество логических несуразностей, необоснованных выводов и оценок. Именно поэтому от них необходимо избавляться как можно активнее.

Список литературы

1. Блоггерство и журналистика не синонимы: Статья. – (<http://www.bybanner.com/article/2466.html>). – С. 1 – 2.
2. Горохов В. М. Закономерности публицистического творчества. М.: Мысль, 1975. – С. 30.
3. Заметка//http://kgujournalist.ucoz.ru/publ/zhanry_zhurnalistiki/zame_tka_informacionnyj_zhanr_zhur_rnalistiki_tuma_nov_d/6-1-0-97
4. Здоровега В. Публициста, её природа, общественная роль, гносеологические и психологические основы. Автореф. дисс. док фил. наук. М., 1976. – С. 17.
5. Ивлев Ю. В. Логика. – М.: Проспект, 2004.- С. 141Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. М.:Мысль,1974. – С. 27 – 49.
6. Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. М.:Мысль,1974. – С. 27 – 49.
7. Кульчицкая Д.Ю. Отображение предметно-чувственного мира в журналистских произведениях: от печати до мультимедиа.Автореф. канд. филол. наук. М., 2013. – С. 17.
8. Леске М., Редлов Г., Штилер Г. Почему имеет смысл спорить о понятиях: Пер. с нем. – М.: Политиздат, 1987. – С. 3 – 19.
9. Лазебник Е. Публицистика в литературе (на укр. яз.).- Киев, 1971. – С. 30.
10. Легуновский В. П. Прямой эфир на отечественном телевидении: Технология журналистского творчества: Дис. ... канд. филол. наук. – Спб. – 2003. – С. 3 – 27.
11. Никакой блоговой журналистики нет» / Интервью с Вячеславом Варваниным. – (<http://webplanet.ru/interview/business/2006/08/28/lenta.html>).
12. Олешко В. Ф. Социальная журналистика: какой она должна быть в информационную эпоху // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 63. – 2012. – № 5 (259). – С. 113 – 117.
13. Притча о слоне и трёх слепых мудрецах// <http://www.booktales.ru/skazki/16-pritcha-o-slone-i-tryox-slepyx-mudrecax.html>.

15. Прохоров Е. П. Публицист и действительность. М., 1973. – С. 90.
16. Рублёв С. Гражданская журналистика на службе интересов общества: Статья. – (<http://lenta.ru/articles/2005/05/17/blogs/>).
17. Самарцев О. Р. Творческая деятельность журналиста. М., 2007. – С. 280 – 365.
18. Социальная журналистика // www.korrespondent.ru/tesaurus/209/6. – С. 1 – 3.
19. Тертычный А. А. Логическая культура журналиста. М.: ВК, 2005. – С. 20 – 25.
20. Ученова В. В. Гносеологические проблемы публицистики. М.: изд-во МГУ, 1971. – С.31.
21. Черепахов М. С. Проблемы теории публицистики. М., 1971. – С. 23.
22. Эггардт Л. В. Блоггерство – гражданская журналистика или слухи? // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2010 – № 2.
23. Haake W. Publizistik. Essen, 1962. – С. 7 – 29.

ABOUT NOTIONS BASIS IN THE THEORY OF JOURNALISM

A. A. Tertychny

*Lomonosov Moscow
State University*

*e-mail:
tertaa@yandex.ru*

The contemporary theory of journalism has a solid logical basis. The paper analyses the special peculiarity of the notions which base the journalistic theory. The author distinguishes the main mistakes in the using of journalistic theory notions. Also, the author analyses the factors of notions misuse.

Keywords: theory of journalism, logical basis of theory, the notions in theory, inexact notions.

ПЕДАГОГИКА

УДК 51-77

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО НАПРАВЛЕННЫХ ИКТ-КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ТРЕБОВАНИЙ НОВОГО ФГОС

М. М. Абдуразаков¹⁾
А. Х. Дзамыхов²⁾
М. А. Темирджанова²⁾

*¹⁾ Институт содержания
и методов обучения РАО,
Москва*

*²⁾ Карачаево-Черкесский
государственный универ-
ситет*

*e-mail:
abdurazakov@inbox.ru
dzamyhov63@mail.ru*

Одной из приоритетной задачей деятельности высшего профессионального образования является подготовка будущего учителя к профессиональной деятельности. В этом аспекте в работе рассмотрены роль место информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в образовании и в процессе формирования ИКТ-компетенций будущего учителя, отмечены проблемы подготовки будущего учителя к профессиональной деятельности в новой информационно-коммуникационной образовательной среде (ИКОС).

Ключевые слова: компетентность, компетенция, ИКТ-компетентность, информационные и коммуникационные технологии, информационно-коммуникационная образовательная среда.

Новые целевые установки на подготовку будущего специалиста заданы в Концепции модернизации российского образования и определены на основе принятого в ней компетентностного подхода к качеству подготовки будущего специалиста, предусматривающего достижение нового уровня результатов обучения, формирование профессиональной и общекультурной компетентности выпускника вуза. Качество высшего профессионального образования (и не только высшего образования) в настоящее время связывается с использованием компетентностного подхода при формировании содержания и реализации требований федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) нового поколения (в частности на этой основе построен вузовский ФГОС третьего поколения).

Требования, предъявляемые современным обществом к профессиональной компетентности специалиста, становятся более высокими. Информационная компетентность, как составляющая профессиональной компетентности специалиста может быть сформирована через непрерывность, преемственность, когда различные учебные дисциплины включают и востребуют знания и умения в сфере средств ИКТ.

От современного учебного заведения требуется внедрение инновационных технологий обучения, что предполагает использование новых методов и форм организации обучения, обеспечивающих наряду с фундаментальной подготовкой и соблюдением требований ФГОС, но и развитие информационной и коммуникативной компетентностей будущего учителя.

В условиях внедрения и использования инновационных технологий на базе средств ИКТ в образовании особое значение имеет способность преподавателя самостоятельно получать профессионально-значимую информацию об изучаемых объектах и использовать ее для решения возникающих проблем. Реализация этой задачи требует сформированности специфических умений и навыков системного подхода к поисковой деятельности в сфере технических, программных средств поиска, обработки и хранения информации

учебного назначения. Это во многом определяет успешность преодоления барьера между миром обучаемого и миром компьютерных технологий, способствует формированию информационного мировоззрения, развитию системного стиля мышления студентов.

В современном обществе качество образования зависит не от объема фактических знаний индивида, а от овладения им ключевыми компетентностями и этот принцип оценки качества образования начинают применять ко всем областям Базисного учебного плана, особенно в области информатики и средств ИКТ.

Знания, умения и навыки, формирующие в процессе обучения, часто оказываются невостребованными в реальных жизненных ситуациях. Эта особенность выдвигает специфические требования к содержанию профессиональной и методической подготовки будущего учителя, направленные на формирование гибких, мобильных знаний и умений применять их в нетипичных ситуациях.

В связи с этим для решения педагогической задачи может быть успешно применен компетентностный подход, реализующий новый подход в определении содержания, целей, форм и методов обучения, т.е. использование компетентностного подхода к профессиональной и методической подготовке учителя определяет как способность учителя решать типичные профессиональные задачи с использованием средств ИКТ, как профессиональную ИКТ-компетентность.

Теория и практика формирования компетентностей является объектом изучения исследователей В. А. Адольфа, С. Л. Братченко, Э. Ф. Зеера, И. А. Зимней, А. М. Новикова, Д. Равена, М. В. Рыжакова, О. Г. Смоляниновой, Л. О. Филатовой, А. В. Хуторского и др. Различные подходы существуют к выделению оснований для классификации компетенций обучаемых. Компетенции, приобретаемые в процессе образования, неоднородны, поскольку среди них можно выделить ключевые, базовые и специальные компетентности. Сравнительный анализ дефиниций компетентности показывает, что она характеризуется как: способность применить имеющиеся знания и опыт в той или иной области, практической ситуации, что особенно важно для профессионального образования.

Опираясь на исследования С. А. Бешенкова, Б. С. Блума, А. А. Кузнецова, М. П. Лапчика, С. Р. Удалова, Л. О. Филатовой, Е. К. Хеннера и др., ИКТ-компетентность можно определить как интегральное качество личности учителя, его способность решать бытовые, учебные и профессиональные задачи с использованием средств ИКТ.

Так, А. В. Хуторской предлагает трехуровневую иерархию компетенций школьников и выделяет:

- *ключевые компетенции*, которые относятся к общему (метапредметному) содержанию образования (конкретизируются на уровне образовательных областей и учебных предметов для каждой ступени обучения);
- *общепредметные компетенции*, которые относятся к определенному кругу учебных предметов и образовательных областей, (способности решать проблемы, требующие применения различных фактов, понятий и методов из других образовательных областей);
- *предметные компетенции* – частные по отношению к двум предыдущим компетенциям, имеющие конкретное описание и возможность формирования в рамках учебных предметов (способности учащихся привлекать для решения проблем знания, умения, навыки, формируемые в рамках конкретного предмета) [14].

Суть компетентностного подхода заключается в направленности профессионально-педагогического образования на формирование у обучаемых социально значимых знаний, новых умений и качеств, отвечающих динамичным изменениям социума.

Необходимо отметить, что ключевые и общепредметные компетенции всегда проявляются в контексте предмета или предметной области (или предметной компетенции) и обнаруживаются в лично значимой деятельности (предметно-информационной, деятельностно-коммуникативной, ценностно-ориентационной).

Методологический аспект компетентности учителя, по мнению В.А.Сластенина, обеспечивается организацией такого процесса формирования специалиста с высшим образованием, который включает в себя «воспитание у студентов мотивационно-ценностного отношения к системам знаний, понимания их относительности, изменчивости, умение во-

влекаться в процесс постоянной смены знаний, в процесс непрерывного продуцирования новых знаний» [11, с. 10].

Для реализации компетентного подхода образованию можно воспользоваться исследованиями по применению компетентного подхода в начальном профессиональном образовании, предложенный М. П. Чошановым, как идея «компетентности» принципиально нового качества профессиональной подготовки будущего педагога [15].

Компетентность как специфическое качество совокупности профессиональных знаний и умений выражается в следующем:

- знания компетентного человека оперативны и мобильны, они постоянно обновляются;
- содержательные знания, процессуальные умения как компоненты необходимые для решения практических задач;
- обладание критичностью мышления, то есть умение аргументировать выбор, отвергать ложные пути при выборе оптимального решения.

Образовательные компетенции Б.И.Хасан определяет как «результат развития основополагающих способностей, которые в основном приобретаются самим индивидуумом. Именно они позволяют достигать людям лично значимых для них целей...» [13].

В реализации компетентного подхода в образовании И.Фрумин выделяет *четыре аспекта* (типа, варианта, линии, направления):

- ключевые компетентности;
- обобщенные предметные умения;
- прикладные предметные умения;
- жизненные навыки [12].

Следовательно, на основе анализа психолого-педагогической литературы и в соответствии темой нашего исследования определим **профессиональную ИКТ-компетентность будущего учителя в сфере ИКТ как способность решать профессиональные задачи в новой ИКОС на базе средств ИКТ и включает в себя:**

• *ключевые ИКТ-компетентности*, необходимые для любой профессиональной деятельности учителя (компетентность учителя, проявляющаяся в его способности решать профессиональные задачи с использованием средств ИКТ);

• *базовые ИКТ-компетентности*, отражающие специфику профессиональной деятельности учителя в контексте требований процесса информатизации учебного процесса и реализации требований нового ФГОС;

• *специальные ИКТ-компетентности*, отражающие специфику конкретной или метапредметной деятельности, (компетентности, реализующие ключевые и базовые ИКТ-компетентности в конкретной предметной области или конкретной области профессиональной деятельности).

Следовательно, быть компетентным означает быть способным применить имеющиеся знания и опыт в конкретной ситуации. При этом внимание личности направлено на практическую ситуацию, где необходимо проявить сформированные компетенции. Нет смысла обсуждать компетенции, если они не могут быть использованы в различных, в том числе нестандартных, ситуациях. Иначе говоря, **компетенции** характеризуют некую потенцию, скрытую способность, как категория, отражающая общие характеристики, принципиально новое качество всей совокупности специальных знаний учителя, формируемых в процессе обучения.

Этот фундаментальный характер компетенций выступает важным аспектом, при котором деятельностное умение (навык) не может быть изолирован от компетенции, в рамках которой оно реализуется. При этом компетенция связана с мобилизацией функциональных знаний и проявлением соответствующих лично значимых позиций, которые имеют отношение к той или иной практической ситуации.

Компетентный подход в образовании призван обеспечить взаимозависимость внутренних изменений и образовательных процессов и внешних воздействий, обуславливающих изменения в образовательной-образовательной среде (*суть использования инновационных технологий в образовании*).

Важным вопросом формирования любой образовательной компетенции выступает ее знаниевое содержание, поскольку овладение компетенциями не равно образованности, культурности, хотя они и являются его основой. Формальное обучение, приобретение формальных знаний, не привлекающее во внимание деятельностный компонент компетенции, сегодня представляют преобладающей проблемой образования как в прошлом, так и в настоящем. Сегодняшняя заинтересованность в так называемых интегрированных, «многослойных» знаниях, получаемых на основе опыта собственной работы, обязательно будет возрастать, как бы мы ни относились к этой проблеме. Кроме того, теоретические знания, получаемые в образовательных учреждениях, должны быть обязательно применимы практически.

Ориентация всей образовательной системы на формирование социально значимых знаний и умений более всего отвечает парадигме лично-ориентированного образования, так как именно они позволят молодому педагогу впоследствии успешно реализовать себя в профессиональной деятельности, что и является одной из главных целей профессионально-педагогического образования.

Очевидно, что компетентность как умение мобилизовать в данной ситуации полученные знания и практический опыт не формируется самопроизвольно, а требует целенаправленной систематической работы педагогов и соответствующего методического обеспечения. Считаем необходимым отметить и еще некоторые особенности нашей позиции в отношении компетентностного подхода. Мы не противопоставляем компетентность знаниям и умениям, а рассматриваем ее как новое качество знаний и умений, формируемых в соответствии с ФГОС третьего поколения.

Список литературы

1. Адольф В. А. Формирование профессиональной компетентности будущего учителя // Педагогика. – № 1. 1998.
2. Баранников А.В. Содержание общего образования: компетентностный подход. – М.: ГУ ВШЭ, 2002.
3. Голуб Г. Б., Чуракова О. В. Метод проектов как технология формирования ключевых компетентностей учащихся. – Самара, 2003.
4. Евдокимов М. А. Открытое образование как вектор развития современной российской высшей школы. – Самара: СГТУ, 2003.
5. Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. – М., 2004.
6. Иванов Д. А., Митрофанов К. Г., Соколова О. В. Компетентностный подход в образовании. Проблемы, понятия, инструментарий. Учебно-методическое пособие. – М., 2005.
7. Каспржак А. Г. По ступеням компетентностей: О проекте «Модернизация образования: перспективные разработки // Первое сентября. 2002. – № 88.
8. Новиков А. М. Российское образование в новой эпохе /Парадоксы развития, векторы развития. – М., 2000.
9. Равен Дж. Компетентность в современном обществе – М., 2002.
10. Рыжаков М. В. О возможности использования компетентностного подхода в реализации задач повышения качества образования. Материалы к заседанию Ученого совета ИОСО РАО. – М., 2003.
11. Слостенин В. А. Программно-целевой подход к формированию социально активной личности Учителя //Теория и практика высшего педагогического образования. – М., 1984.
12. Фрумин И. Д. Компетентностный подход как естественный этап обновления содержания образования // Педагогика развития: ключевые компетентности и их становление: Материалы 9-й научно-практической конференции. -Красноярск, 2003.
13. Хасан Б. И. Границы компетенций: педагогическое вменение и возрастные притязания. // Журнал практического психолога 2004. – № 3.
14. Хуторской А. В. Возможности компетентностного подхода в реализации современного качества содержания образования. Материалы к заседанию Ученого совета ИОСО РАО. – М., 2003.
15. Чошанов М. А. Дидактическое конструирование гибкой технологии обучения. // Педагогика. – № 2, 1997.

FORMATION OF PROFESSIONALLY DESIGNED IT-COMPETENCIES OF THE FUTURE TEACHER IN THE CONDITIONS OF REALIZATION OF THE NEW FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARD

M. M. Abdurazakov¹⁾

A. H. Dzamyhov²⁾

M. A. Temirdjanova²⁾

*¹⁾ Institute of content and
methods Russian Academy of
education*

*²⁾ Karachai-Cherkess state
University*

e-mail:

abdurazakov@inbox.ru

dzamyhov63@mail.ru

One of the priority task of activity of higher professional education is to prepare future teachers to professional activity, In this aspect in-process considered role place of information and of communication technologies (ИКТ) in education and in the process of forming of the IT-competence of future teacher, the problems of formation of future teacher are marked to professional activity in a new of informatively-communication educational environment.

Keywords: competence, competence, IT-competence, information and communication technology, information and communication educational environment.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ВУЗА

В. Л. Кондаков¹⁾
А. А. Горелов²⁾

*¹⁾ Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

*²⁾ Институт социализации
и образования Российской
академии образования, г. Москва*

*e-mail:
kondakov@bsu.edu.ru
gorelov@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются научные подходы к разработке структуры, содержания и направленности физкультурно-оздоровительных технологий применительно к образовательному пространству современного вуза и повседневной деятельности студенческой молодёжи.

Ключевые слова: физкультурно-оздоровительные технологии (ФОТ), системно-функциональный подход, структура ФОТ, содержание ФОТ, направленность ФОТ, студенты, специальные медицинские группы.

Введение

Основные результаты нашего исследования были получены в ходе разработки федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. путём подписания государственных контрактов с Министерством образования и науки России по следующим проектам:

«Психолого-педагогические технологии повышения умственной и физической работоспособности, снижения нервно-эмоционального напряжения у студентов в процессе образовательной деятельности»;

«Разработка новых физкультурно-оздоровительных технологий, способствующих повышению функциональных возможностей организма и обеспечению высокой эффективности образовательной деятельности студентов»;

«Кинезиотерапия в системе оздоровления студентов вузов»;

«Системные механизмы регулирования двигательной активности студенческой молодёжи».

В последние годы у представителей различных отраслей науки, занимающихся человеком, его личностными характеристиками, деятельностными аспектами, образовательной сферой большой интерес вызывают вопросы использования различного рода технологий, направленных на улучшение здоровья современного человека. Особо актуализировалась эта проблема в педагогической отрасли, и это не случайно. Многочисленные исследования, проведенные в последние десять лет, свидетельствуют, что около 50% студентов российских вузов имеют отклонения в состоянии здоровья. Реальный объём двигательной активности учащейся молодёжи не обеспечивает полноценного развития. Наблюдается ежегодный рост числа студентов, которые по состоянию здоровья определяются в специальные медицинские группы (СМГ). Резко возросло количество студентов, которым по состоянию здоровья вообще запрещено заниматься физическими упражнениями [1].

В стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года в качестве проблемы № 1 декларируется повсеместное ухудшение здоровья, физического развития и физической подготовленности населения. В качестве основного аргумента в пользу этого приводятся данные Минздравсоцразвития России о том, что только 14 % обучающихся старших классов считаются практически здоровыми, свыше 40 % допризывной молодёжи не соответствует требованиям, предъявляемым армейской службой, в том числе в части выполнения минимальных нормативов физической подготовки.

Гиподинамический режим образовательной и повседневной деятельности студенческой молодёжи, высокие интеллектуальные нагрузки и нервно-психические напряжения

в процессе семинарских занятий, сдачи зачетов и экзаменов, нарушение суточного стереотипа, режима дня, времени приёма пищи, несоблюдение правил здорового образа жизни приводят к прогрессирующему росту числа заболеваний на старших курсах и увеличению числа занимающихся в СМГ.

К настоящему времени в базе накопленных знаний зафиксировано ряд существенных противоречий, подтверждающих необходимость проведения исследований в рамках научного обоснования содержания, направленности, методики физкультурно-оздоровительных технологий, изучения их эффективности в качестве элементов системы высшего профессионального образования, определения значимости в вопросах повышения умственной и физической работоспособности, функциональной тренированности студенческой молодёжи.

Систематизация, выявленных нами противоречий сводится к следующему:

Проведя анализ литературных источников, проливающих свет на описание, анализ и экспертизу современных образовательных и педагогических технологий нами было выявлено, с одной стороны, что у специалистов, занимающихся этой проблемой, еще не сформировалось единого мнения ни на структурно-содержательной стороне, ни на целевой направленности данных технологий. В то же время инновационные процессы, связанные с внедрением новых технологий в образование имеют массовый характер. В различной степени ими охвачены практически все учебные учреждения России. В качестве критериев для выделения новых технологий, как правило, служат такие позиции, как наличие новых предметов и учебных программ, введение альтернативных методик обучения, новых учебно-методических комплексов, иная организация учебного времени, введение в педагогическую практику инновационных подходов и др. [2]. С другой стороны, мы не встретили единого подхода к конструированию их содержания, с учётом направленности на конкретные целевые установки в образовательном пространстве современного вуза.

В настоящее время существует ряд публикаций, обзорного характера, подвергающих резкой критике ФОТ, включающие в своё содержание какие-либо дыхательные упражнения, которые по их мнению наносят серьёзный вред сердечно-сосудистой и дыхательной системам занимающимся. В противовес этим авторам имеется серьёзные научные контраргументы, свидетельствующие о позитивных результатах в использовании этих упражнений в образовательной практике студентов вузов.

Многие авторы [3; 4] дают негативную оценку любым нагрузочным ФОТ, которые предполагаются к применению в образовательной и повседневной деятельности студентов, входящих в состав специального медицинского отделения. В тоже время имеются противоположные экспериментальные данные о возможности использования подобных ФОТ [5; 6; 7], в том числе и с использованием подвижных и спортивных игр [8; 9], ходьбы и бега [9; 10], плавания [11] и др.

В доступной литературе встречается огромное количество противоречивых данных на предмет использования в жизнедеятельности человека восточных оздоровительных систем – йога, китайская гимнастика, ушу, инь-шин до и др. Одни авторы говорят об их безусловной пользе [12; 13; 14], а другие подвергают резкой критике [3].

В настоящее время в популярной литературе, на всевозможных сайтах всемирной паутины, выставлено огромное количество рекомендаций по использованию тех или иных оздоровительных систем (бодифлекс, пилатес, авторские дыхательные практики, йога, дао цзынь дуань и др.), научную основу которых составляет, как правило, личный опыт автора. Многие из этих технологий не имеют под собой какого-либо научного обоснования.

В настоящее время не существует каких-либо федеральных программ для вузов по содержанию, направленности и организации занятий по физическому воспитанию со студентами СМГ. В соответствующих нормативных документах составление программ физического воспитания со студентами этой категории отдаётся на откуп кафедрам физической культуры вузов. Это в свою очередь создаёт серьёзные нестыковки, как при формировании СМГ с дифференциацией по нозологическим признакам, так и в содержании учебно-тренировочных занятий, оценки уровня освоения учебных заданий и др.

Приведённые выше противоречия диктуют острую необходимость проведения комплексных научных исследований, нивелирующих их негативные последствия в образовательном пространстве современного вуза.

Таким образом, актуальность проблемы определяется острой необходимостью разработки и внедрения в образовательное пространство современного вуза новых физкультурно-оздоровительных технологий, способствующих, с одной стороны, развитию и совершенствованию базовых физических качеств, формированию основных двигательных навыков, укреплению здоровья, а, с другой – обеспечению оптимальных условий деятельности функциональных систем организма, задействованных в поддержании высокого уровня умственной и физической работоспособности студента.

Цель исследования – научно обосновать и экспериментально проверить системные механизмы конструирования физкультурно-оздоровительных технологий в образовательном пространстве современного вуза.

На основе теоретического анализа и обобщения специальной литературы нами была определена степень научной разработанности проблемы и составлено объективное представление о причинах прогрессирующего снижения уровня здоровья студенческой молодежи.

Методика

Студенчество представляет особую социальную группу, для которой снижение двигательной активности особенно характерно вследствие увеличения затрат времени на учебную деятельность. Данные научных исследований свидетельствуют, что реальный объем двигательной активности современного студента не соответствует тем нормативным требованиям, которые обеспечивают полноценное функционирование молодого организма. Реальный объем двигательной активности учащихся и студентов не обеспечивает полноценного их развития. В вузах Российской Федерации таких студентов насчитывается около пяти миллионов, и основной причиной ухудшения их здоровья является недостаточная двигательная активность. При этом от первого к последующим курсам данная тенденция не только сохраняется, но и прогрессирует.

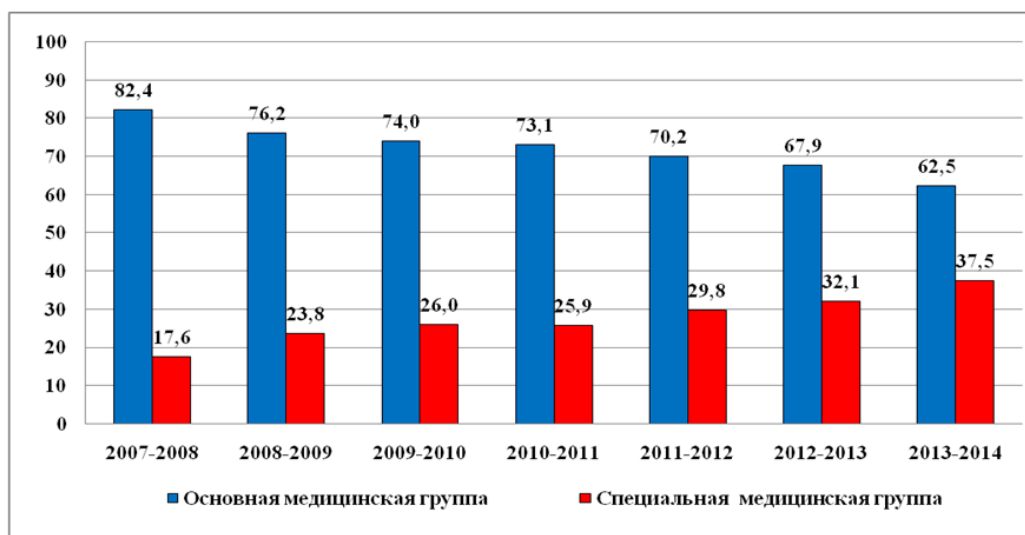

Рис. 1. Соотношение студентов основного (ОУО) и специального (СУО) учебных отделений в НИУ «БелГУ»

Это объясняется значительным увеличением умственной нагрузки, повышением нервно-эмоционального напряжения, снижением двигательной активности, ростом дефицита мышечной деятельности, повышением статических напряжений, нерегулярностью питания, наличием различных стресс-факторов.

На основе аналитических исследований, раскрывающих опыт конструирования существующих оздоровительных технологий, базирующихся на средствах и методах физической культуры были получены данные, свидетельствующие о том, что общие подходы к построению подобных технологий основываются чаще всего на личном опыте авторов и зачастую не имеют под собой какого-либо научного обоснования. Это выражается, в

первую очередь, в отсутствии концептуальной основы, определяющей целевую направленность технологий на достижение сфокусированного положительного результата, во-вторых, в неразработанности единых методологических позиций к конструированию их содержания, и, в-третьих, в необоснованности механизмов регулирования физической нагрузки, в зависимости от принадлежности студентов к медицинской группе.

В связи с тем, что в последние годы отмечается рост количества студентов, имеющих различные нарушения здоровья, которым предписано заниматься физической культурой в СМГ, нами была поставлена задача – сравнить основные показатели соматического здоровья студентов основного учебного отделения (ОУО) и специального учебного отделения (СУО) с тем, чтобы выделить наиболее типичный характер нарушений здоровья у студентов СУО, а также выявить степень риска возникновения аналогичных нарушений здоровья у студентов ОУО. Кроме того, нами было проанализировано состояние соматического здоровья студентов факультета физической культуры НИУ «БелГУ» (ФФК), являющихся действующими спортсменами, с тем, чтобы установить значение влияния систематической двигательной активности на общий уровень здоровья современной молодежи.

Таким образом, проведя анализ полученных данных, можно заключить, что: уровень соматического здоровья студентов НИУ «БелГУ» находится на низком уровне. По ключевым показателям, здоровье юношей, относящиеся к основному учебному отделению, также как и девушек, мало чем отличаются от своих сверстников, занимающихся физическими упражнениями в СМГ. Анализ результатов диагностики студентов НИУ «БелГУ» позволяет констатировать очевидный риск развития заболеваний опорно-двигательного аппарата, сердечно-сосудистой и дыхательной систем у большей части этой выборки.

Исследование соматического здоровья студентов НИУ «БелГУ» позволило получить достаточно корректные материалы, которые могут характеризовать состояние здоровья репрезентативной выборки генеральной совокупности студентов Российской Федерации, а также позволяющие опосредованно судить о взаимосвязи уровня соматического здоровья с уровнем двигательной активности студенческой молодежи.

Для того, чтобы исследовать эффективность существующих современных физкультурно-оздоровительных технологий в контексте обеспечения высокого качества освоения студентами образовательных программ современного вуза, нами было организовано 14 лабораторных экспериментов, в ходе которых изучалась эффективность следующих оздоровительных технологий с использованием: дозированной оздоровительной ходьбы; дозированного оздоровительного бега; дыхательной гимнастики по системе А.Н. Стрельниковой; дыхательной гимнастики по системе К.П. Бутейко; дыхательной гимнастики по системе Г. Чайлдера (Body flex); атлетической гимнастики; классической аэробики К. Купера; гимнастики по системе Дж. Пилатеса; оздоровительного плавания; аквааэробики; гимнастики по системе йогов; подвижных и спортивных игр; водного закаливания; дозированных термогидротренингов.

Было сформировано 30 относительно однородных групп (по средним значениям, а также по дисперсии исследуемых параметров, достоверно не отличающихся друг от друга). Каждая из исследуемых ФОТ вписывалась в структуру учебной программы по физическому воспитанию, таким образом, чтобы её функционирование в образовательном пространстве, представляло характер взаимодействия и взаимосодействия с базовыми компонентами учебного процесса, направленного на получение положительного конечного результата.

Обобщенные данные о влиянии исследуемых ФОТ на показатели соматического здоровья девушек и юношей представлены на рис. 2 и 3.

Лабораторные экспериментальные исследования эффективности широко известных оздоровительных технологий показали, что большинство из них, по своему содержанию можно отнести к малоинтенсивным двигательным функциональным тренировкам, имеющим узкую оздоровительную направленность – на коррекцию определённых функциональных систем организма занимающихся. Большинство из представленных оздоровительных технологий (за исключением тех, которые содержат двигательные действия аэробного характера) способствуют укреплению здоровья и закаливанию организма студентов, однако, не решают задачи гармоничного физического развития индивидуума, в виду отсутствия адекватных по интенсивности физических нагрузок. Кроме этого, все исследуемые технологии, с одной стороны, достаточно сложно вписываются в образователь-

ное пространство современного вуза, а, с другой – не соответствуют новым, научно-обоснованным требованиям к конструированию системных механизмов современных физкультурно-оздоровительных технологий.

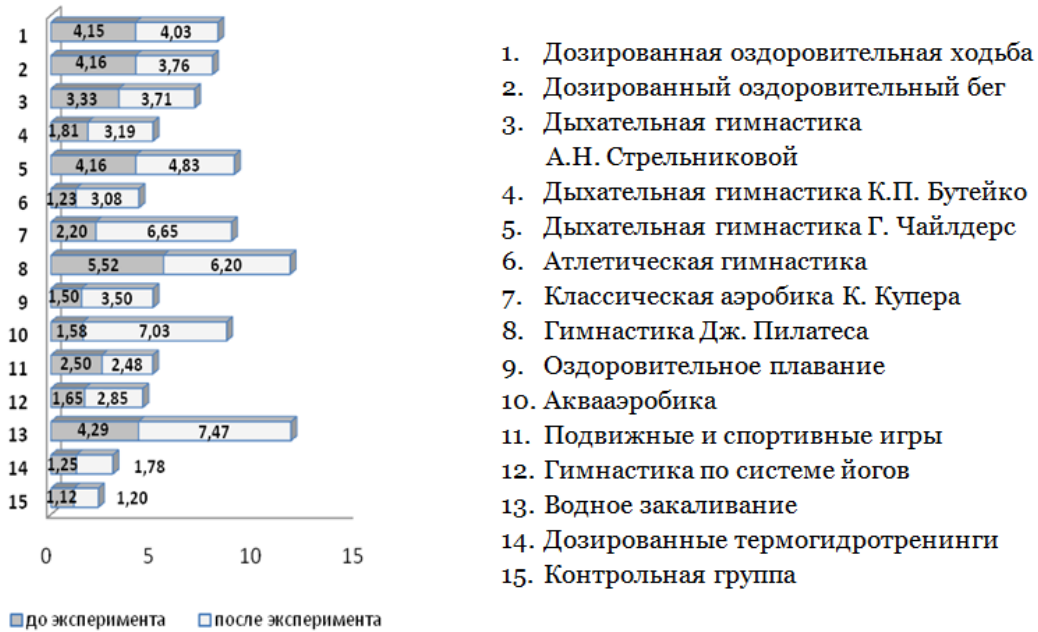

Рис. 2. Общий уровень соматического здоровья студенток, принимавших участие в лабораторных исследованиях физкультурно-оздоровительных технологий (по методике Г. Л. Апанасенко)

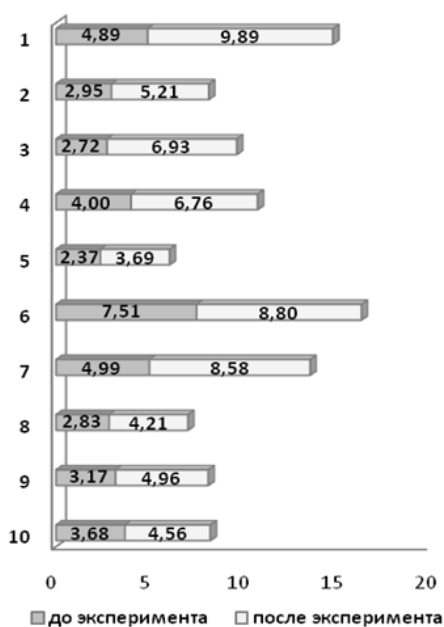
Рис. 3. Общий уровень соматического здоровья студентов, принимавших участие в лабораторных исследованиях физкультурно-оздоровительных технологий (по методике Г. Л. Апанасенко)

В основу использования физкультурно-оздоровительных технологий в образовательном пространстве современного вуза должно быть положено правило, декларирующее не жесткую их привязку к плановым занятиям по физическому воспитанию, а их системную организацию, как в процессе образовательной, так и в повседневной деятельности.

При этом обязательным условием должно быть суммарное обеспечение оптимального уровня двигательной активности, что обуславливается, в первую очередь, тем, что двух учебных занятий в неделю по два академических часа (90 мин.) недостаточно для решения проблемы восполнения дефицита двигательной активности студентов.

На основе исследованных существующих оздоровительных технологий нами была проведена пилотная апробация девяти экспериментальных ФОТ, которые показали общее положительное влияние на обследуемые показатели соматического здоровья студентов. Вместе с тем, первоначальные варианты этих девяти экспериментальных ФОТ не позволили достичь должного результата, поэтому они были скорректированы в варианты девяти новых ФОТ, подготовленные по результатам пилотной проверки их первоначального варианта в серии естественных педагогических экспериментов. Эффективность внесённых корректировок была доказана в ходе естественного педагогического эксперимента.

Обобщенные данные о влиянии исследуемых девяти новых ФОТ на показатели соматического здоровья юношей и девушек представлены на рис. 4 и 5.

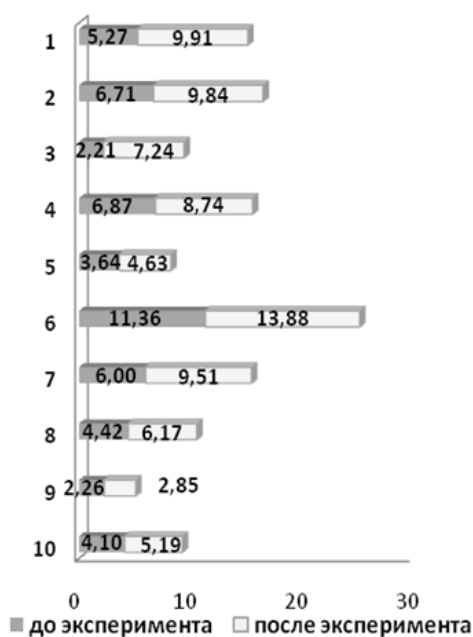
1. ФОТ повышения устойчивости организма к неблагоприятным факторам природной среды и профессиональной деятельности
2. ФОТ профилактики простудных и инфекционных заболеваний
3. ФОТ профилактики нарушений в состоянии сердечно-сосудистой системы
4. ФОТ профилактики нарушений в состоянии дыхательной системы
5. ФОТ профилактики нарушений в опорно-двигательном аппарате
6. ФОТ профилактики и снижения избыточной массы тела
7. ФОТ закаливания организма
8. ФОТ профилактики вредных привычек
9. ФОТ социальной адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья
10. Контрольная группа

Рис. 4. Общий уровень соматического здоровья студенток-девушек, принимавших участие в серии естественных педагогических экспериментов по проверке эффективности скорректированных вариантов ФОТ

Структура и содержание каждой ФОТ формировались путём длительных теоретико-экспериментальных исследований, в результате которых была принята единая схема их описания.

Так, в первую очередь анализировались литературные источники, проливающие свет на описание, анализ и экспертизу современных образовательных и педагогических технологий. При этом было выявлено, что у специалистов, занимающихся этой проблемой, еще не сформировалось единого мнения, как на структурно-содержательной стороне, так и целевой направленности образовательных и педагогических технологий. В то же время инновационные процессы, связанные с внедрением новых технологий в образование имеют массовый характер. В различной степени ими охвачены практически все учебные учреждения России. В качестве критериев для выделения новых технологий, как правило, служат такие позиции, как наличие новых предметов и учебных программ, введение альтернативных методик обучения, новых учебно-методических комплексов, иная организация учебного времени, введение в педагогическую практику инновационных подходов и др. При этом мы не встретили в литературе каких-либо изысканий в рамках ФОТ. Несмотря на

то, что в классификации образовательных (педагогических) технологий, разработанной Г.К. Селевко [2] включены психолого-педагогические, медико-педагогические и социально-педагогические технологии. По виду они отнесены к социально-педагогической деятельности и каким-то образом подразумевают оздоровительную направленность, однако, они всё же не опираются на двигательный компонент обеспечения здоровья, что не позволяют полностью заимствовать их архитектонику. Однако, базовые моменты описания разработанных нами ФОТ всё же были использованы.

1. ФОТ повышения устойчивости организма к неблагоприятным факторам природной среды и профессиональной деятельности
2. ФОТ профилактики простудных и инфекционных заболеваний
3. ФОТ профилактики нарушений в состоянии сердечно-сосудистой системы
4. ФОТ профилактики нарушений в состоянии дыхательной системы
5. ФОТ профилактики нарушений в опорно-двигательном аппарате
6. ФОТ профилактики и снижения избыточной массы тела
7. ФОТ закаливания организма
8. ФОТ профилактики вредных привычек
9. ФОТ социальной адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья
10. Контрольная группа

Рис. 5. Общий уровень соматического здоровья студентов-юношей, принимавших участие в серии естественных педагогических экспериментов по проверке эффективности скорректированных вариантов ФОТ

Заключение

Конструирование любой физкультурно-оздоровительной технологии должно быть подчинено созданию образа функциональной системы (по П.К. Анохину) и в динамике представлять последовательное построение взаимосвязанных между собой элементов, которые, взаимодействуя и взаимосодействуя обеспечивают получение сфокусированного положительного результата, а именно такого уровня здоровья студентов, который максимально обеспечивает успешность освоения учебных планов и программ вуза.

К этим элементам (компонентам) относятся: *концептуальный компонент*, содержащий цель, задачи и принципы ФОТ; *процессуальный компонент*, раскрывающий системные механизмы педагогического процесса, осуществляемого в рамках достижения конечной цели; *управляющий компонент*, обеспечивающий управление педагогического процесса ФОТ; *координирующий компонент*, определяющий соответствие цели её конечному результату и дифференцирующий направленность средств и методов ФОТ на следующем витке её функционирования.

Ниже приводится алгоритм структурирования ФОТ, так сказать единая схема её представления и осмысления:

Название ФОТ отражает суть решаемой проблемы, основную идею и характерную ситуативную направленность. Название технологии усиливается самым ярким её признаком через соответствующие ключевые слова.

Целевая направленность ФОТ выражается иерархией целей [15] и является стержнем или лейтмотивом, удерживающим стройность технологии и придающей её системную организацию. Философская категория «цель» характеризует деятельностную позицию,

ориентацию на здоровье человека и его значение в продлении физиологического и профессионального долголетия. Достижение цели осуществимо только путем последовательного решения задач, постановка которых определяется конечным результатом – в здоровом теле, здоровый интеллект, бодрость мышления и здоровый дух.

Концептуальная основа ФОТ, кроме генерального замысла, подразумевает краткое описание идей и принципов, способствующих пониманию её системных механизмов, алгоритма построения и функционирования.

Содержательная часть ФОТ определяется, с одной стороны, перечнем необходимых физических упражнений и особенностями их выполнения в групповых занятиях и самостоятельно, а с другой, их объёмом в дневном, недельном и месячном циклах и интенсивностью выполнения в зависимости от уровня функциональной тренированности организма. Кроме этого, содержание технологии определяет направленность каждого занятия (и группового, и самостоятельного), которая может меняться в зависимости от иерархии целей и решаемых задач. С учётом данной позиции занятия могли иметь следующие виды направленности: на обучение технике выполнения отдельных упражнений; на совершенствование техники выполнения отдельных упражнений; на развитие базовых физических качеств; на формирование простых и сложных двигательных навыков; на укрепление здоровья, закаливание организма, повышение устойчивости к неблагоприятным факторам природной среды и образовательной деятельности.

Процессуальная составляющая ФОТ декларирует непосредственно процесс физкультурно-оздоровительной деятельности студентов. Она раскрывает формы организации занятий и методы обучения физическим упражнениям, алгоритмы деятельности руководителя и занимающихся, механизмы взаимодействия и взаимосодействия всех элементов физкультурно-оздоровительной системы, а также механизмы регулирования двигательной активности как на отдельном занятии, так и в едином процессе двигательной активности студента. Кроме этого описываются особенности методики двигательной активности в зависимости от мотивационной направленности занимающихся и их личностных характеристик.

Управляющий компонент ФОТ представляет системные механизмы управления педагогическим процессом двигательной активности студентов через такие элементы организации процесса физического воспитания в вузе, как планирование, подготовка руководителя ФОТ, учёт и контроль. Кроме этого, особое значение в управлении процессом двигательной активности в рамках ФОТ отдавалось увязыванию её всех организационных форм и их регламентации в образовательном пространстве вуза и повседневной жизни студентов.

Координация направленности средств и методов ФОТ обеспечивалась этапной диагностикой уровня физического развития, физической и умственной работоспособности, функционального и психологического состояния занимающихся. Данная диагностика позволяла делать коррекцию в содержании ФОТ, оптимизировать интенсивность физических нагрузок, корректировать развитие отстающих психофизиологических качеств. На основе сравнения целевой установки с конечным результатом, проводилась координация структурных, содержательных и методических составляющих физкультурно-оздоровительной технологии для дальнейшего её функционирования.

Материально-техническое и медико-биологическое обеспечение ФОТ представляет собой особенный блок, который предполагает наличие определённых спортивных сооружений и наполняет процесс двигательной активности необходимыми методическими материалами, наглядными и техническими средствами обучения, спортивным инвентарём и тренажёрными устройствами, спортивной экипировки, диагностическим инструментарием, средств для оказания первой медицинской помощи, средств, обеспечивающих соблюдение гигиенических требований на занятиях двигательной активностью.

Следующий этап системной интерпретации результатов исследования заключается в определении места каждой технологии в образовательном пространстве вуза. Изучение эффективности каждой разработанной ФОТ показало их высокую значимость. Однако, очень важно, чтобы каждая технология эффективно функционировала именно в системе, была её элементом, который был бы взаимосвязан, взаимодействовал и взаимосодействовал с другими элементами этой системы в целях получения сфокусированного полезного результата – обеспечения на психофизиологическом уровне готовности к освоению учеб-

ных планов, надёжности функционирования всех органов и систем организма и обеспечения устойчивой умственной и физической работоспособности в процессе образовательной деятельности.

В качестве главного результата нашего исследования выступают девять новых ФОТ: повышения устойчивости организма к неблагоприятным факторам природной среды и профессиональной деятельности; профилактики простудных и инфекционных заболеваний; профилактики нарушений в состоянии сердечно-сосудистой системы; профилактики нарушений в состоянии дыхательной системы; профилактики нарушений в опорно-двигательном аппарате; профилактики и снижения избыточной массы тела; закаливания организма; профилактики вредных привычек; социальной адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья, сконструированных на основе синтеза наиболее эффективных средств оздоровительной физической культуры путём обобщения данных о направленности их воздействия. В связи с этим основной характеристикой новых ФОТ является их направленность на решение конкретных задач оздоровления в соответствии с особенностями контингента занимающихся.

В целом, полученные результаты могут быть применены в области педагогики, медицины, физической культуры и спорта с целью повышения эффективности практической деятельности и расширения базы теоретических и экспериментальных знаний по проблеме оздоровления населения. Разработанные девять новых ФОТ будут востребованы специалистами по физической культуре и спорту, администрацией вузов, педагогами, медиками, руководителями студенческих спортивных клубов, администрацией оздоровительных и фитнес-центров, инструкторами по лечебной физической культуре, студентами и их родителями.

Экономическая эффективность результатов исследований выражается в уменьшении финансовых затрат студентами на восстановление здоровья средствами традиционной медицины, а также в повышении эффективности образовательного процесса путём сокращения пропусков трудодней по причине болезни. Социальная эффективность выражается в возможности перехода студентов из специальной медицинской группы в основную, а также в возможности принимать активное участие в жизни студенческого коллектива (спортивные соревнования, туристические походы, конкурсы и т. д.).

Список литературы

1. Горелов А. А. Интеллектуальная деятельность, физическая работоспособность, двигательная активность и здоровье студенческой молодежи: Монография / А. А. Горелов, В. Л. Кондаков, А. Н. Усатов. – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2011. – 101 с.
2. Селевко Г. К. Энциклопедия образовательных технологий: В 2 т. Т. 1. / Г. К. Селевко. – М.: НИИ школьных технологий, 2006. – 816 с.
3. Малахов В. А. К вопросу о целесообразности применения некоторых систем дыхательных упражнений с оздоровительной направленностью / В. А. Малахов // Теория и практика физической культуры: науч.-теоретич. журнал. – М.: НИЦ ТиПФК, 2011. – №8. – С 98 – 103.
4. Собянин Ф. И. Теоретические аспекты применения дыхательных гимнастик для оздоровления: за и против / Ф. И. Собянин, В. А. Малахов // Берегиня.777. Сова: научный журнал. – Воронеж, 2010. – №1 (3). – С. 173 – 181.
5. Горелов А. А. Дыхательные упражнения как фактор улучшения состояния здоровья студентов с заболеваниями органов дыхания / А. А. Горелов, О. Г. Румба, Е. Н. Копейкина // Учёные записки университета им. П.Ф. Лесгафта: науч.-теоретич. журнал. – СПб: НГУ им. П. Ф. Лесгафта, 2008, вып. 11 (45). – С. 21 – 25.
6. Горелов А. А. К вопросу об использовании самостоятельной физической тренировки в образовательном пространстве современного вуза / А. А. Горелов, В. Л. Кондаков, А. Н. Усатов // Физическое воспитание студентов: науч. журнал – Харьков: ХОНОКУ-ХГАДИ, 2013, – № 1 – С. 17 – 26.
7. Горелов А. А. Построение процесса физического воспитания студенток с нарушениями в состоянии дыхательной системы / А. А. Горелов, О. Г. Румба, Е. Н. Копейкина // Научные проблемы гуманитарных исследований: науч.-теоретич. журнал. – Пенза: Изд-во ПГТУ, 2009, вып. 12 (1). – С. 27 – 35.
8. Ковалева М. В. Методика применения подвижных и элементов спортивных игр на занятиях со студентами специальных медицинских групп с ограниченными возможностями сердечно-сосудистой системы. Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / М. В. Ковалева. – Шуя, 2012. – 232 с.
9. Румба О. Г. Системные механизмы регулирования двигательной активности студентов специальных медицинских групп: монография / О. Г. Румба, – Белгород: ЛитКараВан, 2011. – 460 с.

10. Балышева Н. В. Исследование функционального состояния сердечно-сосудистой системы студентов различных групп здоровья / Н. В. Балышева, А. А. Горелов, О. Г. Румба // Культура физическая и здоровье. – Воронеж, 2010, вып. 3 (28). – С. 3 – 5.

11. Дрогомерецкий В. В. Применение средств оздоровительного плавания с целью коррекции нарушений суставно-связочного аппарата студентов / В. В. Дрогомерецкий, В. Л. Кондаков, А. А. Горелов // Физическое воспитание студентов: науч. журнал – Харьков: ХООНОКУ-ХГАДИ, 2013, № 5 – С. 46 – 54.

12. Беликова Ж. А. Упражнения хатха-йоги как средство коррекции деформации позвоночника студентов специальных медицинских групп с нарушениями осанки. Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / Ж. А. Беликова. – Белгород, 2012. – 174 с.

13. Кондаков В. Л. Применение гимнастических упражнений хатха-йоги с целью коррекции функциональных нарушений позвоночника у студентов специальных медицинских групп / В. Л. Кондаков, Ж. А. Беликова // Культура физическая и здоровье: науч.-методич. журнал. – Воронеж: ВГПУ, 2012, вып. 3 (39). – С. 93 – 101.

14. Састамойнен Т. В. Восточные оздоровительные системы психофизической рекреации: Автореф дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.04 / Т. В. Састамойнен. – СПб., 2004. – 56 с.

15. Анохин Г. К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональных систем / Г. К. Анохин. – М.: Наука, 1978. – 400 с.

A NEW LOOK AT THE MECHANISMS OF DESIGNING THE SPORTS AND HEALTH IMPROVING TECHNOLOGIES IN THE EDUCATION SPACE OF MODERN UNIVERSITY

V. L. Kondakov¹⁾
A. A. Gorelov²⁾

*¹⁾ Belgorod National
Research University*

*²⁾ Moscow Research
Institute of socialization
and education
Russian Academy
of Education, Moscow*

*e-mail:
kondakov@bsu.edu.ru
gorelov@bsu.edu.ru*

The article deals with the scientific approaches to the structure's development, content and direction of health-improving technologies concerning to the educational field of modern university and daily activities of students.

Keywords: sports and health improving technologies, systematic and functional approach, the structure of sports and health-improving technologies, content of sports and health-improving technologies, sports and health-improving technologies orientation, students, special medical groups.

ЛИЧНОСТНО-РАЗВИВАЮЩИЙ ДИАЛОГ В РАЗВИТИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА

С. И. Маматова

*Белгородский
государственный
институт
искусств и культуры*

*e-mail:
bgjik237@mail.ru*

Статья посвящена проблеме развития психологической культуры личности студента. Особый акцент в решении данной проблемы делается на организационно-педагогических условиях развития психологической культуры. Обосновывается роль диалога как универсальной характеристики педагогической ситуации в развитии психологической культуры у студентов. Показаны особенности и результаты опытно-экспериментальной работы по обучению студентов личностно-развивающему диалогу.

Ключевые слова: психологическая культура, саморазвитие, организационно-педагогические условия, диалог, личностно-развивающая функция диалога, психологический дискурс и самодискурс.

Введение

В контексте культурологической парадигмы глобальной идеей и целью современного профессионального образования является становление человека культуры как свободной творческой личности, готовой к самоопределению. Для человека культуры присущи гуманизм, духовность, стремление к созиданию, потребность в познании и самопознании, в рефлексии, в автономии своего внутреннего мира. Основопологающим свойством выпускника вуза является осознание своей принадлежности к определенной культуре, в том числе и профессиональной, принятие её ценностей и готовность вести культуросообразный стиль жизни. Следовательно, одной из актуальных задач высшей школы является воспитание человека культуры, человека, умеющего жить и творить в гармонии с миром вещей, природы, людей и самим собой. Согласованность внутреннего мира, а также внутреннего с внешним миром вещей и людей выступает базовым интегративным показателем развития психологической культуры личности.

Психологическая культура как личностное новообразование обуславливает продуктивность творческой самореализации человека, оптимальность его индивидуальной жизненной и профессиональной траектории, в конечном итоге, становление человека как целостности. Психологическая культура способствует раскрытию качеств индивида, личности, субъекта деятельности и индивидуальности, интеграция которых обеспечивает эффективное саморазвитие человека. Таким образом, психологическая культура обладает неким цементирующим средством сохранения психологической структуры личности, обеспечивает интеграцию психической и личностной сфер и целеполагание. «Оптимальное состояние психологической культуры» [1], с одной стороны, свидетельствует о способности личности к самотрансценденции, как способности ориентироваться в действиях на смысл, а не только на цель, чувствовать ценности, воспринимать экзистенциальную значимость происходящего, о готовности к саморазвитию, к постоянному самосовершенствованию, к наращиванию профессиональной компетентности в различных аспектах. С другой стороны, именно развитая психологическая культура позволяет человеку осознавать процесс саморазвития как жизненную и профессиональную ценность, актуализировать и творчески проявлять себя в процессе самореализации и самосовершенствования.

Сущностные характеристики психологической культуры будущего специалиста

Психологическая культура деятельна по своей природе и является субкультурой, которую развивает сам человек, будучи субъектом деятельности. Психологическая культура выполняет функцию введения личности в мир ментальных норм жизни и деятельности, в мир жизненных и профессиональных проблем и задач, в систему жизненных и профессиональных ценностей, в мир духовности. Как инвариант любого вида деятельности, любой сферы жизнедеятельности человека, любой формы культуры, в том числе и профессиональной, психологическая культура является составляющей формулы «культура – множество профессий». Особое значение данная миссия психологической культуры имеет в рамках образовательного пространства. Психологическая культура – это онтогенетически определенный уровень разви-

тия человека, его творческих сил и способностей, выраженный в типах и формах организации деятельности (предметно-психологическая культура), во взаимоотношениях (социально-психологическая культура), в самосозидании (аутопсихологическая культура) [2].

Развитие психологической культуры – это, с одной стороны, актуализация стремлений личности максимально реализовать свой внутренний потенциал, развить себя, свою психику до возможных пределов совершенства и сохранять достигнутый акмеологический уровень. С другой стороны, – это актуализация способностей достигать стремления реализовывать, развивать и сохранять себя, обеспечивая тем самым расцвет собственной индивидуальности. Наряду с этим она обеспечивает готовность и способность и приспособляться к реальности – к собственному внутреннему миру, миру людей и миру предметов, вещей – не только в пассивной, но и в активной форме, в форме преобразования и овладения интрасубъективной (Я), объективной (Другой) и интерсубъективной (Отношение) реальностью [3, 4].

Обращение к проблеме развития психологической культуры будущего специалиста – это обращение к особому конструированию образовательного пространства личности в условиях высшей школы. Особость его заключается в конструировании духовных миров студентов посредством реализации не только лично, но, главное, индивидуально-ориентированной образовательной деятельности, когда центром образовательного процесса становится студент, его субъектный опыт, реализуемый в условиях гармонизирующего диалога. В таком случае, мы действительно перейдем от «культуры полезности к культуре достоинства индивида и личности» и начнем осуществлять, по мнению А. Г. Асмолова, идею В. И. Вернадского о «психозойской эре», когда понимание ведущей роли психологических оснований человеческого мировосприятия, мировоззрения и поведения станет главным для развития не только общественных систем, но и цивилизации в целом [5].

С точки зрения психологии, культура – это система реализованных и реализующихся объективных ценностей и смыслов, в рождении личностно-культурных смыслов через общение – диалог как средство и способ встречи и взаимопроникновения. Диалогические формы общения в процессе профессионального обучения – это важнейший способ развития и реализации не только психического и личностного потенциала студента, главное это способ развития системного личностного образования, каким является психологическая культура.

В настоящей работе диалог, будучи в принципе универсальной характеристикой педагогической ситуации, рассматривается в качестве педагогического условия, способствующий развитию психологической культуры личности студента, а, следовательно, и его личностному развитию.

Особенности личностно-развивающего диалога как условия развития психологической культуры

Прежде чем анализировать специфические особенности диалога, позволяющие рассматривать его в качестве условия развития психологической культуры личности, обратимся к содержательному аспекту понятий «условие» и «педагогическое условие».

Понятие «условие», являясь общенаучным, не имеет однозначной трактовки. В «Современном толковом словаре русского языка» дается несколько определений понятия «условие»: 1) требование, выдвигаемое кем-либо; 2) обязательство между кем-либо; 3) обстановка, в которой происходит что-либо; 4) предпосылка чего-либо; 5) наличие обстоятельств, способствующих чему-либо; 6) положения, лежащие в основе чего-либо [6]. В большинстве исследований под условиями понимается определенная совокупность обстоятельств или мер, влияющих на функционирование и развитие объекта.

В педагогических исследованиях предметом чаще выступают организационно-педагогические условия. При этом, как отмечает О. В. Галкина, наблюдается значительный разброс в понимании сути организационно-педагогических условий. Одни исследователи рассматривают их как фактор эффективности внутренней среды образовательной системы, который играет роль активного начала социального бытия организации; другие – как организационные ресурсы и мероприятия (расписание, режим работы образовательного учреждения, продолжительность рабочей недели и занятий, наполняемость классов и т. д.), как совокупность взаимосвязанных предпосылок, обеспечивающих целенаправленное управление образовательным процессом или как обстоятельства процесса обучения и воспитания, которые обеспечивают достижение заранее поставленных образовательных целей и т. д. [7]. Проведя генерализацию и спецификацию понятия «организационно-педагогические условия» в терминологическом аппарате научно-педагогических исследо-

ваний, автор выделяет три типа условий: «условия-предпосылка, т. е. предварительные условия в познаваемой действительности, которые предполагают возможность осуществления целесообразной деятельности субъекта познания; условия-обстановка, т. е. совокупность условий в поименованной действительности, в которых субъект осуществляет целенаправленную деятельность и условия-требования, т.е. совокупность условий в нормативной действительности, устанавливающих нормы и критерии, которым должны соответствовать результаты деятельности субъекта» [7, с. 13]. Основанием для выделения таких типов организационно-педагогических условий выступает подход к условию как необходимому составляющему звену в логической цепочке причинно-следственных отношений. При этом анализируются две логические цепочки причинно-следственных отношений: причина – условие – следствие и цель – условия – результат. В первом случае условия рассматриваются в контексте связи причины и следствия. Условия, независимые от причины какого-то явления, с одной стороны, превращают в действительность заключенную в причине возможность порождения следствия. С другой стороны, они либо способствуют, либо не способствуют реализации определенного следствия. Т.е. характер педагогических условий, в которых разворачивается действие причины определяет то, как будет действовать причина и каким окажется следствие. Во втором случае условия рассматриваются в контексте целенаправленной деятельности субъекта (преподавателя, студента), что позволяет рассматривать причину как цель для получения запланированного следствия-результата в определенных условиях. То есть деятельность преподавателя и студента выстраивается соответственно существующим условиям.

По каким признакам диалог можно рассматривать в качестве условия развития психологической культуры личности будущего учителя? Во-первых, диалог, будучи благоприятной формой отношений субъектов образовательного процесса, создает условия для работы личности со своим опытом: принятие нового опыта на основе осмысления и оценки имеющегося личностного опыта. Личностный опыт, как и опыт, требующий личностного участия (гуманитарный компонент образования), по мнению С. В. Беловой, не может быть воспринят личностью никаким другим путем, кроме диалога [8].

Во-вторых, в диалоге личность осуществляет смыслопоисковый процесс, направленный на выявление смысла ситуации для себя. Готовность к диалогу предполагает мотивированность этого процесса: внутренне раскрывать и отстаивать собственную позицию, принимать или отвергать иную позицию, осознавать свое нахождение в диалоге, который требует адекватного поведения, соблюдения некоторых рамок, правил; удерживать в сознании цель диалога, не доходя до простого выяснения личных приоритетов и амбиций, и не перенося диалог к эмоциональному выяснению отношений.

В-третьих, предмет диалога лежит в контексте личностных целей, интересов и смыслов, а не учебного материала. В диалоге каждый субъект образовательного процесса не только познает собственную значимость для других и для данного события, для его решения, но и ищет подтверждения своей ценности для себя. Получение личностью своей ценности выступает механизмом рождения желания изменяться, становиться еще лучше. Увеличение силы стремления развиваться, рассматриваемого нами в качестве культурно-психологической составляющей психологической культуры, свидетельствует о достаточно развитой психологической культуре, что важно в рамках данного исследования.

В-четвертых, по своей дидактической форме диалог представляет собой проблемную ситуацию, так как имеет те же атрибуты: противоречие, дефицит информации целостного представления о ситуации. Организация личностно-смыслового диалога в данном исследовании использовалась не только с точки зрения самой объективной проблемности, сколько с точки зрения обнаружения значимости этой проблемности для студента как субъекта диалога. Обнаружение значимости как раз и является для студента стимулом к образованию нового смысла. Таким образом, включение студента в диалог – это включение его в исследовательскую деятельность по открытию и преобразованию своего внутреннего мира, в частности, в процессе образования новых смысловых структур личности. При этом важно отделить значимые события от его смысла для участников диалога. Как показано в исследовании С.В. Беловой, такая двудоминантность диалога (значение и смысл) делает его универсальной характеристикой личностно-развивающих образовательных технологий [8].

Опытно-экспериментальная работа и её основные результаты

Особое значение в процессе опытно-экспериментальной работы придавалось связи личностно-развивающего потенциала диалога с диалогической природой личности, с тем, что она существует при внутреннем диалоге с самой собой.

Организация в процессе изучения иностранного языка диалога с самим собой (самодиалога) была направлена на активизацию процесса самопознания. При этом специфика организации протекания процесса самопознания определялась спецификой этапа развития психологической культуры. Анализ и организация самопознания проводились в соответствии с уровнями протекания данного процесса: уровень рефлексивного самопознания (чаще всего неорганизованного, спонтанного), уровень познания себя «от другого» и уровень научно-организованного процесса самопознания с помощью специальных методик, которым студент обучался в диалоге с преподавателем [9, с. 42].

В организации личностно-развивающего диалога особая роль принадлежит позиции преподавателя, крайностями которой может быть либо гипертрофия возможностей его вмешательства во внутренние конструктивные процессы личности, либо оставление воспитанника один на один с его проблемами. И то и другое некоторыми авторами рассматривается как скрытые формы насилия над воспитанником.

Результативность включения студентов в личностно-развивающий диалог определяется степенью их готовности к самопознанию. Результаты уровня готовности студентов к самопознанию, а, следовательно, и к участию в диалоге, на I диагностирующем этапе развития психологической культуры показали следующее. Во-первых, большая часть студентов, участвовавших в исследовании (67,5 %), продемонстрировала готовность к саморазвитию, проявившуюся в интересе к полученным данным о себе и в стремлении обсудить их с преподавателем. Оставшиеся 32,5 % достаточно формально отнеслись к участию в исследовании и индифферентно к полученным данным о себе. Во-вторых, из 67,5 % студентов, обсуждавших полученные данные с преподавателем, 25,7 % в процессе обсуждения стремились «защитить» себя, а 41,8 % – открывать себя для себя. Полученные данные позволяют утверждать, что чуть меньше половины студентов, участвовавших в исследовании, действительно ведут себя «диалогично», то есть стремятся обогатить, а то и пересмотреть свою позицию, взглянув на себя со стороны, то есть, выйдя за рамки привычной жизненной ситуации. Третья часть студентов готова формально участвовать в диалоге, они, скорее имитируют свое участие в нем, и четвертая часть – достаточно критично относятся к получаемой информации о себе. Свою задачу последние видят, скорее, в стремлении защитить собственную позицию, собственный образ «Я».

В процессе развития психологической культуры важно будущего специалиста обучить диалогу.

Исследование показало, что студенты не сразу овладевают опытом диалога. Обучение диалогу строилось в два этапа: 1 этап – это этап игры в диалог, 2 этап – этап создания ситуаций диалогового общения. На 1 этапе студенты включались в своеобразную игру в диалог, которая строилась по всем правилам игры. В нашем исследовании на 1 этапе обучения диалогу, «игра в диалог», решались две базовых задачи: познание студентами социально-психологических закономерностей взаимодействия между людьми в условиях диалога и диагностика своих возможностей строить диалог. В модели ситуационно-ролевых игр закладывались различные типы игровых взаимоотношений и соответственно игровых разноплановых ролей [10]. За счет разноплановости ролей и ситуаций игра способствовала реализации студентами «психологических проб». Под психологической пробой в контексте нашего исследования понимается выбор личностью способа поведения в ситуации диалогового общения на основе соотнесения самопознания и анализа своих возможностей в спектре реализуемой функции в диалоге. Психологическая проба, с одной стороны, направлена на саморазвитие таких психологических механизмов диалогического общения, как: со-участие, со-переживание, со-чувствие. С другой стороны, выбор студентом поведения на основе рефлексии свидетельствует о достаточно оптимальном её развитии.

Эти две задачи, решаемые на первом этапе обучения студентов диалогу взаимосвязаны: только познав особенности и закономерности диалогового взаимодействия, студенты могут достаточно объективно и с осознанием диагностировать собственные возможности и строить, и вести, и включаться в диалог. Освоив социально-психологическую специфику построения диалога, студент, благодаря механизму интериоризации, сможет выстраивать самый психологически сложный вид диалога – внутренний диалог.

На втором этапе обучения диалогу, как условию развития психологической культуры, проходил психологический дискурс и самодискурс (рассуждения о себе, своей психоло-

гии). Основу для дискурса создавала имитация диалогового общения на 1 этапе, которая и определяла рамки, и создавала эмпирическую базу для его развертывания на 2 этапе.

Заклучение

Таким образом, в основу организации диалога как условия развития психологической культуры будущего учителя в условиях иноязычной образовательной среды была положена идея о «психологической доминанте». Под психологической доминантой мы понимаем преобладающую ориентацию в работе со студентами не только на овладение ими предметными знаниями и умениями, знаниями и умениями постоянного самосовершенствования, на формирование ценностного отношения к себе, но и на гармонизацию отношений с собой, с миром людей, предметов и природы как важного условия и необходимого средства решения будущим учителем профессионально-педагогических задач. В педагогической практике о психологической доминанте свидетельствует переход от типовых педагогических технологий к креативным, личностно-ориентированным, преобразующим суперпозицию преподавателя и субординационную позицию студента в личностно-равноправные позиции. К таким технологиям относится технология развивающего диалога, которая способствует активизации внутренних механизмов развития личности.

Список литературы

1. Исаева Н. И. Особенности развития психологической культуры студентов в процессе обучения в вузе / Н. И. Исаева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т.5. – № 77. – С. 111 – 117.
2. Исаева Н. И. Профессиональная культура психолога образования / Н. И. Исаева // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2007. Т.1. – № 11. – С. 9 – 23.
3. Исаева Н. И. Сущность профессиональной психологической культуры / Н. И. Исаева // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2003. Т.1. – № 3. – С. 5 – 19.
4. Исаева Н. И. Основные составляющие и параметры описания профессиональной психологической культуры / Н. И. Исаева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т.6. – № 3. – С. 92 – 99.
5. Асмолов А. Г., Практическая психология как фактор конструирования образовательного пространства личности / А. Г. Асмолов // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Шур. – М.: Смысл, 1997. – С. 239 – 315.
6. Современный толковый словарь русского языка / Сост. И гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб: Норинт, 2000. – 1536 с.)
7. Галкина О. В. Роль и место понятия «организационно-педагогические условия» в терминологическом аппарате педагогической науки : автореф. дис. ... канд. Пед. наук – Самара, 2009. – 24 с.
8. Белова С. В. Функции учебного диалога в усвоении ценностно-смыслового содержания гуманитарных предметов: автореф. дис... канд. Пед. наук. – Волгоград, 1995. – 24 с.
9. Мерцалова Т. А., Самосознание и педагогическая поддержка / Т. А. Мерцалова // Воспитание и педагогическая поддержка детей в образовании. – 1992.
10. Маматова С. И. Коммуникативные игры в системе формирования психологической культуры будущего специалиста / С. И. Маматова // Педагогическое наследие А. С. Макаренки и современность: материалы Всеросс. Ист.-пед. чтений / БелГУ, Белгород, 15 апреля 2008г.; отв. Ред. И. Ф. Исаев, Н. Л. Шевцовская. – Белгород: Изд-во БелГУ. 2008. – С. 237 – 240.

PERSONALITY-DEVELOPING DIALOGUE IN THE DEVELOPMENT OF THE PSYCHOLOGICAL CULTURE OF THE FUTURE SPECIALISTS

S. I. Mamatova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
bgik237@mail.ru*

The article deals with the problem of development of psychological culture of the student. Organizational-pedagogical conditions of the development of psychological culture are specially emphasized. The role of the dialogue (a universal characteristic of pedagogical situations) in the development of psychological culture of the students is substantiated. The peculiarities and the results of experimental work on the training students to the personality-developing dialogue are given in the article.

Keywords: psychological culture, self-development, organizational-pedagogical conditions, dialogue, personality-developing function of dialogue, psychological discourse and self-discourse.

УДК 378

ИСТОРИКО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ И ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В РОССИИ

В. М. Меньшиков
Н. Н. Гатилова
А. Б. Хохлова

*Курский
государственный
университет*

*e-mail:
ss-private@yandex.ru*

В статье анализируется история духовно-нравственного воспитания России, показываются события, имеющие ключевое значение для развития духовно-нравственного воспитания: официальное принятие Крещения, духовное возрождение Руси XIV – XV вв.; духовный подъем России второй половины XIX – начала XX вв.; восстановление духовно-нравственного воспитания в 1990-х гг. XX – начала XXI вв.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание; образование в Древней Руси, духовно-нравственное воспитание XIV – XV вв.; основные направления развития русской педагогической мысли второй половины XIX – начала XX вв.; региональные системы духовно-нравственного воспитания.

Введение

Важнейшей предпосылкой возрождения духовно-нравственного воспитания в современной России является то, что оно имеет в качестве своей цивилизационной основы православие, так как само становление и развитие российской цивилизации в целом, ее воспитания, образования и педагогики в частности в первую очередь связано с православием.

Духовно-нравственное воспитание в Древней и средневековой Руси

Христианство на Руси, по преданию, начинающее свой отчет с Андрея Первозванного, а затем просветительская деятельность святых Кирилла и Мефодия оказало свое влияние на воспитание и образование еще до его утверждения в качестве государственной религии.

Официальное принятие православной религии характеризуется ее определяющим влиянием на становление и формирование русской цивилизации. Постепенно утверждаясь в качестве духовной и нравственной основы жизни общества, его мировоззрения и идеологии («Слово о Законе и Благодати» являлось мировоззренческой и идеологической основой устройства древнерусского государства) при всех возможных отступлениях от идеалов, заложенных в этот период, православие стало определяющим фактором духовно-нравственной жизни русского народа на все последующее время.

Велика роль Православной Церкви в создании христианской семьи, которая в течение нескольких веков из языческой славянской семьи создало идеальную в своем роде семью с христианскими нормами жизни и воспитания детей.

Православие становится духовной и мировоззренческой основой и смыслом древнерусского воспитания и образования, всех его институтов и видов, что позволяет создать «систему» древнерусского образования со своим содержанием и технологиями. В организации образования шло сопряжение усилий государства и церкви – школы открываются и государством и церковью: создаются народные школы – «учение грамоте»; в крупных городах Древней Руси и монастырях открываются школы «книжного учения»; в Киеве и Новгороде – «училища» (высшие школы).

Идеология, концепция древнерусского образования, утвержденная православием, состояла в том, что образование предназначено быть средством спасения человека. Отсюда – приоритет духовно-нравственного начала в образовании. И самое главное – утверждение новозаветной, духовно-нравственной идеологии воспитания. Одним из видимых проявлений этого было то, что в древнерусской школе отсутствовали физические наказания.

Основой содержания образования становится христианская культура. Достаточно напомнить, что обучение грамоте идет на кириллическом алфавите; обучение чтению – по Псалтыри; содержание многих предметов несет в себе христианские идеи и ценности, и каждый предмет в той или иной мере несет в себе смысловое христианское начало.

В целом же педагогическая политика после крещения Руси была столь успешной, что Русь становится одной из самых образованных стран того времени, о чем свидетельствует расцвет русской культуры уже со второй половины XI века.

С монгольского нашествия начинается новый этап в русской истории. Не смотря на катастрофические последствия для всей жизни русского народа, православная вера – особая заслуга в этом принадлежит князю Александру Невскому, сохранилась в качестве духовной основы жизни русского народа, духовной матрицы развития общества, государства и воспитания, а на Церковь падает роль духовного руководителя и собирателя русского народа, потому что никаких других реальных механизмов объединения русского народа в единое целое тогда не оставалось. При этом само воспитание и образование, выстроенные на этой основе, служили средством формирования высоко нравственной и духовно сильной личности, способной к служению высшим идеалам.

С XIV в. начинается духовно-нравственное возрождение Руси, выразившееся даже в ее новом, появившемся в это время, названии – Святая Русь. Благодаря Церкви в целом, благодаря великому духовному подъему, выразившемуся в деятельности монастырей и ее великих святых: митрополит Алексей, преподобный Сергей Радонежский и др., во второй половине XIV века Русь возрождается духовно и нравственно. Русский историк В.О. Ключевский, писал, что «русские люди XIV века признали это действие чудом, потому что оживить и привести в движение нравственное чувство народа, поднять его дух выше его привычного уровня – такое проявление духовного влияния всегда признавалось чудесным, творческим актом; таково оно и есть по своему существу и происхождению, потому что его источник – вера» [1].

Великое духовное возрождение Руси этого периода вывело из небытия русский народ, подняло его на высочайшую духовно-нравственную высоту, сформировало русского человека, способного на любой подвиг. Это приводит к расцвету русской культуры второй половины XIV – первой половины XV вв. Олицетворением ее становятся гениальные ученики Сергия Радонежского – писатель Епифаний Премудрый и иконописец Андрей Рублев.

В свою очередь, духовно-нравственный подъем монашества, культуры утверждает особую систему образования, где определяющее место занимает духовно-нравственное воспитание.

Но, видимо, самый удивительный педагогический феномен первых веков существования христианства на Руси – это создание русской православной семьи. Отражением этого процесса стало то, что в разных городах Руси пишутся тексты о семье – домострои, официально сведенные в один общероссийский текст в середине XVI в. Создание «Домостроя» стало своего рода обобщением многовекового опыта развития русской семьи на христианских ценностях, а прочная христианская семья, на основе которой только и можно создать прочное государство, позволила создать величайшее в мире государство.

XVII век стал временем создания идеала нового образования на Руси, идеала, который вобрал в себя лучшие достижения отечественной культуры, византийской и западно-европейской. Реальным выражением этого идеала стало открытие Славяно-греко-латинской академии, которая соединяла в своих основах славянскую, древнегреческую (византийскую) и латинскую (западно-европейскую) культуру. В этом веке были открыты разные школы, широкое распространение получила грамотность.

Православное образование в России в Новое время

С XVIII в. начинает отсчет Новое время в России. Россия вступает на путь нового – светского развития. Идея построения великого светского государства стала определяющей в идеологии реформирования государства, общества и образования. Благодаря реформам XVIII в. Россия выдвинулась в разряд великих государств мира. Значительно расширилось его образование.

С начала XVIII в. начинает учреждаться светское образование от начальных школ до Академии наук. К концу XVIII в. в России фактически сложилась светская система образования. Вместе со светским образованием были заложены основы новой светской педагогики.

Однако в результате реформ была разрушена сама концепция симфонии государственно-церковной жизни, утерян сам идеал развития страны – Руси Святой. Государство проводит реформы общества: экономики, культуры, отдельных социальных сфер, но во-

преки Церкви, вопреки многовековым духовно-нравственным традициям и нормам, зачастую разрушая и уничтожая их, что крайне негативно сказывалось и на обществе, и на самом государстве.

И всё-таки, несмотря на доминирование светских начал в обществе, на протяжении всего XVIII века Русская православная церковь была значимой духовной силой, как в общественной жизни, так и особенно в образовании. В этом веке духовное образование было представлено гораздо большим числом образовательных учреждений, нежели светское; церковь были открыты школы, училища, семинарии, академии. Шло активное развитие православной педагогической мысли. Особенно значительную роль в ее развитии сыграли святители Димитрий Ростовский и Тихон Задонский, митрополит Платон (Левшин) и др.

С XVIII в. значительно расширяется миссионерская и воспитательная деятельность Русской православной церкви. Она перешла границы России, и стала проповедовать в Китае, а в последующее время в Америке, Японии и других странах.

С конца XVIII в. кардинально меняется отношение между государством и церковью. Государство вплоть до 1917 года становится на путь активного сотрудничества с Русской Православной Церковью и ее поддержки во многих вопросах и особенно вопросах воспитания и образования.

Однако в самом образованном слое России в XIX веке происходит кардинальный раскол: утверждаются три главных направления общественной мысли: *традиционное православное*, представленное, с одной стороны, многими великими православными деятелями и святыми; с другой – такими гениями русской культуры и науки, как А. С. Пушкин, М. И. Глинка, Н. В. Гоголь, К. Д. Ушинский, М. П. Мусоргский, Ф. М. Достоевский, Н. И. Пирогов, Д. И. Менделеев, С. А. Рачинский и др.; *атеистическое*, которое полагало необходимым уничтожение религии и устранение ее из всех сфер образования; *окультно-мистическое*, которое уже в XVIII в. играет заметную роль в жизни высшего сословия. Главной целью деятельности этого направления стала идея замены традиционной религии оккультизмом, и построения воспитания и образования на оккультных основах.

Конец XIX – начало XX вв. оказались временем крайних противоречий в общественном развитии. С одной стороны, взаимодействие государства и Церкви, восстановление полноты жизни Церкви, ее выход на широкое общественное и педагогическое служение: достаточно указать на практику церковно-приходской школы, которая в основном содержалась церковью и народом, заметный подъем богословского, особенно академического образования; с другой – резкое возрастание сил, отвергавших православие вообще и православие в образовании в частности. А это отторжение вело к разрушению духовно-нравственных основ общества и образования, вело к негативным процессам не только в обществе, но и в образовании. В свою очередь, это неизбежно вело к росту аморализма, подростковой и юношеской преступности.

Духовно-нравственное воспитание в советской России

С 1917 г. открытое развитие православной педагогики и духовно-нравственного воспитания в России стало практически невозможным. Примечательно, что одним из первых декретов Временного правительства явился декрет об отделении школы от Церкви, согласно которому священнослужители, составлявшие более трети учительского корпуса церковно-приходских школ, были отстранены от преподавания, а сами школы переданы в ведение Министерства народного просвещения.

С приходом к власти большевиков в России начались открытые и небывалые по целям и масштабам гонения на Церковь, которая лишилась возможности легально исполнять свою просветительскую миссию. Ей было запрещено вести какую бы то ни было образовательную деятельность.

Трагические события Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. способствовали легализации Церкви, возвращению находившихся в заключении и ссылках епископов и священников к служению в епархиях и на приходах, открытию нескольких духовных семинарий и академий. Большая часть этих учебных заведений во времена хрущевских гонений была вновь закрыта. В период от начала 1960-х – до конца 1980-х годов XX в. Церковь имела в своем распоряжении три семинарии и две академии.

Возрождение духовно-нравственного воспитания в постсоветский период

Характеризуя духовно-нравственную ситуацию в России в постсоветский период можно сказать, что богоборческий эксперимент обернулся катастрофическими последствиями и для страны – она разрушилась; и для общества – оно оказалось охвачено духовно-нравственным кризисом. Самым печальным образом все это сказалось на образовании. Исключение православия сделало невозможным духовно-нравственное воспитание в советской школе, а значит, лишило возможности сознательного и целенаправленного духовного развития ученика; лишило воспитание, и особенно нравственное, его высших ценностных констант; привело к утрате содержательного и смыслового начала многих видов воспитания.

В педагогической теории утрачено православное видение человека и его воспитания, и особенно развития и формирования высших духовно-нравственных качеств человека.

И даже образование, получившее после 1917 года мощнейший импульс своего развития и ставшее одним из лучших в мире, разорвав связи с традиционной православной культурой и во многом утратив свой воспитательный потенциал, в значительной степени оскудело: в нем были утрачены многие важные идеи и ценности естественнонаучного и особенно гуманитарного и художественного образования.

Празднование тысячелетия Крещения Руси в 1988 г. явилось значимым событием в истории Русской Православной Церкви. Государство признало важную культурно-историческую роль Церкви и разрешало ей более широко заниматься образованием. Православное возрождение, которое наступило после празднования тысячелетия Крещения Руси, стало важнейшей предпосылкой возрождения духовно-нравственного воспитания и православного образования.

Возрождение духовно-нравственного воспитания шло по следующим направлениям. Прежде всего, уже с 1988 года началось создание воскресных школ. Одной из первых воскресных школ в России стала воскресная школа при Троицком храме в г.Щигры Курской области, открытая в 1988 году. Со временем число таких школ стало стремительно расти. Стали открываться даже целые православные центры.

Вторым направлением стало открытие православных образовательных учреждений, как общеобразовательных, так профессиональных. Стали появляться православные детские сады, общеобразовательные школы, гимназии, лицеи, православные школы с этнокультурным компонентом, школы народного творчества всех организационно-правовых форм, высшие учебные заведения. Потребность координирования деятельности этих учреждений со стороны Церкви привела к учреждению Отдела религиозного образования и катехизации при Московском Патриархате. Важной задачей отдела стало и взаимодействие с государством по вопросам образования.

Третьим направлением стало расширение числа учебных учреждений собственно Православной Церкви, как за счет восстановления закрытых после революции, так и за счет вновь созданных.

В то же время, и в светской школе, как общеобразовательной, так и профессиональной началось возрождение духовно-нравственного воспитания. Здесь этот процесс сталкивается с очень серьезными проблемами, и прежде всего с тем, что доминирующее положение в 1990-е гг. в образовании заняли идеи либерализма, а определять развитие российского образования стали либеральные идеологи. Отсюда попытки построения образования на либеральных ценностях, отсюда внедрение либеральных педагогических практик, зачастую сомнительного качества, которые, к счастью, большей частью были отвергнуты и поныне отвергаются школой.

На этом фоне началась работа по созданию системы духовно-нравственного воспитания, которая могла бы стать ответом на вызовы времени. При этом, создание новых концепций и экспериментальных учреждений исходило из того, что развитие воспитания должно одновременно сохранить лучшие достижения прошлого, использовать положительный зарубежный педагогический опыт, при условии его понимания и осмысления с позиций отечественной педагогической традиции, и в то же время вносить то новое, что диктуется жизнью. Словом, воспитание должно быть максимально вписанным в современные условия и в то же время быть ориентированным на развитие с учетом тенденций будущего.

Важнейшим направлением в этой работе стало введение в содержание школьного образования ценностей православной культуры. Так начиная с конца 80-х годов в отдельные предметы стали вводиться сведения, связанные с православием и православной культурой. Затем стали вводиться отдельные курсы и семинары: «Библия как памятник мировой культуры», «История русского православия» и т.д. Педагоги стали знакомить учащихся со сведениями о православной культуре при изучении школьных предметов, включать ценности православной культуры во внеклассную и внешкольную работу.

Когда стало очевидным, что отдельные случайные сведения о православии не могут по-настоящему решить задач воспитания, стоящих перед школой, учреждения образования все чаще стали поднимать вопрос о системном преподавании православной культуры.

Это послужило основанием для введения в школы с конца 1990-х гг. в учреждениях общего, дополнительного и профессионального образования системного факультативного курса основ православной культуры с 1 по 11 классы. Причем ряд регионов (Курск, Белгород и др.) приняли региональные программы преподавания православной культуры.

Важным моментом в развитии духовно-нравственного воспитания стала середина нулевых годов XXI столетия. Самой важной характеристикой этого периода стало понимание, что одного, даже и системно организованного курса основ православной культуры недостаточно для организации полноценного духовно-нравственного воспитания. Поэтому ряд регионов России принимает целевые региональные программы духовно-нравственного воспитания детей и молодежи. Суть этих программ состояла в том, чтобы более активно задействовать в воспитательном процессе не только сам курс основ православной культуры, но и другие школьные предметы, другие виды воспитания, внеклассную и внешкольную работу. Это позволило приступить к созданию региональных систем духовно-нравственного воспитания, благодаря чему стало возможно не только осуществлять системное изучение основ православной культуры, но и системную организацию духовно-нравственного воспитания.

Таким образом, постепенно духовно-нравственное воспитание занимает все более широкое пространство в жизни школы, становясь живой реальной практикой, которой занимаются тысячи образовательных учреждений России.

При этом удается решать ряд очень важных и масштабных задач. Например, введение курса основ православной культуры, организация духовно-нравственного воспитания потребовало учителей, которые были бы способны его преподавать. Поэтому была организована широкая работа по подготовке и переподготовке педагогических кадров для преподавания православной культуры: открытие в вузах специальностей «теология» и «религиоведение» и разных форм повышения квалификации учителей, преподающих курсы духовно-нравственного содержания.

В 1990-е гг. поиск реальных путей повышения воспитательного потенциала школы побудил к активизации диалога между светским образованием и Православной Церковью.

Были созданы широкое общественно-дискуссионное пространство, в том числе и в СМИ, на которых стали публично обсуждаться важнейшие вопросы духовно-нравственного воспитания. Важнейшей площадкой такого диалога стали Международные образовательные Рождественские чтения.

Начался конструктивный диалог и сотрудничество государственных и церковных органов власти, систем и учреждений светского и духовного образования, подписание соответствующих договоров о сотрудничестве, что особенно успешно шло на региональном уровне. Важнейшим событием этого периода, имевшим положительное значение для воспитания, стало принятие целевых региональных программ изучения православной культуры, что позволило осуществлять ее преподавание в рамках регионального и школьного компонентов учебного плана, их органическим продолжением стало принятие региональных программ духовно-нравственного воспитания.

Во второй половине 1990-х гг. началось сотрудничество между Министерством образования РФ и Московской патриархией Русской Православной Церкви. Шло создание организационных структур, которые были признаны упорядочить и скоординировать работу по духовно-нравственному воспитанию, оптимизировать его управление. Так в 1999 г. был создан Координационный совет по взаимодействию Министерства образования РФ с Московским патриархатом Русской Православной Церкви. Определенную помощь и под-

держку становлению системы духовно-нравственного воспитания оказывали и другие государственные органы. Министерство начало серьезную работу по разработке содержания духовно-нравственного воспитания. Особенно важное значение для этого имело подготовленное Министерством образования РФ «Примерное содержание образования по учебному предмету «Православная культура», определяющее педагогические условия изучения православной культуры в общеобразовательной школе.

В целом же в последние 15 лет осуществлялись следующие работы государственных и церковных властей по созданию необходимой правовой и нормативной педагогической базы:

На государственном уровне заключены договоры между Московским Патриархатом РПЦ и Министерством образования и науки РФ.

На уровне федеральных округов, с 2010 г., во всех Федеральных округах Российской Федерации были заключены Соглашения о социальном партнерстве Русской Православной Церкви (в лице Святейшего Патриарха) и Государством (в лице полномочных представителей Президента).

На региональном уровне во многих регионах заключены различные договоры о совместной социальной и образовательной деятельности, приняты региональные программы духовно-нравственного воспитания, благодаря чему идет совместная работа.

Это сотрудничество в настоящее время имеет большое значение для духовно-нравственного возрождения российского общества, для развития духовно-нравственного воспитания, для совершенствования образования.

Важным событием в развитии сотрудничества Церкви и государства в решении социальных, в том числе и педагогических вопросов, стали встречи руководителей государства с Патриархами.

Важное значение для развития духовно-нравственного воспитания имели слова В. В. Путина в Послании к Федеральному собранию: «Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп: милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи – дефицит того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились. Мы должны всецело поддержать институты, которые являются носителями традиционных ценностей, исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение... Мы должны действовать не путём запретов и ограничений, а укреплять прочную духовно-нравственную основу общества. Именно поэтому определяющее значение приобретают вопросы общего образования, культуры, молодежной политики. Эти сферы – это не набор услуг, а прежде всего пространство для формирования нравственного гармоничного человека, ответственного гражданина России.

Надо признать, уважаемые друзья, влияние школы на формирование детей и подростков в последние годы ослабло... Нужно вернуть школе безусловную ценность. Это значит обновить содержание образования, сохранив при этом, разумеется, наши традиции и преимущества, такие, скажем, как фундаментальное математическое образование, не забывая об огромном значении качества преподавания русского языка, истории, литературы, основ светской этики и традиционных религий. У этих предметов особая роль: они формируют личность» [2].

Это говорит о том, что государство осуществляет продуманную и взвешенную политику, основанную на понимании необходимости совместной конструктивной работы общества, образования и Церкви, развитию образования и воспитания, основанных на традиционных духовно-нравственных ценностях.

Анализ совместной работы Церкви, государства и системы образования в области духовно-нравственного воспитания показывает, что она уже приносит свои положительные результаты: улучшается поведение учащихся и их отношения между собой и взрослыми; происходит сокращение преступлений среди несовершеннолетних и т. д.

Заключение

Таким образом, теоретико-исторический анализ показывает, что православие не только является цивилизационно-историческим фундаментом развития российского воспитания, но сегодня оно становится духовно-нравственной и культурологической основой возрождения системы духовно-нравственного воспитания и православного образования в нашей стране.

При этом для этого есть широкое общественное согласие в вопросах необходимости организации духовно-нравственного воспитания; есть необходимый научный и педагогический потенциал. И предпосылкой для успешного решения этой задачи является то, что во многих регионах России духовно-нравственное воспитание развивается уже более десяти-пятнадцати лет, все более обретая необходимую системность и последовательность.

Однако сегодня есть и существенные проблемы, которые требуют своего разрешения:

– ситуация с поиском новой модели современного российского воспитания осложняется тем, что сегодня не только развитие России, но и развитие многих стран мира, особенно Запада, характеризуется духовно-нравственным упадком, возрастающими негативными явлениями в общественной жизни, разрушением института семьи, культивированием философии потребления, потерей базовых понятий добра и зла, что самым негативным образом сказывается и на развитии духовно-нравственного воспитания;

– не произошло понимания на всех уровнях общества значимости духовно-нравственного воспитания как важнейшего фактора развития всех сфер обществ, что вызывает противодействие его организации со стороны части государственных чиновников, общественных и научных деятелей;

– ситуацию осложняет и коварство духовно-нравственного кризиса, заключающегося в том, что несмотря на страшное число своих жертв, ежегодно исчисляемые только в России более чем миллионами погибших людей, эта болезнь не осознается людьми и обществом, как нечто смертельно опасное для общества и лично для них;

– нет целостного взгляда на развитие зарубежного педагогического опыта и системы использования лучших зарубежных достижений, соответствующих традициям нашего образования; напротив, продолжается использование полученного педагогического опыта зарубежных стран;

– нет понимания, что отсутствие воспитания как целостной системы носит не случайный – плохие чиновники, плохой учебный план и т.п., – а глубоко закономерный характер: сегодня нет однозначного общественного мнения о необходимости духовно-нравственного воспитания и нет общепризнанной модели целостной, государством признанной системы воспитания. По-прежнему вопрос организации условий для осуществления духовно-нравственного воспитания считается прежде всего проблемой семьи и школы, государства, властей и церкви, но никак не главной проблемой общества;

– нет системности в организации духовно-нравственного воспитания на всем социо-культурном образовательном пространстве России. Семья, институты государства и гражданского общества, традиционные религиозные организации, образовательные учреждения, СМИ действуют несогласованно и противоречиво. Продолжается массированное противодействие организации духовно-нравственного воспитания со стороны ряда СМИ, ряда сектантских и атеистических организаций.

Таким образом, сегодня ситуация с организацией духовно-нравственного воспитания в школе представляется достаточно противоречивой. С одной стороны, идет большая работа по его организации, с другой – очень активное противодействие ему. Насколько же успешной будет дальнейшая работа по созданию целостной системы духовно-нравственного воспитания будет зависеть от того, насколько правильно будет понято и спрогнозировано дальнейшее развитие воспитания и образования в контексте социально-экономического и культурного развития России; разработана система духовно-нравственного воспитания, соответствующая нашему времени; сформулирована позиция государства к решению этой важнейшей социальной проблемы; консолидации здоровых сил общества, общественных структур, культурных сообществ, способных решать задачи духовно-нравственного развития; степени реального участия Церкви в решении этих вопросов; позиции равнодушия каждого православного человека и способности православных людей консолидировано выражать свою позицию по педагогическим вопросам и успешно ее осуществлять в жизни; плодотворное сотрудничество всех участников воспитания; заинтересованность всех субъектов воспитательного процесса в качестве воспитания.

Список литературы

1. Ключевский В. О. «Значение преподобного Сергия для русского народа и государства» / Доклад, произнесенный в в Московской Духовной Академии в 1892 г., в год 500-летия со дня смерти преподобного Сергия Радонежского // <http://www.glinkie.ru/content/vo-ключевский>

2. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года // <http://президент.рф/news/17118>

THE HISTORICAL-CULTURAL AND HISTORICAL-PEDAGOGICAL PREREQUISITES FOR THE DEVELOPMENT OF SPIRITUAL-MORAL EDUCATION IN RUSSIA

V. M. Men'shikov
N. N. Gatilova
A. B. Khokhlova

Kursk State University

e-mail:
ss-private@yandex.ru

The article analyzes the history of spiritual-moral education of Russia; displays events of key importance for the development of spiritual-moral education: the official adoption of the Baptism; spiritual revival of Russia XIV – XV centuries; the spiritual awakening of Russia in the second half of XIX – beginning of XX centuries; restoration of spiritually-moral education in the 1990s of XX – beginning of XXI centuries.

Keywords: spiritual-moral education, education in Ancient Russia, spiritual-moral education of the XIV-XV centuries, the main directions of development of the Russian pedagogical thought in the second half of XIX – beginning of XX centuries, regional system of spiritual-moral education.

УДК 37.013.42

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КЛАССНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

Д. И. Михайлова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
mikhailova_d@bsu.edu.ru*

В статье рассмотрены основные направления работы классных руководителей, изучены выполняемые ими функции. Доказывается, что, несмотря на имеющийся теоретический задел, вопрос реализации классными руководителями социально-педагогической функции остается открытым. На основе анализа результатов констатирующего эксперимента делается вывод о необходимости разработки спецкурса «Классный руководитель» с целью подготовки будущих педагогов к профессиональной деятельности.

Ключевые слова: социализация, социальная защита, социальное развитие, воспитательная деятельность, профессиональная деятельность, социально-педагогическая функция, классный руководитель.

Введение

В современном мире значимость проблемы социализации ребенка в процессе обучения в школе и его успешная интеграция в общество очевидна. Об этом свидетельствуют нормативно-правовые документы РФ: новый закон «Об образовании в Российской Федерации», где понятие «воспитание» трактуется как «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи и государства» [6, с. 4]; «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012 – 2017 гг.», где прописаны меры, направленные на развитие воспитания и социализацию детей, а также меры по обеспечению условий качественной подготовки и регулярного повышения квалификации педагогических кадров во всех отраслях связанных с работой, с детьми и их семьями [3]; «Методические рекомендации об осуществлении функций классного руководителя педагогическими работниками государственных общеобразовательных учреждений субъектов Российской Федерации и муниципальных общеобразовательных учреждений, где отражается одна из главных задач, стоящих перед классным руководителем, – организация разнообразных видов коллективной творческой деятельности, вовлекающей обучающихся в общественно-ценностные социализирующие отношения [1] и др.

Несмотря на то, что работа по социализации ребенка возлагается на всех участников учебно-воспитательного процесса общеобразовательной организации, на наш взгляд, данное направление является одним из приоритетных направлений в воспитательной деятельности классного руководителя. Действительно, в «Методических рекомендациях об осуществлении функций классного руководителя» находим, что главной целью деятельности классного руководителя XXI в. является «создание условий для саморазвития и самореализации личности обучающегося, его успешной социализации в обществе.

Становится ясно, что современной школе необходим педагог-воспитатель, способный не только организовать целенаправленное управление процессом воспитания и развития личности ребенка в нем, но и создать условия, ориентированные на помощь ребенку, как в решении его актуальных личностных проблем, так и в подготовке к самостоятельной жизни.

Степень изученности проблемы в психолого-педагогической литературе

К настоящему времени создан обширный научный фонд по вопросам профессиональной подготовки будущего учителя, педагога, воспитателя, классного руководителя (Е. П. Белозерцев, Б. З. Вульф, В. Ф. Гревцева, И. Ф. Исаев, А. Г. Пашков, А. В. Репринцев, В. А. Сластенин и др.). Кроме этого, существует достаточное количество современных исследований по актуальным вопросам профессионального становления будущего педагога-

воспитателя в вузе: значение педагогической практики в системе подготовки будущего педагога – воспитателя (В. И. Воробей, Г. П. Гайбдулина, О. О. Киселева, Г. Н. Пашкевич, Н. А. Соловьева, и др.); формирование готовности классного руководителя к взаимодействию с семьей (Т. Ю. Гущина, Г. В. Иванова, П. П. Пивенко, О. А. Шостакович и др.); организация социальной защиты детей в школе (Н. Е. Бекетова, В. В. Дзюбан, М. Н. Заостровцева, Н. Ф. Шинкаренко и др.); профессиональная подготовка и профессиональное развитие специалистов в области социальной педагогики (В. Г. Бочарова, Ю. Н. Галагузова, М. П. Гурьянова, В. Н. Запорожец, В. Ш. Масленникова, А. В. Мудрик, Л. Е. Никитина и др.) [5]. Тем не менее, несмотря на изученные подходы к рассматриваемой проблеме, вопрос формирования готовности студентов к реализации социально-педагогической функции в воспитательной деятельности будущих классных руководителей остается недостаточно изученным.

Сущностные характеристики и содержание социально-педагогической функции в воспитательной деятельности классного руководителя

Анализ психолого-педагогической литературы показывает, что ученые (Н. И. Дереклеева, Р. А. Еремина, В. П. Сергеева и др.) расходятся в определении основных направлений деятельности классного руководителя. Это объясняется особенностями типа образовательной организации; особенностями воспитательной системы школы; уровнем воспитанности школьного коллектива, его организованности, обученности; подготовленности классного руководителя к организации и осуществлению воспитательной деятельности; общей культуры личности педагога, его педагогической культуры и др. Однако к ведущему направлению в воспитательной деятельности классного руководителя вышеназванные авторы относят создание условий для успешной социализации обучающегося в обществе.

В процессе педагогической деятельности реализуется ряд функций классного руководителя. Следовательно, спектр этих функций также зависит от вышеизложенных условий.

Итак, рассмотрим подробнее, в чем заключаются функциональные обязанности классного руководителя. Под функциями воспитательной деятельности классного руководителя мы понимаем индивидуально-личностное сопровождение и поддержку воспитанника и всего детского коллектива.

Становится понятно, что педагог, выступающий в качестве руководителя детского коллектива, реализует свои функции как класса в целом, так и отдельных обучающихся. По мнению М. И. Рожкова, главным в деятельности классного руководителя является содействие саморазвитию личности, реализации ее творческого потенциала, обеспечение активной социальной защиты ребенка, создание необходимых и достаточных условий для активизации усилий детей по решению собственных проблем [4]. Н. Е. Щуркова выделяет такие функции классного руководителя: 1) обустройство жизни детей в школе; 2) организация предметной деятельности группы (обеспечение благоприятного преломления влияния общешкольной воспитательной системы на индивидуальность каждого школьника, индивидуализация деятельности школьника, диагностика индивидуального развития личности школьника, оказание педагогической помощи в решении жизненных проблем); 3) организация духовной деятельности по осмыслению жизни (характеристика и оценивание социально-ценностного развития группы и личностного развития каждого ребенка группы). В соответствии с концепцией академика Р.Х. Шакурова, существует три уровня функций педагога-воспитателя: 1) социально-гуманитарные (воспитание, социальная защита); 2) социально-психологические (организаторская, сплочение коллектива, развитие ученического самоуправления); 3) функции управления и организации деятельности (диагностика, целеполагание, планирование, контроль, коррекция) [4].

Согласно «Методическим рекомендациям об осуществлении функций классного руководителя педагогическими работниками государственных общеобразовательных учреждений субъектов Российской Федерации и муниципальных общеобразовательных учреждений» к функциональным обязанностям педагога относятся: 1) организационно-координирующие функции; 2) коммуникативные функции; 3) аналитические функции; 4) социальные функции [1].

Изученные мнения вышеназванных авторов о функциях классного руководителя, дают нам право констатировать, что социально-педагогическая функция является одной из приоритетных функций в воспитании как отдельной личности, так и всего детского коллектива. Что понимается под социально-педагогической функцией? Так, Л. М. Тафинцева в своем диссертационном исследовании социально-педагогическую функцию классного руководителя трактует как: «один из обязательных видов профессиональной деятельности педагога, направленной на создание необходимых и достаточных условий для успешной социализации воспитанников класса, активизации усилий учащихся по решению собственных проблем; на содействие их саморазвитию и обеспечение активной поддержки и защиты детей; на координацию усилий педагогов, родителей, влияющих на личностное становление воспитанников» [5]. На наш взгляд, социально-педагогическая функция классного руководителя представляет собой защиту ребенка, помощь ему по всем направлениям, включение в систему социальных связей, взаимодействие с семьей и различными институтами воспитания с целью создания наиболее комфортных условий развития личности.

Действительно, в большинстве случаев к социально-педагогической функции ученые-педагоги относят: 1) обеспечение индивидуального развития обучающихся класса; 2) осуществление диагностики воспитанности обучающихся, эффективности воспитательной работы с ними; 3) организация всех видов индивидуальной, групповой, коллективной деятельности, вовлекающей школьников в общественно-ценностные отношения; 4) создание классного коллектива как воспитывающей среды, обеспечивающей социализацию каждого ребенка; выявление и учет детей социально незащищенных категорий; 5) обеспечение охраны прав и социальной защиты всех категорий обучающихся; 6) систематическое посещение неблагополучных семей; 7) систематическое осуществление наблюдений за поведением детей «группы риска» и состоящих на учете в ПДН; 8) систематическое посещение проблемных семей, обучающихся в целях изучения условий воспитания и выработки совместно с родителями школьников единой стратегии и тактики воспитательной работы и др.

Нами было изучено мнение будущих классных руководителей о содержании деятельности классного руководителя и основных выполняемых ими функциях. В опросе приняли участие студенты второго и четвертого курсов факультета иностранных языков и историко-филологического факультета Педагогического института НИУ «БелГУ» по специальности «Учитель иностранного языка» и «Учитель русского языка и литературы» в количестве 76 человек. Студентам предлагалось ответить на несколько вопросов: Что относится к основным направлениям деятельности классного руководителя? Что является ведущим направлением его воспитательной деятельности? Какие функциональные обязанности возложены на классного руководителя? Что вы понимаете под социально-педагогической функцией классного руководителя? и др.

Анализ эмпирического материала показал, что большинство студентов второго курса не владеют достаточной информацией об основных направлениях деятельности классного руководителя (~31%), не знают о возложенных на них функциональных обязанностях и требованиях, предъявляемых к педагогам-воспитателям (~40%). Малый процент студентов (~29%) называют основные направления деятельности классного руководителя, выполняемые им функции, но путаются в определении социально-педагогической функции. Результаты анкетирования студентов четвертого курса показали, что (~65) % опрошенных знают о наличии методических рекомендаций для классного руководителя, так как сами выполняли функции классного руководителя в процессе педагогической практики, знают, как реализуется социально-педагогическая функция в деятельности классного руководителя.

Заключение

Полученные данные можно объяснить следующим образом: во-первых, студенты 4 курса в соответствии с программой имели возможность изучать курс по выбору «Классный руководитель». Выбравшие эту дисциплину студенты познакомились с основными направлениями и функциями в воспитательной работе классного руководителя, его правами и обязанностями, формами, методами организации воспитательной деятельности и другими особенностями деятельности педагога-воспитателя, в том числе изучили роль и

значение социально-педагогической функции в работе классного руководителя; во-вторых, студенты 4 курса имели опыт прохождения педагогической практики в школах города Белгорода и Белгородской области и сами выполняли функциональные обязанности классного руководителя, применяя на практике полученные в ходе изучения дисциплины теоретические знания.

Таким образом, результаты проведенного опроса показывают необходимость подготовки будущих классных руководителей в процессе профессионального обучения в вузе, необходимость разработки и внедрения спецкурса «Классный руководитель» в качестве базовой дисциплины профессионального цикла. На наш взгляд, введенная в практику дисциплина «Классный руководитель», будет способствовать успешному усвоению студентами знаний о современной школе, которой нужен классный руководитель, не только способный воспитывать, но и оказать своевременную и квалифицированную социально-педагогическую помощь и поддержку.

Список литературы

1. Методические рекомендации об осуществлении функций классного руководителя педагогическими работниками государственных общеобразовательных учреждений субъектов Российской Федерации и муниципальных общеобразовательных учреждений. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nsportal.ru/shkola/klassnoe-rukovodstvo/library/polozhenie-o-klassnom-rukovoditele>
2. Михайлова Д. И. К вопросу о критериях оценки эффективности воспитательной деятельности классного руководителя / Д.И. Михайлова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/116-12422>
3. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012-2017 гг. (указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761). – [Электронный ресурс] – URL: <http://base.garant.ru/70183566/>
4. Классному руководителю. Учеб. метод. пособие / Под ред. М.И. Рожкова. М.: гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. 280 с.
5. Тафинцева Л. М. Формирование готовности будущих педагогов к реализации социально-педагогической функции классного руководителя [Текст]: автореф. дис... канд. пед. наук:13.00.08 / Л. М. Тафинцева.- Липецк, 2008. – 20 с.
6. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=140174>

SOCIAL-PEDAGOGIC FUNCTIONS IN THE FORM-MASTERS' ACTIVITY

D. I. Mikhaylova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
mikhailova_d@bsu.edu.ru*

The article shows the main directions of form-master's activity and form-master's functions in school. It is proved that although there is a theoretic groundwork the question of implementation of social-pedagogic functions in the future form-master's activity is still open. On the basis of results analysis of ascertaining experiment we can conclude that there is a necessity to develop special subject «A form-master», which help teachers to prepare future form-masters to their professional activity.

Keywords: socialization, social protection, social development, educational activity, professional activity, social-pedagogic functions, a form-master.

УДК 378.046.4

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЯ-СЛОВЕСНИКА ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В СИСТЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

Т. Б. Михеева*Донской
государственный
технический
университет**e-mail:
mitata.m@yandex.ru*

Развитие и совершенствование профессиональной компетентности учителя-словесника полиэтнической школы – обязательное условие его эффективной деятельности. Обучение русскому языку многонационального контингента класса имеет свои особенности и требует от учителя специфического содержания конкретных (педагогической, этнокультурной и коммуникативной) компетенций. Выделенные критерии и уровни сформированности этих компетенции позволяют определить подходы и принципы к отбору содержания программ повышения квалификации и построить технологическую модель развития указанных компетенций учителя.

Ключевые слова: полиэтническая школа, многонациональный контингент, компетенции учителя, технологическая модель.

Приоритетами повышения квалификации учителя-словесника полиэтнической школы являются развитие профессиональной компетентности, изменение психолого-педагогических установок, формирование готовности к рациональному решению профессиональных задач, развитие способности к осмыслению своего педагогического опыта с последующей коррекцией собственной педагогической деятельности в иных педагогических ситуациях. Решая указанные задачи, повышение квалификации реализует системный, лично ориентированный и деятельностный подходы к обучению слушателей, индивидуальный подход, проявляющийся в персонализации учебного материала, используя при этом проблемность, диалогичность для организации деятельности слушателей в процессе их обучения на основе гуманистической психологии и антропоцентризма в обучении.

Технологическая модель является дидактической системой, включающей цель, принципы обучения, задачи, а также содержание, средства обучения, организационные формы, формы контроля и самоконтроля процесса развития. Цель разработки модели – структурировать процесс развития профессиональной компетентности учителя-словесника полиэтнической школы в условиях повышения квалификации (ПК). Модель развития и совершенствования профессиональной компетентности учителя-словесника реализует внутренние психолого-педагогические условия (желание, потребность в изменении статуса, готовность и способность преобразовать собственную деятельность по обучению русскому языку учащихся, для которых русский язык является неродным,) и внешние условия (повышения квалификации, самообразования, дистанционного обучения). Эффективность реализации внешних условий будет значительна только в том случае, если в достаточной степени сформированы внутренние условия, если учитель видит необходимость в изменении своей деятельности.

При создании технологической модели развития и совершенствования профессиональной компетентности учителя-словесника полиэтнической школы в форме повышения квалификации решались следующие задачи:

- осуществление дифференцированного (многоуровневого, разнопрофильного, вариативного) повышения квалификации учителя-словесника;
- обеспечение интегративного подхода к образованию через взаимовозникающую проблемную, методологическую, терминологическую связь в содержании курсов;
- развитие творческого профессионально-педагогического мышления слушателей курсов;
- формирование, развитие и совершенствование умений слушателей, связанных с самореализацией в профессиональной деятельности.

При отборе содержания программ для курсов повышения квалификации учителей-словесников полиэтнической школы учитывалось положение о единстве теоретической и практической подготовки учителя, о взаимосвязи профессиональных знаний и практических навыков учителя. При этом актуализировались необходимость обязательного освоения современных форм, методов, технологий обучения, одновременное развитие творческого потенциала, повышение уровня профессиональной и общей культуры. Во главу угла моделирования процесса повышения квалификации ставится удовлетворение интересов слушателей через систему элективных и специальных курсов, курсов по выбору, факультативных и вариативных дисциплин.

При моделировании программ курсового повышения квалификации учителя-словесника полиэтнической школы учитывались современные подходы к построению образовательных программ, специфика развития и совершенствовании компетенций учителя и особенности обучения взрослых [1]. К ним относятся:

- лично ориентированный подход, обеспечивающий учет профессиональных потребностей конкретных групп обучающихся,
- возможность применения полученных знаний на практике;
- деятельностный подход, связанный с обучением на основе тех видов заданий и форм организации учебного процесса, которые обучающиеся будут использовать в профессиональной деятельности;
- гибкая организация учебного процесса;
- сочетание очных и дистанционных форм обучения.

Учебно-тематические планы и программный материал повышения квалификации нацелены на развитие и совершенствование конкретно-предметных (педагогической, этнокультурной, коммуникативной) компетенций учителя-словесника полиэтнической школы. Разработка содержания образовательных программ осуществлялась с опорой на совокупность основополагающих принципов, которые отражают приоритеты в отборе и структурировании учебного материала, средств обучения и направлены на реализацию целей повышения квалификации и совершенствования профессиональной компетентности учителя. Это принципы:

- 1) динамичности, предусматривающий возможности изменения и дополнения содержания программ;
- 2) индивидуализации и дифференциации, направленных на учет потребностей, интересов и способностей слушателя курсов, опыта его педагогической деятельности;
- 3) многоаспектности методического консультирования, предполагающего высокую мотивацию слушателей курсов и профессиональное мастерство преподавателей ИПК;
- 4) диалогового взаимодействия, основанного на субъект-субъектных отношениях преподавателей и слушателей;
- 5) перспективы, которые требуют осознания преподавателями ИПК и обучаемыми учителями промежуточных и итоговых результатов обучения.

Основная особенность программ состоит в реализации идей коммуникативно-диалоговой технологии и технологии совместной деятельности, решение проблемы внесение изменений в содержание компетенций специалиста педагогическими средствами. Отбор и структурирование содержания программ для курсов повышения квалификации учителей-словесников осуществлялось в органической взаимосвязи компетентностного, коммуникативно-деятельностного, культурологического, акмеологического, аксиологического, субъектного подходов и собственно педагогических потенциалов образования в сферах:

- знаний теории и методики обучения русскому языку,
- ценностных ориентиров поликультурного образования,
- расширения и углубления знаний современных педагогических технологий [2].

Многонациональный состав учащихся диктует необходимость использования учителем-словесником специальных методов и приемов обучения и воспитания, направленных на развитие знаний, умений и навыков, требующихся для эффективной коммуникации с одноклассниками – представителями других этносов. То, насколько полно будет реализован потенциал образовательной среды в отношении формирования необходимых личностных качеств, определяет успешность дальнейшего (на русском языке) обучения детей, для которых русский язык является неродным.

Применительно к процессу развития профессиональной компетентности учителя-словесника полиэтнической школы разработана технологическая модель, которая включает в себя:

- цели и задачи курсов повышения квалификации, диктующие все остальные структурные компоненты системы;
- подходы: поликультурного образования, пространственный, акмеологический, (более общие для лингвометодики – компетентностный и коммуникативно-деятельностный) и конкретные принципы, отобранные и сформулированные с учетом особенностей компетенций учителя-словесника полиэтнической школы;
- средства (формы, методы, приемы развития и совершенствования компетенций учителя), в т.ч. средства самообразования;
- содержание конкретных программ курсовой подготовки учителя-русиста полиэтнической школы и спецкурсов;
- результат как реализованная цель.

Структурные компоненты повышения квалификации учителя-словесника полиэтнической школы являются системными образованиями, так как

- содержание курсов направлено на достижение цели, цели предполагают достижение конкретного результата – изменение содержания профессиональной компетентности учителя-словесника в части его педагогической, этнокультурной и коммуникативной компетенций;
- структурные компоненты взаимосвязаны и проявляются в самом процессе повышения квалификации;
- взаимообусловлены требованиями конкретной образовательной ситуации – осознанной необходимостью развития и совершенствования профессиональной компетентности учителя-словесника полиэтнической школы.

Процесс проектирования содержания повышения квалификации учителей-словесников становится возможным на основе разработанных дидактических принципов как главных ориентиров конструирования, реализации и рефлексивной оценки результатов этого процесса.

Принципы, положенные в основу разработки технологической модели развития профессиональной компетентности учителя-словесника полиэтнической школы, отражают наше понимание особенностей отбора содержания для курсового повышения квалификации этого контингента учителей и отбора средств (форм, методов, приемов) этого процесса. Таким образом, выделяются как основные принципы диалога культур, новизны, функциональности и принцип личностно-смысловой направленности деятельности учителя и в процессе курсовой подготовки, и в процессе самообразования. Следует говорить о реверсном пути создания и реализации технологической модели развития профессиональной компетентности учителя-словесника полиэтнической школы. То есть, все структурные элементы системы отобраны в соответствии с целями и задачами курсового повышения квалификации и направлены на достижение результата. Результатом процесса развития профессиональной компетентности учителя-словесника полиэтнической школы становится:

- изменение содержания профессиональной компетентности учителя-русиста в части его педагогической, этнокультурной и коммуникативной компетенций;
- формирование готовности работать в новых для учителя условиях поликультурной образовательной среды полиэтнической школы.

Процесс развития профессиональной компетентности учителя-словесника рассматривается нами как целенаправленное, упорядоченное и управляемое воздействие на развитие ценностных ориентаций педагога.

При моделировании процесса развития профессиональной компетентности в рамках повышения квалификации учителя-словесника полиэтнической школы в программный материал включается то содержание и те средства, которые развивают педагогическую, этнокультурную и коммуникативную компетенции. Следует подчеркнуть, что технологическая компетенция подвергалась развитию и совершенствованию в процессе повышения квалификации опосредованно, через участие учителя в различных обучающих мероприятиях с применением разнообразных педагогических технологий. Компетенция профессиональной реализации и ее развитие мы представляем как процесс самообразования в виде изменения «Я-концепции» учителя.

Моделирование процесса развития профессиональной компетентности учителя осуществляется с ориентацией на структурные компоненты компетентности в виде компетенций, на уровни их развития, на выявленные критерии (когнитивный, мотивационно-ценностный, личностный и деятельностный) (табл.). Исходный и оптимальный уровни профессиональной компетентности учителя-словесника полиэтнической школы выделяются с целью демонстрации тех перспектив, которые достигаются в процессе курсового повышения квалификации.

Таблица

Критерии и уровни профессиональной компетентности учителя-словесника полиэтнической школы

Виды компетенций (развиваемые в процессе ПК)	Номинальный уровень	Оптимальный уровень (в дополнении к номинальному)
1	2	3
Когнитивный критерий		
Педагогическая	Владеет достаточными знаниями для решения комплекса типовых задач обучения Знает современные педагогические технологии и готов их применять.	Владеет дополнительными знаниями в области методической деятельности для решения инновационных задач обучения русскому языку многонационального контингента учащихся. Воспринимает явления билингвизма и интерференции как методическую проблему.
Коммуникативная	Учитель-словесник в плане реализации своей коммуникативной компетенции знает нормы и правила педагогического общения, ценностного отношения к обучающимся	Знает индивидуальные речевые особенности учащихся, владеет коммуникативной ситуацией
Этнокультурная	Способен понимать значение культуры как формы человеческого существования Изучает и учитывает в процессе обучения особенности национальных традиций, культуры, быта народов	Знает общие основы этнопедагогики, культурные традиции воспитания и образования Знает этнопсихологические особенности учащихся, для которых русский язык является неродным, (диктуется необходимостью учета поликультурности образовательного процесса)
Ценностно-мотивационный критерий		
Педагогическая	Готов применять предметные знания на уровне навыка Умеет определять специфические черты класса с многонациональным контингентом учащихся, влияющие на процесс изучения русского языка. Стремится к развитию данного вида компетенции	Учитывает влияние речевой среды на формирование культуроведческой компетенции школьника. Использует на уроке элементы методики преподавания русского языка как неродного. Проявляет активность и получает удовлетворение от процесса и результатов участия в работе курсов Ярко выражено стремление к развитию данного вида компетенции
Коммуникативная	Умеет формулировать выводы, подводить итог, выделяя позитивные и негативные стороны учебной деятельности учащихся и собственной педагогической деятельности.	Относится к учащемуся как к ценности Умеет - правильно воспринимать и учитывать критику, соответственно с ней перестраивать свою деятельность; - тактично и справедливо оценивать деятельность учащихся. - анализировать конфликтные ситуации и разрешать их с позиций педагогической толерантности.

Окончание таблицы

1	2	3
Этнокультурная	Проявляет интерес к проявлениям и развитию культуры своей страны, региона, города, учебного заведения	Проявляет педагогическую толерантность Реализует этнопедагогический подход (Г.Н. Волков) в организации педагогической деятельности.
Деятельностный критерий		
Педагогическая	Умеет целесообразно и эффективно организовать процесс обучения	Умеет разрабатывать дополнительный дидактический материал с использованием традиционных и инновационных средств обучения Имеет опыт проектирования и использования средств обучения, специфичных для методики обучения русскому языку как неродному
Коммуникативная	Владеет методами и приемами воздействия на национальные чувства, сознание и поведение учащихся	Умеет управлять педагогическим общением, опираясь на основы поликультурного образования; - моделировать процесс обучения в пространстве поликультурного образования и - анализировать его с точки зрения
	Умеет - вести диалог, беседу, дискуссию, диспут; - пользоваться этикетными формами в речи Владеет - нормами русской речи во всех формах и функциональных стилях- техникой речи, риторическими фигурами и приемами.	соответствия современным подходам, принципам, методикам;
Этнокультурная	Воспринимает педагогическую толерантность как общечеловеческую ценность эпохи интенсивного межкультурного общения и межэтнических отношений	Проявляет знание элементов этнопедагогики, позволяющих не ущемлять чувства достоинства или, напротив, предотвращать проявления превосходства одних детей над другими.
Личностный критерий		
Педагогическая	Профессионально важные качества проявляются достаточно активно Умеет проектировать собственную педагогическую деятельность в условиях многонационального контингента класса	Умеет -проводить сравнительный анализ педагогических традиций, -обобщать собственный педагогический опыт в аспекте этнопедагогического знания. Включает в методический арсенал интеграцию ценностей толерантности и содержания обучения;
Коммуникативная	Знает собственные коммуникативные качества	Демонстрирует чувство сопереживания и сопричастности в совместной деятельности; Проявляет психологическую готовность к организационно-коммуникативной деятельности
Этнокультурная	Владеет средствами проявления педагогической толерантности при обучении русскому языку и воспитании учащихся в традициях дружбы, взаимоуважения народов.	Владеет тезаурусом не только родной культуры, но и культуры других народов, живущих рядом. Владеет средствами формирования знаний учащихся о ценностных ориентирах межнациональной толерантности

Термин «уровень» в психолого-педагогической литературе встречается, когда речь идет об оценке степени сформированности или развития умений обучаемых. В нашем случае мы имеем дело с профессионально ориентированной языковой личностью, с профессиональной ориентированностью на высокую степень коммуникативной компетенции как проявление и как обязательный элемент профессиональной деятельности учителя-словесника.

В условиях ИПК выделяется несколько этапов развития профессиональной компетентности учителя-словесника полиэтнической школы.

1 этап – выявление состояния сформированности конкретных компетенций учителя-словесника полиэтнической школы и определение потребностей учителя в совершенствовании этих компетенций путем опросов и анкетирования (диагностический этап).

2 этап – занятия в рамках курсового повышения квалификации (4 недели) по дополнительным образовательным программам.

3 этап – этап взаимопосещений уроков учителей-словесников с участием преподавателей ИПК различных профилей (психологов, педагогов, методистов по предмету), анализа этих уроков и рефлексии.

4 этап – этап самообразования, выделенный нами условно, так как процесс самообразования пронизывает все этапы и необходим учителю-словеснику как основа процесса совершенствования его профессиональной компетентности.

Все этапы рассчитаны на один учебный год. Однако специфика работы институтов повышения квалификации предполагает консультационно-моделирующую деятельность, которая не ограничена временными рамками. Таким образом, учитель-словесник полиэтнической школы постоянно находится во взаимосвязи и в реальном, и в интерактивном режимах со специалистами ИПК.

В основу разработки модели развития профессиональной компетентности учителя-русиста полиэтнической школы положены: анализ содержания компетенций специалиста, программно-методическое обоснование и обеспечение процесса повышения квалификации; учет особенностей профессиональной деятельности учителя, обусловленные спецификой поликультурной образовательной среды полиэтнической школы, а также учет особенностей обучения взрослых.

Итак, приходится констатировать тот факт, что учитель-словесник полиэтнической школы оказывается в специфических социально-педагогических условиях деятельности. Изменение условий его деятельности влечет за собой изменение содержания уже сформированных (при обучении в вузе, опытным путем) компетенций. Учитель-словесник полиэтнической школы должен быть готов к профессиональной деятельности именно в конкретных условиях (работать и с русскими детьми, и с детьми, для которых русский язык является неродным, одновременно). Эту готовность призвана формировать реализуемая на курсах повышения квалификации технологическая модель развития профессиональной компетентности учителя-словесника полиэтнической школы.

Список литературы

1. Змеев С. И. Андрагогика: основы теории и технологии обучения взрослых. / С. И. Змеев – М.: ПЕР СЭ, 2003. – 207 с.
2. Михеева Т. Б. Теория и практика совершенствования профессиональной компетентности учителя русского языка полиэтнической школы: монография – Ростов н/Д: Антей, 2010. – 208 с.

THE TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT MODEL OF PROFESSIONAL COMPETENCE IN THE ADVANCED TRAINING OF TEACHERS FOR MULTIETHNIC SCHOOLS

T. B. Mikheyeva

*State Technical
University of Don*

*e-mail:
mitata.m@yandex.ru*

Development and improvement of professional competence of the teacher of multiethnic school is an indispensable condition of its effective activity. Training in Russian of the multinational contingent of a class has the features and demands from the teacher of the specific contents concrete (technological, ethnocultural and communicative) competences. The allocated criteria and levels of formation of these of competence allow to define approaches and the principles to selection of the contents of programs of professional development and to construct technological model of development of the specified competences of the teacher.

Keywords: multi-ethnic school, multinational contingent, competence of the teacher, technological model.

УДК 378

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОСОБАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОБЛАСТЬ КУЛЬТУРЫ СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В КОНЦЕ XX ВЕКА

Н. В. Плаксина*Курский
государственный
университет**e-mail:
natalyanegrebetskaya@yandex.ru*

Статья посвящена вопросам взаимосвязи национальной идентичности, национального характера, национальной культуры и национального образования в странах Западной Европы в конце XX в. Рассматривается взаимообусловленность образования и культуры на национальных уровнях.

Ключевые слова: образование, культура, национальная идентичность, национальный характер, европейская интеграция.

Введение

В конце XX в. в странах Западной Европы философы (Э. Фромм, А. Д. Урсул, Б. Гройс), педагоги (Д. Ленцен, Б. Саймон, С. Вильямс), психологи (Р. Бернс, Д. Рейнор, Х. Хекхаузен), социологи (О. Тоффлер, Б. Метлер-Мейбом, У. Дайзард) зафиксировали и обосновали тесную связь между проблемами национальной идентичности, национального характера, национальной культуры и национального образования. Стремительное возрастание роли культуры как совокупности способов и результатов деятельности человека способствовало постепенному и достаточно длительному развитию национально-культурной идентичности, направленной на сохранение исторически сложившегося сообщества и его духовных ценностей. Это, в свою очередь, создавало предпосылки для формирования продуктивного социального характера, в котором предполагается наличие преемственной связи с лучшими чертами национального характера, идеалами, заключенными в ядре национальной культуры. «Мы полагаем, – отмечает Э. Фромм, – что такие идеалы, как истина, справедливость, свобода, хотя они часто оказываются лишь пустыми словами или рационализациями, могут быть подлинными стремлениями человека и что любой анализ, не учитывающий эти стремления в качестве динамических факторов, ошибочен. Эти идеалы не метафизического характера, а коренятся в условиях человеческой жизни» [1, с. 39 – 43].

Вместе с тем немецкие философы-экзистенциалисты М. Хайдеггер, К. Ясперс, а также сторонники данного направления во Франции Ж. П. Сартр, А. Камю еще в 1960-х гг. XX в. убедительно доказали, что никак нельзя ограничиваться «поведением индивидуальности» под тот или иной социальный тип. При таком «поведении» фактически растворяется в общей массе яркая, неповторимая и единственная в своем роде индивидуальность, какой призван являться человек. Человеку необходимо созидать самого себя, осуществляя «проект» собственной личности и принимая высокую ответственность за нравственный выбор своего поведения. Для этого необходимо, по мнению Э. Фромма, чтобы человек (любой человек, а не представитель того или иного социального строя, класса или нации) стал высшей ценностью общества. Труд такого человека, его отношения с другими людьми были бы проявлением подлинно творческой («ненавязанной») активности. Необходимо преодолеть практику образования и воспитания «стандартизированной личности, среднестатистического человека» – в этом видел высшую цель науки и образования известный австрийский философ и психолог В. Франкл [8, с. 48 – 53].

Образование как социальный феномен стран Западной Европы

В целом, в западноевропейской традиции философствования понятие «образование» рассматривается только в контексте общей антропологической проблематики и его понимание обуславливается пониманием человека и его сущности [2, с. 40].

Обращение к человеческой сущности в процессе его обучения и воспитания – одна из ведущих характеристик влиятельного западноевропейского философского течения – неотомизма (Э. Жильсон, Ж. Маритэн, В. Бруггер, А. Демпф, Й. Де Фриз, Д. Мерсье, К. Фабро и др.). По мнению Иоанна Павла Второго, одного из наиболее известных представителей данного направления философии, учеба, чтобы не быть бесплодной, должна при-

вести студента прежде всего к полной зрелости духа и сознания, то есть сделать из него подлинного и страстного исследователя истины о человеке, о подлинных проблемах человека, о всех «почему» и «как» его существования [3, с. 125 – 149].

Западноевропейская философия конца XX в. рассматривает сущность образования как выход за пределы наличной, непосредственной ситуации с акцентом на историческую обусловленность индивида культурой, на его обращенность к традиции. Образование выступает в роли главного условия вхождения человека в коммуникационное пространство культуры социума. Человек осознает свою проблемность, так как его сущность не определена изначально. Ее обретение и осознание возможно только в процессе самостановления личности.

Образование рассматривается как категория бытия человечества, которая ответственна за полноценное воспроизводство личности каждого субъекта, посредством вовлечения индивида в духовную сферу, где «Я», исходя из собственных истоков, обретает свою сущность.

Личностно-ориентированное западноевропейское образование на новой основе дает ответ на знаменитые кантовские вопросы: что я знаю, во что я верю, как я должен вести себя в мире? Личностно-ориентированное образование неотделимо от культурно-ориентированного, а именно ориентированного в первую очередь на национальную культуру как часть мировой культуры, на сохранение национально-культурной идентичности. Образование выявляет заложенные в национально-культурной идентичности внутренние тенденции саморазвития человека, реализующиеся в условиях постиндустриального общества в форме продуктивного социального характера, за формирование которого ответственно образование. Поскольку речь идет именно о социальном характере, то он и рассматривается как феномен жизни общества в его целостности, а не в индивидуализированной форме (личностно-ориентированный подход в образовании предполагает индивидуализацию преподавания и обучения, индивидуальный стиль педагога и т. д.). Диалектическая связь национального и социального характеров проявляется как во влиянии национального характера на формирующийся социальный, так и в необходимости трансформации качеств национального характера применительно к требованиям продуктивного социального характера.

От образования в очень многом зависит, по какому пути пойдет человечество – либо к хаосу, дезорганизации, военной, экологической, антропологической катастрофе, либо к ноосфере, нравственному логосу, «трансценденции человека», к человеческому в самом себе. Нельзя не согласиться с мнением А. Д. Урсула, что наука и образование «должны в перспективе образовать ту целостную систему формирования опережающего социального бытия сознания, от которого «волны упреждения» должны распространяться во все сферы социоприродной деятельности, ориентируя нас на устойчивое будущее. Можно сказать, что общество, в котором приоритетно именно образование («общество образования»), будет вместе с тем и информационным обществом, и глобальной цивилизацией с устойчивым развитием» [10, с. 128]. Разумеется, система образования не является автономной, и государство, заинтересованное в своем будущем, направленном на развитие и совершенствование человека и общества, должно относиться к развитию образования как к важнейшей задаче.

Ориентация образования на формирование продуктивного социального характера на основе сохранения национально-культурной идентичности является необходимым условием не только «выживания» общества на современном этапе, но и его устойчивого движения к ноосферному состоянию.

Таким образом, в Западной Европе понятие «образование» претерпевает изменения сущностных основ и переходит от понятия формы к оценке его как важнейшего компонента человеческого бытия (образование «деятельно» участвует в «построении» «внешнего» и «внутреннего» планов бытия человека).

В Западной Европе утверждается антропологический подход к пониманию целей и ценностей образования, характеризующийся синтезом категорий «образование», «ценность», «культура», «национально-культурная идентичность». Благодаря этому синтезу образование обеспечивает человека нормами и эталонами культуры, создавая базу для адаптации в социокультурной практике нового уровня, сохраняя при этом свою наиболее важную

функцию трансляции культуры и формирования разнокачественных адаптивных и одновременно творческих свойств специалистов для современного общества. Такое возможно при условии моделирования и формирования новых идеалов, целей, ценностей существования человека в культурных формах, которое осуществляют все субъекты образования.

Социальный субъект (государство, общество).

В государстве и обществе всегда формируется совокупность идей, положений, представляющих предпосылочные знания, определяющие выбор стратегии и определенной тактики становления, развития и направленности высшего образования. Прежде всего, стоит обратить внимание на то, что начинают меняться философские, а, следовательно, и национальные идеи, составляющие основу политики государства и общества на законодательном уровне в сфере высшего образования в целом. История государств стран Западной Европы свидетельствует о том, что представления государства и общества о процессе становления, развития и направленности высшего образования всегда совпадали, особенно в периоды прохождения критических точек развития государственных систем образования, в зарождающихся или новых социально-исторических, экономических, социально-культурных условиях. Это позволяло выдвигать цели, задачи, определять этапы и условия эффективности становления, развития, направленности образования, сочетать сложившиеся в образовании традиции с инновациями.

Научно-педагогическое сообщество как субъект высшего образования.

Научно-педагогическое сообщество разрабатывает и обосновывает совокупность положений и идей становления, развития и направленности высшего образования. Поскольку научно-педагогическое сообщество, как правило, всегда представлено несколькими научными школами, то создаются предпосылки для разработки и реализации различных моделей высшего образования в конкретных исторических условиях.

Индивид как субъект высшего образования.

В концепциях высшего западноевропейского образования прослеживается стратегическая тенденция – рассматривать становление и развитие образования с позиции индивидуальности. Индивидуальность реализует свободу выбора, своеобразие образовательного пути личности.

Для индивидуальности характерно стремление к самостоятельному поведению, формированию Я-концепции, собственному мироощущению, развитию определенных способностей. В результате индивид приобретает свою личностную, культурную идентичность. Индивидуальность воспринимает образование как «составляющую» образа жизни, вырабатывает к нему собственное отношение.

Индивидуальность – это образованный человек, подготовленный к полноценной жизни, то есть не только к ее разумным формам, но и к испытаниям, к сменам образа жизни, к изменениям. Такое понимание статуса индивидуальности в высшем образовании определяет его направленность: высшее образование есть особая институциональная область культуры страны, направленная на сохранение национально-культурной идентичности человека.

Образование как культурный феномен стран Западной Европы

Вместе с тем анализ многочисленных западноевропейских источников, посвященных проблемам образования, позволяет утверждать, что в настоящее время процессу сохранения и передачи культурных ценностей человечество придает наибольшее значение, полагая, что именно эти «комплексы ценностей» позволят сделать процесс духовного совершенствования человека более продуктивным.

Каждое общество на определенном этапе развития является носителем свойственной только ему культуры, включающей в себя нормы поведения, особенности языка и традиций, а также музыку, искусство и литературу данного социума [12, р. 118]. Национальная культура представляет собой систему духовных ценностей, характеризует качество и уровень жизни людей того или иного социального пространства. Данные «комплексы культурных ценностей» являются своеобразными регуляторами человеческой деятельности (мнения, традиции, мораль и т. д.). Чтобы человек смог успешно адаптироваться, а затем продуктивно функционировать в определенной социальной среде, ему необходимо усвоить и принять социальные ценности, ориентации, которые в дальнейшем превращаются в

естественный регулятор его жизнедеятельности. Причем, по мере осваивания уже устоявшихся культурных ценностей, каждый человек, как правило, производит новые, сохраняя и поддерживая уже существующие, подтверждая идею о том, что каждый индивид является творчески активным существом. В этой связи известный исследователь западноевропейского образования О. В. Долженко утверждает, что культура – это единство духовного, идеального и материального, определяющее многообразие жизненных путей того или иного субъекта деятельности вместе с присущими ему механизмами порождения нового самоопределения и самодетерминации [1, с. 88].

Культура помогает индивиду включиться в общественную жизнь, в течение которой он духовно и социально совершенствуется. Именно на уровне культуры, как правило, в полной мере выражается человеческая индивидуальность. Цель культуры – «цивилизация» личности, оказание ей помощи в постижении мира и воспроизводстве ее культурной сущности, субъектности. Ведущим фактором воспроизводства культурной сущности и идентичности общества и личности является образование.

Данные изменения в парадигме общественного сознания в конце XX в. не могли не отразиться на системах образования. Стали происходить изменения соотношений традиционных элементов системы образования: идеологии, образовательных институтов, обучающихся, преподавателей, методик образования и образовательных ресурсов. Данные процессы стали проявляться и в кризисе легитимности образовательных учреждений, в поиске новых способов их самоидентификации. Претерпевает изменение модель «образованного человека». Появляется философия «информационной цивилизации». Создаются условия для нового образования, которое становится основным механизмом гармоничного развития личности в современном социокультурном измерении [4, с. 34 – 35].

В последние десятилетия XX в. данные изменения инициировали постановку задач реформирования образования, отражающих специфику социокультурного и технологического развития того или иного общества Западной Европы.

Главная идея, заложенная в основу реформирования образования, заключалась в том, что человек может реализоваться исключительно благодаря процессу получения на протяжении всей своей жизни нового опыта и актуализации уже имеющегося. Только при таком понимании, по мнению Э. Фора, явно выходящем за рамки институционально признанных видов образовательной деятельности, образование может обеспечить выполнение важных социальных культуротворческих функций [6, с. 34 – 27].

При этом подчеркивалось, что сущность образования – формирование нового образа мира и новой, вписанной в этот образ, системы деятельности. Процесс же обучения, представленный в результатах образования, является сугубо социокультурным. С одной стороны, он соотносится со своим социально значимым содержанием, а с другой – обусловлен опытом человека как субъекта образовательного процесса и носителя собственной культуры. Образование должно быть ориентировано на развитие человека как субъекта собственной жизнедеятельности.

Специалисты в области развития западноевропейского образования рассматривали образование как феномен, который должен «выводиться» не столько из перспективных задач общественного развития, сколько из наличного уровня и состояния общества и человека, их возможностей и надежд. Этот уровень необходимо рассматривать как социокультурную реальность, уже содержащую в себе будущее. Только в этом случае образование из средства социализации человека (в узком смысле) превратится в условие развития личности.

На этом фоне в последние два десятилетия XX в. в многочисленных дискуссиях, касающихся системы высшего образования, развернувшихся в Западной Европе, большое место начинают занимать процессы глобализации. Многие зарубежные исследователи подчеркивают, что глобализация и современные информационные технологии оказали существенное влияние на высшее образование, которое вынуждено приспосабливаться к меняющимся экономическим и социальным условиям. В центре внимания глобального образования – взаимосвязи между странами. Глобальное образование «формирует знания, навыки и мотивации, служащие основой для участия человека в жизни мира, характеризующегося культурным многообразием, неравенством, взаимосвязанностью, сотрудничеством и конфликтами» [5, с. 75].

Образование превращается в одно из условий всесторонней интеграции каждой

нации. Повышаются требования к квалификации специалистов для эффективной деятельности в глобализирующемся мире. Постепенно изменяется само понятие «образование» в связи с его интернационализацией.

Наконец, в конце 1980-х гг. XX в. ЮНЕСКО было издано свыше 20 докладов, посвященных анализу состояния образования в отдельных регионах мира и странах Западной Европы. Особое место принадлежит докладу Римского клуба, подготовленному в 1980 г. М. Эльмандирой и М. Малитцем «Нет пределов обучению». Выводы доклада строились с учетом необходимости ориентации образования на будущее состояние общества. Тем самым был провозглашен принцип упреждающей подготовки человека к условиям, о которых мало что известно, что свидетельствует о появлении представлений о непрерывном образовании, призванном обеспечить условия многократного возвращения человека в образовательную систему по мере того, как он сталкивается с новыми проблемами.

Система образования стала рассматриваться как особая область культуры, специализирующаяся на трансляции определенных знаний, ценностей и норм общества, обеспечивающих культурную преемственность поколений. Не случайно одна из главных задач, поставленная перед учителями Великобритании в учебном плане 1988 г., была сформулирована следующим образом: «...обеспечить духовное, моральное, культурное, умственное и физическое развитие учащихся и социума в целом» [11, р. 317].

Рассмотрение образования как особой институциональной области культуры, обеспечивающей трансляцию знания, норм, ценностей и эталонов культуры от поколения к поколению, позволило обществу не только выстроить логику становления и развития системы западноевропейского высшего образования, динамику его изменений, социокультурную детерминацию, но также увидеть зависимость сущностных характеристик содержания образования от существующих культурных традиций. При этом конкретная культурная традиция, поддерживаемая и культивируемая средствами образования, не сужала, а, наоборот, расширяла социокультурное пространство субъектов образования в период смены культурной программы.

Учебные заведения в этом случае становятся эталонными центрами культуры, не только обеспечивающими трансляцию культуры, но и реализующими связь с социокультурной практикой различного рода субъектов жизнедеятельности общества. Данная функция учреждений системы образования обеспечивает предпосылки развития социокультурных потребностей членов общества, соответствующих особенностям их исторического и социального развития.

Это с одной стороны. С другой стороны, структура и содержание образования всегда обусловлены культурной традицией и изменениями, происходящими в ценностных ориентациях общества и в личностных предпочтениях человека. Дидактические модели образования трансформируются отношениями субъектов учебно-образовательной деятельности в зависимости от менталитета общества, прошлого социокультурного опыта, типа его культуры, нравственных, правовых и политических традиций. Вместе с тем образование *деятельно участвует в построении* нового социокультурного пространства общества и человека как личности.

Заключение

Таким образом, образование «деятельно» воспроизводит культуру, формирует человека как потенциального субъекта социокультурной практики. Эта деятельная особенность образования обуславливает обогащение культуuroобразующей функции учебных заведений (эталонных центров культуры). В этом случае основу реализуемых современных технологий образуют не только знания, но и социокультурные, этнические детерминанты тех социумов, в рамках которых эти технологии функционируют. Данная особенность западноевропейского образования стала стратегической ориентацией действующих дидактических моделей, ориентированных на развитие интеллектуальных и творческих способностей личности, синтез различных типов знаний с этическим осмыслением результатов деятельности в контексте особенностей национальной культуры.

Эту идею подтверждают исследования стратегий современного западноевропейского образования, проведенные Б. Саймоном, который полагает, что образование есть способ формирования человека внутри общества со свойственной ему национальной культурой.

Более того, понимание феномена образования требует вовлечения в образовательный процесс всех формирующих факторов: семьи, группы сверстников, общественных организаций, учебных заведений. Он полагает, что в той степени, в какой человек изменяет окружающий его внешний мир, весь исторический процесс определенной нации следует рассматривать как культурно-исторический [7, с. 143 –147].

Б. Саймон придает огромное значение человеческому фактору, считая, что проблемы образования неразрывно связаны с человекознанием, с постижением роли личности в социальных процессах. Согласно данной точке зрения, очевидно, что образование является мощным фактором культуры, и в этом качестве оно должно быть направлено на все более полную реализацию потенциальных способностей личности.

Солидарен с Б. Саймоном немецкий исследователь образования Д. Ленцен, который также подчеркивает ведущую роль образования в процессе формирования личности человека [13, с. 147 – 211]. По его мнению, термин «образование» имеет свое структурное значение только в немецком языке и включает в себе несколько измерений, характеризующих индивида:

1. *Образование как индивидуальное состояние.* На протяжении всего периода становления национального образовательного института очевидно наличие определенного образовательного идеала, который на каждом этапе развития нации классифицировал все содержание образования, определяя тем самым идеал «образованного человека». Например: человек считается образованным, если он проявляет некоторые познания национальной классической культуры (Гете, Шиллера, Цецерона и др.);

2. *Образование как индивидуальная возможность.* Невозможность однозначного изложения основных положений содержания «формального образования» вызвала необходимость описания определенных способностей и компетенций, которыми должен обладать «образованный человек». В этом случае «образование» будет являться индивидуальной возможностью человека. Главное положение «формального образования» – кто научился тому, как надо учиться, тот может всегда сам добавить к своим знаниям новое;

3. *Образование как индивидуальный процесс.* Образование рассматривается как индивидуальный процесс становления человека во время его развития, раскрытие того, что уже имеется в нем, превращение его в индивида, единственного в своем роде;

4. *Образование как высшая ценность человечества.*

Кроме того, в каждой из культуросоциальных систем Западной Европы, которые составляют предмет собственно гуманитарного знания, процедуры образования обладают особыми, специфическими качествами. Их механизмы, причины, следствия предельно взаимосвязаны, подвержены случайностям и сугубо единичны в исторической практике этносов и народов, социальных групп и каждого человека в отдельности, поскольку развертываются в культурной среде, живой, подвижной и изменчивой.

Важно отметить, что образование сохраняет главное свойство культуры. Без образования нет культуры общества: *образование культуры* и *культура образования* взаимосвязаны. Эти понятия объясняют динамику и качество развития общества.

Список литературы

1. Долженко О. В. Очерки по философии образования. – М., 1995. – 241с.
2. Жданова М. В. Философское осмысление понятия «образование» в западноевропейской традиции // Образование в Сибири. 1995. – № 1. – С. 40 – 43.
3. Иоанн Павел Второй. «Мысли о Земном». М.: Изд-во Новости, 1992. – 420с.
4. Люрья Н.А. Образование и личность // Образование в Сибири. 1995. – № 1. – С. 29 – 35.
5. Можяева Л. Г. Развитие систем образования в Западных странах в условиях глобализации // Глобализация образования: Сб. обзоров. М., 2001. – С. 75 –114.
6. Реформа и развитие высшего образования: программа документов /ЮНЕСКО/. Париж, 1995. – 49 с.
7. Саймон Б. Общество и образование. М.: Прогресс, 1989. – 197 с.
8. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1996. – 298с.
9. Фромм Э. Человеческий характер и социальный прогресс // Психология и психоанализ характера. Самара, 1997. – С. 39 –43.
10. Урсул А. Д. На пути к модели образования 21 века // Синергетика и учебный процесс. М., 1999. –С. 128 –135.
11. Capel S., Turner T. Learning to teach in the secondary school. Lnd. And N.Y., 1996. – 386 p.
12. The Hutchinson Encyclopedia. 2001ed., Helicon, Printed and bound by D. Agostine, Novara, Italy, – 1153 p.

13. Lenzen D. Orientierung. Erziehungs –wissenschaft: wassiekann – was sie will. Hamburg.1999.– 224 s.

**EDUCATION AS A SPECIFIC INSTITUTIONAL SHPERE OF CULTURE
IN SOME WESTERN EUROPEAN COUNTRIES AT THE END OF THE XXTH CENTURY**

N. V. Plaksina

*Kursk State
University*

*e-mail:
natalyanegrebetskaya@yandex.ru*

The article deals with problems of correlation between national identity, national character, national culture and national education in some western European countries at the end of the xxth century. The interrelation of national culture and national education has been revealed.

Keywords: education, culture, national identity, national character, European integration.

РЕЧЕВОЕ РАЗВИТИЕ УЧАЩИХСЯ В РАЗЛИЧНЫХ МОДЕЛЯХ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е. А. Хованская

*Орловский
государственный
университет*

*e-mail:
l.hovanskaja@yandex.ru*

Целью данного исследования является анализ моделей начального образования с точки зрения развития речи учащихся. Все учебники традиционной и развивающей моделей обучения имеют сходство в содержании, структуре, однако, учитель нередко испытывает трудности в выборе и применении наиболее конструктивных методов и подходов, позволяющих не только соблюсти концепцию того или иного учебника и программы, но и сделать процесс обучения интересным, понятным, эффективным, способствующим формированию языковой личности школьника, развитию его языковой и речевой способностей.

Ключевые слова: Начальная школа, модели инновационного и традиционного обучения, вариативные авторские программы и учебники, развитие речи, речевая способность.

Введение

В настоящее время в соответствии с Законом Российской Федерации «Об образовании» [26, С. 54]. происходит процесс упорядочения существующих систем и моделей, обеспечивающих процесс обучения всем школьным предметам. В соответствии с федеральным государственным общеобразовательным стандартом начального общего образования установлены результаты освоения всех обязательных учебных предметов, в том числе и русскому языку.

Основными задачами реализации содержания предметной области Филология являются: «Формирование первоначальных представлений о единстве и многообразии языкового и культурного пространства России, о языке как основе национального самосознания. Развитие диалогической и монологической устной и письменной речи, коммуникативных умений, нравственных и эстетических чувств, способностей к творческой деятельности» [16, С. 54].

Обучение русскому языку в начальной школе реализуется в ряде систем и моделей инновационного (система Л.В. Занкова, система Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова) и традиционного обучения («Начальная школа 21 век», «Школа 2000 – 2100», «Гармония»). Востребованными моделями обучения также являются вариативные авторские программы и учебники по русскому языку для начальной школы В.Г. Горецкого, В.А. Кирюшкина; Л.М. Зелениной, Т.Е. Хохловой; Л.Я. Желтовской, А.Ю. Купаловой; Т.Г. Рамзаевой.

Модели традиционной системы начального образования «Гармония», «Школа 2000 – 2100», «Школа XXI века»

В традиционную систему образования начальной школы входят три образовательные модели по дисциплине «Русский язык»: «Гармония», «Начальная школа XXI века», «Школа 2000 – 2100». Рассмотрим более подробно содержание, структуру, принципы построения каждой образовательной модели в отдельности.

Образовательная модель «Гармония» (научный руководитель – профессор Н.Б. Истомина; авторы комплекта: Н.Б. Истомина, М.С. Соловейчик Н.С. Кузьменко, О.В. Кубасова, О.Т. Поглазова, Н.М. Коньшева) [15, С. 34-38] специфична по своей сути. Она построена на основе синтеза традиционной и развивающейся систем обучения и соответствующих методических положений.

«Гармония» соответствует основным направлениям модернизации школьного образования: гуманизация и гуманитаризация образования, дифференцированный, деятельностный и личностно ориентированный подходы к обучению. Обеспечивается перспективное направление и тесная взаимосвязь между педагогическим образованием учителя рус-

ского языка и его непосредственной профессиональной деятельностью в общеобразовательном учреждении.

Концепция учебников «Гармония» сводится к следующим положениям:

1. Личностная направленность в обучении определяется осознанием школьником значимости родного русского языка и своей личности, безупречно владеющей языковыми и речевыми навыками.

2. Ориентация на коммуникативный подход в изучении русского языка, то есть становление (совершенствование) всех видов речевой деятельности: чтения, говорения, письма и слушания.

3. Развитие лингвистического мышления с опорой на языковую интуицию (языковое чутьё), а также природное чувство слова и интерес к изучению языка.

4. Обеспечение грамотности школьников за счёт системного развития орфографической зоркости и орфографического самоконтроля.

Программа ставит своей целью формирование речевой культуры, выработку коммуникативных умений.

В модели непрерывного лингвистического обучения «Начальная школа XXI века» (научный руководитель – профессор Н.Ф. Виноградова; автор учебника «Русский язык» 2-4 классы С.В. Иванов и другие) прослеживается линейный подход в изложении учебного материала [18].

Учебно-методический комплект основывается на принципе природосообразности обучения, то есть доступности и соответствия потребностям детей данного возраста, учёта их познавательных особенностей.

Работа по развитию речи строится на реализации языка к конкретной речевой ситуации. Учебник направлен на то, чтобы научить правильному и уместному выбору языковых средств в зависимости от условий речевой ситуации.

Курс русского языка состоит из трёх блоков: «Как устроен наш язык» (основы лингвистических знаний), «Правописание» (формирование навыков грамотности, безошибочного письма), «Развитие речи» (развитие речи учащихся). Эти блоки в совокупности объединённых уроков реализуют определённую цель обучения.

Блоковая подача материала объединяется целью обучения – сформировать «исследователя» языка и речи (реализация поисково-исследовательской деятельности). Ученик может высказать предположение (рубрика «Выскажи предположение»), наметить и обосновать пути решения выдвинутой проблемы, вступить в спор, приводя необходимые аргументы в пользу своей точки зрения (рубрика «Проверь себя»).

Логика подачи материала соответствует логике языка: каждая новая тема опирается на предыдущую. Объектами изучения выступают единицы разных уровней: звук, морфема, слово, предложение, текст. Усиление самостоятельности, наличие большого количества заданий проблемного и поискового характера, творческих упражнений, опора на моделирующую деятельность – все это присуще методической модели «Начальная школа XXI века».

Внимание авторов программы сосредоточено на творческом подходе, установлении проблемы, поиска и пути исследования языка. Элементы развития речевой способности затронуты в отдельных блоках методической модели.

Образовательная модель «Школа 2000 – 2100» (научные руководители – академик А.А. Леонтьев и Л.Г. Петтерсон; авторы учебников «Моя любимая Азбука», «Русский язык – первые уроки», «Русский язык» во 2-4 классах Р.Н. Бунеев, Е.В. Бунеева, О.В. Пронина) состоит из двух блоков: обучение грамоте в 1 классе и русский язык в 1-4 классах, что составляет непрерывный курс обучения русскому языку в начальной школе [1].

Цель обучения русскому языку предполагает развитие и совершенствование всех видов речевой деятельности; формирование элементарной лингвистической компетенции.

С учётом культурно ориентированных и деятельностно ориентированных принципов методической модели «Школа 2000 – 2100» программой данного курса намечены содержательно-методические линии, определяющие развитие детей и непрерывность учебного процесса:

– овладение грамотой (чтением и письмом как видами речевой деятельности), на её базе – основами функциональной грамотности, развитие умений слушания и говорения;

– расширение активного, пассивного и потенциального словаря, овладение грамматическим строем речи;

- овладение различными видами письменной и устной речи (устная разговорная и учебно-научная речь, письменная разговорная речь);
- овладение орфографией и пунктуацией;
- овладение умениями и навыками восприятия, понимания и анализа текстов;
- приобретение и систематизация знаний о языке;
- выявление воспитательного потенциала родного языка;
- развитие у детей чувства языка.

При изучении частей речи принципиальное значение уделяется их роли в предложении, тексте, употреблении в речи; подборе синонимов и антонимов; составлении тематических групп слов.

Работа по развитию речи ведется в нескольких направлениях:

- 1) обогащение словарного запаса учащихся;
- 2) развитие грамматического строя речи (анализ и построение словосочетаний и предложений);
- 3) развитие связной устной и письменной речи;
- 4) обучение правильному произношению слов, постановке ударения, интонированию.

Данная модель обучения, на наш взгляд, наиболее эффективна в плане развития речи, так как при изучении русского языка происходит соединение лексико-грамматического изучения языковых единиц и развития речи.

Модели развивающей системы начального образования: система Л.В. Занкова, система Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова

Основу развивающей системы начального образования представляют: система Л.В. Занкова, система Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова [17].

Система Л.В. Занкова, заложенная в развивающей модели образования, выстроена с учётом следующих лингвометодических принципов:

1. Обучение на высоком уровне трудности с соблюдением меры трудностей.
2. Значимость теоретических знаний и быстрый темп прохождения учебного материала.
3. Осознанность школьниками процесса обучения.
4. Многогранность, процессуальность, вариативность.
5. Самостоятельность учащихся в открытии и усвоении новых знаний.
6. Учебный материал должен развивать мышление.

В содержании учебников («Русский язык» для 1-4 классов, автор А.В. Полякова) развивающего характера образовательной модели системы Л.В. Занкова реализованы следующие положения:

- поисковый характер заданий способствует раскрытию изучаемого понятия, правила, действия как индуктивным, так и дедуктивным путями познания в зависимости от характера раскрываемых знаний;
- результаты самостоятельной деятельности сличаются с содержащимися в учебнике, в соответствии с темой изучения, определениями, правилами, способами действий;
- применение усваиваемых знаний во взаимосвязи с ранее изученным (осуществление принципа преемственности);
- обучение грамоте является первоначальной ступенью изучения русского языка в системе дисциплин начальной школы. Структура комплекта пособий состоит из «Азбуки», «Рабочих тетрадей по чтению», «Тетрадей по письму». Дисциплина «Русский язык» изучается как система русского языка и как повседневная речевая деятельность. Основным методом познания является определение соответствия или несоответствия используемых языковых средств данной речевой (устной или письменной) ситуации. Освоение нового материала позволяет расширять существующие языковые связи и опираться на ранее изученное.

Следует отметить, что автор так расположил материал, чтобы учащиеся сначала выполняли ряд упражнений, задания которых подготавливают школьников к умению пользоваться определенным алгоритмом действий (например, по склонению прилагательных мужского, среднего и женского рода с твердой и мягкой основами).

Изучение на большом уровне сложности, темп прохождения материала обеспечи-

ваются направленностью программы. Развитию речи уделяется большое внимание как на научном уровне, так и на бытовом, повседневном.

Система Л.В. Занкова ориентирована на общее развитие учащихся, которое понимается как развитие психических качеств индивида, а именно: интеллекта, воли, чувств, способностей, являющихся первоосновой для формирования языковых и речевых знаний, умений, навыков. Новые дидактические принципы меняют подход к обучению, методическая модель является не только системой обучения, но и выявления, и анализа результатов усвоения знаний, умений и навыков.

Быстрый темп прохождения материала, обучение на большом уровне сложности, осознанный подход к изучению разделов языка являются, по нашему мнению, наиболее эффективными в системе инновационного обучения.

Образовательная модель системы Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова разработана с учётом логико-психологических положений, разработанных В.В. Давыдовым:

- усвоение знаний абстрактного характера предшествует знакомству с конкретными знаниями;
- знания усваиваются в процессе анализа условий их происхождения;
- учащиеся должны уметь обнаруживать в учебном материале генетически исходное, существенное, определяющее содержание и структуру объекта данных знаний;
- выявленное отношение воспроизводится в особых предметных, буквенных или графических моделях, позволяющих изучать его свойства в чистом виде;
- учащиеся конкретизируют генетически исходное, всеобщее отношение изучаемого объекта в системе частных знаний о нем, удерживаемых в таком единстве, которое обеспечивает мысленные переходы от частного к общему и обратно;
- переход от выполнения действий в умственном плане к их выполнению во внешнем и обратно.

Предметом усвоения в программе положен фонематический принцип письма, приводящий детей усвоению теории родного языка. В традиционной программе обучения русскому языку решение какой-либо орфографической задачи происходит с опорой на знание конкретного правила.

В развивающей программе выделена система понятий, раскрывающая содержание фонематического принципа письма и опирающихся на эти понятия способов осуществления орфографического действия. Содержание ведущего принципа письма раскрывается в связи с осознанием учащимися отношений между звуковым обликом слова и его значением, между звуковым обликом слова и его буквенным соответствием.

Развитие речи опирается на высокий мыслительный потенциал учащихся. Учебник направлен на то, чтобы каждый отдельный школьник смог самостоятельно в ходе умственных, а затем и практических действий овладеть системой речевых понятий, реализованных как в устной, так и письменной речи.

Вариативные учебники и программы традиционной системы начального образования: Коммуникативно-ориентированный курс русского языка Л.Я. Желтовской

Новый коммуникативно-ориентированный курс отличается непрерывностью изучения русского языка с первого по одиннадцатый класс [17].

Основной задачей является формирование и совершенствование умений свободно и коммуникативно оправданно пользоваться родным языком в различных формах, видах, жанрах речи.

В отличие от сложившейся практики начального обучения русскому языку, где внимание акцентировано на изучении теории языка и правил орфографии, в новом курсе целью обучения становится коммуникация, то есть умение пользоваться всеми видами речевой деятельности. Коммуникативная цель является первоосновой обучения, так как сочетает в себе различные функции языка, а именно: познавательную, регулятивную, этико-эстетическую, системообразующую и другие.

Изменяется содержание курса, которое разворачивается не в логике науки о языке, а в направлении развития коммуникативно-познавательной деятельности учащихся при

изучении языка. Освоение курса начинается не с усвоения речеведческих терминов, а с осмысления детьми значения слова, его смысла.

Знание системы языка, его уровневое строение очень важно для хорошего и отличного владения речью. Языковые единицы раскрываются с позиции их значения, назначения и функции в речи.

Язык и речь выступают как части целостного процесса познания языка: от коммуникативных речевых ситуаций к языку и от языка к речи, от лексики к грамматике.

Применение деятельностного подхода эффективно для объединения языкового и речевого содержания курса в единое целое. Ориентиром в обучении в рамках данного подхода становится структура любой сознательной деятельности человека: мотив, ориентировка, планирование, реализация замысла, контроль.

Содержание программы коммуникативно-ориентированного курса обучения состоит из двух разделов – «Речевой общении», «Язык как средство общения».

Речевое общение понимается как процесс взаимодействия людей с помощью языка для достижения определенного результата. Через общение происходит восприятие и передача смысла.

В разделе «Язык как средство общения» уделяется внимание строю русского языка, рассматриваются вопросы взаимодействия разных языковых средств (звуков, букв, слов, словосочетаний, предложений, текстов).

Деятельностный подход способствует объединению в единое целое языкового и речевого содержания курса.

Курс русского языка Л.М. Зелениной, Т.Е. Хохловой, построенный на познавательной активности и самостоятельности учащихся

Программа и учебники русского языка для 1-4 классов [1-7] построены с учётом следующих методических положений:

– Программа и учебники начальных классов являются органической частью общего курса русского языка и литературы средней школы.

– Программа курса ориентирована на языковое, эмоционально-нравственное и интеллектуальное развитие учащихся.

Усвоение языка основывается на знании системы грамматических понятий, принципов письма и системы правил письма и правописания, особенностей устной и письменной речи.

– Программа и учебники ориентированы на формирование у школьников приемов анализа языкового материала, построенного на основе широкого обращения к языковому опыту учащихся и «чувству языка», свойственного детям.

Изучение русского языка также целенаправленно формирует у детей познавательную самостоятельность в умении планировать учебную работу, способности к самооценке и самоконтролю, умение пользоваться справочным материалом (таблицами, схемами, словарями).

Организация учебного процесса построена на сотрудничестве учителя и обучающихся, а также последних друг с другом. Такая организация обогащает познавательный опыт младших школьников; поисковые и проблемные ситуации развивают самостоятельность мышления, активизируют учебно-познавательную деятельность школьников.

В сравнении с базовой программой данные учебники отличаются более высоким теоретическим уровнем, логикой организации курса грамматики и правописания.

Грамотность учащихся обеспечивается знакомством школьников начального звена с принципами русского правописания (без термина).

Единицы языка изучаются на синтаксической основе. Предложение является основной единицей изучения. Каждая тема содержит специально выделяемый авторами программы и учебников перечень грамматических знаний и умений, которые служат основой правописания.

Курс построен в русле проблемного обучения. Содержание учебного материала представляет собой систему понятий и правил, органически связанных между собой: изучение одной темы опирается на результаты усвоения предыдущих тем. Психолого-педагогические особенности построения тематических разделов раскрываются в определенной последовательности.

Обучение грамоте по программе

В.Г. Горецкого, В.А. Кирюшкина, А.Ф. Шанько

Изучение русского языка в начальной школе особенно важно для языкового образования и речевого развития, а также для дальнейшего углубления и расширения знаний о родном языке.

Программа обеспечивается учебниками «Русская азбука», «Русский язык. 1 класс». Структура и содержание программы состоит из следующих курсов [17]:

1. Обучение грамоте, развитие речи и внеклассное чтение.
2. Литературное чтение (внеклассное и классное) и развитие речи.
3. Фонетика, лексика, грамматика, правописание и развитие речи.

Каждый курс предполагает развитие речи, что непременно связано с чтением и письмом, слушанием и говорением, которые обеспечивают полноценное речевое развитие, осознанное владение языком.

В программе и учебниках большое внимание уделяется формированию нравственно-эстетических представлений, культуре речевого поведения, развитию творческих способностей, развитию логического и образного мышления, освоению учебной деятельности, овладению приёмами самостоятельной работы, развитию интереса к процессу обучения.

Учебная деятельность является новой для детей младшего школьного возраста, поэтому учителю следует так рационально организовать урок, чтобы учащиеся были заинтересованы в получении знаний как с помощью учителя, так и самостоятельно, не уставали от процесса учения.

На уроках обучения грамоте первоклассники учатся слушать, осмысленно и полно воспринимать речь окружающих.

Программа и учебники построены с учётом психофизиологических особенностей детей, основываются на реализации дидактических принципов преемственности и перспективности, самостоятельности, доступности. Особое значение приобретает индивидуализация обучения и дифференцированный подход в проведении занятий по формированию речевых умений и навыков.

Реализация концепции развивающего языкового образования в учебниках «Русский язык» для 1-4 классов автора Т. Г. Рамзаевой

Цельность курса русского языка в учебниках Т.Г. Рамзаевой заключается во взаимосвязи и взаимообусловленности языкового образования, умственного и речевого развития учащихся в рамках развивающей познавательной деятельности [19]. Проявлением принципа взаимосвязи языкового образования и речевого развития школьника является коммуникативно-деятельностная направленность обучения.

Коммуникативная направленность является актуальной на современном этапе обучения языку и способствует усвоению теории языка и обеспечению речевого общения. Языковое образование не ограничивается усвоением знаний из области лексики, фонетики, грамматики, словообразования и формированием навыков грамотного письма, а также ориентировано на овладение речевой деятельностью, обеспечивающей полноценную реализацию языковых умений в устной и письменной форме.

В каждом классе происходит целостное изучение лингвистики как совокупности фонетических, лексических, словообразовательных, лексических подсистем языка. В соответствии с системно-концентрическим принципом построения русского языка усвоение учебного материала происходит блоками, выделение которых основывается на взаимосвязях и взаимозависимостях между его компонентами.

Деятельностный подход к обучению обуславливает методическую концепцию развивающего обучения в содержании учебников. В этом отношении благоприятно воздействуют на систему учебных задач сведения операционного характера (сведения о способах деятельности), материал для наблюдения за языковыми явлениями, специальные задания, развивающие лингвистическую зоркость, интерес к языку, разнообразные упражнения, поэтапно формирующие умения с учётом их структуры.

Курс русского языка выстроен таким образом, чтобы учащиеся начальной школы осознали роль изучаемых единиц (слово, предложение, текст) языка в общении, смогли точно выразить свои мысли и правильно понимать мысли других людей.

Обучение в школе языку как средству общения носит взаимообусловленный характер: части речи изучаются на базе предложения, лексика рассматривается во взаимосвязи со словообразованием и морфологией, орфографические умения формируются на основе знаний из области фонетики, словообразования, морфологии и т. д. Таким образом, реализуется преемственность между единицами разных уровней языка, их фонетическими, лексическими и грамматическими особенностями.

Заключение

Существующие авторские программы и учебники реализуют федеральный компонент государственного стандарта начального общего образования, утвержденный Министерством образования и науки [26], и позволяют решить задачи по овладению школьниками начальным языковым образованием. Умение владеть языком и речью оценивается для каждого ученика отметкой и является достаточным для начальной школы.

Все учебники традиционной и развивающей моделей обучения сходны по содержанию, структуре, в каждом из них соблюдены принципы преемственности между курсами языка и перспективности в изучении материала. В учебниках предметом изучения является система языка и особенности речевой деятельности: чтения, говорения, письма и слушания. Каждый учебно-методический комплекс сопровождается методическим комментарием и поурочным планированием.

Однако, анализируя действующие модели обучения, мы пришли к выводу, что учитель нередко испытывает трудности в выборе и применении наиболее конструктивных методов и подходов, позволяющих не только соблюсти концепцию того или иного учебника и программы, но и сделать процесс обучения интересным, понятным, эффективным, способствующим формированию языковой личности школьника, развитию его языковой и речевой способностей.

Список литературы

1. Бунеев Р. Н. Русский язык: учебники для 2-4 кл. нач. шк. / Р.Н. Бунеев, Е.В. Бунеева, О.В. Пронина; под научн. ред. акад. А. А. Леонтьева. – Изд. 2-е, перераб. – М.: Баласс, 2006.
2. Зеленина Л. М., Хохлова Т.Е. Русский язык: учеб. для 1 кл. нач. шк. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 2006. – 143 с.
3. Зеленина Л. М., Хохлова Т. Е. Русский язык: учеб. для 2 кл. нач. шк. В 2 ч. Ч. 2. – М.: Просвещение, 2005. – 143 с.
4. Зеленина Л. М., Хохлова Т. Е. Русский язык: учеб. для 2 кл. нач. шк.. В 2 ч. Ч. 1. – М.: Просвещение, 2006. – 144 с.
5. Зеленина Л. М., Хохлова Т. Е. Русский язык: учеб. для 3 кл. нач. шк. В 2 ч. Ч. 2. – Изд. 4-е. М.: Просвещение, 2007. – 175 с.
6. Зеленина Л. М., Хохлова Т. Е. Русский язык: учеб. для 3 кл. нач. шк.. В 2 ч. Ч. 1. – Изд. 4-е. М.: Просвещение, 2007. – 158 с.
7. Зеленина Л. М., Хохлова Т. Е. Русский язык: учеб. для 4 кл. нач. шк. В 2 ч. Ч. 1. – Изд. 3-е. М.: Просвещение, 2007. – 191 с.
8. Зеленина Л. М., Хохлова Т. Е. Русский язык: учеб. для 4 кл. нач. шк. В 2 ч. Ч. 2. – Изд. 3-е. М.: Просвещение, 2007. – 175 с.
9. Иванов С. В. Русский язык: учеб. для учащихся 2 класса общеобразоват. учреждений: в 2 ч. Ч. 1 / С. В. Иванов, А. О. Евдокимова, М. И. Кузнецова [и др.]. – Изд. 3-е, перераб. – М.: Вентана – Граф, 2007. – 160 с.
10. Иванов С. В. Русский язык: учеб. для учащихся 2 класса общеобразоват. учреждений: в 2 ч. Ч. 2 / С. В. Иванов, А. О. Евдокимова, М. И. Кузнецова [и др.]. – Изд. 3-е, перераб. – М.: Вентана – Граф, 2007. – 160 с.
11. Иванов С. В. Русский язык: учеб. для учащихся 3 класса общеобразоват. учреждений: в 2 ч. Ч. 1 / С. В. Иванов, А. О. Евдокимова, М. И. Кузнецова [и др.]. – Изд. 3-е, перераб. – М.: Вентана – Граф, 2007. – 160 с.
12. Иванов С. В. Русский язык: учеб. для учащихся 3 класса общеобразоват. учреждений: в 2 ч. Ч. 2 / С.В. Иванов А.О. Евдокимова, М. И. Кузнецова [и др.]. – Изд. 3-е, перераб. – М.: Вентана – Граф, 2007. – 160 с.
13. Иванов С. В. Русский язык: учеб. для учащихся 4 класса общеобразоват. учреждений: в 2 ч. Ч. 1 / С. В. Иванов, А. О. Евдокимова, М. И. Кузнецова [и др.]. – М.: Вентана – Граф, 2006. –144с.
14. Иванов С. В. Русский язык: учеб. для учащихся 4 класса общеобразоват. учреждений в 2 ч. Ч. 2 / С. В. Иванов, А. О. Евдокимова, М. И. Кузнецова [и др.]. – М.: Вентана – Граф, 2006. –144с.
15. Истомина Н. Б. Особенности учебно-методического комплекта «Гармония»// Начальная школа. 2002. №2. – С. 34-38.

16. Приказ № 1241 от 26 ноября 2010 года «О внесении изменений в федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования, утверждённый приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 6 октября 2009 г. № 373 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
17. Программы общеобразовательных учреждений: Начальные классы (1-4) в двух частях. В 2 ч. Ч. 1. / Сост. Т. В. Игнатьева, Л. А. Вохмянина. – 2-е изд. М.: Просвещение, 2001. – 320 с.
18. Программы четырехлетней начальной школы: Проект «Начальная школа XXI век»; рук. проекта проф. Н.Ф. Виноградова. – М.: Вентана-Графф, 2003. – 144 с.
19. Рамзаева Т.Г. Русский язык. 1–4 классы: программа для общеобразовательных учреждений / Т.Г. Рамзаева. – М.: Дрофа, 2006. – 47, [1] с.
20. Репкин В. В. Русский язык: учеб. для 2 класса четырехлет. нач. шк. (Система Д. Б. Эльконина – В. В. Давыдова). В 2-х частях. Часть 1 / В. В. Репкин, Т. В. Некрасова, Е. В. Восторгова. – Изд. 7-е. – М.: Вита-Пресс, 2006. – 160 с.
21. Репкин В. В., Некрасова Т. В., Восторгова Е. В. Русский язык: учеб. для 2 класса четырехлет. нач. шк. (Система Д. Б. Эльконина – В. В. Давыдова). В 2-х частях. Часть 2. – Изд. 9-е. – М.: Вита-Пресс, 2007. – 112 с.
22. Репкин В. В., Некрасова Т. В., Восторгова Е. В., Чеботкова Л. В. Русский язык: учеб. для 3 класса четырехлет. нач. шк. (Система Д. Б. Эльконина – В. В. Давыдова). В 2-х частях. Часть 1. – Изд. 6-е. – М.: Вита-Пресс, 2007. – 176 с.
23. Репкин В. В., Некрасова Т. В., Восторгова Е. В., Чеботкова Л. В. Русский язык: учеб. для 3 класса четырехлет. нач. шк. (Система Д. Б. Эльконина – В. В. Давыдова) [Текст]. В 2-х частях. Часть 2. – Изд. 6-е. – М.: Вита-Пресс, 2007. – 176 с.
24. Репкин В. В., Некрасова Т. В., Восторгова Е. В. Русский язык: учеб. для 4 класса четырехлет. нач. шк. (Система Д. Б. Эльконина – В. В. Давыдова). В 2-х частях. Часть 1. – Изд. 2-е, перераб. – М.: Вита-Пресс, 2006. – 192 с.
25. Репкин В. В., Некрасова Т. В., Восторгова Е. В. Русский язык: учеб. для 4 класса четырехлет. нач. шк. (Система Д. Б. Эльконина – В. В. Давыдова). В 2-х частях. Часть 2. – Изд. 6-е. – М.: Вита-Пресс, 2007. – 192 с.
26. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 05.05.2014) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.05.2014)// Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»

SPEECH DEVELOPMENT OF STUDENTS IN VARIOUS MODELS OF PRIMARY EDUCATION

E. A. Khovanskaya

Orel State University

e-mail:

l.hovanskaja@yandex.ru

The purpose of this study is to analyze the patterns of primary education from the point of view of language development students. All traditional textbooks and educational learning models are similar in content, structure, however, the teacher often had difficulties in selecting and applying the most effective methods and approaches that not only comply with the concept of a textbook and software but also make learning interesting, understandable, effective, contributing to the formation of the language identity of students, the development of its language and speech abilities.

Key words: primary school, a model of innovation and traditional learning variant author programs and tutorials, speech development, speech ability.

ТИПЫ МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗА С РАЗНЫМ НАУЧНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ

Е. В. Шитикова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

*e-mail:
elena_mev88@mail.ru*

Статья посвящена изучению типов мышления у студентов с разным уровнем развития научного потенциала личности. В статье рассмотрены особенности научного потенциала студентов вуза, дана характеристика выявленным уровням научного потенциала личности – адаптивному, репродуктивному, эвристическому и креативному. Проанализирована специфика мыслительной деятельности студентов через доминирование различных типов мышления.

Ключевые слова: научный потенциал личности, научная деятельность, типы мышления.

Введение

Развитие научного потенциала общества – одно из приоритетных направлений государственной политики и финансирования. Высококвалифицированные кадры, готовые к исследовательской деятельности в быстро изменяющемся мире, представляют интерес для государства. Качественному совершенствованию современной российской науки способствует научный потенциал общества. Однако следует понимать, что науку «творят» конкретные личности, реализующие посредством научного исследования свой научный потенциал. Учитывая данный факт, особое внимание следует уделять развитию научного потенциала вуза, поскольку именно в высшей школе готовятся кадры для науки.

В настоящий момент отечественное образование находится в стадии перехода от прежнего состояния к новым ориентирам, т.е. идет процесс построения новой образовательной системы. Стремительное развитие культуры предопределяет не усвоение человеком устоявшихся традиций, не воспроизводство готового опыта, а развитие в человеке способности к культуротворчеству. Как справедливо отмечал С. И. Гессен, человек должен быть способен к конструированию культуры, быть готов открывать мир впервые, создавать собственные культурные произведения [1]. Принцип культуротворчества, по мнению А. Я. Данилюка, направлен на восстановление принципа культуросообразности образования современной педагогике, а также на возвращение человека посредством образования в культуру [2, с. 4].

Научный потенциал личности рассматривается нами с позиций культурологического подхода, позволяющего раскрыть содержание и специфику развития научного потенциала с учетом культурогенеза личности. Немаловажную роль при этом играет культуротворчество, которое представляет собой культуру ценностных критериев и предпочтений для творческого понимания окружающего мира, себя и своего места в нем.

Понятие научного потенциала личности

Научный потенциал личности представляет собой интегративное личностное образование, совокупность возможностей и средств достижения успеха в научно-исследовательской деятельности. Научный потенциал – это ресурс, который используется человеком для решения научно-исследовательских задач и достижения результатов в научной деятельности.

Характеризуя научный потенциал личности как сложное, многомерное понятие, мы опираемся на культуротворческую модель развития научного потенциала личности, включающую механизмы, психологические и педагогические условия, факторы, принципы, тенденции и закономерности развития научного потенциала; системный синтез и специфику культуротворческих ситуаций, методы и технологии в контексте культуротворческой модели [4].

Научный потенциал включает в себя потребности и мотивы познания, интеллектуальные способности, эмоционально-волевую сферу, познавательную позицию субъекта познания и его познавательные ресурсы (Р. И. Кузьмин, А. А. Орлов, С. В. Смачилина и др.).

Важность проблемы раскрытия и развития научного потенциала личности нашла свое отражение в трудах отечественных ученых таких, как Е. П. Белозерцев, В. А. Бухвалов, И. Ф. Исаев, Г. В. Макотрова, Л. Л. Тимофеева, Ю. В. Сенько, С. Ю. Степанов, Т. И. Шамова и др.).

Проблема научного потенциала может рассматриваться двояко: с точки зрения наличия научного потенциала (уровень его развития) и степени реализации научного потенциала (участие в грантах, научных кружках, конференциях и т. д.). Исходя из этого, важно понимать, что научный потенциал личности – образование динамическое, а не внутренне заданное и неизменное. В реализации и актуализации данного феномена, с одной стороны, важно выявление собственного ресурса – интеллектуального, личностного, нравственного и др. – как источника основания собственного действия, а, с другой стороны, – необходима собственная активность, самодействие, субъективация самого себя.

В рамках проведенного исследования мы рассматривали научный потенциал личности через ряд критериев, в качестве которых выступили: мотивация исследования, научный стиль мышления, технологическая готовность к исследованию, научно-творческая активность личности. Характеристика данных критериев позволяет сделать вывод о наличном состоянии научного потенциала личности респондента.

Особенности мыслительной деятельности исследователя

Научная деятельность представляет собой сложную познавательную деятельность, цель которой состоит в получении нового знания. При этом последнее должно быть научно обосновано и доказано. Для установления нового знания, необходимо усвоить знание, уже имеющиеся в науке, которое предстаёт перед студентами в виде специфически оформленной, научной информации, которую нужно анализировать, систематизировать, интерпретировать и понимать [3, с. 249]. Чтобы выполнять такую сложную деятельность, исследователю необходимо обладать высоким уровнем развития мыслительной деятельности. Таким образом, научная деятельность предъявляет высокие требования к мыслительной деятельности ученого, исследователя.

В рамках данного исследования развитие научного потенциала студентов изучалось с точки зрения особенностей мыслительной деятельности, проявляющейся в преобладании и уровне развития различных типов мышления. Исходя из этого, остановимся на краткой характеристике типов мышления, к которым относятся предметно-действенный, абстрактно-символический, словесно-логический, наглядно-образный и креативный.

У личности могут преобладать различные типы мышления, но, наш взгляд, первостепенное значение для реализации научного потенциала имеют абстрактно-символический, словесно-логический и креативный типы. Так, абстрактно-символическое мышление способствует усвоению информации с помощью математических кодов, формул и операций, абстрагированию от наличной ситуации и обобщению на высоком уровне теоретичности. Словесно-логическое мышление отличает людей с ярко выраженным вербальным интеллектом, позволяет устанавливать глубокие причинно-следственные связи и отношения между предметами и явлениями окружающей действительности. Креативный (творческий) тип мышления характеризуется новизной своего продукта, своеобразием процесса его получения, осуществляет движение к новым знаниям, а получение нового знания, отвечающего критериям научности, является целью и результатом научного исследования.

В связи с интенсификацией развития науки резко возрастают требования к творческому мышлению, которое позволяет ученому ставить новые проблемы, новые решения в условиях неопределенности, множества выборов; делать открытия, не вытекающие непосредственно из уже имеющихся знаний.

Таким образом, занимаясь наукой, студенты и научные сотрудники вузов должны не только овладевать необходимой информацией и приемами работы с ней, но и творчески подходить к решению научных проблем, а для этого необходимо развивать особый креативный тип мышления. Но, в то же время, для успешного осуществления научно-исследовательской деятельности наряду с креативным мышлением необходим высокий уровень развития абстрактно-символического, словесно-логического мышления.

Изучение типов мышления студентов с разным научным потенциалом

Особенности научного потенциала личности и типы мышления студентов вуза изучались с помощью следующих психодиагностических процедур: четыре анкеты для диагностики научного потенциала личности студентов, соответствующие описанным выше критериям научного потенциала (М. А. Сурушкин, Е. В. Швачко, Г. В. Макотрова), методика «Тип мышления» (Г. В. Резапкина). Выборку составили 89 респондентов – студенты 3-5 курсов юридического, биолого-химического, экономического факультетов, факультета психологии и факультета Романо-германской филологии НИУ «БелГУ» в возрасте 18 – 22 лет. Из общего числа респондентов 41 % – юноши, 59 % – девушки.

Результаты исследования позволяют констатировать факт, что в исследуемой выборке встречаются представители всех уровней развития научного потенциала личности, описанных выше. Итак, адаптивный уровень развития научного потенциала личности обнаружен у 15 % респондентов; репродуктивный уровень характерен для преобладающего большинства студентов нашей выборки – 68 %; эвристический уровень встречается у 14 % респондентов, а креативный – лишь у 4 %. Учитывая полученные результаты, мы разделили исследуемую выборку на четыре группы в зависимости от их уровня развития научного потенциала. В первую группу вошли респонденты с адаптивным уровнем развития научного потенциала личности, во вторую – с репродуктивным уровнем, а третью – с эвристическим, а в четвертую – с креативным.

Обратимся к характеристике каждой из вышеперечисленных четырех групп. Респонденты с адаптивным уровнем развития научного потенциала отличаются низкой исследовательской активностью (ср. знач.=1,9, при макс. знач.=4), у них наблюдается либо полное отсутствие мотивации к исследовательской деятельности (треть респондентов данной группы), либо неустойчивая мотивация, как правило, ситуативного характера, сочетающаяся с практически полным отсутствием понимания сути и необходимости научного исследования. У всех представителей этой группы наблюдается низкий уровень владения понятийным аппаратом, отсутствие навыков использования методов научной деятельности. Как показывают полученные результаты, у всех респондентов с адаптивным уровнем развития научного потенциала практически отсутствует научный стиль мышления (ср. знач.=1,8, при макс. знач.=4). Это означает, что у таких студентов возникают трудности при организации логической последовательности исследовательской деятельности, при обобщении результатов учебного исследования. Творческая активность таких студентов имеет большую выраженность по сравнению с предыдущими критериями научного потенциала, однако по общему уровню этот критерий остается относительно низким (ср. знач.=2,1, при макс. знач.=4). Это указывает на низкую самостоятельность в преобразовании идей и связей между ними, нежелание более глубоко и полно исследовать научные проблемы.

Обращаясь к характеристике типов мышления студентов с адаптивным уровнем развития научного потенциала, стоит отметить, что 74,2 % респондентов имеют выраженный наглядно-образный тип мышления, при этом у 43 % из них наблюдается средний уровень развития креативного мышления, а у 3,2 % – относительно высокий. Поскольку наглядно-образное мышление составляет основу для развития творческого мышления, а последнее, в свою очередь, является неотъемлемым атрибутом научной деятельности, следует отметить, что студенты с адаптивным уровнем развития научного потенциала нуждаются в грамотной организации педагогических и психологических условий, способствующих развитию и раскрытию их научного потенциала. Это позволит достичь успеха в учебной, научно-исследовательской и профессиональной деятельности. Распределение студентов с различным уровнем развития научного потенциала личности в зависимости от доминирующего типа мышления представлено в таблице.

Для студентов с репродуктивным уровнем развития научного потенциала, как и для респондентов предыдущей группы, характерна неустойчивая мотивация, хотя ее уровень несколько выше (ср. знач.=2,5, при макс. знач.=4). Важно отметить, что наряду с выраженной интенсивностью познавательной потребности отсутствует увлеченность исследованием и осознание его ценности. Такие студенты испытывают трудности владения понятийным аппаратом, сложности при анализе, сравнении и систематизации научного материала, в целом, для респондентов с репродуктивным уровнем развития научного потенциала

характерна низкая учебно-исследовательская культура. У респондентов этой группы наблюдаются трудности следования нормам и требованиям научного стиля мышления, а также обобщения предметного и операционального результатов исследования, что указывает на недостаточно развитый показатель научного стиля мышления (ср. знач.=2,6, при макс. знач.=4)

Таблица

Распределение студентов с различным уровнем сформированности научного потенциала в зависимости от доминирующего типа мышления, (в %)

Уровень развития научного потенциала	Доминирующий тип мышления				
	Предметно-действенное	Абстрактно-символическое	Словесно-логическое	Наглядно-образное	Креативное
Адаптивный	0	0	22,6%	74,2%	3,2%
Репродуктивный	32,4 %	0	11,2%	48,2%	8,2%
Эвристический	0	12,6%	35,1%	1,2%	51,1%
Креативный	0	23,5%	52,3%	0	24,2%

У студентов с репродуктивным уровнем развития научного потенциала личности преобладает наглядно-образное мышление (48,2 %), при этом у них наблюдается средний уровень развития словесно-логического и креативного мышления. Полученные результаты указывают на достаточно большую зону ближайшего развития в научной сфере, именно поэтому следует создавать условия, которые будут способствовать актуализации и развитию их научного потенциала.

Характеризуя респондентов с эвристическим уровнем развития научного потенциала, отметим, что они отличаются устойчивой мотивацией (ср. знач.=3,1, при макс. знач.=4), самостоятельностью в преобразовании идей и связей между ними, увлеченностью исследованием целенаправленностью, осознанностью путей и способов решения исследовательской задачи. Однако некоторые учащиеся с относительно высоким уровнем развития научного потенциала могут испытывать трудности в использовании правил научной организации труда, нуждаясь в помощи при анализе и осмыслении полученных результатов, что указывает на среднюю выраженность научного стиля мышления, это подтверждают полученные эмпирические данные (ср. знач.=2,9, при макс. знач.=4).

Студентов с эвристическим уровнем развития научного потенциала отличают выраженные словесно-логический, наглядно-образный и креативный типы мышления, что является важным условием для успешного осуществления научной деятельности. Важно отметить, что, несмотря на имеющиеся важные предпосылки для успешного осуществления исследовательской деятельности, студентам с эвристическим уровнем развития научного потенциала зачастую не хватает отдельных знаний и умений. Именно поэтому им следует уделять колоссальное внимание, организовывая условия для дальнейшего развития их мышления, самостоятельности в постановке и поиске решений научных проблем, а также условия диалогичности окружающей научной среды. Студенты с незаурядным научным потенциалом, обучающиеся и развивающиеся в определенных условиях, могут впоследствии достичь высоких результатов на научном поприще.

Группа студентов с креативным уровнем развития научного потенциала отличается высокой интенсивностью познавательной потребности, у них наблюдается высокая устойчивая внутренняя мотивация к процессу и результату научной деятельности. Отметим, что по всем критериям научного потенциала, описанным выше, наблюдаются высокие результаты (ср. знач.= от 3,1 до 3,6, при макс. знач.=4). У студентов этой группы выражен научный стиль мышления по всем составляющим его показателям, к которым относятся: осмысление структурных звеньев элементов собственных исследовательских действий, следование нормам и требованиям научного стиля мышления, обобщение предметного и операционального результатов исследования [5].

Анализируя типы мышления респондентов с креативным уровнем научного потенциала, отметим, что на высоком уровне представлены словесно-логический, наглядно-

образный и креативный тип. Важно сказать, что лишь у этой группы респондентов встречается выраженное абстрактно-символическое мышление. Таким образом, их мышление отличает подвижность и пластичностью мыслительных процессов, в также высокий уровень развития логических операций таких, как анализ, сравнение, обобщение, синтез и др.

У респондентов с креативным уровнем развития научного потенциала личности есть все шансы добиться успеха в научной деятельности. Однако стоит заметить, что таким студентам необходимо уделять много времени самообразованию, саморазвитию и самосовершенствованию в исследовательской деятельности.

В ходе определения значимости различий по показателю «креативный тип мышления» среди респондентов с адаптивным (I гр.), репродуктивным (II гр.), эвристическим (III гр.) и креативным (IV гр.) уровнями развития научного потенциала использовался критерий Фишера (проверка сходства дисперсий в двух независимых нормальных выборках с целью диагностики правомочности использования и выбора разновидности *t*-критерия Стьюдента); далее использовался двухвыборочный *t*-критерий Стьюдента с различными и одинаковыми дисперсиями (в зависимости от значений *F*-теста).

Проверка значимости различий мыслительной деятельности у респондентов с разным научным потенциалом показала: между студентами обозначенных ранее групп существуют значимые различия в особенностях мыслительной деятельности. В ходе данной проверки с помощью критерия Фишера и *T*-критерия Стьюдента установлено, что балльные оценки по шкале «Креативный тип мышления» у студентов I и III (*T*стат.=2,83; *T*крит.=2,03; $p=0,05$) групп и II и IV групп (*T*стат.=2,81; *T*крит.=2,08; $p=0,05$) значимо отличаются. Это означает, что мышление студентов с относительно высоким уровнем развития научного потенциала (эвристический и креативный уровни) характеризуется большей креативностью (ср. балл = 6,61), чем студентов с относительно низким научным потенциалом (адаптивный и репродуктивный уровни) (ср. балл = 4,06).

Данные нашего исследования свидетельствуют о том, что студенты с репродуктивным уровнем развития научного потенциала менее креативны (ср. знач. = 3,44), чем студенты с эвристическим (ср. знач. = 4,46) и креативным (ср. знач. = 4,51) уровнями.

Изучение значимости различий между группами по показателю «словесно-логическое мышление» показало, что значимые различия существуют между респондентами с креативным уровнем научного потенциала и адаптивным уровнем. Это свидетельствует о том, что практически у всех опрошенных респондентов достаточно выражено логическое мышление, за исключением некоторых респондентов с низким (адаптивным) уровнем развития научного потенциала.

Критерий корреляции Пирсона позволил нам изучить статистическую связь между показателями креативного типа мышления и показателем развития научного потенциала студентов. Мы обнаружили значимую связь между обозначенными показателями в группах респондентов с относительно высоким уровнем развития научного потенциала (эвристический и креативный) ($r=0,519$, $Z=1,851$, *Значимость*=0,03186, степ.своб=12). В других двух группах – адаптивным и репродуктивным уровнями научного потенциала – статистически значимой связи не обнаружено.

Статистически значимая корреляция обнаружена между показателем «тип словесно-логического мышления» и показателем научного потенциала в группах студентов с креативным ($r=0,5715$, $Z=1,102$, *Значимость*=0,104, степ.своб=12) и эвристическим ($r=0,5428$, $Z=1,103$, *Значимость*=0,135, степ.своб=12) уровнями научного потенциала. Средняя по силе связь обнаружена у респондентов с репродуктивным уровнем развития научного потенциала ($r=0,4108$, $Z=1,784$, *Значимость*=0,0312, степ.своб=17).

Заключение

Итак, у студентов с относительно высоким уровнем развития научного потенциала личности представлены на высоком уровне словесно-логическое и креативное мышление, при этом абстрактно-символическое мышление имеет средний уровень развития. Таким образом, полученные в результате математической проверки данные позволяют констатировать факт, что респонденты с креативным и эвристическим уровнями научного потенциала отличаются оригинальностью, гибкостью гипотетических предположений, стремлением к интеллектуальной новизне, высоким уровнем развития логических операций и по-

нятийного аппарата. Роль данных характеристике достаточно велика в процессе осуществления научного исследования. Это позволяет рассматривать мыслительную деятельность в качестве психологического условия развития научного потенциала личности.

Список литературы

1. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / Ответственный редактор и составитель П. В. Алексеев. – М.: «Школа – Пресс», 1995. – 448 с.
2. Данилюк А. Я. Принцип культурогенеза в образовании [текст] / А.Я. Данилюк // Педагогика. – 2008. – № 10. – С. 3 – 8.
3. Мусатова Е. В. Особенности развития логических операций у студентов с разным научным потенциалом / Е.В. Мусатова // Развитие внутрироссийской мобильности научных и научно-педагогических кадров на базе ведущих научно-образовательных центров в области социально-гуманитарных наук: материалы Всероссийской конференции с элементами научной школы для молодежи Белгород, (9-12 ноября 2010 г.). – Белгород, 2010 г. – С. 649 – 651.
4. Развитие научного потенциала личности: теория, диагностика, технология: Коллективная монография / отв. редакторы И. Ф. Исаев, Н. И. Исаева, Г. В. Макотрова – Белгород: Изд-во НИУ «БелГУ», 2011. – 361 с.
5. Сенько Ю. В. Стиль педагогического мышления в вопросах / Ю. В. Сенько. – М.: Дрофа, 2009.

FEATURES OF COGNITIVE ACTIVITY OF STUDENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC POTENTIAL

E. V. Shitikova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
elena_mev88@mail.ru*

The article discusses the types of students of the high school having a different level of development of scientific potential. The author considers the features of scientific potential and gives the description to different level of development of scientific potential such as adaptive, unproductive, heuristic and creative ones. The cognitive activity accordingly to the dominant type of thinking is also regarded in the paper.

Key words: scientific potential of personality, scientific activity, type of thinking.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 811.161.1

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИМИДЖА СТУДЕНТА ВУЗА

О. А. Жеребненко*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
zherebnenko@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются социально-психологические особенности и факторы развития имиджа студентов вуза.

Доказывается, что социально-психологические особенности имиджа студентов вуза опосредуются условиями обучения и степенью включения индивида в совместную деятельность, а так же проявляются в структуре и содержании мотивационной, когнитивной и деятельностной сфер личности.

Ключевые слова: имидж, образ, статус, впечатление, престижность, стереотип, ценность, Я-реальное, Я-идеальное.

Введение

Новая социально-экономическая и политическая ситуация в России повлекла за собой изменения как в жизни социальных групп, так и в жизни отдельно взятого человека. Поворот к личности как центру общественной системы предопределил рост значимости человеческой индивидуальности [6, с. 62]. Ярко выраженную социальную значимость приобретают особенности человека, его способности, профессиональная подготовка, восприимчивость к нововведениям, готовность к творческому поиску и контакту. Необходимость формирования нового стиля социального поведения, отвечающего задачам современного этапа развития общества, ведет к актуализации проблем, связанных с таким явлением как имидж и вызывает потребность в изучении условий и механизмов его развития и функционирования в обществе [13, с. 12 – 15].

Следует отметить, что понятие «имидж» получило широкое использование в самых разных областях знания: социологии, психологии, политологии, антропологии, культурологии. По объему и содержанию оно стало междисциплинарным, сформировалось в категориальном поле многих наук и интерпретируется в соответствии с их особенностями, целями и задачами. При этом в сознании современного человека все более закрепляется представление об имидже как об определенной ценности, от качества которой зависит жизненный успех и успешность любой деятельности.

Подход к исследованию имиджа студентов с позиции движущих сил его развития многими авторами признается весьма перспективным. Это работы отечественных (Г. М. Андреевой, П. С. Гуревича, А. Н. Жмырикова, Г. Г. Почепцова, Е. Б. Перельгиной, В. М. Шепеля и др.) и зарубежных (П. Берд, К. Боулдинга, Д. Бурстина, Э. Гофмана, Б. Сэма, Э. Сэмпсон, Дж. Ягера и др.) исследователей.

В российской психологической традиции непосредственное отношение к данной проблеме имеют результаты таких направлений исследований, как изучение образа (Б. Г. Ананьев, В. А. Барабанщиков, Л. С. Выготский, А. В. Запорожец, И. С. Кон, А. Н. Леонтьев, А. В. Либин, А. Р. Лурия и др.); исследование общения (Б. Г. Ананьев, Г. М. Андреева, А. А. Бодалев, В. А. Кан-Калик, В. Н. Куницына, А. А. Леонтьев, В. Н. Мясищев, А. В. Петровский, В. А. Петровский, Л. А. Петровская, С. Л. Рубинштейн,

А. С. Чернышёв и др.); исследования проблем социального восприятия и социального познания (В. С. Агеев, Г. М. Андреева, Н. Н. Богомолова, И. С. Кон и др.).

В социальной психологии проблема имиджа сегодня занимает важное место. Категория имиджа аккумулирует в себе элементы онтологии, то есть отражение содержания объекта, гносеологии – процесса его познания; активного действия – управление процессами формирования имиджа. В имиджологии проблема имиджа – центральная гносеологическая проблема, от решения которой зависят все другие (А. Ю. Панасюк, Е. Б. Перелыгина, Е. А. Петрова, Г. Г. Почепцов, В. М. Шепель).

В настоящее время формирование позитивного имиджа становится актуальной проблемой не только в политической и деловой сферах, но и в студенческой среде. Изучение имиджа студенчества особенно важно и актуально на сегодняшний день, когда возрастают требования к будущему профессионалу, к современному специалисту. Вместе с тем изменяется и сам имидж студентов. Различные аспекты обобщенного образа студенчества закрепляются в массовом сознании в виде стереотипов, причем не только в сознании самих студентов вузов, но и накладывают отпечаток на его восприятие общественностью [2, с. 42]. . От того, каков имидж студента, как представлен образ студентов того или иного вуза в сознании общественности, во многом зависит процесс привлечения абитуриентов, реализация перспективных проектов, общее положение вуза в образовательной системе.

Структурно-динамическая модель исследования имиджа студентов вуза

Имидж студента вуза – это интегральная характеристика личности, включающая в себя совокупность внешних особенностей и внутренних личностных качеств студента, которые способствуют эффективности учебной деятельности. Развитие имиджа студентов мы рассматриваем, как многоэтапный процесс работы личности над собой, как синтез личностного самопознания, самоопределения и самоимиджирования.

Имидж служит оптимизации «субъект-субъектных» отношений и образовательного процесса в целом. Это находит своё отражение в тех функциях, которые выполняет студент и которые обуславливают развитие функций самого имиджа. Все функции имиджа студентов вуза мы классифицируем по трём основным категориям, группам:

- 1) обучающие функции (коммуникативная, информативная, когнитивная, эмоциональная, конативная);
- 2) деятельностные функции (организационная, мотивационная, адаптивная, воспитательная);
- 3) дополнительные (производные от первой и второй групп функций) функции (компенсаторная, представительская, психотерапевтическая, самовыражения и самопроявления).

Структурно-динамическая модель имиджа студентов состоит из трёх уровней:

1. Конституциональный – внешние данные, пол, возраст, темперамент;
2. Личностный, включающий:
  - мотивационный компонент: наличие значимых учебно-профессиональных мотивов и потребностей, личностно-значимые ценности;
  - когнитивный компонент: Я-концепция студентов вуза;
  - деятельностный компонент: умение развивать собственный имидж, исходя из особенностей деятельности, а также возможность изучать свой имидж в образовательном пространстве вуза;
3. Социально-психологический – статус вуза, факультета; социальной роли студента и избранной им профессии.

К основным факторам развития имиджа студентов вуза мы относим потребность в самопознании, уровень рефлексии, осознание студентами необходимости формирования позитивного имиджа, а также особенности условий и содержания обучения.

Имидж студента как динамическая характеристика находится в постоянном взаимодействии с различными общественными группами и культурной средой, и отражает уровень сбалансированности этого взаимодействия [11, с. 73].

В экспериментальном исследовании социально-психологических особенностей имиджа студентов вуза раскрываются особенности проявления имиджа студентов на ко-

гнитивном, мотивационном и деятельностном уровнях, обусловленные этапом обучения и спецификой факультета и вуза.

При исследовании мотивационного компонента учитывалось то, что в структуре ценностей, потребностей и мотивов обучения и выбора профессии студентов разных вузов могут быть выявлены особенности, влияющие на формирование имиджа студента и будущего профессионала с учётом специфики образовательной среды вуза. Кроме того, одной из задач нашего исследования было выявление особенностей системы ценностей в процессе профессионального становления, то есть с первого по пятый курсы обучения в вузе.

Таблица 1

Соотношение выраженности потребностей у студентов НИУ «БелГУ» и студентов БелГСХА им. В.Я. Горина (в баллах)

Потребности	Студенты НИУ "БелГУ"	Ранг	Студенты Бел-ГСХА им. В.Я. Горина	Ранг	Расхождения в баллах
потребность в доминировании	8,7	2	3,8	4	4,4
потребность в аффилиации	11	1	6,9	1	4,1
потребность в достижениях	8,36	4	6,16	3	2,3
потребность в познании	8,6	3	6,4	2	2,2

Исследование мотивационно-потребностной сферы личности студентов позволило выявить то общее и особенное, что отличает студентов различных вузов в зависимости от содержания и условий обучения.

Так, к общим проявлениям можно отнести: роль аффилиативной потребности как ведущей и высокую значимость познавательной потребности для студентов. Эти две группы потребностей можно, таким образом, отнести к базовым, в структуре мотивационно-потребностной сферы студента [1, с. 123 – 125]. Что касается потребности в доминировании и потребности достижения, то в их выраженности проявляются особенности образовательной среды вуза. Потребность в доминировании у студентов БелГСХА им. В.Я. Горина занимает последний ранг, в то время как у студентов НИУ "БелГУ" – ранг этой потребности соответствует рангу познавательной потребности. Ранг потребности в достижении равен соответственно 3 и 4 (табл. 2).

Таблица 2

Показатели личностных ценностей студентов, в зависимости от курса обучения (в баллах)

Ценности Курсы	1. Удовлетворение насущных желаний.	2. Материальное благополучие	3. Поиск и наслаждение прекрасным.	4. Помощь и милосердие к другим людям.	5. Любовь.	6. Познание нового, интересного в мире, природе и человеке.	7. Высокий социальный статус и управление людьми.	8. Признание, уважение людей и влияние на окружающих.	9. Социальная активность.	10. Общение.	11. Здоровье.
	1 курс	3,4	3,6	3,56	3,96	2,9	4,7	2,5	2,66	3,1	3,7
2 курс	4,3	2,56	3,93	4,3	4,4	3,46	2,23	4,96	1,93	3	3,33
3 курс	4,96	4,43	3,63	2,73	4,7	3,73	4,63	4,73	3,53	4,26	3,16
4 курс	4,93	5	3,63	3,9	4,06	3,13	4,9	4,63	4,3	4,3	3,3
5 курс	4,92	5,1	3,62	3,9	4,07	3,13	4,9	4,62	4,3	4,3	3,3

Результаты исследования ценностей студентов вуза показывают, что по мере освоения новой социальной роли в процессе учебно-профессиональной деятельности, ведущие ценности студентов «прирастают» в континууме: познавательные, аффилиативные, личностные, социальные, приобретая социально-психологическую направленность (табл. 2).

Так, у студентов первого курса доминирует ценность познания нового, интересного в мире, человеке, природе (4,7); у студентов второго курса – ценность признания и уважения людей, влияние на окружающих (4,96); любовь (4,4); помощь, милосердие к другим людям; ценность удовлетворения насущных желаний (4,3); у студентов третьего курса – ценность удовлетворения насущных желаний, удовольствие и отдых (4,96); любовь (4,7); высокий социальный статус (4,63); признание, уважение людей (4,73); общение (4,26); у студентов четвертого и пятого курсов обучения – ценность удовлетворения насущных желаний (4,93 и 4,92); ценность материального благополучия (5 и 5,1); высокий социальный статус (4,9 и 4,9); признание, уважение людей (4,63 и 4,62); социальная активность (4,3 и 4,3); общение (4,3 и 4,3).

Результаты исследования личностных ценностей подтверждают роль аффилиативной потребности как базовой в структуре мотивационной сферы личности студента независимо от вуза обучения и курса обучения.

Таким образом, если система потребностей имеет свои особенности в зависимости от специфики вуза, то система ценностей в большей мере определяется этапом социализации (курсом обучения), проявляясь в развитии и доминировании социально-психологического аспекта [3, с. 92]. При этом, содержательные изменения проявляются в особенностях структуры системы ценностей, росте ее иерархизированности [5, с. 92]. И речь идет о том, чтобы оценивать профиль выраженности системы ценностей в целом, а не отдельные его проявления. Так, если у студентов первого курса обучения мы имеем один явный пик профиля – ценность познания нового, интересного в мире, человеке, природе, то у студентов 4-5 курсов обучения таких пиков уже шесть и среди них – не выраженный у студентов всех других курсов пик по шкале «социальная активность».

Исследуя когнитивный компонент имиджа студентов вуза, мы изучали систему представлений студентов о себе на уровне образов «Я-реальное», «Я-идеальное», а также образы типичного студента в представлении самих студентов (автостереотип) и студентов других факультетов и группы социального окружения (стереотип).

Целью исследования являлось: сравнительный анализ образов реального и идеального студентов; выявление особенностей развития образа студента в процессе социализации студента на примере исследования студентов первого и четвертого курсов; выявление особенностей содержания стереотипов и автостереотипов у студентов различных факультетов обучения. Статистический анализ имеющихся различий в процентном распределении оценок в образах «Я – реальное» и «Я – идеальное» показал значимость этих различий (эмпирическое значение критерия хи-квадрат 13,73 при табличном значении 9,21 с вероятностью допустимой ошибки 0.01 и числе степеней свободы 2). Такие эмпирические факты подтверждают необходимость определённой работы по улучшению визуального имиджа студентов вуза.

С целью выявления особенностей содержания имиджа студентов вуза, в зависимости от этапа обучения, мы отдельно проанализировали содержание образа «Я-реальное» у студентов 1 и 4 курсов обучения.

Результаты исследования образа «Я-реальное» выявили большую когнитивную сложность, как по количеству включённых характеристик, так и по представленным сферам, что позволило условно разделить все характеристики студентов на 4 группы (табл. 3).

Таблица 3

Ранги групп ассоциаций в образе «Я-реальное» у студентов первого и четвертого курсов обучения

Группа ассоциаций	1 курс	4 курс
Межличностные взаимоотношения	I	III
Учебная деятельность	II	II
Студенческие заботы, переживания, желания	III	IV
Самореализация, саморазвитие личности	IV	I

Результаты исследования показали, что от первого к четвертому курсу происходит значительный рост когнитивной сложности этих сфер.

Так же проводился сравнительный анализ структурно-содержательных особенностей представлений об имидже студента на уровне общественного сознания, т.е. «стереотипов» и самосознания самих студентов, т.е «автостереотипов» [10, с. 62]. В задачу входило описание образа студента того или иного факультета с помощью прилагательных (качеств).

В результате анализа выявлено:

1. Базовыми характеристиками на уровне и общественного сознания и самосознания самих студентов в оценке имиджа студента являются: черты личности, отражающие особенности межличностных взаимоотношений, внешние особенности имиджа, а также творческая личность и особенности ее эмоциональной сферы. Отношение к деятельности, самооценка, интеллект, активность личности отмечаются в меньшей мере. По ряду проявлений имеют место единичные совпадения. Так, по таким особенностям как толерантность и сложность личности совпадения только в оценке психологов;

2. Количество характеристик, по которым имеет место согласованность оценок, выступает, на наш взгляд, одним из показателей развития механизмов стереотипизации, рефлексии, идентификации. Умение прогнозировать оценку общества, соответствовать ей в основных параметрах, характеризует, прежде всего, студентов психологов и педагогов. Число структурных компонентов, по которым имеются совпадения соответственно равно 7 и 6. У студентов-художников – 5. У студентов других факультетов этот показатель не превышает 3;

3. Когнитивная сложность стереотипов превышает когнитивную сложность автостереотипов, включая в себя в большей мере противоречивые и негативные оценки. При этом выявлены особенности в содержании стереотипов в зависимости от характера деятельности экспертов. Характер деятельности, ее субъект-субъектная или субъект-объектная направленность определяют как когнитивную сложность межличностного восприятия, так и специфику его категоризации (характер личностных описаний) при восприятии, оценке и классификации представителей тех или иных социальных и профессиональных групп. Так, представители факультетов педагогики и психологии проявили большую когнитивную сложность в описании других людей, чем, например, студенты-физики.

Деятельностный компонент имиджа студентов предполагает умение изучать свой имидж в образовательном пространстве вуза, умение развивать собственный имидж, исходя из индивидуальных особенностей, особенностей деятельности.

С целью исследования деятельностного компонента имиджа студентам предлагалось оценить степень значимости ряда психологических и социально-психологических условий учебно-профессиональной деятельности, личностных особенностей и возможностей в развитии имиджа студентов вуза (табл. 4).

Таблица 4

Оценка значимости образовательной сферы в развитии имиджа студентов вуза

№	Критерии	Все-гда	Почти всегда	Иногда	Индекс	Ранг
1	Индивидуально-психологические особенности личности	45%	52%	3%	1,32	4
2	Престижность факультета	71%	26%	3%	1,62	3
3	Ожидания значимых людей	18%	76%	6%	1,1	7
4	Статусность, престижность будущей профессии	42%	58%	0%	1,88	1
5	Нормы общества	6%	59%	35%	0,71	10
6	Ценностные ориентации будущих работодателей	18%	50%	32%	1,09	8
7	Способность реализоваться в процессе обучения, возможность проявить себя как будущего профессионала	68%	12%	20%	1,27	5
8	Престижность вуза	38%	56%	6%	1,68	2
9	Ролевая позиция (позиция студента)	73%	24%	3%	1,12	6
10	Условия, способствующие успешности имиджа (социальные, бытовые и др.)	41%	27%	32%	0,86	9
11	Другое	3%	-	-	-	-

Ранжирование полученных результатов позволило выявить наиболее приоритетные факторы развития имиджа. К ним, прежде всего, отнесены: статусность, престижность будущей профессии; престижность вуза; престижность факультета (1-3 ранги соответственно). Высокую значимость имеют также: индивидуально-психологические особенности студентов; способность реализоваться в процессе обучения, возможность проявить себя как будущего профессионала; ролевая позиция студента (4-6 ранги соответственно). Наименьшая значимость отводится бытовым условиям, ожиданиям педагогов, будущих работодателей.

Другим аспектом в исследовании деятельностного компонента имиджа было изучение особенностей научной деятельности у студентов-бакалавров и магистров. Мы попытались выявить взаимосвязь ролевой позиции студента, его статуса с возможностью реализации в научной деятельности.

На основе оценки социально-психологических особенностей личности (модифицированный вариант типологии личности по Холланду) и с учетом уровня сформированности имиджа (по Е.Б. Перельгиной), мы создали имидж-профиль студента [7, с. 82; 8, с. 74; 9, с. 15].

Имидж студентов вуза оценивается нами по трем уровням сформированности проявлений личностных особенностей:

- 1) низкий – социально-неприемлемый; имидж, препятствующий развитию студента;
- 2) средний – социально-приемлемый; имидж соответствующий сформировавшейся Я-концепции успешного имиджа студента;
- 3) высокий – оптимальный; имидж, способствующий достижению студентами успешности, характеризующийся наилучшим из всех возможных в данных образовательных условиях сочетанием характеристик.

По результатам нашего исследования преобладают средний и высокий уровни развития имиджа студентов. В то же время в имидж-профиле студентов выявлены значимые различия в зависимости от особенностей условий, содержания обучения. Наиболее близкими являются профили студентов педагогического факультета и факультета социальной педагогики и психологии. Наиболее полярными являются профили студентов факультета физической культуры и спорта и физико-математического факультета. Так, по проявлению качеств: аналитический склад ума, ориентация на решение интеллектуальных задач, структурирование деятельности приоритет у студентов-физиков. По проявлению таких качеств как энергичность, импульсивность, стремление к лидерству, предприимчивость, независимость в принятии решения, креативность, экстравертированность приоритет у студентов факультета физической культуры и спорта. По выраженности социальных умений, способности к сопереживанию значимых различий не наблюдается.

В структуре профиля наиболее информативными в плане выявления особенностей имиджа студентов различных факультетов являются социальные умения, интеллектуальные качества, стремление к лидерству, потребность в признании [4, с. 83].

Формирование имиджа студентов вуза – поэтапный процесс, эффективность которого обусловлена рядом условий. Под условиями развития имиджа мы понимаем специально-организованную направленность образовательной среды на формирование позитивного образа личности студента и образа будущего профессионала, а именно:

- осознание студентом необходимости формирования позитивного имиджа;
- проявление собственной активности студента при работе над своим имиджем;
- развитие рефлексии; развитие у студентов интереса к себе и к миру;
- знание требований аудитории к личности и деятельности студента вуза;
- выявление начального уровня развития качеств, составляющих позитивный имидж студента вуза;
- соблюдение принципа многообразия форм и методов работы по формированию и коррекции имиджа;
- овладение студентом приемами самопознания и самооценки, а также навыками самоимиджирования и проектирования индивидуального имиджа.

Следует отметить и такое условие развития высокопродуктивного имиджа, как возможность реализовать себя в процессе обучения. Например, студенты-спортсмены реали-

зуют себя на спортивных соревнованиях, студенты, обучающиеся изобразительному искусству имеют возможность принимать участие в художественных выставках, где они также будут оценены по достоинству.

Одним из важных факторов развития успешного имиджа студентов является престижность вуза, факультета и будущей профессии.

Процесс формирования имиджа включает самореализацию студентов, «приведение» своих взглядов, оценок, ценностей в соответствие с социально-приемлемыми и профессиональными ценностями. Все эти аспекты, безусловно, влияют на успешный имидж студентов вуза.

Заключение

Базовыми характеристиками на уровне общественного сознания и самосознания самих студентов в оценке имиджа являются: черты личности, отражающие особенности межличностных взаимоотношений, внешние особенности имиджа, а также творчество личности и особенности ее эмоциональной сферы. Система потребностей студентов имеет свои особенности в зависимости от специфики вуза, а система ценностей в большей мере определяется этапом социализации (курсом обучения), проявляясь в развитии и доминировании социально – психологического аспекта. Так, если у студентов первого курса обучения один явный пик профиля – ценность познания нового, интересного в мире, человеке, природе, то у студентов 4-5 курсов обучения таких пиков уже шесть и среди них – не выраженный у студентов всех других курсов пик по шкале «социальная активность».

Социально-психологические особенности развития имиджа студентов вуза определяются условиями обучения и проявляются в структуре и содержании мотивационной, когнитивной и деятельностной сфер личности.

Список литературы

1. Андреева Г. М. Зарубежная социальная психология XX столетия / Г. М. Андреева, Н. Н. Богомолова, Л. А. Петровская – М.: Аспект Пресс, 2001. – 288 с.
2. Донцов А. Л. Практическая социальная психология как область профессиональной деятельности / А. Л. Донцов, Ю. М. Жуков, Л. Л. Петровская – М.: «Смысл», 1996. – 250 с.
3. Егорова Е. В. Имидж лидера / Е. В. Егорова Психологическое пособие для политиков – М.: Общество «Знание». Росс. Центр политических консультаций «Пикколо М», 1994. – 265 с.
4. Климов Е. Л. Психология профессионального самоопределения / Е. Л. Климов – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 512 с.
5. Назаретян Л. П. Психология массового стихийного поведения / Л. П. Назаретян – М.: РАГС, 1997. – 112 с.
6. Перельгина Е. Б. Механизмы функционирования имиджа как феномена интерсубъектного взаимодействия / Под научной редакцией заслуженного деятеля науки РФ доктора психологических наук, профессора А. А. Деркача – М.: Изд-во «Интеллект-Центр», 2003. – 200 с.
7. Перельгина Е. Б. Психология имиджа / Е. Б. Перельгина – М.: Аспект Пресс, 2002. – 223 с.
8. Перельгина Е. Б. Социально-психологические исследования имиджа лидера в сфере образования / Е. Б. Перельгина Сборник трудов по проблемам дополнительного профессионального образования – М.: ИНК госслужба, 2003. – 73 с.
9. Петренко В. Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко Учебное пособие – М.: Издательство Московского Университета, 1997 – 120 с.
10. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности / В. А. Петровский Учебное пособие – Ростов-на-Дону: издательство «Феникс», 1996. – 512с.
11. Rogers, C. R. Freedom to learn for the 80s / R. C. Rogers. – Columbus, OH: Charles Merrill, 1983. – 312 p.
12. Шепель В. М. Управленческая психология / В. М. Шепель – М.: Экономика, 1984. – 246 с.

SOCIAL-PSYCHOLOGICAL IMAGE OF UNIVERSITY STUDENTS

O. A. Zhrebneko

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
zhrebneko@bsu.edu.ru*

The paper considers the socio-psychological characteristics and factors of developing the image of university students. The author claims that the socio-psychological characteristics of the image of university students is mediated by learning conditions and the degree of inclusion of the individual in joint activities, as well as manifested in the structure and content of the motivational, cognitive and activity spheres of the person.

Keywords: image, status, experience, prestige, stereotype, value, real-I, I – ideal.

УДК 159.92

МОТИВАЦИЯ В СТРУКТУРЕ СУБЪЕКТНОСТИ

В. А. Иванова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
bardynina@bsu.edu.ru*

Рассматривается проблема мотивации в структуре субъектности. Теоретически и эмпирически доказано, что в основе субъектности лежат внутренняя мотивация. Люди с высоким уровнем субъектности характеризуются внутренним локусом контроля, они имеют представление о себе как о сильной личности, которая обладает достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле.

Ключевые слова: субъектность, внутренняя мотивация, локус контроля, саморегуляция, свобода выбора.

Введение

Как показывает анализ научной литературы, проблемы субъекта и субъектности остаются одними из самых актуальных в настоящее время. К этому явлению обращаются многие исследователи, которые рассматривают субъектность не только на теоретическом и методологическом уровне, а также активно используют его для решения конкретных практических задач. В настоящее время имеется множество исследований, посвященных изучению субъектности студентов (Е. Г. Денисенко, Ф. Г. Ивлева, В. Н. Карандашев, Е. В. Крутых, З. Г. Мустафина, Ф. Г. Мухаметзянова, М. Ю. Энеева), педагогов (Г. И. Аксенова, Н. М. Борытко, А. Б. Ваньков, Е. Н. Волкова, А. Н. Яшкова), младших школьников (Н. А. Жесткова), офицеров (М. В. Сыромятников) и т. д.

Проведенный анализ понятия субъектности в философской, психологической и педагогической литературе показал, что рассматриваемая категория достаточно неоднозначна и многогранна. Существует множество подходов к определению данного явления. Некоторые авторы характеризуют субъектность как:

- как особый уровень развития личности (Б. Г. Ананьев);
- как социальный, деятельностно-преобразующий способ бытия человека (В. И. Слободчиков);
- свойство личности производить взаимообусловленные изменения в мире и человеке, в основе которого лежит отношение к себе как к деятелю (Е. Н. Волкова, И. А. Серегина);
- как целостную характеристику активности человека (А. К. Осницкий);
- как высшую системную целостность всех его сложнейших и противоречивых качеств, в первую очередь, психических процессов и свойств, его сознательного и бессознательного (А. В. Брушлинский).

В наших исследованиях под субъектностью мы понимаем особый уровень развития личности (приобретаемое свойство личности), в основе которого лежит отношение к себе как к деятелю, соотносимое с активным, творческим преобразованием себя и окружающего мира [6].

Неоднозначным остается ответ и при определении структуры субъектности. При рассмотрении структурных компонентов рассматриваемой нами категории, авторы либо связывают субъектность со структурой деятельности, либо сводятся к описанию отдельных свойств личности. Субъектность является личностным свойством и также может иметь определенные мотивационные детерминанты. Рассмотрим более подробно, какая мотивация лежит в основе субъектности.

Проблема мотивации в структуре субъектности

Практически при решении многих проблем психологической науки ученые обращаются к эффектам мотивационных процессов, предположительно, из-за их высоких объясняющих возможностей. Мотивация считается ведущим фактором поведения. Изу-

чать мотивацию, значит, анализировать и выявлять причины и факторы, которые инициируют активность человека.

Общеизвестно, что поведение человека может быть мотивировано внешне и внутренне. Согласно В. И. Чиркову: «Внешняя мотивация – конструкт для описания детерминации поведения в тех ситуациях, когда факторы, которые его инициируют и регулируют, находятся вне Я (self) личности или поведения. ... Внутренняя мотивация – конструкт, описывающий такой тип детерминации поведения, когда инициирующие и регулирующие его факторы проистекают изнутри личностного Я и полностью находятся внутри самого поведения» [7, с. 117 – 118]. Общеизвестным является положение, что системы внешних мотивов, прежде всего, основаны на поощрениях, наградах, наказаниях или других видах внешнего воздействия, которые активизируют и направляют желательное или тормозят нежелательное поведение. Внутренне же мотивированные деятельности исходят из самой активности и не имеют внешних поощрений. Человек включается в деятельность ради нее самой, а не для достижения каких-либо внешних наград. Такая деятельность является самоцелью, а не средством для достижения некой другой цели. В. И. Чирков считает, что каждый тип мотивации имеет свои достоинства и недостатки, оказывая различное влияние на психические процессы. В то же время наиболее положительное влияние и на познавательные процессы, и на личность оказывают системы внутренней мотивации [7].

Рассматривая вопрос о том, какая мотивация лежит в основе субъектности: внешняя или внутренняя, следует рассмотреть такие понятия как «локус личностной каузальности» и «локус контроля».

Важнейшей особенностью человека является то, чтобы совершать изменения в окружающем мире и почувствовать себя источником этих изменений и изменений в себе самом. Р. де Чармс рассматривает стремление быть причиной своих действий первичным, базовым, из которого произрастают различные свойства: «Человек стремится к тому, чтобы быть первопричиной, источником своего собственного поведения; он стремится к личностной каузальности» [7, с. 119]. Каузальностью является представление личности о том, где находятся причины, обуславливающие ее поведение: вне или внутри ее самой. При внутренней мотивации личность характеризуется внутренним локусом каузальности, имеет представление о том, что причины ее поведения находятся внутри ее, и она совершает деятельность по собственному желанию. При внешней мотивации личность имеет внешний локус каузальности. Она полагает, что причины, детерминирующие ее поведение, находятся вне ее самой. Субъектность предполагает ощущение первопричинности собственных действий, ощущение себя источником, началом преобразований. Данное утверждение исходит из самого понимания субъектности. Исследования Р. де Чармса показали, что понимание себя хозяином собственной судьбы зависит от качества и содержания отношений человека с миром [7].

Другой характеристикой внутренней мотивации является понятие «локуса контроля». Развитие этого понятия в психологии связано с работами Дж. Роттера. Локус контроля – представление о том, где (внутри или вне человека) располагается контролирующая инстанция поведения человека [1]. Следует различать понятия «локус каузальности (причинности)» Р. де Чармса и «локус контроля» Дж. Роттера. Локус контроля характеризует точку приложения сил, определяющих результаты поведения. Локус каузальности отражает точку приложения сил, детерминирующих само поведение.

При внешнем (экстернальном) локусе контроля человек убежден, что его успехи или неудачи являются результатом воздействия внешних сил: удачи, случайности, других людей и т. д. «Экстерналы» считают себя зависимыми от внешних воздействий, судьбы. При внутреннем (интернальном) локусе контроля человек считает, что происходящие с ним события зависят от его самого, его личностных качеств. По мнению «интерналов», именно от собственных действий и способностей зависят их успехи и неудачи в жизни. Поэтому «интерналы» в большей степени, чем «экстерналы» могут осуществлять воздействие на то, что с ними происходит. К. Муздыбаев отмечает, что большую социальную активность и ответственность проявляют люди с внутренним локусом контроля. Они, в отличие от экстерналов, более последовательны в своем поведении [5]. Также в исследованиях Е. Ф. Бажина, С. А. Голынкиной, А. М. Эткинды экспериментально доказано, что лю-

ди с внутренним локусом контроля более уверены в себе, настойчивы и последовательны в достижении цели, склонны к самоанализу, уравновешены, доброжелательны, независимы [1]. Таким образом, мы можем сказать, что люди с внутренним локусом контроля более склонны к субъектному поведению.

Как отмечает Е. Н. Волкова: «В основе субъектности лежат потребности человека изменять окружающий мир и себя вместе с ним, измерять результаты своих действий и излагать понимание происходящего другим людям. Изменения, измерения и изложения служат проявлением субъектной природы человека» [2, с. 25]. В обсуждении проблемы субъектности большинство авторов (Е. Н. Волкова, Е. Г. Денисенко, Е. В. Крутых и др.) полагают, что особое значение имеет внутренняя (интринсивная) мотивация.

Результаты эмпирического исследования особенностей взаимосвязи параметров мотивации в структуре субъектности

В целях верификации полученных теоретических результатов нами было проведено эмпирическое исследование. Изучение параметров субъектности проводилось на базе Белгородского государственного университета (БелГУ). В исследовании приняли участие студенты 1-5 курсов факультета психологии. Общее количество респондентов составило 192 человека.

В проведенном исследовании мы исходили из того, что в структуру субъектности входят три взаимосвязанных блока: мотивационный, личностный и регулятивно-деятельностный. Субъектность личности характеризуется высоким уровнем развития таких параметров как стремление к саморазвитию, осознание собственной уникальности, понимание и принятие другого, свобода выбора и ответственность за него (личностный блок структуры субъектности), активность и саморегуляция (регулятивно-деятельностный блок). В основе субъектности лежат потребности изменять окружающий мир и себя вместе с ним, внутренняя мотивация: представление о себе как о субъекте собственной жизни (мотивационный блок) [6].

Изучение субъектности и ее компонентов проводилось с помощью следующих диагностических методик. Для определения уровня развития активности, стремления к саморазвитию, осознания собственной уникальности, понимания и принятия других, свободы выбора, ответственности мы использовали соответствующие шкалы опросника субъектности И. А. Серегинной. Для изучения уровня саморегуляции был использован опросник «Стиль саморегуляции поведения – 98» В. И. Моросановой, Е. М. Коноз. С целью выявления параметров внутренней мотивации мы взяли результаты диагностики по шкалам «Локус контроля – Я», «Локус контроля – жизнь» теста Смыслоразностных ориентаций Д. А. Леонтьева. Для определения математико-статистической значимости различий по исследуемым признакам мы использовали критерий Н Крускала-Уоллиса, а также для выявления связей между исследуемыми параметрами был применен метод корреляции рангов Спирмена.

Рассмотрим полученные результаты эмпирического исследования. Результаты исследования субъектности у студентов-психологов показали (таблица 1), что половина испытуемых находится на среднем уровне развития субъектности (51,1%). Имея данный уровень, студент предпочитает быть содеятелем, а не деятелем, творящим и преобразующим. Высокий уровень субъектности имеет более 1/5 части будущих психологов (21,4%), т. е. являются субъектами своей деятельности. Имея высокие значения показателей субъектности, человек находится на макропсихическом уровне «самоорганизующегося» человека. По мнению В. В. Гребневой, это уровень активной индивидуальности, характеризующейся целостностью, на котором человек рассматривается как субъект жизненной активности (творчества), строящий свой неповторимый жизненный путь [3]. Более 1/4 части студентов (27,5%) находится на низком уровне субъектности. Являются ведомыми в своей деятельности. Следует отметить, что средние значения по всем исследуемым признакам субъектности у студентов с высоким, средним и низким уровнем субъектности отличаются. У респондентов с высоким уровнем субъектности средние значения все рассматриваемых признаков выше, чем у испытуемых со средним уровнем. Значения исследуемых показателей у опрошенных со средним уровнем субъектности выше, чем у студентов с низким уровнем (различия достоверны при $p \leq 0,01$).

Полученные результаты также свидетельствуют о том, что у респондентов с различной степенью выраженности всех параметров субъектности (личностного и регулятивно-деятельностного блоков) имеются статистически значимые различия в уровне внутренней мотивации. У студентов, имеющих более высокий уровень развития таких компонентов субъектности как активность, саморегуляция, свобода выбора и ответственность, осознание собственной уникальности, понимание и принятие других, стремление к саморазвитию, выявлены более высокие значения параметров внутренней мотивации. Они убеждены в том, что именно человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и реализовывать их.

Таблица 1

Результаты исследования уровня субъектности студентов-психологов

Уровни	Кол-во студентов (%)	Средние значения признаков (M)								
		Локус контроля – Я	Локус контроля – Жизнь	Активность	Самосознание	Свобода выбора и ответственность за него	Уникальность	Понимание и принятие других	Саморазвитие	Саморегуляция
Высокий	41 (21,4%)	23,9	35,2	6,70	7,44	5,89	7,96	3,93	6,89	39,1
Средний	98 (51,1%)	21,1	31,4	5,07	5,14	3,51	5,63	2,96	4,79	30,4
Низкий	53 (27,5%)	18,7	27,3	3,17	3,13	1,83	4,13	2,00	2,91	26,3
Эмпирическое значение по критерию Н Крускала-Уоллиса		16,7	18,3	17,5	22,5	21,9	18,4	23,6	19,4	20,2
		$\rho \leq 0,01$	$\rho \leq 0,01$	$\rho \leq 0,01$	$\rho \leq 0,01$	$\rho \leq 0,01$	$\rho \leq 0,01$	$\rho \leq 0,01$	$\rho \leq 0,01$	$\rho \leq 0,01$

Примечание: *- критическое значение ($\rho \leq 0,01$) = 11,3

Напротив, испытуемые с более низким уровнем развития показателей субъектности имеют низкие значения по шкалам «Локус контроля Я» и «Локус контроля – Жизнь». Им свойственны неверие в свои силы контролировать события собственной жизни, убежденность в том, что свобода выбора иллюзорна и бессмысленно загадывать что-либо на будущее.

Анализ взаимосвязей параметров внутренней мотивации с показателями личностного и регулятивно-деятельностного блоков субъектности позволил выявить целый ряд корреляционных зависимостей (табл. 2, 3).

Таблица 2

Корреляционные связи между параметрами внутренней мотивации и показателями личностного блока структуры субъектности

Параметры субъектности	активность	самосознание	свобода выбора и ответственность	осознание собств. уникальности	понимание и принятие другого	саморазвитие
Показатели внутр. мотивации						
локус контроля – Я	0,334**	0,390**	0,433**	0,193*	0,099	0,198*
локус контроля – Жизнь	0,364**	0,216*	0,476**	0,206*	0,169	0,212*

Примечания: *- уровень статистической значимости $\rho \leq 0,05$

** - уровень статистической значимости $\rho \leq 0,01$

Данные корреляционного анализа подтверждают результаты, полученные при определении различий в уровне развития личностных и регулятивно-деятельностного блоков субъектности у респондентов с различной мотивацией. Особенно тесные взаимосвязи выявлены между показателями внутренней мотивации и такими структурными компонентами субъектности как «активность», «свобода выбора и ответственность за него» ($p \leq 0,01$). Наличие представления о себе как самостоятельном субъекте своей жизни, первопричине своей деятельности предполагает высокий уровень активности. В данном случае человек выступает в качестве активного, инициативного творца собственной жизни и судьбы. И наоборот, низкий уровень внутренней мотивации, неверие в свои силы контролировать события собственной жизни приводят к слабой активности, уровень активности может легко понижаться даже под влиянием незначительных внешних факторов. Н. Н. Доронина также отмечает, что высокий уровень активности может быть обеспечен при наличии внутренних мотивов [4].

Выявленные положительные взаимосвязи между внутренней мотивацией и свободой выбора подтверждают также результаты других многочисленных исследований [7]. Наличие у человека выбора и свободы его осуществления позволяют ему чувствовать себя самодетерминированным, приводят к интернализации локуса каузальности и, следовательно, повышают уровень внутренней мотивации. Даже иллюзия выбора значительно повышает внутреннюю мотивацию в сравнении с теми, у которых нет этой иллюзии.

Следует отметить, что не выявлены связи между параметрами внутренней мотивации и параметром субъектности «понимание и принятие другого».

Далее рассмотрим результаты корреляционного анализа между показателями саморегуляции и внутренней мотивации, которые представлены в табл. 3.

Таблица 3

Корреляционные связи между параметрами внутренней мотивации и показателями регулятивно-деятельностного блока структуры субъектности

Параметры саморегуляции / Показатели внутр. мотивации	планирование	моделирование	программирование	оценка результатов	гибкость	самостоятельность	общий уровень саморегуляции
локус контроля – Я	0,348**	0,271**	0,228*	0,156	0,348**	0,298**	0,225*
локус контроля – Жизнь	0,231*	0,178	0,261*	0,229*	0,256**	0,367**	0,277**

Примечания: * - уровень статистической значимости $p \leq 0,05$

** - уровень статистической значимости $p \leq 0,01$

Отмечено, что интринсивная мотивация и саморегуляция положительно взаимосвязаны. Наиболее тесные взаимосвязи выявлены между параметрами внутреннего локуса контроля и регуляторно-личностными показателями саморегуляции такими как гибкость и самостоятельность ($p \leq 0,01$). Наличие у человека представления о себе как о субъекте жизни предполагает высокий уровень сформированности регуляторной гибкости деятельности, т. е. способности перестраивать систему саморегуляции в связи с изменяющимися внешними и внутренними условиями. Такие респонденты демонстрируют самостоятельность, развитость автономности в организации своей активности. Они способны самостоятельно планировать деятельность и поведение, организовывать работу по достижению выдвинутой цели, контролировать ход ее выполнения, анализировать и оценивать как промежуточные, так и конечные результаты деятельности.

Заключение

Обобщив полученные результаты теоретического и эмпирического исследования, мы можем сделать вывод о том, что субъектность, являясь личностным свойством, имеет определенные мотивационные детерминанты. Особое значение в становлении субъектности имеет внутренняя мотивация. Именно наличие представления о себе как о первопричине, источнике своей деятельности позволяет человеку быть активным, свободным в выборе и нести ответственность за них, стремиться к саморазвитию, обладать высоким уровнем саморегуляции.

Список литературы

1. Бажин Е. Ф. Метод исследования уровня субъективного контроля / Е. Ф. Бажин, С. А. Голынкина, А. М. Эткинд // Психологический журнал. – 1984. – № 3. – С. 152 – 163.
2. Волкова Е. Н. Субъектность педагога: теория и практика: дис. ... д-ра психол. наук / Е. Н. Волкова ; Рос. акад. образования, Психол. ин-т им. Л. Г. Щукиной. – М., 1998. – 308 с.
3. Гребнева В. В. Человекоцентрированная модель социально-психологического взаимодействия в вузе: системный подход / В. В. Гребнева // Казанский педагогический журнал. – 2010. – №1. – С. 31 – 39.
4. Доронина Н. Н. Организация учебного процесса с использованием активных методов обучения / Н. Н. Доронина // Социология образования. – 2011. – № 3. – С. 31 – 38.
5. Муздыбаев К. Психология ответственности / К. Муздыбаев; АН СССР, Ин-т соц.-экон. проблем; под ред. В. Е. Семенова. – Л. : Наука, 1983. – 240 с.
6. Ткачев В. Н. Динамика развития субъектности студентов-психологов в процессе обучения в вузе / В. Н. Ткачев, В. А. Иванова // Высшее образование сегодня. – 2011. – № 5. – С. 59 – 62.
7. Чирков В. И. Самодетерминация и внутренняя мотивация поведения человека / В. И. Чирков // Вопросы психологии. – 1996. – № 3. – С. 116 – 132.

MOTIVATION IN THE STRUCTURE OF SUBJECTIVITY

V. A. Ivanova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
bardynina@bsu.edu.ru*

The article considers the problem of motivation in the structure of subjectivity. Theoretically and empirically it is proved, that the basis of subjectivity is an internal motivation. People with a high level of subjectivity are characterized by internal locus of control. They have a representation of themselves as a strong person, who has sufficient freedom of choice to build their lives in accordance with their goals and ideas about its meaning.

Keywords: subjectivity, internal motivation, locus of control, self-regulation, freedom of choice.

УДК 159.9.07

ОСОБЕННОСТИ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ У ЛИЦ С РАЗВИТЫМ И НЕРАЗВИТЫМ ОБРАЗОМ БУДУЩЕГО

М. А. Канищева

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Mbaranova@bsu.edu.ru*

В статье рассмотрены некоторые научно-психологические подходы к исследованию проблемы образа будущего и представлены результаты изучения особенностей самоактуализации у лиц с развитым и неразвитым образом будущего. Показано, что студенты в группе с развитым образом будущего имеют высокие и средние показатели самоактуализации, а значения не соответствующие норме отсутствуют, в то время как в группе с неразвитым образом будущего нами были выявлены показатели ниже нормы. Для юношей и девушек с развитым образом будущего, в большей мере свойственно разделять ценности, характерные для самоактуализирующейся личности, чем для молодых людей с неразвитым образом будущего.

Ключевые слова: образ будущего, планирование, самоактуализация, юношеский возраст.

Сформированный образ будущего на личностном уровне показывает потенциал внутренних возможностей человека, а также является условием продуктивной жизнедеятельности субъекта в настоящем. Современная молодежь зачастую оказывается не приспособленной к самостоятельной жизни в стремительно изменяющемся обществе. Воспитание гармоничной личности, способной жить и развиваться в таких условиях является одной из актуальных задач психологии. Особенно значимой является проблема наличия «ловушки» свободного выбора. Зачастую возникает противоречие между требованиями общества и возможностями молодых людей. Соответственно возникает необходимость формирования у них ряда качеств самоактуализирующейся личности, а также открытия возможности воздействовать на актуальную психологическую ситуацию, благодаря взаимосвязи временных компонентов.

Анализ состояния изученности проблемы образа будущего [1; 2; 3; 7; 9] показал, что существует многообразие авторских научно-теоретических и экспериментально-практических работ, выполненных в рамках рассматриваемой темы.

Научно обосновать для жизни в настоящем значение представлений о будущем одним из первых попытался И. Кант. Определяя эту особенность как предвидение, он писал: «В этой способности мы заинтересованы больше, чем в какой бы то ни было другой, ибо она условие всякой возможной деятельности и цели, осуществлению которой человек отдает свои силы» [6, с. 37].

В своей работе Б. Ф. Ломов и Е. Н. Сурков, исследуя проблему образа будущего как феномен опережающего отражения, акцентируют внимание на исследовании механизма «антиципации». Б. Ф. Ломов предлагает рассматривать антиципацию как «психический процесс, обеспечивающий возможность принимать те или иные решения с определенным временно-пространственным упреждением событий» [8, с. 24]. Отмечая важность антиципации во всех сторонах деятельности человека, Б. Ф. Ломов и Е. Н. Сурков делали акцент на том, уже к началу любой деятельности у человека сформирована мысленная модель тех или иных предполагаемых результатов. Подчеркивали, что для человека наиболее характерным является не только сохранение прошлого, не только отражение настоящего, но и активное овладение перспективой будущего [9].

Ориентации в развитии современной науки привели к распространению взглядов о том, что будущее оказывает огромное влияние на становление человека как сложной психологической системы. Направленность в будущее необходимо рассматривать как показатель открытости системы, способной к самотрансценденции и к самоорганизации.

Всестороннее и непрерывное развитие творческого и духовного потенциала человека, максимальную реализацию всех его возможностей, адекватное восприятие окружающих, мира и своего места в нем, богатство эмоциональной сферы и духовной жизни, высокий уровень психического здоровья и нравственности в ключает в себя

понятие самоактуализации. В одной из своих работ А. Маслоу определяет самоактуализацию как «...стремление к самоосуществлению, точнее, тенденцию актуализировать то, что содержится в качестве потенций. Эту тенденцию можно назвать стремлением стать все более тем, кем он способен стать» [4, с. 3 – 4]. Исходя из данного положения, мы предполагаем, что самоактуализация должна быть связана с развитием образа будущего.

Несмотря на многочисленные исследования, проводимые в рамках интересующей нас темы, малоизученной остается проблема изучения структурных элементов образа будущего и измерения его параметров в периоды резких, качественных изменений личности. Одним из этих периодов является юношеский возраст.

При изучении образа будущего возникают объективные трудности, связанные с тем, что практически отсутствуют методы изучения данного феномена. Основываясь на положении А. Н. Леонтьева, что образ будущего – это субъективное представление человека о собственной жизни, в котором отражаются ценностные координаты его многомерного мира [7], на начальном этапе эмпирической части исследования с помощью метода свободного описания на заданную тему нами был проведен сбор материала в виде письменных текстов с целью детального изучения образа будущего в юношеском возрасте. Респондентам предлагалось в произвольной форме и неограниченном объеме изложить свои мысли на тему: «Мое будущее» и своими словами описать, как они видят свое будущее, свои планы, цели, ожидания на ближайшее и далекое будущее, какими представляют себя в будущем.

В основе лежит проективный метод, «предполагающий осуществление человеком символического переноса содержания внутреннего мира на внешние предметы... в разнообразных проявлениях активности субъекта (в творчестве, высказываниях относительно реальности, индивидуальных пристрастиях и т. п.) в той или иной мере проецируются скрытые стремления, неосознаваемые проблемы, предпочитаемые подходы к разрешению противоречий» [5, с. 131].

В рамках нашего исследования развитие образа будущего оценивалось по критериям дифференцированности и когнитивной сложности:

1. Дифференцированность – способность субъекта конкретно, подробно, в деталях представлять все, что ему предстоит в будущем;
2. Когнитивная сложность – способность субъекта иметь представление о будущем во всех основных жизненных сферах, отсутствие частичности и фрагментарности в образе будущего.

Изучение дифференцированности и когнитивной сложности образа будущего дало нам возможность проанализировать содержательную наполненность образа будущего и выявить уровень его развития.

По результатам исследования образа будущего было получено распределение испытуемых по группам, представленное на рисунке.

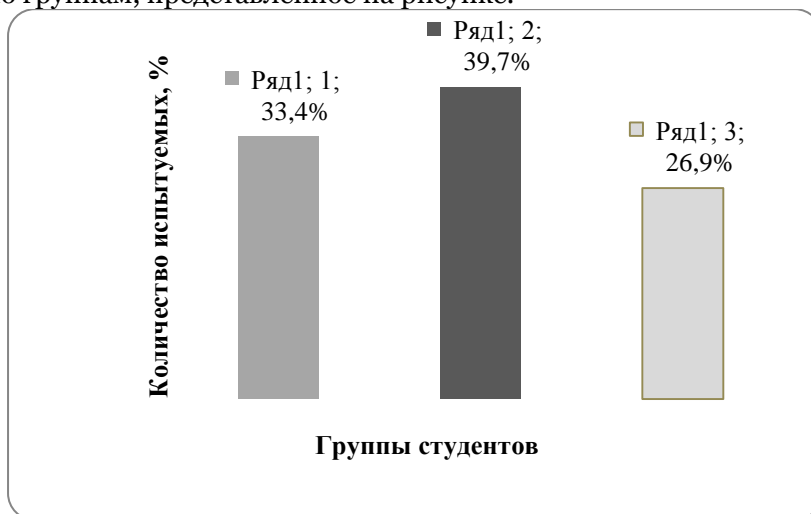

Рис. Распределение испытуемых по группам с разным уровнем развития образа будущего

1-я группа испытуемых представлена студентами, описания образа будущего которых характеризуются низким уровнем развития дифференцированности и когнитивной сложности образа будущего, свидетельствующие об относительной неразвитости образа будущего. В эту группу вошло 33,4 % студентов, участвовавших в исследовании.

2-ю группу составили молодые люди, у которых высокий уровень развития дифференцированности и когнитивной сложности образа будущего, свидетельствующие об относительной развитости образа будущего. В эту группу вошло 39,7 % студентов, участвовавших в исследовании.

К 3-ей группе испытуемых были отнесены все остальные студенты, у которых высокий уровень развития дифференцированности и низкий когнитивной сложности образа будущего, а также низкий уровень развития дифференцированности и высокий когнитивной сложности образа будущего, характерные для развивающегося образа будущего. В эту группу вошло 26,9 % молодых людей, участвовавших в исследовании.

На следующем этапе исследования мы осуществили изучение такой личностной особенности как самоактуализация, которая определялась с помощью самоактуализационного теста (Л. Я. Гозман, М. В. Кроз, М. В. Латинская).

Далее мы провели сравнительный анализ полученных результатов 1-й и 2-й групп, выделенных нами после изучения особенностей образа будущего, представители которых характеризуются крайними состояниями его развития.

Обратимся к анализу самоактуализации личности в каждой группе студентов: с неразвитым (1-я группа) и развитым (2-я группа) образом будущего.

Нами установлено, что в группе с развитым образом будущего студентов имеют высокие и средние показатели самоактуализации, а значения не соответствующие норме отсутствуют, в то время как в группе с неразвитым образом будущего нами были выявлены показатели ниже нормы.

Таблица

Показатели выраженности самоактуализации в группах студентов с разным уровнем развития образа будущего

№	Шкалы	Группы		t критерий Стьюдента	Уровень значимости
		1-я группа (n=112)	2-я группа (n=133)		
1.	Ориентации во времени	43,81	47,8	-2,038671	p<0,05*
2.	Поддержки	54,09	54,04	0,0696279	p>0,05
3.	Ценностных ориентаций	59,2	63,76	-2,513316	p<0,05*
4.	Гибкости поведения	60,45	55,11	3,1983365	p<0,01**
5.	Сензитивности	53,71	50,9	1,4621202	p>0,05
6.	Спонтанности	49,23	52,04	-1,506297	p>0,05
7.	Самоуважения	62,62	65,01	-0,953734	p>0,05
8.	Самопринятия	53,02	48,48	2,1993716	p<0,05*
9.	Синергии	22,06	59,94	-23,64541	p<0,01**
10.	Представлений о природе человека	50,09	60,6	-4,676614	p<0,01**
11.	Контактности	54,78	47,93	3,5710064	p<0,01**
12.	Принятия агрессии	46,43	49,91	-1,63143	p>0,05
13.	Познавательных потребностей	45,21	44,91	0,1680232	p>0,05
14.	Креативности	51,28	52,31	-0,528435	p>0,05

Сравнительный анализ полученных эмпирических данных представленных в таблице показывает, что статистически значимые различия были обнаружены по шкале «Ориентация во времени» ($t=-2,039$; $p<0,05$). Это указывает на то, что представители 2-й группы способны, во-первых, жить «настоящим», т.е. переживать настоящий момент своей жизни во всей его полноте, а не просто как фатальное последствие прошлого или подготовку к будущей «настоящей жизни», во-вторых, ощущать неразрывность прошлого, настоящего и будущего, т.е. видеть свою жизнь целостной. Студенты, принадлежащие к 1-й группе больше ориентированы лишь на один из отрезков временной шкалы (прошлое, настоящее или будущее), для них характерно дискретное восприятие своего жизненного пути.

Были выявлены достоверные различия по шкале «Ценностных ориентации» ($t=-2,513$; $p<0,05$). Это свидетельствует о том, что для юношей и девушек с развитым образом будущего в большей мере свойственно разделять ценности, характерные для самоактуализирующейся личности, чем для молодых людей с неразвитым образом будущего.

Значимые различия по шкале «Гибкости поведения» ($t=3,198$; $p<0,01$) у студентов с различным уровнем развития образа будущего показывают, что более высокая степень гибкости поведения в реализации своих ценностей в поведении, взаимодействии с окружающими людьми, а также способность быстро и адекватно реагировать на изменяющиеся аспекты ситуации, характерна для представителей 1-й группы.

Полученные достоверные различия по шкале «Самопринятия» ($t=2,199$; $p<0,05$) позволяют нам говорить о том, что студенты с неразвитым образом будущего в большей мере принимают себя вне зависимости от оценки своих достоинств и недостатков.

Были установлены статистически значимые различия по шкале «Синергии» ($t=-23,645$; $p<0,01$). Это характеризует представителей 2-й группы как более способных к целостному восприятию мира и людей, к пониманию связанности противоположностей, таких как игра и работа, телесное и духовное, по сравнению со студентами 1-й группы.

При сравнении усредненных данных шкалы «Представлений о природе человека» ($t=-4,677$; $p<0,01$), между 1-й и 2-й группой можно наблюдать достоверные различия. Это удостоверяет нас в том, что молодые люди с развитым образом будущего в большей степени склонны воспринимать природу человека в целом как положительную («люди в массе своей добры») и не считать дихотомии мужественности-женственности, рациональности-эмоциональности и т.д. антагонистическими и непреодолимыми, чем юноши и девушки с неразвитым образом будущего.

Мы обнаружили значимые различия по шкале «Контактности» ($t=3,571$; $p<0,01$), что демонстрирует большую способность к быстрому установлению глубоких и тесных эмоционально-насыщенных контактов с людьми, т.е. к субъект-субъектному общению у представителей 1-й группы.

Таким образом, анализ полученных данных позволил нам выделить три группы студентов: с неразвитым, развитым и развивающимся образом будущего. Сравнительный анализ результатов самоактуализационного теста представителей 1-й и 2-й групп позволяет сделать вывод, что в большей мере свойственно разделять ценности, характерные для самоактуализирующейся личности молодым людям с развитым образом будущего. Они склонны воспринимать природу человека в целом как положительную, а также жить «настоящим», т.е. переживать настоящий момент своей жизни во всей его полноте, а не просто как фатальное последствие прошлого или подготовку к будущей «настоящей жизни», видеть свою жизнь целостной. Представители 1-й группы больше ориентированы лишь на один из отрезков временной шкалы. Для них характерно дискретное восприятие своего жизненного пути, но они обладают более высокой степенью гибкости поведения в реализации своих ценностей в поведении, взаимодействии с окружающими людьми, а также способностью быстро и адекватно реагировать на изменяющиеся аспекты ситуации. Студенты с неразвитым образом будущего принимают себя вне зависимости от оценки своих достоинств и недостатков, хотя и демонстрируют большую способность к быстрому установлению глубоких и тесных эмоционально-насыщенных контактов с людьми.

Список литературы

1. Абульханова К. А. Время личности и время жизни / К. А. Абульханова, Т. Н. Березина. – СПб.: Алетейя, 2001. – 304 с.
2. Байтингер О. Е. Переживание будущего как проблемы в ранней юности / О. Е. Байтингер // Наш проблемный подросток / Науч. ред. Л. А. Ругуш. – СПб.: Союз, 1999. – С. 42 – 49.
3. Башкова С. А. Особенности образа будущего у старшеклассников больших и малых городов: дис... канд. психол. наук / С. А. Башкова. – М., 1999. – 140 с.
4. Гозман Л. Я. Самоактуализационный тест / Л. Я. Гозман, М. В. Кроз, М. В. Латинская. – М.: Российское педагогическое агентство, 1995. – 47 с.
5. Горбатов Д. С. Практикум по психологическому исследованию / Д. С. Горбатов. – Самара: ИД «БАХРАХ-М», 2003. – 272 с.
6. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант. – СПб.: Наука, 1999. – 471 с.
7. Леонтьев А. Н. Психология образа / А. Н. Леонтьев // Вестник МГУ. Серия 14. – Психология. 1979. – № 2. – С. 3 – 13.

8. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов. – М.: Наука, 1984. – 224 с.

9. Ломов Б. Ф. Антиципация в структуре деятельности / Б. Ф. Ломов, Е. Н. Сурков. – М.: Наука, 1980. – 278 с.

PARTICULARITIES OF SELF-ACTUALIZATION OF PERSONALITIES WITH CULTIVATED AND UNCULTIVATED VISION OF THE FUTURE

M. A. Kanishcheva

*Belgorod National
Research University*

e-mail:

Mbaranova@bsu.edu.ru

The article includes certain scientific-psychological approaches to the problem of vision of the future research and sets out the results of studying particularities of self-actualization of personalities with cultivated and uncultivated vision of the future. The analysis proves the group of students with cultivated vision of the future has high and mean levels of self-actualization and at the same time the indicators are complied with standards, while the defined indicators in students' group with uncultivated vision of the future are below normal. Sharing values residing in a self-actualizing personality is more typical for teenagers with cultivated vision of the future than for the same with uncultivated vision of the future.

Keywords: vision of the future, planning, self-actualization, adolescent age.

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В РАННЕМ ПЕРИОДЕ ТВОРЧЕСТВА Л. С. ВЫГОТСКОГО

В. А. Карнаухов
В. В. Карнаухова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail:
karnauhov_va@rbcmail.ru
karnauchova@bsu.edu.ru

Излагается опыт понимания содержания некоторых ранних работ научного творчества Л. С. Выготского, в которых мыслитель формулирует философско-антропологические идеи, обосновывающие новый идеал человека. Нетрадиционные – «неклассические» – представления о природе, сущности и предназначении человека позволили ему построить радикально новое направление в гуманитарном знании XX в. – культурно-историческую психологию.

Ключевые слова: Л. С. Выготский, философско-антропологические основы культурно-исторической психологии.

Введение

Построение любой психологической системы, как известно, напрямую или контекстуально начинается с более или менее обобщенных представлений о человеке. Иначе и быть не может, потому что психология, по определению, – наука о человеке, а по мысли Л. С. Выготского, – «последняя наука о человеке» [1, с. 436]. И поскольку в основе любого стремящегося к систематизации психологического знания лежат философско-антропологические идеи, то, по большому счету, можно сказать: какова обобщенная модель человека заложена в основу рациональных представлений об одной из важнейших «составляющих» его – психике (сознании, мышлении), такова и система психологии.

По общему представлению, неопределимый вклад Л. С. Выготского в современное гуманитарное знание заключается в том, что он является основателем радикально нового направления – *культурно-исторической психологии*. Суть неординарности – «неклассичности» – этого вектора в психологической науке и практике наиболее четко сформулирована Д. Б. Элькониным: «Первичные формы аффективно-смысловых образований человеческого сознания существуют объективно вне каждого отдельного человека, существуют в человеческом обществе в виде произведений искусств или в других каких-либо материальных творениях людей, т. е. эти формы существуют раньше, чем индивидуальные или субъективные аффективно-смысловые образования.

Признание их объективного существования вне индивидуального сознания является <...> чрезвычайным шагом в психологии. Оказывается, они изначально существуют не во мне, не внутри меня, живя по своим законам, как это предполагали все субъективные идеалисты, а существуют по своим особым законам в объективной действительности, в обществе, в его жизни, в его творчестве. И всякий отдельный индивид, который входит в эту общественную жизнь, их там находит и присваивает» [14, с. 477 – 478].

Для традиционной, *эмпирической*, психологии, – продолжает свою мысль Д. Б. Эльконин, – «все психические процессы уже заданы и социальные отношения выступают лишь как *факторы* психического развития. Для Выготского психические функции даны в форме социальных отношений, которые выступают *источником* возникновения и развития самих этих функций у человека» (*выделено нами – В. К.*) [14, с. 473].

Безусловно, факт выделения Д. Б. Элькониным главной идеи культурно-исторической психологии, является чрезвычайно важным для понимания ее сути. Однако при этом, как мы полагаем, продолжает оставаться загадкой то, из каких *интеллигентных предпосылок* родилась гениальная мысль Л. С. Выготского, что предшествовало и привело исследователя к этой революционной идее, перевернувшей не только психологию, но все гуманитарное сознание XX в.

Можно предположить, что, закладывая основы новой психологии, он исходил из нестандартных для гуманитарной науки того времени предельных – **философско-антропологических** – представлений о человеке и его природе. И хотя в текстах выда-

ющегося психолога отсутствуют однозначно сформулированные мысли и прямые ссылки на источники, мы, видимо, не ошибемся, утверждая, что, в создаваемом Л. С. Выготским новым понимании психики и сознания, наряду с онтологическими и эпистемологическими аспектами разрабатываемой им методологии, имплицитно присутствуют и антропологические идеи. Можно утверждать, что сама логика, содержание и направленность *критики* Л. С. Выготским «старой» – *эмпирической* – психологии, психологии «частичного» человека (критики, с которой начиналось построение принципиально иного ориентира в психологии [1]) подсказывает внимательному читателю его трудов, что критический анализ был бы невозможен без радикально новой постановки центрального антропологического вопроса – вопроса о природе и сущности человека, и его развития. И, соответственно, и критика состоявшихся к тому времени направлений в науке о психике и поведении, и задача построения в известной степени «перпендикулярного» вектора в психологии, отличающегося от всех известных попыток, были бы неосуществимы без обоснования *нового идеала Человека*.

В контексте сказанного представляются важными поиски ответов на вопросы: когда и при каких обстоятельствах зарождаются у Л. С. Выготского философско-антропологические идеи, и какое содержание в них заложено?

Шекспировские пролегомены: апология бытия «целостного» человека

В истории выготскианства известно, что своеобразной «прелюдией», первой пробой пера, точкой, в которой напрягается и начинает бить «артерия» мысли Выготского, является «Этюд о Гамлете» [5]. С полной уверенностью можно говорить, что здесь впервые в своем научном творчестве Л. С. Выготский задает философско-антропологический «абрис» исходных представлений о Человеке, которые все последующие годы будут вести мыслителя к воплощению его замысла.

Одна из первых и наиболее важных концентраций мысли Л. С. Выготского для построения будущей культурно-исторической концепции осуществлена в связи с пониманием и интерпретацией центральной фигуры шекспировской трагедии – Гамлета.

В историко-биографической литературе оценки первой пробы пера юного критика неоднозначны. Чаще говорят о Выготском как о мистике, приписывают ему иррациональность и религиозность, склонность к интуитивизму, вспоминают его юношескую увлеченность работами А. Бергсона, У. Джемса. Вот, что пишет в связи с этим М. Г. Ярошевский: «Предчувствие великих потрясений преломилось у многих русских интеллектуалов в представления, отражавшие растерянность перед роковым ходом событий, выведивших на исторический простор новые социальные силы. Углубляются мистико-религиозные настроения. Чувство отъединенности личности от общества как враждебной ей силы, абсурдности и безысходности человеческого существования становится главным мотивом творчества ряда русских писателей, литературных критиков, мыслителей, в том числе и Л. С. Выготского, о чем свидетельствует его написанный в студенчестве (в дальнейшем радикально переработанный) трактат о Шекспировском "Гамлете"» [15].

Но так ли это? Можно ли его обвинить в мистицизме и религиозности? Если – «да», то на каком основании? Может быть его «заразил» мистичностью и религиозностью сам У. Шекспир? Но оценки современных шекспироведов указывают на абсолютную «автохтонность» позиции и интерпретации Выготским «Гамлета» [9], а не на его сопринадлежность к религиозно-мистическому направлению в критике шекспировских произведений.

По мнению современных шекспироведов, оригинальность позиции Выготского заключается в том, что он впервые в истории шекспироведения и литературно-театральной критики «Гамлета» предлагает иначе, чем это было до него, решить «проблему характера» главного героя. (Напомним, что своеобразной эстетической «мишенью» для критиков в трагедии гениального драматурга и поэта конца XVI – начала XVII в. в. У. Шекспира оказался именно *характер* Гамлета: драматурга обвиняли в том, что его герой получился «бесхарактерным» («бледным», «невыразительным») и этот «существенный» авторский «просчет» значительно снизил художественную ценность пьесы в целом.) Несколькоми годами позже, в «Психологии искусства», Л. С. Выготский четко и однозначно сформулирует свою позицию, но в «Этуде» он подвергает скрупулезному анализу саму «материю» трагедии, размышляет по поводу характера героя, пытается выявить скрытый художе-

ственный замысел автора. У самого Шекспира все, что связано с Гамлетом и его характером действительно «тяжеловесно», мистично и запутанно – к тому обязывала «конструкция» трагедии и законы жанра. Л. С. Выготский, как мы считаем, наоборот, предпринимает попытку снять завесу таинственности с образа главного героя, сделать материал драматургического произведения прозрачным и понятным: «бесхарактерность» Гамлета, по Выготскому, это – его «бесстрастность», не подверженность повседневному человеческим, потребностям заданным устремлениям – страстям. Обычное житейское суждение в эпоху Шекспира: «Убили отца, запятнали честь семьи – следует немедленно отомстить и сурово наказать виновника!» И если человек следует древней заповеди, которую усвоил с раннего детства и уверовал в нее как в закон жизни, не подвергая критическому осмыслению, тогда ни у кого не возникает подозрений: «Он – такой, как все мы, у него есть характер, он – настоящий мужчина!». У Шекспира – все было наоборот, все – нетипично. И критики возопили: «Это парадоксально! Это не соответствует канонам театральной эстетики! Здесь великий Шекспир явно просчитался!» – кричали наперебой театроведы как в эпоху Шекспира, так, впрочем, и современники Выготского. Юный критик, в отличие от других, «бесхарактерность» Гамлета не посчитал ошибкой драматурга. Его заключение следующее: так было задумано автором, это – художественный прием, преследующий цель оказать *воздействие* на зрителя (читателя) и, таким образом, художественными средствами сценического искусства «вывести» его вместе с главным героем трагедии в иную плоскость понимания возможностей организации поведения человека в подобной – аффективной – ситуации. (Психологическую семантику феномена «бесхарактерности», понимаемого как «бесстрастность», помогает понять пример, но уже не из художественного произведения, а из наблюдений за проявлениями обыденной жизни русских сельских жителей середины XX в., который, обсуждая проблемы характера, приводит Ю. Б. Гиппенрейтер [6, с. 290].)

Шекспировский Гамлет в варианте критики Выготского впервые интерпретируется как герой-философ, который своим бездействием, странностью, «бесхарактерностью» являет другой, «нездешний», «потусторонний» мир – мир не бесконечных, конкретных (эмпирических), рационально понимаемых сцеплений повседневной жизни, а мир универсальных (иррационально, интуитивно угадываемых) сущностей, образующих «территорию» общих законов мироздания. Один мир – «слова, слова, слова...» (ср. библейское – «суета сует»), другой – «молчание».

Безусловно, если не вникать в суть позиции самого Льва Семеновича, то ее поверхностное восприятие способствует возникновению иллюзии ирреальности и некоторой «религиозности» в интерпретации трагедии. Эффект «сюрреалистичности» создается, надо полагать, из-за отсутствия в словаре юного критика необходимых рационалистических средств, необходимых в этом случае философско-антропологических терминов, и, вследствие этого, доминирования метафор. Это легко понять, поскольку, согласимся с замечанием М. Г. Ярошевского, «в годы, когда Выготский был поглощен «Гамлетом», слово имело в его эстетическом самосознании единственный смысл. Слово воспринималось как *лишенный рациональной структуры символ, исполненный намеков на невыразимое*. Именно такими слышались Выготскому слова «обитателя двух миров» – «здешнего и нездешнего» – Гамлета» [15, с. 298]. Интересен в этом плане и проливает некоторый свет комментарий Вс. Вяч. Иванова в адрес статьи Вяч. Иванова «Шекспир и Сервантес» (1916): который «сравнивает время – эпоху Шекспира и Сервантеса – с предутренним часом: «И оба увидели, каждый по-своему, как по ложбинам и горным ущельям скользили и стлались, убегая от солнца, последние тени спугнутой ночи в саванах мглы... *Иррациональное в жизни запечатлели они в утро рационализма*, тайну подметили при дневном озарении, разрывающем все покровы таинственного, и от этого глубокого отзвучия сокровенных сущностей стали их создания [*Шекспира и Сервантеса* – В. К.] глубоки, как сама жизнь». Удивительные слова о трагедии вообще неизбежно приводят Вячеслава Иванова к признанию «слов загадочного принца» («порвалась дней связующая ночь») «центрального в его творчестве» (Л. Шестов) и даже «многознаменательным и даже всеобъемлющим свидетельством Шекспира о себе самом». «Шекспир в круге своего творчества решает *мировую проблему* и провозглашает свой религиозный постулат чисто трагически – выходом в безумие и признанием *иррационального или сверхразумного начала в видимом мироустройстве*, никогда не объяснимом до конца, ибо «много в нем такого», как напоминает

Гамлет другу Горацио, «о чем не снилось нашим мудрецам». В изображениях безумствования Шекспир сообщает нам свои глубочайшие постижения...» [5, с. 141].

Подчеркнем то, что если Шекспир и Сервантес, по мнению Вяч. Иванова, увидели «сокровенные сущности» человеческого бытия, убегающими в ярком утреннем свете рождающейся эпохи рационализма (и, соответственно, определенным образом трактуемых и понимаемых феноменов сознания и познания), то Л. С. Выготский, улавливает едва различимые проблески «сущности» Человека в полутьме заката, в «саванах мглы» уходящей эпохи – эпохи *классической рациональности*.

Итак, мы имеем основания для вывода: Гамлет для Выготского – герой-философ, который являет своей персоной *полноту человеческой жизни*: одновременно он – человек, влекомый эмпирически обусловленной необходимостью – мщением за поруганную семейную честь, и в то же время он – человек, не делающий этого. Гамлет – герой, *преодолевающий* страсть, поставивший себя выше обыденной суеты: месть не застила ему глаза, и поэтому он – «бесхарактерный». «Там» он – «обычный» человек (мы бы сказали, соответствующий «усредненной норме»), «здесь» он – человек «не такой, как все», с «помешанным рассудком» (так его склонны воспринимать окружающие), человек «с избытком», выбивающийся из «общего строя». Трагедия Гамлета в том, как он ценой собственной жизни решает предельный по напряженности и сложности – «человеческий» – вопрос: «Быть или не быть?» – «Родиться Человеком или не родиться?» (Попутно позволим заметить, что в контексте обсуждаемых особенностей «феномена Гамлета» становится понятной значимость для самого Л. С. Выготского, как отмечают биографы [11], такой исторической личности как Мартин Лютер (1483 – 1546) с его знаменитым: «Hier stehe ich!..» (немец.) – «На том стою!..», а так же настойчиво просятся аналогии с сократовско-платоновским: «Познай в себе человека!»)

Чрезвычайно важные размышления о Гамлете, помогающие нам понять позицию Л. С. Выготского, находим у М. К. Мамардашвили: «...Обратите внимание, что делает Гамлет. <...> Он якобы колеблется; вместо того, чтобы действовать – рассуждает. Бледная нерешительность. <...> В действительности это вполне *грамотная метафизическая трагедия*. <...> Он желает поступить как человек. Он себя собирает. Во имя чего? Чтобы преодолеть сцепление причин и следствий. А каково сцепление причин и следствий? У тебя убили отца, убей кого-нибудь из семьи убийцы. Потом будет убивать кто-то из этой семьи и т.д. Вот эта цепь, которая и есть человеческая история, *сцепление натуральных вещей*. Кровь за кровь – и сцепилось: и пошло, и пошло. Не хочешь так поступать. А Гамлет хочет поступать свободно и, если убивать, то по смыслу, чтобы убийство вытекало из собранного Гамлета. Собравшего свое бытие. И он как бы «подвешивает» себя – на чем? Он приостановил *натуральную цепь*: нет, так не пойдет. Ибо не известно, во что это выльется и что породит. И что он делает, чтобы помочь себе собраться? Среди прочего – и я к этому вел – спектакль ставит – внутри спектакля. То есть искусством занимается. Театр для театра. Театр ему нужен, чтобы выявить смысл, который так вот просто, тыкая пальцем, выявить нельзя. Нужно построить машину переживания, и тогда она катарсисно (как разъясняет трагедия) выявит *завершенный смысл*» [10].

Но что здесь для нас главное? А главное то, что Л. С. Выготский, очарованный «философией» Гамлета У. Шекспира (не исключено и героев М. де Сервантеса), пытается сформулировать для себя еще трудно артикулируемые в дефинициях философско-антропологические вопросы: *кто есть Человек и какова его сущность, каковы его природа и место в мире, каким образом он осуществляет предначертанное ему высшее назначение?* Другими словами, в «Этюде» он – в самом начале построения антропологической основы своей будущей психологической теории. Л. С. Выготский сосредотачивается на построении интеллигибельной формы, открывающей ту картину мира («действительность»), которая немислима без человека «в полном объеме», что и составит, как мы полагаем, первооснову его будущего прорыва в психологии. Л. С. Выготский закладывает *философско-психологические основы* своей будущей теории, включающей в себя, прежде всего, *антропологические* составляющие. Примечательно то, что отчетливое понимание необходимости такого рода психологического знания (не тождественного современному толкованию содержания понятий «теоретическая психология» и «методология психологии») для продуктивного развития всей науки в целом приходит только в наше время. «Ее [философ-

ской психологии – В. К.] существенной частью является, – подчеркивают В. П. Зинченко, А. И. Назаров, – *в отличие от классической экспериментальной психологии, продолжение дискурса о целостном человеке, не синтезированном из экспериментальных данных, о душе и духе, о взаимоотношениях души и тела, об одушевлении тела и овнешнении души* [7].

Мы нашли, как нам кажется, пульсирующую «артерию» мысли Л. С. Выготского. Теперь предстоит разобраться, какая в ней бьется «энергия».

От апологии к полаганию. Апология бытия «целостного человека» имплицитно предполагает понимание того, что у человека в его взаимоотношениях с миром одни жизненные акты совершаются *спонтанно*, а другие требуют *усилия рождения*. Мы склонны предполагать, что у Л. С. Выготского в сцеплении его рассуждений по поводу «характера» шекспировского Гамлета зарождается ступок – уже совсем не похожих на бергсоновские – интуиций, которые позже оформятся в блестящую идею о естественной, спонтанной психике и преднамеренных – культурных по происхождению, свободных по сути – психических актах, посредством которых человек осуществляет свою жизнедеятельность. По словам Д. Б. Эльконина, «разрабатывая проблемы психологии искусства, Л. С. Выготский одновременно создавал *общую схему исследований в объективной психологии*, связывал ее суть и ее смысл» [14, с. 478].

Однако идем дальше – «Земля Выготского» постепенно выдвигается из туманной дали. Толстые тетради шекспировских пролегоменов пытливого юноши не остались пылиться в папках. Лев Семенович не останавливается на констатации *идеи двойственной природы психики человека*: эта мысль требует дальнейшего обоснования и развития. Этому он и посвящает годы гомельского периода своей жизни.

В соответствии с фактами биографии мыслителя, этот период, с одной стороны, – время педагогической деятельности и штудирования психологической литературы: зарубежных и отечественных авторов. В итоге рождается несколько статей, посвященных актуальным психологическим проблемам, и объемная рукопись «Краткого курса педагогической психологии». По его убеждению, «...у человека в отличие от животных есть история, и этот исторический опыт, т. е. не физическая, а социальная наследственность, отличает его от животного». «Животное приспособляется пассивно, на изменения среды оно реагирует изменениями своих органов и строения своего тела. Оно изменяет себя, чтобы приспособиться к условиям существования. Человек же активно приспособляет природу к себе. Вместо изменения органов он изменяет тела природы так, что они служат ему орудиями» [3, с. 40 – 43].

В то же время гомельский период творчества Л. С. Выготского характеризуется как время активной деятельности в качестве литературного и театрального критика, которой сопутствовал глубокий анализ ставших классическими и новейших для того времени исследований по языкознанию, по теории литературы и искусства, эстетике. О серьезности такой работы можно судить по многочисленным ссылкам, предметному и именному указателям в «Психологии искусства». В итоге появились многочисленные критические статьи на литературные произведения и театральные постановки и диссертация на тему «Психология искусства».

Дальнейшее проникновение Л. С. Выготского в содержательную область «антропологических матриц» человеческого бытия мы находим в «Психологии искусства» [4]. Здесь он идет дальше и предпринимает попытку ответить на вопрос: *каким образом человек как социальное и культурное существо преодолевает в себе биологическую природу?*

Мы уверены в том, что на этом этапе на развитие мысли Л. С. Выготского, да и, пожалуй, на становление культурно-исторической парадигмы в целом наибольшее влияние оказал *русский формализм* – явление уникальное, имеющее мировое значение и по достоинству оцененное не только отечественными [13], но и зарубежными исследователями (Оге А. Ханзен – Лёве, 2001). Официальное название русской «формальной школы» – ОПОЯЗ – общество изучения поэтического языка или общество изучения теории поэтического языка – научное объединение, созданное группой теоретиков и историков литературы, лингвистов, стиховедов – представителей так называемой «формальной школы» и существовавшее в 1916-1925 годах. Сама «формальная школа» просуществовала до начала

1930-х годов и оказала значительное влияние на теоретическое литературоведение и семиотику. В различное время в работе ОПОЯЗа принимали участие: историки литературы (В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум, Ю. Н. Тынянов), лингвисты (Р. О. Якобсон, Е. Д. Поливанов, Л. П. Якубинский), стиховеды (С. И. Бернштейн, О. М. Брик), с ОПОЯЗом был связан В. В. Маяковский.

В чем заключалась сила влияния формализма в литературе и искусстве на развитие психологической науки?

Вот что пишет об исторической и научной значимости русской «формальной школы» современная исследовательница проблем истории и теории литературы и искусства И. Ю. Светликова: «Взбунтовавшись против господствующего убеждения об образном характере творческого мышления, формалисты задели самый нерв не только учения Потебни, но *целой интеллектуальной парадигмы*, в рамках которой стало возможным появление как потебнианской теории, так и других теоретических построений XIX в. *Психология*, на которую они опирались, *рассматривала чувственные образы как основной, а фактически и единственный материал в работе мышления*. Сомнение в том, что образ действительно играет доминирующую роль в поэтическом творчестве, означало радикальнейший разрыв с *предшествующей интеллектуальной традицией*, сформировавшейся под влиянием идеалов классической рациональности, поскольку в конечном счете *речь шла о преодолении не столько литературоведческих или эстетических стереотипов, сколько психологических и, следовательно, значимых для всех гуманитарных наук*. Формалисты могли и не осознавать этого вполне отчетливо, однако их концепции оказывались в русле описываемой тенденции» [13, с. 53-54].

Таким образом, формалисты одни из первых в России объявили войну господствовавшей во второй половине XIX – начале XX в.в. позиции субъективизма по отношению к явлениям сознания. И хотя по свидетельствам биографов, Л. С. Выготский лично не участвовал в деятельности русской «формальной школы», с формальным движением в литературоведении его связывали достаточно тесные узы: с одной стороны, по линии литературно-критической деятельности он просто не мог не знать труды ее представителей, с другой – он отлично был информирован о достижениях формалистов опосредованно, через горячо любимого двоюродного брата Д. И. Выгодского, в круг общения которого входили такие известные представители формального движения в искусстве как В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум, Ю. Н. Тынянов.

Некоторые положения формальной школы Л.С. Выготский подвергал критике, но в целом он положительно оценивал формальное течение в теории искусства и считал его позитивной реакцией против интеллектуализма, т. е. против признания за художественным творчеством познавательной функции как основной, а также против доминирования в психологии искусства и эстетике теории образности, разрабатываемых в русской лингвистической школе А. А. Потебни.

В «Психологии искусства» Л. С. Выготский, апеллируя к традициям античной поэтики, основанной Аристотелем, утверждает, что *искусство в истории человеческого общества* изначально, с момента своего возникновения выполняло не познавательную, а иную функцию, в первую очередь, – *психологическую*, т.е., функцию воздействия на человека с целью изменения (организации, построения) его поведения. Следовательно, с его точки зрения, предметом научного анализа в психологии искусства должно быть не слово и не образ, сами по себе, а то, что, собирая их вместе в единую целостность, приводит к эстетическому эффекту (к «эстетической реакции») – оказывает воздействие на человека, воспринимающего художественное произведение.

Так, что же, если не «могучее слово» и не «впечатляющий образ» создает эстетический эффект воздействия и должно изучаться психологией искусства?

Здесь Л. С. Выготский делает неожиданный и очень важный для обоснования своей будущей теории поворот мысли: такой *воздействующей силой* обладает **художественная форма** – то, над чем так усердно работали представители формальной школы. (Например: В. Б. Шкловский «Искусство как прием» (1917); Б. М. Эйхенбаум «Как сделана «Шинель» Гоголя» (1919), «Мелодика русского лирического стиха» (1922), «Теория „формального метода“» (1926); В. М. Жирмунский «К вопросу о формальном методе» (1923) и др.) Утверждая свою позицию в заочной полемике с выдающимся русским лингвистом

А. А. Потебней, он обрушивает «громы и молнии» критики на интеллектуализм в психологии искусства: «В интеллектуализме <...> как нельзя ярче сказалось совершенное непонимание психологии формы художественного произведения. Ни Потебня, ни его ученики ни разу не показали, чем объясняется совершенно особое и специфическое действие художественной формы» [4, с. 18]. Тот, кто не понимает, что такое художественная форма, художественный прием, «тот равным образом не понимает, для чего слова в стихе располагаются не в том порядке, как в обычной речи, и какой совершенно новый эффект дает это искусственное расположение материала» [4, с. 27]. И поскольку «...искусство начинается там, где начинается форма» [4, с. 19], первая аксиома психологии художественной формы заключается, по утверждению Л. С. Выготского, в том, «что только в данной своей форме художественное произведение оказывает свое психологическое воздействие. <...> Интеллектуальные процессы оказываются только частичными и составными, служебными и вспомогательными в том сцеплении мыслей и слов, которое и есть художественная форма. Самое же это сцепление, то есть самая форма, как говорит Толстой [Л. Н. Толстой – В. К.], составлена не мыслью, а чем-то другим» [4, с. 19].

Таким образом, у Л. С. Выготского художественная форма это – «искусственное расположение материала», то есть, искусственная конструкция, построенная из «эстетического материала» (в данном случае – из слов и образов) для достижения заранее спланированного (специально задуманного) результата – достижения эффекта воздействия на человека, воспринимающего художественное произведение, с целью оказания влияния на его поведение. (Не исключено, что этот мотив был одной из точек сопряжения мысли состоявших в дружеских отношениях Л. С. Выготского и С. М. Эйзенштейна – выдающегося кинорежиссера и теоретика киноискусства.) Вследствие такого влияния «вместе с трагическим героем мы начинаем ощущать себя в трагедии машиной чувств, которая направляется самой трагедией, которая приобретает над нами поэтому совершенно особенную и исключительную власть» [4, с. 95]. Форма в искусстве является необходимым условием приведения зрителя (слушателя, читателя) в то состояние, в котором человеку что-то открывается в переживании (точнее, – в сопереживании вместе с героями трагедии, басни, новеллы, лирического стихотворения, анекдота, наконец, и т. п.), что невозможно в повседневной жизни и вне этой специально созданной формы остается закрытым, недоступным. (Несколько позже «искусственные конструкции» у Л. С. Выготского получают название психологических орудий («инструментов») – психологических «ловушек для природы» – и их ряд значительно расширится: «машина, анекдот, лирика, мнемоника, воинская команда, церковь» [1, с. 406].) И исторически, т.е. по своему происхождению, и функционально эта форма не является результатом мысли, а обязана чему-то другому. Но что же это за всемогущее, мистическое «другое»? Какой такой невидимый и таинственный демиург стоит за этим? В дальнейших рассуждениях Л. С. Выготским постепенно открывается завеса загадочности.

Архитектором и, одновременно, строителем такой могущественной искусственной конструкции является не естественная, а «вторая» – социальная, культурная – природа человека: «...искусство есть общественная техника чувства, орудие общества, посредством которого оно вовлекает в круг социальной жизни самые интимные и самые личные стороны нашего существа. Правильнее было бы сказать, что чувство не становится социальным, а, напротив, оно становится личным, когда каждый из нас переживает произведение искусства, становится личным, не переставая при этом оставаться социальным» [4, с. 121]. «Искусство есть социальное в нас, <...> которое объективировано, вынесено вне нас, материализовано и закреплено во внешних предметах искусства, которые сделались орудиями общества» [4, с. 121].

Искусство, по Л. С. Выготскому, решает две наиважнейшие культурно-психологические задачи. С одной стороны, возникая как «сильнейшее орудие в борьбе за существование» человека, оно обозначает границу между биологическим и культурным и открывает возможность катарсически «изживать в искусстве величайшие страсти, которые не нашли себе исхода в нормальной жизни» [4, с. 119]. (Ср.: Ю. М. Лотман, рассматривая проблемы специфики семиозиса культуры, исходит из того, что «своеобразие человека как культурного существа требует противопоставления его миру природы, понимаемой как внекультурное пространство. Граница между этими двумя мирами не только будет

отделять человека от других внекультурных существ, но и будет проходить *внутри человеческой психики и деятельности*. Определенными своими сторонами человек принадлежит культуре, другими же связан с вне-культурным миром» [8, с. 31].)

Искусство воздействует на человека, и он, идентифицируя себя с героями и их поступками, сопереживая им, должен посредством своего условного (воображаемого) участия в разыгрываемом сценическом действии как бы «перескочить» из своей обыденной (эмпирической) жизни в какую-то *иную, более совершенную*. С другой, – антиципируя, искусство организует поведение на будущее, оно есть «установка вперед, требование, которое, может быть, никогда и не будет осуществлено, но которое заставляет нас стремиться *поверх нашей жизни к тому, что лежит за ней*» [4, с. 123].

У Л. С. Выготского мы не находим четко сформулированных гипотез или утверждений о происхождении искусства, но ход его мыслей дает основание утверждать, что *идея психологической функции искусства* как центральной функции этого культурного института обсуждается в историческом контексте. Эта логика, апеллирующая к культурно-исторической природе искусства, спустя некоторое время найдет отклик в работах М. М. Бахтина, Ю. М. Бородая, А. Ф. Лосева, Ю. М. Лотмана, Б. Ф. Поршнева, В. Я. Проппа и др. отечественных исследователей.

Может показаться, что в «Психологии искусства» у Л. С. Выготского возникает еще одна самостоятельная тема, что исследователь удаляется от той антропологической точки, которая была им обозначена как исходная в «Гамлете» и ранних статьях. Однако мы полагаем, что мысль автора культурно-исторической концепции не уходит в сторону, а расширяется, становится более содержательной, обоснованной с точки зрения «новой» антропологии и, соответственно, предметно более определенной. Первоначально интуитивно выделенный комплекс – «слово/мысль/поведение» [2] – в своем значении близкий полубихевиоральным терминам «раздражитель», «реакция», «стимул-средство» содержательно трансформируется в обоснованную с позиций антропологии формообразующую интеллигентную конструкцию, позволяющую приблизиться к пониманию культурно-психологической системы, имеющей свою «архитектуру», «морфологию», функционально отвечающую амплификацией поведения на конкретные социальные (и личностные) задачи.

Заключение

Новаторство Л. С. Выготского заключается в том, что он в процессе поиска философско-антропологических и онтологических основ своей теории преднамеренно нарушает методологическое «табу» классической науки и выходит за пределы монодисциплинарности подходов («естественнонаучного» или «спиритуалистического», или механистически сочетавших и тот и другой подходы, как, например, в психологии В. Вундта), доминировавших в традиционной психологии. Л. С. Выготский вторгается в область отношений до этого серьезно, по существу, не изучавшихся психологией, – в гуманитарную сферу (антропологии, философии, филологии, поэтики, искусства и т.д.). Он ищет ответы на поставленные вопросы не в области изучения природных вещей и отношений между ними (например, в устройстве мозгового субстрата и процессах высшей нервной деятельности, отвечающих на воздействия внешних агентов) и не в области понимания интенциональности иррационального «духа», он намечает перспективу и начинает поиск в сфере «культурной антропологии» – в сфере познания конкретных, реальных («общественных») отношений между людьми, опосредованных *культурными образованиями* (узелок на память, жребий, сон кафра, лирика, басня, новелла, трагедия, письмо, счет, указательный жест, церковь, воинская команда и т. д.), развернутыми в социальном пространстве и исторической перспективе.

Все это убеждает нас в том, что в своих ранних работах Л. С. Выготский начал построение новой антропологической модели Человека, которая, в чем мы уверены, явилась исходной установкой для создания культурно-исторической психологии. Эта установка, прежде всего, направлена на понимание человека целостного, человека «в полном объеме», исходя из представлений о *границах феномена человека*, т.е. о границах возможностей человека. Согласимся с мнением А. А. Пузыря, что Человек для Л. С. Выготского это – всегда человек возможный, становящийся, «это установка на *«вершинное»* в человеке, или, говоря словами Достоевского: на «человека в человеке», т. е. на человека *в перспективе его развития*,

т. е. взгляд на человека, на его психическую и духовную организацию, с точки зрения того, чем вообще *может быть* человек и с точки зрения *путей*, которые существуют для него в плане достижения этого возможного его состояния, путей, которые раскрываются, в частности, *искусством и психологией искусства*» [12, с. 61] (*курсив автора* – В. К.). И второе, может быть более важное для самого Л. С. Выготского (и созвучное революционному пафосу той эпохи, в которой ему пришлось жить и работать), – *идея культурно-антропологической практики в контексте психологии – идея развития высших психических функций и, соответственно, высших форм сознания и поведения.*

Список литературы

1. Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса / Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. – М.: Педагогика, 1982. – 291 – 436 с.
2. Выготский Л. С. Методика рефлексологического и психологического исследования / Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1982. – С. 43 – 62.
3. Выготский Л. С. Педагогическая психология / Лев Выготский, под ред. В. В. Давыдова. – М.: АСТ Астрель Хранитель, 2008. – 671 с.
4. Выготский Л. С. Психология искусства / Предисл. А. Н. Леонтьева; Комментар. Л. С. Выготского, В. В. Иванова; Общ. ред. В. В. Иванова. – М.: Искусство, 1986. – 573 с.
5. Выготский Л. С. Трагедия о Гамлете, принце Датском, У. Шекспира/Психология искусства/Под ред. М. Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1982. – С. 251 – 291.
6. Гиппенрейтер Ю. Б. Введение в общую психологию. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 334 с.
7. Зинченко В. П., Назаров А. И. Форум психологических поколений. Послесловие / Робинсон Д. Н. Интеллектуальная история психологии. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.
8. Лотман Ю. М. Семиосфера. – С.-Петербург: «Искусство – СПб». 2000. – 704 с.
9. Луков Вл. А. Шекспировские штудии: Трагедия «Гамлет»: Материалы научного семинара / Моск. гуманит. ун-т. Ин-т гуманит. исследований. – М., 2005. – 75 с.
10. Мамардашвили М. К. Необходимость себя: Введение в философию. Доклады, статьи, философские заметки. – М.: «Лабиринт», 1996. – с. 7 – 154.
11. Мещеряков Б. Г. Л. С. Выготский и его имя / Гуманитарные и общественные науки: Сб. статей. Вып. 1. Дубна. 2000. – С. 51-60.
12. Пузырей А. А. Культурно-историческая теория Л. С. Выготского и современная психология. – Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 117 с.
13. Светликова И.Ю. Истоки русского формализма: традиция психологизма и формальная школа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 176 с.
14. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. – М.: Педагогика, 1987. – 560 с.
15. Ярошевский М. Г. Послесловие. Л. С. Выготский как исследователь проблем психологии искусства / Выготский Л. С. Психология искусства/Под ред. М. Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1989. – С. 292 – 323.

PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL BACKGROUND OF CULTURAL-HISTORICAL PSYCHOLOGY IN THE EARLY PERIOD OF VYGOTSKY'S WORK

V. A. Karnauhov
V. V. Karnauhova

**Belgorod National
Research University**

e-mail:
karnauhov_va@rbcmail.ru
karnauchova@bsu.edu.ru

The paper discusses the contents of several early works of L. Vygotsky, where the philosopher formulates philosophical-anthropological ideas justifying the new ideal man. They contain unconventional «nonclassical» ideas about the nature, essence and purpose of man which allowed Vygotsky to build a radically new direction in the humanitarian science in the XX-th century known as named the Cultural-Historical psychology.

Keywords: L. Vygotsky, philosophical and anthropological basis of cultural-historical psychology.

УДК 159.923.2

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ СТАНДАРТИЗАЦИИ

В. Б. Никишина
Е. А. Петраш

*Курский
государственный
медицинский
университет*

*e-mail:
vbnikishina@mail.ru
petrash@mail.ru*

Концептуализирована и стандартизирована авторская методика диагностики личностной идентичности. Представлены новые эмпирические результаты, отражающие степень согласованности структурной организации параметров идентичности по психосемантическому основанию. Установлены и проинтерпретированы особенности взаимосвязи психосемантических форм и структурных параметров личностной идентичности (когнитивного, поведенческого, мотивационно-эмоционального). Обозначено соответствие статусов личностной идентичности и психосемантических показателей структурной организации параметров идентичности.

Ключевые слова: личностная идентичность, психосемантические параметры идентичности, статус личностной идентичности.

Введение

Интегративные тенденции в современной психологии активизируют исследовательский интерес в отношении феноменов, концептуализирующих психологическое содержание личности. В феномене идентичности максимально реализуются интегративные процессы формирования личности. Исследовательская активность в изучении идентичности осуществляется в направлениях ее видовой специфики [2; 3; 16], структурной организации [5; 8; 19], генеза [4; 6; 11], детерминации [14; 18]. Методология изучения идентичности приводит к методическим противоречиям в измерении идентичности. В зависимости от методологической логики, методический инструментарий исследования идентичности базируется либо на формальных проявлениях, которые типизируются в статусы или виды (типологический подход); либо в рамках структурно-функционалистской парадигмы (номотетический подход). Структурно-функционалистская парадигма предполагает соответствие психодиагностического инструментария каждому структурному блоку идентичности и их взаимосвязи [5; 9]. Однако диагностического инструментария, позволяющего в рамках структурно-функционалистской парадигмы измерять личностную идентичность, не выявлено.

Теоретические предпосылки методики диагностики личностной идентичности

Начиная с 1950-х гг. XX в., идентичность, попадая в поле научного интереса психологии, дифференцируется по двум основным видам: личностной и социальной. Становление представлений о феномене идентичности происходило в рамках следующих подходов: психоаналитического [13; 17]; когнитивного [18]; символического интеракционизма [7]; конструкционистского [6; 9; 15]; субъектно-деятельностного [1; 12].

Личностная идентичность конструируется в формальных проявлениях психолого-феноменологического комплекса, составляющими которого являются общение, опыт и роли, порождающие идентичность, а также речь, через которую идентичность выражается [12]. Образ Я консолидируется в категориальном означивании и формирует видовую (личностная, социальная, гендерная) структуру идентичности. Содержание феномена идентичности представляет собой не единичный конструкт, а целостную систему, консолидирующую взаимосвязанные конструкты, характеризующуюся вариабельностью структуры в зависимости от индивидуальных особенностей субъекта [15].

Методологические основания создания методики реализовались с учетом принципа системной организации параметров личностной идентичности, которые проявляются на когнитивном, эмоционально-мотивационном и поведенческом уровнях. Диагностическим показателем методики выступала оценка степени согласованности / рассогласованности структурной организации личностной идентичности по психосемантическому осно-

ванию. Согласованность / рассогласованность структурной организации личностной идентичности определяется как системное свойство, характеризующееся соотносительностью по сходству и порядку структурных параметров личностной идентичности в их психосемантическом выражении. Методика ориентирована на поиск значений семантически связанных объектов и фиксацией связей между ними. Как и в большинстве методов семантической направленности, в методике был сделан акцент на оценке семантического сходства, с той лишь разницей, что оценка семантического сходства не обозначалась как прямая и непосредственная задача для испытуемых. По результатам факторного анализа были выделены роли, которые распределялись по трем лингвосемантическим блокам, соответствующим структурным параметрам личностной идентичности (когнитивному, эмоционально-мотивационному и поведенческому). Используя систему ранжирования (в убывающей логике), испытуемый должен выстроить свою систему семантических отношений предложенных ему объектов, которая на следующем этапе оценивалась по степени связанности и установления сходства.

В зарубежных исследованиях в области семантического анализа начиная с 40-х гг., через процедуры субъективного шкалирования осуществлялся анализ значений по связям существительных, прилагательных и глаголов. Но, к сожалению, исследовательских материалов, в которых была бы представлена соотносительность грамматических форм и когнитивного, эмоционально-мотивационного и поведенческого параметров идентичности, не выявлено.

Исходным теоретическим положением психосемантического анализа выступило понимание образа Я, который обозначается в семантическом пространстве, в его содержании и структуре. Структура семантического пространства реализуется в языковых формах, содержание реализуется в значениях и смыслах. Любая идентичность имеет социальное ядро, которое формируется в условиях социального взаимодействия и семантически от значения к личностному смыслу переходит в содержании роли. А уникальность роли уже проявляется в отношении к ней и семантически реализуется в грамматических формах (существительные, прилагательные и глаголы).

Обобщая методологическое основание конструируемой диагностической процедуры, мы исходили из следующей логики: устанавливая соответствие между лингвограмматическими формами в рамках каждой роли через процедуру семантического согласования, которая реализовывалась в установлении последовательности в означивании ролевой иерархии, факт согласованности в обозначении значимости ролей обобщался в свойство согласованности / рассогласованности структурной организации личностной идентичности. Речь не идет о прямом сопоставлении грамматических форм и структурных параметров идентичности, речь идет о соотношении иерархической последовательности ролей системы личностной идентичности, которые маркировались с использованием различных грамматических форм.

Процедура стандартизации

Личностная идентичность, как интегративная структура включает в себя восприятие себя «Я о себе». Следствием чего выступает абстрагирование индивида от себя, способности видеть себя со стороны, а затем опирается на этот образ как на реальность. Методика личностной идентичности предназначена для исследования степени согласованности / рассогласованности структурной организации личностной идентичности по психосемантическому основанию.

Разработка методики осуществлялась последовательно в несколько этапов. На первом этапе по результатам теста «Кто я?» (М. Куна, Т. Макпартленда в модификации Т.Р. Румянцевой) [10], предназначенного для изучения содержательных характеристик идентичности личности, было определено 109 лингвосемантических форм, отражающих содержание ролей. Лингвосемантические формы были представлены существительными (как индикаторы содержания когнитивного параметра в структурной организации идентичности), прилагательными (как индикаторы содержания эмоционально-мотивационного параметра в структурной организации идентичности) и глаголами (как индикаторы содержания поведенческого параметра в структурной организации идентичности). На втором этапе разработки методики исследования личностной идентичности

лингвосемантические формы идентификационного пространства анализировались методом частотного анализа. В результате были выделены 54 лингвосемантические формы (существительные, прилагательные и глаголы) согласно логике нормального распределения ($x \pm \sigma$), отражающие содержание ролей. На третьем этапе с помощью метода Уорда была проведена кластеризация, в результате чего было выделено три больших кластера по психосемантическому основанию. Лингвосемантические формы, входящие в каждый кластер, отражают содержание структурных параметров личностной идентичности. В окончательный вариант методики вошли 45 лингвосемантических форм, соответствующих содержанию 15 ролей (15 существительных, соответствующих когнитивному параметру личностной идентичности; 15 прилагательных, соответствующих эмоционально-мотивационному параметру личностной идентичности; 15 глаголов, соответствующих поведенческому параметру личностной идентичности). Основанием включения лингвосемантических единиц в методику являлась представленность каждого ролевого содержания в трех грамматических формах (например, покупатель – покупающий – покупать).

Стимульный материал был структурирован и организован в форму регистрационного бланка в виде табл. 1.

Таблица 1

Бланк регистрации

1	Я (о себе)	2	Я (о себе)	3	Я (о себе)
Гражданин		Дружественный		Увлекаться спортом	
Мужчина (женщина)		Патриотичный		Исполнять	
Исполнитель		Болеющий		Проявлять патриотичность	
Сын (дочь)		Покупающий		Путешествовать	
Родитель		Гражданский		Продавать	
Руководитель		Продающий		Руководить	
Ученик		Обучающий		Дружить	
Продавец		Обучаемый		Покупать	
Патриот		Мужественный (женственный)		Лечиться	
Покупатель		Дочерний (сыновний)		Обучаться	
Путешественник		Путешествующий		Подвергаться воспитанию	
Учитель		Исполняющий		Обучать	
Спортсмен		Руководящий		Осуществлять родительское воспитание	
Пациент		Спортивный		Проявлять гражданскую ответственность	
Друг (подруга)		Родительский		Действовать женственно (мужественно)	

Процедура проведения методики личностной идентичности осуществлялась по следующему алгоритму. Первоначально респондентам предлагается последовательно проанализировать в порядке убывания (1-максимальная значимость, 15 – минимальная значимость) представленные в методике лингвосемантические формы, соответствующие когни-

тивному (первый столбец ролей, содержащих существительные), эмоционально-мотивационному (второй столбец ролей, содержащих прилагательные) и поведенческому (третий столбец ролей, содержащих глаголы) структурным параметрам личностной идентичности с позиции «Я о себе». Обработка полученных результатов осуществлялась путем переноса полученных баллов на Бланк обработки результатов (табл. 2).

Таблица 2

Бланк обработки результатов

1	Я (о себе)	2	Я (о себе)	3	Я (о себе)	Баллы
Гражданин		Гражданский		Проявлять гражданскую ответственность		
Мужчина (женщина)		Мужественный (женственный)		Действовать женственно (мужественно)		
Сын (дочь)		Дочерний (сыновний)		Подвергаться воспитанию		
Родитель		Родительский		Осуществлять родительское воспитание		
Руководитель		Руководящий		Руководить		
Исполнитель		Исполняющий		Исполнять		
Патриот		Патриотичный		Проявлять патриотичность		
Покупатель		Покупающий		Покупать		
Продавец		Продающий		Продавать		
Учитель		Обучающий		Обучать		
Ученик		Обучаемый		Обучаться		
Пациент		Болеющий		Лечиться		
Друг (подруга)		Дружественный		Дружить		
Спортсмен		Спортивный		Увлечаться спортом		
Путешественник		Путешествующий		Путешествовать		
Сумма баллов						

Затем в бланке обработки результатов оценивалось в баллах количество совпадений в каждой горизонтальной строке в соответствии со значениями ключа (Таблица 3).

Таблица 3

Ключ обработки результатов методики исследования личностной идентичности

Количество совпадений	Балл	Расшифровка
0	1	Все ранги в горизонтальной строке разные
1	2	Совпадают значения рангов в одном из следующих случаев: – 1 и 2 столбец – 1 и 3 столбец – 2 и 3 столбец
2	3	Все ранги в горизонтальной строке совпадают

Далее полученные по каждой строке баллы суммируются и итоговый результат сравнивается с эталонной таблицей значений (табл. 4), позволяющей отнести полученный результат к одному из четырех уровней, характеризующихся различной степенью согласованности / рассогласованности структурной организации личностной идентичности.

Таблица 4

Эталонная таблица значений

Сумма баллов	Степень согласованности	Характеристика
45 – 34	Высокая	Высокий уровень выраженности социально-психологической адаптации, позитивное самоотношение, стабильная система ценностных ориентаций, высокий уровень рефлексивности и самостоятельности при низкой авторитарности.
33 – 22	Средняя	Средний уровень выраженности социально-психологической адаптации, позитивное самоотношение, устойчивая система ценностных ориентаций, средний уровень рефлексивности, самостоятельности и авторитарности.
21 – 11	Низкая	Низкий уровень выраженности социально-психологической адаптации, неустойчивость самоотношения и системы ценностных ориентаций, средний уровень рефлексивности и авторитарности при высокой самостоятельности.
10 – 1	Очень низкая	Низкий уровень выраженности социально-психологической адаптации, неустойчивость системы ценностных ориентаций, низкий уровень рефлексивности и самостоятельности.

Четвертый этап включал в себя процедуры стандартизации методики по следующим психометрическим параметрам: конструктивной, содержательной и критериальной валидности, а также надежности (в том числе и ретестовой надежности).

Общий объем выборки стандартизации опросника составил 731 человек в возрасте 19–45 лет (362 мужчины и 369 женщин). Все респонденты имели высшее, незаконченное высшее образование (обучаются на различных формах обучения в высшей школе). Исследование проводилось в течение 2013 года.

Для оценки конструктивной валидности, осуществляемой через процедуру корреляционного анализа (по Пирсону). В качестве валидизирующего основания были использованы методика исследования личностной идентичности (МИЛИ) (Л.Б. Шнейдер) и опросник выявления статусов профессиональной идентичности (Дж. Марсиа). Процедура оценки конструктивной валидности осуществлялась с учетом шкалы распределения психометрических данных: авторская методика исследования и методика исследования личностной идентичности Л.Б. Шнейдер являются одношкальными (статус личностной идентичности или степень согласованности / несогласованности структурной организации определяется по соответствию полученных испытуемым результатов определенному диапазону значений). Опросник выявления статусов профессиональной идентичности Дж. Марсиа является многошкальным, соответственно, статус идентичности определяется по критерию максимального результата по одной из четырех шкал. Статистически значимые взаимосвязи выявлены между параметрами опросника МИЛИ Л.Б. Шнейдер и авторской методики исследования личностной идентичности (0,76*). Также статистически значимые взаимосвязи выявлены между параметрами опросника статусной системы профессиональной идентичности Дж. Марсиа и авторской методики исследования личностной идентичности (табл. 1). Полученные результаты свидетельствуют о высоком уровне конструктивной валидности разработанной авторами методики (табл. 5).

Таблица 5

Значения конструктивной валидности количественных и качественных показателей личностной идентичности (по Пирсону, $p \leq 0,05$)

Параметры	Опросник личностной идентичности
Неопределенная идентичность	-0.31*
Навязанная идентичность	-0.30*
Мораторий идентичности	-0.39*
Сформированная идентичность	0.73*

* – значимость взаимосвязи.

Так как диагностируемый параметр согласованности / рассогласованности структурной организации личностной идентичности носит дихотомический характер, то взаимосвязь положительной направленности (например, между статусом сформированной идентичности и диагностируемым параметром авторской методики) соответствует полюсу согласованности. В свою очередь, взаимосвязь отрицательной направленности соответствует полюсу рассогласованности.

С целью оценки содержательной валидности опросника, оценивающей соответствие содержащихся в ней заданий общим цели и замыслу методики, также осуществлялся анализ взаимосвязи психосемантических параметров, отражающих содержание структурной организации личностной идентичности методики (когнитивного, представленного существительными; эмоционально-мотивационного, представленного прилагательными; поведенческого, представленного глаголами) (табл. 6).

Таблица 6

Содержательная валидность показателей личностной идентичности (по Спирмену, $p \leq 0,05$)

Структурные компоненты личностной идентичности	Когнитивный компонент	Эмоционально-мотивационный компонент
Когнитивный компонент	1.00	
Эмоционально-мотивационный компонент	0.67*	1.00
Поведенческий компонент	0.61*	0.49*

* – значимость взаимосвязи

Полученные коэффициенты корреляции соответствуют высокому уровню конструктивной валидности.

Процедура психометрической проверки надежности осуществлялась через расчет коэффициента надежности Кронбаха (когнитивный компонент $\alpha=0.694$; эмоционально-мотивационный компонент $\alpha=0.597$; поведенческий компонент $\alpha=0.648$). полученные результаты свидетельствуют о статистической достаточности уровня надежности.

Оценка ретестовой надежности методики исследования личностной идентичности осуществлялась через 1.5 месяца с использованием процедуры корреляционного анализа (по Пирсону). Объем выборки составил 584 человека из выборки апробации. Коэффициент корреляции степени согласованности / рассогласованности структурной организации личностной идентичности составил 0.78* (при уровне статистической значимости $p \leq 0.05$), что указывает на высокий уровень устойчивости результатов во времени.

Разработанная методика исследования личностной идентичности позволяет выявить четыре степени согласованности / рассогласованности структурной организации личностной идентичности на психосемантическом уровне (высокая, средняя, низкая и очень низкая согласованность) и соотнести их со статусными характеристиками идентичности (табл. 7).

Таблица 7

Соотношение количественных и качественных показателей по методикам исследования идентичности

Статус личностной идентичности	Количественные показатели по опроснику МИЛИ (Л.Б. Шнейдер)	Количественные показатели по авторской методике исследования личностной идентичности	
		Баллы	Степень согласованности / рассогласованности структурной организации идентичности
Достигнутая позитивная (сформированная) идентичность	3.00-4.00	45 – 34	Высокая
Мораторий идентичности	2.00-3.00	33 – 22	Средняя
Диффузная (неопределенная) идентичность	1.00-2.00	21 – 10	Низкая
Преждевременная (навязанная) идентичность	0.00-1.00	10 – 0	Очень низкая

Высокая степень согласованности структурной организации идентичности проявляется в выявленных взаимосвязях всех структурных параметров идентичности и характеризуется высоким уровнем выраженности социально-психологической адаптации, позитивным самоотношением, стабильной системой ценностных ориентаций, высоким уровнем рефлексивности и самостоятельности при низкой авторитарности. Средняя степень согласованности структурной организации идентичности проявляется в выявленных взаимосвязях двух из трех структурных параметров идентичности (когнитивный с эмоционально-мотивационным и поведенческим; эмоционально-мотивационный с когнитивным и поведенческим) и характеризуется средним уровнем выраженности социально-психологической адаптации, позитивным самоотношением, устойчивой системой ценностных ориентаций, средним уровнем рефлексивности, самостоятельности и авторитарности. Низкая степень согласованности структурной организации идентичности проявляется в выявленных взаимосвязях двух структурных параметров идентичности (когнитивного с эмоционально-мотивационным или когнитивного с поведенческим или эмоционально-мотивационного с поведенческим) и характеризуется низким уровнем выраженности социально-психологической адаптации, неустойчивым самоотношением, неустойчивой системой ценностных ориентаций, средним уровнем рефлексивности и авторитарности при высокой самостоятельности. Очень низкая степень согласованности структурной организации идентичности проявляется в отсутствии взаимосвязей между структурными параметрами идентичности и характеризуется низким уровнем выраженности социально-психологической адаптации, неустойчивой системой ценностных ориентаций, низким уровнем рефлексивности и самостоятельности.

Выводы

По результатам процедуры стандартизации методика исследования личностной идентичности соответствует высокому уровню надежности, а также конструктивной, содержательной и критериальной валидности. Выявленные взаимосвязи психосемантически соотнесенных грамматических форм и структурных параметров личностной идентичности отражают качество степени согласованности / рассогласованности (высокая, средняя, низкая, очень низкая). Выделенный диагностический параметр методики исследования личностной идентичности (согласованность / рассогласованность структурной организации личностной идентичности по психосемантическому основанию) реализуется в статусной системе личностной идентичности.

Список литературы

1. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности / К. А. Абульханова-Славская. – М.: Наука, 1980. – 267 с.
2. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель. – СПб.: Питер, 2007 – 335 с.
3. Гоффман Э. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. – 304 с.
4. Заковоротная М. В. Идентичность человека: социально-философские аспекты. Ростов-на-Дону. Изд-во Северокавказского научного центра высшей школы. 1999. – 200 с.
5. Иванова Н. Л. Социальная идентичность и проблемы образования: Монография. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2001. – 228 с.
6. Иванова Н. Л., Румянцева Т.В. Социальная идентичность: теория и практика. – М.: Изд-во СГУ, 2009. – 456 с.
7. Мид Дж. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль / Под ред. В. И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. – 496 с.
8. Никишина В. Б., Петраш Е. А. Изменение структуры профессиональной идентичности на разных этапах профессионализации // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2009. – № 1. – С. 42 – 47.
9. Стефаненко Т. Г. Этническая идентичность в ситуации социальной нестабильности // Этническая психология и общество / Под ред. Н. М. Лебедевой. М.: Старый сад, 1997. – С. 97 – 103.
10. Татарко В. Н., Лебедева Н. М. Методы этнической и кросскультурной психологии. Учебно-методическое пособие. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. – 22 с.
11. Трусова Н. В. Профессиональная идентичность и ее составляющие в фазах нормативного кризиса перехода к ранней взрослости / Н. В. Трусова // Среднее профессиональное образование. 2009. – № 9. – С. 83 – 87.
12. Шнейдер Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. – 128 с.
13. Эриксон Э., Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ.. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.

14. Breakwell G. M. Coping with threatened identities / G. M. Breakwell. – L. – N.H.: Mithuen, 1986. – 222 p.
15. Kelly G. A. The psychology of personal constructs. Vol.1: A theory of personality. – L.: Routledge, 1991. – 386 p.
16. Krappmann L. Soziolinguistische Dimensionen der Identität.-Stuttgart: Klett, 1971.-140 s.
17. Marcia J. E., Friedman M. L. Ego identity status in college women // J. Person. 1970. V. 38. – N 2. – p. 249 – 268.
18. Tajfel H. An integrative theory of intergroup conflict / H. Tajfel, J.C. Turner // The social psychology of intergroup relations. / Ed. By W. C. Austin, S. Worchel. – Nontrey, Calif.: Brooks / Cole, 1979. – P. 33 – 47.
19. Waterman A. S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review / A. S. Waterman // Devel. Psychol. 1982. – V. 18. – N 3. – P. 341 – 358.

PERSONAL IDENTITY STUDY: METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF STANDARDIZATION

V. B. Nikishina

E. A. Petrash

*Kursk State
Medical University*

*e-mail:
vbnikishina@mail.ru
petrash@mail.ru*

The paper conceptualizes and standardizes the diagnostic technique for studying the personal identity. The author represents new empirical results, reflecting the degree of coherence of the structural organization of the parameters of the identity. The author reveals and interprets especially psychosomatic relationship of forms and structural parameters of personal identity (cognitive, behavioral, motivational and emotional ones). The paper indicate the compliance status of personal identity and the structural organization of psychosomatic indicators of identity parameters.

Keywords: personal identity, identity psychosemantic parameters, status of personal identity.

УДК 316.6

ПОНЯТИЕ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Н. В. Поддубный*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
poddubny@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается понятие личности в синергетической парадигме. Дается краткий обзор литературы по данной теме. Приводится авторская концепция самоорганизующихся систем. Личность рассматривается с позиции данной концепции.

Ключевые слова: личность, синергетика, устойчивость, хаос, порядок, неравновесные состояния.

Введение

Понятие личности в психологии относится к фундаментальным и особенности существующих психологических школ в значительной мере определяются содержанием данного понятия. Начиная с 1930-х гг. прошлого века были изданы фундаментальные работы по психологии личности в различных психологических школах. Но, к сожалению, приходится констатировать, что до сих пор нет единого понимания, что такое личность, какова ее структура и основные регуляторы, в какой мере она определяется социальными и биологическими факторами, каковы механизмы ее развития.

На мой взгляд, эти проблемы имеют методологические причины. Современная психология не имеет единой методологии и является заложницей общенаучной проблемы, также методологической. Я имею ввиду по-прежнему деление науки на естественные и гуманитарные, что, на мой взгляд, является проблемой роста научного знания и в ближайшее время это деление уйдет в прошлое. Современная наука имеет выраженную тенденцию к интеграции, крупнейшими учеными разрабатывается теория «Всего», в которую естественным образом будут включены и гуманитарные науки. Вспомним шутку Ландау – «науки бывают естественные и неестественные». Интеграция современного знания происходит на основе синергетической парадигмы. Но процесс это двоякий, так как одновременно идет и становление самой этой парадигмы. В данной статье мы сделаем краткий обзор нескольких исследований по данной теме и представим собственную точку зрения, основанную на развиваемой нами ядерно-сферической концепции самоорганизующихся систем [3, с. 78; 4, с. 262]. Исследований личности с позиций синергетики не так уж много и мы ограничимся рассмотрением лишь отдельных сторон личности.

«Я» как динамическая структура-процесс

С общенаучных позиций рассматривает личность отечественный философ, занимающийся методологическими проблемами синергетики, Е. Н. Князева [1, с. 78 – 91]. Она считает, что если речь идет о человеке, о его когнитивных возможностях и структурах, о структуре его личности, об иерархических структурах его сознания – без сознания, об исторических слоях его памяти, то все эти образования могут быть поняты как структуры – процессы самоорганизации. Поэтому такие синергетические понятия как самоорганизация и балансирование на краю хаоса, операциональная закрытость и самопроизводство, множество возможных дискретных состояний и экзистенциальный выбор в моменты бифуркации, медленный, итерационный выход на автомодельность и автокаталитический, лавинообразный рост качества, служат тому, чтобы постичь внутреннюю сложность человеческого «Я».

«Я», по мнению, Е. Н. Князевой предстает как динамическая самоорганизующаяся структура – процесс, заключенное в определенное тело. «Я» всегда ситуационно, т. е. окультурено наличными историческими условиями, поставлено в контекст определенной культурной, политической, социально – психологической, научной ситуации. «Я» инактивировано, одновременно внутренне автономно и встроено в узкий и широкий контекст своей деятельности, обусловлено этим контекстом и вовлечено в динамический поток производства себя и своего окружения, в цепи самотрансформации под влиянием тех ситуаций, в которых оно оказывается. «Я» претерпевает каскады кристаллизации своих знаний, своего таланта, своего мировоззрения, своих глубинных чувств энтузиазма и отчаяния,

любви и ненависти, дерзости и смирения. «Я» постоянно саморазрушается и самоструктурируется.

Жизненное пространство личности является неким полем, на котором сталкиваются различные силы, детерминирующие тенденции, устремления. Цель понимается при этом как определенным образом структурированное силовое поле психологической активности, как определенная диспозиция сил в пространстве. По сути дела, это – некая распределенная цель. Понятие вектора, считает Е. Н. Князева, весьма плодотворно применяется в топологической психологии. Во-первых, силы, наличные в психологическом поле, могут различаться по величине. Во-вторых, можно усмотреть различные направления сил (устремлений) в рамках психологического поля. Само понятие о направлении имеет смысл лишь тогда, когда можно выделить различные направления, различные – с синергетической точки зрения – структуры-аттракторы психической активности. (Отметим, что понятие психологического поля было введено гештальтпсихологами и эффективно использовалось К. Левиним при разработке общепсихологической теории и теории социальной психологии – Н. П.).

Индивидуальный ландшафт личности – это конфигурации внутреннего (собственного) пространства и внешнего окружения действующего и познающего субъекта. Эти конфигурации определяются распределенной целью, спектром структур-аттракторов в креативной деятельности. Познающий человек находится в мультистабильном состоянии, совершает случайные блуждания по полю возможностей. Имеет место зигзагообразный путь, актуализирующий всякий раз одну из имеющихся возможностей. Индивидуальный ландшафт включает в себя ряд целей и путей ведущих к ним. Его можно представить себе как некое пространство, в котором в скрытой форме уже имеются все возможные формы движения мысли. При рождении нового знания происходит сужение веера возможностей и выбор одного из возможных дискретных состояний.

Другая особенность индивидуального ландшафта – синхронизм. Он включает в себя возможные пути будущего развития и следы прошлой деятельности. Память о прошлом присутствует всегда, но она может оказывать влияние на ход жизни только перед точками «бифуркации», моментами решающего выбора одного из возможных путей. Если точка «бифуркации» пройдена, выбор пути совершен, то деятельность человека определяется скорее будущим, чем прошлым. Она строится из будущего, в соответствии с одной из структур-аттракторов.

Структура ландшафта индивидуального «Я» не жесткая, а довольно подвижная. Изменение внутренних качеств личности приводит к перестройке поля путей ее движения в будущее. Ступени детского обучения, а также дальнейшее самообразование обуславливают периодические качественные трансформации спектра жизненных целей и спектра возможностей человека. Длительный процесс самообразования и непрерывная творческая работа связаны с целой серией событий качественной перестройки аттракторов, фазовых переходов. Индивидуальный ландшафт качественно перестраивается, человек становится иным.

Синергетическая методология позволяет несколько иначе посмотреть и на проблему психического и телесного здоровья человека. Так, Е. Н. Князева рассматривает человеческое здоровье как балансирование на «краю хаоса». Она отмечает, что наличие хаотических элементов, относительных нерегулярностей, часто является признаком здоровья человека, как телесного, так и духовного, признаком устойчивости структуры его «Я». Например, малые хаотические флуктуации в биении сердца человека вполне нормальны и являются результатом сугубо внутренних, а не внешних факторов. Разграничительная линия между здоровьем и болезнью человека, между животворным и смертоносным хаосом весьма неоднозначна и подвижна. Вопрос состоит в том, какую долю хаоса должен нести в себе человек, чтобы оставаться здоровым.

Хаос, по мнению Е. Н. Князевой, это естественный рандимизатор природы, делающий наши органы более пластичными, более приспособленными к изменчивому внешнему окружению. Сложная организация возникает и самоподдерживается на краю хаоса. Край хаоса – это динамическая, подвижная переходная зона между двумя экстремальными состояниями: предсказуемым порядком и непредсказуемым хаосом. Все живое эволюционирует к краю хаоса, где оно остается гибко балансирующим в критическом состоянии готовности. Только между экстремумами, на краю хаоса может быть достигнут психологический баланс. На краю хаоса человек наилучшим образом психологически вооружен про-

тив беспорядочных и непредсказуемых событий жизни. Чем более стереотипное поведение, тем больше подозрений о патологии. В то время как психологически здоровый человек следует различным паттернам поведения в зависимости от осуществляемых им в данный момент социальных ролей, то в случае психических патологий поведение человека в большей или меньшей степени определяется одной целью, в высокой степени повторяемо, т.е. подвержено циклическим аттракторам, не обладает должной гибкостью и не чувствительно к изменяющимся условиям.

Рассматривая личность как самоорганизующуюся систему, синергетика вносит еще один существенный вклад в психологию личности. Мы имеем в виду, отмечаемую Е. Н. Князевой фрактальность в поведении человека. Фрактальные рисунки поведения человека определяются, во-первых, устойчивыми, постоянно повторяющимися, воспроизводимыми поведенческими структурами (паттернами), а во-вторых, самоподобием этих структур на разных уровнях и в разных масштабах деятельности. С позиции развиваемой нами концепции самоорганизации, мысль Е. Н. Князевой можно конкретизировать: фрактальность обусловлена, во-первых, тем, что поведение человека состоит из изоморфной единицы – деятельности, которая имеет одинаковую структуру, и, во-вторых, стремлением любой психической деятельности к ядерно-сферической организации. Фрактальная динамика означает или структуру странного, хаотического аттрактора, лежащего в основе поведения человека, или самоорганизацию сложной структуры вблизи критической точки, «на краю хаоса». Индивидуальный ландшафт «Я» имеет определенную фрактальную глубину. Иными словами, конфигурация жизненных ситуаций демонстрирует свойство масштабной инвариантности – креативный человек креативен во всем, в малом и большом, креативен на всех уровнях научной и практической деятельности, вплоть до обыденной жизни.

Новообразования личности как самоорганизующийся процесс

На основе концепции неравновесных психических состояний А. О. Прохоров предложил модель возникновения новообразований в ходе становления личности и описал механизмы этого процесса. Основные положения этой модели сводятся к следующему [5, с. 149].

В типичном состоянии, входящем в функциональную структуру всегда наблюдается доминирование одной или нескольких составляющих, обусловленных спецификой ситуации или деятельности субъекта, а также структурой свойств личности (например, эмоциональной, волевой или интеллектуальной и др.). Возникшая доминанта отражает не только «напряженность» тех или иных образований структур личности, но и большую сензитивность, чувствительность данных структур и подсистем к изменению. В силу этого они являются как бы «мишенью» переживаемого субъектом состояния, наиболее изменчивым звеном в структуре психологических свойств субъекта. Например, доминирование и «направленность» эмоциональной или волевой составляющих в структуре психологического состояния способствует образованию и закреплению соответствующего новообразования в структуре личности (повторяющаяся тревога, как правило, приводит к возникновению и закреплению соответствующего свойства – тревожности, а повторяющееся состояние ленности – к возникновению и закреплению лени как черты характера и т. п.).

Однако не все состояния обуславливают формирование новообразований в структуре личности. Эту функцию выполняют состояния, имеющие высокую или низкую энергетическую составляющую, т. е. неравновесные состояния. Состояния средней или оптимальной психической активности (равновесные состояния) не обеспечивают эту функцию. Возникновение неравновесных состояний, как отмечалось выше, обусловлено нарушением симметрии, связанной с внесением потока информации и энергии в открытую систему, какой является человек.

Этот процесс связан с рассеянием энергии субъекта посредством действий, поступков и возникновением новых структур и образований в структуре сознания. Таким образом, неравновесные состояния являются звеном, предшествующим возникновению новообразований.

Процесс формирования новообразований имеет несколько этапов. Он связан с формированием динамического опорного ядра, состоящего из психических процессов, в которых данное новообразование (а в последующем и свойство) проявляется и конкретной деятельности или ситуаций жизнедеятельности, на основе которой оно развивается. За-

рождающееся динамическое ядро полностью обусловлено возникшим неравновесным психическим состоянием, высокого энергетического уровня.

Второй этап – повышение выраженности новообразования и его закреплённость в конкретной деятельности и поведении, совершенствования опорного ядра, повышение устойчивости его элементов и динамичности в пределах ситуаций определённого вида деятельности, в способах поведения, общения и пр. Это достигается, по-видимому, за счёт повторения психических состояний и их центрирования в пределах повторяющейся деятельности, т. е. возникновения типичных устойчивых ситуаций. Это – функция длительных неравновесных состояний, низкого энергетического уровня.

На третьем этапе сформированное новообразование (в устойчивом виде оно приобретает характер свойств) само репродуцирует психические состояния определённого типа, вида и знака, благодаря которым оно возникло, а также участвует в качестве составного элемента в обуславливании других психических состояний.

В последнем случае обнаруживается новая сторона взаимоотношений – участие сформированной структуры сознания (или нескольких структур) в актуализации психических состояний, которые могут быть как неравновесными, так и равновесными.

Данная схема, по мнению А. О. Прохорова, представляет наиболее общий механизм, объясняющий возникновение новообразований в структуре личности субъекта.

Структура личности

Интересные выводы были сделаны С. Мадди при сравнительном анализе теорий личности ещё в конце 1960-х гг. (2). Он отмечает, что для большинства теорий личности характерно формирование двух типов положений. Положения одного типа описывают то, что свойственно всем людям, раскрывают неотъемлемые, непременные атрибуты любой личности. Эти общие черты почти не претерпевают изменений в течение жизни, они принципиальным образом влияют на все аспекты поведения. Этот первый тип положений относится к тому, что С. Мадди обозначил как **ядро личности**. Однако, как правило, авторы теорий личности также обращают свое внимание на такие атрибуты личности, которые отличаются гораздо большей устойчивостью и гораздо более связаны с поведенческими проявлениями, поддающимися непосредственному наблюдению. Эти атрибуты не являются врожденными, они появляются в структуре личности вследствие научения, и их влияние на поведение человека не столь велико. Теоретик обращается к описанию этих атрибутов главным образом для того, чтобы объяснить различия между людьми. Поскольку они являются следствием научения и имеют лишь ограниченное влияние на поведение, С. Мадди назвал их **периферией личности**.

Как правило, в любой теории личности, подчеркивает он, выделяются и ядро личности, и ее периферия, поэтому мне, как психологу, интересующемуся сходством и различиями между людьми, такое разграничение представляется вполне обоснованным. Когда речь идет об общем направлении жизни человека, о его целях и функциях, эти рассуждения обычно осуществляются на ядерном уровне. Такие рассуждения касаются существования одной или, возможно, двух **ядерных стремлений**. Примером такого стремления может служить предположение о том, что все поведение представляет попытку актуализации внутренних, врожденных потенциалов. И поскольку эти внутренние потенциалы, как предполагается, являются неотъемлемой особенностью всех людей, они и представляют собой ядерные характеристики.

На периферическом уровне теории речь идет о конкретных стилях жизни, о моделях поведения, специфичных для каждого человека. Один из способов описать периферию личности – это постулировать некоторое количество **конкретных периферических характеристик**, которые представляют собой элементы, релевантные только какой-то определенной части поведенческих проявлений. Мотивация достижения или такая черта, как упрямство – могут служить примерами конкретных периферических характеристик. Знание конкретных периферических характеристик позволяет понять существование индивидуальных отличий. Конкретные периферические характеристики – это самые малые, наиболее гомогенные объяснительные элементы используемые авторами различных теорий.

С. Мадди отмечает, что существует также большее по объему и более гетерогенное понятие, которое часто используется, когда речь идет о периферии личности. Это понятие **типа**. Каждый из постулируемых тем или иным автором типов состоит из конкретных пе-

риферических характеристик. Таким образом, понятие типа помогает организовать базовые элементы периферии личности в более объемные единицы, которые имеют непосредственное отношение к непосредственно наблюдаемым моделям поведения.

Связь между ядром и периферией личности, по мнению большинства авторов, осуществляется через **развитие**. Вначале ядерная тенденция и ядерные характеристики проявляются в частном контексте окружающей Среды. Последующий опыт – подкрепление, наказание, знание – формирует конкретные периферические характеристики и типы. Как правило, считается, что решающее влияние на то, какой тип личности разовьется у того или иного человека, оказывает семейное окружение, в котором проходит взросление.

Исследование С. Мадди выявило, что ядерные тенденции и характеристики по своей природе представляют собой очень высокий уровень обобщенности. Выявленные характеристики ядра личности, описывают тенденции и характеристики, присущие всем людям во все времена, оказывающие влияние на общее течение жизни. И наоборот, каждый периферический аспект личности присутствует в некоторых, а не во всех людях и оказывает скорее специфическое, нежели общее воздействие на поведение. Периферические концепции личности наиболее четко, ясно и очевидно соотносятся с поведением (или с тем, что требуется объяснить). Идеальная теория личности должна включать в себя описание как ядра, так и периферии. Положения, описывающие ядро, нужны для того, чтобы понять общую психологическую природу людей, а периферические положения важны для понимания различий между конкретными представителями человеческого рода.

В заключении своего обзора, автор пишет: «я хотел бы подчеркнуть тот факт, что различие ядра и периферии личности столь же старо, сколь и сама идея существования личности. Для римлян персона была одновременно и глубочайшим хранилищем души, и фасадом, открытым миру. Такое объединение ядра и периферии вовсе не кажется мне парадоксальным. В самом деле, я уверен, что все описанные мною ядерные и периферические понятия являются необходимыми элементами любой теории личности, если она претендует на то, чтобы считаться основой для постижения феномена человеческого существования» [2, с. 27].

Как можно увидеть в дальнейшем, данное положение полностью совпадает с разрабатываемой нами концепцией самоорганизующихся систем.

Устойчивость личности

Основой данного рассмотрения служит разрабатываемая нами концепция самоорганизации систем различной природы [4, с. 268]. Некоторые основные положения концепции сводятся к следующему.

1. Основой функционирования и развития системы является системообразующий фактор – стремление системы к максимальной устойчивости, смысл которой заключается во взаимодействии элементов с наименьшими затратами энергии;

2. В процессе становления системы ее структура имеет тенденцию к приобретению ядерно-сферической формы как наиболее упорядоченной, стабильной;

3. Ядро системы является главным элементом, в нем хранится основная информация о системе и оно выполняет регулирующую функцию;

4. Устойчивость системы поддерживается на основе отрицательной обратной связи;

5. Развитие системы происходит в автоколебательном режиме – движение системы к ядру означает фазовый переход на другой качественный уровень через фазу неустойчивости, а движение от ядра означает ее количественное увеличение;

6. В становлении системы выделено три стадии. На первой нет четкой структуры и система неустойчива, для второй характерно выделение жесткой иерархии с ядерным элементом, на третьей стадии иерархия становится подвижной, т. е. она может быть построена на основе любого элемента и система становится максимально устойчивой.

Исходя из представленной модели, мы рассматриваем личность как самоорганизующуюся систему, стремящуюся к максимальной устойчивости **в данных конкретных условиях**. Устойчивость любой самоорганизующейся системы обеспечивается за счет способности к перестройке своей структуры и способности к противодействию среде. **Подчеркнем, что система всегда занимает наиболее устойчивое положение исходя из имеющихся у нее в данный момент резервов и окружающей обстановки.** Максимальная устойчивость означает функционирование системы максимально длитель-

ное время с минимальными затратами энергии при сохранении своего качества. **Примером может служить здоровый организм живого существа, человека.** Конечно, понятие устойчивости имеет достаточно условный характер так как, во-первых, в любой системе происходят постоянные изменения, как под влиянием внешних факторов, так и в результате внутренних флуктуаций в самой системе и, во-вторых, любая система имеет иерархическое строение. Можно говорить только об иерархии устойчивостей. Поэтому мы будем исходить из того факта, что так как в ядре системы хранится основная информация о ней, и оно является отражением всей системы в целом, т. е. выражением системного качества, то уровень ядерной устойчивости и является основным уровнем устойчивости системы в целом. С разрушением ядра, система прекращает свое существование или теряет свое качество. Мы здесь не рассматриваем такой способ сохранения устойчивости как развитие системы, фазовый переход ее в новое качество.

Ядром личности, согласно нашей концепции являются ее базовые потребности, удовлетворение которых определяет цель жизни и задает ценностные ориентиры и смыслы. Как известно, пока не существует единой классификации потребностей человека. Причиной этого является отсутствие единого подхода к психологии человека в целом. Наша концепция позволяет рассматривать человека в рамках единой картины мира, не разделяя знания на гуманитарные и естественные. Человеку как самоорганизующейся системе, чтобы сохранить себя, необходимо удовлетворять четыре базовых потребности: физиологические, познавательную, потребность в самоутверждении и потребность в экономии энергии. Данный набор базовых потребностей определяется структурой личности как самоорганизующейся системой. Познавательная потребность есть имманентно присущее свойство нервной системы упорядочивать информацию, ее эволюционная сущность. Потребность в самоутверждении или потребность в высокой оценке и самооценке отражает социальную природу человека, порождающую необходимость ориентации в обществе, в его ценностях. Физиологической потребностью человек связан с биологическими корнями, а потребность в экономии энергии отражает общесистемную закономерность известную в науке как принцип Гамильтона. Неудовлетворение этих потребностей выводит систему личности из устойчивого состояния и грозит ее распаду. Индивидуальные потребности являются способами удовлетворения базовых. Механизм удовлетворения потребностей отражен в структуре деятельности. Здесь важнейшим процессом является переход потребности в мотив или процесс принятия решения, в результате которого вырабатывается цель и программа действий по ее достижению. Если принятое решение неверно, т. е. или цель выработана неправильно или программа неэффективна, то потребность частично или полностью не удовлетворяется и человек фрустрируется, т. е. теряет устойчивость. Каковы же факторы, влияющие на принятие решений, которые необходимо учитывать человеку, чтобы меньше ошибаться. Их несколько:

1. Сила потребности;
2. Обстановка или контекст, в котором принимается решение;
3. Возможности или способности личности, включая интеллект;
4. Физическое и психическое состояние человека;
5. Резерв времени;
6. Прошлый опыт удовлетворения данной потребности;
7. Уровень системности знаний об окружающем мире, т.е. их глубина;
8. Иерархия потребностей;
9. Личностные качества, в основном тип темперамента, самооценки, направленности, творчество, гибкость.

Способность учитывать данные факторы повышает личностную устойчивость. Кроме того, к выделенным личностным качествам в пункте 9 следует добавить еще способность к рефлексии, т. е. получения обратной связи о ходе удовлетворения потребности, на основе которой возможна быстрая корректировка цели и программы действий. Все отмеченные условия устойчивости личности логически вытекают из рассмотрения ее как самоорганизующейся системы.

Заключение

В статье мы кратко рассмотрели с позиций синергетики такие важнейшие аспекты проблемы личности как ее устойчивость и индивидуальность, понимание «Я», психические состояния как механизмы ее функционирования и развития. Все эти аспекты понимания личности были представлены вне их взаимосвязи, что конечно снижает представление об эвристической роли синергетического подхода, но мы данной задачи и не ставили. Это важная будущая работа.

Рассмотренный подход к проблемам личности с позиций синергетики позволяет, на наш взгляд, правильно строить теоретические и экспериментальные исследования в области конкретных, частных проявлений индивидуальности личности, а также ее развития.

Список литературы

1. Князева Е. Н. «Я» как динамическая структура-процесс // Синергетика: человек, общество. – М., 2000, – С. 78 – 91.
2. Мадди С. Теории личности. С-Петербург // Речь, 2002. – 530 с.
3. Поддубный Н. В. Системный подход и психология // Научные ведомости БГУ. – 1997. – С. 7 – 15.
4. Поддубный Н. В. Синергетика: диалектика самоорганизующихся систем. – Ростов-Белгород, 1999. – 364 с.
5. Прохоров А. О. Психология неравновесных состояний М., 1998. – 149 с.

THE CONCEPT OF PERSONALITY IN THE CONTEXT OF SYNERGETIC PARADIGM

N. V. Poddubnyi

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
poddubny@bsu.edu.ru*

The article deals with the notion of identity in a synergistic paradigm. A brief review of the literature on this topic. Provides the author's concept of self-organizing systems. Personality is considered from the standpoint of the concept.

Keywords: identity, Synergetics, individuality, stability, chaos, order, nonequilibrium states.

КОГНИТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ ОБРАЗА ФИЗИЧЕСКОГО Я ИСПЫТУЕМЫХ С РАЗНЫМИ ТИПАМИ ПРИВЯЗАННОСТИ К МАТЕРИ

В. А. Цуркин
Т. Н. Разуваева

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
tsurkin@bsu.edu.ru
razuvaeva@bsu.edu.ru*

В статье представлены результаты исследования когнитивного компонента образа физического Я лиц с разными типами привязанности к матери (озабоченный, надежный, дистанцированный, испуганно-избегающий). Показано, что привязанность к матери является фактором формирования когнитивной составляющей образа тела, что определяет особенности физического Я во взрослости. Лица с надежной и озабоченной привязанностью к матери, в отличие от групп лиц с иными типами привязанности, имеют меньшее число искажений, высокую когнитивную дифференцированность, высокий барьер и низкую проницаемость границ образа тела. Взрослые с дистанцированным и испуганно-избегающим типами эмоциональной привязанности к матери отличаются низкими значениями по данным параметрам.

Ключевые слова: привязанность к матери, образ физического Я, тип привязанности, параметры внешности.

Актуальность настоящего исследования продиктована, в первую очередь, высокой распространенностью известных нарушений образа физического Я у пациентов и клиентов психоневрологических клиник и психологических служб. По данным Всемирной Организации Здравоохранения ежегодно 1 ребенок из 100 в возрасте от 12 до 16 лет заканчивает жизнь самоубийством по причине неудовлетворенности собственной внешностью. При обследовании студенток трех крупных ВУЗов в возрасте от 18 – 23 лет обнаружены симптомы анорексии у 46 %, тогда как по статистике ВОЗ данным заболеванием страдают 20 % населения, растет процент заболевания у лиц мужского пола. Данные обстоятельства тесно связаны с трудностями оптимизации и психотерапии образа физического Я, что часто приводит к тяжелым симптомам и заболеваниям, вплоть до инвалидизации. Поэтому важность изучения аспекта образа физического Я продиктована следующими причинами: телесность, являясь частью самосознания, определяет отношение человека к себе; во-вторых, в настоящее время диктуются строгие пропорции красоты, соблюсти которые многим оказывается не под силу, что приводит к неудовлетворенности внешностью, анорексии, дисморфофобии и суицидальным попыткам [1; 2; 7]. Увеличение переживаний, связанных с внешностью, привело к росту услуг, предлагающим клиентам изменить облик с помощью хирургических операций с использованием сильнодействующего наркоза. Все чаще женщины, соответствующие идеальным пропорциям красоты, испытывают переживания, страхи неясной психологической природы. Тогда как в культуре можно встретить девушек, имеющих лишний вес, дефекты внешности, но не испытывающих отрицательных переживаний по поводу своего тела. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью обнаружить причину искажений в восприятии тела.

Образ физического Я изначально изучался через аспект образа Я в трудах отечественных (Л. С. Выготский; А. А. Бодалев; Е. В. Лисина; Л. И. Божович; И. С. Кон; Е. Т. Соколова; А. Г. Спиркин; В. В. Столин; Н. И. Чеснокова; Е. В. Шорохова) и зарубежных (Э. Эрикссон; Р. Бернс) авторов; в 1970-х гг. прошлого века в России – через изучение невербального общения В. А. Лабунской, А. Меграбян. В 1990-х гг. выделилась новая отдельная дисциплина – психология телесности (А.Ш. Тхостов, Е.В. Лисина, В. В. Николаева, Г. А. Арина и др.). Однако, несмотря на давнюю историю изучения образа физического Я, до сих пор не раскрыты механизмы, формирующие его особенности, отсутствует описание факторов, обуславливающих его содержание, не найдена мишень психотерапевтического воздействия на лиц, обеспокоенных своим телом. В соответствии с концепцией Л. С. Выготского, формирование осознанных и рефлексивных представлений о собственном теле определяется взаимодействием ребенка и взрослого. С позиции культурно-исторического подхода психическое развитие человека понимается как переход извне

внутри системы связей социальных объектов. Сам переход представляется как интериоризация взаимоотношений индивида с персонажами ближайшего окружения путем знаково-символического опосредования. Роль межперсональных отношений в развитии самосознания признают как отечественные (Л. С. Выготский, А. А. Бодалев; В. Н. Мясичев; Е. Т. Соколова; Я. Б. Наровская), так и зарубежные исследователи (З. Фрейд; Э. Эриксон; Ч. Кули; Дж. Мид), что представлено в культурно-исторической концепции, психоаналитическом подходе, символическом интеракционизме. Поэтому важным фактором формирования самооценки тела являются усвоенные оценки значимых других. Привязанность ребенка к матери задает особую социальную ситуацию развития личности, являясь феноменом стабильным на протяжении жизни, формирует базовое отношение к себе и телу, которое человеку трудно изменить.

Анализ имеющихся данных позволил выделить несколько направлений исследования роли межперсональных отношений в формировании самосознания [4; 7; 9; 10; 11; 12; 13]:

- культурно-историческое направление. Кроме контакта с миром предметов, ребенок взаимодействует со значимыми другими и через них познает окружающую реальность. Контакт ребенка с действительностью опосредован взрослыми, при этом, в соответствии с концепцией Л.С. Выготского, для формирования осознанных и рефлекслируемых представлений о собственном теле весьма важна роль матери [4; 11];

- психоаналитическое направление объясняет возникновение самосознания путем отделения ребенка от матери. К концу первого года ребенок может отделять себя от матери, а до этого находится в полном телесном и психическом слиянии с ней [12];

- исследователи Ч. Кули и Дж. Мид объясняют зарождение самосознания способностью вставать на место другого человека и под воздействием этого оценивать себя [7];

- и соответствии с концепцией отношений В.Н. Мясичева самосознание формируется путем возникновения эмоциональных отношений между людьми [9].

Отмеченные теории признают важность межперсональных отношений в развитии самосознания.

Важным фактором формирования самооценки являются усвоенные оценки других людей [3]. В большинстве случаев человек оценивает себя так, как оценивают его другие люди. Привязанность к матери, будучи феноменом неизменным на всем протяжении жизни, формирует базовое отношение к себе, которое нелегко осознать и изменить человеку в будущем. Привязанность, как наличие тесной эмоциональной связи, имеет несколько типов [5]. Во-первых, делится на надежную и ненадежную. Надежная привязанность бывает безопасного типа, ненадежная – трех типов: испуганно-избегающего, дистанцированного и озабоченного. Надежный тип привязанности к матери характеризуется низким уровнем тревоги и низким уровнем избегания. Озабоченный тип – высоким уровнем тревоги и низким уровнем избегания. Испуганно-избегающий – высоким уровнем тревоги, высоким уровнем избегания. Дистанцированный – низким уровнем тревоги, высоким уровнем избегания.

Исходя из вышесказанного, полагаем, что испытуемые с надежной привязанностью к матери имеют высокую степень когнитивной дифференцированности, адекватный образ тела, устойчивые границы образа физического Я. У ненадежно привязанных испытуемых к матери, напротив, низкая концепция тела, искаженный образ физического Я, нарушенные границы тела, представление о теле, лишённое позитивного отношения, зависимое от оценок окружающих. Таким образом, от лиц с испуганно-избегающим и дистанцированным типом привязанности к матери, в силу негативной социальной ситуации развития, правомерно ожидать наличие измененного образа тела.

Предметом нашего исследования стал когнитивный компонент образа физического Я у лиц с разными типами привязанности к матери.

В исследовании приняли участие 230 человек в возрасте от 18 до 20 лет. Методиками исследования стали: опросник «Привязанность к матери в детстве» (Г. Г. Филиппова, Н. В. Матушевская), методика «Изучение искажения образа физического Я» (Е. Т. Соколова), методика «Словесный автопортрет» (В. Н. Куницина); методика «Геометрические фигуры» (А. Ш. Тхостов) [6].

По результатам исследования привязанности получено распределение испытуемых по группам, представленное на рисунке.

Рис. Распределение испытуемых по типу привязанности к матери

По типу эмоциональной привязанности к матери выделились 4 группы испытуемых:

1. 115 человек из 230 испытуемых с озабоченным типом эмоциональной привязанности к матери;
2. 53 человека из 230 с надежной эмоциональной привязанностью к матери;
3. 53 человека из 230 с испуганно-избегающим типом эмоциональной привязанности к матери;
4. 9 человек из 230 имеют дистанцированный тип эмоциональной привязанности к матери.

Обобщая полученные данные по степени надежности эмоциональной привязанности, выборка может быть разделена на надежную и ненадежную группы эмоциональной привязанности к матери или безопасную и небезопасную. В надежную (безопасную) входят все испытуемые с одноименным названием – 23 %. Все остальные испытуемые (77 %) принадлежат к выборке ненадежно привязанных к матери, соответственно: дистанцированный – 4 %, испуганно-избегающий – 23 %, озабоченный тип – 50 %.

По данным эмпирического исследования стало возможным составить характеристику для каждой из групп эмоциональной привязанности.

Большая часть респондентов (n=177; 77 % случаев) принадлежат к группе ненадежной привязанности к матери. Испытуемые данного типа чаще всего выделяли следующие характеристики отношений с матерью в интервью:

- 1) дискомфорт;
- 2) уязвимость, ненадежность, высокая тревога или избегание при взаимодействии с ней;
- 3) отсутствие эмоциональной поддержки со стороны матери;
- 4) дистанция во взаимоотношениях с ней;
- 5) фрустрация в удовлетворении базальных потребностей в безопасности, принятии и любви.

Матери детей с ненадежной привязанностью мало или совсем не проявляли любви, заботы, поддержки, что привело к вышеописанным эмоциональным реакциям.

Лица с высоким уровнем эмоциональной привязанности к матери или надежным типом (n=53, 23 %) в описаниях отношений с матерью указывали на позитивно окрашен-

ные отношения, ощущение любви, поддержки и заботы со стороны матери. Мать ими воспринимается как отзывчивая и доступная.

Матери с надежной привязанностью заботятся о детях, удовлетворяя их потребность в любви, одобрении, принятии, что приводит к обозначенным эмоциональным проявлениям. Матери с данным типом привязанности отличаются отзывчивостью, сензитивностью, доступностью, быстро откликаются на сигналы ребенка, они всегда доступны для своих детей. Дети, в свою очередь, в такой социальной ситуации развития демонстрировали здоровый паттерн привязанности в виде уверенности и базовой безопасности. Поведение ребенка имеет следующие признаки: спокойствие, уверенность, радость. У ребенка закладывается уверенность и безопасность как важнейшие качества личности. По результатам исследования, надежно привязанные взрослые характеризуются сбалансированным представлением о своих ранних отношениях, ценят привязанность и придают большое значение отношениям с матерью в формировании их личности. По наблюдению они отличаются устойчивым отношением к себе, уверенностью в своих силах; у людей с «надёжным» типом эмоциональной привязанности более выражены авторитарный и дружелюбный типы межличностных отношений.

Группа с озабоченным типом привязанности (50 % от выборки, $n=115$) при описании отношений с матерью указывали на низкий уровень избегания и высокую тревогу в отношениях с ней. По результатам интервью испытуемых, поведение матерей отличается амбивалентностью в воспитании, непоследовательностью в выражении заботы о ребенке, проявляющейся то в заботе, то в равнодушии. В свою очередь, испытуемые борются с такой непосредственностью в проявлении материнской заботы и любви с помощью отчаянных попыток, пытаясь заслужить эмоциональную поддержку. Они проявляют симптомы истероидного типа характера, выражающегося в реактивности, экспрессивности и высокой степени театральности. Сталкиваясь с трудностями, реагируют очень эмоционально и сильно. Им нелегко справиться с проблемой самостоятельно, и поэтому они немедленно обращаются к другим людям. Чувствительны, ревнивы, страдают от страха потерять партнера. Аффективны до крайней степени, что создает множество проблем. Они часто зывают к чьим-то чувствам, чтобы получить внимание и поддержку. Имеют свойство неразборчиво открывать свои чувства собеседникам. Постоянно находятся в конфликте с окружением, аргументируя это тем, что окружающие им постоянно чего-то не добавляют. Для них очень важна тесная дружба. Очень многого ожидают от друзей. Нагнетают в себе потребность в «единственном лучшем друге». Из-за своих высоких запросов видят в своих друзьях ненадежных или недостаточно поддерживающих их партнеров, ощущают себя использованными. У матерей в данном типе привязанности наблюдается амбивалентность заботы о младенце в зависимости от настроения: то энтузиазм, то равнодушие, иногда они бывают ласковыми и отзывчивыми, а иногда нет. Эта непоследовательность, по всей видимости, формировала у детей неуверенность относительно того, будет ли мать рядом, когда они будут в ней нуждаться. Ребенок борется с такой непосредственностью в проявлении материнской заботы и любви с помощью отчаянных попыток: крика, плача, цепляния, пытаясь добиться эмоциональной поддержки и утешения, а потерпев неудачу, становится озлобленным и мстительным.

По результатам исследования 4 % испытуемых ($n=9$) принадлежат к дистанцированному типу привязанности к матери.

Исходя из наблюдения и интервью, испытуемые дистанцированного типа привязанности к матери холодны, рациональны, равнодушны и отстранены в отношениях. Сдержаны в эмоциях, избегают помощи других при решении проблем. Имеют тенденцию к эмоциональной независимости, в решении дел полагаются только на себя. Дистанцированные испытуемые в ходе беседы проявляли дискомфорт, всячески отрицали значимость детских отношений для своего развития, испытывали большие сложности в воспоминании определенных ситуаций и часто идеализированно вспоминали раннее детство. В их поведении преобладали такие характерные черты, как: обсессивная самодостаточность, чрезмерное стремление к автономии, эмоциональная неприязнь.

К названным признакам можно добавить еще один – подверженность депрессии. У дистанцированного типа привязанности, вследствие отстранения от объекта привязанности, вытеснения неприятных воспоминаний, эмоциональной отчужденности, отказа от поддержки и утешения, формируется повышенная когнитивная уязвимость, что приводит

к депрессии. В детстве ребенок угрюм, замкнут, не допускает доверительных отношений со взрослыми и детьми. Основной мотив — «никому нельзя доверять». Подобное может быть в том случае, если ребенок очень болезненно пережил разрыв отношений с близким взрослым. Два паттерна воспитания приводят к формированию ненадежной привязанности дистанцированного типа. Первый паттерн – мать, избегающая младенца, часто нетерпелива со своими детьми, неотзывчива к их сигналам, склонна к выражению негативных чувств по отношению к ребенку. Такие матери центрированы на себе, проявляют отвергающее отношение к ребенку. Второй паттерн – ревностная мать, проявляющая чрезмерную опеку.

Ребенок в данном типе привязанности не знает, можно ли приблизиться к матери для получения приятных эмоций или следует отступить в целях безопасности. Это характерно для детей, подвергавшихся жестокому систематическому обращению и насилию, и никогда не имевших опыта привязанности. К формированию такого типа привязанности приводит жестокое обращение со стороны матери.

По результатам исследования для лиц с испуганно-избегающим типом эмоциональной привязанности к матери (23%, n=53) характерна уязвимость, застенчивость, неловкость. Они отказываются от помощи и не прибегают к помощи и поддержке других людей. Склонны не показывать свои чувства другим людям. Проявляют низкую уверенность, зависимы, сильно ревнивы и боятся отделения от опекуна. Иногда они утверждают, что другие видят их как высокомерных или надменных, но настаивают, что это неправильная интерпретация их застенчивости. Они говорят, что хотят быть более уверенными. Они нелегко доверяют другим, хотят общаться, однако чувствуют себя отчужденными, чувствуют любые симптомы отвержения, часто описывают себя как одиноких. Испытывают страх, отчаяние от мысли, что не смогут найти партнера, что их никто не любит. Они блокируют чувства и избегают конфликтов.

Перейдем к анализу когнитивного компонента образа физического Я лиц с разными типами привязанности к матери. Искажение отдельных параметров восприятия тела исследовалось методикой «Изучение искажения образа физического Я» (Е.Т. Соколова).

Таблица 1

Значения когнитивного искажения параметров образа внешнего облика, имеющих достоверные различия в группах с различной привязанностью к матери (в %)

Тип привязанности	Голова	Шея	Плечи	Грудная клетка	Талия	Бедра
Надежный	12***++*	0***	0****+	0+++	4***	-4****
Испуганно-избегающий	43***◇◇◇	24***◇◇◇	-10***	-1◇□□	14***◇	16***◇◇□□
Дистанцированный	40▲▲+++	0□□	-10++	36□□▲▲▲+++	8	1□□
Озабоченный	17◇◇◇▲▲	-2◇◇◇	-5	10◇▲▲▲	6◇	0◇◇*

Примечание: Знак * указывает на наличие достоверных различий между показателями испытуемых в группах с испуганно-избегающей привязанностью и надежной: * – при уровне значимости $p < 0,05$; ** – при уровне $p < 0,01$; *** – при уровне $p < 0,001$.

Знак ◇ указывает на наличие достоверных различий между показателями в группах с испуганно-избегающей привязанностью и озабоченной – при уровне $p < 0,05$; ◇◇ – при уровне $p < 0,01$; ◇◇◇ – при уровне $p < 0,001$.

Знак □ указывает на наличие достоверных различий между показателями в группах с испуганно-избегающей привязанностью и дистанцированной : □ – при уровне $p < 0,05$; □□ – при уровне $p < 0,01$; □□□ – при уровне $p < 0,001$.

Знак ▲ указывает на наличие достоверных различий между показателями в группах с дистанцированной и озабоченной привязанностью к матери: ▲ – при уровне $p < 0,05$; ▲▲ – при уровне $p < 0,01$; ▲▲▲ – при уровне $p < 0,001$.

Знак+ указывает на наличие достоверных различий между показателями в группах с дистанцированной и надежной привязанностью к матери: + – при уровне $p < 0,05$; ++ – при уровне $p < 0,01$; +++ – при уровне $p < 0,001$.

Знак указывает на наличие достоверных различий между показателями в группах с озабоченной и надежной привязанностью к матери: * – при уровне $p < 0,05$; ** – при уровне $p < 0,01$; *** – при уровне $p < 0,001$.

Отсутствие значков *◇ □+* означает отсутствие достоверности различий.

Обнаружены значимые различия когнитивного искажения параметров образа физического Я в группах с разной степенью привязанности к матери по 6 показателям по критерию Тьюки ($p < 0,001$).

Наименьший процент искажения образа физического Я имеют испытуемые с надежной привязанностью к матери. Их восприятие тела менее всего искажено по 3 из 6 параметров, 2 – в сторону увеличения (+) и 1 – уменьшения (-). Шея, плечи и грудная клетка надежного типа не имеют искажений (0 %). В силу значимости интеллектуальной сферы наибольшее искажение в 12% получено по параметру голова. Незначительно (на 4%) преувеличены талия и преуменьшены бедра.

Испытуемые с испуганно-избегающим типом, в силу отсутствия положительной соматосенсорной стимуляции, отрицательной оценки и жестокого обращения со стороны матери имеют самый высокий процент искажения образа тела по 6 параметрам: 4 – в сторону преувеличения образа физического Я (голова на 43 %, шея на 24%, талия на 14 % и бедра на 16%) и 2 – в сторону преуменьшения (плечи -10%, грудная клетка -1%). Испытуемые с дистанцированным типом привязанности искаженно отражают внешность по 5 параметрам: 4 параметра в сторону преувеличения (голова – на 40%, грудная клетка – на 36%, талия – на 8%, бедра – на 1%), 1 параметр в сторону уменьшения (плечи – на 10%).

Испытуемые с озабоченным типом привязанности искажают образ физического Я по 5 параметрам: 3 в сторону преувеличения и 2 уменьшения. Показатель искажения надежного типа (2,3%) привязанности и озабоченного значительно меньше (4,3%), чем у дистанцированного (12,5%) и испуганно-избегающего (14,3%). Самые высокие показатели искажения у испуганно-избегающего типа. По сравнению с остальными типами высокие показатели искажения у дистанцированного и испуганно-избегающего типов.

По сравнению с остальными типами привязанности надежный тип привязанности, в силу благоприятной социальной ситуации развития объекта привязанности, не имеет выраженных отличительных искажений, что говорит о более адекватном восприятии схемы тела. Озабоченный тип привязанности также имеет более адекватное отражение своего тела по сравнению с остальными типами привязанности к матери.

Таким образом, испытуемые с дистанцированным и испуганно-избегающим типом привязанности имеют большее число дисторсий отдельных параметров. Субъекты с надежным типом привязанности имели благоприятный симбиоз с матерью, выражающийся в последовательной соматосенсорной стимуляции. Отношения ребенка и матери были построены на четких, понятных, хорошо определенных ожиданиях, что сформировало представление о теле как целостном, четком и определенном, адекватном в отражении, в умении интегрировать ощущения. В озабоченном типе привязанности мать в отношениях с ребенком проявляла амбивалентные чувства: как принятие, так и отвержение. Принятие, как положительное чувство, идущее от матери, способствовало более адекватному представлению о собственном теле испытуемых, что наблюдается в исследовании. Тогда как отвержение, навязчивый переизбыток соматосенсорной стимуляции формирует искажение и неадекватность восприятия тела, которые наблюдаются в исследовании в виде когнитивных ошибок и иллюзий восприятия у дистанцированного и испуганно-избегающего типа привязанности к матери в сторону мнимой феминизации тела.

По параметру плечи надежный и озабоченный тип привязанности отличен от других групп. Дистанцированный и испуганно-избегающий типы отличаются по данному признаку от надежного и озабоченного типов. По параметру грудная клетка, бедра, талия все группы имеют статистическое различие.

Результаты изучения образа физического Я в группах надежных, озабоченных, дистанцированных и испуганно-избегающих взрослых представлено в табл. 2.

Таблица 2

Сравнение типов субъективного и объективного образа тела лиц с разными типами привязанности к матери

Тип привязанности	Субъективный образ физического «Я»	Объективный образ физического «Я»
Надежный тип	феминный	феминный
Испуганно-избегающий	феминный	маскулинный
Дистанцированный	андрогинный	феминный
Озабоченный	феминный	феминный

Таблица 2 показывает разницу образа физического Я между представлением его в сознании субъекта и существующим типом телесной конституции, т.е., насколько точно субъект отражает свое тело и адекватно его ощущает. Нормой развития образа физического Я считается такое восприятие тела, когда субъективный образ адекватен объективному телу, что свидетельствует о том, что субъект осведомлен об особенностях своего тела и точно его отражает и ощущает.

Несоответствие бессознательного образа физического Я реальной конституции тела обнаружены по 2 типам привязанности к матери: дистанцированному и испуганно-избегающему. Данные испытуемые, в силу отмеченных выше особенностей привязанности к матери, искаженно отражают собственное тело, а значит, неточно ощущают схему собственного тела. Соответствие образа физического Я типу телесной конституции отмечены у надежной и озабоченной группы привязанности к матери. Данная группа осознает свой тип конституции, а также его физиологическую половую принадлежность. На уровне психики и тела мужские качества минимизированы, женские – сконцентрированы, испытуемые точно осознают особенности тела, конституцию, половую принадлежность, отражая ее адекватно. Ошибки в восприятии телосложения выявлены у дистанцированного и испуганно-избегающего типов. Интересным является тот факт, что тело девушки сформировалось по маскулинному типу, тогда как в сознании телосложение представлено по феминному типу. И ранее выявленные искажения (преувеличение бедер, талии) подтверждают это. У испуганно-избегающего типа привязанности к матери замечены расхождения, объективный образ физического Я – маскулинный, воображаемый образ тела – феминный. Несоответствие обнаруживается в восприятии телосложения дистанцированного типа привязанности, где субъективный образ физического «Я» андрогинный, а объективный образ – феминный.

Таким образом, адекватное восприятие и понимание тела обнаружено у надежного и озабоченного типов привязанности к матери. В их сознании воображаемый образ приближен к реальному, тогда как у дистанцированного и испуганно-избегающего типов находим проблемы и выраженные нарушения соответствия реального тела бессознательному представлению о нем, что свидетельствует об искажении восприятия собственного тела в данных группах привязанности к матери.

В структуре когнитивного компонента установлены различия значимости тех или иных элементов в физическом облике испытуемых в разных группах привязанности к матери методикой «Словесный автопортрет» (В.Н. Куницина).

Таблица 3

Значимость элементов физического облика в разных группах эмоциональной привязанности к матери

Элементы внешнего облика	Количество портретов, в которых данный элемент назван (в %)			
	Надежный тип	Испуганно-избегающий	Дистанцированный	Озабоченный
1	2	3	4	5
Глаза	85***	20***◇◇◇□□	71□□	79◇◇◇
Волосы	78 ⁺	80□□	50□ ^{▲▲}	79 [▲]
Лицо	28***	40*◇□	64□ ⁺⁺	56◇ [•]
Фигура	21 ⁺⁺	20◇□	64□ ^{▲▲+}	56◇ ^{▲•}
Тело	50 ⁺	60◇◇	35 ^{▲+}	46◇◇ [▲]
Рост	21 ⁺	-	35 ⁺	37
Нос	35 ⁺⁺	20□	7□ ^{▲▲+}	28 [▲]
Губы	28	20	28	23
Руки	28**	40**	35 [▲]	17 [▲]
Ногти	35 ⁺⁺	20*	14 ⁺	19 [•]
Кожа	7	-	14	18
Уши	28 ⁺	20	14 ⁺	13
Ресницы	7**	20**	14	15
Грудь	14	20	14	13
Живот	7***	40***◇◇◇	-	10◇◇◇
Вес	7	20	-	12
Пальцы	21 [•]	20◇◇	-	7◇◇ [•]

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5
Талия	7*	20*	21 [▲]	4 [▲]
Ягодицы	7*	20* [◇]	7	7 [◇]
Брови	7*	20*	-	-
Бедра	7*	20*	-	6
Шея	7	20 ^{◇◇} [□]	7 [□]	3 ^{◇◇}
Щеки	14*	-	-	2*
Осанка	7	-	7	1
Плечи	7	-	-	-
Икры	7	-	-	-
Колени	7	-	-	-
Пятки	7	-	-	-
Размер обуви	7	-	-	-
Рот			14	
Таз			7	
Скулы			7	
Подбородок			7	
Бицепсы			7	
Пресс	1		7	1
Веснушки			7	
Зубы	1		7	2
Ноги				32
Лоб				1
Родинка				1
Количество параметров внешности всего	31	20	26	28

Примечание: Знак * указывает на наличие достоверных различий между показателями испытуемых в группах с испуганно-избегающей привязанностью и надежной: * – при уровне значимости $p < 0,05$; ** – при уровне $p < 0,01$; *** – при уровне $p < 0,001$.

Знак [◇] указывает на наличие достоверных различий между показателями в группах с испуганно-избегающей привязанностью и озабоченной – при уровне $p < 0,05$; ^{◇◇} – при уровне $p < 0,01$; ^{◇◇◇} – при уровне $p < 0,001$.

Знак [□] указывает на наличие достоверных различий между показателями в группах с испуганно-избегающей привязанностью и дистанцированной: [□] – при уровне $p < 0,05$; ^{□□} – при уровне $p < 0,01$; ^{□□□} – при уровне $p < 0,001$.

Знак [▲] указывает на наличие достоверных различий между показателями в группах с дистанцированной и озабоченной привязанностью к матери: [▲] – при уровне $p < 0,05$; ^{▲▲} – при уровне $p < 0,01$; ^{▲▲▲} – при уровне $p < 0,001$.

Знак ⁺ указывает на наличие достоверных различий между показателями в группах с дистанцированной и надежной привязанностью к матери: ⁺ – при уровне $p < 0,05$; ⁺⁺ – при уровне $p < 0,01$; ⁺⁺⁺ – при уровне $p < 0,001$.

Знак [•] указывает на наличие достоверных различий между показателями в группах с озабоченной и надежной привязанностью к матери: [•] – при уровне $p < 0,05$; ^{••} – при уровне $p < 0,01$; ^{•••} – при уровне $p < 0,001$.

Отсутствие значков *[◇] [□] ⁺ [•] означает отсутствие достоверности различий.

Обнаружены различия значимости параметров образа физического Я в группах с разной степенью привязанности к матери по 6 показателям по критерию Тьюки ($p < 0,001$).

Как показывают данные таблицы 3, уровень осведомленности о физическом Я у лиц испуганно – избегающего типа привязанности значительно ниже и уже, чем у остальных типов привязанности к матери, состоит всего из 20 элементов из 40 возможных. Самым полным описанием обладает портрет Я лиц с надежным типом привязанности. Он включает 31 элемент. Описание дистанцированной группы привязанности к матери состоит из 26 элементов. В отличие от всех остальных типов, этот тип включает в портрет детальное описание ротовой части лица (в 35 % случаях): рот, подбородок, зубы, скулы; а также костно-мышечной системы (в 21 % случаях): бицепсы, таз, пресс. Лица данного типа привязанности к матери в портрете не указывает живот, вес, пальцы, бедра, тогда как для

других групп эти параметры являются значимыми (например, для испуганно-избегающего – живот). На первое место, как и многие типы, за исключением испуганно-избегающего, испытуемые с дистанцированным типом привязанности ставят описание глаз (в 71 % случаях), затем по степени значимости следуют лицо (64%) и фигура (64%). Значимость фигуры и лица выше, в сравнении с другими группами, где большую значимость приобретают волосы. Таким образом, более значимыми параметрами в описании себя у дистанцированного типа привязанности являются глаза и фигура. Дистанцированный тип привязанности игнорирует в описании живот, вес, пальцы, бедра. Однако очень большое значение придает в описании образа физического Я ротовому сегменту (рот, подбородок, зубы), мышечной системе: бицепсы, пресс и таз. Выделенные признаки учитывают важность функциональных элементов, имеющие защитные функции. Данному типу привязанности приходится учитывать социальную ситуацию развития, где мир – это небезопасность, и развивать качества, отвечающие за оборону. Сформированная модель «мать-ребенок» дает ему представление о мире как небезопасном. В самом названии типа «дистанцированный» включена информация, что мать обращалась с ребенком настолько несдержанно и агрессивно, что ребенку приходилось избегать и защищаться от нее.

Испуганно-избегающий тип привязанности отличается стандартным и узким набором элементов описания физического облика, состоящий из 20 элементов. Выявлен ряд особенностей, отделяющих данный тип от других. Важно отметить, что когда для других групп глаза имеют первостепенное значение, то для испуганно-избегающего типа – низкое. Это связано с тем, что ребенок в социальной ситуации развития в данном типе эмоциональной привязанности получил психологическую травму и потерял зрительный контакт с матерью и остальными людьми, уйдя в мир переживаний психологической травмы. Высокой значимостью наделены волосы (80%), затем тело (60%), лицо (40%), руки (40%) и живот (40 %). Остальные признаки имеют второстепенное значение. Большой процент значимости для лиц данной группы, в отличие от остальных групп, имеют атрибуты внешности, причастные к сексуальности: ресницы (20%), грудь (20 %) и вес (20%). Некоторые черты (осанка, рост, кожа) не указаны вовсе. Испуганно-избегающий тип привязанности отличается самым узким набором знаний о себе. Игнорирует описание осанки, роста, кожи – параметры, ответственные за значимость границы тела, отличающие одного человека от другого. Наблюдается очень низкое значение глаз, ответственных за коммуникацию людей. Специфически высока значимость рук и живота. У озабоченного типа привязанности к матери в самоописании значимость имеют ноги (32 %), тогда как в других группах они не указаны вообще. Первостепенно значимы волосы (79%) и глаза (79%). Меньшее значение имеют руки, уши, грудь, пальцы, талия, шея.

Озабоченный тип привязанности к матери в самоописании придает большее значение ногам. Несущественное значение – рукам, ушам, груди, пальцам, талии, шее. Преимущественное значение имеют глаза, волосы, лицо, тело. Неспецифически для других групп привязанности к матери подчеркивается значимость ног, которые осуществляет опору. Ниже значимость ушей, рук и пальцев, ответственных за коммуникацию, а также за функционирование тактильных и слуховых анализаторов. Данное восприятие тела сформировано в условиях социальной ситуации развития амбивалентного типа привязанности, когда мать проявляла то ярость, то любовь, и ребенок не знал, как себя вести, что сформировало в нем значимость в жизни ног, ответственных за опору, и низкую значимость аудиального анализатора и рук, ответственных за коммуникацию. Поскольку родители вели себя непоследовательно, иногда слышали потребности ребенка, иногда нет.

Самое большое значение, по сравнению с остальными группами надежный тип привязанности придает глазам (85 %), самое низкое значение – лицу (28%). Значимость глаз, по сравнению с другими типами, объясняется важностью зрительного контакта для надежно привязанных испытуемых. Данный тип привязанности отличается принятием со стороны матери, что подразумевает зрительный контакт с ней. Эта система интериоризировалась, и во взрослости зрительный контакт для этих испытуемых является основой гармоничных отношений. На первостепенных позициях для лиц этого типа привязанности находятся глаза (85 %), волосы (78 %) и тело (50 %). Важной отличительной особенностью группы надежного типа привязанности к матери является

описание элементов образа тела, не свойственных другим типам: плечи, икры, колени, пятки, размер обуви (в 7 %). Большой значимостью наделены глаза (85 %), нос (35 %), губы (28 %), уши (28 %), пальцы (21 %), то есть анализаторы, что позволяет объективно строить представления о своем теле, как это было уже ранее выявлено. Меньшей значимостью наделены: кожа (7 %), ресницы (7 %), живот (7 %), вес (7 %). Надежный тип привязанности большую значимость в описании придает зрительным, слуховым, тактильным анализаторам. Отличительной особенностью этого типа является детальное описание мышц, суставов, размера ноги. Заметно преобладание функциональных признаков в описании себя, в меньшей степени – эстетических. Выделены те компоненты внешности, которые позволяют успешно ориентироваться в окружающем мире. Низкой значимостью обладают такие эстетические признаки, как кожа, ресницы, живот, вес, лицо.

Результаты изучения различий когнитивной дифференцированности образа физического Я в разных группах привязанности к матери представлены в табл. 4.

Таблица 4

Различия когнитивной дифференцированности образа физического Я в различных группах привязанности к матери (в %)

Тип привязанности	Показатель когнитивной дифференцированности образа физического Я
Надежный	78
Испуганно-избегающий	50
Дистанцированный	65
Озабоченный	70

Первое место по широте представлений о собственном теле имеет надежный тип привязанности к матери, второе – озабоченный, третье – дистанцированный, четвертое – испуганно-избегающий. Заметно снижение показателей процента когнитивной дифференцированности образа физического Я от надежного типа к озабоченному типу, к дистанцированному типу и к испуганно-избегающему. Степень когнитивной сложности определяет широту представлений человека о себе, (узкое – широкое), степень связанности эмоционального компонента и когнитивного, а также степень зависимости оценки внешности от мнения окружающих.

Определив богатство описания тела, мы можем судить о «выпуклости» образа физического Я, об уровне представленности знаний о теле. Из таблицы 4 видим, что надежный тип отличается высоким уровнем когнитивной дифференцированности и более полным описанием тела. Принятие матерью ребенка, его чувств, достаточная соматосенсорная стимуляция, последовательность в воспитании привели к высокому уровню представления о собственном теле. В описание надежного типа привязанности включены такие неспецифические для других групп элементы внешности, как щеки, плечи, икры, колени, пятки, размер ноги, что свидетельствует о детальном знании своего тела.

Второе место по широте описания внешности занимает озабоченный тип привязанности к матери, его телесная концепция образа физического Я составила 70%. В описание внешности включены элементы, неспецифические для других типов описания. В условиях амбивалентных отношений с матерью ребенок получил достаточную соматосенсорную стимуляцию, что привело к развитию надлежащей высокой когнитивной дифференцированности образа тела.

Дистанцированный тип привязанности имеет средний процент когнитивной сложности. В описание включены такие неспецифические детали и элементы, как рот, скулы, таз, подбородок, бицепс, пресс, веснушки.

Описание внешности лицами испуганно-избегающего типа привязанности беднее, чем в остальных группах привязанности ребенка к матери, имеет уровень ниже среднего, содержит простые категории, без детализации и уточнений. Нечувствительность матери, отвержение ребенка на психологическом и физическом уровне, проявление жесткого обращения, недостаток любви, непоследовательность в требованиях сформировали у ребенка низкое представление о собственном теле, состоящее из довольно стандартных

описаний. Образ физического Я отличается пристрастностью, низким уровнем представления о себе. Низкая когнитивная дифференцированность образа физического Я лиц испуганно-избегающего типа привязанности к матери создает условия зависимости, слитности с эмоциональным компонентом самосознания, что ведет к пристрастности и зависимости от мнения окружающих и эмоциональных обстоятельств.

Получена разница когнитивной дифференцированности образа физического Я от степени привязанности к матери: испуганно-избегающие взрослые имеют существенно меньшее представление о своем теле, чем остальные типы. Наиболее полное представление о своем теле выявлено у надежного типа, им свойственно более широкое представление о собственном теле, по сравнению с другими типами. Низкая степень привязанности снижает показатели когнитивной дифференцированности, высокая – повышает их. Высокая степень когнитивной сложности свойственна надежному типу привязанности, средняя – испуганно-избегающему типу.

Перейдем к сравнительному анализу границ образа физического Я.

Таблица 5

Различия проекций границ тела лиц с разными типами привязанности к матери (в %)

Границы тела / Тип привязанности	Форма правильная, замкнутая, отсутствуют углы	Хорошо знакомые, правильные, симметричные, замкнутые фигуры, с наличием углов	Простые фигуры, отсутствие симметрии, наличие углов	Сложные фигуры, «плохая» форма, отсутствие симметрии, наличие углов	Отсутствие устойчивой, четкой формы, границ, углов, открытость
Надежный	80	-	20	-	-
Испуганно-избегающий	-	20	20	40	20
Дистанцированный	10	10	5	75	
Озабоченный	44	14	4	28	10

Сравнение границ тела в разных выборках разных типах привязанности, показало, что надежный тип имеет высокое качество границ в 80 %, барьер которых выше по сравнению с озабоченным и испуганно-избегающим типом. Заметим низкое качество границ у дистанцированных взрослых, в 75 % случаев их границы нечеткие, несимметричные, простые.

Испытуемые с надежным типом в 80 % случаев и озабоченным типом в 44 % ассоциируют границы с замкнутой, правильной симметричной формой. Испытуемые с испуганно-избегающим типом привязанности выбирают в 40 % случаев фигуры с «плохой» формой, несимметричной, нечеткой, неустойчивой. Таким образом, более определенными, предохраняющими от внешних воздействий являются границы надежного и озабоченного типов. У испуганно-избегающего типа привязанности наблюдаются проблемные, размытые границы, с исчезновением ощущаемых границ тела.

Анализ степени четкости границ показал, что барьер границ выше у надежного и озабоченного типов привязанности, что является показателем низкой проницаемости, определенности и четкости границ. Высокая степень определенности границ означает, что в сознании яснее представлены внешние покровы тела. Хорошие границы определяют высокую степень автономии субъекта от других людей, тогда как слабые границы – слабую автономию, высокую личностную защиту, неуверенность в социальных контактах. Все группы привязанности статистически различны по степени барьера и проницаемости границ.

Результаты показывают различия границ в разных группах привязанности к матери.

Таким образом, экспериментально установлено, что содержание образа физического Я различается в зависимости от качества эмоциональной привязанности к матери. Установлено, что в содержание образа физического Я надежного типа включены не только общие представления о теле в виде формально-специфических категорий, встречающихся в формальном юридическом самоописании, но и ряд специфических. Описание

внешности испуганно-избегающего типа имеет низкий уровень когнитивной дифференцированности. Нечувствительность матери, отвержение ребенка на психологическом и физическом уровне, проявление жесткого обращения, недостаток сенсорной стимуляции, непоследовательность требований сформировали у ребенка узкое представление о теле, состоящее из довольно стандартных описаний. Образ физического Я отличается пристрастностью, низким уровнем представления о себе.

Второе место по широте описания внешности принадлежит лицам озабоченного типа привязанности к матери. В описание внешности включены неспецифические элементы для других типов описания. В условиях амбивалентных отношений с матерью, то любви, то несдержанности, то мать чувствовала потребности ребенка, то игнорировала, ребенок мог получить соматосенсорную стимуляцию и положительное отношение к себе, что могло привести к развитию надлежащей высокой когнитивной дифференцированности.

Выявлена разница в когнитивной дифференцированности образа физического Я у лиц разных типов привязанности: испуганно-избегающие взрослые имеют существенно меньшее представление о теле, чем остальные типы. Наиболее полное представление о теле обнаружено у надежного типа привязанности к матери. Низкое качество привязанности снижает показатели когнитивной дифференцированности, высокое – повышает их.

Обнаружены различия когнитивного искажения образа физического Я. В сравнении с остальными типами привязанности к матери у испуганно-избегающего типа обнаружено наибольшее специфическое искажение по параметру «голова» и «грудная клетка». У дистанцированного типа привязанности максимально увеличены в сознании шея, талия, бедра. По сравнению с остальными типами привязанности надежный тип привязанности не имеет выраженных отличительных искажений, что говорит о более адекватном восприятии схемы тела. Озабоченный тип привязанности более адекватно отражает свое тело по сравнению с остальными типами. Несоответствие отражаемого образа тела объективному обнаружено у испуганно-избегающего и дистанцированного типов привязанности.

Выявлены также различия в представлениях о границах собственного тела. У надежного и озабоченного типов форма границ преимущественно правильная, замкнутая, отсутствуют углы. У испуганно-избегающего и дистанцированного типа сложная фигура, «плохая» форма, отсутствие симметрии, наличие углов.

Обнаружены различия между группами лиц с разными типами привязанности к матери по субъективной значимости отдельных частей тела. Надежный тип привязанности большую значимость в самоописании придает анализаторам. Отличительной особенностью этого типа является детальное и функциональное описание ног (мышцы, суставы, размер ноги). Низкой значимостью наделены такие признаки, как кожа, ресницы, живот, вес, лицо. Заметно преобладание функциональных признаков в описании себя, в меньшей степени – эстетических. Выделены те элементы тела, которые позволяют успешно ориентироваться в окружающем мире. Дистанцированный тип привязанности игнорирует в описании живот, вес, пальцы, бедра. Однако очень большое значение придается ротовому сегменту, челюстному (рот, подбородок, зубы), а также мышечной и костной системе: бицепсы, пресс, таз. Выделенные признаки учитывают важность функциональных элементов, имеющих защитные функции. Данному типу привязанности приходится учитывать социальную ситуацию развития, где мир – это небезопасность, и развивать качества, отвечающие за самосохранение. В самом названии типа «дистанцированный», включена информация о том, что мать обращалась с ребенком настолько несдержанно и агрессивно, что ребенку приходилось избегать и защищаться от нее. Озабоченный тип привязанности к матери в описании придает большее значение ногам. Меньшая значимость ушей, рук, пальцев, – элементов, ответственных за коммуникацию. Данное восприятие тела сформировано в условиях амбивалентного типа привязанности, когда мать проявляла то ярость, то любовь, и ребенок не знал, как себя вести, что сформировало в нем значимость в жизни ног и роста, ответственных за опору и значимость, и низкую значимость элементов тела, ответственных за коммуникацию. Испуганно-избегающий тип привязанности отличается самым узким набором знаний о себе. Игнорирует описание осанки, роста, кожи. Наблюдается очень низкое значение глаз, ответственных за коммуникацию людей. Специфически высока значимость рук и живота.

Таким образом, результаты исследования когнитивного компонента образа физического Я лиц с разными типами привязанности к матери (озабоченный, надежный, дистанцированный, испуганно-избегающий) позволяют утверждать, что привязанность к матери является фактором, детерминирующим особенности физического Я во взрослости.

Список литературы

1. Акопов Г. В. Проблема сознания в психологии. Отечественная платформа / Г. В. Акопов. – Самара: Изд-во СН Ц РАН-Сам ИКП, 2002. – 206 с.
2. Белугина Е. В. Отношение к своему внешнему облику в период середины жизни: Дис. ... канд. психол. наук / Е. В. Белугина. – Ростов-на-Дону, 2003. – С. 78
3. Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком / А. А. Бодалев. – М, 2010. – 200 с.
4. Выготский Л. С. Психология развития как феномен культуры / Л. С. Выготский / Под ред. М.Г. Ярошевского. – М.: Издательство «Институт психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2010. – 512 с.
5. Кон И. С. В поисках себя: личность и ее самосознание / И. С. Кон. – М.: Политиздат, 2011. – 335 с.
6. Лабунская В. А. Психология самовыражения и проблема формирования «Я» личности / В. А. Лабунская // Прикладная психология. 1999. – № 5. – 53 с.
7. Наровская Я. Б. Социально-психологические особенности женщин, преобразующих свой внешний облик: Автореф. дис... канд. психол. наук / Я. Б. Наровская. – Ростов-на-Дону, 2007. – 28 с.
8. Соколова Е. Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности / Е. Т. Соколова. – М.: МГУ, 1989. – 215 с.
9. Соколова Е. Т. Исследование образа тела в зарубежной психологии / Е. Т. Соколова, А. Н. Дорожевец // Вестник Московского ун-та, Серия 14. Психология, 2010. – № 4. – С. 39 – 49.
10. Соколова Е. Т. Я-образ тела / Е. Т. Соколова // Психология самосознания. Хрестоматия / Под ред. Д. Я. Райгородского. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2000. – С. 406 – 422.
11. Тхостов А. Ш. Психология телесности / А. Ш. Тхостов. – М.: Смысл, 2002. – 287 с.
12. Фрейд З. Психология бессознательного / З. Фрейд. – М.: Просвещение, 2012. – 447 с.
13. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М.: Мысль, 2004. – 375 с.

COGNITIVE COMPONENT OF THE IMAGE OF THE PHYSICAL I TESTED WITH DIFFERENT TYPES OF ATTACHMENT TO MOTHER

V. A. Tsurkin
T. N. Razuvaeva

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
tsurkin@bsu.edu.ru
razuvaeva@bsu.edu.ru*

The article presents the results of a study of the cognitive component of the image of the physical I persons with different types of attachment to the mother (preoccupied, reliable, distanced fearfully-avoidant). It is shown that the attachment to the mother is a factor in the conditions which formed the cognitive component of body image that defines the physical characteristics of I adulthood. Individuals with secure and preoccupied attachment to the mother, unlike other attachment groups have fewer distortions, high cognitive Differentiation, high barrier and low permeability boundaries of body image. Adults with distantsirovannym and fright-avoidant type of emotional attachment differ lower values for these parameters. Cognitive component of the image of the physical I tested with different types of attachment to mother.

Keywords. Attachment to the mother, the image of the physical I reflected image, attachment style, the parameters of the exterior.

УДК 316.61

СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ: ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ

В. Н. Чурсина

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
chursina@bsu.edu.ru*

В статье представлен обзор современных исследований в психологии и социологии, которые отражают основные тенденции социально-психологической адаптации семьи. В качестве специфически психологического взгляда на семью предложено рассмотрение семьи, как системы взаимоотношений, которые подвергаются глубокой трансформации под влиянием изменившихся условий жизни. Рассматриваются основные направления социально – психологической адаптации семьи в современных условиях.

Ключевые слова: семья, кризис семьи, модель семьи, стратегии адаптации семьи, социально – психологическая адаптация семьи.

Введение

Социально-экономические, демографические, политико-правовые перемены, происходящие в России в переходный период, актуализируют проблему социально-психологической адаптации российской семьи к изменившимся условиям жизни. Семья как структурообразующая система общественной жизни фокусирует все кардинальные изменения, происходящие в обществе. Социологические исследования показывают глубокий структурный и функциональный кризис института семьи. В сфере семейных отношений происходят модернизация, возникновение новых, утрата старых социальных образцов.

Современная семья лишь отдаленно напоминает семью XIX и даже начала XX ст. как по физическим характеристикам: составу, размерам, образу жизни, так и по тем нравственно-этическим, социально-психологическим функциям, которые общество и личность возложили на семью. Изменение роли семьи в жизни общества носит глобальный характер и является результатом глубоких социально-экономических процессов. Одна из основных задач семьи как социальной общности – адаптация индивида к изменяющимся социальным условиям [1].

Семья, будучи древним социальным институтом, обладает могучим механизмом выживания и социально-психологической адаптации к новым условиям. Именно благодаря такой адаптации реализуются возможности существования семьи. Для одних исследователей семья в современный период выступает оплотом традиций, служит «антиподом» и «психологическим противовесом» социальной отчужденности. Для других семья в ее прежних формах оказывается тормозом на пути к будущему обществу, члены которого не должны быть «обременены» какими бы то ни было супружескими и родительскими обязанностями.

Сущность изменений, затронувших российскую семью, связана более всего с утратой формальных институциональных признаков в том виде, в котором они были присущи семье ранее, при усилении позиций неформальных.

Этот процесс противоречив в своей сущности: адаптивный для индивида, создающего неформальную семью, и неадаптивный для самой семьи и общества, в котором она функционирует. Каждая семейная общность самостоятельно устанавливает для себя границы прав и обязанностей без посредничества социума. В этих условиях возрастает ее престиж как малой социальной группы, сохранившейся в качестве одной из важнейших жизненных ценностей индивида.

В нашем обществе произошла смена позиций во взаимодействии трех равноуровневых субъектов: общества, семьи как малой группы и индивида. Семья сохранила свое центральное в иерархии место, по-прежнему являясь каналом разрешения противоречий между социумом и индивидом. Внутренней, субъективной причиной данного положения вещей является то обстоятельство, что семья есть единство трех типов отношений – супружеских, родительских и детских. Дети являются самостоятельной ценностью. Экономический кризис может уменьшить количество их рождений, но не уничтожить саму потреб-

ность в них как таковую. Инновационные подходы к семье ставят во главу угла интересы самой семьи, оценивая как естественные и исторически обусловленные все те процессы, которые в ней происходят.

Ведущие подходы к исследованию семьи в социологии и психологии и их влияние на формирование модели семьи

До настоящего времени в социологии семьи главенствующую позицию занимал социоцентрический подход, ставящий во главу угла интересы общества, предполагающий исследование социальных функций семьи. Среди ряда учёных особую популярность приобрел эгоцентрический подход, появившийся в процессе гуманизации и гуманитаризации общественного сознания в пореформенную эпоху. Утверждаемый в последнее время семьецентрический подход к исследованию семьи как социальной общности является, по сути дела, той доминантой, которая позволяет определить наиболее адекватные теоретические и практические способы решения проблем функционирования семьи.

В последние 20 лет происходит активное развитие социологии семьи. В Институте социологии РАН существует сектор социологии семьи, возглавляемый Т. А. Гурко, а журнал «Социологические исследования» содержит регулярную рубрику «Социология семьи». Между тем в Институте психологии РАН не существует структуры, которая бы занималась исследованиями семьи, да и сами исследования носят эпизодический характер. В качестве примера можно привести работы А. И. Лактионовой в соавторстве с А. В. Махначем [8, с. 39 – 47].

Рассмотрим два возможных подхода к анализу семьи в психологии. Первый подход – субъектный, который включает в себя две части. Первая – рассмотрение реализации человеком субъектных функций в семье; вторая – рассмотрение семьи как группового (коллективного) субъекта [11, с. 120 – 132]. Данный подход представляется перспективным, так как в рамках субъектного подхода можно попробовать дать непротиворечивое и специфическое определение семьи как высшей формы развития человеческих отношений. Второй подход – изучение семьи как системы взаимоотношений. В качестве специфически психологического взгляда на семью Зуев К.Б. предлагает рассматривать семью, как систему взаимоотношений (кровных и свояческих), носящих вертикальный и горизонтальный характер [5].

На основе данных подходов может быть сформирована модель семьи, отвечающая современным представлениям о ее состоянии и функционировании. Эта модель вариативна. Она может объединять супругов с детьми, находящихся в зарегистрированном или незарегистрированном браке; пару «мать и ребенок»; бездетных партнеров, не вступающих в брак и ведущих совместное хозяйство; полигамный союз, основанный на религиозных обычаях или новых нравственных нормах, а также однополый фактический брак. С одной стороны, сохраняется традиционный (патриархальный) вариант при наличии социального контроля и сохранении формальных признаков. С другой стороны, остается популярным вариант эгалитарной семьи, демонстрирующей отход от социоцентрического начала в семье в сторону индивидуально-личностного.

По мере увеличения разрыва между формальным и неформальным началами возрождаются модели, известные с древних времен, – варианты полигамной семьи, внебрачной кровно-родственной неполной (материнской), внебрачной неформальной полной (конкубинат), либо семьи в открытом браке. Кроме того, растет число семей в повторном браке с детьми от предыдущих браков или бездетных. Наиболее же экстремальным можно назвать такое явление, как гомосексуальные семьи.

Таким образом, современная семья по преимуществу нетрадиционна, демонстрирует сознательный отказ от патриархальности. Иначе говоря, можно констатировать, что семья начала XXI в. уже не сможет вернуться к той модели, которая была ей привычна полтора-два десятилетия назад [6].

Модернизация затронула все сферы ее жизнедеятельности, породив широкое многообразие моделей семьи, каждая из которых удовлетворяет потребности определенной части российского общества и, следовательно, имеет право на жизнь. По данным ВЦИОМ, 79% россиян довольны жизнью. Из них 9 % – счастливы. Заглядывая в ближайшее будущее, 63% россиян испытывают надежду, 13 % – радостные ожидания, 20 % – тревогу, хорошим своё материальное положение считают 12 %, средним – 72 %, плохим – 16 %. Ос-

новную стратегию существования своей семьи россияне видят в том, чтобы «жить не хуже, чем большинство семей в их городе». При этом (58 %). 18 % респондентов стремятся жить лучше большинства семей в их городе, а 13 % стараются «выжить, пусть даже на самом примитивном уровне [9]. Прослеживаются такие тенденции, как первенство интимно-личностных мотивов, доминирование материально-экономического фактора в функционировании семейной группы [10, с. 120 – 132].

Семья приспосабливается к ухудшению своего материально-экономического положения. Так, трудности с жильем породили многопоколенные, расширенные семьи и поставили россиян перед необходимостью ограничения числа детей. Социально-экономический кризис заставил семью пойти на многочисленные жертвы. Основными стратегиями стали экономия во всем и поиск дополнительного заработка. В этих условиях отказ от вступления в официальный брак при его фактическом наличии, сокращение рождаемости стали естественными явлениями. Еще одна тенденция в брачно-семейной сфере – смена типа лидерства. Все заметнее утверждаются партнерские отношения. Социальной нормой стали неполные семьи, незарегистрированные браки, семьи, где воспитываются внебрачные дети, семьи с неявным лидерством, партнерские. Определяется явная тенденция к индивидуализации и эгалитаризации. Воспитательную функцию родители выполняют пассивно. Лишь более половины супругов в официальном браке уделяют воспитанию детей достаточное количество времени. Столь же затрудненно исполняются и другие функции семьи – хозяйственно-бытовая, материально-экономическая, досуговая, коммуникативная, социального контроля, сексуальная и т. д. В связи с этим возникает вопрос о том, способствуют ли изменение структуры семьи, ограничение исполняемых функций социально – психологической адаптации к современным реалиям?

Идея признания плюрализации жизненных стилей прослеживается сегодня в публикациях многих отечественных социологов, в том числе и ученых, изучающих проблемы семьи. На наш взгляд, признание плюрализации жизненных стилей, в том числе семейных культур, здесь оказывается лишь внешним, декларируемым. Семья рассматривается в данном случае как совокупность индивидов, состоящих, по меньшей мере, в одном из трех видов отношений: кровного родства, порождения, свойства. В настоящее время все эти типы функционируют параллельно и исследовательская задача состоит в том, чтобы выявить, в каких моделях и пропорциях функционируют в современной России три указанных типа семьи. В этой концепции «классической моногамии» противопоставляются «альтернативные союзы». К наиболее представительным относятся фактические браки, повторные браки и семьи с неродными детьми для одного из родителей. Существует категория сожительствующих индивидов, воспитывающих совместных детей или внебрачных детей одного из партнеров. Переход к малодетности – ярко выраженная адаптивная стратегия всех типов семей. Не уменьшилось число разводов. Расторгаются как первые, так и последующие браки. Определенной частью людей сознательно сохраняется безбрачие. Репродуктивные намерения большинства семей резко ограничены.

Таким образом, необходимо обратить внимание не столько на самого индивида, сколько на семейную группу и продумать систему мер, которая могла бы создать необходимые и достаточные условия для ее устойчивого функционирования, повышения роли и авторитета как в индивидуальном, так и в общественном сознании. Так, в новой публикации С. И. Голода транслируется идея признания «множественности идеальных типов семей и их моделей». Когда сегодня подчеркиваются кризисные явления, речь идет главным образом о патриархальных моделях семьи. При этом среди отечественных авторов есть сторонники и реставрации, и форсированного разрушения традиционного типа семьи [3]. Оказывая более или менее значительное влияние на социальную политику, научные истины о семье приобретают реальную жизнь: если семья выбирает ту адаптивную стратегию, которая способна поддержать или укрепить ее социальный статус.

Образцы и типы семейной жизни не только конструируются на основе личностных качеств составляющих ее индивидов и культурных традиций, но и подвергаются влиянию модели социальной политики в обществе. Адаптивная сущность семьи становится гарантом уверенности в том, что семья функциональна, поскольку позволяет решать определенные индивидуальные и социальные потребности наиболее оптимальным способом. Семья развивается в различных формах и осуществляет различные функции в зависимости от

культурных норм страны, многообразия индивидуальных потребностей и предпочтений, которые должны учитываться сообществом и государством.

Согласно концепции ООН, несмотря на то, что формы, функции, условия и статус семьи различаются как внутри одного общества, так и между странами, общими для всех стран направлениями поддержки семьи являются те, что связаны с функциями реализации прав человека в семье и обществе, моральной и материальной поддержки, защиты, предоставляемой друг другу членами семей, смягчения стрессов, вызываемых перегрузками на работе и дома.

Основные направления социально-психологической адаптации семьи в современных условиях

Семья важна сегодня не только для индивидуального развития и внутрисемейной стабильности. «Гуманистические аспекты» семейной жизни становятся важным ресурсом семейной поддержки, источником гражданской идентичности на основе принципа участия, сохраняющего автономию семьи и в то же время представляющего ее как часть сообщества, разделяющую общие идеи, идеалы и ценности.

Снижение внимания к семье со стороны государства привело к развитию чрезвычайно неблагоприятных социальных последствий. Перестройка же экономических отношений в России отбросила многие семьи за грань прожиточного уровня, разрушила стереотипы самовосприятия, поселила в них неуверенность, низкую самооценку.

Неуверенные в себе родители перестают быть авторитетом и образцом для подражания. Безработный родитель авторитетом для ребенка быть не может. Новые экономические принципы взаимодействия в обществе привели к значительным переоценкам нравственных основ жизни. Родители-бизнесмены имеют более высокий авторитет в глазах детей, поскольку являются представителями преуспевающей группы населения. Исследования показывают, что одним из действенных средств укрепления семьи и создания доверительных отношений между взрослыми и детьми как основы воспитания является наличие в ней навыков разностороннего общения.

С нашей точки зрения, несмотря на наблюдающиеся негативные процессы в семейно-брачных отношениях, незыблемость института семьи остается вне всякого сомнения, а значимость супружества возрастает. Тенденции развития семейно-брачных отношений ведут к формированию нового типа семьи – эгалитарно-персоналитарного, становление которого во многом зависит от возрастания роли и значения личностного потенциала в семейных отношениях. Переход к созданию персоналитарной семьи означает формирование ситуации, в которой высшей ценностью станет самобытность личности, творческое развитие каждого члена семьи (как взрослых, так и детей), на основе любви и согласия, взаимоуважения.

Разумная семейная политика, проводимая государством, также будет способствовать преодолению кризиса семьи. Государство должно содействовать семье в реализации ее воспитательных функций. Наряду с изменением занятости родителей на производстве необходимо поддерживать и расширять воспитательную составляющую дошкольного и школьного образования, не подменяющую при этом семейное воспитание. Необходимо разрабатывать систему педагогического просвещения родителей, сделав её легко доступной [12, с. 347 – 350].

Семьи нуждаются в дифференцированном подходе к решению их проблем, которые могут быть связаны как с внутренней напряженностью в семье, так и с изменением социально-экономических отношений в обществе. Существует острая необходимость в изучении семейно-брачных отношений в условиях перехода общества к новым формам социального устройства и прогнозировании в связи с этим дальнейшего развития институтов семьи и брака.

Семья, приобретая новые черты и модифицируясь, не исчезнет. Продолжая оставаться исключительно важным институтом общества, семья будущего будет представлять собой демократическое объединение свободных людей, которые равноправно делят семейные обязанности и не ограничивают духовное развитие друг друга. Высокий темп жизни, практицизм, массовые установки на карьеру и получение прибыли, высокий уровень урбанизации, когда все строится на целесообразности и выгоде, – все это расстроило социальный механизм бракосочетания. Поиск брачного партнера требует душевных, временных и определенных материальных затрат. Брачные страницы СМИ, Интернета становятся в перспективе основной службой знакомств. Атрибутом современного человека становится одиночество с присущим ему набором комплексов и психических нарушений.

Уже созданные семейные союзы, в свою очередь, подвержены действию разрушительных факторов, таких как: рост алкоголизации общества; конфликт поколений, вынужденных жить зачастую в стесненных жилищных условиях; анахронизм в распределении домашних обязанностей; культурный анахронизм в отношениях между супругами, неумение решать спорные вопросы без конфликтов; гедонистические установки человека, испытавшего «одиночество в толпе».

Современные демографические тенденции требуют не только качественной оценки, но и анализа демографических последствий таковых тенденций. Среди факторов, которые удерживают большинство людей от полного отказа от рождения детей можно отметить два: психологический, когда дети как духовная потребность остаются приоритетной ценностью, и социальный, когда факт рождения детей становится некоторым фактором социального престижа семьи. Только при условии изменения государственной идеологии, культуры, психологии для родителей повысилась бы до общественно необходимых потребностей ценность детей. В противном случае может произойти радикальная трансформация самой жизненной основы рождаемости. Очевидно, что процессы и перемены в современной российской семье будут определяться не только специфической исторической ситуацией сегодняшней России, но и общемировыми тенденциями.

Создание здоровой и гармоничной семьи требует от партнеров серьезного духовного труда. Проблема семьи выступает как проблема отношения в ней противоположностей субъективного и объективного, соотношения подчас конфликтующих интересов тотального (общества), партикулярного (семьи) и индивидуального (личности). Изменения некоторых параметров семьи в прошлом и будущем и появление форм, отличных от доминирующего традиционного типа семьи, свидетельствуют о сохраняющейся ценности семьи и ее приспособлении к общественным переменам.

Личные достижения, обусловленные уровнем образования и степенью профессионализма определяют социальный успех и судьбу человека. Происходит длительный, меняющийся мир процесс адаптации к имманентности индивидуального выбора и самоактуализации человека посредством этого выбора.

Сегодня в основе определения партнера по браку, выбора местности для будущей семейной жизни и профессиональной специализации индивида лежит свободный и отрефлектированный выбор

В начале XX века известный российский правовед С. И. Гессен писал о том, что новый человек уже не чувствует себя всего-навсего точкой прохождения вечных сил, а видит себя в центре Вселенной. Поэтому он так заботится о здоровом образе жизни, правильном, рациональном питании, посещает фитнес – центры, спортивные клубы. Именно в эпоху модерна тело впервые осознается как главная ценность, которой обладает человек [2].

Большинство мужчин и женщин выросло и сформировалось в социальном и культурном отношении как искатели и коллекционеры чувственного опыта. Человек современной эпохи постепенно приобрел «модульный характер», выбирая свою карьеру, жизненный путь, варианты самореализации, особенности гендерной идентичности, семейного и репродуктивного поведения, встраиваясь в различные социальные, профессиональные, культурные группы

Этот исторический переход привел и продолжает вести к радикализации трансформаций традиционных семейных отношений, к вариативному содержательному наполнению современных моделей семьи. Он способствует все более полноценному и радикальному выделению индивида сначала из природного, а затем и из социального окружения, формирует все более автономную личность.

Классики европейской психологии и психотерапии считают, что эти изменения имеют под собой вполне определенные психологические основания. Существует очень мощный комплекс сил на уровне действия, который стремится упрочить уже возникшую семью. У нас нет достаточных знаний для того, чтобы сказать нечто конкретное о том, какие условия необходимы, чтобы комплекс этот мог быть нарушен, и каковы будут результаты такого нарушения для социальной структуры и личности. Устойчивость комплекса родства во всех разновидностях социальных структур, различающихся другими аспектами, указывает на мощную комбинацию сил, действующих в направлении сохранения этой структуры.

В Европе в период модерна и постепенного перехода к постмодерну эволюция семьи и семейных отношений проявляется специфическая аберрация исследовательского

взгляда на процессы эмансипации личности. Чаще и охотнее всего говорится об изменении роли женщины, ее ускоренной эмансипации. Но не менее важным является и параллельный, возможно не столь наглядный и яркий, процесс эмансипации мужчины. Новое представление о возможностях и границах проявления мужского и женского включает в себя амбивалентность в оценке как мужчин, так и женщин. Представители обоих полов могут быть как сильными, так и слабыми, как активными, так и пассивными. Определенные конфигурации человеческих свойств уже не принадлежат исключительно одному полу. Любой процесс несет в себе как потенциальные плюсы, так и потенциальные и реальные минусы, издержки сопутствуют достижениям. Сегодня никакая норма человеческого поведения не может быть принята как данное, и ничто долго не остается неоспоримым.

Нестабильность семейных отношений, несоответствие образцов семейного поведения принятым в обществе нормам и ценностям свидетельствуют о процессе качественного социального изменения; стабилизация внешних и внутренних функций семьи связывается с окончанием процесса социального изменения и социальной дезорганизации. Сексуальное поведение все более отделяется от репродуктивной функции. Анонимность жизни в крупных городах исключает многие формы социального давления на семью. Здесь нет всезнающих и все видящих соседей. Это оказывает влияние на изменение поведения членов семьи. Чем старше дети в семье, тем чаще ее члены ищут новых форм общения вне семьи. Общение через Интернет – одна из наиболее популярных. Участие в группах по интересам помогает человеку решить многие свои проблемы и найти новые формы внесемейного общения. Предпочтительны те формы сексуального общения, которые не имеют своим следствием деторождение. Значимая тенденция – увеличение числа семей, где оба супруга работают.

Женщины откладывают создание семьи до тех пор, пока не получают образования и не найдут свою первую работу, поэтому вступают в брак и рожают первого ребенка во все более зрелом возрасте. Женщина, занятая на работе, мало бывает дома, в перспективе ожидается усиление маскулинизации домашнего хозяйства. Оба работающих супруга имеют возможность часть своей работы выполнять дома, используя Интернет. Стиль жизни «работающих семей» сказывается на их пристрастиях в еде, развлечениях, покупках и т.п. Многие семьи согласны платить за те удобства, которые раньше обеспечивались личным трудом. Семья и брак становятся похожи на разновидность бизнеса. В будущем это может стать похоже на интегрированное бизнес-объединение, в интересах которого работают оба партнера. В этой ситуации развод может в будущем рассматриваться как простое прекращение партнерства и разрыв деловых отношений.

В университетах уже обучают экономике и менеджменту домашнего хозяйства, а также готовят консультантов в сфере семейного права и разводов.

В современном мире стремление укрепить семью должно быть обеспечено соответствующими средствами, на чём общество должно сосредоточить свое внимание в ближайшие десять лет.

В рамках эволюционного сдвига женщины произвели тройную революцию – против церкви, против государственной власти и против мужчин. Они сознательно перешли к контролю воспроизводства и освободились от навязанного им удела и обязанностей принудительного деторождения.

Принцип репродуктивной свободы предполагает также право на то, чтобы не иметь ребенка, включая право на использование контрацептивов и право на аборт.

Доля людей, вообще не вступающих в брак, достигает во Франции 40%. Наблюдается существенное уменьшение числа заключаемых браков в странах Северной Европы.

Процесс ограничения рождаемости приобретает все большую масштабность и радикальность, уменьшая общую численность населения. Но было бы неправильно не отметить тот факт, что столь же радикально возрастает его человеческое качество. Возрастает уровень образования, доходов, возможность свободно передвигаться по миру, получать любую информацию.

Активно меняется экономическая среда обитания как отдельного человека, так и семьи. Семьи становятся все более мобильными и более оснащенными сложной техникой, а расширение сектора услуг создает основу для экономической независимости женщин.

Знаменитый итальянский философ и психолог А. Менегетти писал о том, что женщина должна думать о своём будущем с эгоистических, индивидуалистических позиций. Она должна определить свое место, быть уверенной в себе и свободной, иметь деньги и всё то, что позволит ей наилучшим образом жить в этом мире [9].

В современных условиях нет ясности, вступает ли человек в брак и когда он это делает, живут ли люди вместе, не вступая в брак, или не живут вместе. Не так важно состоят ли мужчина и женщина в браке, зачинают ли и воспитывают ребенка в семье или вне семьи. Рождается ли ребёнок от того, с кем вместе живут, или с тем, кого любят.

Это можно истолковать как разъединение и расчленение элементов жизни и поведения, сосредоточенных некогда исключительно в семье и браке. Поэтому так трудно сопрягать сегодня понятие и реальность.

Заключение

Упадок института брака не является ни следствием моды, ни результатом неблагоприятной экономической конъюнктуры. В его основе лежат глубокие и долговременные тенденции, которые должны привести к изменению отношений между полами и между родителями и детьми. Под их воздействием возникают и развиваются новые формы социально-психологической адаптации семьи. Вектор развития современной семьи направлен на деконструкцию иерархических отношений, ограничение диктата сильного пола и переход к диалогу всех со всеми. Несмотря на все те преобразования, которые семья претерпевает в институциональном аспекте, она остается для индивида одной из важнейших ценностей.

Список литературы

1. Безрукова О. Н., Самойлова В. А., Ивашкина Ю. Ю., Курганова Г. С. Трансформация моделей семьи и родительства и концептуализация семейной политики / О. Н. Безрукова, Самойлова В. А., Ивашкина Ю. Ю., Курганова Г. С. // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Материалы IV Всероссийского социологического конгресса. М.: ИС РАН, АН РБ, ИСППИ, 2012.
2. Гессен С. И. Современный кризис в перерождение капитализма / С. И. Гессен // Новый Град. – 1932. – № 3. – С. 60 – 71.
3. Голод С. И. Социолого – демографический анализ состояния и эволюции семьи / Голод С.И. <http://socioline.ru/files/golod.pdf>
4. Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций молодежи в условиях социально-экономических изменений / Н. А. Журавлева // Психологический журнал. – 2006. – том 27. – № 1. – С. 35 – 44.
5. Зуев К. Б. Исследования семьи в психологии под влиянием различных гуманитарных наук / К. Б. Зуев // Психологические науки. Выпуск №3-2013 <http://www.online-science.ru/m/products/psihology/gid517/pg0/>
6. Иванченко В.А. Некоторые аспекты воспитания личности в неполной семье (по материалам исследований российских и зарубежных авторов) / В.А. Иванченко // Психологическая наука и образование, 2011. – № 3, URL: http://www.psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2011_3_2464.pdf
7. Ковалева Ю. В. Совместная регуляция поведения супругов на различных этапах жизненного цикла семьи // Психологический журнал. – 2012. – Т. 33. – № 5. – С. 50 – 70.
8. Лактионова А. И., Махнач А. В. Факторы жизнеспособности девиантных подростков // Психологический журнал. – 2008. – № 6. – С. 39 – 47.
9. Менегетти А. Учебник по онтопсихологии. / А. Менегетти. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2007.
10. Россия в цифрах. Раздел: 2013. Январь. Февраль. [ОБЩЕСТВО] – <http://energypolis.ru/portal/2013/1769-rossiya-v-cifrax.html>.
11. Сергиенко Е. А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива / Е.А. Сергиенко // Психологический журнал. – 2011. – Т.32. – № 1. – С. 120 – 132.
12. Чурсина В. Н. Роль образовательных учреждений в формировании механизмов социокультурной адаптации семьи. Материалы III Всерос. науч. – метод. семинара (март 2009) / – Белгород: Изд во БелГУ, 2009. – С.347 – 350.

THE MODERN MODEL OF A RUSSIAN FAMILY: FEATURES OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION

V. N. Chursina

**Belgorod National
Research University**

**e-mail:
chursina@bsu.edu.ru**

The article presents an overview of current research in psychology and sociology, which reflects the main trends of socio-psychological adaptation of the family. As a specific psychological view of the family proposed a review of the family as a system of relationships, which exposed deep transformation under the influence of the changed conditions of life. It discusses the main directions of socio – psychological adaptation of the family in modern conditions.

Keywords: family, family crisis, the family model, adaptation strategies family, socio – psychological adaptation of the family.

БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 82-4

МАСТЕР ИСТОРИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ (Н.И. Бусленко)

А. П. Короченский

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
korochensky@bsu.edu.ru*

В рецензии на книгу Н. И. Бусленко «Волго-Дон: слияние вод. Историко-экономические, социально-политические очерки строительства Волго-Донского канала, Цимлянского гидроузла и ирригационных систем Юго-Востока России» раскрываются основные характеристики творческого метода автора историко-публицистических работ.

Ключевые слова: историческая публицистика, Волго-Донской канал, документальность

За годы существования Волго-Донского канала о нём и его строительстве многократно писали и учёные-историки, и разнообразные «подручные партии» в лице журналистов и деятелей культуры, и неистовые обличители советской системы. И тем не менее всех тех, для кого истина важнее половинчатой информации и однозначных, нередко лукавых интерпретаций, не покидало ощущение недосказанности, неполноты описываемой исторической картины этой колоссальной по своим масштабам стройки, начатой и успешно доведенной до конца в стране, ещё не преодолевшей военных разрушений.

Безусловно, создание канала, соединившего важнейшие водные магистрали страны, и Цимлянского гидроузла имело долговременные экономические последствия – и не только позитивные. Объективное комплексное изучение баланса позитива и негатива хозяйственных результатов строительства и последующей эксплуатации Волго-Дона по-прежнему остаётся важной научной проблемой экономических исследований. Но Волго-Донской канал был не только и не столько экономическим сверхпроектом, но и заявкой на всемогущество системы, наглядным доказательством принципиальной реализуемости Утопии, именованной коммунистическим строительством в СССР. А в силу этого – и символом величия вождя. Но и прежде всего – подтверждением созидательной мощи народа, сокрушившего нацистский рейх в самой жуткой из войн в истории человечества.

Волго-Дон – это явление, имеющее множество сторон и измерений. В том числе и человеческое измерение: ведь это дело рук людских, плод усилий и жертв множества участников строительства, для которых создание канала стало частью их жизни. В эпоху, когда появилась возможность рассказать об умалчиваемых ранее аспектах создания Волго-Донского канала, особенно востребованы работы, раскрывающие такие неприглядные подробности, как использование на стройке принудительного труда заключённых и военнопленных, возмутительное обращение с вольнонаёмными работниками.

И вот такая работа опубликована*. Её автор, учёный и публицист, писатель и поэт, профессор отделения журналистики Южного Федерального университета Николай Ивано-

* Бусленко Н. И. Волго-Дон: слияние вод. Историко-экономические, социально-политические очерки строительства Волго-Донского канала, Цимлянского гидроузла и ирригационных систем Юго-Востока России. Документы–комментарии-мемуары –беллетристика. В пяти книгах. – Ростов-на-Дону. 2011. – 604 с.

вич Бусленко, посвятил свой масштабный труд «всем, кто отдал силы и жизнь Волго-Дону».

Н. И. Бусленко не впервые поднимает в своей исторической публицистике табуированные ранее темы, поражая читателя нестандартностью выбора описываемых явлений и неординарностью ракурсов их рассмотрения. Одной из таких тем является функционирование коллаборационистской периодической печати, созданной на оккупированных нацистами советских территориях в годы войны. Казалось бы, история давно вынесла свой окончательный и суровый обвинительный приговор тем, кто предавал свою Родину, сотрудничая с нацистскими оккупантами в пропагандистской обработке населения. Однако в 1990-е годы, когда в нашей поверженной стране вновь появилось множество коллаборационистов, готовых сотрудничать с закордонными устроителями «нового мирового порядка», названная историческая тема вновь приобрела актуальность. Публицист провёл на обширных архивных материалах историческое исследование коллаборационистской периодики на Дону, стремясь выяснить, кем были люди, сотрудничавшие с нацистами, что толкнуло их на предательство, в какой обстановке создавалась и действовала пресса, союзная оккупационному режиму, что доминировало в её содержании. В статье, впервые опубликованной в одной из ростовских газет, автор объяснил обращение к теме стремлением следовать исторической правде, в которой нуждается как российское общество, так и отечественная историческая наука.

Н. И. Бусленко отмечает: в русский политический лексикон понятие коллаборационизм вошло в значении «измена, предательство, сотрудничество с захватчиками на оккупированных ими территориях». Донская коллаборационистская печать создавалась самими оккупантами и их пособниками и выполняла специфические (преимущественно пропагандистские) задачи воздействия на население Дона [1, с. 121]. Вместе с тем изучение состава и мотиваций редакторов и сотрудников коллаборационистских изданий выявило, что часть из них пошла на сотрудничество с оккупантами из-за притеснений и несправедливости со стороны советской власти в предвоенный период. Это никоим образом не оправдывает людей, которые пошли на предательство из-за нанесённых им обид, однако объясняет причины возникновения такого явления, как коллаборационизм, даже в среде университетских учёных и деятелей культуры.

Уже в первых попытках исторической публицистики проявились особенности творческого метода Н.И. Бусленко, который в стремлении к исторической правде основывает свои произведения на тщательном изучении фактического материала, документов и свидетельств, характеризующих различные исторические эпохи и явления.

Исследовательская подготовительная часть работы, длившаяся нередко многие годы, позволяла собрать и осмыслить различные факты истории, установить их взаимосвязь, определить и документировать логику развития событий. В этом отношении творчество Бусленко-публициста сродни научному исследованию – хотя автор и не является представителем исторической науки (он – кандидат филологических и юридических наук, доктор политических наук). И потому столь контрастно выделяется на фоне скороспелых спекулятивных псевдоисторических сочинений, которых так много появилось в постсоветский период.

Обращаясь к пристальному изучению исторических явлений и процессов, автор не утрачивает журналистскую зоркость, позволяющую ему находить и описывать дела давно минувших дней с позиций сегодняшнего дня. Это помогает ему находить и раскрывать темы, приобретающие особую актуальность на фоне современных событий. В их числе – историческая картина развития ростовского купечества, приобретающая новое звучание в период рыночных реформ 1990-х гг., когда возрождающееся торговое сословие испытало потребность в осознании своей идентичности – в частности, через познание исторических корней, образа жизни и традиций предшественников. Это имело особое значение в Ростове-на-Дону, который развивался в предреволюционный период как крупный торговый город на перекрёстке путей между центром России и южными владениями российской империи.

Ответом на эту востребованную временем тематику стало появление на свет двух историко-публицистических работ Н. И. Бусленко, раскрывающих исторический путь и судьбу донского купечества и рыночных отношений в одном из богатейших регионов России [2].

Все написанные в 1990-е годы историко-публицистические работы послужили своеобразным прологом к подготовке главного масштабного труда Бусленко-публициста: его пятичастной книги «Волго-Дон: слияние вод» [4]. Столь фундаментальная работа, посвященная событиям, которые по сей день вызывают дискуссии не только широкой общественности, но и ученых, специалистов, требовала от автора собственных значительных исследовательских усилий. По ходу многолетней подготовки, сбора исторических документов и свидетельств участников гигантского строительного проекта шла кристаллизация творческой концепции историко-публицистического труда, жанровая принадлежность которого трудно определить. И связано это прежде всего с многоплановостью использованного автором исторического материала и разнородностью различных фрагментов текста, из которых как из разноцветных частиц мозаики складывается общая картина титанического свершения, стоившего его участникам невероятного, порой запредельного напряжения сил.

В числе таких фрагментов – многочисленные, ранее засекреченные исторические документы, впервые публикуемые в книге, включая официальные документы и свидетельства узников ГУЛАГа и немецких военнопленных, участвовавших в строительстве Волго-Донского канала. Масштабность и дополнительную весомость рассуждениям автора о значении Волго-Дона придают приведенные в книге материалы, позволяющие сравнить строительство канала с проектами крупных судоходных каналов, реализованными в различных частях мира за всю историю человечества. Интересны и познавательны разделы работы, посвященные описанию географических особенностей места великой стройки и непростой истории проектирования канала, неудачным попыткам его строительства в царской России начиная со времён Петра Великого.

Насыщенность фактическим материалом превращает книгу Бусленко в своего рода энциклопедию Волго-Дона – но написанную не в отстранённом стиле справочного источника, а живую и интересную, местами полемическую по стилю и аргументации публицистическую работу. Драматическая история проектирования и строительства канала выполнена в аналитическом ключе: автор стремится во всем дойти до самой сути. Так, например, поднимая тему принудительного труда на строительстве Волго-Дона, публицист анализирует исторические первопричины появления трудовой повинности в СССР, который декларативно именовался государством свободных рабочих и крестьян, ставших хозяевами своей страны.

Автор стремится быть максимально объективным при рассмотрении противоречивых исторических событий – отсюда проистекает его энциклопедизм, необходимый для изучения столь сложных и масштабных исторических явлений, каковым является строительство Волго-Дона. Это свершение представлено в книге с широким историческим контексте эпохи, в которой было место и настоящим подвигам, и трагедиям, и примерам исключительного человеческого благородства – и исключительной же подлости (по выражению публициста – «расчеловечивания»). Впечатляют представленные в книге исторические документы о функционировании исправительно-трудовых лагерей на строительстве канала, об условиях жизни и труда заключенных и вольнонаёмных строителей, истории об участии немецких военнопленных в работах на Волго-Доне.

Безусловно, книга ростовского публициста адресована вдумчивому, мыслящему читателю. Это не лёгкий бестселлер: автор общается с аудиторией по преимуществу языком исторических документов, свидетельств, статистических выкладок. И это самое ценное, поскольку в наши дни так велика потребность общества в новом, более объективном и пристальном прочтении новейшей истории страны после десятилетий её тенденциозных искажений и недомолвок. Вооруженный цифрами и фактами, публицист дает убедительный ответ на вопросы, многократно поднимавшиеся после завершения строительства: не были ли напрасными понесенные жертвы? не перекрыл ли ущерб, нанесенный при этом природе и людям, пользу от создания канала? Книга позволяет читателю увидеть, что Волго-Дон доказал не только своё огромное народно-хозяйственное значение – это ещё и символ великой созидательной силы нашего народа.

Несмотря на отсутствие в работе Бусленко «лобовых» оценок и безапелляционных формулировок описанная им история Волго-Дона отчетливо выявляет гражданскую позицию её автора. Это позиция настоящего патриота, пропустившего через свою душу и вели-

чие, и трагизм колоссального послевоенного свершения. И стремящегося помочь читателю увидеть эту масштабную историческую картину во всей её многосложности и многоцветии. После чтения публицистической истории Волго-Дона поневоле задаёт себе вопрос: если такой подвиг свершила разорённая войной страна, то каких бы высот в историческом творчестве могли добиться россияне в наши дни, если бы их энергия и смекалка были нацелены не на заботы об элементарном выживании у одних и не на потребительскую вакханалию у других, а на благо Отечества!

Список литературы

1. Бусленко Н. И. Коллаборационистская печать на Дону. 1941-1943 гг.// Бусленко Н. И. Журналистика: социологические, правовые, политологические измерения. Избранные труды. – Ростов-на-Дону. РостИздат. 2005,
2. Бусленко Н. И. Донское купечество. Историко-экономические очерки в документах, фактах, цифрах, с авторскими комментариями и художественно-публицистическими отступлениями. – Ростов-на-Дону. Издательство «Цветная печать». 1994.
3. Бусленко Н. И. Донской след Меркурия. Историко-экономические очерки становления и развития рыночной экономики на Дону. – Ростов-на-Дону. 1996.
4. Бусленко Н. И. Волго-Дон: слияние вод. Историко-экономические, социально-политические очерки строительства Волго-Донского канала, Цимлянского гидроузла и ирригационных систем Юго-Востока России. Документы–комментарии-мемуары –беллетристика. В пяти книгах. – Ростов-на-Дону. 2011.
5. Бусленко Н. И. Журналистика: социологические, правовые, политологические измерения. Избранные труды. (1970 – 2013 гг.). Донской писатель. – Ростов-на-Дону. 2013.

MASTER OF HISTORIC PUBLICISM (N. I. Bouslenko)

A. P. Korochensky

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
korochensky@bsu.edu.ru*

The review of the book by Nikolay Buslenko “Volgo-Don: the fusion of waters. Historic, economical, social and political essays on construction of Volgo-Don canal, Zimliansk reservoir and system of canals in South of Russia” describes the creative “portrait” of the author as the master of historic publicism.

Key words: historic publicism, Volgo-Don, documentalism.

**МАСШТАБНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ КАРТИНА СОЗДАНИЯ ВОЛГО-ДОНСКОГО КАНАЛА.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Н.И. БУСЛЕНКО «ВОЛГО-ДОН: СЛИЯНИЕ ВОД»****М. И. Варфоломеева***Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
varfolomeeva@bsu.edu.ru*

В рецензии на книгу Н.И. Бусленко «Волго-Дон: слияние вод. Историко-экономические, социально-политические очерки строительства Волго-Донского канала, Цимлянского гидроузла и ирригационных систем Юго-Востока России» дана характеристика этого труда с позиций современной исторической науки.

Ключевые слова: Волго-Дон, историческая достоверность, масштаб исследования.

История знает немало примеров грандиозных сооружений, воздвигнутых людьми для пользы дела или ради возвеличивания своих правителей. Примером дерзкого замысла и искусного претворения его в жизнь может служить строительство Волго-Донского канала, которому в 2012 году исполнилось 60 лет. Мировая практика гидротехнического строительства не знала ни таких масштабов строительства, ни таких темпов его осуществления, ни такого количества рабочих, привлекавшихся на строительство канала. Волго-Донской канал — пример настоящего нацпроекта, как по масштабам, так и по значимости. Этот канал, проложенный по степи, окончательно соединил нашу страну со всем миром.

Фундаментальное исследование ростовского профессора Николая Ивановича Бусленко включает в себя историко-экономические и социально-политические очерки строительства Волго-Донского канала, Цимлянского гидроузла и ирригационных систем Юго-Востока России. При подготовке книги использованы архивные, в том числе ранее засекреченные документы, найдены неизвестные факты, свидетельствующие о героизме и трагизме миллионов людей, прошедших через систему гулаговских лагерей во время строительства Волго-Донского судоходного канала.

Следует отметить, что история Волго-Донского канала рассматривается в книге как самостоятельная комплексная тема. Автор показал прекрасное знание предмета исследования, аргументировано раскрыл взаимосвязь изучения проблем российской и региональной истории, значение темы для развития науки. Следует отметить четкость методологических позиций и новизну постановки проблемы — история Волго-Дона рассматривается через призму формирования и эволюции обширного и многообразного комплекса источников, как явление культуры, социальной деятельности общества и личности.

Автор характеризует источники по истории соединения Волги и Дона как сложную систему, обладающую своей историей и свойствами, принципами и методикой изучения. Большое внимание уделяется выявлению информации, содержащейся в различных видах документов, построению на ее основе концепции взаимодействия политических и экономических процессов в истории Донского края и советского государства.

В книге введены в научный оборот архивные, ранее засекреченные документы, воспоминания и мемуары свидетельствующие о героизме миллионов людей, прошедших через гулаговские лагеря, создавшие великий Волго-Донской канал.

Н.И. Бусленко дает периодизацию истории Волго-Донского канала — от зарождения самой идеи соединения рек до ее воплощения в жизнь. Первые две книги посвящены истории подготовительного периода строительства канала, которые он условно разделяет на дореволюционный и советский периоды. Рассматривая историю подготовительного этапа, автор обращает внимание на то, что до начала XX века появилось более тридцати проектов по созданию канала. Автор подчеркивает отношение государственной власти к проектам, специфику и особенности, масштабы грандиозного строительства.

Третья и четвертая книги характеризуют само строительство, величие и трагедию возведения канала. Строительство осуществлялось в основном силами заключённых и военнопленных немцев. Автор подчеркивает, что при строительстве Волго-Дона умерло около полутора тысяч человек. Жизненно необходимый стране канал был построен всего за четыре с половиной года — срок уникальный для столь масштабного гидростроения.

Заслуживают внимания выводы и обобщения автора, изложенные в обширном заключении: они имеют большое значение для решения теоретических вопросов донской и российской истории.

Российская и донская историческая наука обогатилась крупным научным исследованием. Оно открывает новую страницу в изучении Волго-Донского канала, станет основой для других исследований. Фундаментальный труд Н.И. Бусленко представляет итоги многолетней исследовательской работы.

GRAND HISTORIC PICTURE OF CREATION OF VOLGO-DON CHANNEL

M. I. Varfolomeeva

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
varfolomeeva@bsu.edu.ru*

In the review of the book by Nikolay Buslenko “Volgo-Don: the fusion of waters. Historic, economical, social and political essays on construction of Volgo-Don canal, Zimliansk reservoir and system of canals in South of Russia” the author analyzes the historical background of the work through achievements of modern historic science.

Key words: historic publicism, Volgo-Don, scientific value.

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Т. И. КРАСНОВОЙ
«ДРУГОЙ ГОЛОС: АНАЛИЗ ГАЗЕТНОГО ДИСКУРСА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
1917-1920 (22) ГГ.»**

Ю. В. Зобнин

*Санкт-Петербургский
гуманитарный
университет
профсоюзов*

*e-mail:
jurijzobnin@yandex.ru*

Книга Т. И. Красновой содержит теорию «оппозитивного газетного дискурса», изложенную автором с опорой на труды представителей французской школы дискурсного анализа, а также характеристику малоизученной газетной периодики раннего периода существования русского зарубежья 1917–1920 (22) годов как яркий образец указанного дискурса.

Ключевые слова: дискурсный анализ, история русского зарубежья, Первая мировая и Гражданская войны, газетная периодика, идеология, феномен Другого, лингвистика, оппозитивность, модализация.

Предложенная в книге теория отмечена нетривиальной трактовкой «субъективированности» феномена идеологии как *Другого* в газетном дискурсе, когда идеи рассматриваются как «вещи», которые используются субъектами сугубо прагматически, а субъект понимается как символический объект, носитель группового сознания» [6, с. 28]. В научный оборот введен массив ранее не изучавшихся или «однобоко изученных эмигрантских газетных текстов», а также поставлена «проблема изучения совокупности *идеологически неоднородной* продукции газет зарубежья за короткий и насыщенный экстраординарными событиями период» [6, с. 27; курсив автора].

С точки зрения историка литературы, работа Т. И. Красновой оказалась биполярна и разнонаправленна, подобно нашему державному символу. С одной стороны, проведенное исследование междисциплинарно по своей направленности и актуально не только для социолингвистики, но и для теоретического языкознания, равно как и для истории российской печати. Оно формирует представление о журналистском наследии эмиграции, не безразлично для «теории журналистики», а также «истории культуры» и «культурологии»*. С другой стороны, до конца остался неразрешенным вопрос: является ли привлеченный историко-литературный материал средством для подтверждения правоты теории дискурса, выведенной из трудов Р. Барта, М. Фуко, М. Пешё, Ж. Отье-Ревю и др., или же сама эта теория оказалась необходима, чтобы придать рассказу об истоках журналистики русского зарубежья завершённую стройность, целостность и глубину. Для того, чтобы оценить результат работы Т. И. Красновой, кажется уместным восстановить первичную композиционную логику исследовательской работы – так, как она видится стороннему читателю этого труда.

Традиционно историю русского зарубежья начинали подробно описывать со второй половины 1920 года, т. е. с того момента, когда с падением врангелевского Крыма и заключением советско-польского перемирия завершаются сражения Гражданской войны, утверждается «совдеповская» РСФСР и происходит массовый исход на чужбину потерпевших поражение «белых». В этот же год в Париже начинают выходить «Последние новости», а в Берлине – «Руль», что обычно интерпретируется как веха в истории собственно эмигрантской журналистики. Однако оформлению русского зарубежья (и его газетной журналистики, в частности) предшествовал период становления, приходящийся на годы революции и тотальной Гражданской войны (1917–1920 гг.). Именно этот период и стал предметом изучения Т. И. Красновой и созданная ею картина современной ему российской зарубежной журналистики – выше всяких похвал. По крайней мере, более полного и со-

* Краснова Т. И. Другой голос. Анализ газетного дискурса русского зарубежья 1917-1920 (22) гг. СПб., 2011. Раздел I «Теоретические основы изучения дискурса о России в газетах русского зарубежья» – С. 25 – 327.

держательного очерка деятельности русских газет за рубежом в эти годы на настоящий момент нет. Более того, речь, на мой взгляд, идет о подлинном открытии Т. И. Красновой в плане научной методики исторического описания русского зарубежья, о чём следует сказать несколько слов подробнее.

Дело в том, что исследование ранней эмигрантской газетной периодики, неизбежно приводило к изучению самой механики формирования феномена «*зарубежья*» в сравнении с уже существовавшими на момент революционных потрясений 1917 года российскими *диаспорами*. Некоторые из тех печатных органов, которым в исследовании уделено основное внимание, например харбинская «Маньчжурия», американский «Новый мир», шведский «Скандинавский листок», существовали как периодические издания этих диаспор до революционных катаклизмов на исторической родине. Другие были созданы в канун революции, в целях, непосредственно не связанных с политической борьбой в России (например, чикагский «Голос труженика» и нью-йоркская «Народная газета», ориентированные на задачи российской общественности в самой Америке). Именно на материале подобных газет и прослеживается автором исследования процесс *отчуждения России от россиян*, находящихся за рубежом и превращение этих россиян в «русских эмигрантов» – совершенно особую группу в мировой этносоциальной картине XX века.

Традиционно средоточием русского зарубежья считаются европейские страны – Франция, Германия, Чехия и балканские государства, а «столицей» эмиграции – Париж. Но исходная картина, как показывает автор исследования, была совершенно иной. Самая большая российская диаспора существовала тогда не в Европе, а в Азии, в Маньчжурии, на территории КВЖД с административным центром в Харбине. Миграцию россиян сюда в конце XIX – начале XX века сложно однозначно определить как «эмиграцию» в полном смысле слова, ибо речь шла о присутствии их близ восточных российских границ в качестве полноправных участников общероссийского исторического процесса. Далее следовала опять-таки не Европа, а Америка, в отношении которой речь шла уже о подлинной эмиграции, но вызванной не только (и не столько) политическими, сколько экономическими причинами. В годы Первой мировой войны возникает небольшая, но организованная и влиятельная группа россиян-предпринимателей, действовавшая в нейтральных странах Северной Европы, прежде всего в Швеции, через которую после возникновения Восточного фронта осуществлялось экономическое сообщение России с союзным Западом. Что же касается самой воюющей Европы, то организованное и массовое присутствие тут русских в миг революционной катастрофы было малозаметно – за исключением Германии, где содержались военнопленные, и, в какой-то мере, Франции с её «русскими парижанами» и российским экспедиционным корпусом, прибывшими в 1916 г. Соответственно и русскоязычная зарубежная пресса концентрировалась преимущественно в Маньчжурии и Америке (Северной и Южной), где ещё до войны существовали издания, ориентированные на участников местных диаспор. В военные годы (1915–1916) к этим газетам добавляется берлинский «Русский вестник» – пропагандистское издание германского Генштаба, стокгольмский «Скандинавский листок», которому как уникальному образцу ранней эмигрантской коммерческой газеты в книге уделяется особое внимание, и мимолётное издание «Русский солдат-гражданин во Франции», почему-то даже не упомянутое диссертантом (это замечание). Наконец, весной 1918 года из Петрограда через Финляндию и Швецию в Париж бежит В. Л. Бурцев, который возобновляет во Франции ранее выходившую тут в 1909–1910 гг. газету «Общее дело», уже целиком ориентированную на политические события разгоравшейся в России Гражданской войны и предназначенную для прибывающих в Центральную Европу российских читателей-эмигрантов, ещё сохранявших надежду на скорое возвращение.

Поэтому-то свой общий обзор российской зарубежной печати 1917–1920 гг. Т. И. Краснова, первая среди всех исследователей русского зарубежья, начинает с малоизученных дальневосточных газет, затем переходит к американским изданиям (практически, «белое пятно» в истории русского зарубежья), выделяет в отдельную главу скандинавскую тему («белое пятно», без всяких оговорок), и лишь потом переходит к Европе, где только-

только начиналось присутствие хорошо знакомых всем «белых эмигрантов» (употребляю это сочетание в самом общем его значении) с их специфической журналистикой.

Как убедительно показывает Т. И. Краснова восприятие драматических изменений в историческом бытии России 1917 – 1918 гг. и прежде всего восприятие «большевизма» в прессе этого «предзарубежья» было разным в разных его географических областях и зависело от специфики русского обитания в них. Технические специалисты и чиновники в Харбине относились к происходящему в русской столице и российской европейской метрополии настороженно–иронически и скептически («умеренный антибольшевизм», согласно терминологическим характеристикам исследования), рабочая эмиграция в Америке рассматривала происходящее на родине с позиции собственной профсоюзной борьбы и приветствовала большевиков, коммерсанты в Стокгольме стремились не замечать трагические «издержки» деяний новой российской власти, рассчитывая на развитие деловых связей в будущем, военнопленные в Берлине с указания германских пропагандистов внедряли мысль о предпочтении «здравомыслящих» пацифистов–большевиков «безответственному» Временному правительству, заявившему о верности союзу с Антантой, а появившиеся в Париже беженцы отчаянно звали к непримиримой борьбе с «красной заразой». Это и было эмбриональным началом всех будущих направлений в эмигрантской идеологии – «непримиримых», «сменовеховцев», «евразийцев», «советских патриотов» и т. д. Вот тут-то, при описании рождения русского зарубежья (в частности, «журналистского зарубежья» как некоей целостности) для исследователя, по-видимому, и встал вопрос о газетном дискурсе особого рода, который Т. И. Краснова обозначила как «оппозитивный дискурс».

Теоретическим положениям указанного дискурса, восходящим к общему пониманию дискурсивности французскими социолингвистами, посвящена первая глава первого раздела книги *«Дискурсно-когнитивный анализ и понятие оппозитивного дискурса эпохи кризиса»* [6, с. 36 – 65]. Здесь информация о главном предмете исследования – журналистике раннего русского зарубежья – оказывается после заманчивого для историка литературы «Введения» отделенной от заинтересовавшегося было читателя терминологической «стенной» из области лингвистики и дискуртологии. Разумеется, предварительная разработка исследовательского инвентаря принятого в дальнейшем метода междисциплинарного дискурсного анализа, осуществленного на основе наиболее актуальных направлений современной социальной лингвистики, политической филологии, семантики, прагматики, является необходимым и уместным прологом к исследованию. Однако все же предполагается лаконичная краткость в отношении уже имеющихся и принимаемых автором положений и формулировок, особых указаний на собственные новации в этой области. Между тем автор предлагает читателю множество выдвигаемых теоретических установок, и они аргументируются грандиозной системой ссылок на многочисленные работы предшественников, вызывающей в памяти схоластические дискуссии в средневековых университетах. Можно сказать, что повествование Т. И. Красновой о дискурсе вообще и о журналистском дискурсе, в частности, оказалось слишком... экскурсивно. Без активного присутствия автора не совсем понятно различие между исследователем и предшественниками. Не являясь экспертом в лингвистической стороне вопроса, ограничусь лишь кратким экстрактом прочитанного.

Если в первых архаических риториках дискурсивность понималась только как аргументированность и системная стройность высказывания, то, по мере расширения научных представлений о природе коммуникации, она стала выступать как его заданность, причем природа этой заданности, во многом, оказывалась экстралингвистического толка. С другой стороны, и «текстовая» часть такого высказывания далеко не исчерпывала его содержания, совсем по знаменитому речению горьковского Луки: «Не в слове дело, а – почему слово говорится». Применительно к газетному дискурсу можно утверждать, что, по мере превращения СМИ в «четвёртую власть», любая информация, передаваемая тем или иным изданием, неизбежно подвергалась существенной трансформации, порождаемой спецификой самого бытия данного издания в конкретных исторических условиях. В частности, в эпохи общественно-политической напряженности в деятельности СМИ ярко проявляется «оппозитивность» дискурса. Оппозитивность в газете обозначает «идеологиче-

скую модализацию» как признак дискурса в аспекте его отношений с «другим»; модализацию, которая вносит в «речевое тело» газетного дискурса структуру противоположения [6, с. 107]. Так, например, «прочиталась» враждебными французской Второй Империи прусскими газетами в 1870 году достаточно миролюбивая «Эмская депеша», превращённая их стараниями, как известно, в повод для франко–прусской войны. Если же говорить о русских газетах за рубежом в 1917–1920 гг., то превращение их дискурса о России в «оппозитивный» как раз и стало процессом их превращения в «газеты зарубежья», который завершился в начале 1920-х годов возникновением журналистики, альтернативной журналистике советской метрополии.

Отметим 5-ю главу исследования под названием «Проявление ментально-речевого механизма оппозитивности в газетном дискурсе русского зарубежья» [6, с. 226 – 327]. Здесь подробно описывается инструментарий, который использовался различными изданиями в раннем эмигрантском дискурсе о происходящем на родине, и производимые этим инструментарием семантические эффекты. «Опорными вехами» газетного дискурса становятся насыщенные оппозитивными представлениями концепты «Россия», «большевизм», «война», «болезнь». Они составляют в ментально–психологическом пространстве эмигрантского газетного дискурса область глобальной концептуализации [6, с. 321]. В итоге жизнь в метрополии оказывается опознанной большинством представителей зарубежной журналистики как нечто изначально «Другое» – недолжное, странное, опасное, непонятное, болезненное и, главное, чужое. Это понимание России как «Другого» сохраняется и в изданиях, комплементарных большевикам (например, в чикагской «пробольшевистской» газете «Голос труженика»), что достигается посредством идеализации и социалистической риторики, мало связанной с российской реальностью времён Гражданской войны. Зарубежье становится Зарубежьем. Эта глава, насыщенная многочисленными примерами, извлечёнными из различных публикаций, производит сильное и благоприятное впечатление. Однако и тут следует указать на некоторую несообразность композиционного характера: о самих изданиях, специально помеченных автором как умеренные или радикальные «пробольшевистские» и, соответственно, «антибольшевистские», читатель пока еще не имеет представления – подробная их характеристика находится в Разделе II. В этом же разделе [6, с. 379 – 381] читателя ожидает и очень любопытная «семиотическая модель оппозитивности» газет русского зарубежья, выстроенная автором с помощью методической концепции А.-Ж. Греймаса [4] как раз на основе отношения газет к большевизму. Удобная в практическом использовании модель фиксирует универсальный вид квалификации идеологических расхождений в печати [6, с. 439 – 440]. Но для того, чтобы оценить глубину сделанных автором наблюдений и выводов приходится постоянно возвращаться к уже прочитанному, восстанавливая прерванную связь. Однако результаты этого постоянного возвращения, как нам кажется, искупают все композиционные неудобства книги Т. И. Красновой.

Подытоживая сказанное, заключим, что Т. И. Краснова написала очень яркую и ценную книгу о русском зарубежье, восстановив в истории эмигрантской журналистики целый этап его существования – самый ранний период её эмбрионального бытия. Исследование эмигрантской прессы в рассматриваемой книге касалось тем, актуальных для понимания всего феномена зарубежья в целом. Приятно, что по итогам исследования издана прекрасная книга, которая, несомненно, войдёт в корпус текстов, обязательных для ознакомления любому специалисту, обращающемуся к теме эмиграции «первой волны». Безусловно, результаты и выводы исследования Т. И. Красновой могут быть с успехом использованы в курсах истории русской журналистики XX в. и в курсах теории журналистики.

Следует указать также, что исследование «оппозитивного дискурса» в газетах минувших эпох, несомненно, актуально для изучения и понимания процессов, происходящих в журналистике современной России, переживающей не самый благодатный общественно-политический момент в своей истории. «Нельзя не сказать о власти дискурса, под влиянием которого находится человек, – пишет Т. И. Краснова в «Заключении» работы. – Дискурс способен изменить среду, группу, общество. Угроза влияния дискурса возрастает, если он насаждается признанной властью. Существует мнение, что, находясь в дискурсе власти, русские в XX

в. пережили разорение во второй раз» [6, с. 512]. Как кажется, изучение подобного исторического опыта служит тому, чтобы нам не пережить разорение и в третий раз.

Что касается основных недостатков работы, то они заключаются, прежде всего, в композиционных, а иногда и стилистических недочётах, затрудняющих восприятие целого. Особенно это касается теоретических изысканий автора в лингвистических областях, где уместнее было бы, конечно, подробно остановиться лишь на оригинальных авторских новациях, непосредственно связанных с исследованием и его методикой.

Помимо того, можно указать ещё на два проблемных, на мой взгляд, момента в работе Т. И. Красновой.

Первый связан с обращением автора исследования исключительно к коллекциям эмигрантской периодики в петербургских хранилищах. С одной стороны, это придаёт работе дополнительную целостность, делая её ещё и описанием этих коллекций. В общем, можно признать, что для заявленной темы исследования состав петербургских коллекций является репрезентативным. Однако расширение исследовательской базы за счёт хотя бы Москвы могло, возможно, дать дополнительные материалы, углубляющие работу, особенно если издания представлены в местных хранилищах разрозненными экземплярами.

Второй касается хронологии рассматриваемого автором периода. Львиная доля работы посвящена 1917 – 1920 гг., тогда как 1921 – 1922 упоминаются фрагментарно. Это, кстати, зафиксировано и в «Заключении», где говорится о «содержании газетного дискурса русского зарубежья 1917 – 1920 (22) гг. на тему России» [6, с. 512]. Скобки здесь, разумеется, возникли не случайно. Два года, предшествующие Рапсальскому договору, вообще являются проблемными для ранней истории как эмиграции, так и РСФСР. Возможно, их следует рассматривать как особый этап в отношении к эпохе открытого гражданского противостояния 1917 – 1920 годов. Т. И. Краснова также упоминает о периоде закрепления советской власти в России и даже рассматривает две газеты, иллюстрирующие «перемены в отношении к большевизму <...> в идеологии послевоенного газетного дискурса» – бессарабское «Новое слово» и нью-йоркское «Новое русское слово» [6, с. 442 – 446], а также упоминает рижский «Новый путь» как «один из ранних рупоров новых, сменовеховских традиций» [6, с. 441]. Но ведь главный «рупор сменовеховства» – газета «Накануне» – появилась в марте 1922 г., т. е. формально также входит в обозначенный период. Не говоря уже о том, что с апреля 1920 года выходят «Последние новости», а с ноября того же года «Руль», очевидно внесшие какую-то лепту в содержание газетного дискурса на тему России. Но об этих «трёх китах» эмигрантской периодики в работе не упоминается вовсе. Разумнее было бы установить 1920 год верхней временной границей исследования, выход за которую (если это необходимо) оговаривать особо.

Тем не менее, все высказанные замечания не мешают признать книгу Т. И. Красновой исследованием, существенно расширяющим наше представление о журналистике русского зарубежья и о его истории.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы : семиотика и поэтика / Р. Барт. М. : Прогресс, 1994.
2. Зобнин Ю. В. «Заблудившийся трамвай» Н. С. Гумилева (к проблеме дешифровки идейно-философского содержания текста) // Русская литература. 1993, № 4 – С. 176 – 192.
3. Зобнин Ю. В. Странник духа (о судьбе и творчестве Н. С. Гумилева) // Н. С. Гумилев : pro et contra. СПб., 1995 – С. 5 – 52.
4. Греймас А.-Ж. Структурная семантика : поиск метода / А.-Ж. Греймас; пер. Л. Зиминой. – М. : Академ. Проект, 2004.
5. Греймас А.-Ж. Семиотика страстей : от состояния вещей к состоянию души : пер. с фр. / А.-Ж. Греймас, Ж. Фонтаний. М. : Изд-во ЛКИ, 2007.
6. Краснова Т. И. Другой голос. Анализ газетного дискурса русского зарубежья 1917-1920 (22) гг. / Под ред. Л. Р. Дускаевой. СПб. : Изд-во «Северная звезда», 2011.
7. Краснова Т. И. Дискурс о России в газетах русского зарубежья 1917 – 1920 гг. – Saabrücken: LAP LAMBERT. 2013.
8. Фуко М. Археология знания / М. Фуко; пер. с фр. В. П. Визигина; общ. Ред. Б. Левченко. Киев : Ника-Центр, 1996.

**REVIEW OF THE MONOGRAPH OF T. I. KRASNOVA «ANOTHER VOICE: AN ANALYSIS
OF NEWSPAPER DISCOURSE OF RUSSIAN EMIGRES IN 1917 – 1920 (22) YEARS»**

Y. Zobnin

*Saint-Petersburg
Humanitarian University
of trade unions*

*e-mail:
jurijzobnin@yandex.ru*

The book by T. I. Krasnova contains the theory of "opposition newspaper discourse", as stated by the author, based mainly on the works of the French school of discourse analysis as well as the obscure newspaper periodicals of the early period of the existence of the Russian diaspora 1917-1920 (22) as a striking example of the discourse.

Keywords: discourse analysis, Russian diaspora, history, first world and the civil war, newspaper periodicals, ideology, phenomenon of "the other", Linguistics, oppozitivnost', modalization.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Алефиренко Н. Ф.** – профессор кафедры русского языка и методики преподавания историко-филологического факультета педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук, профессор
- Абдуразаков М. М.** – ведущий научный сотрудник лаборатории дидактики информатики, профессор кафедры информационных технологий Дагестан государственного института народного хозяйства, доктор педагогических наук;
- Аргылов Н. А.** – главный редактор редакции новостей Северо-Восточного федерального университета
- Аткина А. М.** – соискатель кафедры журналистики факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Багана Ж.** – профессор кафедры французского языка факультета иностранных языков Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Варфоломеева М. И.** – доцент кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Виниченко В. М.** – доцент кафедры истории журналистики института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону), кандидат филологических наук, доцент
- Войтик Е. А.** – доцент кафедры телерадиожурналистики факультета журналистики Томского государственного университета, кандидат филологических наук
- Гатилова Н. Н.** – доцент кафедры теологии и религиоведения Курского государственного университета, кандидат педагогических наук
- Горелов А. А.** – заместитель директора по науке Института социализации и образования Российской академии образования (г. Москва), доктор педагогических наук, профессор
- Губина А. И.** – магистрат второго года обучения факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Дзамыхов А. Х.** – заведующий кафедрой математики и методики ее преподавания Карачаево-Черкесского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент
- Добросклонская Т. Г.** – профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук
- Дрога М. А.** – старший преподаватель кафедры русского языка и профессионально-речевой коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Дрыгина Ю. А.** – доцент кафедры теории и практики перевода института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Дубровская Т. В.** – заведующая кафедрой английского языка Пензенского государственного университета, доктор филологических наук, доцент
- Дьячковский С. Н.** – ученый секретарь Ученого совета Северо-Восточного федерального университета, кандидат политических наук

- Жеребненко О. А.** – старший преподаватель кафедры психологии факультета дошкольного, начального и специального образования Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат психологических наук
- Зобнин Ю. В.** – профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, доктор филологических наук
- Иванова В. А.** – старший преподаватель кафедры возрастной и социальной психологии факультета психологии педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат психологических наук
- Калинина Н. А.** – ассистент кафедры второго иностранного языка института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Камышанченко Е. А.** – доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Канищева М. А.** – ассистент кафедры общей и клинической психологии факультета психологии педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Карнаухов В. А.** – доцент кафедры общей и клинической психологии факультета психологии педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат психологических наук
- Карнаухова В. В.** – доцент кафедры русского языка и профессионально-речевой коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Карпухина Т. П.** – профессор кафедры английской филологии Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск), доктор филологических наук
- Климова Ю. А.** – старший преподаватель кафедры русского языка и профессионально-речевой коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Кондаков В. Л.** – профессор кафедры физического воспитания факультета физической культуры педагогического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор педагогических наук, доцент
- Коржевицкая К. Ю.** – магистрант кафедры русского языка и методики преподавания историко-филологического факультета педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Короченский А. П.** – декан факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук, профессор
- Краснова Т. И.** – доцент кафедры речевой коммуникации Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, доктор филологических наук
- Кузнецова Н. В.** – аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск)

- Купина Н.И.** – старший преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Курбанов М. А.** – исполняющий обязанности младшего научного сотрудника Института истории, археологии и этнографии Дагестанского Научного Центра Российской академии наук
- Курганова Е. Б.** – доцент кафедры связей с общественностью факультета журналистики Воронежского государственного университета, кандидат филологических наук
- Литвинова Т. Н.** – доцент кафедры русского языка и профессионально-речевой коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук
- Маматова С. И.** – старший научный сотрудник Научно-практического центра психологических исследований творчества Белгородский государственный институт искусств и культуры
- Матвеев И. А.** – доцент кафедры иностранных языков Института природных ресурсов Томского политехнического университета, кандидат филологических наук
- Машкова Е. В.** – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Меньшиков В. М.** – заведующий кафедрой теологии и религиоведения Курского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор
- Мерин В. Ю.** – доцент кафедры журналистики факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат философских наук
- Михайлова Д. И.** – аспирант кафедры педагогики педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Михеева Т. Б.** – доцент Донского государственного технического университета кандидат педагогических наук
- Мыгаль М. С.** – аспирант факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Невзорова Н. П.** – доцент кафедры русской и зарубежной литературы и методики преподавания историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Никишина В. Б.** – заведующая кафедрой психологии здоровья и коррекционной психологии Курского государственного медицинского университета, доктор психологических наук, профессор
- Перуцкая Т. В.** – доцент кафедры теории и практики перевода Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук, кандидат филологических наук
- Петраш Е. А.** – старший преподаватель кафедры психологии здоровья и коррекционной психологии Курского государственного медицинского университета, кандидат психологических наук
- Плаксина Н. В.** – доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент

- Погожая С. Н.** – старший преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания факультета иностранных языков педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Прохорова О. Н.** – профессор кафедры английского языка и методики преподавания института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Пстыга А.** – профессор Гданьского университета (Польша), заведующая кафедрой восточнославянского языкознания и переводоведения доктор филологических наук
- Поддубный Н. В.** – профессор кафедры психологии факультета дошкольного, начального и специального образования педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук
- Разуваева Т. Н.** – заведующая кафедрой общей и клинической психологии факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Русакова О. Ф.** – заведующая отделом философии института философии и права уральского отделения российской академии наук, доктор политических наук
- Сенюкова О. В.** – старший преподаватель кафедры русского языка и профессионально-речевой коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук
- Синельникова Л. Н.** – заведующая кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета им. Тараса Шевченко, доктор филологических наук, профессор
- Соколова Т. С.** – доцент кафедры русского языка и методики преподавания историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Солдатова Д. Н.** – старший преподаватель кафедры германских языков Военного университета (г. Москва)
- Темирджанова М. А.** – старший преподаватель кафедры математики и методики её преподавания Карачаево-Черкесского государственного университета им. У. Д. Алиева, кандидат педагогических наук
- Тертычный А. А.** – профессор кафедры периодической печати факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук
- Трепак Я. В.** – аспирант кафедры теории преподавания иностранных языков Московского государственного им. М. В. Ломоносова
- Тупейко Д. В.** – аспирант кафедры немецкого и французского языков факультета иностранных языков Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Фуникова С. В.** – старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Хохлова А. Б.** – доцент кафедры теологии и религиоведения Курского государственного университета, кандидат педагогических наук
- Хованская Е. А.** – доцент кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе Орловского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент

- Щуркин В. А.** – ассистент кафедры общей и клинической психологии факультета психологии педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Чурсина В. Н.** – доцент кафедры менеджмента организации института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат социологических наук
- Шеховцева Т. М.** – ассистент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Шевченко Е. М.** – старший преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Шпицына Г. М.** – профессор кафедры русского языка и методики преподавания историко-филологического факультета педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Шитикова Е. В.** – аспирантка кафедры возрастной и социальной психологии факультета психологии педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в двух экземплярах:

1) по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

2) по электронной почте редакторам разделов: «Русская филология» – nagornu@bsu.edu.ru (Нагорный Игорь Анатольевич – заместитель главного редактора); «Романо-германская филология» – prokhorova@bsu.edu.ru (Прохорова Ольга Николаевна – заместитель главного редактора); «Методологические проблемы гуманитарных наук» и «Журналистика и связи с общественностью» – korochensky@bsu.edu.ru (Короченский Александр Петрович – главный редактор); «Педагогика» – Isaev@bsu.edu.ru (Исаев Илья Федорович – заместитель главного редактора); «Психология» – grebneva@bsu.edu.ru (Гребнева Валентина Викторовна – заместитель главного редактора).

Ответственный секретарь серии журнала – vedomosti@nm.ru (Карпенко Ирина Ивановна); сайт журнала: <http://unid.bsu.edu.ru/unid/res/pub/index.php>.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлегией не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГУ» СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология»

В материалы включается следующая информация:

- 1) УДК научной статьи;
- 2) аннотация статьи (не более 1200 знаков);
- 3) ключевые слова;
- 4) сведения об авторах (Ф.И.О., должность с указанием места работы (без сокращений), ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны);
- 5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук);
- 6) текст статьи;
- 7) ссылки.

на русском
и английском
языках

на русском
языке

Технические требования к оформлению текста

1. Текст набирается в Microsoft Word 2000/2003. Лист – А4. Без переносов.

2. Поля:

- правое – 1,5 см;
- левое – 3,0 см;
- нижнее – 2,0 см;
- верхнее – 2,0 см.

3. Шрифт:

- гарнитура: текст – **Georgia**; УДК, название, ФИО автора – **Impact**;
- размер: в тексте – **11 пт**; в таблице – **9 пт**; в названии – **14 пт**.

4. Абзац:

- отступ 1,25 мм, выравнивание – по ширине;
- межстрочный интервал – одинарный.

5. Ссылки:

- номер ссылки размещается в квадратных скобках перед знаком препинания (перед запятой, точкой);

- нумерация – автоматическая, сквозная;

- текст сноски внизу каждой страницы;

- размер шрифта – **10 пт.**

6. Объем статей: до **8 страниц (Georgia, 11 пт).**

7. Формулы набираются в «Редакторе формул» Word, допускается оформление формул только в одну строку, не принимаются формулы, выполненные в виде рисунков, формулы отделяются от текста пустой строкой.

8. Требования к оформлению статей, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи

УДК 808.2-318+802.0-318

**КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ДИХОТОМИЯ
ЗНАКОВ ЯЗЫКА И РЕЧИ¹****Н. Ф. Алефиренко***Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
alefirenko@bsu.edu.ru*

Вопреки принятой в современной лингвистике знаковой теории языка в статье предлагается решение одной из важнейших проблем теоретического языкознания: разграничение знаков языка и знаков речи. Методологической основой такого разграничения служит концепция языка как явления психики и опирается на дихотомию «язык – речь».

Ключевые слова: язык, речь, знак, функции языка и речь, когнитивно-дискурсивная деятельность.

Если исходить из основного положения дихотомии языка и речи, утверждающего, что единицы речи объективируют (реализуют) единицы языка, будет уместно, как мне представляется, использовать данную аксиому во благо развития современной лингвосомиотической теории. Кстати, не лишним было бы упомянуть, что, пожалуй, впервые идею о целесообразности различения знаков языка и знаков речи высказал Ф.Ф. Фортунатов...

COGNITIVE-DISCURSIVE DICHOTOMY OF LANGUAGE AND SPEECH SIGNS**N. F. Alefirenko***Belgorod National
Research University**e-mail: alefirenko@bsu.edu.ru*

Contrary to the present-day sign theory in linguistics in the article it's proposed a solution for one of the principal issues of theoretical linguistics: distinction between language signs and speech signs. Methodologically this distinction is based on the assumption that language is a mental phenomenon and it is rested upon language/speech dichotomy.

Keywords: language, speech, sign, language and speech functions, cognitive-discursive activity.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**Алефиренко Н.Ф.**

– профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук.

¹ Работа выполнена в рамках научной программы внутривузовского гранта БелГУ.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на двух страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская обл.	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская обл.	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Продолжение той же таблицы, расположенной на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и подрисуночную подпись, расположенные ниже рисунка и отцентрированные.

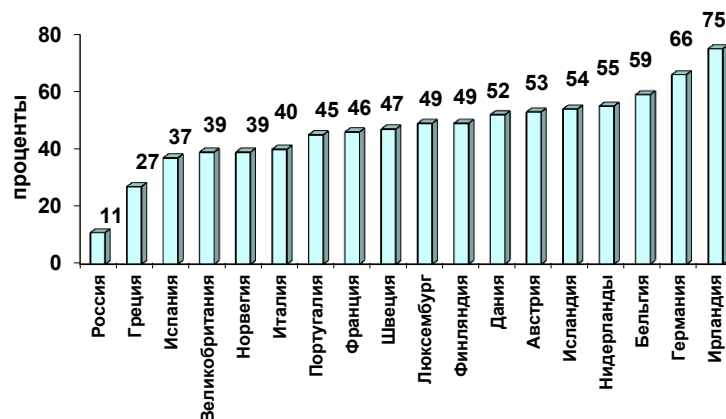

Рис. 1. Уровень активности медиапотребителей в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

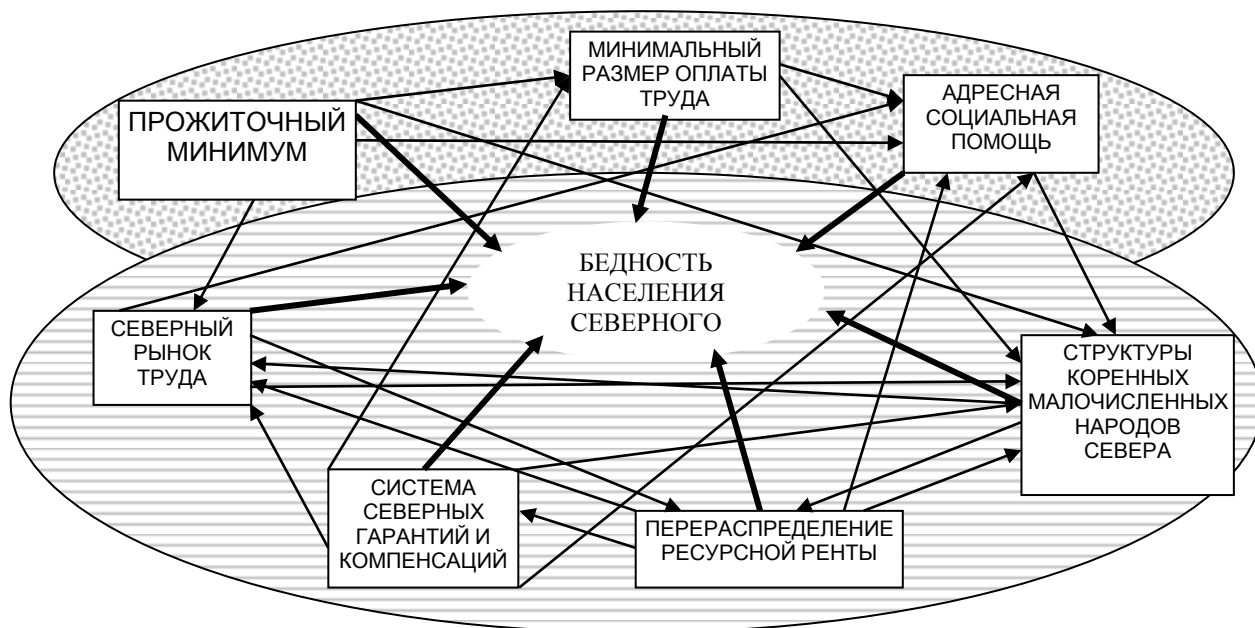

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.